

LITTERA SCRIPTA
MANET

НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

Scopus®

Clarivate
Web of Science™

OPEN
ACCESS

We are
Crossref
Member

НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ
БИБЛИОТЕКА
eLIBRARY.RU
РИНЦ

DOAJ

NSD ERIH PLUS
EUROPEAN REFERENCE FRAME FOR THE
EVALUATION OF AND QUALITY SCIENTIFIC

Dimensions

Google
scholar

CYBERLENINKA

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

ISSN 2225-756X (Print)
ISSN 2227-1295 (Online)

НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ
Том 13, выпуск 9, 2024

NAUCHNYI DIALOG
Volume 13, Issue 9, 2024

НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

Том 13, выпуск 9, 2024

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендуемых ВАК

ISSN	2225-756X (Print), ISSN 2227-1295 (Online)
Свидетельство о регистрации	ПИ № ФС 77-86214 от 27.10.2023 г., Роскомнадзор
DOI:	10.24224
Год основания	2012
Периодичность	10 раз в год
Представление в каталогах, индексирование	<ul style="list-style-type: none"> • WoS (Emerging Sources Citation Index) • Scopus • DOAJ • ERIN PLUS • Российский индекс научного цитирования – РИНЦ • КиберЛенинка
Подписной индекс	29255, Объединенный каталог «Пресса России»
Адрес редакции	620135, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 43, оф. 57
Телефон редакции	8(343)3458984
E-mail редакции	nauka-dialog@mail.ru
Учредитель / Издатель	ООО «Центр научных и образовательных проектов»
Электронный адрес издателя	http://www.nauka-dialog.ru/
Адрес издателя	620135, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 43, к. 57
E-mail издателя	enior@bk.ru
Типография	ООО «Издательский Дом «Ажур». 620075, г. Екатеринбург, ул. Восточная, 54. Тел. (343) 350-78-28, 350-78-49.
Тираж	500 экземпляров

СТАТИСТИКА ВЫПУСКА

География авторов выпуска	Брянск	Москва
	Ванадзор (Армения)	Нальчик
	Владикавказ	Нижний Новгород
	Волгоград	Новосибирск
	Екатеринбург	Омск
	Ереван (Армения)	Пенза
	Кемерово	Санкт-Петербург
		Тамбов
		Тюмень
	Чита	
Авторы, имеющие ученую степень	90 %	

Nauchnyi dialog
(Naučnyj dialog = Nauchnyy dialog = Scientific Dialogue = ND)

Volume 13, Issue 9, 2024

ISSN	ISSN 2225-756X (Print), ISSN 2227-1295 (Online) Key title: Naučnyj dialog, Abbreviated key title: Naučn. dialog
Creative Commons	Attribution license 4.0 International (CC BY 4.0)
Mass Media Registration Certificate (by Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications)	PI № FS 77-86214 of 27.10.2023
DOI:	10.24224
Subscription Code	29255, Union Catalog “Pressa Rossii” (Russian Press)
Coverage	Russian Federation, foreign countries
Publication Frequency	10 issues per year
Publisher	Centr naučnyh i obrazovatel'nyh proektov, 620135, Yekaterinburg, Kosmonavtov Ave., 43, fl. 57
Presence in Citation Bases, indexation	<ul style="list-style-type: none"> • WoS (Emerging Sources Citation Index) • Scopus • DOAJ • ERIH PLUS • Science Index (Rus) • CyberLeninka
Text Presentation Form	<ul style="list-style-type: none"> • Science Index (Rus) — All published articles are public-ly available for reading and citing on the journal’s web-site and in the National E-Library • CyberLeninka
Printing house	<ul style="list-style-type: none"> • LLC Publishing House Azhur. 620075, Yekaterinburg, st. Vostochnaya, 54. Tel. (343) 350-78-28, 350-78-49.
Circulation	<ul style="list-style-type: none"> • 500 copies
Reviewing	All manuscripts submitted to the editorial office are to be reviewed

© LLC Center for Scientific and Educational Projects, 2024

Тематика журнала «Научный диалог»: Россия и мир в диалоге

- ✓ Русский мир: язык, литература, фольклор, история
- ✓ История зарубежья глазами русских исследователей
- ✓ Русский мир в окружении других культур: сопоставительные исследования
- ✓ Медиакommunikации и журналистика: мир без границ
- ✓ Теория и методология исследований языка и литературы как пространство диалога разных научных традиций

Главный редактор: Татьяна Валерьевна Леонтьева, доктор филологических наук, заведующая кафедрой, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Россия, Екатеринбург)

Ответственный секретарь: Анна Викторовна Щетинина, кандидат филологических наук, доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Россия, Екатеринбург)

Английский перевод метаданных: Ирина Владимировна Волгина, Doctor of Philosophy (in Pedagogic), доцент, Уральский государственный медицинский университет (Россия, Екатеринбург)

Редакционная коллегия

Анна Викторовна Щетинина, кандидат филологических наук, доцент (Россия, Екатеринбург)

Александр Геннадиевич Нестеров, доктор исторических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)

Сергей Николаевич Пяткин, доктор филологических наук, профессор (Россия, Арзамас)

Алессандро Витале, доктор наук, профессор (Италия, Милан)

Мария Кирилова Китанова-Маркова, доктор филологических наук, профессор (Болгария, София)

Рафаэль Гусман Тирадо, доктор филологических наук, профессор (Испания, Гранада)

Татьяна Владимировна Гусейнова, доктор педагогических наук, профессор (Таджикистан, Душанбе)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Языкознание. Медиакommunikации. Журналистика

Александр Константинович Киклевич, доктор филологических наук, профессор (Польша, Ольштын)

Андреана Борисова Ефтимова, доктор наук, профессор (Болгария, София)

Арто Мустайоки, доктор философии (русский язык), профессор (Финляндия, Хельсинки)

Биляна Марич, доктор филологических наук, доцент (Сербия, Белград)

Евгения Викторовна Терехова, доктор филологических наук, профессор (Россия, Владивосток)

Мария Кирилова Китанова-Маркова, доктор филологических наук, профессор (Болгария, София)

Нина Марковна Разинкина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Москва)

Рафаэль Гусман Тирадо, доктор филологических наук, профессор (Испания, Гранада)

Ренате Ратмайр, доктор филологических наук, профессор (Австрия, Вена)

Татьяна Геннадьевна Никитина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Псков)

Тимур Беньяминович Радбиль, доктор филологических наук, профессор (Россия, Нижний Новгород)

Литературоведение. Фольклористика

Сергей Николаевич Пяткин, доктор филологических наук, профессор (Россия, Арзамас)

Александр Самуилович Кацев, доктор филологических наук, профессор (Кыргызская Республика, Бишкек)

Алексей Валериевич Юдин, кандидат филологических наук, профессор (Бельгия, Гент)

Иво Поспишил, доктор наук (Чешская Республика, Брно)

Ирина Леонардовна Савкина, доктор философии (Финляндия, Тампере)

Ольга Юрьевна Осьмухина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Саранск)

Татьяна Алексеевна Савоскина, кандидат филологических наук, доцент (Украина, Измаил)

Татьяна Васильевна Володина, доктор наук, доцент (Беларусь, Минск)

Исторические науки

Александр Геннадиевич Нестеров, доктор исторических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)

Алессандро Витале, доктор наук, профессор (Италия, Милан)

Альбина Советовна Жанбосинова, доктор исторических наук, профессор (Казахстан, Астана)

Иван Иванович Думиика, доктор исторических наук (Молдова, Кишинев)

Ирина Ромуальдовна Чикалова, доктор исторических наук, профессор (Беларусь, Минск)

Юрий Дмитриевич Анчабадзе, доктор исторических наук, профессор (Россия, Москва)

Editor-in-Chief: Tatyana V. Leontyeva, Doctor of Philology, Head of the Department of Mass Communication Languages, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Russia, Yekaterinburg)

Responsible secretary: Anna V. Shchetinina, PhD in Philology, associate professor, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Russia, Yekaterinburg)

English translation: Irina V. Volgina, Doctor of Philosophy (in Pedagogic), associate professor, Urals State Medical University (Russia, Yekaterinburg)

EDITORIAL BOARD

Alessandro Vitale, Doctor of Science, professor (Italy, Milan)

Alexandr G. Nesterov, Doctor of History, professor (Russia, Yekaterinburg)

Anna V. Shchetinina, PhD in Philology, associate professor (Russia, Yekaterinburg)

Marija K. Kitanova-Markova, Doctor of Philology, associate professor (Bulgaria, Sofia)

Rafael G. Tirado, Doctor of Philology, professor (Spain, Granada)

Sergey N. Pyatkin, Doctor of Philology, professor (Russia, Arzamas)

Tatyana V. Guseynova, Doctor of Education, professor (Tajikistan, Dushanbe)

EDITORIAL COUNCIL

LINGUISTICS. MEDIA COMMUNICATIONS. JOURNALISM

Aleksander Kiklewicz, Doctor of Philology, associate professor (Poland, Olsztyn)

Andreana B. Eftimova, Doctor of Philology, professor (Bulgaria, Sofia)

Arto Mustajoki, Doctor of Philosophy (Russian), associate professor (Finland, Helsinki)

Biljana Marič, Doctor of Philology, associate professor (Serbia, Belgrad)

Evgeniya V. Terekhova, Doctor of Philology, professor (Russia, Vladivostok)

Marija K. Kitanova-Markova, Doctor of Philology, professor (Bulgaria, Sofia)

Nina M. Razinkina, Doctor of Philology, professor (Russia, Moscow)

Rafael G. Tirado, Doctor of Philology, professor (Spain, Granada)

Renate Rathmayr, Doctor of Philology, professor (Austria, Vienna)

Tatyana G. Nikitina, Doctor of Philology, professor (Russia, Pskov)

Timur B. Radbil, Doctor of Philology, professor (Russia, Nizhny Novgorod)

LITERARY STUDIES. FOLKLORE

Sergey N. Pyatkin, Doctor of Philology, professor (Russia, Arzamas)

Aleksandr S. Katsev, Doctor of Philology, professor (Kyrgyz Republic, Bishkek)

Aleksey V. Yudin, Ph.D. in Philology, professor (Belgium, Ghent)

Irina L. Savkina, Doctor of Philosophy, professor (Finland, Tampere)

Ivo Pospíšil, Doctor of Philology, professor (Чешская Республика, Брно (Czech Republic, Brno))

Olga Yu. Osmukhina, Doctor of Philology, professor (Russia, Saransk)

Tatyana A. Savoskina, PhD in Philology, associate professor (Ukraine, Izmail)

Tatsiana V. Valodzina, Doctor of Philology, associate professor (Belarus, Minsk)

HISTORY

Alessandro Vitale, Doctor of Science, professor (Italy, Milan)

Alexandr G. Nesterov, Doctor of History, professor (Russia, Yekaterinburg)

Albina S. Zhanbosinova, Doctor of History, professor (Kazakhstan, Astana)

Ivan I. Dumnică, Doctor of History (Moldova, Kishinev)

Irina R. Chikalova Doctor of History, professor (Belarus, Minsk)

Yuri D. Anchabadze, Doctor of History, professor (Russia, Moscow)

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Бижоев Б. Ч., Хелсева М. Р.</i> Типы множеств и способы их репрезентации в кабардино-черкесском языке	9
<i>Биткеева А. Н., Горячева М. А., Кириленко С. В.</i> Функциональная дистрибуция чеченского языка в Чеченской Республике (материалы полевого исследования 2022—2023 годов)	29
<i>Голомидова М. В.</i> Северная «мозаика» : территориальная идентичность в топонимии северных городов Уральского федерального округа	56
<i>Комогорцева С. В., Игнатович Т. Ю.</i> Реконструкция языкового портрета забайкальского военного чиновника XVIII века по данным региональных документов	72
<i>Кузнецова Н. В., Почтарёва О. В.</i> Коннектор структуры «А + маркер генерализации» : семантика и текстовая роль	90
<i>Мельгунова А. В.</i> Функции словосложения в переводе романа В. Набокова «Король, дама, валет» на немецкий язык (на материале сопоставления с русскоязычной и англоязычной версиями)	110
<i>Палашевская И. В.</i> Язык и ценности культуры : ультралиберальные трансформации	129
<i>Рабенко Т. Г., Денисова Э. С., Чардынцева А. Д.</i> Коммуникативно-прагматические свойства обращения в виртуальном педагогическом дискурсе (на материале школьных чатов)	149
<i>У Цюаньмин, Горбань О. А.</i> Русские фразеологизмы с зоонимическим компонентом : аспекты комплексного описания (на примере оборотов с зоонимом волк) ..	169

МЕДИАКОММУНИКАЦИИ И ЖУРНАЛИСТИКА

<i>Игаева К. В., Николаи Ф. В.</i> Медиатизация коммуникативной памяти и кризис критического мышления в цифровую эпоху	189
<i>Менещиян А. Р., Мартиросян Н. Н., Даниелян Т. Р.</i> Конвертация эпических произведений в медиатекст-мультфильм (на примере мультфильма «Сасунские удалцы»)	206
<i>Радионцева Е. С.</i> Инженерия медиатекстов с высоким диалоговым потенциалом	221

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА

<i>Жданов С. С.</i> Травестийная городская Малороссия в травелогe «Славны бубны за горами, или путешествие мое кое-куда 1810 года» И. М. Долгорукого	239
<i>Тимакова А. А.</i> От античности к Возрождению : поэтический перевод на страницах «Русского вестника»	269

Томберг О. В., Косарева А. А. Арлекинадный гротеск в романе Раймона Кено «Мой друг Пьеро» (1942)	288
Филатов А. В. Трансформация образа звездного неба в художественных и эго-документальных текстах Н. С. Гумилева периода Первой мировой войны	303

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Антохова Е. А., Алферова И. В. Отставка министра иностранных дел С. Д. Сазонова в контексте публичной дипломатии периода Первой Мировой Войны	320
Ахмадуллин В. В. Эволюция системы начального и среднего образования в Саудовском государстве (начало XX — XXI век)	341
Воробьева Э. А. Конструирование и визуализация образа врага в России в период Русско-японской войны 1904—1905 годов	355
Дарчиева С. В. Выборы во Всероссийское учредительное собрание в Терской области : март — декабрь 1917 года.....	379
Запартый В. В., Зайцева Е. В. Помощь Урала в восстановлении народного хозяйства Белоруссии в 1944—1950-е годы	399
Куликов С. В. «Пути монаршего милосердия»: судебные полномочия монарха и конституционная реформа 1906 года	418
Лахтионова Е. С. Проект Музея истории науки и техники в Челябинске как способ сохранения индустриального наследия на Урале в 1980-е годы.....	440
Науменкова Е. О. Повышение социальной активности женщин в Великобритании в 1890-е годы как один из аспектов женского движения	460
Самохин К. В. Убийство Александра II в делах об оскорблении Величества (на материалах Тамбовской губернии).....	480
Сидоренко Л. В. Георг III против Американской революции : лидер контрреволюции или защитник британской конституции?	500
Тумов А. А. Субнациональное президентство в 1990-е годы в России : трансформация статуса главы Кабардино-Балкарии	520
АВТОРАМ.....	542
CONTENTS.....	547

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

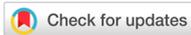
LINGUISTICS

Айса Николаевна Биткеева, д-р филол. наук (Москва)
Алена Дмитриевна Чардынцева, аспирант (Кемерово)
Анна Владиславовна Мельгунова, канд. филол. наук (Санкт-Петербург)
Борис Чамалович Бижоев, д-р филол. наук (Нальчик)
Ирина Владимировна Палашевская, д-р филол. наук (Волгоград)
Марина Васильевна Голомидова, д-р филол. наук (Екатеринбург)
Мария Александровна Горячева, канд. филол. наук (Москва)
Марьяна Рашадовна Хежева, канд. филол. наук (Нальчик)
Наталья Владимировна Кузнецова, канд. филол. наук (Тюмень)
Оксана Анатольевна Горбань, д-р филол. наук (Волгоград)
Ольга Викторовна Почтарёва, канд. филол. наук (Тюмень)
Светлана Владимировна Кириленко, канд. филол. наук (Москва)
Светлана Владимировна Комогорцева, аспирант (Чита)
Татьяна Геннадьевна Рабенко, д-р филол. наук (Кемерово)
Татьяна Юрьевна Игнатович, д-р филол. наук (Чита)
У Цюаньмин, соискатель (Волгоград)
Эльвира Степановна Денисова, канд. филол. наук (Кемерово)

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(9), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Бижоев Б. Ч. Типы множеств и способы их репрезентации в кабардино-черкесском языке / Б. Ч. Бижоев, М. Р. Хежева // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 9. — С. 9—28. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-9-9-28.

Bizhoviev, B. Ch., Khezheva, M. R. (2024). Types of Plurality and Their Representation in Kabardian-Circassian Language. *Nauchnyi dialog*, 13 (9): 9-28. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-9-9-28. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Типы множеств и способы их репрезентации в кабардино-черкесском языке

Бижоев Борис Чамалович
orcid.org/0000-0001-8193-7126
доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник сектора
кабардино-черкесского языка
bizhoviev1952@mail.ru

Хежева Марьяна Рашадовна
orcid.org/0000-0002-9568-7751
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник сектора
кабардино-черкесского языка,
корреспондирующий автор
maryana.khezheva@yandex.ru

Кабардино-Балкарский
научный центр
Российской академии наук
(Нальчик, Россия)

Types of Plurality and Their Representation in Kabardian-Circassian Language

Boris Ch. Bizhoviev
orcid.org/0000-0001-8193-7126
Doctor of Philology,
leading research scientist, Department
of Kabardino-Circassian Language
bizhoviev1952@mail.ru

Maryana R. Khezheva
orcid.org/0000-0002-9568-7751
PhD in Philology,
senior research scientist, Department
of Kabardino-Circassian Language,
corresponding author
maryana.khezheva@yandex.ru

Kabardian-Balkarian Scientific Center
of the Russian Academy of Sciences
(Nalchik, Russia)

© Бижоев Б. Ч., Хежева М. Р., 2024

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Проведено исследование способов и средств репрезентации семантики множественности в кабардино-черкесском языке. Выявлены, систематизированы и охарактеризованы аффиксальные, лексические, фразеологические средства реализации семантики конкретного, неопределенного, приблизительного, тотального, собирательного, репрезентативного множества в адыгском языковом сознании. Отмечено, что из всех перечисленных типов множеств большей изученностью в кабардино-черкесском языке отличается семантика репрезентативного множества. Доказано, что квантитативы с семантикой всеобщности кабардино-черкесского языка могут выражать как дискретное, так и недискретное множества. Научная новизна исследования видится в том, что впервые в адыгском языкознании предпринят опыт систематизации различных способов репрезентации семантики множества во всех ярусах языковой системы. Установлено, что большим разнообразием отличается репрезентация семантики неточных множеств. Например, показано, что в устойчивых выражениях и паремнологическом пласте языка нумеративы теряют свое конкретно-количественное значение и служат репрезентантами неопределенного множества. Исследование фразеологических единиц показало, что в адыгской языковой картине мира семантика множественности часто реализуется при функциональном участии энтомосемизмов. Полученные результаты могут быть использованы в изучении проблем языкового выражения семантики количественности.

Ключевые слова:

семантика количества; квантитатив; числительное; семантика множества; адыги; кабардино-черкесский язык.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study investigates the methods and means of representing the semantics of plurality in the Kabardian–Circassian language. Affixal, lexical, and phraseological resources for expressing specific, indefinite, approximate, total, collective, and representative plurality within the Adyghe linguistic consciousness have been identified, systematized, and characterized. It is noted that among all the mentioned types of plurality, the semantics of representative plurality is the most extensively studied in the Kabardian–Circassian language. The research demonstrates that quantifiers with universal semantics in Kabardian–Circassian can express both discrete and non-discrete pluralities. The scientific novelty of this research lies in the fact that it is the first attempt in Adyghe linguistics to systematically categorize various ways of representing the semantics of plurality across all levels of the linguistic system. It has been established that the representation of imprecise pluralities exhibits considerable diversity. For instance, it is shown that in fixed expressions and the phraseological layer of the language, numeratives lose their specific quantitative meaning and serve as representatives of indefinite plurality. The investigation of phraseological units reveals that in the Adyghe worldview, the semantics of plurality is often realized through the functional involvement of entomosemisms. The findings can be applied to the study of issues related to linguistic expression of quantity semantics.

Key words:

semantics of quantity; quantifier; numeral; semantics of plurality; Adyghe; Kabardian–Circassian language.

УДК 811.352.3'37+811.161.1'37

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-9-9-28

Научная специальность ВАК

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

Типы множеств и способы их репрезентации в кабардино-черкесском языке

© Бижоев Б. Ч., Хежева М. Р., 2024

1. Введение = Introduction

Изучение реализации идеи количественности в языке является одной из актуальных проблем современной лингвистической науки. С точки зрения развития человеческого мышления формирование понятийной категории качества рассматривается как начальный этап познавательной деятельности человека, который предшествует этапу формирования категории количества [Федяева, 2016, с. 74]. Множество является одним из самых сложных понятий математики, философии, логики, лингвистики. В лингвистических изысканиях поле множественности представляет собой микрополе, которое наряду с микрополем единичности входит в общее макрополе числа [Гулыга и др., 1969, с. 19]. В математической логике множество — это набор, совокупность, собрание каких-либо объектов, названных его элементами, обладающих общим для них всех свойством [Войцеховский, 1982, с. 762]. Множество возникает путем объединения отдельных предметов (вещей) в единое целое, то есть множественность мыслится как единство [Хаусдорф, 1937, с. 9]. Основной оппозицией в теории множеств является противопоставление конечного (закрытого) и бесконечного (открытого) множества. Как особый тип выделяется универсальное множество — такое, которое содержит все элементы с определенным свойством [Румянцева, 2009, с. 19]. Четким множествам математики противопоставлены нечеткие, или лингвистические множества, включающие в себя такие объекты, которые могут быть отнесены к тому или иному множеству лишь с определенной степенью достоверности [Пиотровский и др., 1977, с. 12]. Целесообразность использования для описания естественной языковой квантификации именно расширенного понимания множества А. Д. Шмелев связывает с тем, что в языке количественной оценке подвергаются не только множества, состоящие из отдельных элементов, но и неисчислимы совокупности [Шмелев, 2002, с. 82]. Все виды множеств репрезентируются средствами языка. Анализ языковых средств выражения количественных смыслов показывает, что «сегментирование окружа-

ющей действительности с точки зрения количественности представляет сложный когнитивный процесс» [Кулькова, 2010, с. 76]. По справедливому утверждению А. А. Холодовича, множество противостоит единичности и является исключительно многообразным по своему составу и по своей структуре [Холодович, 1979, с. 174—179]. В адыгской лингвистической науке достаточно хорошо изучены особенности грамматической формы числа, состав и словообразование лексем, употребляющихся только в единственном или же только во множественном числе. Несмотря на то, что имеются спорные моменты в отношении выделения разрядов числительных, в целом можно считать, что грамматика числительных изучена основательно. Также исследовались особенности репрезентации семантики количественности в адыгской лингвокультуре, анализировались фразеологизмы с количественной семантикой. Однако категория количества, способы языкового выражения семантики множества, малого количества относятся к наименее изученным областям.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Целью исследования стало выявление основных способов репрезентации семантики множества в кабардино-черкесском языке.

Теоретической базой исследования послужили труды, посвященные проблеме числа [Арутюнова, 2005], некоторым вопросам грамматики и лексики кабардино-черкесского языка [Бижоев 2005; Грамматика ..., 1970; Коков, 2006; Ногмов, 2020; Турчанинов и др., 1940; Урусов, 2001; Хежева, 2023], фразеологическим единицам кабардино-черкесского языка со значением количества и времени [Кумыкова, 2006], параметрам количественной оценки в естественном языке, способам выражения идеи количественности, множественности в лингвистике [Бирюкова, 2006; Гулыга и др., 1969; Крылов, 2005; Кулькова, 2010; Румянцева, 2009; Супрун, 1996; Холодович, 1979; Шмелев, 2002; Шмелев, 2005], качественно-количественной семантике [Федяева, 2016], репрезентации идеи всеобщности [Падучева, 1989], адыгской мифологии [Мижаев и др., 2012], математической теории множеств, математической лингвистике [Войцеховский, 1982; Хаусдорф, 1937; Пиотровский и др., 1977]. **Материалом исследования** послужили языковые единицы с семантикой собирательности, приблизительного, репрезентативного, тотального множества, разнородного множества, извлеченные из основных лексикографических трудов по кабардино-черкесскому языку [БРКЧС; Емузов, 1976; Карданов, 1968; КРС; КЧРС; СКЧЯ], произведений адыгских авторов [Дударов, 1992; Керашев, 1986; Керефов, 2009; Мафедзев, 1992; Мафедзев, 1995; Теунов, 1979; Теунов, 1980; Шехихачев, 2000; Шортанов, 2016], а также фольклорных трудов [КП; СР]. Широко использовались

собственные примеры авторов. Выбор **методов исследования** обусловлен целью исследования. Для отбора иллюстративного материала применялся метод сплошной выборки лексических единиц и устойчивых выражений из различных словарей кабардино-черкесского языка по критерию наличия семантики множественности. Для классификации и систематизации языковых единиц использовался описательно-аналитический метод. Метод контекстуального анализа привлекался для выявления особенностей семантики лексем с количественным значением в контексте.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Конкретное множество

Числительные являются ядром языковой количественности. Точная квантификация выражается нумеративными конструкциями (то есть конструкциями с числительными) [Крылов, 2005, с. 50]. В кабардино-черкесском языке все числительные, кроме количественного числительного *зы* ‘один’ и его дериватов, выражают идею множественности. По справедливому замечанию Н. Д. Арутюновой, *один* образует своего рода рубеж между нулем и множеством. При одном отрицании — *не один* — подразумевается число большее, чем единица [Арутюнова, 2005, с. 14]. Этноспецифической особенностью кабардино-черкесского языка является то, что большинство именных частей речи могут выступать в качестве сказуемого, оформляясь при этом суффиксами отрицания и утверждения, характерными для глаголов. Суффикс отрицания *-къым* способен сочетаться со сказуемым в индикативе, выраженным практически всеми частями речи. Так, в современном кабардино-черкесском языке сочетание количественного числительного *зы* ‘один’ с суффиксом отрицания *-къым* включает в себе семантику множественности: *уэ зыракъым зэлуцIэм къэкIуар* ‘на собрание пришел **не ты один**’ (здесь и далее перевод примеров наш. — Б. Б., М. Х.). Конкретное, определенное множество выражается в адыгском языковом сознании определенно-количественными числительными, подразделяющимися в современном кабардино-черкесском языке на **простые** (состоящие из одного корня) — *зы* ‘один’, *тлу* ‘два’, *щы* ‘три’, *мин* ‘тысяча’, *мелуан* ‘миллион’; **сложные** (состоящие из двух корней) — *пщыкIуэ* ‘одиннадцать’, *хыщI* ‘шестьдесят’, *блщI* ‘семьдесят’; **составные** (состоящие из двух и более слов, соединенные союзом *-рэ, рэ*) — *плыщIрэ* *тхурэ* ‘сорок пять’, *хыщIрэ* *блырэ* ‘шестьдесят семь’, *щитIрэ* *бгъуцIрэ* *блырэ* ‘двести девяносто семь’.

Имена существительные кабардино-черкесского языка имеют союзные формы, посредством которых осуществляется связь между двумя или

несколькими словами [Грамматика ..., 1970, с. 76]. При функциональном участии союзных суффиксов *-и / -и* и *-рэ / -рэ* может выражаться семантика конкретного множества, то есть такого, которое состоит из точного количества лиц или предметов. К примеру: *Мухьэмэди, Мурати, Аслъэни къэкьуащ* // ‘Пришли и Мухамед, и Мурат, и Аслан’; *Мухьэмэдрэ Муратрэ къэкьуащ* // ‘Пришли Мухамед и Мурат’.

Семантика конкретного малого множества (больше чем один) выражается при помощи префикса *зэ-*, например: *зэдэпсэун* ‘жить вместе’ [СКЧЯ, с. 200]. *Мазихьым нэсауэ Муратрэ Зейнабрэ зэгурьуэу, зэдэуэжу, ялэр зэдашхьу, ямылэр къызэралэжьыным хуцлэкуу, зэдопсэу* // ‘Вот уже шесть месяцев Мурат и Зейнаб живут вместе в дружбе и согласии, едят вместе то, что заработали, то, чего не хватает, стараются заработать’ [Теунов, 1980, с. 386]. Эквивалентную семантику взаимно-возвратный префикс *зэ-* имеет и в сложных именах существительных: *зэдэзэкуэ* ‘отец и сын’ [СКЧЯ, с. 187], *зэ-нэзтхьу* ‘мать и дочь’ [Там же, с. 187], *зэлзэфыз* ‘муж и жена, супруги’ [Там же, с. 214]. Наличие суффикса множественного числа *-хэ* в подобных словах вносит в значение слова семантику неопределенного множества: *зэанэзпхьухэр* ‘мать и дочери’ (то есть мать и неопределенное множество дочерей).

3.2. Неточные множества

3.2.1. Семантика неопределенного множества

Противопоставление единичности и множественности для многих языков становится одним из главных в становлении и современной семантической характеристике категории грамматического числа [Супрун, 1996, с. 167]. Форма множественного числа существительных выражает традиционно приписываемое ей значение ‘больше, чем один’ [Бирюкова, 2006, с. 113]. Доминантным выразителем семантики неопределенного однородного множества в современном кабардино-черкесском языке является грамматическая форма множественного числа, выраженная суффиксом *-хэ*, который присоединяется к основе большинства именных частей речи и глагольно-именных форм. В большинстве случаев все именные части речи и глагольно-именные формы во множественном числе оформляются суффиксами определенности *-р*, *-м*, например: *унэ* ‘дом’ — *унэхэр* ‘дома’, *унэхэм* ‘домам’, *дахэ* ‘красивый’ — *дахэхэр* ‘красивые’, *дахэхэм* ‘красивым’, *лажьэр* ‘работающий’ — *лажьэхэр* ‘работающие’, *лажьэхэм* ‘работающим’. Грамматическая форма числа у глагола отражает не количество действия, а число участников действия, то есть грамматическая форма числа глагола дублирует количественное значение, представленное существительным или местоимением [Кумыкова, 2006, с. 55]. К примеру: *Хьэцлэхэр зыпльыхьаклуэ ежьахэц* = *Хьэцлэхэр зыпльыхьаклуэ ежьащ* // ‘Гости отравились в лес разветвляясь’.

От именных основ при помощи суффикса *-лъэ* образуются лексемы со значением излишнего количества, обилия чего-нибудь, например: *удзылъэ* ‘место с обильным травостоем’ [СКЧЯ, с. 654].

Семантика неопределенного множества в современном кабардино-черкесском языке передается при помощи лексем *зыбжанэ* ‘множество’ [КРС, с. 131], *зыкьом* ‘несколько’ [Там же, с. 136], *куэд* ‘много’ [Там же, с. 159], *Иэджэ* ‘много, многие’ [Там же, с. 468]. Ввиду наличия количественной семантики некоторые исследователи относят данную группу слов к неопределенно-количественным числительным [Урусов, 2001, с. 133, Хежева, 2023, с. 152]. Лексемы *мин* ‘тысяча’ и *мелуан* ‘миллион’ являются заимствованиями в кабардино-черкесском языке. В зависимости от контекста они могут выражать как определенное, так и неопределенное множество: *Бжьыхьэ жэщэ цыэрэ минци* (*Куэдрэ зызэрехъуэкI, жыхуиIэци*) [КП, с. 99] ‘Осенняя ночь много раз меняется’ (букв.: осенняя ночь — это сотня и тысяча). Определенно-количественные числительные в исследуемом языке могут служить показателями неопределенного множества: *Щыгъынибгъу* (*цыгъын* ‘одежда’ + *бгъу* ‘девять’) *нэхърэ теубгъуэн* (*Щыгъын куэд уиIэ нэхърэ теIэниIэIэлын жыхуиIэци*) [Там же, с. 59] // ‘Лучше одно покрывало, чем много одежды’ (букв.: Лучше покрывало (или постельные принадлежности), чем девять одежд).

Семантика неопределенного множества в кабардино-черкесском языке заложена в некоторых прилагательных и производных от них наречиях: *Бэв* ‘богатый, обильный’ — *бэву* ‘богато, обильно’ [СКЧЯ, с. 34], *берычэт* ‘обильный, богатый, с достатком’ — *берычэту* ‘богато, обильно’ [Там же, с. 43], *гъунэж* ‘множество’ — *гъунэжу* ‘во множестве’ [Там же, с. 105], *пэрыхъэт* ‘изобильный’ — *пэрыхъэту* ‘в изобилии, с избытком’ [Там же, с. 555].

Сема неопределенной множественности присутствует во всех сложных словах, содержащих корень *бэ* ‘большое количество, множество чего-либо, масса’: *Лъабжьабэ* ‘имеющий множество корней’ [СКЧЯ, с. 489], *быныбэ* ‘многолетний’ [Там же, с. 54], *зэшыбэ* ‘множество братьев’ [Там же, с. 260], *цыхубэ* ‘масса, скопление людей, народ, основная трудовая масса страны’ [Там же, с. 751].

Часто семантика неопределенно-большого количества в адыгской языковой картине мира реализуется устойчивыми выражениями с энтомосемизмами: *МацIэ бын* ‘свора голодных детей, прожорливая многочисленная семья (букв.: семья саранчи)’ [Карданов, 1968, с. 170]; *Бжэзм хуэдэу ещIын* ‘налететь, словно рой пчел’: *Мыр слю, зым псори бжэзм хуэдэу ещIащ*, *модрейр зейниэ нэхъей и закъуэ щытци* [Мафедзев, 1992, с. 78] //

‘Что это такое: на одного все налетели словно рой пчел, а другой словно сирота стоит один’; *ХьэпIацIэм хуэдэн* ‘множество’, ‘словно насекомые’: *Дынэсмэ (утыкуишхуэм), цIыхур хьэпIацIэм хуэдэиц, телъыджэ къащыхъуа гуэр ягъэцIагъуэри зэхэтиц* [Керефов, 2009, с. 500] // ‘Доходим до площади и видим, что людей очень много (букв.: людей много, словно насекомых), стоят и удивляются’.

Семантика бесконечного множества реализуется в языке устойчивыми словосочетаниями *бжыгъэ имыIэн, икъужIэ куэду, сым хуэдиз ухуейми; = гъуни нэзи иIэкъым* ‘много, сколько угодно; ни конца, ни края не видно’ [Емузов, 1976, с. 253].

Бесчисленность, количество, выходящее за грань желаемого, часто приобретает негативную семантику. Семантика излишества, существования в большом количестве реализуется устойчивым выражением: *Хьэм уеуэмэ, абы ятохуэ* ‘ударить собаку, попадешь в них’ (о тех, кого много) [Карданов, 1968, с. 273].

Семантика разнородного неопределенного множества репрезентируется устойчивыми выражениями с составным компонентом *IэшырыI* ‘молочный суп из семи злаков и вяленого мяса жертвенного барана, варится через месяц после праздника мусульманского жертвоприношения Курбан-байрам’ [Мижаяев и др., 2012, с. 449]. В современном кабардино-черкесском языке этнолексема (слово, обозначающее этнокультурно маркированную специфическую реалию) *IэшырыI* употребляется в значении ‘разнородная смесь’ [КЧРС, с. 642]: *Адыгэ IэшырыIыуэ зэхэвэжациц* // ‘Все смешалось, все перепуталось’; *Мес, яхэплъэ, псори зэхэтишхъуэжациц, адыгэ IэшырыIыуэ зэхэвэжациц* [Шортанов, 2016, с. 881] // ‘Вот, смотри, все смешалось’.

3.2.2. Семантика приблизительного множества

Семантика **приблизительного множества** в современном кабардино-черкесском языке передается при помощи приблизительных числительных, образующихся в кабардино-черкесском языке сложением нескольких основ количественных числительных: *зылIытху* ‘четыре-пять’ [КРС, с. 137], *зытхух* ‘пять-шесть’ [Там же, с. 138], *зытIуиц* ‘два-три’ [Там же], *зытIоцIырытицI* ‘около двадцати’ [Там же], *зыхыбл* ‘шесть-семь’ [Там же, с. 139]. Часто семантика приблизительного множества передается сочетанием количественного числительного и лексем *нэблагъэ* ‘около, до’: *тIоцI нэблагъэ* ‘около двадцати’ [Там же, с. 275], *хуэдиз* ‘около, приблизительно’: *тыIы хуэдиз* ‘около десяти’ [Там же, с. 395].

3.2.3. Семантика тотального множества

Тотальное множество в кабардино-черкесском языке выражается при помощи кванторов с семантикой всеобщности. Квантификатору всеобщности нет соответствия в числовом ряду, что вытекает из постулата о бес-

конечности, а следовательно — неисчерпаемости этого ряда [Супрун, 1996, с. 166]. Важным вкладом логики в лингвистическую семантику является трактовка кванторных слов как сентенциональных операторов. Действительно, слова *все*, *всякий*, *каждый*, *любой*, равно как и нулевой показатель общности, используются главным образом для выражения общего суждения [Падучева, 1989, с. 15].

В кабардино-черкесском языке носителями семантики всеобщности, тотальности являются лексемы, относящиеся к различным грамматическим классам: *дэтхэнэри* (местоимение) ‘каждый’, ‘любой’ [СКЧЯ, с. 119], *зэрыщыту* (наречие) ‘целиком’ [Там же, с. 237], *псори / псо* (местоимение) ‘весь, вся, все’ [Там же, с. 570], *сыти / сытри* ‘всякий, каждый’ [Там же, с. 612], *хэти* (местоимение) ‘каждый, всякий (о человеке)’ [Там же, с. 687]. В естественном языке на месте одной ‘идеи всеобщности’ имеется около десятка вполне отчетливых семантических противопоставлений, которые заставляют носителя языка выбирать для выражения всеобщности то одни языковые средства, то другие [Падучева, 1989, с. 15]. Местоимение *псо* и его дериваты (*псори*, *псоми*, *псомкӀи*) сочетаются и с исчисляемыми конкретными именами существительными, и с неисчисляемыми абстрактными именами: *цӀыху псори* ‘все люди’ и *гъатхэм и дахагъ псори* ‘все красоты весны’. При сочетании кванторного местоимения *псори* ‘весь’, ‘все’ с глаголами со сложными префиксами типа *зэры-*, *зэре-* репрезентируется семантика всеобщей подверженности совокупности людей какому-либо действию: *Псори губгъуэм зэрыдэшац* ‘все разом пошли на поле’. Указанный квантор часто функционирует в официально-деловом дискурсе как составная часть информационных и агитационных документов, например: *БзэцӀэныгъэм дихъэх псори фыкъыхудоджэ цӀэныгъэ конференцым фыкъэклӀуэлӀэну* // ‘Призываем **всех** неравнодушных к языкознанию прийти на научную конференцию’.

Определительное местоимение *дэтхэнэри* ‘каждый’, ‘любой’ также оформляется падежными формантами и может употребляться в формах *дэтхэнэми*, *дэтхэнэмкӀи*, *дэтхэнэрауи*, при сочетании с именными частями речи в препозиции падежным формантом оформляется определяемая лексема: *дэтхэнэ цӀыхури* ‘каждый человек’. В постпозиции падежные показатели присоединяются к кванторному местоимению: *цӀыху дэтхэнэри* ‘каждый человек’.

Семантика всеобщности присуща определительным местоимениям кабардино-черкесского языка, образованным от вопросительных местоимений *хэт* ‘кто?’ и *сыт* ‘что?’ при помощи суффикса *-и*: *хэти* ‘любой’, ‘всякий’, ‘каждый’ [КРС, с. 382], *сыти* ‘каждый, всякий’, ‘все’ [Там же, с. 333].

Прежде чем перейти к особенностям функционирования кванторных местоимений *хэти* ‘любой, всякий, каждый’ и *сыти* ‘любой, каждый’, нужно отметить, что особенностью существительных в кабардино-черкесском языке является их разделение на класс (группу) человека и класс (группу) вещей [Урусов, 2001, с. 103]. Двум классам имен существительных соответствуют два вопросительных местоимения [Грамматика ..., 1970, с. 113]. В трактовке Г. Ф. Турчанинова и М. Цагова данные группы называются классом общественно-активных и классом общественно-пассивных. В грамматический класс человека (класс общественно-активных) входит только *цIыху* ‘человек’, включая все общие, возрастные и родовые различия, например: *цIыхуыхъу* ‘мужчина’ (вообще), *цIыхуыбз* ‘женщина’ (вообще), *лы* ‘мужчина (женатый)’, *фыз* ‘женщина (замужняя)’, *цIалэ* ‘молодой парень’, ‘мальчик’, *хъыджэбз* ‘девушка’, *сабий* ‘ребенок’ [Турчанинов и др., 1940, с. 52]. Существительные, относящиеся к данному классу, могут отвечать на вопрос *хэт?* ‘кто?’. Соответственно, использование квантитатива *хэти* ‘каждый, любой’ говорит о том, что речь идет о человеке: *Хэти идэниц а уи лэжьыгъэм хуэдэ* // ‘Любой (человек) желал бы такую работу, как у тебя’. В грамматический класс вещей (класс общественно-пассивных) входят все остальные предметы и явления живой и неживой природы и общественной жизни [Там же]. Кванторное местоимение *сытри* (*сыти*) употребляется исключительно с существительными, относящимися к классу вещей, и приобретает семантику ‘все, что хочешь’, ‘все, что пожелаешь’: *Бэзэрым сытри цацэ* // ‘На рынке продается **все, что хочешь**’.

Семантику всеобщности в кабардино-черкесском языке имеет местоимение, образованное от существительного *цхъэ* ‘голова’ при помощи суффикса *-ж*: *цхъэж* [Там же, с. 81]: *Щхъэж зэрыфIэфIым хуэдэу ирецI* // ‘Пусть **каждый** сам решает, что делать’. Значение всеохватности кванторное наречие *зэрыцыту* реализует при сочетании с именами существительными. При этом указанная лексема употребляется и с исчисляемыми, и с неисчисляемыми именами существительными: *ЦIыхухэр зэрыцыту къызэхуэсац* ‘все люди собрались’; *Дунейр зэрыцыту зэцIэгъэгъац* ‘Все кругом расцвело’.

Количественной оценке (квантификации) подвергаются прежде всего различные объекты окружающей нас действительности, образующие дискретные и недискретные совокупности [Шмелев, 2005, с. 511]. Квантитивы кабардино-черкесского языка типа *псори*, *зэрыцыту* могут выражать как дискретное, так и недискретное множество и могут быть контекстуально взаимозаменяемы: *цIыхухэр псори пцIантIэм дэтт* = *цIыхухэр зэрыцыту пцIантIэм дэтт* // ‘Все люди находились во дворе’; *Шэр псори икIутац* = *шэр зэрыцыту икIутац* // ‘Все молоко пролилось’.

Кроме кванторов с семантикой всеобщности тотальность может передаваться в кабардино-черкесском языке и аффиксальными средствами. Так, семантику тотальности приобретают глаголы кабардино-черкесского языка:

— со сложным префиксом *зэхэ-* и суффиксом *хь-*: *Зэхэдыжыхьын* ‘зачинить, залатать что-либо’: *И цыгыын зэхэдыжыхьами, мэлыхуэр лы бжыыфIэц, лыгыэ зэрыхэлъыр и нэгу къоц, нэпкьпэпкыышхуэц, и жьакIэ фIыцIэр кIагуэу пыгъэцхъац* [Керашев, 1986, с. 33] // ‘Несмотря на то, что одежда чабана вся заштопана, он статный мужчина, и по нему видно, что он бесстрашный, у него грубые черты лица, черная борода коротко подстрижена’;

— с префиксами *къы-*, *зэ-* и суффиксом *-хь*, например, *къызэхэжыхьын* ‘обегать’ [СКЧЯ, с. 426]: *Аслъэн и нитIыр плъыжыыфэу, езыр къэцтауэ, пIацIэу хъунIэри мэзри къызэхэжыхьац* [Теунов 1979, с. 485] // ‘Аслан, с красноватыми глазами и испуганный, второпях обегал и лес, и пастбище’.

Сложный префикс *зэцIэ-* вносит в глаголы значение полноты, интенсивности и совместности действия [Грамматика ..., 1970, с. 180], например, *зэцIэкIэн* ‘зарасти, покрыться обильной растительностью’ [СКЧЯ, с. 263]: *Фльагъурккъэ, нартыхур Iейуэ зэцIэкIац*, — *къыджэIэ къыдбгъэдыхъа Джьырандыкъуэ* [Теунов, 1980, с. 44] // ‘Вы что, не видите, кукуруза обильно заросла, — говорит нам подошедший Герандуко’; *зэцIэдыхъэшхэн* ‘засмеяться одновременно’ [СКЧЯ, с. 263]: *Гуыр ину зэцIэдыхъэшхац* [Теунов, 1980, с. 503] // ‘Вся толпа громко засмеялась’. Сема тотальности присутствует у большинства глаголов, образованных при помощи сложных глагольных приставок *зэрыдэ-* / *зэрыдо*, *зэре-*, *зэрыцIэ-* *зэрыгъэ-*, обозначающих совместное или одновременное действие всех лиц, сосредоточенных в одном месте. Ср., например, *зэрыдэхын* ‘быстро выйти, выехать толпой, гурьбой’ [СКЧЯ, с. 232]: *Цыхухэри къэнэцхъыфIэжауэ, я Iуэху еужьэрэкIхэрт: хэт бо зэрегъэпэцыж, хэти пIантIэр мывэ сэрейкIэ кърецIэкI, нэгъуэцIхэри губгъуэм зэрыдох, гъатхэ лэжыгъэм хуэпIацIэу* [Теунов, 1980, с. 236] // ‘Повеселев, люди с воодушевлением занимались своими делами: кто ремонтирует свой хлев, кто огораживает свой двор каменным забором, некоторые толпой выезжают в поле, торопясь заняться весенними делами’; *зэрешэкIын* ‘вместе выйти за что-либо’ [СКЧЯ, с. 228]: *ЩIалэхэр шыгъуэгумкIэ зэрешэкIац* [Мафедзев 1995, с. 230] // ‘Парни вместе зашли за тыльную сторону дома’; *зэрыцIэхын* ‘стремительно удалиться вместе откуда-либо’ [СКЧЯ, с. 238]: *Унэм цIыхуу цIэсыр зэрыцIэхац* // ‘Все, находящиеся в доме все вместе стремительно вышли оттуда’; *зэрыгъэдыхъэшхын* ‘вместе засмеяться’: *Аргуэру псори зэрыгъэдыхъэшхац. Езы*

Хьэкъарокъуэри аргуэру джырафинэм зэкIэлъытеуIуащ [Дударов, 1992, с. 187] // ‘Опять все разом рассмеялись, а Хакароко опять несколько раз подряд постучал по графину’.

Главной отличительной чертой устойчивых выражений со значением количественности в адыгском языковом сознании является то, что они не обозначают конкретное количество. Так, в адыгской языковой картине мира обнаружены устойчивые выражения, обозначающие ‘сосредоточение множества людей и объектов в одном месте’, ‘движение толпой в одном направлении’. Такие идиомы имеют общую **семантику тотальности**: *зэ-рыхь-бадзыхьу* ‘без остатка’ [Карданов, 1968, с. 117], *къанэ щымыIэу* ‘всё без исключения, всё вместе’ [Там же, с. 137], *зи лъэ вакъэ изыльхъэ* ‘поголовно все’ (букв.: все, кто может носить обувь) [Там же, с. 155], *псэ зыIут къэмынэу* ‘все живые, от мала до велика’ [Там же, с. 211], *хьуи бзыи къэмынэу (къызэхуэсац)* ‘все до единого (мужчины и женщины) собрались’ [Там же, с. 285], *псэ зыIуту хьугъэр* ‘все живое, смертное’ [Емузов, 1976, с. 142].

3.2.4. Собирательное множество

Ряд исследователей в кабардино-черкесском языке выделяют собирательные формы числительных. Так, автор первой грамматики кабардино-черкесского языка Ш. Б. Ногмов в начальных правилах указывает, что собирательная форма числительных образуется путем присоединения к основам количественных числительных элемента *-уэ тIууэ* ‘двое’, *щыуэ* ‘трое’ [Ногмов, 2020, с. 65]. Дж. Н. Коков указывает, что кабардино-черкесскому языку присущи разновидности количественных числительных, обозначающих совокупность чего-либо, чаще всего лиц. Репрезентантом семантики собирательности, по мнению исследователя, является союзный суффикс *-ри (рикI)*: *тIурикI* ‘оба, обе’, *тхурикI* ‘пятеро’ [Коков, 2006, с. 147]. Автор также указывает, что в разговорной речи совокупное количество обозначается при помощи присоединения к основе количественных числительных префикса *зэры-* со значением целостности и суффикса *-у(уэ)* — *зэрыщу* ‘все трое вместе’ [Там же].

Коллективная (собирательная) множественность в исследуемом языке может быть реализована и грамматической формой множественного числа: *адыгэхэр* ‘адыги’ [БРКЧС, с. 28], *азие (къухъэпIэ) къэралхэр* ‘азиатские страны’ [Там же, с. 29], *аминофIэлупсхэр* ‘аминокислоты’ [Там же, с. 34].

Главным языковым средством выражения собирательной множественности в лингвистике являются имена существительные с собирательным значением. Имена существительные с семантикой собирательности могут быть подразделены:

— на лексемы, обозначающие множество парнокопытных животных: *гуартэ* ‘гурт, табун, стадо’ [СКЧЯ, с. 71], *Iэхьушэ* ‘стадо’ [Там же, с. 71];

- лексемы, обозначающие множество домашних птиц: *джэдкъаз* ‘домашняя птица (букв.: куры-гуси)’ [Там же, с. 135];
- лексемы, обозначающие диких и лесных животных: *хьэжэбжэ* = *хьэкIэкхьуэкIэ* ‘хищные звери’ (‘лесные звери’) [Там же, 727];
- лексемы, обозначающие множество мелких предметов: *цIыкIуфэкIу* = *цIрумэру* ‘мелочь, мелкие вещи’ [Там же, с. 750];
- лексемы, обозначающие множество овощей и фруктов, злаковых: *пхьэцхьэмыщхьэ* ‘фрукты’ [Там же, с. 581], *хадэхэкI* ‘овощи’ [Там же, с. 676], *хьэцэпэцэ* ‘колосовые, злаковые, хлебные растения’ [Там же, с. 734];
- лексемы, обозначающие множество лиц по возрастному критерию: *жьыкIэфэкIэ* ‘старики’ [Там же, с. 183], *цIалэгьуалэ* ‘молодежь’ [Там же, с. 794];
- лексемы, обозначающие совокупность домашней утвари: *унэлыацIэ* ‘мебель’ [Там же, с. 657];
- лексемы, служащие наименованием скошенных зерновых и других растений: *Итэ* ‘стог, копна’ [Там же, с. 833], *Иэмбатэ* ‘охапка сена’ [Там же, с. 829], *Иэрамэ* ‘букет (цветов)’ [Там же, с. 832];
- лексемы, обозначающие множество (скопление) лиц: *гун* ‘группа, компания’ [Там же, с. 76], *жьылэ* ‘население села’ [Там же, с. 175], *хьэблэ* ‘квартал, часть селения’ [Там же, с. 724], *дзэ* ‘войско’ [Там же, с. 138];
- лексемы, обозначающие скопление лиц на пиршествах: *санэхуафэ* ‘пир’ [Там же, с. 605], *джэгу* ‘танцы, вечеринка’ [Там же, с. 134], *махьсымафэ* ‘пир’ [Там же, с. 512];
- лексемы, обозначающие внутренние органы животных: *кIуэцIфэцI* ‘внутренности, потроха’ [Там же, с. 352], *жьээфэн* ‘ливер’ (легкие и печень) [Там же, с. 180];
- лексемы, обозначающие собирательные названия инструментов: *Идэуадэ* (букв.: щипцы-молоток) инструменты [КЧРС, с. 637].

Значение множественности отражается в семантике подобных слов, и преимущественно такие слова употребляются в единственном числе. Однако в лексемах данного типа возможно и факультативное употребление суффикса множественного числа: *джэдкъаз* = *джэдкъазхэр* ‘домашние птицы’.

3.2.5. Репрезентативное множество

В отличие от всех вышеперечисленных типов множества, особенности и функционирование репрезентативного множества в кабардино-черкесском языке изучены достаточно основательно [Бижоев, 2005, с. 19].

Путем присоединения суффикса множественного числа -хэ к именам собственным (антропонимам) в кабардино-черкесском языке выражается

семантика **репрезентативного множества**. Здесь форма множественного числа указывает на множество лиц, одним из представителей которых является лицо, обозначенное личным именем [Там же]. *Шэдэмокъуэхэ я гъунэгъу Къэбард Мурат и пцІантІэм къыдэплъри, хуэмурэ лъыжьыр джэдэжу щильагъум, къытежъащ* [Теунов, 1980, с. 12] // ‘Сосед Шогемоковых Мурат Кабардов выглянул из своего двора, и, увидев, что старик медленным шагом идет домой, он пошел к нему навстречу’; *Фенэхэ япху дэгъуэшхуэр нысэу къыхуашэри къыхуцІагъэтІысхъащи, Мадинэт дуней гуфІэгъуэр шІэц* [Шекихачев, 2000, с. 35] // ‘К Мадинат в снохи привезли видную дочь, принадлежащую семье Фени, поэтому она в приподнятом настроении’. Имена собственные редко оформляются вышеуказанными суффиксами определенности *-р* и *-м*. При помощи частицы *сълмэ* ‘и другие’ в современном кабардино-черкесском языке реализуется семантика репрезентативного множества. Сочетание указанной частицы с антропонимами указывает на группу лиц, среди которых находится и названное лицо: *Аслъэн сълмэ* ‘Аслан и другие’, ‘группа Аслана’ [Бижоев, 2005, с. 20]. Форма репрезентатива присуща именам собственным, но исследование языкового материала выявило, что семантика ‘названный предмет и другие’ присутствует и в сложных именах существительных, состоящих из двух компонентов, где второй компонент фонетически искажен, но содержит часть первого и не имеет самостоятельного значения. Такие слова не зафиксированы в существующих словарях и употребляются исключительно в разговорной речи, обозначая множество, в числе которых названный предмет в первой части слова и другие подобные вещи, например: *гъуэлъынІэмлъынІэ* ‘кровать и другие предметы домашней мебели’, *бжъын-фэн* ‘лук и другие овощи’. Подобные слова не имеют дословного перевода на русский язык, например: *Жэм-мэм дилэм, гъуэлъынІэ-мълъынІэ дилэм, цхъэнтэ-мэнтэ дилэм, выгу-мэгу дилэм, джэдкъаз-мэдкъаз дилэм дэр-дэру дгуэшыжъащ* [СР, с. 82] // ‘Имевшиеся у нас корову и другой скот, кровать и другую мебель, подушку и другую постельную принадлежность, арбу и другой транспорт, кур, птиц и другую живность мы самостоятельно распределили между собой’.

4. Заключение = Conclusions

Проведенное исследование позволяет обобщить, что в современном кабардино-черкесском языке существует довольно широкий круг языковых средств (грамматических, лексических, фразеологических), реализующих семантику множества. Семантика *конкретного множества* в адыгском языковом сознании реализуется союзными формами кабардино-черкесского языка *-рэ,/-рэ* и *-и,/-и*. Кроме того, сема конкретной множественности

присутствует в сложных именах существительных и глаголах, содержащих взаимно-возвратный суффикс зэ-.

Ядром конкретно-количественной семантики в адыгском языковом сознании служат имена числительные больше одного, которые употребляются в прямом значении. Однако в устойчивых выражениях и паремиологическом пласте языка нумеративы теряют свое конкретно-количественное значение и служат репрезентантами *неопределенного множества*.

Большим разнообразием отличается репрезентация семантики неточных множеств. Базовым выразителем идеи неопределенного множества в кабардино-черкесском языке является суффикс множественного числа -хэ. В зависимости от контекста указанный суффикс выражает и собирательное множество. Наличие суффикса -лъэ часто служит показателем обильного наличия чего-нибудь на определенной территории. Также для репрезентации семантики неопределенного множества в кабардино-черкесском языке используются лексемы, относящиеся к различным частям речи с общей семантикой изобилия и неконкретного множества. Наличие элемента бэ ‘множество’ в сложных словах кабардино-черкесского языка является признаком семантики неопределенной множественности. Семантика разнородного неопределенно-большого множества репрезентируется в кабардино-черкесском языке этнолексемой *ГэщрыI*. Исследование выявило, что фразеологические единицы с семантикой неопределенного множества часто включают в себя названия насекомых.

Приблизительное множество имеет не такой широкий спектр языковых выразителей, для этого в языке есть специальная форма количественных числительных с семантикой примерной квантификации. Приблизительность также выражается аналитически — сочетанием конкретно-количественных числительных с послелогам *хуэдиз* ‘около, приблизительно’ и *нэблаггэ* ‘около’.

Семантика *тотального множества* репрезентируется в кабардино-черкесском языке квантитативами с семантикой всеобщности, относящимися к разным частям речи. Кроме того, тотальность выражается комплексом сложных префиксов и суффиксов: *зэхэ-* и *-хь*, *кьы-*, *зэ-* и *-хь*, *зэры-*, *зэре-*, *зэрыггэ-*, *зэщIэ-*, *зэрыдэ-* / *зэрыдо*, *зэре-*, *зэрыщIэ-*. На фразеологическом уровне семантика тотальности реализуется идиомами с общей семантикой поголовности.

Кабардино-черкесский язык обладает широким кругом лексических средств с общей *семантикой собирательности*. Такие слова можно сгруппировать, разделив лексемы, обозначающие множество парнокопытных животных, обозначающие множество домашних птиц, обозначающие диких и лесных животных, обозначающие множество мелких предметов, обознача-

ющие множество овощей и фруктов, злаковых, обозначающие множество лиц по возрастному критерию, обозначающие совокупность домашней утвари, служащие наименованием скошенных зерновых и других растений, обозначающие множество (скопление) лиц, обозначающие скопление лиц на пиришествах, обозначающие внутренние органы животных.

Репрезентативное множество, реализующееся в языке сочетанием антропонимов с частицей *сымэ* ‘и другие’ или суффиксом множественного числа *-хэ*, является наиболее исследованным типом множества. В дополнение к уже известному выявлено, что семантику репрезентативного множества имеют и сложные слова со вторым фонетически искаженным и незначащим компонентом, обозначающим множество, с общим значением ‘названный предмет в первой части слова и другие подобные вещи’.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.
---	---

Источники и принятые сокращения

1. БРКЧС — *Бижоев Б. Ч.* Большой русско-кабардино-черкесский словарь / Б. Ч. Бижоев, Х. Ч. Жилетежев, Д. М. Кумыкова, Х. Т. Тимижев. — Нальчик : ООО ‘Фрегат’, 2021. — 792 с. — ISBN 978-56045702-6-5.
2. *Дударов Х. М.* Тройная радость : Рассказы, сатира, юмор, скетчи, сказки [на кабардино-черкесском языке] / Х. М. Дударов. — Нальчик : Эльбрус, 1992. — 320 с.
3. *Емузов А. Г.* Англо-кабардино-русский фразеологический словарь / А. Г. Емузов. — Нальчик : Эльбрус, 1976. — 351 с.
4. *Карданов Б. М.* Кабардино-русский фразеологический словарь / Б. М. Карданов. — Нальчик : Эльбрус, 1968. — 341 с.
5. *Керашев Т. М.* Одинокий всадник. Роман, новеллы [на кабардино-черкесском языке] / Т. М. Керашев. — Нальчик : Эльбрус, 1986. — 400 с.
6. Керешов М. Ж. Оставить след. Повести и рассказы [на кабардино-черкесском языке] / М. Ж. Керешов. — Нальчик : Эльбрус, 2009. — 572 с. — ISBN 978-5-7680-2233-4.
7. КП — *Кабардинские* пословицы [на кабардино-черкесском языке] / сост. З. П. Кардангушев. — Нальчик : Эльбрус, 2004. — 152 с. — ISBN 5-7680-1940-5.
8. КРС — *Кабардинско-русский* словарь / под ред. Б. М. Карданова. — Москва : Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1957. — 576 с.
9. КЧРС — *Кабардино-черкесско-русский* словарь / сост. М. Л. Апажев, Дж. Н. Кокор. — Нальчик : Эльбрус, 2008. — 704 с. — ISBN 978-5-7680-2148-1.
10. *Мафедзев С. Х.* Достойны печальной песни. Роман [на кабардино-черкесском языке] / С. Х. Мафедзев. — Нальчик : Эльбрус, 1992. — 448 с. — ISBN 5-7680-0494-7.
11. *Мафедзев С. Х.* Избранные произведения : в 2-х т. [на кабардино-черкесском языке] / С. Х. Мафедзев. — Нальчик : Эльбрус, 1995. — Т. 1. Повести. — 248 с. — ISBN 5-7680-0999-X.

12. СКЧЯ — *Словарь* кабардино-черкесского языка. — Москва : Дигора, 1999. — 860 с.
13. СР — *Сто* рассказов о Ходже [на кабардино-черкесском языке] / сост. А. М. Махов, З. П. Кардангушев. — Майкоп : РИПО 'Адыгея', 1994. — 132 с.
14. *Теунов Х. И.* Избранные произведения в двух томах [на кабардино-черкесском языке] / Х. И. Теунов. — Нальчик : Эльбрус, 1979. — Т. 1. — 511 с.
15. *Теунов Х. И.* Избранные произведения в двух томах [на кабардино-черкесском языке] / Х. И. Теунов. — Нальчик : Эльбрус, 1980. — Т. 2. — 568 с.
16. *Шекихачев Х. Т.* Я вернулся. Юморески, рассказы, очерки / Х. Т. Шекихачев. — Нальчик : Эльбрус, 2000. — 272 с.
17. *Шортанов А. Т.* Горцы. Роман-эпопея [на кабардино-черкесском языке] / А. Т. Шортанов. — Нальчик : Эльбрус, 2016. — 1224 с. — ISBN 978-5-7680-2742-1.

Литература

1. *Арутюнова Н. Д.* Проблема числа / Н. Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Квантитативный аспект. — Москва : Индрик, 2005. — С. 5—21. — ISBN 5-85759-325-5.
2. *Бижоев Б. Ч.* Грамматические и лексико-фразеологические проблемы кабардино-черкесского языка / Б. Ч. Бижоев. — Нальчик : Эль-Фа, 2005. — 352 с. — ISBN 5-88195-719-9.
3. *Бирюкова М. А.* Семантика количественности и средства ее представления в русском и английском языках (на материале произведений И. Бродского) : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01, 10.02.19 / М. А. Бирюкова. — Брянск, 2006. — 195 с.
4. *Войцеховский М. И.* Множество / М. И. Войцеховский // Математическая энциклопедия. — Москва : Советская энциклопедия, 1982. — Т. 3. Коо—Од. — С. 762.
5. *Грамматика* кабардино-черкесского литературного языка. — Москва : Наука, 1970. — Ч. 1. Фонетика и морфология. — 216 с.
6. *Гулыга Е. В.* Грамматико-лексические поля в современном немецком языке / Е. В. Гулыга, Е. И. Шендельс. — Москва : Просвещение, 1969. — 184 с.
7. *Коков Дж. Н.* Имя числительное / Дж. Н. Коков // Кабардино-черкесский язык : в 2-х т. — Нальчик : Эль-Фа, 2006. — Т. I. — С. 139—153. — ISBN 5-88195-755-5.
8. *Кулькова М. А.* Квантификативная категоризация паремиологического пространства (на материале русского и немецкого языков) / М. А. Кулькова // Вестник татарского государственного гуманитарно-педагогического университета. — 2010. — № 1 (19). — С. 76—81.
9. *Кумыкова М. М.* Фразеологические единицы кабардино-черкесского языка со значением количества и времени : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.02 / М. М. Кумыкова. — Нальчик, 2006. — 147 с.
10. *Крылов С. А.* Количество как понятийная категория / С. А. Крылов // Логический анализ языка. Квантитативный аспект. — Москва : Индрик, 2005. — С. 44—65. — ISBN 5-85759-325-5.
11. *Мижаев М. И.* Энциклопедия черкесской мифологии / М. И. Мижаев, М. М. Паштова. — Майкоп : 'ИП Паштов З. В.', 2012. — 460 с. — ISBN 978-5-904746-11-7.
12. *Ногмов Ш. Б.* Исторические и филологические труды : в 4-х т. / Ш. Б. Ногмов / сост. К. Ф. Дзамихов. — Нальчик : ИГИ КБНЦ РАН, 2020. — Т. III. — 198 с. — ISBN 978-5-91766-179-7.
13. *Падучева Е. В.* Идея всеобщности в логике и в естественном языке / Е. В. Падучева // Вопросы языкознания. — 1989. — № 2. — С. 15—25.

14. *Пиотровский Р. Г.* Математическая лингвистика / Р. Г. Пиотровский, К. Б. Бектаев, А. А. Пиотровская. — Москва : Высшая школа, 1977. — 383 с.
15. *Румянцева А. А.* Комплексный анализ способов выражения множеств лиц в современном русском языке : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / А. А. Румянцева. — Москва, 2009. — 238 с.
16. *Супрун А. Е.* Общая характеристика семантики количественности / А. Е. Супрун // Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность. — Санкт-Петербург : Наука, 1996. — С. 162—170. — ISBN 5-02-028108-5.
17. *Турчанинов Г. Ф.* Грамматика кабардинского языка / Г. Ф. Турчанинов, М. Цагов. — Москва, Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1940. — 160 с.
18. *Урусов Х. Ш.* Кабардинская грамматика [на кабардино-черкесском языке] / Х. Ш. Урусов. — Нальчик : Эльбрус, 2001. — 232 с. — ISBN 5-7680-1633-3.
19. *Федяева Е. В.* Количество в образах качества : корреляция концептуальных доменов количества и качества / Е. В. Федяева // Научный диалог. — 2016. — № 4 (52). — С. 73—83.
20. *Хаусдорф Ф.* Теория множеств / Ф. Хаусдорф. — Москва ; Ленинград : Онти. Глав. ред. техн.-теоретич. лит-ры, 1937. — 304 с.
21. *Холодович А. А.* Проблемы грамматической теории / А. А. Холодович. — Ленинград : Наука, 1979. — 303 с.
22. *Хежева М. Р.* Имя числительное / М. Р. Хежева // Кабардино-Черкесская грамматика [на кабардино-черкесском языке]. — Нальчик : Издательская типография 'Принт Центр, 2023. — С. 146—157. — ISBN 978-5-907725-12-6.
23. *Шмелев А. Д.* Русский язык и внеязыковая действительность / А. Д. Шмелев. — Москва : Языки славянской культуры, 2002. — 496 с. — ISBN 5-94457-074-1.
24. *Шмелев А. Д.* Параметры количественной оценки в естественном языке / А. Д. Шмелев // Логический анализ языка. Квантитативный аспект. — Москва : Индрик, 2005. — С. 511—520. — ISBN 5-85759-325-5.

Статья поступила в редакцию 05.07.2024,
одобрена после рецензирования 09.10.2024,
подготовлена к публикации 07.11.2024.

Material resources

- BRKCHS — Bizhoviev, B. Ch., Zhiletzhev, H. Ch., Kumykova, D. M., Timizhev, H. T. (2021). *The Great Russian-Kabardino-Circassian dictionary*. Nalchik: Fregat LLC. 792 p. — ISBN 978-56045702-6-5. (In Russ.).
- Dudarov, H. M. (1992). *Triple joy: Stories, satire, humor, sketches, fairy tales*. Nalchik: Elbrus. 320 p. (In Kabard.-Circas.).
- Emuzov, A. G. (1976). *English-Kabardino-Russian phraseological dictionary*. Nalchik: Elbrus. 351 p. (In Russ.).
- Kardanov, B. M. (1968). *Kabardino-Russian phraseological dictionary*. Nalchik: Elbrus. 341 p. (In Russ.).
- KCHRS — Kabardino-Circassian-Russian dictionary. (2008). Nalchik: Elbrus. 704 p. ISBN 978-5-7680-2148-1. (In Russ.).
- Kerashev, T. M. (1986). *The Lone Horseman. Novel, short stories*. Nalchik: Elbrus. 400 p. (In Kabard.-Circas.).

- Kerefov, M. J. (2009). *To leave a trace. Novellas and short stories*. Nalchik: Elbrus. 572 p. ISBN 978-5-7680-2233-4. (In Kabard.-Circas.).
- KP — *Kabardian proverbs*. (2004). Nalchik: Elbrus. 152 p. ISBN 5-7680-1940-5. (In Kabard.-Circas.).
- KRS — Kardanov, B. M. (ed.). (1957). *Kabardian-Russian dictionary*. Moscow: State Publishing House of Foreign and National Dictionaries. 576 p. (In Russ.).
- Mafedzev, S. H. (1992). *Are worthy of a sad song. A novel*. Nalchik: Elbrus. 448 p. ISBN 5-7680-0494-7. (In Kabard.-Circas.).
- Mafedzev, S. X. (1995). *Selected works: in 2 volumes, 1*. Nalchik: Elbrus. 248 p. ISBN 5-7680-09999-X. (In Kabard.-Circas.).
- Shekikhachev, X. T. (2000). *I returned. Humorous stories, essays*. Nalchik: Elbrus. 272 p. (In Russ.).
- Shortanov, A. T. (2016). *Mountaineers. An epic novel*. Nalchik: Elbrus. 1224 p. ISBN 978-5-7680-2742-1. (In Kabard.-Circas.).
- SKCHYA — *Dictionary of the Kabardino-Circassian language*. (1999). Moscow: Digora. 860 p. (In Russ.).
- SR — *One hundred stories about Khoja*. (1994). Maykop: RIPO 'Adygea'. 132 p. (In Kabard.-Circas.).
- Teunov, H. I. (1979). *Selected works in two volumes, 1*. Nalchik: Elbrus. 511 p. (In Kabard.-Circas.).
- Teunov, H. I. (1980). *Selected works in two volumes*. Nalchik: Elbrus. 568 p. (In Kabard.-Circas.).

References

- Arutyunova, N. D. (2005). The problem of number. In: *Logical analysis of language. The quantitative aspect*. Moscow: Indrik. 5—21. ISBN 5-85759-325-5. (In Russ.).
- Biryukova, M. A. (2006). *Semantics of quantification and means of its representation in Russian and English (based on the works of I. Brodsky)*. PhD Diss. Bryansk. 195 p. (In Russ.).
- Bizhoev, B. Ch. (2005). *Grammatical and lexical-phraseological problems of the Kabardino-Circassian language*. Nalchik: El-Fa. 352 p. ISBN 5-88195-719-9. (In Russ.).
- Fedyaeva, E. V. (2016). Quantity in images of quality: correlation of conceptual domains of quantity and quality. *Nauchnyi dialog*, 4 (52): 73—83. (In Russ.).
- Grammar of the Kabardino-Circassian literary language, 1*. (1970). Moscow: Nauka. 216 p. (In Russ.).
- Gulyga, E. V., Shendels, E. I. (1969). *Grammatical and lexical fields in the modern German language*. Moscow: Prosveshchenie. 184 p. (In Russ.).
- Hausdorff, F. (1937). *Set Theory*. Moscow; Leningrad: Onti. Head of the editorial board of the technical Department.-theoretical literature. 304 p. (In Russ.).
- Hezheva M. R. Numeral name. In: *Kabardino-Circassian grammar*. Nalchik: Publishing printing house 'Print Center. 146—157. ISBN 978-5-907725-12-6. (In Kabard.-Circas.).
- Kholodovich, A. A. (1979). *Problems of grammatical theory*. Leningrad: Nauka. 303 p. (In Russ.).
- Kokov, J. N. (2006). Numeral name. In 2 volumes, 1. Nalchik: El-Fa. 139—153. ISBN 5-88195-755-5. (In Kabard.-Circas.).
- Krylov, S. A. (2005). Quantity as a conceptual category. In: *Logical analysis of language. The quantitative aspect*. Moscow: Indrik. 44—65. ISBN 5-85759-325-5. (In Russ.).

- Kulkova, M. A. (2010). Quantificative categorization of the paremiological space (based on the material of the Russian and German languages). *Bulletin of the Tatar State Humanitarian Pedagogical University, 1 (19)*: 76—81. (In Russ.).
- Kumyikova, M. M. (2006). *Phraseological units of the Kabardino-Circassian language with the meaning of quantity and time*. PhD Diss. Nalchik. 147 p. (In Russ.).
- Mizhaev, M. I. (2012). *Encyclopedia of Circassian mythology*. Maikop: 'IP Pashtov Z. V.'. 460 p. ISBN 978-5-904746-11-7. (In Russ.).
- Nogmov, Sh. B. (2020). *Historical and philological works: in 4 volumes, 3*. Nalchik: IGI KBNTS RAS. 198 p. ISBN 978-5-91766-179-7. (In Russ.).
- Paducheva, E. V. (1989). The idea of universality in logic and in natural language. *Questions of linguistics, 2*: 15—25. (In Russ.).
- Piotrovsky, R. G., Bektaev, K. B., Piotrovskaya, A. A. (1977). *Mathematical linguistics*. Moscow: Higher School. 383 p. (In Russ.).
- Rumyantseva, A. A. (2009). *Complex analysis of ways of expressing sets of faces in modern Russian*. PhD Diss. Moscow. 238 p. (In Russ.).
- Shmelev, A. D. (2002). *Russian language and extra-linguistic reality*. Moscow: Languages of Slavic Culture. 496 p. ISBN 5-94457-074-1. (In Russ.).
- Shmelev, A. D. (2005). Parameters of quantitative assessment in natural language. In: *Logical analysis of language. The quantitative aspect*. Moscow: Indrik. 511—520. ISBN 5-85759-325-5. (In Russ.).
- Suprun, A. E. (1996). General characteristics of the semantics of quantification. In: *Theory of functional grammar. Quality. Quantification*. St. Petersburg: Nauka. 162—170. ISBN 5-02-028108-5. (In Russ.).
- Turchaninov, G. F., Tsagov, M. (1940). *Grammar of the Kabardian language*. Moscow, Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 160 p. (In Russ.).
- Urusov, H. S. (2001). *Kabardian grammar*. Nalchik: Elbrus. 232 p. ISBN 5-7680-1633-3. (In Kabard.-Circas.).
- Voitsekhovskiy, M. I. (1982). Set. In: *Mathematical encyclopedia, 3*. Moscow: Soviet Encyclopedia. P. 762. (In Russ.).

*The article was submitted 05.07.2024;
approved after reviewing 09.10.2024;
accepted for publication 07.11.2024.*

Информация для цитирования:

Биткеева А. Н. Функциональная дистрибуция чеченского языка в Чеченской Республике (материалы полевого исследования 2022—2023 годов) / А. Н. Биткеева, М. А. Горячева, С. В. Кирилленко // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 9. — С. 29—55. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-9-29-55.

Bitkeeva, A. N., Goryacheva, M. A., Kirilenko, S. V. (2024). Functional Distribution of Chechen Language in Chechen Republic: Findings from Field Research (2022–2023). *Nauchnyi dialog*, 13 (9): 29-55. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-9-29-55. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Функциональная дистрибуция чеченского языка в Чеченской Республике (материалы полевого исследования 2022—2023 годов)

Биткеева Айса Николаевна^{1,2}

orcid.org/0000-0003-3765-2144

доктор филологических наук,

Научно-исследовательский центр

по национально-языковым отношениям,

корреспондирующий автор

aisa_bitkeeva@yahoo.com

Горячева Мария Александровна¹

orcid.org/0000-0002-3169-7811

кандидат филологических наук,

Научно-исследовательский центр

по национально-языковым отношениям

goryacheva@iling-ran.ru

Кирилленко Светлана Владимировна¹

orcid.org/0000-0001-7902-6032

кандидат филологических наук, доцент,

Научно-исследовательский центр

по национально-языковым отношениям

svetlanavk@inbox.ru

¹Институт языкознания

Российской академии наук

(Москва, Россия)

²Институт мировой литературы

им. А. М. Горького

Российской академии наук

(Москва, Россия)

Functional Distribution of Chechen Language in Chechen Republic: Findings from Field Research (2022–2023)

Aysa N. Bitkeeva^{1,2}

orcid.org/0000-0003-3765-2144

Doctor of Philology,

Research Center

for National Language Relations,

corresponding author

aisa_bitkeeva@yahoo.com

Mariya A. Goryacheva¹

orcid.org/0000-0002-3169-7811

PhD in Philology,

Research Center

for National Language Relations

goryacheva@iling-ran.ru

Svetlana V. Kirilenko¹

orcid.org/0000-0001-7902-6032

PhD in Philology, Associate Professor,

Research Center

for National Language Relations

svetlanavk@inbox.ru

¹Institute of Linguistics

of the Russian Academy of Sciences

(Moscow, Russia)

²A. M. Gorky Institute

of World Literature

of the Russian Academy of Sciences

(Moscow, Russia)

© Биткеева А. Н., Горячева М. А., Кирилленко С. В., 2024

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена изучению социальных функций современного чеченского языка, степени его витальности в контексте актуальной языковой ситуации в Чеченской Республике. Представлены результаты комплексного исследования софункционирования чеченского и русского языков в основных коммуникативных сферах жизни чеченцев. Обобщены и систематизированы материалы полевого исследования, проведенного в Чеченской Республике в 2022—2023 годы, а также ряд статистических и фактических сведений из открытых источников. Комплексный анализ полученных данных представляет объемную картину функциональной дистрибуции языков в Чеченской Республике, позволяет охарактеризовать специфику двуязычия в республике, этноязыковую идентичность современных чеченцев. Отмечается, что чеченский язык, как и другие языки РФ, столкнулся с активной урбанизацией, цифровизацией, которые в целом способствуют языковой централизации, постепенному дисбалансу в пользу доминирующих языков. Установлено, что чеченский язык в настоящее время показывает относительно стабильный уровень витальности, особенно в семейном и этнокультурном контекстах, в которые вносит вклад высокая символическая ценность языка и устойчивая потребность в выражении идентичности среди говорящих на чеченском языке.

Ключевые слова:

социоллингвистика; языковая ситуация; функциональная дистрибуция языка; коммуникативные сферы; Чеченская Республика; родной язык; чеченский язык.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article explores the social functions of the contemporary Chechen language and assesses its vitality within the current linguistic landscape of the Chechen Republic. It presents the results of a comprehensive study on the co-functioning of the Chechen and the Russian across key communicative domains in the lives of Chechen people. The paper synthesizes and systematizes data collected during field research conducted in the Chechen Republic from 2022 to 2023, alongside various statistical and factual information sourced from publicly available resources. A thorough analysis of the gathered data provides a detailed picture of the functional distribution of languages in the Chechen Republic, characterizing the specifics of bilingualism in the region and the ethno-linguistic identity of contemporary Chechens. It highlights that the Chechen language, like other languages in the Russian Federation, faces challenges related to urbanization and digitalization, which contribute to linguistic centralization and a gradual imbalance favoring dominant languages. The study finds that the Chechen language currently exhibits a relatively stable level of vitality, particularly in familial and ethnocultural contexts, bolstered by its high symbolic value and a persistent need for identity expression among Chechen speakers.

Key words:

sociolinguistics; linguistic situation; functional language distribution; communicative domains; Chechen Republic; native language; Chechen language.

УДК 811.351.42'272

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-9-29-55

Научная специальность ВАК

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Функциональная дистрибуция чеченского языка в Чеченской Республике (материалы полевого исследования 2022—2023 годов)

© Биткеева А. Н., Горячева М. А., Кириленко С. В., 2024

1. Введение = Introduction

В последние годы все активнее становятся дискуссии об угрозах языковому многообразию России. Исследователи констатируют, что языки РФ находятся на разных стадиях языкового сдвига, наблюдается значительное ослабление ряда языков по сравнению с советским периодом. В статье мы рассмотрим роль коммуникативной мощности языка в его витальности, а также факторы, влияющие на усиление коммуникативной мощности языка, на примере чеченского языка, который, согласно исследованию, относится к группе перспективных языков.

Основными направлениями современной федеральной и региональной политики являются сохранение языкового единения страны, с одной стороны, и расширение социальных функций этнических языков, с другой. Языковое единение страны обеспечено тем, что примерно 90—99 % жителей России владеют и пользуются русским языком, в то время как исследования по этническим языкам показывают пеструю картину как по языковой компетенции той или иной этнической общности, так и по использованию этнического языка в разных сферах общения.

Очевидно, что на данный момент в России наблюдается функциональный дисбаланс русского языка и других языков РФ. С целью исследования коммуникативной мощности языков РФ Научно-исследовательским центром по национально-языковым отношениям Института языкознания Российской академии наук (НИЦ НЯО ИЯз РАН) было предпринято социолингвистическое исследование в регионах РФ. Всю совокупность языковых общностей России можно описать по следующим моделям развития: устойчивый тип развития языка (русский), перспективный тип развития (чеченский, татарский, якутский, тувинский и др.), нестабильный тип развития языка (калмыцкий, карельский, языки

Дагестана), слабо перспективный тип развития языка (язык тазов и др.) [Биткеева и др., 2019, с. 13].

Чеченский язык в настоящее время показывает относительно стабильный уровень витальности в семейном и культурном контексте, в который вносит вклад высокая символическая ценность языка и устойчивая потребность в выражении идентичности среди говорящих на чеченском языке.

Научная новизна работы состоит в уточнении особенностей современного функционирования чеченского языка в Чеченской Республике (далее ЧР) на основе новейших данных, полученных в ходе проведенного 2022—2023 годах социолингвистического исследования. Количество выборки является достаточным, чтобы распространить данные исследования на всю совокупность населения республики, что позволяет сделать обоснованный прогноз развития чеченского языка.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Структурные аспекты чеченского языка достаточно хорошо изучены, результаты изложены, например, в работах [Дешериев, 1960; Дешериев, 1963 и др.]. Так, в фундаментальном труде «Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских народов» Ю. Д. Дешериев представил всесторонний анализ чеченского языка в контексте нахской группы, уделив внимание вопросам его происхождения и исторического развития, связям с другими кавказскими языками и влиянию языка на формирование культурной идентичности чеченского народа. Диалектные отличия чеченского языка, его история и развитие получили освещение в монографии «Нахские языки и культура» [Алироев, 1978], где также анализировалось влияние других языков на чеченский язык. Работы И. Ю. Алироева внесли вклад в развитие чеченской лексикографии и обогащение качественных описаний словарного фонда языка. В труде «Чеченская диалектология» [Арсаханов, 1969] представлена комплексная картина диалектов чеченского языка, охарактеризованы их фонетические, морфологические и лексические особенности. Продолжаются научные изыскания в области структурной систематизации чеченского языка [Асхабова и др., 2021; Дулаева, 2007; Навразова, 2012; Халидов, 2023 и др.].

Становление и основные направления развития письменности чеченцев, тенденции совершенствования ее графической структуры и орфографии рассматриваются в работах [Бадаева, 2019; Гадаев, 2010; Довлеткиреева, 2022; Хадидов и др., 2022 и мн. др.].

Исследование функционального развития чеченского языка началось позднее. В период после 1990-х годов появились новые социолингвисти-

ческие исследования чеченского языка, затем изучение языковой ситуации было продолжено [Яхьяева, 2007; Овхадов и др., 2015 и др.]. В исследовании А. А. Яхьяевой «Чеченский язык в 90-е годы XX века: функции и структура» анализируется функционирование чеченского и русского языков в условиях языковых контактов, охарактеризованы основные структурные изменения в чеченском языке [Яхьяева, 2007]. Уделяется внимание чеченскому языку в контексте рассмотрения проблем миноритарных языков, затрагиваются вопросы его сохранения в условиях доминирования русского языка [Альбеков, 2024 и др.]. Р. С. Ильясова рассматривает значение чеченского языка как культурной ценности нации, исследует вопросы расширения социолингвистических функций языка [Ильясова, 2018].

Проблемы сохранения и развития чеченского языка не утрачивают актуальности в настоящем, поэтому исследования современной языковой ситуации продолжают.

В 2022—2023 годах были проведены полевые исследования языковой ситуации, языковой политики в Чеченской Республике. Участники обследования — А. Н. Биткеева, М. Р. Овхадов, Б. М. Атаев. В ходе полевого исследования в Чеченской Республике проводились экспертные интервью и анкетирование, посвященные изучению социолингвистических языковых параметров. Было опрошено 468 респондентов и проведено 20 экспертных интервью. Охват исследования включал г. Грозный, г. Урус-Мартан и села Грозненского и Урус-Мартановского районов.

Основными методами исследования являются анкетирование и интервью. В настоящей работе приводятся данные нескольких блоков вопросов, посвящённых коммуникативной мощности чеченского языка.

В работе использовались также статистические, сопоставительные и аналитические методы исследования. В дополнение к анкетному опросу проводились интервью со специалистами, занимающимися вопросами сохранения и развития чеченского языка, с целью подтвердить валидность анкетных данных путём сопоставления полученной информации. Анализ полученных результатов проводился с помощью программы статистической обработки данных SPSS.

Чеченский язык относится к нахско-дагестанской языковой семье, основное количество носителей языка проживают в Чеченской Республике Российской Федерации. Чеченцы — один из самых крупных коренных народов России, третий по численности после русских, татар, динамика численности чеченцев в мире в течение XX—XXI веков увеличивалась. По данным переписи населения 2010 года, в Российской Федерации проживали 1,4 млн чеченцев, из них 1,2 млн — в Чеченской Республике, около 94 тыс. — в Республике Дагестан, 19 тыс. — в Республике Ингуше-

тия. В 2020 году количество чеченцев, проживающих в России, составило 1,6 млн человек, в Чеченской Республике — 1,4 млн человек, в Дагестане — около 99 тыс. человек, в Республике Ингушетия — около 12 тыс. чеченцев [ВПН-2010, ВПН-2020].

В истории формирования и развития чеченской этнической группы отразились многие трагические события. Как пишут исследователи, конец XVI века ознаменован началом установления взаимоотношений чеченского народа с Россией, в последующие века взаимоотношения между Россией и Чечней не всегда были стабильными по геополитическим причинам. После завершения Кавказской войны в 1859 году чеченцы вошли в состав России [Овхадов, 2022, с. 51]. В 1922 году была образована Чеченская автономная область в составе РСФСР. В 1934 году Чечня и Ингушетия были объединены в Чечено-Ингушскую Автономную Советскую Социалистическую Республику (ЧИАССР). В 1944 году чеченцы и ингуши были репрессированы и выселены в Казахстан и Киргизию, республика была упразднена, в 1957 году Чечено-Ингушская АССР была восстановлена. В 1990 году Верховным Советом ЧИАССР была принята Декларация о государственном суверенитете Чечено-Ингушской Республики. В 1992 году Чечено-Ингушская Республика была разделена на две самостоятельные республики в составе РФ: Чеченскую Республику и Республику Ингушетия. В начале 1990-х годов объявление суверенитета Чеченской Республики Ичкерия и попытки выхода ее из состава Российской Федерации привели к двум войнам, в результате которых была разрушена инфраструктура республики, произошел отток населения, впоследствии по этой причине республика уже носила моноэтнический характер [Там же, с. 53]. Так, по данным переписи 2020 года, национальный состав Чеченской Республики включал чеченцев — 1,4 млн (96,4 %), русских — 18 тыс. чел. (1,2 %) и 2,4 % — остальные народы [ВПН-2020].

Высокая демографическая мощь, компактное расселение, моноэтнический состав населения республики способствуют высокому уровню языковой компетенции на родном языке среди чеченцев и высокой коммуникативной мощи языка. По данным переписи населения 2020 года, считают себя чеченцами 1 456 792 жителей республики, почти все чеченское население (99 %) считает чеченский родным языком [ВПН-2020, табл. 1, т. 5]. Из 1 352 315 владеющих чеченским языком в Чеченской Республике 1 332 426 человек (98,5 %) используют его в повседневной жизни, показатели в городской и сельской местности одинаково высоки, разнясь лишь на шесть десятых процента в пользу села [ВПН-2020]. Однако деление населения на город и село относительное, подразумевается предпочтение чеченцев проживанию в сельской местности, в то время как

работают в основном в городе. Как правило, основная масса чеченцев проживала в сельской местности всегда, так, в 1980-х годах сельское население Чечни составляло 76, 5 %, в 2021 — 63 %. Как видим, для чеченского языка характерна высокая витальность, стабильная межпоколенная передача языка. Отметим, что владение русским языком высокое — 73,4 % [Овхадов, 2022, с. 54].

Благоприятные условия для развития языка подкрепляются статусным планированием, языковой политикой и их реализацией через языковое законодательство. Чеченский и русский языки признаны государственными языками Чеченской Республики согласно Закону Чеченской Республики «О языках в Чеченской Республике» от 24 апреля 2007 года. Стратегия паритетного государственного двуязычия лежит в основе политики руководства Чеченской Республики, при этом в образовательной системе (дошкольном, школьном, среднем специальном и высшем образовании), в сфере науки и культуры приоритетное внимание уделено исследованию, изучению и пропаганде чеченского языка [Там же, с. 54].

Как показало исследование, большинство информантов считают, что федеральное и региональное языковое законодательство обеспечивает возможности удовлетворять потребности всех граждан Чеченской Республики. По мнению 83 % информантов, государственная политика в Чеченской Республике в языковой сфере должна прежде всего способствовать всесторонней поддержке языкового многообразия: всех больших и малых языков, местных и языков других регионов.

Современные языки РФ, как и все языки в мире, сегодня столкнулись с активной урбанизацией, цифровизацией, которые в целом способствуют языковой централизации, постепенному установлению дисбаланса в пользу доминирующего языка. Рассмотрим, какова коммуникативная мощь современного чеченского языка по объективным и субъективным показателям.

Одна из основных отличительных черт высокой витальности чеченского языка в сравнении с другими языками России — активное использование чеченского языка в семейно-бытовой сфере: «В Чеченской Республике семейный дискурс и, в преобладающем большинстве случаев, бытовой дискурс обслуживает чеченский язык», — пишут чеченские исследователи [Навразова и др., 2019, с. 364]. Такие факторы, как моноэтнический состав семьи, социальный статус, уровень образования, определяют выбор языка общения в семейной сфере: «Общение младшего со старшим, особенно членом семьи преклонного возраста, осуществляется на чеченском языке. Незнание языка не одобряется» [Овхадов, 2022, с. 55].

В формальных регламентируемых сферах общения показатели несколько ниже, но не в значительном объеме. Это объясняется тем, что

в официальных сферах коммуникации русский язык доминирует, другие языки функционально ему уступают.

Как указывают респонденты, овладение родным языком произошло через общение с родителями у 86 % информантов, через общение с бабушкой и бабушкой — 9 %, в школе — 4 %.

В других неофициальных сферах общения чеченский язык также преобладает. С друзьями общение происходит на чеченском — у 43 % опрошенных, на русском — у 21 %, на русском и чеченском языках у 36 %. Общение в магазине с продавцами происходит на чеченском у 43 % опрошенных, на русском — 23 %, на русском и чеченском языках — 34 %.

В формальных регламентируемых сферах общения показатели несколько ниже, но незначительно. Это объясняется тем, что в официальных сферах коммуникации русский язык доминирует, другие языки функционально ему уступают.

В сфере образования использование чеченского языка существенно различается в зависимости от степени образования. В дошкольном образовании функционирует 470 учреждений, численность дошкольников в 2021 году составляла 84 тыс. человек. Русский и чеченский функционируют в дошкольных учреждениях в равной степени.

В начальных и средних школах чеченский язык широко востребован. Приведем данные о количестве обучающихся в начальной, средней и старшей школе за 2022/23 учебный год, полученные из открытых источников Минпросвещения России [МПРФ]. В начальной школе чеченский язык используется в функции школьного предмета для 120 839 школьников: в 1 классе для 28 978, во 2 классе для 31 327, в 3 классе для 29 467, в 4 классе для 31 067 детей. Как предмет чеченский язык изучается 14 420 школьниками: 3 384 в 1 классе, 3 701 во 2 классе, 3 684 в 3 классе и 3 651 в 4 классе. В 5—9 классах чеченский язык используется в функции школьного предмета для 159 340 школьников, в 10—11 — для 20 313 школьников.

В старшей школе количество изучающих чеченский язык значительно снижается. Как предмет, чеченский язык осваивается 18 434 учащимися 5—9 классов и 2 082 учениками 10—11 классов [Там же]. «В настоящее время чеченский язык и литература во всех классах преподаются в объеме 5 часов в неделю (3 часа отводится на язык, 2 часа — на литературу). Классов и школ с чеченским языком обучения в республике нет» [Овхадов, 2022, с. 55].

Постоянно ведется работа над совершенствованием методических и учебных материалов по преподаванию чеченского языка. В 2023 году Институтом чеченского языка закончена работа над созданием современной линейки учебников чеченского языка и чеченской литературы с методи-

ческим сопровождением для начальной школы. За этот учебно-методический комплекс авторы Ибрагим Солтаханов, Салауды Эдинов и Эльбек Солтаханов получили премию Правительства РФ [Трем авторам..., 2023]. В 2022—2023 годах учебники чеченского языка и литературы для школ были обновлены с учетом реформированной в 2020 году орфографии. В 2021 году была создана Терминологическая комиссия Чеченской Республики по стандартизации чеченского языка. В задачи комиссии входит «содействие сохранению и развитию чеченского языка как одного из государственных языков Чеченской Республики; упорядочение терминологии и терминообразования литературного чеченского языка; организация и проведение исследований терминологии чеченского языка; подготовка предложений в органы власти Чеченской Республики по реализации государственной политики в сфере функционирования языков» [Положение ..., 2021]. Последовательная работа в этих направлениях со временем будет содействовать совершенствованию терминологической базы чеченского языка и расширению сфер его применения. Большое значение для развития чеченского языка имеет образованная в 2019 году Ассоциация учителей чеченского языка и литературы. На встречах членов ассоциации учителя делятся опытом о том, как улучшить успеваемость учеников, готовящихся к сдаче ОГЭ по чеченскому языку, занимаются совершенствованием методических материалов, готовят конкурс «Лучший учитель чеченского языка» [Ассоциация ...].

В системе среднего профессионального образования чеченский язык присутствует, используется в Грозненском и Гудермесском педагогическом училищах при подготовке учителей чеченского языка и литературы. «Дисциплины чеченской филологии (чеченский язык, литература, фольклор) преподаются на чеченском языке, остальные предметы — на русском языке; в других 15 средних профессиональных учебных заведениях чеченский язык преподается в объеме 5 часов в неделю» [Овхадов, 2022, с. 56].

В сфере высшего образования чеченский язык также востребован, но в меньшем объеме. Он изучается как предмет и частично используется как средство обучения в Чеченском государственном педагогическом университете (ЧГПУ) и Чеченском государственном университете им. А. А. Кадырова (ЧГУ). В технопарке Чеченского государственного педагогического университета в Грозном в 2023 году разработали обучающую игру «Берашна а, бегашийна» [В настоящее время ..., 2023]. Игра представляет собой интерактивную площадку для изучения языка.

Сами носители языка по поводу приемлемости часов, отводимых на изучение чеченского языка в Чеченской Республике, высказывают такое мнение: «Чеченский язык должен обязательно изучаться всеми учащимися

в равном объеме с русским языком» — 45 %»; «Чеченский язык должны изучать обязательно чеченцы, другие национальности — по желанию» — 36 %, «Чеченский язык должен быть обязательным для всех, но в меньшем объеме, чем русский» — 4 %; «Чеченский должен изучаться только по желанию, независимо от национальности» — 6 %; затруднились ответить — 8 % [Анкетирование 2022—2023]. Очевидно, что чеченский язык в полной мере присутствует в повседневной жизни чеченцев в неофициальных сферах семьи, дружеского общения и т. д., однако есть некоторые сожаления об отсутствии чеченского как языка обучения [Интервью 2022].

В сфере науки доминирующую роль занимает русский язык, однако на чеченском языке издается много научных и научно-популярных работ, в основном в области филологии, педагогики и культурологии. В последние десятилетия много сделано академической наукой в деле изучения и развития чеченского языка. В Академии наук Чеченской Республики подготовлена Программа развития чеченского языка, создан Институт чеченского языка при Министерстве образования и науки Чеченской Республики в 2021 году, выпущен новый реформированный Свод основных правил орфографии чеченского языка, подготовлен и издан Большой орфографический словарь чеченского языка в 10 томах, издается трехтомная грамматика чеченского языка и др. [Овахдов, 2022, с. 56].

В сфере законодательства, административной деятельности и судебной сфере востребованность чеченского языка невысокая в связи с тем, что опять же в формальной и неформальной сферах общения наблюдается функциональная диглоссия, при которой язык межнационального общения — русский язык — используется для официального и профессионального взаимодействия, а чеченский язык более востребован в сферах неформального общения и событиях культурной и общественной жизни республики.

Языком государственных учреждений являются русский и чеченский языки. Согласно статье 12 Закона о языках ЧР, «на территории Чеченской Республики официальное делопроизводство в государственных органах Чеченской Республики, учреждениях и организациях ведется на государственных языках Чеченской Республики» [О языках ..., 2007]. Тексты документов (бланков, штампов, штемпелей) и вывесок с наименованиями государственных органов, учреждений, организаций в Чеченской Республике оформляются «на государственных языках Чеченской Республики, а в необходимых случаях и на иных языках народов Российской Федерации с учетом интересов местного населения» [Там же]. Как отмечают эксперты, документация ведется на русском языке, чеченский используется частично в устной форме [Интервью 2022].

В сфере судопроизводства, в судебных заседаниях используется русский язык, чеченский язык функционирует в основном в процедуре опроса свидетелей и т. п. По Конституции РФ и Конституции Чеченской Республики, каждый участник судебного процесса имеет право использовать родной язык, ему обязаны предоставить переводчика. Что касается языка официального опубликования законов, то «законы Чеченской Республики официально публикуются на русском языке» (статья 9) [О языках ..., 2007].

Как показал опрос, действительно, в этих официальных сферах русский язык является функционально первым. По мнению 48 % информантов, обычно общение в госучреждениях происходит на русском языке, 21 % опрошенных указали, что общение с госслужащими происходит на чеченском, 31 % — на русском и чеченском языках.

Сфера средств массовой информации играет важную роль в поддержке витальности чеченского языка. Предпринимаются усилия по созданию контента на чеченском языке в традиционных СМИ (радио, телевидение, печать) и на цифровых платформах.

В сфере периодики на чеченском языке (а также на чеченском и русском языках) в 2022 году издавалось 19 наименований газетной продукции общим годовым тиражом 1341,9 тыс. экземпляров [Выпуск книг ..., 2022], то есть индекс экземпляров получается низким — равным единице: на каждого владеющего чеченским языком в год приходится всего один экземпляр, об этом см.: [Горячева, 2022, с. 63]. В 2023 году столетний юбилей отметила газета «Даймохк» (рус. «Отечество»), читательскую аудиторию которой составляют все слои чеченского общества, так или иначе владеющие литературным чеченским языком [Печатные СМИ ...]. Газета «Даймохк» выходит тиражом 2 тыс. экз. два раза в неделю. Также издаются журналы, например, чеченоязычные «Таллам», «Орга», двуязычные «Вайнах», «Нана», детский журнал «Стелалад». Двуязычная религиозно-просветительская газета «Зори ислама» (Исламан зӕӕнарш) в настоящее время выходит всего два раза в месяц, но имеет свой сайт с архивом номеров [Зори Ислама]. Следует отметить, что ареал издания периодической литературы на чеченском языке не ограничивается республикой. Так, на чеченском и русском языках в Дагестане для чеченоязычной аудитории издается еженедельная газета «Нийсо».

Сегодня вещание на чеченском языке ведут Чеченская государственная телерадиокомпания «Грозный», выпускает 24 программы в неделю, Радио «Грозный» выпускает 23 программы в неделю на чеченском языке, Телерадиокомпания «Путь» им. А. Кадырова выпускает 7 программ в неделю, Радио «Путь» им. А. Кадырова — 12 программ, Государственная телерадиокомпания «Вайнах» — 11, Радио «Вайнах» — 4. Общее время вещания

на чеченском языке составляет 30 часов 25 минут в неделю [Овхадов, 2022, с. 59].

Значительное большинство респондентов (72 %) предпочитают смотреть телепрограммы на русском языке, что, вероятно, объясняется преобладающим количеством русскоязычных СМИ в Чеченской Республике, пятая часть (20 %) респондентов смотрит телепрограммы как на русском, так и на чеченском языке, программы только на чеченском языке потребляют 8 %, другие языки используются минимально (1 %).

Сфера художественной литературы всегда играла важную роль в vitalности чеченского языка. Как и в ситуации с другими языками России, здесь отмечается планомерный функциональный спад чеченского языка. Ежемесячный литературно-художественный журнал на чеченском языке «Орга» публикует прозаические и поэтические произведения, в том числе переводы на чеченский язык. Также художественные произведения публикуются и в других чеченских журналах.

В республике функционирует Союз писателей — это региональная творческая общественная организация, созданная в 1932 году, в которой состоят около 70 писателей [Союз писателей ...]. Союз писателей занимается изданием книг на чеченском языке, литературных журналов, начата работа по увековечению памяти классиков чеченской литературы, проводятся творческие мероприятия, связанные с юбилеями писателей, организуются презентации книг, учреждена телевизионная программа, призванная пропагандировать чеченскую литературу [Вести Чеченской Республики]. Ежегодно выпускается до 30 наименований изданий, около 70 % на чеченском языке, средний тираж 500—1000 экземпляров [Овхадов, 2022, с. 60].

Опрос показал, что большинство респондентов (62 %) читают художественную литературу на русском языке, значительная часть опрошенных (26 %) читает художественную литературу как на русском, так и на чеченском языке, 11 % читают художественную литературу на чеченском языке, чтение литературы на других языках составляет 1 % [Анкетирование 2022—2023].

2023 год был объявлен в республике Годом чеченского языка, в связи с чем было проведено много мероприятий, связанных с этим событием. Ежегодно 25 апреля, в День чеченского языка, проводятся мероприятия, направленные на сохранение, популяризацию и совершенствование чеченского языка. Во многих столичных, районных и сельских учреждениях культуры регулярно проводятся мероприятия, посвященные чеченскому языку.

В Чеченской Республике функционируют несколько театров: Чеченский государственный драматический театр им. Х. Нурадилова, Чеченский

государственный театр юного зрителя, Чеченская государственная филармония. В программе неизменно спектакли на чеченском языке с переводом на русский язык. В Русском драматическом театре идут постановки на русском языке, иногда ставятся спектакли и на чеченском языке. В Театре юного зрителя работают две труппы — русскоязычная и чеченоязычная. В целом же, в муниципальных театрах около 80 % постановок идут на чеченском языке [Овхадов, 2022, с. 59].

Регулярно проводятся фестивали и конкурсы фольклорных коллективов, на которых также широко используется чеченский язык. Национальная библиотека Чеченской Республики им. А. А. Айдамирова проводит разнообразные мероприятия, в том числе с использованием чеченского языка. Например, в декабре 2023 года прошел вечер памяти чеченского поэта, прозаика и драматурга Саида Гацаева («С родной земли бесследно не уйду...»).

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

В 2022—2023 годах сотрудники Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям Института языкознания Российской академии наук провели в Чеченской Республике социологический опрос, направленный на изучение языковой ситуации. Было опрошено 468 респондентов.

3.1. Динамика функционирования и функциональная дистрибуция чеченского языка с 1960-х годов по настоящее время

С целью анализа динамики функционирования чеченского языка респондентам были заданы вопросы: «Как Вы оцениваете ситуацию с чеченским языком в Чеченской Республике в 1960—1991 годах (в Советском Союзе)?» (рис. 1) и «Как Вы оцениваете ситуацию с чеченским языком в Чеченской Республике в 1990-е годы и сейчас?» (рис. 2) [Анкетирование 2022—2023].

Опрос показал, что с 1960 по 1990-е годы чеченский язык функционировал во всех сферах общения, особенно в сферах семейного и повседневного общения. В период с 1990-х годов и по настоящее время, по мнению респондентов, наблюдается значительное сокращение функционирования чеченского языка. Характеризуя период 1960—1990-х годов, 29 % респондентов указывают, что чеченский язык использовался во всех сферах общения в советское время; 37 % респондентов считают, что чеченский язык использовался преимущественно в семейно-бытовой сфере. Данные свидетельствуют о том, что чеченский язык преобладал в различных аспектах повседневной жизни. Межпоколенческая передача чеченского языка стабильна. При оценке же современной ситуации относительно чеченского

Как Вы оцениваете ситуацию с чеченским языком в Чеченской Республике в 1960–1991 гг. (в Советском Союзе)?

Рис. 1. Оценка респондентами функционирования чеченского языка в период существования Советского Союза (в %)

Как Вы оцениваете ситуацию с чеченским языком в Чеченской Республике в 1990-е годы и сейчас?

Рис. 2. Динамика функционирования чеченского языка в конце XX — начале XXI веков (в %)

языка, выявилась обеспокоенность, заметно снижение востребованности чеченского языка (43 %), на которое повлияли социально-политические изменения, включая рост миграции, изменения в языковой политике и социально-экономические проблемы. Небольшой процент респондентов

отметили (3 %), что ничего не изменилось, это предполагает высокую языковую лояльность, возможно, среди тех, кто активно поддерживает чеченские культурные обычаи. При этом около трети респондентов затруднились с ответом, что, возможно, объясняется спорностью существующей языковой ситуации в восприятии говорящих.

Рис. 3. Функциональная дистрибуция чеченского языка (в %)

Анализ данных опроса показывает, что функциональная дистрибуция чеченского языка имеет значимые отличия по сферам общения (рис. 3). Категория ответа «почти все» имеет самые высокие показатели по сферам «с семьей и друзьями» (30 %), «в общественном транспорте» (25 %) и «с незнакомыми людьми на улице» (20 %). Относительно высокий показатель «значительно больше половины» наблюдается в «заведениях сферы услуг» (22 %) и «в общественном транспорте» (20 %). В целом в административных учреждениях и учреждениях сферы услуг использование чеченского языка более равномерно распределено по категориям, при этом «значительно меньше половины» является самой крупной категорией в администрации (26 %). По сфере «у врача и в аптеках» самые крупные показатели составляют «значительно меньше половины» (27 %) и «половина» (16 %). Категория «почти никто» имеет самый высокий показатель по вузам (17 %) и в администрации (15 %).

В сферах «в администрации», «в вузах», «в школах», «у врача, в аптеках», «в детских садах» примерно в четверти случаев большая часть людей используют чеченский язык, согласно оценкам респондентов. Это предпо-

лагает умеренное присутствие языка в формальной среде. Хотя чеченский язык и не доминирует, но сохраняет значимый объем в функционировании. Вероятно, это объясняется влиянием местной языковой политики и разновозрастным составом занятых в официальных учреждениях сотрудников: свободное владение чеченским языком наблюдается в основном среди людей старшего поколения, поэтому в большинстве случаев все же используется русский язык.

Для межпоколенческой передачи языка особенно важен показатель функционирования чеченского языка в такой сфере коммуникации, как дошкольное образование. Раннее введение языка в образовательных учреждениях имеет решающее значение для сохранения языка, это гарантирует, что дети осваивают и используют чеченский язык с раннего возраста. Относительно высокий показатель по школам — примерно в трети случаев более половины людей используют чеченский язык — подтверждает тот факт, что чеченский язык используется в качестве средства обучения или специально изучается в рамках соответствующего предмета, это усиливает его роль в образовании и способствует распространению языковой грамотности.

Для таких ситуаций общения, как «в заведениях сферы услуг» (магазины, ресторанах и других предприятиях), «в общественном транспорте», фиксируется умеренное присутствие чеченского языка: согласно ответам респондентов, в этих сферах его используют примерно в 40 % случаев. Около трети опрошенных более чем в половине случаев при общении с незнакомцами на улице говорят на чеченском языке.

3.2. Тенденции в использовании русского и чеченского языков в СМИ

Относительно представленности чеченского языка в СМИ 51 % информантов заявили, что в информационном пространстве Чеченской Республики используются преимущественно русский и чеченский в равной степени; 49 % указали ответ «скорее русский язык» [Анкетирование 2022—2023].

Русский язык является предпочтительным языком для чтения газет и журналов: его выбрали 70 % респондентов, примерно одна пятая (21 %) респондентов читают газеты и журналы на других языках, что указывает на разнообразие лингвистического ландшафта в этой области использования языка, лишь 8 % предпочитают читать на чеченском языке, и очень небольшая часть (2 %) использует как русский, так и чеченский язык. Опросы показали, что 70 % информантов-чеченцев читают газеты и журналы на русском языке, на чеченском — 9 %, на русском и чеченском языках — 21 % (рис. 4) [Анкетирование 2022—2023].

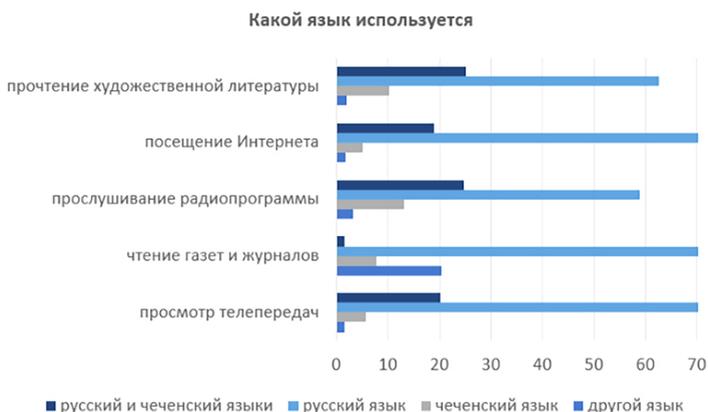

Рис. 4. Предпочтения респондентов в использовании русского и чеченского языков в СМИ (в %)

Русский язык является доминирующим языком потребления информации в Интернете (74 %), 19 % используют для работы в Интернете как русский, так и чеченский языки; 6 % используют чеченский язык, другие языки используются редко (1 %) [Там же].

Проведенный анализ по предпочтениям в отношении просмотра телепередач, чтения газет и журналов, прослушивания радиопрограмм, посещения Интернета и чтения художественной литературы продемонстрировал важность русского языка в общественной и медиасфере, а также устойчивость и культурную значимость чеченского языка для респондентов.

3.3. Тенденции в использовании русского и чеченского языков в сферах официального и неформального общения

Опрос респондентов в отношении предпочтений по официальным сферам использования чеченского языка показал, что в образовательных учреждениях используются как русский, так и чеченский языки, что позволяет сохранять в определённой степени двуязычность данной сферы. Русский язык остается доминирующим языком образования и профессиональной литературы. В сфере администрирования (во взаимодействии с официальными лицами) используется преимущественно русский язык. В сфере услуг при общении с продавцами в значительной степени задействуется чеченский язык, что предполагает в основном моноэтничное общество в повседневном коммерческом взаимодействии. В целом данные проведенного опроса выявляют двуязычный ландшафт, в котором и русский, и чеченский языки используются в разных сферах, русский преоб-

ладает в формальной и профессиональной среде, а чеченский более распространен в повседневном взаимодействии.

Рис. 5. Предпочтения респондентов в использовании русского и чеченского языков в неформальных сферах (в %)

Опрос респондентов в отношении предпочтений по неформальным сферам использования чеченского языка отразил значимое присутствие чеченского языка в семейном и социальном общении, особенно среди представителей старшего поколения и в домашнем взаимодействии. Русский язык превалирует в письменном общении, а также является важной частью двуязычного общения в различных сферах общения. Значительное число респондентов выступают за двуязычный подход к образованию своих детей, что отражает желание сохранить как чеченскую, так и русскую языковую идентичность. Это указывает на сбалансированную двуязычную среду с высокой языковой лояльностью к чеченскому языку (рис. 5).

В общении с друзьями 43 % используют чеченский, 20 % — русский, 36 % — оба языка, что указывает на высокую степень двуязычного взаимодействия, и 1 % — другой язык. Среди старшего поколения 64 % используют чеченский, 19 % — русский, 16 % — оба языка, 1 % — другой язык. Среди родителей 61 % используют чеченский, 19 % — русский, 19 % — оба языка. Общение в семье показывает, что 59 % используют чеченский, 17,5 % — русский, 22 % — оба языка, 1 % — другой язык. Навыки письма различаются: 50 % сообщают, что лучше пишут на русском, 20 % — на чеченском, 29 % — одинаково хорошо на обоих, 1 % — на другом языке. Что касается языка обучения детей, 45 % предпочитают двуязычное обучение, 31 % — чеченский, 21 % — русский, 3 % — другой язык. В отношении

межпоколенческой передачи языка 44 % опрошенных выступают за двуязычие, 35 % — за чеченский язык, 18 % — русский, 3 % — другой язык.

Результаты исследования подтверждают высокую востребованность чеченского языка в сообществе в настоящий период. При этом значительная часть общения на чеченском языке проходит в неформальных сферах, по мнению опрошенных респондентов. Самый высокий уровень использования чеченского языка, согласно результатам исследования, наблюдается в неформальном общении с семьей и друзьями, что подчеркивает жизнеспособность и важнейшую роль чеченского языка в личном и культурном общении. Полурегулируемые сферы общения характеризуются весьма значительной востребованностью чеченского языка: в учреждениях сферы услуг и общественном транспорте. В сфере услуг в значительной степени задействуется чеченский язык при общении с продавцами, что предполагает значимое присутствие чеченоязычного сообщества в повседневном коммерческом взаимодействии. В формальных сферах общения, таких как администрирование, образование и здравоохранение, характерна умеренная степень присутствия чеченского языка. Опрос респондентов показал, что в образовательных учреждениях в устной коммуникации широко используются как русский, так и чеченский языки, что позволяет сохранять в определённой степени двуязычность данной сферы.

Опрос респондентов в отношении их предпочтений по неформальным сферам использования чеченского языка отразил значимое присутствие чеченского языка в семейном и социальном общении, особенно среди представителей старшего поколения и в домашнем взаимодействии. Русский язык превалирует в письменном общении, а также является важной частью двуязычного общения в различных сферах общения. Значительное число респондентов выступают за двуязычный подход к образованию своих детей, что отражает желание сохранить как чеченскую, так и русскую языковую идентичность. Это также указывает на сбалансированную двуязычную среду с высокой языковой лояльностью к чеченскому языку.

4. Заключение = Conclusions

Итак, в условиях урбанизации и цифровизации чеченский язык сегодня сталкивается не только с положительной динамикой в своем развитии, но и с негативными тенденциями. Проблемы чеченского языка совпадают с теми, с которыми столкнулись почти все языки России: «дети не говорят на родном чеченском языке — 66 %, молодежь не говорит на родном чеченском — 49 %, отсутствие мотивации и стимула в изучении чеченского языка — 34 %, сужение среды употребления чеченского языка — 22 %, многие говорят неправильно на чеченском языке — 32 %, отсутствие об-

разовательных учреждений с обучением на чеченском языке — 1 %, 6 % указали отсутствие проблем» [Анкетирование 2022—2023].

Утрата языка молодым поколением болезненно воспринимается родителями, старшим поколением, предлагается предпринять следующие меры по сохранению чеченского языка: введение в образовательный стандарт изучение родного языка для лиц чеченской национальности (54 %), прежде всего семейное воспитание на родном языке (52 %), совершенствование качества преподавания чеченского языка в школе, ссузе, вузе (50 %). Этому способствовали бы также владение и активное использование чеченским языком национальной интеллигенцией (25 %), размещение информации на чеченском и о чеченском языке в интернете (34 %), увеличение печатных изданий на чеченском языке (художественные произведения, периодические издания) (21 %), активная пропаганда чеченского языка в СМИ (16 %), включение разнообразных факультативов на чеченском языке для не владеющих в планы работы учебных заведений (20 %), расширение применения чеченского языка в административно-управленческой, официально-деловой сферах (16 %) [Там же].

Среди представителей некогда однородных в языковом и этнокультурном плане этнических групп сегодня встречаются такие, кто считает родным языком «не свой» язык, переходит на язык большинства. Отмечается также диссонанс в высокой символической мощности языка и низкой или нулевой языковой компетенции на родном языке. В этом случае речь идет об этническом языке, а не о родном. У чеченской этнической группы же совпадают эти два понятия (родной язык и этнический), этноязыковое самосознание и языковая компетенция в рамках владения родным языком неизменно высоки.

Определяющими ассоциациями с родным языком у опрошенных чеченцев являются следующие: язык моего повседневного общения — 49 %, язык этнической группы, с которой я себя идентифицирую, — 41 %, язык, на котором я думаю, — 33 %, язык моих родителей — 51 %, язык моей Родины — 25 %, язык, на котором я общаюсь, — 41 %, язык моей души — 15 %.

Опрошенные считают себя: чеченцами — 64 %, мусульманами — 31 %, гражданами мира — 2 %. При этом при определении своей национальности ключевыми параметрами респонденты назвали знание родного языка — 86 %, соблюдение национальных традиций — 74 %, религию предков — 51 %, национальное самосознание — 35 %, черты характера, психологию — 16 %, черты внешнего облика — 8 %, национальную кухню — 12 %, проживание на исторической территории — 12 %.

Среди событий в истории чеченского народа, которые значительно повлияли на развитие чеченского языка и культуры, упоминаются депортация

чеченцев, две чеченские войны и др., но эти исторические травмы не препятствуют благожелательному взгляду носителей языка на современную ситуацию. Они, как правило, смотрят на перспективы развития чеченского языка с надеждой на лучшее: «Несмотря на все печальные события в прошлом в нашей республике, положительное то, что это сделало наш язык только свободнее, и, к счастью, он не пропал и не изменился в худшую сторону, а культуру стали изучать и узнавать другие народы»; «Конечно же, был переломный промежуток времени в Чеченской республике... Тогда никто и поверить не мог, что наше поколение увидит сегодняшнюю красоту. Но всё страшное позади! Возродились и культура, и традиции чеченского народа!» [Интервью 2022]. Среди причин, ограничивающих функциональное развитие языка, информанты склонны видеть и собственное отношение к родному языку: «Мы, как и все люди, догоняем всемирный поток, погружены в социальные сети, а всё зависит от молодых родителей, которые не рассказывают о традициях и культуре своим детям»; «Быстрое развитие информационных технологий, подача информации только на русском языке ухудшило знание чеченского. Начиная с детства (мультки на русском языке) и заканчивая сегодняшним днем (лекции / новости / вопросы — все на русском), сильно повлияли на нас» [Там же] (сохранены особенности речи респондентов).

Несмотря на некоторую обеспокоенность будущим языка, культуры и в целом народа, 57 % информантов оценивают будущее чеченского языка как уверенное, стабильное, с тревогой смотрят на будущее языка 20 %, с отчаянием — 6 %. По мнению информантов, чеченский язык сохранится благодаря усилиям молодежи и языковых активистов — 66 %, государственной политике — 26 %, новым интернет-технологиям — 7 % [Анкетирование 2022—2023].

Проведенный анализ данных дает основания для оптимизма в отношении будущего развития чеченского языка. Несмотря на то, что в настоящее время коммуникативная мощь чеченского языка уступает его демографической мощи, межпоколенная передача языка сохраняется, на чеченском языке активно говорят и передают его в семьях, что позволяет молодому поколению изучать и использовать язык с раннего возраста. Институциональная поддержка чеченского языка находится на хорошем уровне в сфере образования, культурных программах, общественной жизни. В области СМИ предпринимаются постоянные усилия по увеличению количества контента на чеченском языке на цифровых платформах. Двухязычная тенденция развития СМИ предполагает динамичную языковую среду, в которой оба языка органично сосуществуют.

Чеченский сохраняет значительную роль в языковой жизни общества, чему способствуют поддерживающая его федеральная и регио-

нальная языковая политика, моноэтнический состав населения, высокая демографическая мощь населения Чеченской Республики. Данные проведенного опроса характеризуют двуязычный ландшафт, в котором и русский, и чеченский языки используются в разных сферах, русский преобладает в формальной и профессиональной среде, а чеченский более распространен в неофициальных сферах общения, семейно-бытовой, сферах связанных с этнокультурным контекстом сообщества.

Широкая функциональная дистрибуция чеченского языка отражает сильную языковую идентичность сообщества и важность чеченского языка для поддержания социальной сплоченности. Витальность чеченского языка удержит свои высокие показатели при условии сохранения существующего статус-кво и приложения усилий в стратегическом языковом планировании: требуется постоянная работа по укреплению позиций чеченского языка в формальных, профессиональных и образовательных коммуникативных сферах. Высокая демографическая мощь чеченского языка и продуманная языковая политика в сочетании с хорошей материальной базой дают основания для оптимистичного прогноза повышения его коммуникативной мощи.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.
---	---

Источники и принятые сокращения

1. Ассоциация учителей чеченского языка и литературы [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://asou-che.ru/index.php/2019-08-24-13-29-33/assotsiatsiya-uchiteley-chechenskogo-yazyka-i-literatury> (дата обращения 15.06.2024).
2. Анкетирование 2022—2023 — *Анкетирование* (личный архив авторов) : социологический опрос, посвященный изучению языковой ситуации, проведенный сотрудниками НИЦ НЯО Института языкознания РАН в 2022—2023 гг. в Чеченской Республике (468 респондентов).
3. *Вести Чеченской Республики*: [портал] [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://vesti095.ru/2023/01/pisateli-i-poety-chechenskoj-respubliki-s-uverennostyusmotryat-v-budushhee/> (дата обращения 27.06.2024).
4. В настоящее время в технопарке ЧГПУ реализуется уникальный проект под названием «Берашна а, бегашийна» [Электронный ресурс] // ЧГПУ. Новости. 25 июля 2023. — Режим доступа : <https://chspu.ru/2023/07/25/v-nastoyashche-vremya-v-technoparke-chgpu-re/> (дата обращения 16.06.2024).
4. ВПН-2010 — *Всероссийская перепись населения 2010* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения 28.06.2024).

4. ВПН-2020 — *Всероссийская перепись населения 2020* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020> (дата обращения 28.06.2024).
5. *Выпуск книг и брошюр на языках народов мира*. 2022 г. — РГБ. [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://www.rsl.ru/photo/!_ORS/7-RKP/3statistics/knigibroshyury/3.pdf (дата обращения 16.06.2024).
7. *Зори ислама* : [газета] [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://zori-islama.com/wp-content/uploads/2024/01/islam-1.2024-aa.pdf> (дата обращения 15.06.2024).
8. Интервью 2022 — *Устные интервью с экспертами по языковой ситуации, записанные в ходе полевого исследования в Чеченской республике, проведенного в 2022 г.*
9. МПРФ — *Министерство просвещения Российской Федерации* [Электронный ресурс] : официальный интернет-ресурс. — Режим доступа : <https://docs.edu.gov.ru/#activity=8> (дата обращения 16.06.2024).
6. *О языках Чеченской Республики* [Электронный ресурс] : Закон Чеченской Республики № 16-ПЗ от 25.04.07 года. — Режим доступа : <https://parlamentchr.ru/zakony/2007/16-rz-ot-25-04-07-goda-o-yazykakh-chechenskoj-respubliki.html> (дата обращения 16.06.2024).
10. *Печатные СМИ Чеченской Республики*. [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://checheninfo.ru/pechsmi.html> (дата обращения 15.06.2024).
14. *Положение о Терминологической комиссии Чеченской Республики* : указ от 19.08.2021 г. № 141 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/2000202108260001> (дата обращения 15.06.2024).
11. *С родной земли бесследно не уйду... Вечер памяти к 85-летию Саида Гацаева прошел в библиотеке* [Электронный ресурс] // Национальная библиотека Чеченской Республики им. А. А. Айдамирова. — Режим доступа : <https://chechenlibrary.ru/portfolio/s-rodnoj-zemli-bessledno-ne-ujdu-vecher-pamyati-k-85-letiyu-saida-gaczaeva-proshel-v-biblioteke/>. (дата обращения 16.06.2024).
12. *Союз писателей Чеченской Республики* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://spchr.ukit.me/> (дата обращения 16.06.2024).
15. *Трем авторам учебных пособий по чеченскому языку присудили премию РФ* [Электронный ресурс] // Грозный информ, 04 октября 2023. — Режим доступа : <https://www.grozny-inform.ru/news/culture/154914/> (дата обращения 16.06.2024).
17. *Чеченский государственный педагогический университет*. [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://chspu.ru/sveden/employees/pps/chechenskiy-yazyk-i-literatura-i-russkiy-yazyk_op0027.html (дата обращения 16.06.2024).
18. *Чеченский государственный университет им. А. А. Кадырова* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://www.chesu.ru/course?p=33420&client=chsu> и <https://www.chesu.ru/course?p=28125&client=chsu> (дата обращения 16.06.2024).

Литература

1. *Алироев И. Ю.* Нахские языки и культура / И. Ю. Алироев. — Грозный : Чечено-Ингушское книжное издательство, 1978. — 289 с.
2. *Альбеков Н. Н.* Чеченский язык в контексте функционирования миноритарных языков / Н. Н. Альбеков // Вестник Академии наук Чеченской Республики. — 2024. — № 1 (64). — С. 97—101. — DOI: 10.25744/vestnik.2024.54.87.014.
3. *Арсаханов И. А.* Чеченская диалектология / И. А. Арсаханов ; Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт истории, языка, литературы и экономики. — Грозный : Чечено-Ингушское книжное издательство, 1969. — 209 с.

4. *Асхабова Л. А.* Актуальные проблемы наречий в современном чеченском языке / Л. А. Асхабова, А. Д. Вагапов // Известия Чеченского государственного педагогического университета. Серия 1. Гуманитарные и общественные науки. — 2021. — № 3 (35). — С. 7—14. — DOI: 10.54351/25876074-2021-3-35-7.
5. *Бадаева А. С.* Некоторые результаты работы по подготовке правил чеченской орфографии в соответствии с рекомендациями академии наук чеченской Республики / А. С. Бадаева // Таллам. — 2019. — № 2 (17). — С. 97—107. — DOI: 10.25744/tallam.2019.17.20.017.
6. *Биткеева А. Н.* Прогнозирование и языковое многообразие в Российской Федерации : социолингвистический аспект / А. Н. Биткеева, М. Вингендер, В. Ю. Михальченко // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. — 2019. — Т. 18. — № 3. — С. 6—23. — DOI: 10.15688/jvolsu2.2019.3.1.
7. *Гадаев Р. В.* Формирование и развитие чеченской письменности : специальность 10.02.02 : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Рамзан Вахаевич Гадаев. — Грозный, 2010. — 157 с.
8. *Горячева М. А.* Динамика выпуска периодики на русском и республиканских государственных языках народов РФ (1970—2021) / М. А. Горячева // Социолингвистика. — 2022. — № 4 (12). — С. 45—70. — DOI: 10.37892/2713-2951-4-12-45-70.
9. *Дешериев Ю. Д.* Современный чеченский литературный язык : Том 1 : Фонетика / Ю. Д. Дешериев. — Грозный : Чечено-Ингушское книжное издательство, 1960. — 122 с.
10. *Дешериев Ю. Д.* Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских народов / Ю. Д. Дешериев. — Грозный : Чечено-Ингушское книжное издательство, 1963. — 556 с.
11. *Довлеткиреева Л. М.* Достижения чеченской орфографии и лексикографии 2020—2021 годов / Л. М. Довлеткиреева // Вестник Института развития чеченского языка и истории. — 2022. — № 19. — С. 21—24.
12. *Дулаева Х. З.* Видо-временная система чеченского глагола / Х. З. Дулаева // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. — 2007. — № 3-2. — С. 137—142.
13. *Ильясова Р. С.* Язык как этническая ценность (на примере чеченского языка) / Р. С. Ильясова // Мир науки, культуры, образования. — 2018. — № 6 (73). — С. 534—535.
14. *Навразова Х. Б.* Особенности коммуникативного поведения чеченцев-билингвов / Х. Б. Навразова, Б. Н. Исакова // Мир науки, культуры, образования. — 2019. — № 4 (77). — С. 363—365.
15. *Навразова Х. Б.* Синтаксическая сущность членов предложения в современном чеченском языке / Х. Б. Навразова // Известия Чеченского государственного педагогического института. — 2012. — № 1 (6). — С. 227—231.
16. *Овхадов М. Р.* Социолингвистический анализ развития чеченско-русского двуязычия / М. Р. Овхадов. — Назрань : Пилигрим, 2007. — 203 с. — ISBN 978-5-98993-033-3.
17. *Овхадов М. Р.* Языковая ситуация в Чеченской Республике / М. Р. Овхадов, А. А. Яхьяева, Р. Д. Шамилева. — Назрань : КЕП, 2015. — 176 с. — ISBN 978-5-4482-0001-4.
18. *Овхадов М. Р.* Языковая ситуация в Чеченской Республике / М. Р. Овхадов // Мой родной язык : альманах. — Назрань : КЕП, 2022. — С. 51—61. — ISBN 978-5-4482-0001-4.
19. *Халидов А. И.* Система частей речи чеченского языка / А. И. Халидов // Известия Чеченского государственного университета им. А. А. Кадырова. — 2023. — № 2 (30). — С. 35—42. — DOI: 10.36684/12-2023-30-2-35-42.

20. Халидов А. И. Эмерджентные изменения в языковой системе чеченского языка в результате упорядочения орфографических норм / А. И. Халидов, Н. Н. Альбеков // Вестник Академии наук Чеченской Республики. — 2022. — № 2 (57). — С. 109—115. — DOI 10.25744/vestnik.2022.57.2.014.

21. Яхъяева А. А. Чеченский язык в 90-е годы XX века : функции и структура : специальность 10.02.19 : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Аза Абдулвахидовна Яхъяева. — Грозный, 2007. — 23 с.

*Статья поступила в редакцию 31.07.2024,
одобрена после рецензирования 17.10.2024,
подготовлена к публикации 12.11.2024.*

Material resources

Association of Teachers of Chechen Language and Literature. Available at: <https://asou-che.ru/index.php/2019-08-24-13-29-33/assotsiatsiya-uchitelej-chechenskogo-yazyka-i-literatury> (accessed 15.06.2024). (In Russ.).

Chechen State Pedagogical University. Available at: https://chspu.ru/sveden/employees/ppts/chechenskiy-yazyk-i-literatura-i-russkiy-yazyk_op0027.html (accessed 16.06.2024). (In Russ.).

Chechen State University named after A. A. Kadyrov. Available at: <https://www.chesu.ru/course?p=33420&client=chsu> and <https://www.chesu.ru/course?p=28125&client=chsu> (accessed 16.06.2024). (In Russ.).

Currently, a unique project called “Berashna a, begashiyna” is being implemented in the ChSPU technopark (2023). In: *ChSPU News*. July 25. Available at: <https://chspu.ru/2023/07/25/в-настоящее-время-в-технопарке-чгпу-ре/> (accessed 16.06.2024). (In Russ.).

Dawns of Islam: [newspaper]. Available at: <https://zori-islama.com/wp-content/uploads/2024/01/islam-1.2024-aa.pdf> (accessed 15.06.2024). (In Russ.).

I will not leave my native land without a trace... The evening of memory for the 85th anniversary of Said Gatsaev was held in the library. In: *National Library of the Chechen Republic named after A. A. Aidamirov*. Available at: <https://chechenlibrary.ru/portfolio/s-rodnoj-zemli-bessledno-ne-ujdu-vecher-pamyati-k-85-letiyu-saida-gaczaeva-proshel-v-biblioteki/> (accessed 16.06.2024). (In Russ.).

Interviews 2022 — *Oral interviews with experts on the language situation recorded during a field study in the Chechen Republic conducted in 2022.* (In Russ.).

MPRF — *Ministry of Education of the Russian Federation.* Available at: <https://docs.edu.gov.ru/#activity=8> (accessed 16.06.2024). (In Russ.).

News of the Chechen Republic: [portal]. Available at: <https://vesti095.ru/2023/01/pisateli-poety-chechenskoj-respubliki-s-uverennostyu-smotryat-v-budushhee/> (accessed 27.06.2024). (In Russ.).

On the languages of the Chechen Republic: law of the Chechen Republic № 16-RZ, 25.04.07. Available at: <https://parlamentchr.ru/zakony/2007/16-rz-ot-25-04-07-goda-o-yazykakh-chechenskoj-respubliki.html> (accessed 16.06.2024). (In Russ.).

Print media of the Chechen Republic. Available at: <https://checheninfo.ru/pechsmi.html> (accessed 15.06.2024). (In Russ.).

Publication of books and brochures in the languages of the peoples of the world. 2022 — RGB. Available at: https://www.rsl.ru/photo/_ORS/7-RKP/3statistics/knigi-brosyury/3. (accessed 16.06.2024). (In Russ.).

Questionnaire 2022-2023 — *Questionnaire (authors' personal archive): a sociolinguistic survey devoted to the study of the language situation conducted by the staff of the National Research Center of the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences in 2022—2023. In the Chechen Republic. 468 respondents were involved in the survey.* (In Russ.).

Regulations on the Terminology Commission of the Chechen Republic: decree 19.08.2021 г. № 141. Available at: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/2000202108260001> (accessed 15.06.2024). (In Russ.).

Three authors of textbooks on the Chechen language were awarded the prize of the Russian Federation. (2023). *Grozny inform, October 04.* Available at: <https://www.grozny-inform.ru/news/culture/154914/> (accessed 16.06.2024). (In Russ.).

Union of Writers of the Chechen Republic. Available at: <https://spchr.ukit.me/> (accessed 16.06.2024). (In Russ.).

VPN-2010 — *All-Russian Population Census 2010.* Available at: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (accessed 28.06.2024). (In Russ.).

VPN-2020 — *All-Russian Population Census 2020.* Available at: <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020> (accessed 28.06.2024). (In Russ.).

References

Albekov N. N. (2024). Chechen language in the context of functioning of minority languages. *Bulletin of the Academy of Sciences of the Chechen Republic, 1* (64): 97-101. DOI: 10.25744/vestnik.2024.54.87.014. (In Russ.).

Aliroev, I. Yu. (1978). *Nakh languages and culture.* Grozny: Chechen-Ingush book publishing house. 289 p. (In Russ.).

Arsakhanov, I. A. (1969). *Chechen dialectology.* Grozny: Chechen-Ingush book publishing house. 209 p. (In Russ.).

Askhabova, L. A., Vagapov, A. D. (2021). Actual problems of adverbs in the modern Chechen language. *Bulletin of the Chechen State Pedagogical University. Series 1. Humanities and social sciences, 3* (35): 7-14. DOI: 10.54351/25876074-2021-3-35-7. (In Russ.).

Badayeva, A. S. (2019). Some results of the work on the preparation of the rules of Chechen spelling in accordance with the recommendations of the Academy of Sciences of the Chechen Republic. *Tallam, 2* (17): 97-107. DOI: 10.25744/tallam.2019.17.20.017. (In Chech.).

Bitkeeva, A. N., Wingender, M., Mikhilchenko, V. Y. (2019). Forecasting and linguistic diversity in the Russian Federation: a sociolinguistic aspect. *Bulletin of the Volgograd State University. Series 2, Linguistics, 18* (3): 6—23. DOI: 10.15688/jvol-su2.2019.3.1. (In Russ.).

Desheriev, Yu. D. (1960). *Modern Chechen literary language: Volume 1: Phonetics.* Grozny: Chechen-Ingush book publishing house. 122 p. (In Russ.).

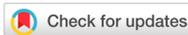
Desheriev, Yu. D. (1963). *Comparative historical grammar of the Nakh languages and problems of the origin and historical development of the mountain Caucasian peoples.* Grozny: Chechen-Ingush book publishing house. 556 p. (In Russ.).

Dovletkireeva, L. M. (2022). Achievements of Chechen orthography and lexicography in 2020-2021. *Bulletin of the Institute for the Development of the Chechen Language and History, 19:* 21-24. (In Russ.).

- Dulaeva, Kh. Z. (2007). Aspectual-tense system of the Chechen verb. *Bulletin of St. Petersburg University. Series 9. Philology. Oriental studies. Journalism*, 3-2: 137-142. (In Russ.).
- Gadaev, R. V. (2010). *Formation and development of the Chechen written language: specialty 10.02.02: author's abstract of PhD Diss.* Grozny. 157 p. (In Russ.).
- Goryacheva, M. A. (2022). Dynamics of the issue of periodicals in Russian and republican state languages of the peoples of the Russian Federation (1970—2021). *Sociolinguistics*, 4 (12): 45—70. DOI: 10.37892/2713-2951-4-12-45-70. (In Russ.).
- Ilyasova, R. S. (2018). Language as an ethnic value (using the example of the Chechen language). *World of science, culture, education*, 6 (73): 534-535. (In Russ.).
- Khalidov, A. I. (2023). System of parts of speech of the Chechen language. *News of the Chechen State University of A. A. Kadyrov*, 2 (30): 35-42. DOI: 10.36684/12-2023-30-2-35-42. (In Russ.).
- Khalidov, A. I., Albekov, N. N. (2022). Emergent changes in the linguistic system of the Chechen language as a result of the streamlining of orthographic norms. *Bulletin of the Academy of Sciences of the Chechen Republic*, 2 (57): 109—115. DOI 10.25744/vestnik.2022.57.2.014. (In Russ.).
- Navrazova, H. B., Isakova, B. N. (2019). Features of the communicative behavior of bilingual Chechens. *The world of science, culture, education*, 4 (77): 363—365. (In Russ.).
- Navrazova, Kh. B. (2012). Syntactic essence of sentence members in the modern Chechen language. *News of the Chechen State Pedagogical Institute*, 1 (6): 227-231. (In Russ.).
- Ovkhadov, M. R. (2007). *Sociolinguistic analysis of the development of Chechen-Russian bilingualism.* Nazran: Pilgrim. 203 p. ISBN 978-5-98993-033-3. (In Russ.).
- Ovkhadov, M. R. (2022). The linguistic situation in the Chechen Republic. In: *My native language: The Almanac.* Nazran: KEP LLC. 51—61. ISBN 978-5-4482-0001-4. (In Russ.).
- Ovkhadov, M. R., Yakhyaeva, A. A., Shamileva, R. D. (2015). *Language situation in the Chechen Republic.* Nazran: KEP. 176 p. ISBN 978-5-4482-0001-4. (In Russ.).
- Yakhyaeva, A. A. (2007). *The Chechen language in the 90s of the XX century: functions and structure: specialty 10.02.19: author's abstract of PhD Diss.* Grozny. 23 p. (In Russ.).

*The article was submitted 31.07.2024;
approved after reviewing 17.10.2024;
accepted for publication 12.11.2024.*

Информация для цитирования:

Голомидова М. В. Северная «мозаика»: территориальная идентичность в топонимии северных городов Уральского федерального округа / М. В. Голомидова // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 9. — С. 56—71. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-9-56-71.

Golomidova, M. V. (2024). Northern “Mosaic”: Territorial Identity in Toponyms of Northern Cities in Ural Federal District. *Nauchnyi dialog*, 13 (9): 56-71. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-9-56-71. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

**Северная «мозаика»:
территориальная
идентичность
в топонимии северных
городов Уральского
федерального округа**

Голомидова Марина Васильевна

orcid.org/0000-0001-7951-9208

Scopus Author ID: 57197719313

WoS ResearcherID: C-3698-2019

доктор филологических наук,
профессор

кафедры интегрированных
маркетинговых

коммуникаций и брендинга
marinagolmidova@urfu.ru

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России

Б. Н. Ельцина

(Екатеринбург, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 23-28-01523 «Топонимический ландшафт города в аспекте отражения региональной и локальной идентичности (на языковом материале городов Уральского федерального округа)», <https://rscf.ru/project/23-28-01523/>

**Northern “Mosaic”:
Territorial Identity
in Toponyms
of Northern Cities
in Ural Federal District**

Marina V. Golomidova

orcid.org/0000-0001-7951-9208

Scopus Author ID: 57197719313

WoS ResearcherID: C-3698-2019

Doctor of Philology, Professor,
Department of Integrated Marketing

Communications and Branding
marinagolmidova@urfu.ru

Ural Federal University
named after the First President

of Russia B. N. Yeltsin

(Yekaterinburg, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported by Russian Science Foundation, project number 23-28-01523 “Toponymic landscape of the city in the aspect of reflecting regional and local identity (based on linguistic material of cities in the Ural Federal District)”, <https://rscf.ru/project/23-28-01523/>

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Изучаются особенности отражения территориальной идентичности в городской топонимии северных городов Уральского федерального округа. Цель исследования — оценить текущее состояние урбанонимического фонда с точки зрения трансляции местной самобытности и наметить перспективы его развития. Языковой материал составили урбанонимы Ханты-Мансийска, Урая, Салехарда, Нового Уренгоя, которые впервые вводятся в научный оборот. Описаны группы урбанонимов, вербализующих номинативные темы для базовых концептов территориальной идентичности — ТЕРРИТОРИЯ и КУЛЬТУРА. Среди названий, соотносенных с концептом ТЕРРИТОРИЯ, выявлены имена, отражающие природно-географические и природно-исторические региональные особенности. Среди урбанонимов, относящихся к концепту КУЛЬТУРА, установлены имена, связанные с социальной историей и социокультурными реалиями. Отмечается, что в воплощении концепта КУЛЬТУРА подробно вербализованы геологическая и промышленная темы номинации, а также прослеживается устойчивая тенденция к номинативной коммеморации. С учетом выявленных смысловых лагун определяется информационный резерв для создания новых городских топонимов. Указывается на возможность использования в урбанонимической номинации мало разработанных тем науки, искусства, спортивной жизни, духовной культуры коренных народов Севера.

Ключевые слова:

урбанонимы; топонимы; территориальная идентичность; мотив номинации; концепт ТЕРРИТОРИЯ; концепт КУЛЬТУРА; лингвокультурология.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article explores the features of territorial identity as reflected in the urban toponyms of northern cities in the Ural Federal District. The aim of the study is to assess the current state of the urban onomastic corpus in terms of conveying local authenticity and to outline prospects for its development. The linguistic material consists of urbanonyms from Khanty-Mansiysk, Urai, Salekhard, and Novy Urengoy, which are introduced into academic discourse for the first time. The research employs onomasiological analysis (identifying nomination motives and nominative themes), classification, and linguistic-cultural commentary. Groups of toponyms are described that verbalize nominative themes related to the foundational concepts of territorial identity — TERRITORY and CULTURE. Among the names associated with the concept of TERRITORY, those reflecting regional natural-geographical and natural-historical features are identified. Within the toponyms linked to the concept of CULTURE, names associated with social history and socio-cultural realities are established. It is noted that the embodiment of the concept CULTURE extensively verbalizes geological and industrial themes of nomination, alongside a consistent trend towards nominative commemoration. Based on identified semantic gaps, an informational reserve for creating new urban toponyms is determined. The potential for utilizing underexplored themes in science, art, sports, and the spiritual culture of indigenous peoples of the North for urban onomastic nomination is highlighted.

Key words:

urbanonyms; toponyms; territorial identity; nomination motive; concept of TERRITORY; concept of CULTURE; linguistic cultural studies.

УДК 811.161.1*373.211(470.54/.56+.58)+316.334.56

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-9-56-71

Научная специальность ВАК

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Северная «мозаика»: территориальная идентичность в топонимии северных городов Уральского федерального округа

© Голомидова М. В., 2024

1. Введение = Introduction

Связь человека и пространства составляет неизменный предмет интереса многих гуманитарных наук. Пространство, известное человеку, и особенно обжитое пространство, освоенное как среда обитания и место бытования выработанных временем культурных ценностей, осмысляются в научных координатах философии и культурологии, социологии и гуманитарной географии. Современная лингвистика, исповедующая антропоцентрический взгляд на языковую реальность, также обращается к изучению пространственного компонента в языковой картине мира и вопросам вербализации пространственных представлений. Для подобных изысканий исключительно ценным эмпирическим материалом служат топонимы, в чьей языковой природе заложено свойство индивидуализировать — выделять и маркировать единичные, значимые топографические объекты. Не случайно синхроническая топонимика, развиваясь в сторону лингвокультурологии, социолингвистики, этнолингвистики, выходит на исследование глубоких семантических, смыслообразующих структур, действующих в тетраде «человек, язык, социум и пространство». Одной из значимых проблем освоения этой тетрады в эпоху глобализующегося мира, в условиях глобализации и регионализации, выступает проблема территориальной идентичности.

Феномен территориальной идентичности¹ трактуется как «солидарность с земляками по причине совместного проживания на одной территории в данный момент или в прошлом. Такая идентичность выражается обычно в причислении себя к жителям определенной местности, района, города,

¹ Синонимичными терминами служат *региональная идентичность* и *локальная идентичность*, с тем различием, что понятие территориальной идентичности является родовым, «зонтичным» в отношении них.

его части и т. п. территориальной единицы» [Смирнягин, 2007, с. 88]. Обратим внимание на несколько важных характеристик-указаний в приведенном объяснении: а) объединяющую суть коллективной идентичности, б) осознаваемую связь с местом — территорией, в отношении которой возникает чувство пространственно-временной идентификации, в) солидарность, за которой подразумевается единение с другими в определенных ценностных ориентирах. Сложный характер территориальной идентичности позволяет говорить о многоуровневом и комплексном характере этого явления [Banini, 2017; Capello, 2018; Roca et al., 2007; Замятин, 2011; Назукина, 2011], складывающегося «в процессе взаимодействия регионального сообщества и его членов с определенной территорией их проживания и формирующегося под воздействием политического, экономического, исторического и социокультурного факторов» [Головнева, 2018, с. 12].

Вопросы изучения территориальной идентичности в ее топонимическом отражении, через анализ созданной на местах топонимии, непосредственно выходят на динамичные социальные и культурные процессы в современной России. Отнюдь не единственный приоритет академического интереса к установлению лингвистических реалий мотивирует актуальность такого исследования. Прежде всего его обуславливают потребности топонимических практик, направленных на развитие существующего топонимического фонда. Как знаки, вербально маркирующие картину привычного пространства, топографические имена способны транслировать смыслы, формирующие и поддерживающие образ места, и, если ведется целенаправленная работа по созданию новых и упорядочению уже существующих названий, топографические имена влияют на изменение имиджа территории.

Следует сказать, что топонимическая политика — а в случае рациональной деятельности по управлению топонимическим фондом мы имеем дело именно с ней — важна для любых территорий. Но с особенной остротой ее проблемы встают в городах, поскольку именно города аккумулируют большую часть населения и выступают двигателями современного общества. При этом «городская топонимика как совокупность значений, образующая урбанонимическое пространство, характеризуется специфичным семиозисом топонимии в тесном взаимодействии с городской идентичностью» [Кузнецова и др., 2021, с. 77].

Муниципальная топонимическая политика в российских городах сегодня развивается во многом путем проб и ошибок, находится в поиске баланса между интересами многих социальных акторов [Соколова, 2022, с. 12]. Но именно последовательное движение в сторону акцентирования региональной идентичности в топонимических практиках может способ-

ствовать гармонизации городской топонимической среды. Поэтому исходным этапом в создании либо корректировке концепции муниципальной топонимической политики целесообразно исследование существующей городской топонимии, или урбанонимии, с точки зрения трансляции территориальной самобытности. Оценка текущего состояния урбанонимии в городах в разных регионах страны представляет собой большую и перспективную задачу.

Есть большие и малые города, которым повезло оказаться в фокусе интересов специалистов в связи с изучением тех или иных аспектов местной топонимии. Однако есть и такие, которые, несмотря на несомненный природно-географический и социокультурный колорит, пока остаются вне должного научного внимания. Урбанонимия северных городов Уральского федерального округа (УрФО) как раз составляет такое новое и благодатное для наблюдений поле.

В рамках данного исследования мы делаем попытку выявить специфику топонимической репрезентации территориальной идентичности в ряде северных городов УрФО (Ханты-Мансийске, Урае, Салехарде и Новом Уренгое) и формулируем рекомендации по ее дальнейшему развитию.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Источниками языкового материала послужили письменные документы, имеющиеся в свободном доступе, — карты, справочники, публицистические тексты. Общий свод собранных урбанонимов насчитывает более шестисот наименований (собственных имен улиц, переулков, парков и скверов, площадей, районов и микрорайонов, памятников и городских скульптур, некоторых топографически значимых зданий и сооружений и др.). Первичная обработка собранного материала потребовала выявления релевантных (отражающих те или иные аспекты региональной идентичности) топографических имен. Для этого предварительно была обследована внутренняя форма наименований.

Говоря о внутренней форме, следует сказать несколько слов, поясняющих использование этого термина, поскольку известно, что лингвисты несколько по-разному трактуют его содержание [Лысова, 2022, с. 2872]. В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» находим такое определение: «Внутренняя форма слова — семантическая и структурная соотнесенность составляющих слово морфем с другими данного языка; признак, положенный в основу номинации при образовании нового лексического значения слова» [Лингвистический энциклопедический словарь, 2002, с. 85—87]. В нашем случае в связи с сосредоточением внимания на номинативной деятельности внутренняя форма рассматривается с точки зрения процессов мо-

тивировки и выбора мотивировочных признаков. Анализ внутренней формы в ономаσιологическом ключе позволяет реконструировать мотивы номинации — установить «экстралингвистические причины выбора или создания данного имени для данного объекта» [Подольская, 1988, с. 84].

На этапе первичной обработки языкового материала после выявления мотивировочных признаков у производных урбанонимов путем фильтрации были отобраны имена, мотивы номинации которых отвечают содержательным параметрам территориальной идентичности. В частности, учитывались отличительные признаки, которые формируют семантическое поле территориальной идентичности: природно-географические особенности региона или населенного пункта, специфика хозяйственной деятельности, локальная и региональная коммеморация, этническая составляющая города / региона, социокультурные практики — традиции, обычаи, вероисповедание, фольклор, мифология, художественное творчество, особенности местного быта, образование и наука, культура повседневности, спорт (подробнее об этом см. [Голомидова и др., 2023, с. 62—66]).

Следующим этапом в работе с релевантными названиями стало их распределение в соответствии с базовыми концептами территориальной идентичности. Внутренняя форма слова, как полагают современные лексикологи, является «культурно маркированным компонентом» [Макшанцева, 2017, с. 7] и одновременно «результатом когнитивно-оценочной деятельности человека, а также способом концептуализации окружающей действительности» [Сагитова, 2008, с. 6]. Учитывая, что урбанонимы неизменно участвуют в создании вербального образа города [Юе Цюй, 2021], представляется существенным установить аспекты, или ракурсы его топонимической концептуализации.

В структуре территориальной идентичности выделяют несколько компонентов: когнитивный, ценностный, эмоциональный, регулятивный [Головнева, 2013, с. 49]. При реализации когнитивного компонента главная смыслообразующая функция принадлежит концепту ТЕРРИТОРИЯ. В соотношении с представлениями о «своей» территории у жителей складывается сложная система знаний и представлений о собственной региональной общности и занимаемой геокультурной реальности» [Там же, с. 43]. Помимо географических знаний и образов, концепт ТЕРРИТОРИЯ включает представления о социально-географическом статусе региона, его месте в пространстве страны, республики, края, о связях с другими территориями и природных отличительных свойствах [Голомидова, 2022, с. 163].

Другим концептом когнитивной составляющей нужно признать концепт КУЛЬТУРА, который обуславливает картину социокультурной жизни региона. К концепту КУЛЬТУРА следует отнести историко-культурную память,

конфессии, художественно-эстетический опыт, фольклор, мифологию, традиции, обычаи, общий культурный опыт повседневности и т. д. [Там же].

Мы полагаем, что в отнесенности к базовым концептам ТЕРРИТОРИЯ и КУЛЬТУРА идет формирование ценностного, эмоционального, регулятивного аспектов территориальной идентичности.

Представленный выше подход к структурной модели территориальной идентичности положен в основу классификации языкового материала. Урбанонимы северных городов будут описаны и прокомментированы с учетом объективации указанных концептов. Развертывание концептуального содержания показывается через группы имен, которые реализуют сходные мотивы номинации. Смысловое сходство в мотивировке, в свою очередь, позволяет вывести укрупненные номинативные темы, которые прорисовывают определенные черты в топонимическом образе города.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Концепт ТЕРРИТОРИЯ

Рассмотрение географически мотивированных урбанонимов начнем с названий, манифестирующих региональную принадлежность и тем самым непосредственно указывающих на территориальную идентичность. Урбаноним может отсылать к макрорегиону — Сибири: ул. *Сибирская* (Урай, Новый Уренгой), пер. *Сибирский* (Ханты-Мансийск), — или к собственно региону расположения города: ул. *Югорская* (Ханты-Мансийск, Урай), ул. *Ямальская* (Салехард, Новый Уренгой).

Территориальную идентичность маркируют также отраженные в городской топонимии гидронимы. Имена улицам могут задавать названия рек, на которых или, с учетом сибирских расстояний, вблизи которых расположен тот или иной город: ул. *Иртышская*, ул. *Обская*, ул. *Назымская*, пер. *Юганский* в Ханты-Мансийске, ул. *Кондинская* в Урае, ул. *Обская*, ул. *Полуйская*, проезд *Полуйский* в Салехарде, ул. *Пуровская*, ул. *Ямсовейская* в Новом Уренгое. Однако в последнем городе также представлены ул. *Иртышская* и ул. *Обская*. Поскольку сам город находится в удалении от Оби и Иртыша, такие названия для Нового Уренгоя объясняются, скорее, символической мотивировкой, отражающей широкую региональную специфику и подчеркивающей включенность города в Сибирский макрорегион.

Освоенность пространства людьми, обжитость территории показывают городские названия, отсылающие к другим городам Сибири. Столица региона, в котором расположены рассматриваемые города, отражена в названии ул. *Тюменская* в Ханты-Мансийске и Новом Уренгое. Другие города Тюменской области представлены такими примерами, как ул. *Березовская*, ул. *Сургутская*, ул. *Уренгойская*, *Тобольский тракт* (Ханты-Мансийск),

ул. *Надымская*, ул. *Ямбургская* (Новый Уренгой). Интересно появление урбанонимов, отсылающих не к «домашнему», а к соседнему региону Западной Сибири — ул. *Томская* (Новый Уренгой), — и даже Восточной Сибири: ул. *Игарская* (Салехард), ул. *Норильская* (Новый Уренгой). Такие названия показывают, что сибирская территориальная идентичность простирает охват далеко за административные границы конкретного региона.

Особенностью «географической» топонимии городов Ямало-Ненецкого автономного округа — Салехарда и Нового Уренгоя — является отсылка к их северному месторасположению. В обоих городах есть ул. *Арктическая* и ул. *Полярная*, в Новом Уренгое эта тема поддержана также названиями ул. *Заполярная* и ул. *Приполярная*, в Салехарде — названием *жилого района Полярный*.

Широкими мазками топонимия четырех рассматриваемых городов создает масштабный образ сибирского пространства. При этом отметим, что, хотя территория расположения этих городов административно относится к Уральскому федеральному округу, в историческом, географическом и культурном аспектах это, конечно же, сибирская земля, что проявляется, кроме прочего, в городской топонимии. Уральская же географическая тема по сравнению с сибирской представлена спорадически, в названиях ул. *Уральская* в Ханты-Мансийске и ул. *Уральская*, ул. *Екатеринбургская* в Новом Уренгое.

Географически очерченный образ региона поддерживается названиями улиц, отсылающими к особенностям региональной природы.

В основном природные черты отражаются в названиях, воплощающих тему хвойных лесов сибирской тайги через прямое указание — ул. *Таежная* (Ханты-Мансийск, Урай, Новый Уренгой), ул. *Хвойная* (Ханты-Мансийск, Урай), ул. *Боровая*, ул. *Лесная* (Ханты-Мансийск) — или отсылку к тому или иному виду таежных хвойных деревьев — ул. *Кедровая* (Урай, Новый Уренгой), пер. *Кедровый* (Ханты-Мансийск); ул. *Сосновый бор* (Ханты-Мансийск), ул. *Сосновая* (Урай), ул. *Еловая*, проезд *Лиственный* (Ханты-Мансийск). Важность «таежной» темы подчеркивается совпадением ряда урбанонимов в разных рассматриваемых городах. Интересно отметить, что название *исторического комплекса «Сухой бор»* в Урае также отсылает к таежному ландшафту, хотя сам комплекс посвящен началу промышленной добычи нефти в Западной Сибири.

Другой тип ландшафта — тундра — отражен в урбанонимии только одного города: ул. *Тундровая*, проезд *Тундровый* в Новом Уренгое.

Иные природные мотивы актуализированы в незначительном количестве урбанонимов: ул. *Брусничная*, пер. *Моховой* (Урай), пер. *Брусничный* (Салехард), ул. *Ягельная* (новый Уренгой). Топонимия Нового Уренгоя

также отличается отсылками к образам животного мира: ул. *Глухарина*, ул. *Песцовая*, сквер *Полярная Сова*. В Салехарде эта тема представлена в названиях скульптурных композиций «*Олени*», «*Лисица — символ Салехарда*», «*Белые медведи*».

Отдельную группу представляют названия, мотивированные представлениями о климатических и иных природно-географических явлениях, отсылка к которым показывает особенности природы и условий именно северных регионов: сквер *Белые ночи* (Ханты-Мансийск), бульвар *Северное сияние* (Салехард), ул. *Зимняя*, ул. *Снежная*, проезд *Студеный*.

3.2. Концепт КУЛЬТУРА

Прежде всего отметим, что важным фактором в формировании идентичности служит представление об истории региона.

О прежних географических названиях напоминают некоторые современные урбанонимы. Так, ул. *Самаровская* и ул. *Ямская* отсылают к историческому ойкониму *Самаровский Ям* — названию поселения, из которого вырос город Ханты-Мансийск. К истории отсылает и название природного парка «*Самаровский чугас*» (*чугас* — «холм, горка в низине» [Чайко, 1976, с. 126]), который сейчас находится в черте города.

Урбаноним ул. *Обдорская* в Салехарде сохраняет память об историческом наименовании *Обдорский острог* — так называлось русское поселение в Сибири, давшее начало современному городу.

Ряд городских топонимов маркируют этническую историю региона. В Ханты-Мансийске это название улицы и микрорайона *Ангальский мыс*, которое отсылает к священному для обских ханты месту (в настоящее время — объекту культурного наследия). Яркий этнический колорит несет название обширной территории музея под открытым небом «*Торум Маа*» (мансийск. ‘священная земля’). В Урае расположена ул. *Мансийская*, в Салехарде — проезд *Народов Севера*. Этническая идея рельефно проявляется и через названия скульптурных композиций, например: «*Семья ханта на привале*» (Ханты-Мансийск), «*Ненцы в упряжке*» (Салехард). Примечательно, что проработка этнической номинативной темы в монументалике не ограничивается бытовыми зарисовками и актуализирует также отсылки к мифологии и народному эпосу, см. названия скульптур «*Мифологическое время*» (Ханты-Мансийск), «*Дзудзя — прародительница народа Коми*» (Салехард).

Недавнюю историю Урая отражает урбаноним ул. *Шаимская* — отсылающий и к названию села, некогда бывшего административным центром территории, на которой расположен Урай, и к Шаимскому нефтяному месторождению, сыгравшему огромную роль в развитии Западной Сибири.

Отметим также репрезентацию в городских названиях доисторического периода жизни территории, что находит выражение прежде всего в монументонимах — названиях арт-объектов и жанровых скульптур. Своеобразным брендом или символом территории становится мамонт. Так, в Ханты-Мансийске на территории комплекса «*Археопарк*» расположена скульптурная композиция «*Мамонты*» из 11 фигур древних животных (в этом же музее представлены и другие изображения древних животных: «*Пещерные медведи*», «*Первобытные бизоны*» и др.). В одном из городских парков располагается скульптура «*Мамонтенок*». Некоторое время город украшала композиция из светодиодных фигур «*Семья мамонтов*». В целом мамонт оказывается своеобразным символом города Ханты-Мансийска и брендом Югры (см., например, замечание о вхождении скульптурной группы «Мамонты» в список визуальных символов города [Верховский, 2019, с. 270]), воплощенным не только в урбанонимии, но и в других типах названий, например, в названии молодежной хоккейной команды «Мамонт Югры». Однако только Югрой распространение образа мамонта не ограничивается. Арт-объект «*Семья мамонтов*» есть в Новом Уренгое. Достопримечательностью и символом Салехарда является монументальная жанровая скульптура «*Мамонт*», расположенная на въезде в город, ср.: «Главный символ Салехарда, десятиметрового мамонта, который стоит на самой высокой точке при въезде в город со стороны Обь, принарядили к наступающему Новому году: на него надели красную с белой оторочкой шубу и шапку» (Воробьева Т. В Салехарде появился Дед Мороз из ледникового периода // RG.RU 14.12.2015). По мнению исследователей, в геобрендинге «вечная мерзлота способствовала тому, что Обский Север и Чукотка считаются потенциальными костеносными районами Арктики, благодаря чему к перспективным образам можно отнести мамонта», и рассматриваемые нами города активно осваивают этот образ.

Обратимся теперь к периоду новейшей истории. Во второй половине XX века социально-экономическое развитие Тюменской области и входящих в ее состав Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов тесно связано с освоением природных богатств региона. Об этом на улицах рассматриваемых городов напоминают урбанонимы. Прежде всего это названия — коллективные посвящения, актуализирующие уважительное отношение к представителям соответствующих профессий. Так, во всех четырех рассматриваемых городах есть ул. *Геологов*. Повторяются и некоторые другие названия, по большей части основанные на названиях профессий, которые связаны с нефтегазодобычей, например, ул. *Буровиков* (Урай), проезд *Буровиков* (Новый Уренгой), ул. *Газовиков* (Ханты-Мансийск, Новый Уренгой), ул. *Геофизиков* (Урай), пер. *Геофизиков* (Ханты-

Мансийск), ул. *Нефтяников* (Урай, Новый Уренгой). К этой же группе названий относятся ул. *Геологоразведчиков*, проезд *Газохимиков* (Урай). Тему добычи нефти и газа поддерживают два названия, не имеющие характера коллективного посвящения — ул. *Газопромысловая* (Ханты-Мансийск) и сквер *Урайнефтегаз* (Урай), однако названий, посвященных представителям конкретных профессий, гораздо больше.

Иные профессии представлены в урбанонимах в незначительном количестве: ул. *Землеустроителей* (Ханты-Мансийск) и проезд *Лесорубов* (Урай). Но в ряде коллективных посвящений отдается дань уважения людям, стоявшим у истоков развития региона: проезд *Первооткрывателей* (Ханты-Мансийск, Урай), площадь *Первооткрывателей* (Урай), ул. *Первопроходцев* (Новый Уренгой). Аналогичны в номинативно смысловом отношении и названия некоторых памятных сооружений. Так, в Ханты-Мансийске установлены скульптурная композиция «*Первопроходцам земли Югорской*», стелы «*Первооткрывателям земли Югорской*», «*Югра людям-преобразователям Земли Югорской*», в Урае — стела «*Первооткрывателям Западно-Сибирской нефти*» на площади *Первооткрывателей* и музейный объект «*Землянка первопроходца*» в историческом комплексе «*Сухой бор*», в Новом Уренгое памятник «*Пионерам освоения Уренгоя*».

Идея освоения территории, строительства и развития городов отражена также в ценностных представлениях о достойных личностных качествах северян, требующихся для того, чтобы обжить суровый край. Это рельефно представляют урбанонимы ул. *Энтузиастов* в Ханты-Мансийске и Салехарде, ул. *Романтиков*, сквер *Романтиков* с жанровой скульптурой «*Романтика*» в Урае, микрорайон *Романтиков* и жилой комплекс «*Романтик*» в Новом Уренгое, жанровая скульптура «*Романтикам 70-х*» в Салехарде.

Конечно же, топонимия рассматриваемых городов включает в себя и названия — персональные посвящения (персональные коммеморативы). С историей русского освоения региона связано коммеморативное название ул. *Ермака* (Ханты-Мансийск), увековечивающее имя легендарного покорителя Сибири. В урбанонимии отдается дань уважения местным деятелям национальной культуры, ср.: ул. *Анны Коньковой* (Ханты-Мансийск, Урай), получившая название в честь писательницы, фольклориста и мансийской сказительницы Анны Митрофановны Коньковой, ул. *Ного* (Салехард) — в честь Ивана Федоровича Ного, известного экономического, общественного деятеля, собирателя фольклора, ненецкого писателя и драматурга.

Но в большей степени в персональных коммеморативах находит воплощение история промышленного освоения недр региона: ул. *Губкина* (Салехард), проспект *Губкина* (Новый Уренгой) названы в честь акаде-

мика И. М. Губкина, основополагающей фигуры в отечественной нефтяной геологии, во многом благодаря его работам началось освоение недр Западной Сибири. Ул. им. *Василия Подшибякина* (Сургут) и ул. им. *Подшибякина В. Т.* (Новый Уренгой) получили названия также в честь геолога, начальника треста «Ямалнефтегазразведка», под руководством которого был открыт ряд газовых месторождений, включая Новоуренгойское, а именно его освоение дало толчок к основанию и развитию города. Урбанонимы ул. *Бориса Щербины* (Ханты-Мансийск) и ул. им. *Б. Е. Щербины* (Новый Уренгой) увековечивают память видного экономического деятеля советского времени, кроме прочего, сыгравшего важную роль в создании и развитии нефтегазового комплекса Западной Сибири.

Таким образом, и в персональных посвящениях проявляется важная для рассматриваемых городов геологическая и производственная «нефтегазовая» тематика, напрямую связанная с освоением региона, строительством и развитием городов. Примечательны в этом отношении названия скульптурных композиций и малых архитектурных форм. В Урае есть «Памятник первой капле нефти» и декоративное сооружение в виде колоннады «Город первой нефти — труженик Урай», в Новом Уренгое — декоративная композиция «Первая разведочная скважина» и скульптура «Буровая вышка». Так проявляется своего рода символизация и всего процесса нефтедобычи, и его отдельных производственных реалий.

4. Заключение = Conclusions

Оценивая вовлеченность городских топонимов в передачу региональной идентичности, можно сказать, что урбанонимы Ханты-Мансийска, Урая, Салехарда и Нового Уренгоя достаточно последовательно раскрывают местный колорит.

Анализ языкового материала позволяет утверждать, что в топонимии данных городов концепт ТЕРРИТОРИЯ разрабатывается последовательно и даже детально и что образ региона в его природно-географическом своеобразии представлен вполне наглядно.

В воплощении концепта КУЛЬТУРА развернуто вербализованы геологическая и промышленная темы номинации, что неудивительно для городов, поднявшихся и развившихся в результате освоения природных ресурсов Западной Сибири.

Как и в урбанонимии всех городов России, в материале по этим четырем городам прослеживается тенденция к коммеморации знатных земляков и людей, сыгравших большую роль в развитии территории.

Отдельными штрихами номинативно отмечены реалии, отражающие культуру коренных народов. Однако нам представляется, что не в послед-

ную очередь именно с местной культурно-этнической спецификой связан потенциал развития городских топонимиконов.

Вместе с тем исследование позволило обнаружить некоторые семантические лакуны и малоосвоенные в номинативном отношении темы. В частности, это тема спорта, к освоению которой «подбирается» *аллея портретов биатлонистов* на территории спортивного центра в Ханты-Мансийске, однако это пока лишь описательное название, а не официальное собственное имя линейного объекта. В названиях улиц, площадей, скверов и других топографических объектов городского пространства мало отражена культура северных народов, редко представлены религиозно коннотированные городские топонимы, что отчасти компенсируется монументонимами и названиями малых архитектурных форм. Литературная тема, за некоторыми исключениями, относится в основном к общероссийскому уровню. Не получает развитие тема региональной науки и искусства, например, в Ханты-Мансийске ставший традиционным кинофестиваль «Дух огня» не отражен в городской топонимии, хотя проходивший ранее фестиваль «Золотой бубен» отмечен скульптурой под названием «*Золотая богиня*».

Таким образом, на наш взгляд, в этих четырех городах можно было бы усилить номинативные «линии», связанные с современными социально-культурными практиками — наукой и искусством, спортивной жизнью, а также духовной культурой коренных народов.

Города увеличиваются и прирастают территорией с разной скоростью. Конечно же, количество новых улиц в северных городах не исчисляется сотнями. Но местное своеобразие и региональные особенности могут транслировать урбанонимы других типов — названия скверов и парков, монументонимы, ойкодомонимы (названия отдельных зданий и сооружений). В Ханты-Мансийске, Урае, Салехарде и Новом Уренгое региональная идентичность уже находит свое воплощение в сформированном своде городских названий, но нельзя не отметить и хороший потенциал для дальнейшего развития.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Литература

1. Верховский И. А. «Своё — чужое»: региональная идентичность Югры (по материалам социологических исследований) / И. А. Верховский // История, языки и культура северных народов : Материалы Всероссийской научно-практической конференции XVII Югорские чтения, посвящённой 90-летию со дня рождения доктора филологических наук Евдокии Ивановны Ромбандеевой. Ханты-Мансийск, 24 апреля 2018 года. — Ханты-Мансийск : ООО «Печатный мир г. Ханты-Мансийск», 2019. — С. 264—273.

2. Головнева Е. В. Региональная идентичность как форма коллективной идентичности и ее структура / Е. В. Головнева // *Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований*. — 2013. — № 5. — С. 42—50.
3. Головнева Е. В. Конструирование региональной идентичности в современной культуре (на материале Сибирского региона) : автореферат диссертации ... доктора философских наук : 09.00.13 / Е. В. Головнева. — Екатеринбург, 2018. — 38 с.
4. Голомидова М. В. Городские топонимы в аспекте трансляции региональной идентичности : кейс города Уфы / М. В. Голомидова // *Вопросы ономастики*. — 2022. — Т. 19. — № 1. — С. 160—179. — DOI: 10.15826/vopr_onom.2022.19.1.008.
5. Голомидова М. В. Урбанонимы и трансляция региональной идентичности / М. В. Голомидова, А. В. Дмитриева // *Городская топонимия : современная политика и практика именования : монография* / под ред. М. В. Голомидовой, С. О. Горяева ; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Уральский федеральный университет. — Екатеринбург : Изд-во Урал.ун-та, 2023. — С. 55—102. — ISBN 978-5-7996-3753-8.
6. Замятин Д. Н. Идентичность и территория : гуманитарногеографические подходы и дискурсы / Д. Н. Замятин // *Идентичность как предмет политического анализа*. — Москва : ИМЭМО РАН, 2011. — С. 186—203. — ISBN 978-5-9535-02-90-0.
7. Кузнецова А. В. Семioзис топонимии в пространстве городской идентичности / А. В. Кузнецова, Т. А. Петрулевич // *Гуманитарные и социальные науки*. — 2021. — № 6 (89). — С. 72—78. — DOI: 10.18522/2070-1403-2021-89-6-72-78.
8. *Лингвистический энциклопедический словарь* / гл. ред. В. Н. Ярцева. — Москва : Большая российская энциклопедия, 2002. — 754 с. — ISBN 5-85270-239-0.
9. Лысова О. Ю. Внутренняя форма слова в отечественном языкознании XX—XXI веков : обзор становления и употребления термина / О. Ю. Лысова // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. — 2022. — Т. 15. — Выпуск 9. — С. 2870—2876. — DOI: <https://doi.org/10.30853/phil20220489>.
10. Макианцева Н. В. Внутренняя форма слова-репрезентанта концепта как транслятор культурного смысла / Н. В. Макианцева // *Успехи современной науки и образования*. — 2017. — Т. 3. — № 1. — С. 7—9.
11. Назукина М. В. Структурные уровни региональной идентичности в современной России / М. В. Назукина // *Регионология*. — 2011. — № 4. — С. 13—19.
12. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. — Москва : Наука, 1988. — 192 с.
13. Сагитова А. Ф. Внутренняя форма как результат когнитивно-оценочной деятельности человека («Флора», «Фауна») : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / А. Ф. Сагитова. — Уфа, 2008. — 24 с.
14. Соколова Т. П. Коммодификация топонимии современной Москвы в социолингвистическом аспекте / Т. П. Соколова // *Социолингвистика*. — 2022. — № 3 (11). — С. 9—26. — DOI: 10.37892/2713-2951-3-11-9-26.
15. Смирнягин Л. В. О региональной идентичности / Л. В. Смирнягин // *Пространство и время в мировой политике и международных отношениях : материалы 4 Конвента РАМИ. В 10 т.* — Москва : МГИМО-Университет, 2007. — Т. 2 : Идентичность и суверенитет : новые подходы к осмыслению понятий. — С. 81—107. — ISBN 5922802968.
16. Чайко Т. Н. Заимствованные географические термины в русских старожильческих говорах по нижнему течению Иртыша / Т. Н. Чайко // *Вопросы ономастики*. — Свердловск : Изд-во Урал. Ун-та, 1976. — № 11 : Русская ономастика и ее взаимодействие с аппеллятивной лексикой. — С. 117—128.

17. Юе Цюй. Пространственный образ как носитель геокультурной и лингвокультурной информации (на материале обучающей топонимической базы данных «Московская топонимика») / Юе Цюй // Вопросы психолингвистики. — 2021. — № 1 (47). — С. 148—159. — DOI: 10.30982/2077-5911-2021-47-1-148-159.

18. Banini T. Proposing a theoretical framework for local territorial identities : concepts, questions and pitfalls / T. Banini // *Territorial Identity and Development*. — 2017. — Vol. 2. — № 2. — Pp. 16—23.

19. Capello R. Interpreting and understanding territorial identity / R. Capello // *Regional Science Policy & Practice*. — 2018. — Vol. 11. — Issue 1. — Pp. 141—159. — DOI: <https://doi.org/10.1111/rsp3.12166>.

20. Roca Z. Affirmation of territorial identity : A development policy issue / Z. Roca, M. N. O. Roca // *Land Use Policy*. — 2007. — № 24. — Pp. 434—442. — DOI: 10.1016/j.landusepol.2006.05.007.

Статья поступила в редакцию 05.09.2024,
одобрена после рецензирования 05.10.2024,
подготовлена к публикации 15.11.2024.

References

- Banini, T. (2017). Proposing a theoretical framework for local territorial identities: concepts, questions and pitfalls. *Territorial Identity and Development*, 2 (2): 16—23.
- Capello, R. (2018). Interpreting and understanding territorial identity. *Regional Science Policy & Practice*, 11 (1): 141—159. DOI: <https://doi.org/10.1111/rsp3.12166>.
- Chaiko, T. N. (1976). Borrowed geographical terms in Russian old — fashioned dialects along the lower reaches of the Irtysh. In: *Questions of onomastics, 11: Russian onomastics and its interaction with appellative vocabulary*. Sverdlovsk: Ural Publishing House. Unita. 117—128. (In Russ.).
- Golomidova, M. V. (2022). Urban toponyms in the aspect of regional identity translation: the case of the city of Ufa. *Questions of onomastics*, 19 (1): 160—179. DOI: 10.15826/vopr_onom.2022.19.1.008. (In Russ.).
- Golomidova, M. V., Dmitrieva, A. V. (2023). Urbanonyms and translation of regional identity. In: *Urban toponymy: modern naming policy and practice: monograph*. Yekaterinburg: Ural Publishing House. Unita. 55—102. ISBN 978-5-7996-3753-8. (In Russ.).
- Golovneva, E. V. (2013). Regional identity as a form of collective identity and its structure. Labyrinth. *Journal of Social and Humanitarian Studies*, 5: 42—50. (In Russ.).
- Golovneva, E. V. (2018). *The construction of regional identity in modern culture (based on the material of the Siberian region)*. Author's abstract of Doct. Diss. Yekaterinburg. 38 p. (In Russ.).
- Kuznetsova, A. V., Petrulevich, T. A. (2021). Semiosis of toponymy in the space of urban identity. *Humanities and social Sciences*, 6 (89): 72—78. DOI: 10.18522/2070-1403-2021-89-6-72-78. (In Russ.).
- Lysova, O. Y. (2022). The inner form of the word in Russian linguistics of the XX—XXI centuries: a review of the formation and use of the term. *Philological sciences. Questions of the theory and practice*, 15 (9): 2870—2876. DOI: <https://doi.org/10.30853/phil20220489>. (In Russ.).

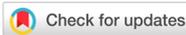

- Makshantseva, N. V. (2017). The inner form of the word-representative of the concept as a translator of cultural meaning. *Successes of modern science and education*, 3 (1): 7—9. (In Russ.).
- Nazukina, M. V. (2011). Structural levels of regional identity in modern Russia. *Regionology*, 4: 13—19. (In Russ.).
- Podolskaya, N. V. (1988). *Dictionary of Russian onomastic terminology*. Moscow: Nauka. 192 p. (In Russ.).
- Roca, Z., Roca, M. N. O. (2007). Affirmation of territorial identity: A development policy issue. *Land Use Policy*, 24: 434—442. DOI: 10.1016/j.landusepol.2006.05.007.
- Sagitova, A. F. (2008). *Internal form as a result of cognitive-evaluative human activity* (“Flora”, “Fauna”). Author’s abstract of PhD Diss. Ufa. 24 p. (In Russ.).
- Smirnyagin, L. V. (2007). On regional identity. In: *Space and time in world politics and international relations: materials of the 4th RAMI Convention. In 10 volumes, 2: Identity and Sovereignty: new approaches to understanding concepts*. Moscow: MGIMO University. 81—107. ISBN 5922802968. (In Russ.).
- Sokolova, T. P. (2022). Commodification of the toponymy of modern Moscow in a sociolinguistic aspect. *Sociolinguistics*, 3 (11): 9—26. DOI: 10.37892/2713-2951-3-11-9-26. (In Russ.).
- Verkhovsky, I. A. (2019). “One’s own and another’s”: the regional identity of Yugra (based on the materials of sociological research). In: *History, languages and culture of the Northern peoples: Materials of the All-Russian scientific and practical conference XVII Yugra Readings, dedicated to the 90th anniversary of the birth of Doctor of Philology Evdokia Ivanovna Rombandeeva. Khanty-Mansiysk, April 24, 2018*. Khanty-Mansiysk: LLC “Printing world of Khanty-Mansiysk”. 264—273. (In Russ.).
- Yartseva, V. N. (ed.). (2002). *Linguistic encyclopedic dictionary*. Moscow: The Great Russian Encyclopedia. 754 p. ISBN 5-85270-239-0. (In Russ.).
- Yue Qu. (2021). Spatial image as a carrier of geocultural and linguocultural information (based on the material of the educational toponymic database “Moscow toponymy”). *Questions of psycholinguistics*, 1 (47): 148—159. DOI: 10.30982/2077-5911-2021-47-1-148-159. (In Russ.).
- Zamyatin, D. N. (2011). Identity and territory: humanitarian and geographical approaches and discourses. In: *Identity as a subject of political analysis*. Moscow: IMEMO RAS. 186—203. ISBN 978-5-9535-02-90-0. (In Russ.).

*The article was submitted 05.09.2024;
approved after reviewing 05.10.2024;
accepted for publication 15.11.2024.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(9), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Комогорцева С. В. Реконструкция языкового портрета забайкальского военного чиновника XVIII века по данным региональных документов / С. В. Комогорцева, Т. Ю. Игнатович // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 9. — С. 72—89. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-9-72-89.

Komogortseva, S. V., Ignatovich, T. Yu. (2024). Linguistic Profile of an 18th Century Transbaikal Military Official: A Reconstruction from Regional Documentation. *Nauchnyi dialog*, 13 (9): 72-89. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-9-72-89. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Реконструкция языкового портрета забайкальского военного чиновника XVIII века по данным региональных документов

Комогорцева Светлана Владимировна

orcid.org/0009-0005-4427-5932

аспирант,

кафедра русского языка
и методики его преподавания
komogortseva2020@inbox.ru

Игнатович Татьяна Юрьевна

orcid.org/0000-0002-2521-0579

доктор филологических наук,
профессор,

кафедра русского языка
и методики его преподавания,
корреспондирующий автор
ignatovich_chita@mail.ru

Забайкальский
государственный университет
(Чита, Россия)

Linguistic Profile of an 18th Century Transbaikal Military Official: A Reconstruction from Regional Documentation

Svetlana V. Komogortseva

orcid.org/0009-0005-4427-5932

graduate student,

Department of the Russian and
the Methods of Teaching
komogortseva2020@inbox.ru

Tatyana Yu. Ignatovich

orcid.org/0000-0002-2521-0579

Doctor of Philology, Professor,
Department of the Russian and
the Methods of Teaching,
corresponding author
ignatovich_chita@mail.ru

Transbaikal State University
(Chita, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Целью статьи является реконструкция языкового портрета одного из военных чиновников — полковника Петра де Сала — на основе анализа языковых особенностей забайкальских деловых документов XVIII века. Впервые вводится в научный оборот языковой материал региональных архивных документов распорядительного характера — четырёх ордеров и одного указа. Описываемые в настоящей статье результаты научных изысканий вносят вклад в решение актуальной научной проблемы описания языка забайкальских деловых документов и реконструкции отражённых в них особенностей регионального речевого узуса времён русских первопроходцев и первопоселенцев. Кроме того, результаты актуальны и в аспекте исследования особенностей формирования делового стиля в региональной письменности, и в контексте реконструкций исторических языковых портретов в рамках современной лингвистической персонологии. Моделирование исторической языковой личности осуществляется согласно концепции языковой личности Ю. Н. Караулова, учитывающей три уровня — мотивационный, лингвокогнитивный и вербально-семантический. В статье представлена авторская методика анализа языка региональных деловых документов, позволяющего воссоздать языковой портрет одной из исторических личностей XVIII века, военного чиновника, который показал необходимый для успешной деловой коммуникации уровень письменной речевой культуры.

Ключевые слова:

деловая письменность; историческая лингвоперсонология; языковой портрет; языковая личность чиновника.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article aims to reconstruct the linguistic profile of a military official — Colonel Peter de Sala — through an analysis of the linguistic features found in 18th-century Transbaikal administrative documents. For the first time, this study introduces a linguistic corpus derived from regional archival documents of an administrative nature, including four orders and one decree, into scholarly discourse. The findings presented herein contribute to addressing the pressing academic issue of describing the language of Transbaikal administrative documents and reconstructing the regional speech norms during the era of Russian pioneers and settlers. Furthermore, the results are significant for examining the characteristics of business writing style in regional documentation and in the context of reconstructing historical linguistic profiles within contemporary linguistic personology. The modeling of historical linguistic identity is conducted according to Y. N. Karaulov's concept of linguistic personality, which encompasses three levels: motivational, linguo-cognitive, and verbal-semantic. The article also presents an original methodology for analyzing the language of regional administrative documents, enabling the recreation of the linguistic profile of an 18th-century historical figure — a military official — who demonstrated the requisite level of written communication skills essential for effective business interactions.

Key words:

business writing; historical linguistic personology; linguistic profile; linguistic identity of officials.

УДК 811.161.1'42

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-9-72-89

Научная специальность ВАК

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Реконструкция языкового портрета забайкальского военного чиновника XVIII века по данным региональных документов

© Комогорцева С. В., Игнатович Т. Ю., 2024

1. Введение = Introduction

Расширение Российской Империи в восточном направлении в конце XVII — начале XVIII веков сопровождалось прибытием на новые земли носителей русского языка из разных губерний государства. Это обстоятельство отразилось на появлении региональной деловой письменности, в текстах которой, с одной стороны, соблюдались письменные традиции центра, с другой — отразились языковые особенности формирующегося регионального языкового узуса, поэтому данный лингвистический феномен в разных аспектах привлекает внимание исследователей истории русского национального языка [Христомсенко, 1975; Майоров, 2006; Биктимирова, 2012].

Предпринятая учеными реконструкция забайкальского языкового узуса времён русских первопроходцев и первопоселенцев является неполной и ещё не завершена по причине того, что многие архивные документы лингвистами ещё не изучались, что обуславливает актуальность выбранной темы.

Представляет научный интерес и сравнительно-сопоставительное исследование забайкальского речевого узуса на разных синхронных срезах, в том числе в оппозиции XVIII века с настоящим временем, поскольку это даст представление о динамике трансформации варианта русского национального языка на территории современного Забайкалья. Исследования современной русской народно-разговорной речи Забайкалья Э. А. Колобовой [Колобова, 1998], Т. Ю. Игнатович [Игнатович, 2013], Е. И. Пляскиной [Пляскина, 1998] позволяют это осуществить. Определенные, но не исчерпывающие исследования в этом направлении уже были предприняты [Игнатович, 2019], тем не менее, на наш взгляд, данный аспект научных изысканий будет перспективным в ближайшем будущем.

Описываемые в настоящей статье результаты научных изысканий вносят вклад в решение означенной выше научной проблемы, кроме того, они актуальны, и в аспекте исследования особенностей формирования делового стиля в региональной письменности, и в контексте реконструкций исторических языковых портретов в рамках современной лингвистической персонологии (термин В. П. Нерознака) [Нерознак и др., 2005], которая как научная дисциплина сформировалась в середине 1990-х годов с опорой на идеи антропоцентризма В. Фон Гумбольдта [Гумбольдт, 1984], концепции Й. Л. Вайсгербера [Вайсгербер, 2009] и В. В. Виноградова [Виноградов, 1980], в работах которых употребляется ключевой для нашего исследования термин *языковая личность*. Однако раскрыли данное понятие и ввели его в научный оборот исследователи Г. И. Богин [Богин, 1984] и Ю. Н. Караулов [Караулов, 2010].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В данном исследовании забайкальские документы XVIII века рассматриваются в аспекте репрезентации языковой личности чиновника по модели Ю. Н. Караулова, который, понимая языковую личность как личность, существующую в языковом пространстве, пользующуюся вербальными знаками и представляющую собой совокупность способностей к созданию и восприятию речевых произведений (текстов), выделил следующие уровни в структуре модели языковой личности: вербально-семантический или вербально-грамматический уровень (лексикон), лингвокогнитивный уровень (тезаурус), мотивационный уровень (прагматикон) [Там же, с. 51].

Материалы исследования — документы 1768 года из Дореволюционного фонда Государственного архива Республики Бурятия [ГАРБ, ф. 88, д. 40, лл. 108, 108 об., 109, 109 об., 110, 111; 560, 560 об., 561, 561 об.], которые содержат тексты четырёх ордеров о произведении в разные военные чины служащих Селенгинского полка, адресованных удинскому коменданту Мертвецову, и одного указа военного ведомства о создании в Забайкалье гарнизонных школ. Языковой материал этих документов вводится в научный оборот впервые.

Цель статьи — реконструкция языкового портрета одного из забайкальских военных чиновников XVIII века по данным составленных и подписанных им документов.

Задачи статьи:

— исследование текстов регионального указа и четырёх ордеров в коммуникативно-прагматическом ракурсе;

— выявление особенностей речевого узуса XVIII века, отразившихся в орфографии текста регионального указа;

— моделирование языкового портрета забайкальского чиновника XVIII века на основе произведенного анализа деловых текстов, составленных и подписанных полковником Петром де Сала.

В данном исследовании применяются следующие методы и приемы: метод выборки, систематизации и интерпретации языкового материала из памятников деловой письменности второй половины XVIII века; реконструкция языкового портрета языковой личности чиновника на основе модели языковой личности, предложенной Ю. Н. Карауловым. Результаты исследования позволяют провести сопоставление с результатами других ученых и верифицировать выводы.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

В архиве [ГАРБ] обнаружен ряд документов, составленных и подписанных Петром де Сала, полковником Селенгинского батальона. Один из них — рукописный указ, в котором говорится о необходимости составления канцелярскими именными списками семей военнослужащих и о помещении по этим спискам солдатских детей в гарнизонные школы. Рассматриваемый указ основывался на одиннадцатом пункте доклада Военской комиссии. В соответствии с ним школы, как и гарнизонные батальоны, передавались в ведение комендантов, при которых школьники из солдатских детей должны были обучаться грамоте, арифметике, музыке под надлежащим присмотром. Комендантам было предписано «об них губернаторов своих рапортовать, и по всем получаемых от оных ордеров исполнение чинить, ... а месячные рапорты о состоянии людей и числе школьников... отсылать прямо в Военную коллегию» [ПСЗРИ].

По содержанию мы можем отнести этот региональный указ к документам распорядительного жанра деловой письменности, в котором наряду с общими предписаниями, соответствующими содержанию доклада Военской комиссии, имеется ряд других положений. Автор регионального указа действовал в пределах своих полномочий, определённых Военской комиссией «Генеральным наставлением, касающегося до гарнизонных батальонов и солдатских школ» (29 пунктов). Более детальную регламентацию организации школ Военская комиссия отдавала на усмотрение низшего воинского начальства: данное «Генеральное наставление» является составной частью доклада Военской комиссии «О перестроении гарнизонов по приложенным при оном штатам и табелям» от 19 апреля 1764 года [ПСЗРИ].

Анализ языковых особенностей, в первую очередь «местных положений», вышеуказанных текстов, как нам кажется, позволяет осуществить моделирование с целью своего рода реконструкции исторической язы-

ковой личности составителя указа с опорой на уровневую концепцию Ю. Н. Караулова.

3.1. Мотивационный уровень (прагматикон) языковой личности полковника Петра де Сала

Жанровая отнесённость текстов указа и ордеров обуславливает коммуникативные цели, специфическую текстовую модальность, характерный тип взаимоотношения субъектов речи (автора и адресата) и стандартную формальную организацию (формуляр) текста документа [Косов, 2004]. Коммуникативные цели — проинформировать, распорядиться относительно ситуации, побудить нижестоящие учреждения и их руководство к совершению определённых действий.

Формуляр указа традиционно состоит из нескольких частей (блоков).

В начальной части стандартно сообщаются номер документа, дата его получения: *№ 196, полученъ 29 ч апреля (неразб., чтение предположительное) 1768 году*, название вида документа, выделенное заглавными буквами: *Указъ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА | Самодержицы всероссийской;*

Далее пишется, откуда и куда был послан данный указ: *изыркзѣикои оберъ комендантскои | канцеляриі ѓдинскои коменданскои канцеляриі.*

В мотивировочной части изложено, по какому делу составляется документ или каковы обстоятельства написания данного указа. Так, в документе содержится ссылка на предшествующий документ: *вприслонном | ЕЯ ИМПЕРАТОСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА изѓдрственной во | енной колегіи от 9 числа ноября 767 году зказе наима при | сѓдствующаго здешней канцеляриі полковника иоберъ | каменданта вполченном тридесятого числа минзвшаго | марта сего году напечатано повсевысочайшеи от ЕЯ | ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА апробовонном в прошлом | 764 году апреля 19 дня огарнизонных баталионовъ штату | упоособливо конфиурмананному докладѓ;*

Основная, описательная часть включает в себя информацию относительно того, о чем следует распорядиться по данному указу, а также фиксирует дополнительные обстоятельства по данному делу: *повелено взарни | зонной школы где оныя находятся малолетних сюда | таких детеи для обучения подлежащих наѓкъ и принимать | отъсеми летъ иниже отполевых (неразб.) гарнизонных бата | лионов губернских ротъ иучрежденных пригородовых канѓце | лярнях воинских инѓфалидных командъ инато их содерѓжа | ние определена особливая годовая сѓмаа 766 годѓ | внобре мѓце потчененному ввоенной каллегіи определению | велено оставшим после змерших штатных ротахъ | ѓгородовых воинских командах оберъ офицеровъ ипротчих | чиновъ женам здетми посодержанию оинѓфали-*

дах | учреждение Ia пункта производить вдовское исироть | свое жалованья;

Окончание документа — констатирующая часть, закрепляющая распоряжение фраза: *гудинской каменданской кань | целяриі овышеписанном въдаты ичинить посему - | ЕЯ ИМПЕРАТОСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА гКАЗу*, дата составления и послания указа: *ав вы | шеписанныя места указы посланы апреля = 8 дня | 1768 году: | и подпись составившего документ лица: Петръ де Сала [ГАРБ, ф. 88, д. 40, л. 561 об.]*.

Указ является распорядительным документом. Его содержание и объем могли регулироваться в зависимости от количества обстоятельств дела. В данном случае таких обстоятельств, мотивирующих написание указа, несколько, поэтому все они более подробно приводятся в основной части документа, без сокращения. В некоторых же указах, где обстоятельств меньше, приводили их во второй части, соответственно, за счет этого основная часть, да и весь документ, были короче.

Необходимо отметить, что при написании данного документа чиновник Петр де Сала руководствуется прежде всего тем, что до этого, еще в прошлом 1767 году, уже был им получен указ из государственной военной коллегии, о чем напечатано 30 марта 1768 года, по подтвержденному, то есть утвержденному Екатериной Второй докладу по штату гарнизонных батальонов. На основании этого и был издан данный указ, которым еще раз подтверждается необходимость обязательного исполнения содержащегося в нем распоряжения, и поэтому, как можем убедиться, указы всегда пишутся от имени ЕЕ ИМПЕРАТОСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, а о себе составляющее и подписывающее документ лицо пишет в третьем лице, как в данном указе: *на имя присутствующаго здешней канцеляриі полковника и оберъ | каменданта*, подчеркивая тем самым, что является только исполнителем воли правителя государства и высшего начальства.

Изученные тексты ордеров как речевой акт распоряжения состоят из следующих компонентов:

- 1) обращение или пояснение, кому адресован ордер: *гднѹ майорѹ гудинскому комендантѹ мертвецову;*
- 2) изложение сути ситуации как обстоятельство распоряжения, например: *«Состоящей здесь в уди^нскѹ гркѹцкого баталиона | казакъ михайла квашенкинъ по рекомендаціи | вашего высоко^благородия а притомъ і по хорошему | ево состоянню прои^введенъ мною в сержанты»;*
- 3) собственно требование или распоряжение, например: *«чего ради ии^вволите ваше высоко^благородие тотъ | емѹ вновь прои^введенной чинъ о^ввить»;*
- 4) в качестве формулы конечного протокола подпись: *«Петръ де Сала»*.

Как видно из проведенного анализа, прагматический уровень отражает цели, мотивы, задачи (интенции) языковой личности, которые отвечают ее статусу, интересам, намерениям, избранным коммуникативным стратегиям и установкам. Анализ этого уровня показывает, что Петр де Сала, являясь военным чиновником, государственным служащим, руководствуется прежде всего интересами государства и составляет документы надлежащего характера, исходя из необходимых требований закона, определений государственной военной коллегии. Все это объясняет коммуникативно-деятельностные потребности чиновника, его ценности, связанные со службой.

Тексты документов построены и организованы таким образом, чтобы они были оптимальными для решения поставленных коммуникативных задач. Чиновником учитываются соответствующие условия коммуникативных ситуаций: цели написания документов, сфера деятельности, адресат, жанры документов, контекст.

3.2. Лингвокогнитивный уровень (тезаурус) языковой личности Петра де Сала

На этом уровне моделируются структуры сознания, представления и знания, отражающиеся в языковой картине мира языковой личности, в которой можно фрагментировать тематические группы, лексико-семантические группы (ЛСГ) лексики, эксплицирующие ключевые концепты картины мира российского чиновника того времени.

Во всех рассматриваемых деловых текстах зафиксированы даты их написания: указ — *апреля 8 дня 1768 году*, ордера — *февраля 5го дня 768 годх, февраля 6 дня 1768 году*; определены находящиеся в оппозиции центра и региона локации: государственные органы центра: *правительствующий сенатъ, депортаментъ, гдрственная военная колегия*; а также региональные пространственные ориентиры: *из ыркѣцкой оберъ комендантской канцеляриі, ѓдинской коменданской канцеляриі, пригород Удинскъ, в селенгинскую, акшинскую, ѓдинскую, јиркуцкою баталиона, удинский, селенгинский, јркѣцкого баталиона, в удинскх, јс селенгинских баталионов*; последние ярко репрезентируют региональную картину мира.

Поскольку указы и ордера относятся к государственным деловым документам, в них вербально эксплицируются концепты ГОСУДАРСТВО, ВЛАСТЬ, ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Так, концепт ГОСУДАРСТВО (а речь идёт о российском государстве) репрезентируется упоминанием императрицы (*Ея Императорское Величество, Самодержица Всероссийская*), административно-территориальных единиц (*губерния*), широко представлена лексика тематической группы названий государственных учреждений XVIII века: *правительствующий сенатъ, депортаментъ, гдрственная военная колегия, губернская правин-*

цыярныя і воевоцъкыя канцелярыі, іркзкая оберъ комендантская канцелярыя, ўдінская коменданская канцелярыя, ведамства свая губерніі, гўберскіе правінцыяльныя і гарадовыя канцелярыі.

В рассматриваемых текстах упоминаются названия различных типов документов: *указъ, подтверванный доклад, именныя ведомости, записныя книги, обстоятельныя ведомости, инстрўкціи по определению, верныя записки, рапортъ, ордеръ.* В языковую картину мира чиновника входило знание специальных терминов — доклад должен быть *конфирмированным*, то есть утверждённым [Майоров, 2011, с. 204].

Ведомости требовались *обстоятельныя*, а записки — *верныя*.

В текстах встречаются названия государственных должностных лиц и воинских чинов русской императорской армии: *генерал-губернаторъ, губернаторъ, оберъ-камендант, комендантъ, полковникъ, майоръ, оберъ-афицеръ, салдатъ, капраль, сержантъ, подпрапорщикъ, каптенармусъ, салдатъ, казакъ.*

Названия воинских подразделений того времени: *гарнизонныя батальоны, губернскіе роты, городовыя воинскіе команды, воинскіе полки, воинскіе инфалидныя команды.*

Упоминаются *штатныя команды, штатныя роты, комплектный* (так в тексте) *капраль. воинский штат.* Поскольку ордера проходят по военному ведомству, в них употребляются клишированные выражения, относящиеся к воинской службе: *в верности службы привесть к присяге, в верности службы Ея Императорскому Величеству привесть к присяге, до очищения по ихъ чинамъ вакансии, остатя сверхъ комплекта на техъ же трактаментях, остатца здесь в роте сверхъ комплекта на казачномъ трактаменте, им вновь произведенные чины обявить, определит в службу в салдаты, подлежащими до службы рўжеинными мўндирными і аммуничными вещьми, употреблять в каразль, по рекомендаціи вашего высокоблагородия, і по хорошему ево состоянию произведенъ в сержанты, тотъ емъ вновь произведенной чинъ обявить, произведенъ мною в капралы.*

В указе об определении солдатских детей в учреждённые школы употребляются наименования учебных учреждений и лексика, относящаяся к теме образования: *гарнизонныя школы для обучения грамоте, і прочимъ расписанны по воинском 732 году штатх наукам, по веленным наўком с краиним прилежаніем обучаем.*

Представленные в текстах наименования гражданских лиц типичны для того времени: *дворяне, не из дворян, жены, дети, солдатскіе дети, солдатский сын, отцы, матери, сродники, родственникам, школьники.* Встречается обращение к вышестоящему лицу: *Ваше Высокоблагородие, господин.* Мир людей конкретизируется в упомянутых в документах фа-

милиях: *Мертвецов, Дмитрий Куркин, Иван Волков, Михайла Квашенкин, Мишенков, Прокопеи Паршинъ*, подпись к текстам *Петръ де Сала, сержантъ Генадей Золотухинъ, оберъ коменданской писарь Андреянъ Раковъ*. Среди личных именовании людей интерес представляют типичные в то время варианты имён *Михайла* и *Прокопеи, Генадей*. Фамилия основной подписи текстов *де Сала* позволяет предположить иностранное происхождение подписавшего, что в XVIII веке было не редкостью: Петровская эпоха и последующие годы привлекли в Россию для работы и жительства много европейцев.

Концепт ВЛАСТЬ ярко проявляется общей императивной модальностью текстов: в указе употребляются слова с семантикой повеления: глагол *велеть*, краткие причастные формы с корнем *вел-*: *велено, повелено*; широко используются формы инфинитива с императивной интенцией составителя текста: *послать указы и велеть, принимать, производить, послать указы и велеть разпределять, присылать сведения, присылать обстоятельные ведомости, ведомости темъ канцеляриям отсылать* и др. В ордерах также присутствуют формы инфинитива с императивной интенцией: *привести к присяге, остаться сверхъ комплекта на техъ же трапезныхъ, им вновь произведенные чины объявить*. Власть вербально репрезентируется и формами причастий: *пръдписано, определъно* и др.

От чиновников, которым адресованы документы, требуется проявление ответственности, что также выражается вербально: *должны отпрапляться надлежащие сведения, обстоятельны ведомости, верные записки*, чётко определены их сроки — раз в полгода. Чиновники имели ясное представление о том, какое наказание предусмотрено в случаях несообщения сведений вовремя. Упоминание о *штрафе за промедлѣния и укрьвателства от службы* (под штрафом у военных в то время имелись в виду телесные наказания [Майоров, 2011, с. 526]) Петр де Сала использует согласно интенции — убедить подчинённых действовать строго согласно инструкции, чтобы получить ожидаемый результат без каких-либо нарушений.

Исследование языка текстов документов позволяет смоделировать определённые фрагменты картины мира и ценностные ориентиры российского чиновника XVIII века.

3.3. Вербально-семантический уровень языкового портрета Петра де Сала

На этом уровне мы выявили языковые черты, подчеркивающие своеобразие языковой личности чиновника XVIII века. Безусловно, о формирующемся в это время официально-деловом стиле свидетельствуют специальные названия документов, точные наименования государственных учреждений, должностей, воинских чинов (примеры были приведены выше),

активное употребление отглагольных существительных с отвлечённой семантикой: *учреждение, содержание, для обучения, укрывательство обязательствомъ, с прописаниемъ, определение, основание по прошедствіи, за промедлѣнія, прилежание, прошение, определение, опасение, укрывательство, выражения* и др., различных форм причастий с преобладанием страдательных форм: *в надлежащихъ местах, состоящихъ оберъ офицерах, о имеющихся у нихъ женахъ, произведенные чины, подчиненные здешней канцелярии мѣста, отдаваемая имъ салдатскія дети, требуемая, предъставляемая, отданъ, отдано, отъпущенъ, обучаем* и др., причастие *данный* в местоименном значении. Встречаются производные предложные сочетания, которые и в настоящее время востребованы в деловых бумагах: *по прошедствіи каждаго полугода, по пришедствіи указныхъ техъ летъ*.

В лексиконе российского чиновника XVIII века используются слова, употребление которых для того времени было нормой, а в наше время они являются устаревшими: *на сие, до колѣкихъ летъ, особливо, втуне*, и др.

Так, во фрагменте предложения *ни одинъ салдатскій сынъ втуне где пропасть не могъ* чиновник отдает распоряжение, чтобы работники канцелярии при составлении ведомости о детяхъ военнoслужашихъ никого изъ детей не оставили безъ вниманія, чтобы дети могли получить надлежащее образование. В предложении используется устаревшее в настоящее время наречіе *втуне*, имеющее значеніе ‘безъ результата, безъ вниманія’ [Майоров, 2011, с. 86].

В рассматриваемыхъ деловыхъ текстахъ весьма распространены и клишированные выраженія: *на основаніи вышеписаннаго жъ указа, укрывательство отъ службы, определеніе в службу, надлежащія мѣста, по силе законовъ, изъяснять имѣнно чего ради, с прописаніемъ вышеписаннаго, в вышеписанныя мѣста, о вышеписанномъ вѣдать, годныхъ быть в службѣ, по вновь родившихся дѣтехъ, по прошедствіи каждаго полугода* и др.

В текстахъ много заимствованныхъ словъ, что было характерно для языка того времени. Заимствованные слова в основном относятся к военной лексике, это такіе лексемы, как *комендант* (нем., заимствовано в XVII вѣкѣ), *рапорт* (фр., XVII вѣк), *коллегія* (лат., XVIII вѣк), *канцелярія* (лат., XVII вѣк), *гарнизон* (фр., XVII вѣк), *салдат* (ит., XVII вѣк), *баталіон* (фр., XVIII вѣк), *инвалидная команда* (фр., XVIII вѣк), *паипорт* (фр., XVII вѣк), *офицер* (фр., XVII вѣк), *рота* (польск., XVIII вѣк), *сенат* (нем., XVII вѣк), *инструкція* (польск., XVIII вѣк), *оберъ офицер* (нем., XVII вѣк), *генерал* (фр., XVII вѣк), *камандир* (фр., XVIII вѣк), *штраф* (нем., XVII вѣк).

Диалектныхъ лексемъ в текстѣ документа обнаружено не было.

Интересны грамматическіе варианты форм местоименія 3 л. мн. ч. *оне / они* при преобладаніи перваго варианта: *какъ оне объявляютъ, оне*

праздно шетатся и от службы отбывать не могли, колихъ оне лѣтъ, наряду с они ведомстве находятся. Известно, что унификация родовых форм у местоимения 3 л. во мн. ч. в московской речи, которая легла в основу литературного языка, пошла по форме м. р. мн. ч. *они*, а в русских говорах, в том числе севернорусских, проходила по аналогии с местоименными формами *все, те*. Форма *оне* до сих пор употребляется в забайкальских русских говорах севернорусского генезиса. Вероятно, в забайкальском речевом узусе она была в активном употреблении. Встретилась архаическая форма т. п. мн. ч. существительного ж. р. современного 3 скл.: *вещьми*.

В орфографии текстов так же, как и во многих других документах XVIII века, прослеживаются черты «орфографического дуализма» [Майоров, 2020, с. 20—31] ввиду того, что словарный состав языка пополнялся «иноязычными словами, имеющими различные исторические корни и находящимися на разных этапах звуковой и орфографической адаптации в языке» [там же].

Метод сопоставительного анализа рассматриваемых документов с аналогичными текстами XVIII века из Полного собрания законов Российской Империи [ПСЗРИ] выявляет следующие орфографические варианты написания слов: *сѣма* — *сумма*, *каллегии* — *коллегии*, *папшорт* — *паспорт*, *командах* — *камандах*, *солдат* — *салдат*, *ваканцеи*, замена [в] на [ф] в корне слов о *инфалидах*, *инфалидных*, что свидетельствует о том, что адаптация заимствованных слов происходила не сразу. Такие варианты двойного написания заимствованных слов являются нормой орфографии того времени, зафиксированы в «Словаре русского литературного языка XVIII века» [СРЯ XVIII].

В тексте указа заметно влияние речевого узуса центра, а именно московской речи, так как встречаются проявления аканья в написаниях буквы *а* вместо *о*: *салдат*, *афицер*, *камандир*, *камендант*, *акажутся*, *патем*, *подписками*, *въдавах* — и гиперкорректные написания буквы *о* вместо *а*: *подопосениемъ*, *напечатано*, *на токомъ*, *кокого* т. п., что было свойственно московским памятникам деловой письменности XVIII века [Домаева, 1986]. Возможно, данные написания свидетельствуют о том, что автор документа являлся носителем акающего произношения, возможно, пишущий ориентировался на московский вариант текста, где такое произношение было отражено в орфографии. В основном в текстах забайкальских ордеров отражения аканья нет. Исследователи регионального речевого узуса по данным забайкальских памятников деловой письменности XVII—XVIII веков отмечают, что в первой половине XVIII века в относительно монодиалектном вторичном говоре Забайкалья господствовало оканье, во второй половине столетия «с оканьем сосуществует акающая система» [Христовенко, 1975, с. 124; Майоров, 2006, с. 423—424].

Любопытно написание буквы Ъ «ять»: в большинстве случаев, где она должна была писаться, знак заменен буквой «есть»: в корнях: *дети, детеи, детях* (в этом корне в 9 случаях), *леть, летам* (в этом корне в 7 случаях), *ведомостеи, ведомстве* (в этом корне в 5 случаях), *с верными, верности, в местах, на место, делам, вещьми*, в приставке: *предъставляемы*, суффиксах: *велеть, о имеющихся*, флексиях падежных форм: *к присяге, в службе, в роте, о производстве, при рапорте, пригороде*. в ряде случаев всё же «ять» написан традиционно: *дѣтєхъ* (2 случая), *вѣдомства, вѣдать, лѣтъ, в мѣста, прѣдписано, обстоятельныѣ* (при сущ. ж. р. во мн. ч. в. п. *ведомости*). Такая вариантность свидетельствует об утрате в речи писавшего особого звука, обозначаемого на письме «ять», о совпадении со звуком [е]. Косвенно на это указывают гиперкорректные написания буквы «ять» на месте «есть»: *назначѣнныхъ, времѣни, имѣно, имѣнно, имѣнно* (в 1 случае *именно*), *за промедлѣнїя, обучѣнїя, определѣно* (в 2 случаях *определено*).

В тексте данного указа встречается и «вариативность написания как результат фонетических процессов» [Выхрыстюк и др., 2012, с. 32—35]: ассимиляция согласных по глухости (*допетнатцати*), гиперкорректное написание согласных, коррелирующих по звонкости / глухости (*прошедствиш, присудствующаго, продчих* вместо *прочих, впродчимъ* вместо *впрочем, естли*), отсутствие передачи фонематической мягкости согласного (*исправителствующаго, обстоятельныя, невадалномъ, исколко, жителством, необязателствомъ, ошколникахъ*), изменение [тс] в [тц] на морфемном шве (*салдатуцких, изыркуцкой, салдатуцих, обучаюцца*), аккомодация после твердых согласных — в документе встречается пример с [ы] — отражение узуальной орфоэпической нормы (*изыркуцкой, но јиркуцкою*).

Орфография исследуемого нами документа, наравне с соблюдением определённых норм, содержит элементы живого произношения и отражает непоследовательное применение морфологического и традиционного принципов написания. Однако, как отмечает А. П. Майоров, «еще в приказном письме XV—XVII веков активные, повсеместные и регулярные фонетические написания из фактов отражения фонетических явлений становятся орфографической нормой в силу формирующейся традиции их фонетической записи на протяжении длительного времени» [Майоров, 2020, с. 20—31]. Автор рассмотренных забайкальских рукописных документов в основном также руководствуется фонетическим принципом русской орфографии.

4. Заключение = Conclusions

На основе изложенного выше можно сделать вывод о том, что рассмотренные региональный указ и ордера с подписью Петра де Сала относятся

к распорядительному жанру деловой письменности, представляют собой тексты-монологи, направленные «по вертикали» от вышестоящего учреждения к нижестоящему.

Реконструированный на основе языка забайкальских деловых документов XVIII века по модели Ю. Н. Караулова языковой портрет военного чиновника полковника Петра де Сала на мотивационном уровне позволяет определить коммуникативные цели — проинформировать, распорядиться относительно ситуации, побудить нижестоящие учреждения и их руководство к совершению определённых действий. Чиновником учитываются соответствующие условия коммуникативных ситуаций: цели написания документов, сфера деятельности, адресат, жанры документов, контекст.

Анализ структурных компонентов, лексем и их семантики выявляет задачи (интенции) языковой личности, которые отвечают конкретным коммуникативным стратегиям и установкам. Анализ этого уровня показывает, что Петр де Сала, являясь военным чиновником, государственным служащим, руководствуется прежде всего интересами государства и составляет документы надлежущего характера, исходя из необходимых требований закона, определений государственной военной коллегии. Все это объясняет коммуникативно-деятельностные потребности чиновника, его ценности, связанные со службой.

На лингвокогнитивном уровне определённые тематические и лексико-грамматические группы лексики текстов дали возможность смоделировать определённые фрагменты российской картины мира того времени, включая её региональный вариант, и ценностные ориентиры российского военного чиновника XVIII века, в том числе языковую экспликацию ключевых концептов ГОСУДАРСТВО, ВЛАСТЬ, ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

На вербально-семантическом уровне отмечены языковые средства формирующегося в это время официально-делового стиля (специальные названия документов, точные наименования государственных учреждений, должностей, воинских чинов, активное употребление отглагольных существительных с отвлечённой семантикой, различных форм причастий с преобладанием страдательных форм, производные предложные сочетания, клишированные выражения. В текстах есть устаревшая в наши дни лексика, много заимствованных слов, имеющих варианты написаний, не совпадающие с современными вариантами, что свидетельствует о неполной их адаптации в то время в русском языке.

Орфография рассмотренных документов свидетельствует о том, что их составитель непоследовательно применяет морфологический и традиционный принципы написания, руководствуется фонетическим принципом русской орфографии. В тексте указа заметно влияние речевого узуса цен-

тра, а именно московской речи, так как встречаются проявления аканья в написаниях буквы *a* вместо *o*. Предполагаем, данные написания свидетельствуют о том, что либо автор документа являлся носителем акающего произношения, либо пишущий ориентировался на московский вариант текста, где такое произношение было широко отражено в орфографии. В забайкальской деловой письменности XVIII века нечасто встречаются тексты с отражением аканья, региональный речевой узус этого времени был окающим.

В целом рассмотренные языковые факты позволили реконструировать языковой портрет забайкальского военного чиновника — полковника Петра де Сала.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. ГАРБ — *Государственный архив Республики Бурятия.*
2. *Майоров А. П.* Словарь русского языка XVIII века. Восточная Сибирь. Забайкалье / А. П. Майоров. — Москва : Издательский центр «Азбуковник», 2011. — 584 с. — ISBN 978-5-91172-055-1.
3. ПСЗРИ — *Полное собрание законов Российской Империи.*
4. ПСЗРИ — *Полное собрание законов Российской Империи I.* — Т. XLIII. — Ч. 1. — Книга штатов. — № 12135.
5. САР — *Словарь Академии Российской.* — Санкт-Петербург : При Императорской академии наук, 1793. — Ч. 4. От М до Р. — 1272 стлб., [68] с.
6. СРЯ XVIII — *Словарь русского языка XVIII века / гл. ред. Ю. С. Сорокин.* — Ленинград : Наука. Ленинградское отделение, 1984—1991. — Выпуск 1—6.

Литература

1. *Биктимирова Ю. В.* Морфология именных частей речи в памятниках деловой письменности Восточного Забайкалья конца XVII — первой половины XVIII вв. : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Юлия Викторовна Биктимирова. — Красноярск, 2012. — 25 с.
2. *Богин Г. И.* Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов : диссертация ... доктора филологических наук : 10.02.19 / Георгий Исаевич Богин. — Ленинград, 1984. — 354 с.
3. *Вайсгербер Й. Л.* Родной язык и формирование духа / Й. Л. Вайсгербер. — Москва : ЛИБРОКОМ, 2009. — 232 с. — ISBN 978-5-397-00725-2.
4. *Виноградов В. В.* Избранные труды. О языке художественной прозы / В. В. Виноградов. — Москва : Наука, 1980. — 360 с.
5. *Виноградов В. В.* История слов [Электронный ресурс] / В. В. Виноградов. — Режим доступа : <http://wordhist.narod.ru/tschrezvitschajnij.html> (дата обращения 21.08.2024).

6. *Выхрыстюк М. С.* Особенности орфографии рукописных текстов учреждений просвещения г. Тобольска второй половины XVIII в. / М. С. Выхрыстюк, Т. В. Быкова // Вестник Челябинского государственного университета. — 2012. — № 21 (275). — С. 32—35.

7. *Гумбольдт В. фон.* Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт. — Москва : Прогресс, 1984. — 400 с.

8. *Домаева Т. Ю.* Вокализм московской речи XVIII века (по материалам деловой письменности) : автореферат диссертации кандидата филологических наук : 10.02.01 / Т. Ю. Домаева. — Москва, 1986. — 17 с.

9. *Игнатович Т. Ю.* Восточно-забайкальские говоры северно-русского происхождения в синхронном и диахронном аспектах (на материале фонетики и морфологии) : автореферат диссертации доктора филологических наук : 10.02.01 / Татьяна Юрьевна Игнатович. — Улан-Удэ, 2013. — 48 с.

10. *Игнатович Т. Ю.* Динамика языковой ситуации в полиэтническом Забайкалье / Т. Ю. Игнатович // Русский язык в полиэтническом Забайкалье : динамический аспект : коллективная монография / [под общ. ред. Т. Ю. Игнатович]. — Казань : Бук, 2019. — С. 374—383. — ISBN 978-5-00118-444-7.

11. *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. Изд. 7-е, стереотипное. — Москва : КомКнига, 2010. — 264 с.

12. *Колобова Э. А.* Диалектная речь русского населения Читинской области / Э. А. Колобова // Лингвистическое краеведение Забайкалья. — 1998. — С. 18—19.

13. *Косов А. Г.* Эволюция документных жанров в деловом языке XVIII в. (на материале рукописных и печатных текстов Объединенного государственного архива Челябинской области) : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Александр Георгиевич Косов. — Челябинск, 2004. — 25 с.

14. *Лутовинова О. В.* Становление понятия «языковая личность» : от «языка в человеке» до «человека в языке» / О. В. Лутовинова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2017. — № 1 (114). — С. 82—89.

15. *Майоров А. П.* Диглосный характер орфографического дуализма в русском письме / А. П. Майоров // Вестник Бурятского государственного университета. Серия. Филология. — 2020. — Выпуск 4. — С. 20—31.

16. *Майоров А. П.* Региональный узус деловой письменности XVIII века (по памятникам Забайкалья) : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 10.02.01 / А. П. Майоров. — Москва, 2006. — 44 с.

17. *Нерознак В. П.* Языковая личность / В. П. Нерознак, И. И. Халеева // Эффективная коммуникация : история, теория, практика : словарь-справочник. — Москва : Олимп, 2005. — С. 587—591. — ISBN 5-7390-1592-8.

18. *Пляскина Е. И.* Абсолютные и семантические синонимы в говоре (к вопросу о регионально-ориентированном воспитании) / Е. И. Пляскина // Национальная идея : образование и воспитание (философский, методический и региональный аспекты). — Чита : Забайкальский гос. ун-т, 2016. — 221 с. — ISBN 978-5-9293-1714-9.

19. *Христенко Г. А.* Фонетическая система языка нерчинской деловой письменности второй половины XVII — первой половины XVIII веков : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Галина Алексеевна Христенко. — Красноярск, 1975. — 228 с.

*Статья поступила в редакцию 18.08.2024,
одобрена после рецензирования 28.10.2024,
подготовлена к публикации 15.11.2024.*

Material resources

- GARB — *The State Archive of the Republic of Buryatia*. (In Russ.).
- Mayorov, A. P. (2011). *Dictionary of the Russian language of the XVIII century. Eastern Siberia. Transbaikalia*. Moscow: Publishing Center “Azbukovnik”. 584 p. ISBN 978-5-91172-055-1. (In Russ.).
- PSZRI — *The Complete collection of laws of the Russian Empire I, XLIII (1) / 12135*. (In Russ.).
- PSZRI — *The Complete collection of laws of the Russian Empire*. (In Russ.).
- SAR — *Dictionary of the Russian Academy, 4. From M to R*. (1793). St. Petersburg: At the Imperial Academy of Sciences. 1272 stl., [68] p. (In Russ.).
- SINCE the XVIII century — *Dictionary of the Russian language of the XVIII century, 1—6*. (1984—1991). Leningrad: Nauka. Leningrad Branch. (In Russ.).

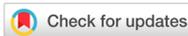
References

- Biktimirova, Yu. V. (2012). *Morphology of nominal parts of speech in the monuments of business writing in Eastern Transbaikalia of the late XVII — first half of the XVIII centuries*. Author’s abstract of PhD Diss. Krasnoyarsk. 25 p. (In Russ.).
- Bogin, G. I. (1984). *The model of a linguistic personality in its relation to varieties of texts*. Doct. Diss. Leningrad. 354 p. (In Russ.).
- Domaeva, T. Y. (1986). *Vocalism of the Moscow speech of the XVIII century (based on the materials of business writing)*. Author’s abstract of PhD Diss. Moscow. 17 p. (In Russ.).
- Hristosenko, G. A. (1975). *Phonetic system of the Nerchinsk business writing language of the second half of the XVII — first half of the XVIII centuries*. PhD Diss. Krasnoyarsk. 228 p. (In Russ.).
- Humboldt, V. von. (1984). *Selected works on linguistics*. Moscow: Progress. 400 p. (In Russ.).
- Ignatovich, T. Y. (2013). *East Trans-Baikal dialects of Northern Russian origin in synchronous and diachronic aspects (based on phonetics and morphology)*. Author’s abstract of Doct. Diss. Ulan-Ude. 48 p. (In Russ.).
- Ignatovich, T. Y. (2019). Dynamics of the linguistic situation in the polyethnic Transbaikalia. In: *The Russian language in the polyethnic Transbaikalia: a dynamic aspect: a collective monograph*. Kazan: Buk. 374—383. ISBN 978-5-00118-444-7. (In Russ.).
- Karaulov, Yu. N. (2010). *Russian language and linguistic personality*. Moscow: KomKniga. 264 p. (In Russ.).
- Kolobova, E. A. (1998). Dialect speech of the Russian population of the Chita region. *Linguistic local lore of Transbaikalia*. 18—19. (In Russ.).
- Kosov, A. G. (2004). *The evolution of documentary genres in the business language of the XVIII century. (based on the material of handwritten and printed texts of the United State Archive of the Chelyabinsk region)*. Author’s abstract of PhD Diss. Chelyabinsk. 25 p. (In Russ.).
- Lutovinova, O. V. (2017). The formation of the concept of “linguistic personality”: from “language in man” to “man in language”. *Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University, 1 (114)*: 82—89. (In Russ.).
- Mayorov, A. P. (2006). *Regional usage of business writing of the XVIII century (on the monuments of Transbaikalia)*. Author’s abstract of Doct. Diss. Moscow. 44 p. (In Russ.).
- Mayorov, A. P. (2020). The diglossic character of orthographic dualism in Russian writing. *Bulletin of the Buryat State University. Series. Philology, 4*: 20—31. (In Russ.).

- Neroznak, V. P., Khaleeva, I. I. (2005). Linguistic personality. In: *Effective communication: history, theory, practice: dictionary-reference*. Moscow: Olympus. 587—591. ISBN 5-7390-1592-8. (In Russ.).
- Plyaskina, E. I. (2016). Absolute and semantic synonyms in the dialect (on the issue of regionally oriented education). In: *National idea: education and upbringing (philosophical, methodological and regional aspects)*. Chita: Zabaikalsky State University. 221 p. ISBN 978-5-9293-1714-9. (In Russ.).
- Vinogradov, V. V. (1980). *Selected works. About the language of fiction*. Moscow: Nauka. 360 p. (In Russ.).
- Vinogradov, V. V. *The history of words*. Available at: <http://wordhist.narod.ru/tschrezvitschajnij.html> (accessed 21.08.2024). (In Russ.).
- Vykhrystyuk, M. S., Bykova, T. V. (2012). Features of the spelling of handwritten texts of educational institutions in Tobolsk in the second half of the XVIII century. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*, 21 (275): 32—35. (In Russ.).
- Weisgerber, J. L. (2009). *Native language and the formation of the spirit*. Moscow: LIBRO-COM. 232 p. ISBN 978-5-397-00725-2. (In Russ.).

*The article was submitted 18.08.2024;
approved after reviewing 28.10.2024;
accepted for publication 15.11.2024.*

Информация для цитирования:

Кузнецова Н. В. Коннектор структуры «А + маркер генерализации»: семантика и текстовая роль / Н. В. Кузнецова, О. В. Почтарёва // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 9. — С. 90—109. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-9-90-109.

Kuznetsova, N. V., Pochtareva, O. V. (2024). Connector Structure “A + Generalization Marker”: Semantics and Textual Role. *Nauchnyi dialog*, 13 (9): 90-109. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-9-90-109. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

**Коннектор структуры
«А + маркер
генерализации»:
семантика и текстовая роль**

Кузнецова Наталья Владимировна

orcid.org/0000-0003-3473-8639

Scopus Author ID: 57204011521

кандидат филологических наук, доцент,
кафедра языкознания
и литературоведения,

корреспондирующий автор

n.v.kuznecova@utmn.ru

Почтарёва Ольга Викторовна

orcid.org/0000-0002-7902-5635

Scopus Author ID: 57208107220

кандидат филологических наук, доцент,
кафедра языкознания
и литературоведения

o.v.pochtareva@utmn.ru

Тюменский
государственный университет
(Тюмень, Россия)

**Connector Structure
“A + Generalization
Marker”:
Semantics and Textual Role**

Natalya V. Kuznetsova

orcid.org/0000-0003-3473-8639

Scopus Author ID: 57204011521

PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Linguistics
and Literary Studies,

corresponding author

n.v.kuznecova@utmn.ru

Olga V. Pochtareva

orcid.org/0000-0002-7902-5635

Scopus Author ID: 57208107220

PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Linguistics
and Literary Studies

o.v.pochtareva@utmn.ru

University of Tyumen
(Tyumen, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье представлено описание особой формирующейся группы русских коннекторов структуры «А + маркер генерализации»: *а вообще, а в общем, а в основном, а в остальном, а в принципе, а в целом*. Показано, что образованию названных единств во многом способствует специфика значения сопоставительного союза *а*. Для сочетания «А + генерализатор» характерна позиция темы в высказывании, что коррелирует с отмеченной лингвистами ролью союза А как «тематизатора». К данному ряду коннекторов примыкает лексикализованная единица *а так*, обладающая более широкой сочетаемостью. Выявлено два типа контекстов употребления коннекторов структуры «А + маркер генерализации»: 1) попарное сопоставление на поверхностном уровне; 2) отмена предтекста без попарного сопоставления. В левом контексте таким коннекторам предшествует описание единичных деталей, в правом приведено общее суждение, из которого исключаются названные в левом контексте частности и детали. Парадоксальным образом этим частностям и деталям, которые затем объявляются неважными, бывает посвящён значительный объем текста, что, по всей вероятности, позволяет представить ситуацию в соответствии с коммуникативным постулатом полноты.

Ключевые слова:

коннектор; сопоставительный союз; конкретизатор союза; маркер генерализации; семантика неважности.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article presents a description of a specific emerging group of Russian connectors structured as “A + generalization marker,” including phrases such as ‘a vooobshche’ [and generally], ‘a v osnovnom’ [and mainly], ‘a v ostalnom’ [and in the rest], ‘a v printsipe’ [and in principle], and ‘a v tselom’ [and overall]. It is demonstrated that the formation of these units is significantly influenced by the semantics of the comparative conjunction ‘a’. The combination “A + generalizer” is characterized by the thematic position within the utterance, which correlates with the established role of the conjunction ‘a’ as a “thematizer” noted by linguists. Additionally, the lexically fixed unit ‘a tak’ (and so) is associated with this group, possessing broader combinatorial possibilities. Two types of contexts for the use of the “A + generalization marker” connectors are identified: 1) pairwise comparison at a superficial level; 2) cancellation of the preceding text without pairwise comparison. In the left context, these connectors are preceded by descriptions of individual details, while the right context presents a general statement that excludes the particulars mentioned in the left context. Paradoxically, significant portions of text are often dedicated to these details, which are later deemed unimportant. This, presumably, allows for the presentation of the situation in accordance with the communicative postulate of completeness.

Key words:

connector; comparative conjunction; conjunction concretizer; generalization marker; semantics of insignificance.

УДК 811.161.1'42

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-9-90-109

Научная специальность ВАК

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Коннектор структуры «А + маркер генерализации»: семантика и текстовая роль

© Кузнецова Н. В., Почтарёва О. В., 2024

1. Введение = Introduction

Взаимодействие сочинительных союзов и разного рода лексических конкретизаторов в русской речи продолжает быть актуальным предметом исследования русистов. Особенно интересен в этом плане союз *a*, при котором, по выражению авторов «Грамматики-80», «конкретизатор часто оказывается носителем значения, непосредственно не связанного с семантикой этого союза», и «выполняет роль семантического центра, основного квалификатора отношения и не может быть опущен» [РГ, т. 2, с. 623]. Н. Н. Грицкевич констатирует, что конкретизаторы, одни из которых с точки зрения частеречной принадлежности представляют собой частицы, другие — наречия и наречные сочетания, «не просто соседствуют с союзами в зоне синтаксической демаркации предложений, но и функционально сливаются с союзами, выражая разнообразные оттенки значений и отношений» [Грицкевич, 2006, с. 10], в результате чего возникает «тесная, иногда даже неразложимая связь с союзом» [Там же, с. 11; см. также Гайломазова, 2007, с. 10].

В таких случаях можно говорить о целостных единицах, к которым в нашей работе применяется термин *коннекторы*. Этот термин, возникший в европейской лингвистической традиции, представляется удобным для описания такого рода единиц, поскольку подчеркивает их связующую функцию, во-первых, в отвлечении от частеречной принадлежности составляющих их элементов, а во-вторых, в отвлечении от характера связываемых друг с другом частей, см.: [Голубева и др., 2017]. Так, коннекторы могут связывать **части предложения** — в этом случае они могут характеризоваться как союзы или «союзоподобные элементы» в исследованиях, ориентированных на морфологию или синтаксис простого или сложного предложения [Прияткина, 1977, с. 105—106], — либо **части текста**, и тогда к ним часто применяется термин *текстовая скрепа* (например, в рабо-

так Дальневосточной синтаксической школы [Прияткина, 2007]). Благодаря конкретизаторам образованные на базе союзов коннекторы более точно и специализированно выражают отношения как между частями сложного предложения, так и между предложениями в тексте.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

2.1. Маркеры генерализации в лингвистических исследованиях

По нашим наблюдениям, конкретизаторами союза *a* могут выступать, в числе прочих, единицы, способные выражать значение обобщения, генерализации. В данной работе мы, вслед за О. Ю. Иньковой и Э. И. Манзотти [Инькова, 2019, с. 99—147], называем их *маркерами генерализации* или *генерализаторами*. В словарях такие единицы нередко толкуются друг через друга полностью или частично, например: *в принципе* — «в основном, в общем» [БТСлРЯ, с. 984]; *вообще* — «в общем, в целом, в основном» [БТСлРЯ, с. 149], *в целом* — «в основном, в своих главных достоинствах» [БТСлРЯЮ с 1460] и под. Ср. также отдельную группу единиц, выделенную в «Путеводителе по дискурсивным словам русского языка» и названную «Группа единиц, связанных с идеей “обобщения”» [Путеводитель ..., 1993, с. 105—140], к которой отнесены *вообще, в общем, в целом, в принципе*. Эти единицы «объединяет идея переоценки некоторого исходно заданного элемента (ситуации), которая предполагает переход от **изолированного** рассмотрения элемента к его рассмотрению в **связи с другими** элементами — в частности, в связи с другими носителями некоторого свойства, приписанного исходному элементу» [Там же, с. 105]. При характеристике слова *вообще* определяется его значение и предполагается, что говорящий, используя его, совершает следующую логическую операцию: «Элемент *x*, вводимый *вообще*, указывает на нерелевантность индивидуальных характеристик некоторого другого элемента *y*» [Там же]. Для *в общем* операция выглядит так: «*В общем* вводит такую характеристику ситуации *P*, которую говорящий считает наиболее удобным использовать для итогового описания *P*, отбросив все другие её характеристики» [Там же, с. 119]. При употреблении *в целом* говорящий «фиксирует такой взгляд на объект (ситуацию) *P*, при которой преодолевается первоначальная неоднородность *P*, то есть перестают различаться детали» [Там же, с. 127]. *В принципе* указывает, что «некоторое утверждение *P* следует интерпретировать идеализированно — в отвлечении от тех или иных несущественных особенностей, связанных с конкретной ситуацией его реализации» [Там же, с. 133].

Лексемы *в основном, в общем, в принципе, в целом* были объектом исследования Г. М. Крыловой, назвавшей их «словами-гибридами с обобщающе-ограничительным значением», что явилось «основой объединения

этих лексем в функционально-семантическую группу» [Крылова, 2002]. Согласно исследованию, в основном существует в двух функционально-семантических вариантах: в основном 1 имеет значение «в главных, существенных чертах» и способно выражать скрытое противопоставление; а в основном 2 имеет значение «главным образом, преимущественно» [Там же, с. 38, 40]. Значение лексемы в общем 1 формулируется как «не касаясь частных, подробностей»; по замечанию исследователя, в таком значении в общем сближается с вообще [Там же, с. 53—54]. В общем 2 указывает «на обобщение, производимое говорящим при описании предмета, лица, ситуации (события)» [Там же, с. 60], и это обобщение осуществляется на основе нескольких групп признаков. У лексемы в принципе выделяются следующие значения: в принципе 1 — «“по сути” — указывает на процесс выделения сущностного свойства объекта, которое лежит в основе его организации (устройства, природы) или является его типологической характеристикой, отличающей от других объектов» [Там же, с. 68]; в принципе 2 употребляется «в контексте отрицания: вводит утверждение, которое, “получая статус закономерности, выполняется при любых условиях”» [Путеводитель..., 1993, с. 134]; в принципе 3 — «‘в отвлечении от частных’, ‘не вдаваясь в детали’ — указывает либо на максимальное отвлечение (абстрагирование) от конкретных свойств объекта, конкретной ситуации, либо на выделение главного, основного» [Крылова, 2002, с. 70]. При описании лексемы в целом исследователь сосредотачивается только на сочетаемости этой единицы, не формулируя её значение.

Как видим, семантические отношения, которые вводят в текст единицы вообще, в общем, в основном, в принципе, в целом, близки к друг к другу, что показывают не только краткие словарные толкования, но и подробные лингвистические описания. Кроме того, учёные, выделяя разные подзначения этих лексем, обращают внимание на их (значений) взаимообусловленность и взаимосвязанность. Так, при описании семантики лексемы в принципе Г. М. Крылова замечает, что «отвлечение от частных и выделение главного — процесс взаимосвязанный» [Крылова, 2002, с. 70].

Материал нашего исследования убеждает в том, что в ряд упомянутых единиц может быть добавлена единица в остальном, отсутствующая в толковых словарях. Это возможно в том случае, если изучаемые лексемы выступают в качестве конкретизаторов союза *а*, как в примере: *Знакомой девочке одной было года 3, она при мне жутко испугалась муравьев и так затоптала, что всех их передавила, истерика правда быстро сошла на нет, а в остальном вполне вменяемая девочка* (2012) [НКРЯ]. Ср.: * *а вообще / а в общем / а в основном / а в принципе / а в целом вполне вменяемая девочка*.

Подобных контекстов в Национальном корпусе русского языка (далее — НКРЯ) обнаружили десятки, что позволяет говорить об их типичности. Ср.: *Самый дорогой элемент в нём [телескопе] — матрица, прибор для регистрации и быстрого считывания, как в цифровом фотоаппарате, только во много раз мощнее. А в целом телескоп не требует больших вложений.* (Е. Виноградова, 2017) [Там же]; *Офицеры были разные: один — спиившийся интеллигент, говорил по-английски, а в основном — серые пьяницы.* (С. Алексиевич, 2013) [Там же]; *«Шацкий смотрел на меня ласково-грустно. Он стал еще молчаливей, чем был в Хабаровске. А в общем был такой же. К окошку за баландой подходил без всякого волнения и не возмущался, когда из половника в его миску лилась только жижица* (В. Авченко, 2017) [Там же]; *Неряха жуткая. Может в грязных джинсах или футболке гулять пойти, я ей говорю, что грязно же, переоденься, а она-ой, а я и не заметила... А вообще она очень симпатичная девочка, посмотрите сами* (2004) [Там же]; *«Если всё же хотите купить книги, то советую Уильям Серз и Марта Серз «ВАШ РЕБЕНОК» — Все, что вам нужно знать о вашем ребенке с рождения до двух лет. А в принципе всё что нужно можно найти и в интернете, вот ещё парочка сайтов — смотрите:»* (2014) [Там же].

2.2. Сочетания, омонимичные коннекторам структуры «А + маркер генерализации»

Контексты, приведённые в предыдущем пункте, необходимо отличать от случаев, в которых взаимозамена генерализаторов невозможна.

Например, сочетание *в целом* часто используется при описании количественных данных: *Месяцем ранее данный показатель сократился на 0,9 млрд рублей (0,1 процента), а в целом по итогам января-августа — вырос на 14,3 процента* («Финансовая Россия», 2019) [Там же] — в этом случае невозможна замена *в целом* на *вообще*, *в принципе* и под. Сочетание *а вообще* иногда используется в начале вопроса, развивающего одну из тем, ранее затронутых в диалоге или монологе, например: *«Вот зараза какая, — отозвалась жена то ли одобрительно, то ли почему-то осуждая сына за его хитрость. — А вообще, он как там? Ты ему лоб цупал? у него снова температура не поднялась?»* («Волга», 2016) [Там же]. Здесь представлен специфический прагматический контекст, не предполагающий возможности замены *вообще* на *в общем*, *в целом* и под. Разумеется, к изучаемым контекстам не относятся и примеры употребления слов *принцип*, *основной* и т. д. в качестве знаменательных, ср.: *Вопрос не в помещении (чего-то для репетиций ему выделили), а в принципе отношения к художнику в нашем отечестве* (2010) [Там же]. Наличие подобных случаев потребовало значительного объема ручной работы с примерами из НКРЯ.

В настоящей статье будут проанализированы только те контексты, в которых перечисленные конкретизаторы синонимичны друг другу. Сделаем описание синтаксической, семантической и текстовой специфики конструкций, возникающих на базе союза *a* в сочетании с единицами *вообще, в общем, в основном, в остальном, в принципе, в целом*. Для этого рассмотрим факторы, способствующие образованию таких единств, и особенности контекстов, в которых они участвуют.

2.3. Специфика союза *a* и сочетаний на базе этого союза

Полагаем, что образованию названных единств во многом способствует специфика сочинительного союза *a*. Он изучался лингвистами с точки зрения семантики, структуры, прагматики. «Большинство исследований, посвящённых семантике слова *a*, ограничиваются анализом его употребления в функции сочинительного союза, соединяющего клаузы внутри предложения» [Зализняк и др., 2018, с. 332]; он может выражать значения сопоставления, несоответствия, распределения и присоединения (А. Ф. Прияткина, И. Н. Кручинина, Г. Е. Крейдлин и Е. В. Падучева, В. З. Санников, Е. В. Урысон и др.), основным из которых обычно признаётся значение сопоставления, рассматривающееся как «соединение через равноправное рассмотрение двух компонентов, не сливающихся при этом в единую картину-кадр» [Николаева, 1997, с. 18]. Говоря о соотношении союза *a* с актуальным членением высказывания, исследователи отмечают его (союза) тематичность. По наблюдениям И. Н. Кручининой, «в отличие от союзов *и* и *но*, которые осуществляют свои синтаксические функции в тесном взаимодействии с рематической частью высказывания и потому могут быть охарактеризованы как приремные, союз *a* обращён прежде всего к теме», связан с чередованием «тем и мотивов повествования» [Кручинина, 1988, с. 158]. Не случайно в качестве особой единицы выделяется *a* инициальное: «Общее значение “объединения в одну картину” детерминирует функцию инициального *a* — маркировать подключение данного высказывания к какому-то предтексту, обозначить его включённость в более крупную коммуникативную единицу» [Зализняк и др., 2018, с. 337]; см. также [Урысон, 2011, с. 259—260].

Лингвистами отмечена возможность союза *a* сочетаться с различными конкретизаторами. Например, Хэ Сьюань и Е. С. Шереметьевой установлено, что этот союз может «семантически согласовываться с лексемами *по сути, в сущности, по существу*», поскольку имеет с ними совпадающие компоненты семантики [Хэ Сьюань и др., 2018, с. 47], и сочетаться с временными конкретизаторами, являясь «средством выявления скрытой предикативности, заложенной в семантике существительных со значением статуса лица» [Хэ Сьюань, 2017, с. 199]. Е. Н. Гускина отмечает,

что с союзом *a* «очень характерно и закономерно» сочетается текстовая скрепа *вропрочем*; образованное в результате такого сочетания единство *a* *вропрочем* «подчеркивает несогласованность информации левого и правого контекстов» [Гускина, 2019, с. 89]. Н. В. Кузнецова анализирует местоименно-союзную скрепу *a* *так*, в которой союз *a* используется в обычном сопоставительном значении, а местоименное наречие *так* «имеет особое значение, не представленное в словарных толкованиях» [Кузнецова, 2011, с. 160], что дает основания говорить об особой единице *a* *так*. Сочетания союза *a* с генерализаторами *вообще*, *в общем*, *в основном*, *в остальном*, *в принципе*, *в целом* не анализировались с этой позиции.

В поле зрения исследователей попадало лишь сочетание *a* *вообще*. В частности, в «Путеводителе по дискурсивным словам» пример этого сочетания приведен среди иллюстраций одной из модификаций слова *вообще*, смысл которой передан комментарием: «“От частного к общему”, или “Не будем мелочиться”» [Путеводитель ..., 1993, с. 106]: *А вот ночью, когда проползаешь мимо, очень хорошо видно, как внутри там светится, словно спирт горит, язычками такими голубоватыми. Это «ведьмин студень» из подвалов дышит. А вообще так вот помотришь — квартал как квартал, дома как дома, ремонта, конечно, требуют, но ничего особенного в них нет, людей только не видно* (А. и Б. Стругацкие) [НКРЯ]. По мнению авторов, такой контекст способствует более узкой интерпретации отношений между ситуациями и вводит «исправление» / «отмену» [Там же, с. 107], при которой ситуации, связываемые *вообще*, противоречат друг другу. О. Ю. Инькова возражает, замечая, что такой оттенок значения вводит не слово *вообще*, а «*a* сопоставления» [Инькова, 2018, с. 83]; само же слово *вообще* остается здесь носителем семантики обобщения. Кроме того, она указывает, что в приведенном примере «обобщение касается некоторого видения одной и той же ситуации: сказать, что квартал не имел ничего особенного, можно, если не брать во внимание некоторые детали, а именно тот факт, что ночами там внутри что-то светится» [Там же, с. 84]. Действительно, слово *вообще* само по себе не имеет значения отмены. Впрочем, эту семантику не выражает и одиночный союз *a*; искомое значение присуще сочетанию *a* *вообще* как целостной единице.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Структура и семантика коннекторов «А + маркер генерализации»

В нашем материале обнаружилось две разновидности контекстов, включающих названные коннекторы. Разделение связано с тем, что именно является объектом сопоставления — частные факты (элементы), с од-

ной стороны, и общий факт (элемент) действительности, с другой, либо факты (элементы) действительности и их общая оценка. Такие контексты можно условно обозначить как диктумные и модусные употребления коннекторов. Рассмотрим эти две разновидности контекстов подробнее.

3.1.1. Попарное сопоставление на поверхностном уровне (диктумное употребление)

В первую очередь обратимся к примерам, в которых сочетаниям «А + генерализатор» предшествует описание единичных деталей, впоследствии сопоставляемых с общей ситуацией, причём сопоставляемые элементы могут находиться как контактно, так и дистантно.

— *То есть вы до недавнего времени ходили на костылях?* — *Да. Костыли у меня были периодически, в моменты тяжёлых обострений, а в основном с палкой передвигался* («Эксперт», 2014) [НКРЯ]. Рема первого высказывания (*периодически, в моменты тяжёлых обострений*) сопоставляется с темой второго высказывания (*в основном*), а тема первого высказывания (*костыли*) сопоставляется с темой второго высказывания (*с палкой*) — классический случай попарного сопоставления, о котором обычно идёт речь при описании лексемы *a*: «...в предложениях, содержащих попарное сопоставление, союз *a* выполняет функцию “тематизатора”: он выносит в начало и выделяет тот элемент второй клаузы, который противопоставлен некоему элементу первой клаузы» [Зализняк и др., 2018, с. 326].

Еще пример контактного расположения, на этот раз не в пределах ССП, а в соседних предложениях текста:

Моя подруга выглядит так, словно ее, не отстирывая, долгое время сушили в автоклаве. Местами ее банты и даже сорочка сохранили еще свою девственную белизну. А в целом она была сильно мятая и заляпанная, и на коленках и щиколотках у нее гармошкой сложились колготки (Н. Абгарян, 2012) [НКРЯ]. Сопоставляются тема первого высказывания (*местами*) и тема второго высказывания (*в целом*), а также рема первого высказывания (*детали: ее банты и даже сорочка сохранили еще свою девственную белизну*) и рема второго высказывания (*она была сильно мятая и заляпанная*). Причем последнее в данном контексте важнее, как аргумент того, что девочка *«выглядит так, словно ее, не отстирывая, долгое время сушили в автоклаве»*.

Сочетание «А + генерализатор» всегда располагается в теме высказывания, тогда как единицы без союза *a* могут быть как в теме, так и в реме, см. об этом: [Крылова, 2002, с. 79—88]. Доказательством того, что искомое сочетание всегда занимает позицию темы, может служить возможность присоединения к ним частицы *—то*. О тематичности этой частицы см. [Падучева, 2015]. Ср.: *По капелькам-капелюшечкам прогрессивно умень-*

шается личное индивидуальное здоровье — то спину ломит, а то хвост отваливается. А в **целом-то** наш народ российский сегодня официально живет все дольше и дольше, скоро аж жителей Японии и иных развитых стран обгонит ... (С. Куковякин) [НКРЯ]. В этом контексте сопоставляется личное, индивидуальное здоровье человека и официальные данные о продолжительности жизни народа. В первом высказывании тема нулевая, восстанавливается примерно как «если говорить о конкретном человеке»; во втором высказывании тема «в целом-то».

3.1.2. Отмена предтекста без попарного сопоставления (модусное употребление)

Случай другого типа представлен в контексте: *Вечером состоялась сходка — был Игорь Черницкий, Юрий Иванович как возможный административный ресурс и я. К сожалению, моя попытка убедить Игоря в том, что фильмы нельзя делать «по-семейному», чтобы и режиссура, и администрация, и сценарий, и всей семьей играть главные роли, и чтобы самим писать музыку, закончилась провалом* (далее шесть предложений, передающих содержание этого неприятного разговора. — Н. К., О. П.). *А в принципе, посидели хорошо. Съели и грибной суп, и жареную картошку с салом и луком, и целый прекрасный торт, который принес Черницкий, и выпили немножко* (С. Есин, 2008) [НКРЯ]. Как такового попарного сопоставления на поверхностном уровне, в отличие от предыдущих примеров, здесь не наблюдается. В данном случае представлен взгляд на ситуацию с двух сторон — сопоставление неприятного содержания разговора и общего впечатления от «сходки», аргументированное, в частности, качеством еды. Однако и в таких контекстах сохраняется тематичность сочетания «А + генерализатор» — иначе говоря, союз *а* здесь по-прежнему «тематизатор».

Подобный пример: *Однажды мы сидели в прокуренном зале ресторана в Канберре, когда посреди разговора Фернберг обеспокоенно принялся. «Пожар», — сказал он. Мы вышли на балкон. Вечерняя Канберра спокойно блистала огнями. Я не понимал тогда, почему Фернберга, преподавателя университета, журналиста, так беспокоит далёкий пожар. Кто-то сказал мне, что Фернберг — фермер. Но это была лишь часть объяснения. Запах гари для австралийца, наверно, то же самое, то же самое, что для ленинградца, пережившего блокаду, вой сирены. И когда Роджер вёл нас по своим полям, мы шли, как по складу горючего, — следили друг за другом, чтобы никто не курил. А в остальном всё было прекрасно и свободно. Роджер оказался превосходным парнем* (Д. Гранин) [НКРЯ]. Попарное сопоставление на поверхностном уровне здесь также отсутствует: с одной стороны, описывается «странное» поведение Фернберга, обусловленное «фобиями», с другой — провозглашается общая его характеристика как «превосходного парня».

Обратим внимание на то, что особенностью подобных контекстов является наличие оценочных слов, расположенных после сочетания «а + генерализатор». Ср. В предыдущих примерах: *«посидели хорошо»; «всё было прекрасно и свободно»*. Как правило, эти слова выражают положительную оценку, но встречаются и примеры с отрицательной: *Какая разница? в одной тюрьме чуть лучше, в другой — чуть хуже. А в общем-то ... везде паршиво* (Г. Жженов).

Наиболее известным примером модусного употребления изучаемых единиц является известная шуточная песня: *А в остальном, прекрасная маркиза, все хорошо, всё хорошо*. В тексте песни называются отдельные случаи явно разрушительного характера из жизни поместья, произошедшие во время отсутствия маркизы, однако управляющий каждый раз, перечислив их подробно, «перечёркивает» их разрушительность фразой *«а в остальном — всё хорошо»*, что и создаёт комический эффект. Интересно, что песня может цитироваться не дословно, а с заменой маркера генерализации, ср. комментарий к тесту «Помните ли вы ещё 90-е годы?» на платформе «Яндекс-Дзен»: *Впечатление простое. Что нас всех тогда очень умело <...> (ввели в заблуждение). А мы и повелись. А в целом-то всё хорошо, прекрасная маркиза*. Ср. возможность синонимической замены: *а вообще-то, а в общем-то, а в основном-то, а в остальном-то, а в принципе-то — всё хорошо* [Тест..., 2023].

Сочетание «А + генерализатор» и в таких контекстах также занимает позицию темы в высказывании. В некоторых случаях уже присутствует частица *-то*, как в отдельных приведенных ранее примерах. Ср. также: *Это очень мягкий, вялый, оболаскивающий яд, поначалу его даже не почувствуешь — так, что-то ровно подташнивает, мутит, угарно как-то, расслабленно, а в основном-то всё хорошо. Работа — не бей лежачего, баб хватает, тут их зовут чуть не официально дешёвками, так что заскучаешь — утешат. Денег навалом. За плитку чая можно любой костюм в зоне получить*. (Ю. Домбровский). Если частицы *-то* нет в высказывании, она там всегда возможна.

3.1.3. «Отмена предтекста», совмещённая с попарным сопоставлением

Названные два типа употребления коннекторов «А + генерализатор» иногда могут совмещаться в одном контексте. Приведем пример такого фрагмента, для удобства пронумеровав клаузы:

(1) *Иван, что скажете о Specialized Hardrock?* (2) *Два месяца на нем летаю.* (3) *Самое трудное для меня спуск с холма,* (4) *тут весь Лиссабон в них,* (5) *реально не можешь остановиться.* (6) *у меня товарищ головой шлагбаум снес,* (7) *так ему еще и счет выставили на 300 евро, материалисты проклятые.* (8) *А вообще отлично:* (9) *и удовольствие, и детство вспо-*

минаешь, и тонус хороший (2010) [НКРЯ]. Автор (говорящий) рассказывает о своем опыте взаимодействия с велосипедом *Specialized (Hardrock)*: деталь «спуск с холма» (в реме клаузы 3) сопоставляется с «вообще» (в теме клаузы 8); оценка «самое трудное» (в теме клаузы 3) сопоставляется с «отлично» (в реме клаузы 8). После обобщения, выраженного сочетанием **а вообще**, идёт новый фрагмент (клауза 9), конкретизирующий общее впечатление автора и объясняющий, почему названные им выше «частности» не столь важны. Пример интересен еще и тем, что сопоставляемые аспекты ситуации находятся в тексте на расстоянии друг от друга: они разделены фрагментом о «товарище», который также не смог «реально остановиться»; тем самым фрагмент также попадает в сферу «отменяемого» предтекста.

3.2. Текстовая роль коннекторов структуры «А + маркер генерализации»

Многочисленные примеры употребления коннекторов структуры «А + генерализатор» подтверждают тезис О. Ю. Иньковой, называющей генерализацию «одним из способов представления ситуации конкретным высказыванием», заключающимся в том, что «говорящий <...> представляет ситуацию, абстрагируясь от деталей, которые только бы затемнили общую картину» [Инькова, 2019, с. 111]. Генерализация может также увязываться с прагматическим значением неважности, на что указывает Г. М. Крылова: «...частные характеристики ситуации признаются говорящим несущественными в силу своей незначительности и, следовательно, неспособности повлиять на окончательную оценку» [Крылова, 2002, с. 59]. Мы присоединяемся к мнению лингвистов и хотим дополнить выдвинутое предположение: союз *а* в таких случаях усиливает значение «не вдаваясь в частности», что связано со спецификой его роли в русском тексте. По наблюдениям И. Н. Кручининой, «союз *а* обладает широкими возможностями переакцентирования текста — смещения его то в один, то в другой событийный, эмоциональный или предметный план» [Кручинина, 1988, с. 169].

В некоторых фрагментах это значение генерализации находится на поверхностном уровне. Высказывание с коннектором структуры «А + генерализатор» синтезирует ранее противопоставленные друг другу тезисы: *Заброшенная Рассоха совсем не похожа на заброшенный Урём. Там — плешь с бревнами, тут — заросли с руинами. А в принципе, конечно, одно и то же* (А. Иванов) [НКРЯ] — жирным шрифтом выделены темы, подчеркнуты ремы высказываний.

Генерализация может не только служить завершением предыдущего фрагмента текста, «подводя его под общую закономерность», но и начинать «новый фрагмент, содержащий объяснение этой закономерности» [Инькова, 2017, с. 71]. В нашем материале это происходит, когда за выска-

званием с коннектором «А + маркер генерализации» следует высказывание, содержащее показатели обусловленности (причины, условия, уступки и др.). Обратимся к примеру: *Один из моих клиентов, работающих в России еще со времен Брежнева, заявил, что для него ничего не изменилось, только если раньше он отдавал за услугу блок сигарет, то теперь он дает «Мерседес», а в принципе с нашими чиновниками работать легко, если каждый отдел, департамент, управление государственного органа рассматривать как отдельно взятую коммерческую структуру* (2003) [НКРЯ]. В данном случае общая оценка ситуации (*легко*), «отменяющая» названные ранее «частности» (размер взятки чиновникам), ограничивается условием, при котором такая оценка возможна.

Другой пример: (1) *Одного не пойму: (2) вокруг столько толстых людей, (3) что мы без должных оснований начинаем казаться себе стройными манекенами. (4) Невозможно вообразить, (5) что обладатели этих шарообразных фигур способны отжаться, не коснувшись животом пола. (6) Видимо, идеал и действительность в Израиле, как везде, между собой не в ладу. (7) А в общем нам здесь нравится. (8) Несмотря на зловредность бюрократов, а также повышенные концентрации мусора на улицах и мошенников в различных сферах. (9) Подумаешь! (10) Мы достаточно привыкли к неурядицам всякого рода, чтобы не пугаться их* (2014) [Там же]. Структура фрагмента довольно причудлива. Частность, деталь, названная в клаузах 1—2 (на то, что это частность, указывает слово *одного*), вначале абсолютизируется (клауза 6), а затем отменяется общим высказыванием (клауза 7), темой которого выступает коннектор *а в общем*. С этим высказыванием связан уступительными отношениями (ср.: *несмотря на*) дальнейший фрагмент (клаузы 8—10).

Модель контекстов, в которых функционируют рассматриваемые нами единицы, можно представить следующим образом: в левом контексте — частности, детали, а в правом — общее суждение, из которого исключаются названные в левом контексте частности и детали. Таким образом, говорящий утверждает общее суждение как более важное. При этом нельзя не заметить, что во многих случаях «частностям и деталям», которые объявляются в конечном счете неважными, затемняющими общую картину, посвящен гораздо больший фрагмент текста, чем общему суждению, вводимому сочетанием «А + генерализатор». Такое парадоксальное строение текстовых фрагментов, видимо, обусловлено тем, что в них ранжируются две точки зрения на ситуацию, и это ранжирование оказывается возможным благодаря особому сопоставительно-обобщающему значению рассматриваемых коннекторов. Часто встречающаяся неравномерность объёмов высказываний, представляющих разные точки зрения, в целом об-

разует некий баланс. Полагаем, появление в тексте подобных фрагментов связано с базовыми принципами коммуникации, и прежде всего коммуникативными постулатами П. Грайса [Грайс, 1975], в частности постулатом полноты, потребностью высказать две точки зрения на ситуацию, представить её максимально полно и разносторонне.

3.4. Коннекторы структуры «А + генерализатор» и связующая единица *a так*

Есть основания считать, что коннекторы *a вообще*, *a в общем*, *a в основном*, *a в остальном*, *a в принципе*, *a в целом* в описанном типе контекстов стремятся к лексикализации, так как, во-первых, они могут взаимозаменяться, как было показано выше; во-вторых, в рассматриваемом нами значении они синонимичны, единице *a так*, способной использоваться «для умаления значимости конкретного факта, названного в предыдущем предложении, для общей оценки ситуации, выраженной в следующем предложении» [Кузнецова, 2011, с. 166]. Эта единица весьма частотна (о чём свидетельствуют сотни примеров в НКРЯ), хотя до сих пор не отмечена в словарях и справочниках и анализируется лишь в работе Н. В. Кузнецовой. Автор обосновывает возможность выделения этой единицы как целого в случаях типа: *Самое удивительное, что я никак не могу написать его словесный портрет. (...) что-то возвышенное, интеллигентное замечалось во всей его повадке. А так — ни одной заметной черты: рост средний, глаза никакие, нос обыкновенный, рот обыкновенный, подбородок обыкновенный* (В. Катаев, 1975—1977) [Там же, с. 165]. В таком употреблении сочетание *a так*, на наш взгляд, синонимично анализируемому ряду единиц. Ср.: **А вообще / а в общем / а в основном / а в остальном / а в принципе / а в целом — ни одной заметной черты*. Само слово *так*, в отличие от лексем *вообще*, *в общем*, *в основном*, *в остальном*, *в принципе*, *в целом*, не является генерализатором, а значение обобщения возникает у него только в сочетании с союзом *a*. Наши наблюдения показывают, что во всех случаях употребления указанных коннекторов их можно заменить на *a так*, например: *... Лидия всю программу досконально обдумала. (...) На закуску не напираться, икру, конечно, купить, ну, граммчиков двести осетрины горячего копчения, а в основном — настоящий русский стол ... уха, пирожки... может, курник ... бефстроганов тоже неплохо... но и не перемудрить* («Новый Мир», 2002). Ср.: *На закуску не напираться, икру, конечно, купить, ну, граммчиков двести осетрины горячего копчения, а так — настоящий русский стол...*

Что касается обратной замены, то есть замены *a так* на коннекторы «а + генерализатор», то в случае модусного употребления единства *a так* обычно не возникает сложностей. Ср.: *...а поезд все не шел. Не шел, но и наряду почти не прибывало, только пара десятков человек нетерпеливо*

вытягивала шею, пытаюсь увидеть во тьме туннеля надвигающиеся огни, **а так** платформа, можно сказать, пустовала (Г. Маркосян-Каспер, 2003) [НКРЯ]. Ср.: *...только пара десятков человек нетерпеливо вытягивала шею <...>, **а вообще / а в общем / а в основном / а в остальном / а в принципе / а в целом** платформа, можно сказать, пустовала (модусный характер предиката *пустовала* подчеркивается вводным метаязыковым сочетанием *можно сказать*).

Однако для диктумного употребления *а так* замена далеко не всегда возможна. В частности, для *а так* весьма характерны контексты, в которых сопоставляются предполагаемая и реальная ситуации: Ср.: *А зачем ей все это, я не знаю... Ну, **был бы**, правда, хоть знакомый какой, **а так** абсолютно посторонний ...* (В. Дурненков) [НКРЯ] — замена на рассматриваемые нами коннекторы здесь невозможна; наш материал показывает, что конструкции «а + генерализатор» не используются при сопоставлении реальной и ирреальной модальности. Если же в контексте сопоставлены две реальные ситуации, взаимозаменяемость *а так* и коннекторов «а + генерализатор», как правило, частичная. Ср.: — *Лезгинку вы до сих пор танцуете? — Теперь уже нет. **А так** на ежегодных балах георгиевских кавалеров в Мюнхене и других городах «скопления» русской эмиграции я регулярно исполнял этот номер* (2003) [НКРЯ]. Можно сказать: ***а в общем, а вообще, а в принципе, а в целом** ... я исполнял номер; однако не логично использование единиц ***а в основном, а в остальном** ... я исполнял номер.

Единица **а так** нередко используется в контекстах, в которых второй сопоставляемый элемент лишь подразумевается, в тексте вместо него ставится многоточие, далее может быть назван жест или иное движение, которым говорящий сопровождает высказывание, ср.: *Если бы ты позаботился о болящем товарище и заранее пригласил бы соответствующий персонал, пусть даже и мед ... **А так...** — Стас **махнул рукой** и сел на табурет* (Н. Леонов, А. Макеев) [НКРЯ]. Как показывает наш материал, подобные контексты для коннекторов структуры «А + генерализатор» нехарактерны.

При этом, как и другие конструкции с союзом **а**, в том числе рассматриваемые нами коннекторы, единица *а так* является темой высказывания. Не случайно ее употребление с частицей *-то*: — *Нет, кроме ста двадцати рублей и моего кольца, они ничего не забрали, — быстро повторяла она, и так она все время напирала на то, что взять больше было нечего, будто боялась: не поймут люди безысходной бедности и сирости ее. **А так-то** держалась она спокойно, уверенно, вот только о пальцах своих совсем забыла, и я все время внимательно наблюдал за ними* (А. Вайнер, Г. Вайнер) [НКРЯ]. Такая роль в актуальном членении высказывания роднит *а так* с сочетаниями *а вообще, а в общем, а в основном, а в остальном, а в принципе, а в целом*.

Коннекторы структуры «А + генерализатор» могут использоваться в одном текстовом фрагменте с **а так**. Выделяется два варианта такого взаимодействия:

1) «контактное усиление»: *...он попал под дурное влияние нехороших людей, — ответила мама. — А так-то в принципе он человек очень хороший. Но только дурак* (Б. Минаев) [НКРЯ];

2) дистантная маркировка разных аспектов ситуации: *Мы сначала дергаемся, ругаемся с Колосовой, идем в ЖКО — никто ставить заново столбы не собирается. Произойди это сразу после установки, когда еще не наигрались, мы бы всех на уши поставили. А так ... Изредка снова в пожарную лестницу бросали. А в основном в школе играли все, кто хотел* («Волга», 2013).

Коннекторы структуры «А + генерализатор» обнаруживают частичную синонимию со связующей единицей *а так*. Нельзя не отметить при этом более широкую сочетаемость *а так*, что обусловлено, вероятно, тем, что лексикализация этой единицы, в отличие от рассматриваемых коннекторов, уже завершилась.

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, в русском языке формируется синонимический ряд коннекторов, образованных из союза *а* и конкретизатора с обобщающим значением — маркера генерализации. При этом нельзя говорить о полной лексикализации этих коннекторов, в отличие от единицы *а так*, которая, обладая более широкой сочетаемостью, частично синонимична им.

В соответствии с общей сопоставительной семантикой союза *а* и его типичной ролью тематизатора в высказывании эти коннекторы используются для сопоставления частных фактов (в левом контексте) и общего факта или общей оценки ситуации (в правом контексте). С помощью коннекторов структуры «А + генерализатор» общий факт или оценка объявляются более важными, чем отдельные детали. Подчеркнём, что, ранжируя факты и оценки по степени важности, автор тем не менее считает нужным представить ситуацию с разных сторон. Анализируя текстовую роль подобных единиц, можно провести параллель с ролью зачёркнутого фрагмента в интернет-текстах. По замечанию исследователей, благодаря такому «намеренному самоисправлению» автор выражает одновременно две точки зрения: «одна как бы главнее, правильнее и лучше другой» [Пиперски и др., 2014, с. 63]. Тот же семантический эффект «отмены» наблюдается у сочетаний, возникающих на базе союза *а* и маркеров генерализации *вообще, в общем, в основном, в остальном, в принципе, в целом*.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. БТСлРЯ — *Большой толковый словарь русского языка* / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед. ; гл. ред. С. А. Кузнецова. — Санкт Петербург : Норинт, 2004. — 1534 с. — ISBN 5-7711-0015-3.
2. НКРЯ — *Национальный корпус русского языка* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения 25.06.2024).
3. РГ — *Русская грамматика* / под ред. Н. Ю. Шведова. — Москва : Наука, 1980 — Т. 1. — 709 с.
4. *ТЕСТ*. Помните ли вы ещё 90-е годы? пост пользователя 11ЭКЮ [Электронный ресурс] // Яндекс. Дзен. — 2023. — Режим доступа : <https://dzen.ru/a/Y-SOVxO-WTSG6jr1> (дата обращения 25.06.2024).

Литература

1. *Гайломазова Е. С.* Союзные конкретизаторы и их текстообразующая функция : на материале русского и английского языков : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / Е. С. Гайломазова. — Ростов-на-Дону, 2007. — 17 с.
2. *Голубева Н. А.* К понятию коннектора в лингвистике / Н. А. Голубева, Е. В. Зуева // *Язык и культура*. — 2017. — № 40. — С. 20—32.
3. *Грицкевич Н. Н.* Структурные и семантические функции сочинительных союзов и их конкретизаторов : на материале прозаических текстов И. А. Бунина : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Н. Н. Грицкевич. — Ставрополь, 2006. — 22 с.
4. *Гускина Е. Н.* Функционирование текстовой скрепы «впрочем» с союзами / Е. Н. Гускина // *Филология : научные исследования*. — 2019. — № 5. — С. 87—94. — DOI: 10.7256/2454-0749.2019.5.31058.
5. *Зализняк А. А.* Русское а : опыт интегрального описания / А. А. Зализняк, И. Л. Микаэлян // *Russian Linguistics*. — 2018. — № 3 (42). — С. 321—344.
6. *Инькова О. Ю.* Вообще / О. Ю. Инькова. — В книге : *Семантика коннекторов : контрастивное исследование* / под ред. О. Ю. Иньковой. — Москва : ТОРУС ПРЕСС, 2018. — С. 80—128.
7. *Инькова О. Ю.* Связность текста : мереологические логико-семантические отношения / О. И. Инькова, Э. И. Манзотти. — Москва : ЯСК, 2019. — 376 с. — ISBN 978-5-907290-01-3.
8. *Крейдлин Г. Е.* Значение и синтаксические свойства союза *a* / Г. Е. Крейдлин, Е. В. Падучева // *Научно-техническая информация*. — Серия 2. — 1974. — № 9. — С. 31—37.
9. *Кручинина И. Н.* Структура и функции сочинительной связи в русском языке : монография / И. Н. Кручинина. — Москва : Наука, 1988. — 212 с. — ISBN 5-02-010885-5.
10. *Крылова Г. М.* Семантико-синтаксические свойства слов-гибридов с обобщающе-ограничительным значением (на материале лексем «В ОБЩЕМ», «В ЦЕЛОМ»),

«В ПРИНЦИПЕ», «В ОСНОВНОМ»): диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Г. М. Крылова. — Владивосток, 2002. — 197 с.

11. Кузнецова Н. В. Местоименно-союзная скрепа А ТАК : семантика и функционирование / Н. В. Кузнецова // Вестник Тюменского государственного университета. Серия : Филология. — 2011. — № 1. — С. 160—166.

12. Малычева Н. В. Союзные сочетания, выражающие синтаксическую семантику сложного синтаксического целого / Н. В. Малычева // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия : История, филология. — 2015. — Т. 14. — Выпуск 9. — С. 111—118.

13. Николаева Т. М. Сочинительные союзы *a, no, u*: история, сходства и различия / Т. М. Николаева // Славянские сочинительные союзы. — Москва : Институт славяноведения РАН, 1997. — С. 3—24. — ISBN 5-7576-0064-0.

14. Падучева Е. В. Коммуникативная структура предложения. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики. На правах рукописи / Е. В. Падучева. — Москва : ЛКИ, 2018. — 296 с. — ISBN 978-5-382-01821-8.

15. Пиперски А. Ч. Преднамеренное зачёркивание в интернете и его аналоги в различных коммуникативных средах / А. Ч. Пиперски, А. А. Сомин // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. — Серия 3 : Экономические, гуманитарные и общественные науки. — 2014. — № 3. — С. 63.

16. Прияткина А. Ф. Текстовые «скрепы» и «скрепы-фразы» (о расширении категории служебных единиц русского языка) / А. Ф. Прияткина // Русский синтаксис в грамматическом аспекте (синтаксические связи и конструкции) : избранные труды. — Владивосток : Дальневосточный университет, 2007. — С. 334—344.

17. Прияткина А. Ф. Об отличии союза от других связующих слов / А. Ф. Прияткина // Русский язык в школе. — 1977. — № 4. — С. 102—106.

18. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка / Рос. АН, Ин-т рус. яз. ; [А. Н. Баранов и др.]. — Москва : Помовский и партнеры, 1993. — 207 с.

19. Санников В. З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве / В. З. Санников. — Москва : Языки славянских культур, 2008. — 624 с. — ISBN 978-5-9551-0236-8.

20. Урысон Е. В. Опыт описания семантики союзов : Лингвистические данные о деятельности сознания / Е. В. Урысон. — Москва : Языки славянских культур, 2011. — 336 с. — ISBN 978-5-9551-0457-7.

21. Хэ Сьюань. Специфика функционирования одного типа сочинительного ряда в структуре предложения / Хэ Сьюань // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2017. — № 9—1 (75). — С. 196—200.

22. Хэ Сьюань. Специфика конструкций, строящихся на основе сочетания союза *a* с конкретизаторами по сути, по существу, в сущности / Хэ Сьюань, Е. С. Шереметьева // Научный диалог. — 2018. — № 1. — С. 47—56. — DOI: 10.24224/2227-1295-2018-1-47-56.

23. Grice H. P. Logic and Conversation / H. P. Grice // Syntax and semantics. — 1975. — Vol. 3. — Pp. 41—58.

Статья поступила в редакцию 12.08.2024,
одобрена после рецензирования 29.10.2024,
подготовлена к публикации 12.11.2024.

Material resources

- BTSIRYa — *A large explanatory dictionary of the Russian*. (2004). St. Petersburg: Norint. 1534 p. ISBN 5-7711-0015-3. (In Russ.).
- NKRYa — (= *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka*) *Russian National Corpus*. Available at: <http://ruscorpora.ru> (accessed 25.06.2024). (In Russ.).
- RG — Shvedova, N. Y. (ed.). (1980). *Russian Grammar, 1*. Moscow: Nauka. 709 p. (In Russ.).
- TEST. Do you still remember the 90s? Post by user 11EKU. (2023). In: *Yandex Dzen*. Available at: <https://dzen.ru/a/Y-SOVxO-WTSG6jr1> (accessed 25.06.2024).

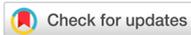
References

- A guide to discursive words of the Russian*. (1993). Moscow: Pomovsky and Partners. 207 p. (In Russ.).
- Gaylomazova, E. S. (2017). *Allied concretizers and their text-forming function: based on the material of the Russian and English languages*. Author's abstract of PhD Diss. Rostov-on-Don. 17 p. (In Russ.).
- Golubeva, N. A., Zueva, E. V. (2017). On the concept of a connector in linguistics. *Language and culture*, 40: 20—32. (In Russ.).
- Grice, H. P. (1975). Logic and Conversation. *Syntax and semantics*, 3: 41—58.
- Gritskevich, N. N. (2006). *Structural and semantic functions of compositional unions and their concretizers: based on the material of I. A. Bunin's prose texts*. Author's abstract of PhD Diss. Stavropol. 22 p. (In Russ.).
- Guskina, E. N. (2019). Functioning of the textual bond “however” with unions. *Philology: scientific research*, 5: 87—94. DOI: 10.7256/2454-0749.2019.5.31058. (In Russ.).
- He Siyuan, Sheremetyeva, E. S. (2018). Specificity of Constructions Based on Combinations with Conjunction “a” and Concretizations “po suti”, “po suchshestvu”, “v suchshnosti”. *Nauchnyy dialog*, 1: 47—56. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-1-47-56. (In Russ.).
- He Siyuan. (2017). The specifics of the functioning of one type of composition series in the sentence structure. *Philological Sciences. Questions of theory and practice*, 9—1 (75): 196—200. (In Russ.).
- Inkova, O. Yu. (2018). Voobshche [at all]. In: *The Semantics of Connectors: A Contrastive Study*. Moscow: Torus Press. 80—128. (In Russ.).
- Inkova, O. Yu., Manzotti, E. I. (2019). *Text coherence: mereological logical-semantic relations*. Moscow: YaSK. 376 p. ISBN 978-5-907290-01-3. (In Russ.).
- Kreidlin, G. E., Paducheva, E. V. (1974). The meaning and syntactic properties of the union a. Scientific and technical information. Series 2, 9: 31—37. (In Russ.).
- Kruchinina, I. N. (1988). *Structure and functions of the compositional connection in the Russian language: monograph*. Moscow: Nauka. 212 p. ISBN 5-02-010885-5. (In Russ.).
- Krylova, G. M. (2022). *Semantic and syntactic properties of hybrid words with a generalizing and restrictive meaning (based on the lexemes “IN GENERAL”, “IN GENERAL”, “IN PRINCIPLE”, “BASICALLY”)*. PhD Diss. Vladivostok. 197 p. (In Russ.).
- Kuznetsova, N. V. (2011). Pronominal-union bond AND SO ON: semantics and functioning. *Bulletin of the Tyumen State University. Series: Philology*, 1: 160—166. (In Russ.).
- Malycheva, N. V. (2015). Allied combinations expressing the syntactic semantics of a complex syntactic whole. *Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, philology*, 14 (9): 111—118. (In Russ.).

- Nikolaeva, T. M. (1997). Compositional unions a, but, and: history, similarities and differences. In: *Slavic compositional unions*. Moscow: Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. 3—24. ISBN 5-7576-0064-0. (In Russ.).
- Paducheva, E. V. (2018). *The communicative structure of the sentence. Materials for the project of corpus description of Russian grammar. On the rights of the manuscript*. Moscow: LKI. 296 p. ISBN 978-5-382-01821-8. (In Russ.).
- Paladkina, A. F. (2007). Textual “staples” and “staples-phrases” (on the expansion of the category of official units of the Russian language). In: *Russian syntax in grammatical aspect (syntactic connections and constructions)*. Vladivostok: Far Eastern University. 334—344. (In Russ.).
- Paladkina, A. F. (1977). On the difference between the union and other connecting words. *Russian language at school*, 4: 102—106. (In Russ.).
- Pipersky, A. Ch., Somin, A. A. (2014). Deliberate strikethrough on the Internet and its analogues in various communicative environments. *Bulletin of the St. Petersburg State University of Technology and Design. Series 3: Economic, Humanitarian and Social Sciences*, 3: S. 63. (In Russ.).
- Sannikov, V. Z. (2008). *Russian syntax in the semantic-pragmatic space*. Moscow: Languages of Slavic Cultures. 624 p. ISBN 978-5-9551-0236-8. (In Russ.).
- Uryson, E. V. (2011). *The experience of describing the semantics of unions: Linguistic data on the activity of consciousness*. Moscow: Languages of Slavic Cultures. 336 p. ISBN 978-5-9551-0457-7. (In Russ.).
- Zaliznyak, A. A., Mikaelian, I. L. (2018). Russian a: the experience of integral description. *Russian Linguistics*, 3 (42): 321—344. (In Russ.).

*The article was submitted 12.08.2024;
approved after reviewing 28.10.2024;
accepted for publication 15.11.2024.*

Информация для цитирования:

Мельгунова А. В. Функции словосложения в переводе романа В. Набокова «Король, дама, валет» на немецкий язык (на материале сопоставления с русскоязычной и англоязычной версиями) / А. В. Мельгунова // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 9. — С. 110—128. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-9-110-128.

Melgunova, A. V. (2024). Functions of Compounding in German Translation of Vladimir Nabokov’s “King, Queen, Knave”: A Comparative Analysis with Russian and English Versions. *Nauchnyi dialog*, 13 (9): 110-128. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-9-110-128. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

**Функции словосложения
в переводе романа
В. Набокова «Король, дама,
валет» на немецкий язык
(на материале
сопоставления
с русскоязычной
и англоязычной версиями)**

Мельгунова Анна Владиславовна
orcid.org/0000-0002-7040-0435
кандидат филологических наук, доцент
кафедры немецкой филологии
a.melgunova@spbu.ru

Санкт-Петербургский
государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)

Благодарности:
Работа выполнена
при поддержке СПбГУ,
шифр проекта 95434615

**Functions of Compounding
in German Translation
of Vladimir Nabokov’s
“King, Queen, Knave”:
A Comparative Analysis
with Russian and
English Versions**

Anna V. Melgunova
orcid.org/0000-0002-7040-0435
PhD of Philology, Associate Professor,
Department of German Philology
a.melgunova@spbu.ru

St. Petersburg State University
(St. Petersburg, Russia)

Acknowledgments:
The work was carried out with the support
of the St. Petersburg State University,
project code 95434615

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье рассматривается вопрос о роли сложных слов немецкого языка в переводе художественного текста. Материалом послужили тексты романа В. Набокова «Король, дама, валет» на трёх языках — русскоязычный оригинал, англоязычная авторская версия и перевод с английского языка на немецкий. Актуальность исследования обусловлена интересом к наследию В. Набокова как писателя-билингва в аспекте перевода и сравнения текстов его произведений на разных языках. Новизна исследования связана с определением частотных рядов структурно-семантических соответствий немецким сложным словам в конкретном художественном произведении и его переводах. Делается вывод о том, что можно выделить три основных типа рядов структурно-семантических соответствий, в которых немецкий композит выступает как: 1) аналог одного слова в английском и русском языках (30 %); 2) аналог английского композита и русского словосочетания (34 %); 3) аналог словосочетания в английском и русском языках (32 %). При сопоставлении немецкого и английского текстов была выявлена также особенность перевода романа на немецкий язык — добавление компонентов, уточняющих смысл слова. Показано, что в результате в немецком тексте образуются сложные слова, определительный компонент которых конкретизирует их значение по сравнению с лексическими единицами англоязычной версии.

Ключевые слова:

словосложение; словосочетание; немецкий язык; английский язык; русский язык; перевод художественного текста; Владимир Набоков.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article explores the role of compound words in the German translation of a literary text. The analysis is based on Vladimir Nabokov's novel "King, Queen, Knave," comparing the original Russian text, the author's English version, and the German translation from English. The relevance of this study stems from the growing interest in Nabokov's legacy as a bilingual writer, particularly concerning translation and the comparative analysis of his works across languages. The novelty of this research lies in identifying frequency patterns of structural-semantic correspondences between German compounds and their counterparts in the respective literary texts. The findings reveal three primary types of structural-semantic correspondences: 1) a direct equivalent of a single word in both English and Russian (30%); 2) an equivalent of an English compound and a Russian phrase (34%); and 3) an equivalent of phrases in both English and Russian (32%). Furthermore, the comparison between the German and English texts highlights a unique feature of the German translation — namely, the addition of components that clarify the meaning of words. As a result, complex words in the German text emerge, with defining components that specify their meanings compared to the lexical units in the English version.

Key words:

compounding; phraseology; German; English; Russian; literary translation; Vladimir Nabokov.

УДК 811.(112.2+111+161.1)+821.161.1Набоков.08

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-9-110-128

Научная специальность ВАК

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

5.9.6. Языки народов зарубежных стран

5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Функции словосложения в переводе романа В. Набокова «Король, дама, валет» на немецкий язык (на материале сопоставления с русскоязычной и англоязычной версиями)

© Мельгунова А. В., 2024

1. Введение = Introduction

Творчество В. В. Набокова неизменно привлекает внимание исследователей — не только литературоведов, но и лингвистов. Особенностью этого писателя является его билингвизм. Набоков является автором произведений как на русском, так и на английском языках. Романам В. Набокова и его переводческой деятельности, в том числе переводам его собственных произведений (автопереводам) посвящены многие исследования.

Внимание лингвистов направлено на различные аспекты перевода набоковских текстов — в частности, на передачу конкретных языковых средств, таких как сравнительные конструкции в автопереводе «Лолиты» в исследовании М. В. Хлебниковой и В. А. Ражиной [Хлебникова и др., 2023], или на перевод лексических единиц, репрезентирующих определённый концепт, — например, концепт «бабочка» в том же романе и его переводе [Бекасова, 2009].

Словообразовательная сторона художественного текста и его переводов также представляет интерес в сопоставительном плане. Тема нашего исследования связана с относящимся к этой области языковым явлением — моделью словосложения в немецком языке и аналогичным ей по значению структурам английского и русского языков.

Перевод художественного текста сопряжён со многими сложностями. При формулировании одной и той же мысли в разных языках используются разные языковые средства, поэтому на практике трудно реализовать точное воспроизведение оригинала [Баймухаметова, 2018, с. 52]. Это же относится к словообразовательным особенностям, присущим каждому языку и придающим тексту своеобразие.

В немецком языке словосложение давно является самым распространённым способом словообразования. Модель словосложения, её структурные варианты и семантическое наполнение проанализированы во многих трудах отечественных и зарубежных лингвистов, которые либо целиком посвящены данной модели [Вашунин, 1990], либо уделяют ей большое внимание в рамках работ, посвященных немецкому словообразованию как системе [Fleischer et. al., 2012], [Donalies, 2011]. В некоторых публикациях рассматриваются отдельные аспекты словосложения, такие как семантическая структура узуальных и окказиональных композитов [Колпакова, 2014].

Основной целью данной статьи является сравнение немецких сложных слов (композитов) в переводе романа В. Набокова с теми структурами или лексическими единицами англоязычной версии и русскоязычного оригинала, которым они соответствуют.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом для статьи был выбран второй роман Набокова, написанный им в Берлине на русском языке и вышедший в свет в 1928 году, а также его переводы. Этот роман — «Король, дама, валет» — характеризуется как оригинальный и новаторский, хотя при его создании и использовался расхожий литературный сюжет [Букс, 2019, с. 152], связанный с супружеской изменой. Он был почти сразу переведен на немецкий язык, однако этот первый перевод не имеет широкого распространения по причинам, которые будут названы далее, и не привлекался к анализу материала в данном исследовании.

У романа и его переводов интересная история. Перевод на английский язык был осуществлён в 1968 году Владимиром Набоковым и его сыном Дмитрием во время жизни в Америке, при этом произведение подверглось значительным изменениям, поэтому в дальнейшем этот текст будет здесь называться англоязычной версией. Именно эта более современная англоязычная версия была впоследствии, в начале 90-х годов XX века, переведена на немецкий язык Гансвильгельмом Хефсом. В таком варианте, который и будет рассмотрен здесь, произведение издаётся в последние десятилетия в Германии — и как отдельная книга, и в составе собрания сочинений В. Набокова.

Как отмечает М. Р. Напцок, «билингвизм Набокова, являясь важной особенностью его языкового сознания, находит отражение в дискурсе писателя и определяет его тяготение к буквальной передаче оригинального текста в процессе переводческой деятельности» [Напцок, 2008, с. 74]. В данном случае речь идёт о переводе Набоковым произведений других авторов — например, классиков русской литературы, сочинения которых

он хотел приблизить к англоязычному читателю. Что же касается автопереводов, то здесь нельзя говорить о буквальной передаче. Исследователи отмечают, что Набоков в данном случае отступает от текста своего оригинала и создаёт что-то новое. Это касается переводов и с английского на русский язык, и с русского на английский. К примеру, в автопереводе с английского на русский язык своего романа «Лолита» В. Набоков вводит в текст уточняющие лексические единицы и комментарии, то есть выступает как интерпретатор [Раренко, 2017, с. 195]. То же в ещё большей степени относится к роману «Король, дама, валет». А. Н. Новиков, исследование которого посвящено автопереводу данного романа на английский язык, характеризует авторский перевод романа как интерпретацию в иной культуре. Текст произведения содержит значительные трансформации — как добавления новых деталей, так и опущения [Кочетков, 2019, с. 111—112].

Так как в данной статье ставится цель сопоставления определённых структур на материале трёх языков, в процессе анализа использовались те фрагменты оригинального русского текста, которые — за исключением традиционных переводческих трансформаций — не подверглись значительным изменениям при создании англоязычной версии.

Модель словосложения, которая является основным предметом рассмотрения, свойственна трём языкам в разной степени. В первую очередь она является характерной особенностью немецкого языка. В английском словосложение является одним из продуктивных способов словообразования — и, возможно, даже основным способом для современного языка, если говорить об образовании неологизмов [Лежнев, 2017, с. 117]. Функционирование сложных слов английского языка рассматривается также в контексте перевода художественных произведений — например, анализируются переводческие решения при передаче сложносоставных окказионализмов в современных английских романах [Ларцева и др., 2020]. При этом основное внимание привлекают способы перевода таких слов на русский язык. В русском языке словосложение как словообразовательная модель имеется, но она далеко не так широко употребительна, как в немецком [Павлова и др., 2012, с. 219].

Словообразовательные конструкции могут выступать как синонимы словосочетаний или корневых слов [Schirpan, 2002, S. 111]. О таких же альтернативных вариантах можно говорить в контексте перевода. Немецкие композиты могут выражать тот смысл, который в других языках заключён в словах других моделей и словосочетаниях. Новизна исследования связана с обращением к словообразовательным особенностям переводов романа В. Набокова в сопоставительном аспекте. Существующие публикации о словообразовательных особенностях произведений Набокова — как,

например, исследование М. Р. Напцок — обращаются к словотворчеству писателя в его произведениях на родном языке и созданию им в том числе окказиональных слов по определённым моделям [Напцок, 2009].

При рассмотрении заявленной темы ставятся следующие задачи: определить функции словосложения в немецкоязычном тексте романа при сопоставлении с текстами на английском и русском языках; выявить закономерности соответствий немецким композитам в виде наиболее частотных структурно-семантических рядов, охарактеризовать стилистические функции композитов и особенности переводческих решений, связанных с образованием немецких композитов. В процессе исследования применяются описательный метод и метод сопоставительного анализа.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Всего было рассмотрено 220 рядов структурно-семантических соответствий, состоящих из вариантов на трёх языках (всего 660 примеров слов и словосочетаний), в которых основным звеном является немецкий композит, сопоставляемый с английской и русской структурами, аналогичными по значению. К анализу привлекались в основном субстантивные композиты немецкого языка.

3.1. Немецкий композит как аналог одной лексической единицы (слова) в английском и русском языках

При рассмотрении данного типа соответствий (30 %) можно отметить, что сопоставимые с композитом слова в английском и русском языках не обязательно имеют подобную ему сложную структуру. Они могут являться корневыми (1) либо продуктами суффиксации (2):

(1) *Mahlzeiten* [Nabokov, 1991, S. 202] — *meals* [Nabokov, 2017, p. 12] — *обеды* [Набоков, 2023, с. 24]; *Weidenbäume* [Nabokov, 1991, S. 203] — *wil-lows* [Nabokov, 2017, p. 13] — *ивы* [Набоков, 2023, с. 24];

(2) *Nahrungsaufnahme* [Nabokov, 1991, S. 318] — *feeding* [Nabokov, 2017, p. 102] — *питание* [Набоков, 2023, с. 112]; *Giftmord* [Nabokov, 1991, S. 417] — *poisoning* [Nabokov, 2017, p. 181] — *отравление* [Набоков, 2023, с. 191].

Немецким композитам часто соответствуют сложные слова и в английском языке: *Schubkarren* [Nabokov, 1991, S. 243] — *wheelbarrow* [Nabokov, 2017, p. 44] — *тачка* [Набоков, 2023, с. 55]; *Ladenbesitzer* [Nabokov, 1991, S. 213] — *shopkeeper* [Nabokov, 2017, p. 20] — *лавочник* [Набоков, 2023, с. 63].

Нужно отметить различия в графическом представлении композитов в немецком и английском языках: в последнем возможно раздельное написание компонентов композита, а в немецком — только слитное, включая

варианты с дефисом [Мельгунова, 2023, с. 184—185]. Подобные сложные слова, образованные в основном по модели «существительное + существительное», являются частотными в английской версии романа:

Aktienmarkt [Nabokov, 1991, S. 206] — **stock market** [Nabokov, 2017, p. 15] — *биржа* [Набоков, 2023, с. 28]; *Waffenhändler* [Nabokov, 1991, S. 423] — **gun dealers** [Nabokov, 2017, p. 185] — *оружейники* [Набоков, 2023, с. 195].

Написание через дефис в англоязычных примерах свойственно некоторым именам прилагательным, имеющим сложную структуру: *ein zaungleicher Wald* [Nabokov, 1991, S. 193] — **a fence-like forest** [Nabokov, 2017, p. 5] — *решетчатый лес* [Набоков, 2023, с. 18].

Интересно отметить отдельные тенденции перевода, связанные с заимствованными из французского языка словами, присутствующими в русском оригинале и англоязычной версии, где они либо идентичны (1), либо используются только в русском тексте (2):

(1) *Frisiermantel* [Nabokov, 1991, S. 236] — **peignoir** [Nabokov, 2017, p. 39] — *пеньюар* [Набоков, 2023, с. 50]; *Nackenknoten* [Nabokov, 1991, S. 236] — **chignon** [Nabokov, 2017, p. 39] — *шиньон* [Набоков, 2023, с. 50];
(2) *Fahrkarte* [Nabokov, 1991, S. 200] — **ticket** [Nabokov, 2017, p. 11] — *билет* [Набоков, 2023, с. 23].

Характерно, что данным заимствованиям соответствует немецкоязычный композит. Данную особенность можно объяснить сильным влиянием пуризма — борьбы за чистоту языка в Германии в XVII—XVIII веках. К результатам пуристической деятельности нужно отнести создание немецкоязычных аналогов заимствованиям и успешное внедрение новых слов в язык. Хотя соответствующие заимствования из французского в немецком языке есть, их использование либо представляет собой исключение, либо территориально ограничено. Для обозначения «билета» в немецком присутствует и англоязычное заимствование, совпадающее со словом из английской версии, но и здесь переводчик предпочитает немецкоязычный вариант.

Редким является совпадение слов в русском и немецком текстах — это возможно в случае, если в русском оригинале использовано заимствованное из немецкого слово: *Zifferblatt* [Nabokov, 1991, S. 187] — **the clock face** [Nabokov, 2017, p. 1] — **циферблат** [Набоков, 2023, с. 13]; *Butterbrot* [Nabokov, 1991, S. 202] — **sandwich** [Nabokov, 2017, p. 12] — **бутерброд** [Набоков, 2023, с. 40]. В последнем примере значения немецкого и русского слов близки, но полностью не совпадают: в немецком языке это слово обозначает хлеб с маслом, в русском — ломтик хлеба не только с маслом, но ещё и с колбасой или сыром и т. п. [Дзенс и др., 2012, с. 93]. То же от-

носится и к английскому *sandwich*, поэтому сложно объяснить выбор слова *Butterbrot* немецким переводчиком.

К редким случаям можно отнести также присутствие сложных слов и в русском оригинале в связи с меньшей распространённостью этой модели: *Waschtisch* [Nabokov, 1991, S. 255] — *washstand* [Nabokov, 2017, p. 53] — *рукомойник* [Набоков, 2023, с. 89]; *Kunstradler* [Nabokov, 1991, S. 336] — *trick cyclists* [Nabokov, 2017, p. 117] — *велосипедисты-эксцентрики* [Набоков, 2023, с. 127]; *die meisten weißen Felder der Kreuzworträtsels* [Nabokov, 1991, S. 329] — *the crossword's blank squares* [Nabokov, 2017, p. 111] — *пустоты крестословиц* [Набоков, 2023, с. 121]. В последнем случае использованное в русском оригинале суффиксально-сложное слово представляет собой кальку с английского обозначения кроссворда [Напцок, 2009, с. 79].

О семантике рассмотренных лексических единиц можно сказать, что среди них преобладают номинации предметов и абстрактных понятий, низкой частотностью отличаются номинации лиц — как правило, это обозначения рода деятельности (количество рядов, содержащих такие примеры в форме композита, составляет не более 10 во всём материале).

Названия самых прозаичных предметов в художественном произведении не всегда являются тем, что они представляют собой в обычном контексте: *<...> berechnete er im Geiste, als ob seine Finger sich über die Zahlenrillen eines geheimen Rechenbrettes bewegten, wie viele Tage seines Lebens er dafür gäbe, diese Frau zu besitzen* [Nabokov, 1991, S. 201] / *He <...> mentally calculated, as though his fingers had rattled across the counters of the secret abacus, how many days of his life he would give to possess this woman* [Nabokov, 2017, p. 12] / *Он <...> мысленно сообразил, будто протирал пальцем по тайным счётам, сколько дней своей жизни он отдал бы, чтобы обладать этой женщиной* [Набоков, 2023, с. 24].

Раскрытие значения слова, которое автор использует в особом нестандартном смысле, неизбежно требует также индивидуального контекста [Колшанский, 2010, с. 106]. Подобные метафоры, представляющие обычные предметы в новом свете, свойственны данному роману.

3.2. Немецкий композит как аналог английского композита и русского словосочетания

Ряды структурно-семантических соответствий данного типа (34 %) являются очень распространёнными. В русском атрибутивном словосочетании, как правило, заключается тот же смысл, который в германских языках может быть выражен композитом.

В данной группе примеров немецкие сложные слова соответствуют в основном раздельнооформленным английским композитам: *Porzellan-tiere* [Nabokov, 1991, S. 232] — *porcelain animals* [Nabokov, 2017, p. 36] —

фарфоровые звери [Набоков, 2023, с. 47]; *Regenpfützen* [Nabokov, 1991, S. 282] — *rain puddles* [Nabokov, 2017, p. 74] — *дождевые лужи* [Набоков, 2023, с. 103].

Детерминативные композиты, в которых определительный компонент является существительным, — самые частотные [Eichinger, 2000, S. 121]. Первый, определительный компонент композита в немецком и английском языках также может иметь сложную структуру: *Der riesige schwarze Uhrzeiger steht noch still, wird aber gleich seine Einmal-pro-Minute-Geste vollziehen <...>* [Nabokov, 1991, S. 187] / *The huge black clock hand is still at rest but is on the point of making its once-a-minute gesture <...>* [Nabokov, 2017, p. 1] / *Огромная, чёрная стрела часов, застывшая перед своим ежеминутным жестом, сейчас вот дрогнет <...>* [Набоков, 2023, с. 13].

Более редки в данной группе англоязычные композиты со слитным написанием: *Kochbuch* [Nabokov, 1991, S. 395] — *cookbook* [Nabokov, 2017, p. 164] — *поварская книга* [Набоков, 2023, с. 174]; *Stecknadelkopf* [Nabokov, 1991, S. 397] — *pinhead* [Nabokov, 2017, p. 165] — *булавочная головка* [Набоков, 2023, с. 175].

Структура русских атрибутивных словосочетаний, соответствующих немецким композитам, может быть различной: это словосочетания, состоящие как из прилагательного и существительного (1), подобных приведённым выше, так и из двух существительных, одно из которых в форме родительного падежа (2):

(1) *Todesurteil* [Nabokov, 1991, S. 449] — *death sentence* [Nabokov, 2017, p. 206] — *смертный приговор* [Набоков, 2023, с. 215];

(2) *Papierfabrikant* [Nabokov, 1991, S. 369] — *paper manufacturer* [Nabokov, 2017, p. 143] — *фабрикант бумаги* [Набоков, 2023, с. 155]; *Ausbildungsmethoden* [Nabokov, 1991, S. 287] — *training methods* [Nabokov, 2017, p. 78] — *приёмы обучения* [Набоков, 2023, с. 89].

В плане семантики в рассмотренных группах не выявлено значительных отличий. В рядах соответствий данного типа также преобладают номинации предметов и абстрактных понятий. Можно отметить, что среди последних в романе играют важную роль обозначения различных чувств и ощущений: *mit <...> Ohrensauen* [Nabokov, 1991, S. 366] — *with ears abuzz* [Nabokov, 2017, p. 140] — *с жужжанием в ушах* [Набоков, 2023, с. 152].

Подобные внутренние отзвуки и слуховые галлюцинации, как, например, «шум в ушах», фигурируют во многих произведениях Набокова наряду с упоминаниями природных и естественных звуков окружающего мира [Astvatsaturov et al., 2024, p. 22].

Здесь также можно отметить отдельные стилистические особенности функционирования сложных слов, которые выступают в переносном

значении. Такое метафорическое значение или особую стилистическую окраску приобретают как существующие в языке сложные слова (1), так и окказиональные (2):

(1) *Parkettmuster ihrer beider Leben* [Nabokov, 1991, S. 240] / *the parquet pattern of their life* [Nabokov, 2017, p. 42] / *паркетный узор* обычной жизни [Набоков, 2023, с. 53].

(2) *Die Wolken strahlten - Ferienwolken* [Nabokov, 1991, S. 457] / *Those clouds are radiant — vacation clouds* [Nabokov, 2017, p. 211] / *Облака сияющие, каникульные* [Набоков, 2023, с. 220].

В последнем примере нетипичная сочетаемость слов в русскоязычном оригинале приводит к образованию окказионального композита в германских языках.

Композитная конструкция часто используется для создания образности, в немецких детерминативных сложных словах широко представлены сравнения [Вашунин, 1990, с. 19—20]. В случае с конструкциями сравнительной семантики продукты словообразования оказываются в сопоставлении с синтаксическими структурами особенно гибким языковым средством [Fleischer et al., 2012, с. 35]. В следующем случае композиты в германских языках представляют собой, возможно, более выразительное сравнение — «голос школьника», так как речь идёт о взрослом мужчине, который выступает в роли обучаемого:

<...> *sagte Franz* <...> *mit hölzerner Schuljungenstimme* [Nabokov, 1991, S. 277] / *Franz* <...> *would say in a wooden schoolboy voice* [Nabokov, 2017, p. 70] / <...> *деревянным ученическим голосом* говорил Франц [Набоков, 2023, с. 81].

Окказиональные номинации в форме композитов практически всегда связаны с контекстом, так как в противном случае были бы непонятны [Мельгунова, 2014, с. 95]: <...> *sich Münzen zusammengeklumpt haben und eine Metallwurst bilden* <...> [Nabokov, 1991, S. 329] / <...> *coins had bunched together forming a metal sausage* <...> [Nabokov, 2017, p. 111] / <...> *металлической колбасой* сбились монеты <...> [Набоков, 2023, с. 121].

В следующем случае интересно отметить, что в русскоязычном оригинале и текстах на германских языках номинация лица связана с различными контекстами: если в оригинале дама *белобрысая*, о чём сказано на той же странице, где дама названа «белой», то в английской версии — и, соответственно, в немецком переводе «платиновая дама» становится *blond-legged / blondbeinig* «дамой со светлыми ногами».

<...> *Martha und die Platindame sprachen laut* [Nabokov, 1991, S. 429] / <...> *Martha and the platinum lady spoke loudly* [Nabokov, 2017, p. 190] / *Марта и белая дама* говорили громко [Набоков, 2023, с. 199].

3.3. Немецкий композит как аналог словосочетания в английском и русском языках

В немецком языке композитообразование — более распространённое явление, чем в английском. Конкурируя с синтаксическими способами формулировки, немецкое словообразование вносит важный вклад в компактное представление информации в тексте [Schlaefer, 2009, с. 19]. Поэтому частотны случаи, когда немецкий композит соответствует словосочетанию и в английской версии, и в русском оригинале. Такие случаи составляют 32 % в рассмотренном материале.

Типы русских атрибутивных словосочетаний в данной группе примеров совпадают с теми, что были описаны в предыдущем параграфе.

Можно отметить характерную структуру английских словосочетаний для данного ряда соответствий. Большинство из них — состоящие из двух существительных, связанных предлогом *of* (1); другие типы — состоящие из двух существительных, одно из которых в форме генитива (2), и из прилагательного и существительного (3):

(1) *Apfelsinenschnitzen* [Nabokov, 1991, S. 191] — *sections of orange* [Nabokov, 2017, p. 4] — *дольки апельсинов* [Набоков, 2023, с. 16]; *Gedankenspiel* [Nabokov, 1991, S. 203] — *play of thought* [Nabokov, 2017, p. 13] — *игра мысли* [Набоков, 2023, с. 26]; *Traumschicht* [Nabokov, 1991, S. 212] — *layer of your dream* [Nabokov, 2017, p. 20] — *слой сна* [Набоков, 2023, с. 32];

(2) *Verkäuferarbeit* [Nabokov, 1991, S. 276] — *salesman's toil* [Nabokov, 2017, p. 69] — *прикащикий труд* [Набоков, 2023, с. 81]; *Nachbarkind* [Nabokov, 1991, S. 454] — *a neighbor's child* [Nabokov, 2017, p. 209] — *дочь соседа* [Набоков, 2023, с. 218];

(3) *Finanzgeschäfte* [Nabokov, 1991, S. 333] — *financial affairs* [Nabokov, 2017, p. 114] — *денежные дела* [Набоков, 2023, с. 125]; *mit einer Höllenmaschine* [Nabokov, 1991, S. 354] — *with an infernal machine* [Nabokov, 2017, p. 165] — *с адской машиной* [Набоков, 2023, с. 142];

Если в словосочетание входит прилагательное, ему в некоторых случаях соответствует немецкий композит, в котором определительный компонент также является прилагательным: *in Großbuchstaben* [Nabokov, 1991, S. 351] — *in large characters* [Nabokov, 2017, p. 129] — *крупными буквами* [Набоков, 2023, с. 140].

3.4. Особенности семантической ёмкости немецкого композита

Первый, атрибутивный компонент композита может обозначать самые разные типы его логической связи с определяемым словом. При этом не все смысловые компоненты могут иметь вербальное выражение.

Например, в следующем случае по немецкому композиту «*фиалковое мыло*» можно только догадаться, что имеется в виду — запах или цвет,

тогда как в русском и английском вариантах значение выражено более конкретно: *Veilchenseife* [Nabokov, 1991, S. 321] — *violet-scented soap* [Nabokov, 2017, p. 104] — *мыло, пахнущее фиалкой* [Набоков, 2023, с. 114].

Значение таких продуктов словообразования, как композиты, не всегда просто определить, так как оно вытекает из употребления. Например, по слову *die Apfeltorte* можно точно сказать только то, что это торт, каким-то образом связанный с яблоками. Каким именно образом — возможны варианты [Donalies, 2011, с. 118—19]. Это слово обычно обозначает *торт с яблоками*, но можно предположить и другое в зависимости от ситуации — торт в форме яблока или что-то связанное с более редкими ассоциациями — торт, купленный на деньги от продажи яблок.

Смысловую ёмкость немецких композитов могут также проиллюстрировать ряды примеров, в которых одному немецкому композиту соответствуют три русских слова (не считая предлогов) и два английских, одно из которых сложное: *Schreibmaschinengeklapper* [Nabokov, 1991, S. 301] — *chatter of typewriters* [Nabokov, 2017, p. 89] — *трескотня пишущих машинок* [Набоков, 2023, с. 99]; *mit Babyknopfstiefelchen* [Nabokov, 1991, S. 435] — *in baby boots with buttons* [Nabokov, 2017, p. 195] — *в детских сапожках на пуговках* [Набоков, 2023, с. 204]. Немецкий композит включает в себя сразу несколько характеристик предмета — как в последнем примере — и фасон, и целевую группу, для которой предназначена обувь.

В отдельных случаях, несмотря на опущение в переводах какого-либо элемента, присутствовавшего в русском тексте, смысл при образовании композита не меняется. Причиной может быть некоторая избыточная конкретизация в русском словосочетании — например, в германских языках опущено определение «утренние» к слову «завтраки»: *Frühstücksgeklirr* [Nabokov, 1991, S. 519] — *tinkle of breakfast* [Nabokov, 2017, p. 160] — *звон утренних завтраков* [Набоков, 2023, с. 263].

Впрочем, семантическая ёмкость многих композитов в двух германских языках одинакова: *U-Bahn-Station* [Nabokov, 1991, S. 446] — *subway station* [Nabokov, 2017, p. 204] — *станция подземной дороги* [Набоков, 2023, с. 212]; *Vierzimmerwohnung* [Nabokov, 1991, S. 360] — *four-room apartment* [Nabokov, 2017, p. 135] — *квартира в четыре комнаты* [Набоков, 2023, с. 147].

Нетипичным примером можно считать ряд соответствий, в котором смысловая насыщенность английского композита представляется большей, чем в аналогичном немецком предложении. Это связано с переводческими трансформациями в сфере синтаксиса при передаче смысла на немецкий язык, в результате чего авторская характеристика к слову «упражнения» оформляется как отдельное словосочетание «за прилавком», а в композит

включается другой признак — быстрота. <...> *diese Schnelligkeitsübungen hinter dem Ladentisch* <...> [Nabokov, 1991, S. 322] / <...> *those rapid behind-the-counter exercises* <...> [Nabokov, 2017, p. 105] / <...> *эти быстрые прилавочные упражнения* <...> [Набоков, 2023, с. 115].

3.5. Виды уточнения содержания в композитах немецкого и английского языков по сравнению с русскоязычным оригиналом

Рассмотренный материал позволил выявить два типа уточнений содержания при композитообразовании, которые проявляются в вариантах на двух германских языках или в одном из них по сравнению с русскоязычным оригиналом.

К первому типу относятся авторские уточнения — они имеют место в обоих германских языках, так как уточнение было произведено В. Набоковым в английской версии и впоследствии переведено на немецкий. К примеру, конкретизируется вид предмета — «*дамская сумочка*» (1), добавляется усилительный, оценочный компонент — «*щёголь высшей категории*» (2), указывается конкретный объект, сделанный из материала — «*дорожка из гравия*» (3):

(1) <...> *nahm ihre Handtasche unter den Arm* [Nabokov, 1991, S. 202] — <...> *took her handbag under her arm* [Nabokov, 2017, p. 12] — <...> *взяла сумку под мышку* [Набоков, 2023, с. 25];

(2) *Erste-Klasse-Stutzer* [Nabokov, 1991, S. 246] — *high-class hop* [Nabokov, 2017, p. 46] — *щёголь* [Набоков, 2023, с. 57];

(3) *Kiesweg* [Nabokov, 1991, S. 392] — *gravel path* [Nabokov, 2017, p. 161] — *гравий* [Набоков, 2023, с. 171];

Наиболее интересной особенностью является второй тип уточнений — переводческие. Речь идёт о добавлениях к немецким словам компонентов, аналогов которым нет ни в англоязычной версии, ни в русском оригинале, в результате чего в немецком тексте фигурирует композит. К примеру, «*раствор хлмикатов*» (1), «*тратя денег*» (2):

(1) *Chemikalienlösung* [Nabokov, 1991, S. 258] — *solution* [Nabokov, 2017, p. 55] — *раствор* [Набоков, 2023, с. 66];

(2) *Geldausgabe* [Nabokov, 1991, S. 202] — *expenche* [Nabokov, 2017, p. 12] — *тратя* [Набоков, 2023, с. 24].

Подобные добавления можно отнести к факультативным, иногда избыточным, так как из конкретного контекста в любом случае вытекает такое значение слова. Например, «*указательный палец*» — при описании жестикуляции человека, который что-то объясняет: *Der Erfinder hob den Zeigefinger* [Nabokov, 1991, S. 302] / *The inventor raised his finger* [Nabokov, 2017, p. 90] / *Изобретатель поднял палец* [Набоков, 2023, с. 100].

Однако можно отметить, что подобные уточнения иногда могут быть обусловлены многозначностью определяемого компонента немецкого композита — например, *die Menge* — это «множество, огромное количество чего-либо, куча, уйма и т. п.» не обязательно «толпа людей» (1), а *die Decke* — не только «потолок комнаты», но и «одеяло, покрывало» (2):

(1) *eine große fröhliche Menschenmenge* [Nabokov, 1991, S. 267] — *a huge merry strong* [Nabokov, 2017, p. 62] — *огромная весёлая толпа* [Набоков, 2023, с. 74];

(2) *Zimmerdecke* [Nabokov, 1991, S. 213] — *ceiling* [Nabokov, 2017, p. 21] — *потолок* [Набоков, 2023, с. 33].

Для перевода данного романа на немецкий язык такой тип уточнения значения слова очень характерен и приводит к образованию композита именно в немецкоязычном тексте.

3.6. Синтаксические трансформации как причина появления композитов в тексте на английском и немецком языках

Можно отметить особые случаи, когда в русском тексте нет лексических единиц или атрибутивных словосочетаний, которые являются традиционными соответствиями немецким композитам. Но в результате структурных трансформаций, которые русский оригинал претерпевает при переводе на английский язык, в переводе на немецкий появляется сложное слово. Например, немецкий композит «*сумасшедшие цены*», английское словосочетание «*непомерные цены*» возникают при трансформации русского «*дерут втридорога*».

Im Grund hatte Martha etwas gegen diese <...> Mahlzeiten, bei denen einem die Eisenbahngesellschaft Wahnsinnspreise für miese Speisen abnimmt <...> [Nabokov, 1991, S. 202] / *Basically Martha was opposed to those <...> meals, with the railway company charging you exorbitant prices for mediocre food <...>* [Nabokov, 2017, p. 12] / *Втайне Марта была против этих <...> обедов, за которые дерут втридорога, хотя дают дрянь <...>* [Набоков, 2023, с. 24].

Иногда сложное слово появляется только в немецком — «*основные планы*» (1), «*жевательные движения*» (2), однако также и в обоих германских языках может использоваться композит — «*поездка домой*» (3), «*зубная боль*» (4):

(1) *Das waren die beiden Hauptpläne* [Nabokov, 1991, S. 420] / *These two projects were the basic ones* [Nabokov, 2017, p. 183] / *Эти два способа были основные* [Набоков, 2023, с. 193];

(2) *Franz wachte auf und machte mit den Lippen Kaubewegungen* [Nabokov, 1991, S. 207] / *Presently Franz awoke and made some chewing motions with his lips* [Nabokov, 2017, p. 16] / *И вот Франц проснулся, пожевал губами* [Набоков, 2023, с. 29];

(3) <...> *rief Dreyer ein vorüberfahrendes Taxi und bot Franz die Heimfahrt an* [Nabokov, 1991, S. 281] / *Dreyer hailed a passing taxi and offered Franz a lift home* [Nabokov, 2017, p. 73] / *Он кликнул таксомотор <...> и предложил Франца подвезти* [Набоков, 2023, с. 84];

(4) <...> *er niemals auch nur Zahnschmerzen <...> hatte <...>* [Nabokov, 1991, S. 366] / *he never seemed to have even so much as a toothache <...>* [Nabokov, 2017, p. 140] / *<...> зубы у него не болели <...>* [Набоков, 2023, с. 152].

Подобные трансформации часто обусловлены структурными особенностями разных языков — как в последнем примере, при переводе которого на германские языки затруднительно сохранить синтаксис оригинала.

4. Заключение = Conclusions

В результате проведённого исследования можно сделать следующие выводы. Анализ текстового материала на трёх языках — немецком, английском и русском — позволил определить три основных типа рядов структурно-семантических соответствий, в которых немецкий композит выступает как: 1) аналог одного слова в английском и русском языках (30 %); 2) аналог английского композита и русского словосочетания (34 %); 3) аналог словосочетания в английском и русском языках (32 %).

Не соответствующие этим типам ряды соответствий составляют меньшинство (4 %) и в основном характеризуются различными трансформациями в сфере синтаксиса.

Немецкие сложные слова в разных текстовых фрагментах сопоставимы по смыслу с английскими или русскими корневыми словами, суффиксальными образованиями, композитами, а также словосочетаниями. В связи с тем, что рассматривались немецкие детерминативные композиты, первый компонент которых служит определением, соответствующие словосочетания также являются атрибутивными. В английском языке атрибутивный компонент в них выражен именем прилагательным, существительным с предлогом *of* или существительным в форме генитива. Для структуры русских словосочетаний характерно наличие в роли определения либо имени прилагательного, либо имени существительного в форме родительного падежа.

Была отмечена особая смысловая ёмкость композитов немецкого языка — их способность компактно передавать значения нескольких слов в другом языке, которая в полной мере реализуется при передаче иноязычного содержания на немецкий язык. Большинство рассмотренных лексических единиц являются номинациями предметов и абстрактных понятий, немногочисленны номинации лиц.

Приведены примеры метафорического употребления узуальных композитов и образования окказиональных сложных слов, привязанных к конкретному контексту художественного произведения. При сопоставлении немецкого и английского текстов была выявлена также особенность перевода романа на немецкий язык — добавление компонентов, уточняющих смысл слова. В результате такой особенности индивидуального стиля переводчика в немецком тексте образуются сложные слова, определительный компонент которых конкретизирует их значение по сравнению с лексическими единицами англоязычной версии.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	The author declares no conflicts of interests.
---	--

Источники и принятые сокращения

1. *Набоков В. В.* Король, дама, валет / В. В. Набоков. — Москва : АСТ : CORPUS, 2023. — 288 с. — ISBN 978-5-17-137832-5.
2. *Nabokov V.* König, Dame, Bube / V. Nabokov // *Gesammelte Werke*. Herausgegeben von Dieter E. Zimmer. Band I : Frühe Romane. — Hamburg : Rohwolt, 1991. — S. 185—539. — ISBN 3-498-04639-X.
3. *Nabokov V.* King, Queen, Knave / V. Nabokov. — Glasgow : Penguin Books, 2017. — 278 p. — ISBN 978-0-141-18577-4.

Литература

1. *Букс Н. Я.* Владимир Набоков. Русские романы / Н. Я. Букс. — Москва : Издательство АСТ, 1990. — 448 с. — ISBN 978-5-17-114725-9.
2. *Бекасова Н. А.* Специфика перевода лексических единиц, репрезентирующих концепт «бабочка» в романе В. Набокова «Лолита» / Н. А. Бекасова // *Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова*. — 2009. — № 5. — С. 40—45.
3. *Баймухаметова К. И.* Художественный перевод как адекватная интерпретация литературного текста / К. И. Баймухаметова // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*. — 2018. — № 11 (804). — С. 49—57.
4. *Вашунин В. С.* Субстантивные сложные слова в немецком языке / В. С. Вашунин. — Москва : Высшая школа, 1990. — 159 с. — ISBN 5-06-000231-4.
5. *Дзенс Н. И.* Теория перевода и переводческая практика с немецкого языка на русский и с русского на немецкий / Н. И. Дзенс, И. Р. Перевышина. — Санкт-Петербург : Антология, 2012. — 560 с. — ISBN 978-5-94962-211-7.
6. *Колпакова Г. В.* Типы семантических структур немецких композитов / Г. В. Колпакова // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. — 2014. — № 5 (35). — Ч. II. — С. 110—113.
7. *Колшанский Г. В.* Контекстная семантика / Г. В. Колшанский. — Москва : Либроком, 2010. — 152 с. — ISBN 978-5-397-01159-4.
8. *Кочетков А. Н.* Перевод как интерпретация : «Король, дама, валет» В. Набокова / А. Н. Кочетков // *Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова*. — 2019. — № 45. — С. 111—129.

9. *Ларцева Е. В.* К вопросу о переводе сложносоставных окказионализмов в современных англоязычных романах / Е. В. Ларцева, Ю. Р. Гафурова // Научный диалог. — 2020. — № 12. — С. 74—84. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-74-84.

10. *Лежнев С. Н.* Композиты современного английского языка / С. Н. Лежнев // Восточнославянская филология. Языкознание. — 2017. — № 5 (31). — С. 117—125.

11. *Мельгунова А. В.* Номинации лица в вербально-текстовом окружении (на материале немецкого языка) / А. В. Мельгунова // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. — 2014. — № 171. — С. 92—100.

12. *Мельгунова А. В.* Традиционное и новое в функционировании компонента его в словообразовании (на материале немецкого и английского языков) / А. В. Мельгунова // I Международная научная филологическая конференция имени Людмилы Алексеевны Вербицкой. Избранные доклады. — 2023. — С. 178—191. — DOI: 10.21638/11701/9785288063183.13.

13. *Напцок М. Р.* Дискурс В. Набокова : билингвизм и проблемы перевода / М. Р. Напцок // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2 : Филология и искусствоведение. — 2008. — № 6. — С. 70—75.

14. *Напцок М. Р.* Словотворчество как уникальный компонент дискурса В. Набокова / М. Р. Напцок // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. — 2009. — № 1 (9). — С. 76—82.

15. *Павлова А. В.* Трудности и возможности русско-немецкого и немецко-русского перевода / А. В. Павлова, Н. Д. Светозаврова. — Санкт-Петербург : Антология, 2012. — 480 с. — ISBN 978-5-94962-201-8.

16. *Раренко М. Б.* Переводы и автопереводы В. В. Набокова / М. Б. Раренко // Язык. Культура. Коммуникация. — 2017. — № 1—1 (20). — С. 190—198.

17. *Хлебникова М. В.* Особенности авторского перевода сравнительных конструкций в романе В. В. Набокова «Лолита» (на примере языковой пары английский-русский) / М. В. Хлебникова, В. А. Ражина // Гуманитарные и социальные науки. — 2023. — Т. 101. — № 6. — С. 159—165. — DOI: 10.18522/2070-1403-2023-101-6-159-165.

18. *Astvatsaturov A.* “Sirens” by Joyce and the Joys of Sirin: Lilac, Sounds, Temptations / A. Astvatsaturov, F. Dviniatin // Arts. — 2024. — № 13. — Pp. 1—25. — DOI: 10.3390/arts13030077.

19. *Donalies E.* Basiswissen Deutsche Wortbildung / E. Donalies. — Tübingen : UTB, 2011. — 149 S. — ISBN 978-3-8252-3597-0.

20. *Eichinger L.* Deutsche Wortbildung : eine Einführung / L. Eichinger. — Tübingen : Narr, 2000. — 269 S. — ISBN 3-8233-4976-7.

21. *Fleischer W.* Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache / W. Fleischer, I. Barz. — Göttingen : Walter de Gruyter, 2012. — 484 S. — ISBN 978-3-11-025663-5.

22. *Schippan Th.* Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache / Th. Schippan. — Tübingen : Max Niemeyer Verlag, 2002. — 316 S. — ISBN 978-3-484-73002-1.

23. *Schlaefel M.* Lexikologie und Lexikographie. Eine Einführung am Beispiel deutscher Wörterbücher / M. Schlaefel. — Berlin : Erich Schmidt Verlag, 2009. — 199 S. — ISBN 978-3-503-09863-7.

Статья поступила в редакцию 02.08.2024,
одобрена после рецензирования 06.10.2024,
подготовлена к публикации 28.10.2024.

Material resources

- Nabokov, V. (2017). *King, Queen, Knave*. Glasgow: Penguin Books. 278 p. ISBN 978-0-141-18577-4.
- Nabokov, V. (1991). König, Dame, Bube. In: *Gesammelte Werke. Herausgegeben von Dieter E. Zimmer. Band I: Frühe Romane*. Hamburg: Rohwolt. 185—539. ISBN 3-498-04639-X. (In Germ.).
- Nabokov, V. V. (2023). *King, queen, jack*. Moscow: AST: CORPUS. 288 p. ISBN 978-5-17-137832-5. (In Russ.).

References

- Astvatsaturov, A., Dviniatin, F. (2024). “Sirens” by Joyce and the Joys of Sirin: Lilac, Sounds, Temptations. *Arts*, 13: 1—25. DOI: 10.3390/arts13030077.
- Baymukhametova, K. I. (2018). Literary translation as an adequate interpretation of a literary text. *Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities*, 11 (804): 49—57. (In Russ.).
- Bekasova, N. A. (2009). Specifics of the translation of lexical units representing the concept of “butterfly” in V. Nabokov’s novel *Lolita*. *Bulletin of the Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N. A. Dobrolyubov*, 5: 40—45. (In Russ.).
- Books, N. Y. (1990). *Vladimir Nabokov. Russian novels*. Moscow: AST Publishing House. 448 p. ISBN 978-5-17-114725-9. (In Russ.).
- Donalies, E. (2011). *Basiswissen Deutsche Wortbildung*. Tübingen: UTB. 149 S. ISBN 978-3-8252-3597-0. (In Germ.).
- Eichinger, L. (2000). *Deutsche Wortbildung: eine Einführung*. Tübingen: Narr. 269 S. ISBN 3-8233-4976-7. (In Germ.).
- Fleischer, W., Barz, I. (2012). *Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache*. Göttingen: Walter de Gruyter. 484 S. ISBN 978-3-11-025663-5. (In Germ.).
- Khlebnikova, M. V., Razhina, V. A. (2023). Features of the author’s translation of comparative constructions in V. V. Nabokov’s novel *Lolita* (on the example of the English-Russian language pair). *Humanities and Social Sciences*, 101 (6): 159—165. DOI: 10.18522/2070-1403-2023-101-6-159-165. (In Russ.).
- Kochetkov, A. N. (2019). Translation as interpretation: “King, queen, jack” by V. Nabokov. *Bulletin of the Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N. A. Dobrolyubov*, 45: 111—129. (In Russ.).
- Kolpakova, G. V. (2014). Types of semantic structures of German composites. *Philological sciences. Questions of theory and practice*, 5 (35) / II: 10—113. (In Russ.).
- Kolshansky, G. V. (2010). *Contextual semantics*. Moscow: Librocom. 152 p. ISBN 978-5-397-01159-4. (In Russ.).
- Lartseva, E. V., Gafurova, Yu. R. (2020). Translation of Complex Occasionalisms in Modern English Novels. *Nauchnyi dialog*, 12: 74—84. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-12-74-84> (In Russ.).
- Lezhnev, S. N. (2017). Composites of the modern English language. *East Slavic philology. Linguistics*, 5 (31): 117—125. (In Russ.).
- Melgunova, A. V. (2014). Nominations of a person in a verbal-textual environment (based on the material of the German language). *Proceedings of the A. I. Herzen Russian State Pedagogical University*, 171: 92—100. (In Russ.).
- Melgunova, A. V. (2023). Traditional and new in the functioning of the ego component in word formation (based on the material of German and English languages). *L International*

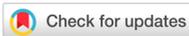

- Scientific Philological Conference named after Lyudmila Alekseevna Verbitskaya. Selected reports.* 178—191. DOI: 10.21638/11701/9785288063183.13. (In Russ.).
- Naptsok, M. R. (2008). V. Nabokov's discourse: bilingualism and translation problems. *Bulletin of the Adygea State University. Series 2: Philology and Art History*, 6: 70—75. (In Russ.).
- Naptsok, M. R. (2009). Word-making as a unique component of V. Nabokov's discourse. *Izvestia of higher educational institutions. The Volga region. Humanities*, 1 (9): 76—82. (In Russ.).
- Pavlova, A. V., Svetozavrova, N. D. (2012). *Difficulties and possibilities of Russian-German and German-Russian translation*. St. Petersburg: Anthology. 480 p. ISBN 978-5-94962-201-8. (In Russ.).
- Rarenko, M. B. (2017). Translations and self-translations by V. V. Nabokov. *Language. Culture. Communication*, 1—1 (20): 190—198. (In Russ.).
- Schippan, Th. (2002). *Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache*. Tübingen: Max Niemeyer Verlag. 316 S. ISBN 978-3-484-73002-1. (In Germ.).
- Schlaefel, M. (2009). *Lexikologie und Lexikographie. Eine Einführung am Beispiel deutscher Wörterbücher*. Berlin: Erich Schmidt Verlag. 199 S. ISBN 978-3-503-09863-7. (In Germ.).
- Vashunin, V. S. (1990). *Substantive compound words in the German language*. Moscow: Higher School. 159 p. ISBN 5-06-000231-4. (In Russ.).
- Zens, N. I., Perevyshina, I. R. (2012). *Theory of translation and translation practice from German into Russian and from Russian into German*. St. Petersburg: Anthology. 560 p. ISBN 978-5-94962-211-7. (In Russ.).

*The article was submitted 02.08.2024;
approved after reviewing 06.10.2024;
accepted for publication 28.10.2024.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(9), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Палашевская И. В. Язык и ценности культуры : ультралиберальные трансформации / И. В. Палашевская // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 9. — С. 129—148. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-9-129-148.

Palashevskaya, I. V. (2024). Language and Cultural Values: Ultraliberal Transformations. *Nauchnyi dialog*, 13 (9): 129-148. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-9-129-148. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Язык и ценности культуры: ультралиберальные трансформации

Палашевская Ирина Владимировна

orcid.org/0000-0002-2719-8147

доктор филологических наук,
профессор,

кафедра иноязычной коммуникации
и лингводидактики
english@volsu.ru

Волгоградский государственный
университет
(Волгоград, Россия)

Language and Cultural Values: Ultraliberal Transformations

Irina V. Palashevskaya

orcid.org/0000-0002-2719-8147

Doctor of Philology, Professor,
Department of Foreign Language

Communication and
Language Education
english@volsu.ru

Volgograd State University
(Volgograd, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Исследование проведено в русле аксиологической лингвистики и направлено на изучение языка как инструмента ультралиберальных ценностно-трансформационных процессов, охвативших современный англоязычный мир. Анализируются текстовые фрагменты американских рекламных, социально-политических кампаний, судебных разбирательств, размещенные в сети Интернет. Предлагается систематизирующий взгляд на ключевые способы внедрения радикальных ценностных установок в семантическое поле культуры. Подчеркивается, что аксиологически креативные процессы сопровождаются манипулятивными изменениями формальной и содержательной сторон языка. В качестве базовых языковых инструментов трансформации ценностей культуры анализируются 1) эвфемизация, нацеленная на нормализацию и рутинизацию традиционно запретных социальных практик; 2) ресемантизация языкового знака посредством а) имплантации в ядро значения новых компонентов, отражающих ультралиберальные ценности, б) вытеснения сем, не согласующихся с радикальной идеологией. Автор приходит к выводу о том, что процесс исключения и запрет традиционных значений языкового знака носят агрессивный, оценочно-поляризованный характер, продуцируют набор вытесненных (нежелательных) тем и ультралиберальных терминов-оксюморонов.

Ключевые слова:

ультралиберальный язык; ценности культуры; аксиологические трансформации; имплантация значений; эвфемизация; подмена понятий.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The research is conducted within the field of axiological linguistics and is aimed at studying language as an instrument of ultra-liberal value transformation processes that engulf the modern English-speaking world. The materials employed are text fragments of American advertising, socio-political campaigns and court proceedings available on the Internet. It is highlighted that these processes which are axiologically creative are accompanied by manipulative changes in both the formal and content aspects of language. As basic linguistic tools of transformation of cultural values, the author analyses 1) euphemisation aimed at normalisation and routinisation of traditionally prohibited social practices; 2) resemantisation of a linguistic sign through a) implantation of new components reflecting ultra-liberal values into the core meaning, b) displacement of semes that do not agree with radical ideology. The author concludes that the process of exclusion and prohibition of traditional meanings of a linguistic sign has an aggressive, evaluative and polarising character, and produces a set of 'silenced taboo views' and ultraliberal oxymorons.

Key words:

ultra-liberal language; cultural values; axiological transformations; culture of death; semantic implantations; euphemism; substitution of concepts.

УДК 81'373.49+316.736

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-9-129-148

5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика
5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика

Язык и ценности культуры: ультралиберальные трансформации

© Палашевская И. В., 2024

1. Введение = Introduction

Под *ценностями* понимаются культурные смыслы и связываемые с ними модели поведения, обладающие положительной значимостью для человека и общества в целом, признаваемые в качестве социально одобренных и само собой разумеющихся [Шютц, 2003, с. 236—237]. Формой передачи и актуализации ценностей выступает язык (в широком понимании языка как семиотической системы). Через язык и культуру человек связан с другими людьми, с обществом, со своим народом, и эти взаимосвязи наполнены ценностным содержанием.

Важной особенностью ценностей культуры, образующих каркас самоопределения коллективной идентичности, является их относительная устойчивость во времени. Это наиболее трудноизменяемые компоненты ориентации поведения людей [Inglehart et al., 2000; Schwartz et al., 2000]. Благодаря своей стабильности, ценности служат руководящими началами, прогностическими факторами предпочтений и выбора будущих действий [Roccas, 2017, р. 8—13]. Поэтому внедрение чужеродных воззрений и убеждений, расшатывающих ядро культуры, воспринимается как несущее угрозу существованию коллективного «мы», попытка нанесения культурной травмы (cultural trauma), поражения системы смысложизненных ориентиров общества, базовых принципов его построения, сохранения и развития [Sztompka, 2000, р. 139].

Современные процессы глобальной ценностной экспансии, связанные с распространением ультралиберальной идеологии, носят агрессивный характер и направлены на дискредитацию самобытности национальных языков и культур, разрушение традиционных ценностных представлений, многие века составлявших основу общественной морали различных этносов. Сегодня ультралиберальный язык — объект научных и общественных рефлексий [Cashion, 2022; Dierker, 2018; Holzer, 2018; Skidelsky, 2024 и др.]. Наблюдается всплеск публичных высказываний, которые выстраи-

ваются вокруг понятий национальной субъектности, культурной самости, концепции многополярности мира, поскольку для многих народов глобализация — процесс глубокого самоотчуждения, означает утрату языковой идентичности, суверенности, политического и культурного влияния.

В контексте лингвистической и культурной глобализации особую значимость приобретают жанры «искусства дня», прикладные формы, представляющие возможность для концентрированного выражения аксиологических процессов современности, мгновенного восприятия социально значимых идей и отклика массовой аудитории. К таким жанрам относится художественный плакат социальной направленности. Эмоциональная, ценностно-смысловая и эстетическая составляющие, прагматический потенциал и принципиальная доступность, свойственные данному жанру, определяют его жизнестойкость и ту роль, которую отводит общество в целом этому виду искусства в формулировании и продвижении актуальных социальных представлений.

На наш взгляд, способы глобальной трансформации ценностей и особенности ультралиберального мировосприятия ярко отражены в плакатном искусстве белорусских художников и дизайнеров В. Я. Цеслера и С. В. Войченко. Арт-объекты данных авторов характеризуются лаконичными решениями, выстраиванием броских, быстро считываемых образов, концептуальной выразительностью визуальной формы. В своем творчестве В. Я. Цеслер и С. В. Войченко используют изобразительные уподобления и превращения привычных объектов, экспликацию смысловой мотивированности их именовании, ассоциативную рекомбинацию признаков и парадоксальное соединение несоединимого, генерируя эмоции и втягивая в игру смыслов адресата. В фокусе внимания мастеров арт-дизайна особенности современного мироощущения, семантические метаморфозы реальности, ведущие к «карнавализации ценностей» и торжеству анти-нормы, пластичные идентичности, разрывающие связи с социальными и культурными контекстами. Художественная интерпретация ценностно-трансформационных процессов, которыми сегодня пронизан западный мир, их эстетическое усиление позволяют по-новому взглянуть на происходящие радикальные изменения современных представлений о дозволенном в культуре и тех лингвистически релевантных способах, посредством которых эти изменения осуществляются.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Исследование исходит из фундаментального в лингвистической науке представления о языке как мирообразующей сущности [Orwell, 1946; Fairclough, 2014; Jowett et al., 2019] и направлено на изучение того, как

конструируются доминирующие идеологические значения и ценностные ориентации в обществе, как языковая и культурная память прошлого влияет на принятие или отторжение внедряемых убеждений и действий в настоящем. Данная цель достигается прежде всего посредством обращения к опыту исследования языка на лексико-семантическом уровне, наиболее открытом для идеологических включений и трансформаций [Kupelian, 2015; Mooney et al., 2015].

Лингвистическое моделирование аксиологических процессов, с обозначенных позиций, предполагает а) установление подвергаемых идеологической атаке семантических признаков ценностных феноменов, являющихся органичными элементами коллективных представлений о мире; б) рассмотрение особенностей предметно-тематической и логико-смысловой соотнесенности лексических кластеров, обслуживающих радикальные ценностные установки; в) выявление способов семасиологических преобразований в производстве идеологических смыслов.

Проведенное исследование опирается преимущественно на идеи и принципы семантического анализа языка [Тарланов, 2024, с. 50—70], сфокусированные на поиске систематизирующих начал в его смысловой организации, и включает интерпретативный, компонентный анализ слов с изменённой структурой значения, элементы описания лексико-семантических образований, отражающих перекройку содержательной и формальной сторон языка и, соответственно, существующих ценностных оснований социального мироустройства.

В статье используются текстовые фрагменты, содержащие языковые маркеры аксиологических трансформаций (материалы транснациональных рекламных кампаний, социально-политических движений, законодательных актов, протоколов слушаний конгресса США).

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Языковые процессы, объективирующие аксиологические преобразования на лексическом уровне, в большинстве своем, основаны на игровых приемах, создающих своего рода лингвистическую маскировку, затрудняющую обнаружение внедряемого смысла. Рассмотрим ряд способов имплантации инородных ценностей в семантическое поле культуры.

3.1. Ресемантизация языковой единицы

В случае ресемантизации языковой единицы внедрение ценности осуществляется посредством подмены сущностного содержания знака без потери узнаваемой предметной целостности формы («чужое притворяется своим»). Визуальным воплощением этого приема может служить плакат (рис. 1), изображающий заморский напиток в стеклянной таре с железной

Рис. 1. Coca-Cola, 3 литра.
Coca-Cola, 3 Litters. Art design

крышкой, выдаваемый зотечественный продукт (банка объемом три литра — клишированный символический образ культуры быта советской эпохи). Для справки: компания Coca-Cola запустила российские продажи своего напитка в июльской Москве в преддверии XXII Олимпийских игр (1980 год). На лексическом уровне рассматриваемый прием предполагает внедрение чужеродных семантических признаков в ядро значения языковой единицы (как правило, ключевого наименования ценностной доминанты культуры — *свобода (liberty)*, *справедливость (justice)*, *семья (family)*, *любовь (love)* и т. п.). Иностраный смысл «одевается» в узнаваемую языковую форму, притягательную для местного взгляда. В идеале, осуществляется полное вытеснение и замена содержательной стороны языкового знака, а также перенос сопутствующего значения, положительных коннотаций, с прежнего наполнения на внедренное. Словесная форма срабатывает как приманка для проглатывания нового смысла. Основной принцип успеха масштабной лингвистической кампании по трансформации ценностей — глобальность по своей ориентации и локальность, культурная релевантность по языковому оформлению.

Ультралиберальные сценарии разрушения традиционных укладов захватывают страны по обе стороны Атлантики. Как пишут авторы проекта по объединению усилий консервативного движения в США (Project-2025, Heritage Foundation), прогрессивные элиты Америки (“progressive elites”, “America’s corporate and political elites”, “the globalist elites”, “Washington elites”, “entrenched elites”, “Hollywood elites” и т. п.) высокопарно говорят об открытости (*openness*), прогрессе (*progress*), опыте (*expertise*), сотрудничестве (*cooperation*) и глобализации (*globalization*). Но слишком часто эти термины являются лишь риторическими троянскими конями, скрывающими их истинные намерения, предполагающие лишение народа власти над своей судьбой, над будущим своей страны [Roberts, 2023, p. 10].

Заметим, что прием содержательной подмены может работать инверсивно, в обратном направлении, в качестве протестной реакции на инокультурную экспансию и внедрение пакета инородных ценностей, работающих в пользу источника их происхождения. Так, например, в авторском дизайне принта (рис. 2) в качестве самозащиты от инокультурного вмешательства используются стилевые идентификаторы известного французского бренда — Chanel — для популяризации гоголевской драмы об обожествлении

вещи и обмелении человеческой души. Форма в данном случае нагружается собственными культурными предпочтениями, умаляющими прежнее содержание, и используется для явления миру ценного назидания мастера русского литературного слова. Такого рода примеры свидетельствуют о возрастании роли солидарностей, усиливающих значимость монолитных обществ с многовековыми языковыми и культурными традициями при формировании глубинной идентичности людей.

3.2. Семантические разрывы и приращения

Способ «привязка нового к уже социально одобренному» предполагает объединение разнородных сущностей в узнаваемой форме (рис. 3). Вместо того чтобы создавать слова, ультралиберальный язык использует существующие, придавая им новые значения в дополнение к уже имеющимся. Конфликты между несовместимыми семантическими компонентами одного и того же слова постепенно стираются, и возможность возникновения контекстуальных двусмысленностей со временем исчезает. Это происходит посредством манипулятивной нормализации одного явления за счет надления его признаками другого, уже обладающего ценностной значимостью и поддерживаемого культурными и правовыми практиками общественного признания.

Собирание и интеграция новых смыслов могут сопровождаться подбором наиболее эстетичной формы, повышающей статус и социальную привлекательность обозначаемого. Так, однополые браки (*same-sex marriages*) относительно редки и поэтому нуждаются в инклюзивной терминологии, позволяющей им встроиться в систему существующих ценностей общества. Отсюда стремление исключить слова *husband* (муж) и *wife* (жена) из федеральных законов США и заменить их на «гендерно-нейтральные» (*gender neutral*), не умаляющие социального положения, «неоскорбительные» (*non-offensive*) термины, такие как *married couple* (супружеская пара), *spouses* (супруги), *married individuals* (индивидуумы, находящиеся в браке). Значение слова *marriage*, соответственно, подвергается изменению: *marriage* — [a civil contract by which one man and one woman take each other for husband and wife] > *a civil contract between two individuals* [PA HB 2269, s. 1].

Рис. 2. Шинель.
Chinel. Art design studio Tsesler

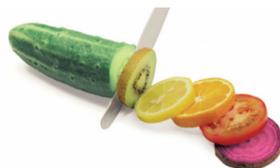

Рис. 3. Продовольственный рынок в г. Минске.
Minsk Foods Wholesale Market.
Art design studio Tsesler & Voichenko

Подобные семантические метаморфозы происходят на основе номинальных дефиниций (от лат. *nomen* ‘имя’), которые фокусируются на прагматической стороне знака, социальном контексте его использования и представляют собой соглашения о способах употребления слов говорящими. Слово, с данных позиций, используется как условный символ и не совпадает с объектом действительности. Так, если мы воспользуемся номинальным определением, то сможем применить слово *брак* ко всем союзам, какие пожелаем, а слово *женщина* ко всем, кто ощущает себя таковой. Наименование в таких случаях не имеет прямой детерминации, связанной с физическими свойствами обозначаемого. Тем самым стираются представления о естественном и неестественном, ранее свойственные культуре. Ярким примером таких перемен может служить расширяющееся поле гендерных идентификаций, форм самоопределения и социального самовыражения. Данные практики охватывают попеременное чередование гендерных ролей, их симбиоз (*bigender; trigender; pangender*), нейтрализацию (*gender-neutral body, neuter; neutrois*), отказ от гендерного самоопределения (*genderless, agender, non-gendered*), виртуализацию и экспериментирование с различными цифровыми идентичностями (*gender-bending/cyborg consciousness*), гендерную деструкцию, умножение гендеров и преодоление половых ограничений посредством передовых биотехнологий, кардинально меняющие мировоззрение и жизненный уклад общества (*gender-fluid world, post-gender world, world of hybrid organisms*); см. подробно: [Haraway, 2016, p. 149—181].

Отсутствие стойкой идентичности (*gender migration patterns*) согласуется с идеей позитивной свободы и многообразия, образа жизни поверх национальных, культурных, религиозных границ и барьеров. Популярность этой мировоззренческой доминанты отражается во все множущихся в английском языке словах и сочетаниях с морфемой *trans*: *trans world-making, trans-rights, trans-resistance, trans sensuous politics, trans-subjectivity, trans-identity, trans-identified, trans people, trans-community, trans-nationalism, trans-normativity* и т. д. [OED].

С точки зрения ультралиберальной идеологии, полихромность и подвижность гендера (*transgender, non-binary, intersex, bigender, trigender, pangender, genderfluid*) расширяет возможности индивидуализации личности, ее самоконструирования (*self-fashioning*), самовыражения и опыта, освобождающих от сковывающих «предрассудков» традиционной культуры (*self-expressing, self-indulgence*). При этом гендерная составляющая может быть неконформной (*born in the wrong body, gender non-conforming*), открытой для различных трансформаций и переходов (*social transition, legal transition, medical transition*), включающих в том числе генетическую кор-

рекцию, гормональную терапию, хирургическое вмешательство (*gender affirming care*), уменьшающих гендерную дисфорию, или гендерное несоответствие полу (*gender incongruence*) [APAD]. Тело человека, с данных позиций, рассматривается как платформа для преобразований, радикального дизайна, опыта нарушения биоэтических запретов, а также как объект коммерческого и потребительского интереса.

Подобные практики, разрушающие жизнеспособность любого народа, стали физическим воплощением «новой этики», «вокизма», символом общества неограниченных возможностей индивидуализированных личностей. Следует заметить, что труды ученых [Freeman, 1983; Reisman, 2003], вскрывших фальсификацию данных, антинаучность и патологическую жестокость, лежащие в основе сексуализации американской культуры, ювенального гендерного и полового просвещения, табуируются и активно изымаются из академического дискурса США [Маррен, 2024, с. 35—38].

3.3. Семантические исключения и аксиологическая поляризация

«Культурные нормы и ценности конституируются не только тем, что они утверждают и почитают, но также тем, что они исключают, отрицают, презируют и высмеивают» [Аппиа, 2024, с. 163]. Отсюда параллельно с разрывами семантической структуры слов возникают разрывы коммуникации, «стоп-сигналы», выражающие нежелательность («нерукопожатность») определенных тем, значений и действий. Обратная сторона языковой и идеологической консолидации и солидарности — исключение. Вытеснение и запрет тех или иных компонентов значений слов и соответствующих социальных практик дополняется техниками двустороннего ценностного ориентирования (*two-valued orientation*), призывающими рассматривать противостояние ультралиберальных и традиционных взглядов в рамках антиномии абсолютного блага и абсолютного зла, исключающей диапазон промежуточных значений [Найакawa, 1947, p. 138]. Самая большая проблема современной либеральной риторики, по мнению Р. Скидельски, заключается в ее тенденции строить международные отношения в моральных терминах, разделяющих мир на «хорошие» и «плохие» страны (“*good*” and “*bad*” countries). «Хотя эта дихотомия может повысить моральный дух, она препятствует усилиям по достижению глобального мира ... “справедливые войны” убивают миллионы людей» [Skidelsky, 2024].

На лексическом уровне данная антиномия выражена в ультралиберальных терминах-оксюморонах (*liberal intolerance, positive discrimination, humanitarian war, humanitarian intervention, civilized racism, soft power, peaceful aggression, coercion to peace* и др.), соединяющих полярные смыслы и представляющих собой феномен «обращенной тоталитарности» [Щипков, 2018], провозглашающей свободу в негативной форме (рис. 4). «С помо-

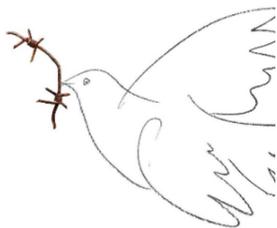

Рис. 4. Война и Мир.
War and Piece. Art design studio
Tsesler & Voichenko

стью данных единиц дискурс свободы огрубляется и присваивается, становясь главным оружием тирании» [Там же].

Как инструмент манипулятивной политической силы, лингвистически «пробуждающей» ценностно антагонистические сообщества и социальные движения, вокизм настойчиво адаптируется к странам, оказавшимся в поле экономических и политических интересов США. Представители консервативных взглядов и общественно-политических движений в Америке (Concerned Women for America, the Independent Women's Forum, the Eagle Forum, the Susan B. Anthony Foundation, Moms

for Liberty, AAPLOG (the American Association of Pro-Life Obstetricians and Gynecologists), Alliance Defending Freedom, First Liberty and Turning Point USA и др.) относят воук-термины к так называемым, в терминологии С. Хаякавы, «рычащим словам» (*snarl words*) [Hayakawa, 1947, p. 58]. Обширное поле конфликтогенных воук-лексем и выражений с уничтожительной нагрузкой и негативным эмоциональным зарядом включает следующие единицы: *woke progressivism*, *woke culture warriors*, *woke extremism*, *woke propaganda*, *woke agenda*, *wokeisms*, *woke revolutionaries*, *woke policies in corporate America*, *woke gender ideology*, *woke education cartel* и др.

3.4. Эвфемистический камуфляж и нормализация запретного в культуре

Данный способ внедрения ценностей предполагает нейтрализацию или инверсию оценочных коннотаций языковой единицы посредством подбора маскирующих терминов. Эвфемизм, в его традиционном понимании, меняет не содержание, а форму, словесную оболочку знака, используемую для вуалирования негативных признаков обозначаемого, способствуя его нейтрализации или амелиорации (рис. 5). Эти не артикулируемые в процессе общения признаки выступают в качестве само собой разумеющихся,

молчаливого знания, которое подразумевается и без труда воссоздается говорящими. Однако в качестве манипулятивного инструмента эвфемизм выполняет кодовую (парольную) функцию для узкого круга посвященных, навязывая остальным определенное отношение к ряду аспектов действительности. Молчаливое знание в таких случаях становится не-

очевидным для большинства, особенно для подрастающего поколения, и используется не его в интересах; см. также (рис. 6).

В одних случаях манипулятивная языковая маскировка направлена на релятивизацию моральных норм, формирование терпимого отношения к девиантному поведению, его дестигматизацию, в других случаях — на карнавализацию той или иной ценности, радикальное изменение отношения к социально неприемлемому, популяризацию, легализацию и рутинизацию запретного в культуре. Обе задачи являются стадиями одного процесса трансформации аксиологических оснований общества.

В качестве примеров нейтрализации знака может служить использование лексемы *substance* ‘вещество’ вместо *drug* ‘наркотик’ (*use of substances* ‘употребление веществ’) [RRIA]. Подобные обобщающие термины, распространяющиеся в англоязычной культуре, прикрывают и вытесняют главную описательную характеристику «болезни отчаяния» — *зависимость*, то есть болезненное пристрастие, чувство насильственной тяги, озабоченность употреблением, высокую приоритетность приема наркотика (*drug-taking behaviors*) перед иными формами поведения, которые когда-то имели большую ценность в жизни человека. Зависимость (*dependency*, или *addiction*) именуется как нарушение порядка в приеме веществ (*substance use disorder*), их активное потребление (*active use, person in active use*) [RRIA].

Распространение англоязычных терминов, маскирующих пагубную природу наркотиков, связано с продвижением на американский фармацевтический рынок опиоидных анальгетиков, вызывающих фатальную зависимость, но позиционируемых как безопасные. Инвестиционная привлекательность и агрессивный лингвистический маркетинг препаратов для купирования боли, направленный на благо американских фармацевтических компаний (Teva Pharmaceutical Industries, Johnson & Johnson, Endo Pharmaceuticals, Allergan, Purdue Pharma и др.), привели к эпидемии национального масштаба, унесшей сотни тысяч жизней американцев. Ключевую роль в истории «опиоидной чумы» первых десятилетий XXI века сыграл лидер в мировом рейтинге консалтинга McKinsey, разработав крупнейшую в истории фармацевтики кампанию по продвижению препаратов, производимых Purdue Pharma. Сегодня услуги McKinsey для опиоидной фарминдустрии характеризуют как «банальность зла» (термин Ханны Арендт, 1963) [Prentice, 2021], маркетологи опиоидной кампании позиционируются «ужасающе нормальными людьми», с рациональным усердием множившими «пилюльные мельницы» и «кабинетных убийц», превращая боль и зависимость пациентов в возможность извлечения прибыли и получения щедрых гонораров за свои консультации [Prentice, 2021; Keefe, 2021; Kupelian, 2015].

Деятельность McKinsey по продвижению продукции Purdue Pharma включала запуск лингвистически сильного бренда, разработку стратегий взаимодействия со специалистами, влияющими на решение пациентов о приобретении опиоида. В судебных разбирательствах перечень оправданий и извинительных обстоятельств врачебного участия в смертоносной кампании создавал образ медицинских специалистов как действовавших из добрых намерений и введенных в заблуждение [The role of Purdue Pharma ..., 2020, p. 21]. Официальная позиция компании *Purdue Pharma* относительно наркотической нагрузки производимых ею препаратов (*OxyContin* и др.) строилась на перекладывании вины и ответственности за последствия их употребления на пациентов. Проблема, по словам руководства компании, не в наркотике, а в тех, кто им злоупотребляет: «We have to hammer on the opioid abusers in every way possible. They are the culprits and the problem. They are reckless criminals» [The role of Purdue Pharma ..., 2020, p. 26] (Компания *Purdue* должна «всеми возможными способами обрушиться на опиоидных злоупотребителей. Они — виновники и проблема. Они — безрассудные преступники»). П. Р. Киф назвал индивидуальную ответственность потребителя отличительным принципом американской экономики, фактически освобождающим производителя от юридической ответственности за выпуск опасного продукта и любые разрушительные последствия, связанные с его употреблением: «It is a peculiar hallmark of the American economy that you can produce a dangerous product and effectively off-load any legal liability for whatever destruction that product may cause by pointing to the individual responsibility of the consumer» [Keefe, 2021, p. 308].

Инверсия ролей жертвы и преступника (*Abusers aren't victims. They are the victimizers*) в опиоидной кампании надежно согласуется со стратегиями облагораживания действий ее разработчиков и реализаторов. В рекламных сообщениях анальгетик *OxyContin* образно описывался как возможность обретения «свободы» (*freedom*) и «душевного спокойствия» (*peace of mind*), «наилучший шанс жить полноценной и активной жизнью» (*the best possible chance to live a full and active life*). Слоган рекламы, выпущенной Purdue Pharma в 2016 году: *We sell hope in a bottle — Мы продаем надежду в каждой флаконе* [Satterfield, 2018]. Заявления специалистов, размещенные на веб-сайтах PainKnowledge.com, PainAction.com, PrescribeResponsibly.com, убеждали общественность в безопасности названного рецептурного опиоида, возможности индивидуализации дозировки и ее увеличения по мере привыкания организма к действию препарата. Изобретенный термин *pseudo-addiction* ('псевдо-зависимость') толковался как состояние, похожее на синдром отмены, но вызванное неснятой болью и прекращающееся путем ее купирования за счет увеличения дозы препарата: «Pseudo-addiction

seems similar to addiction, but is due to unrelieved pain...Pseudo-addiction generally stops once the pain is relieved, often through an increase in opioid dose» [Keefe, 2021, p. 312]. Лингвистический маркетинг был направлен на установление ассоциативной связи между «псевдо-состоянием» и его лечением в сознании пациента, то есть приобретением опиоида.

Эвфемистический язык пробуждает защитные механизмы эмоционального отстранения и ослабления социальной ответственности личности за свои действия [Bandura, 2002]. Проект *Turbocharge*, разработанный McKinsey с целью преодоления опиоидного кризиса (*opioid crisis*) и проблем, связанных с доступом к рынку (*market access challenges*), означающих гибель около полумиллиона человек, предусматривал денежную выплату дистрибьюторам опиоидов за каждый «случай» передозировки или смерти, связанный с реализованными ими таблетками. Жертвы бескровной бойни (*persons seriously ill or dead from OxyContin*) обозначались безликим термином *event* («случай») [Prentice, 2021].

Непрямые наименования позволяют не только отвлекать внимание от вредоносности совершаемых действий, но и создавать иллюзию их благородности. Однако под таким термином, как *end-to-end pain service* («непрерывность обслуживания пациента, испытывающего боль»), подразумевается не врачебная помощь, а культивирование и удовлетворение непрерывного спроса на препарат, то есть неустанное втягивание все большего количества людей в спираль усиливающейся зависимости и привыкания (рис. 6).

Эвфемистический язык, способы публичного сохранения лица, церемониальный характер коллективного возмущения и порицания действий представителей компаний Purdue Pharma и McKinsey в заседаниях Конгресса США свидетельствуют о распространении лингвистической культуры конструирования прибыльных деструктивных событий, социальных «жизнетрясений».

3.5. Прямая vs. непрягая номинация

Как отмечает Дж. ван Марен, «распространяющаяся культура смерти создала общество, фундаментальные ценности которого основаны на самоубийстве» [Марен, 2024, с. 252]. С одной стороны, эта культура вбирает в себя производство и потребление веществ, угрожающих здоровью и благополучию людей, с другой стороны — такие практики, как аборт, эвтаназия и ассистированное самоубийство. Каждая из этих практик сформировала свой язык, отрицающий ее сущность.

Рис. 6. Lie.
Art design studio Tsesler
& Voichenko

Так, например *контроль* рождаемости означает ее *ограничение* (*birth control*), широкий спектр методов и средств контрацепции, а также мораторий на рождение детей определенных слоев населения разных стран, являющихся целевыми для транснациональных поставщиков «услуг по планированию семьи». Такие выражения, как *reproductive freedom* — репродуктивная свобода, *personal decision* — личное решение (*Who will decide you or the State?; There are no good or bad abortions, just abortions that people decide to have* [A.L.L.]), *freedom of choice* — свобода выбора и т. п., уводят в сторону от того, что, в случае аборта (*abortions up to the moment of birth* ‘prenatal killing’, *post-birth abortions* ‘infanticide’), является предметом *выбора* или проявлением *свободы* как фундаментальных ценностных принципов американской демократии.

Как подчеркивают Г. С. Джоуэт и В. О’Доннел, чтобы изменить ценности общества, убеждающий должен опираться на уже существующие, используемые им в качестве якоря (*anchor*). Чем сильнее убеждение целевой аудитории, тем больше вероятности того, что оно повлияет на формирование нового [Jowett, 2019, p. 39].

Вместе с тем частое использование эвфемизмов и ключевых ценностных репрезентант культуры способствует выветриванию их облагораживающих и консолидирующих свойств, что требует постоянного обновления ультралиберальной риторики. Данные единицы выполняют свои функции до тех пор, пока производят правдоподобную модель реальности. Исчерпав свои возможности, они превращаются в мертвые штампы и могут употребляться с иронией, разоблачающей скрываемый ими смысл. С другой стороны, необходимость в лингвистическом камуфляже отпадает, если маскируемые им явления и практики больше не вызывают отторжения. Поэтому на смену одним терминам приходят другие.

Так, концепция смерти с достоинством (*Dignity in Dying*) предполагает отказ от терминов *euthanasia* (эвтаназия), *physician-assisted suicide* (PAS) или *assisted suicide* (самоубийство при врачебном содействии) и их замещение такими единицами, как *physician-assisted dying/death* (PAD) и *medical aid in dying* (MAiD) (врачебная помощь в уходе из жизни). Новые термины, означая прежние практики, акцентируют необходимость контроля процедуры, гарантирующего ожидаемый результат ее осуществления, и обозначают, в частности, приготовление летальных веществ для их самостоятельного приема пациентом под наблюдением медицинского специалиста (*an assisting health professional may prepare that medicine for self-administration by that person* [AD Bill 7 [HL], 2024, s. 4, sub-s. 4(a)]), а также в случае необходимости помощь в их «самостоятельном» принятии больным (*an assisting health professional may assist that person to ingest or otherwise self-admin-*

ister the medicine [AD Bill 7 [HL], 2024, s. 4, sub-s. 4(c)). Представляется, что выбор новых формулировок обусловлен, с одной стороны, исторически устоявшимися отрицательными коннотациями слов, обозначающих *самоубийство* (*self-caused death, self-destruction, self-homicide, self-murder, self-slaughter, suicide*) в культуре, с другой стороны — имеющими место негативными представлениями о врачах, практикующих эвтаназию, как «поставщиках смерти» (*doctors Death, merchants of death, angels of death, new Frankensteins* [Hall, 1994, p. 3—13]), а не борцах за жизнь своих пациентов. Ценностью-якорем для продвижения данных практик, получающих все большую поддержку со стороны англоязычного медицинского и законодательного сообщества, служит *human dignity* — достоинство человека. Однако, как заметил, У. Дж. Смит, исследователь в области биоинженерии, человеческое достоинство пациента, к которому применяется эвтаназия, легко умалить до биологического материала, используемого «на благо общества» («... once a person is deemed to be a member of a killable caste, c-a-s-t-e, it becomes easier to reduce his worth to that of a mere natural resource that can be exploited for the benefit of society» [Smith, 2015]).

Следует заметить, что открытое использование прямых именованных (*dying, death*) прежде табуированной темы свидетельствует о снижении моральной чувствительности общества и способствует принятию ухода из жизни как обыденной и распространенной услуги (*end of life service*) по врачебному назначению (*death by appointment*).

4. Заключение = Conclusions

Культура — набор значений, форм и соглашений, посредством которых она создается и изменяется [Jowett et al., 2019; Bandura, 2002; Fairclough, 2014]. Ультралиберальные лингвистические преобразования, которые сегодня наблюдаются, включают искусственные разрывы исторически сложившихся взаимосвязей формальной и содержательной сторон языка, намеренное стирание культурной мотивированности языковых знаков, лежащей в основе их естественного образования при обозначении действительности.

Подмена понятий и эвфемизация — зеркально взаимосвязанные и стремящиеся навстречу друг другу ключевые языковые процессы ультралиберальной трансформации ценностей. Сама возможность множественных значений, полисемии слов открывает перспективу для новых включений в интерпретацию языкового символа в выгодном направлении, что влечет к сдвигу словесных полей, покрывающих понятийные. В то же время за изменением формальной стороны языка, словесной оболочки следует перекройка понятийной сферы, то есть создаваемой или воссоздаваемой языком реальности. Изучение этих взаимообусловленных процессов

чрезвычайно важно для понимания того, как трансформируется общество, как происходит принудительная перекройка и имплантация приоритетов, предпочтений, желаний людей.

Было бы наивным утверждать, что трансформации ценностей носят исключительно насильственный и манипулятивный характер. Любая идеология стремится прежде всего к добровольному изменению общества. В распространяющейся антикультуре требуется добровольное согласие тех, кого убеждают. Как утверждают авторы книги «Пропаганда и убеждение», в случае осознания намерений убеждающего и возникновения ауры добровольного общественного согласия возникает обоюдная взаимность, при которой уже существующие предвзятые и корыстные установки в обществе объявляются и удовлетворяются, а потребности пропагандиста — достижение эгоистичной цели благодаря согласию аудитории — удовлетворяются, но не вербализуются [Jowett et al., 2019, p. 60]. Эвфемия и подмена понятий — в случае такой взаимности — служат в качестве благовидной маски для «сохранения лица» заинтересованных сторон взаимодействия. Неприемлемое превращается в ценное, «облачаясь» в маскарадный костюм просвещенности (enlighteness), справедливости (fairness), милосердия (mercy), «толерантности» (tolerance), «свободы» (freedom) и «разнообразия» (diversity) и т. п.

Власть ультралиберального языка навязывается социально и культурно путем многократного воспроизведения слов, речевых актов и действий в повторяющихся ситуативных контекстах. Ниспровержение данного феномена начинается с отстранения, его превращения в бумажный объект научных исследований [Щипков, 2018], а также освобождения публичного пространства, прежде всего образовательного, от отравляющего умы подрастающего поколения яда разрушительных концепций и терминов.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Арт-дизайн-студия* В. Цеслер и С. Войченко — фотогалерея работ [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://hvali.by/> (дата обращения 21.08.2024).
2. *Щипков А. В.* Либерлингва или чужая речь [Электронный ресурс] / А. В. Щипков // Парламентская газета. — 2018. — Выпуск 14. — Режим доступа : <https://news.rambler.ru/> (дата обращения 21.08.2024).
3. A. L. L. — *American Life League* BBS. Pro-Abortion slogans and how to handle them / A. L. L. // *Eternal Word Television Network; Inc.* Irondale, Alabama [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.ewtn.com/catholicism/library/> (accessed 17.08.2024).
4. AD Bill 7 [HL] — *Assisted Dying for Terminally Ill Adults* Bill [HL] [Electronic resource]. — Access mode : <https://bills.parliament.uk/publications/55997/documents/4978> (accessed 17.08.2024).

5. APAD — *American Psychological Association Dictionary of Psychology* [Electronic resource]. — Access mode : <https://dictionary.apa.org/> (accessed 17.08.2024).

6. *Cashion L.* Word Wars — How Academic Activists Manipulate Language to Win Political Battles [Electronic resource] / L. Cashion // *Revolution of man* : blog. — March 3, 2022. — Access mode : <http://revolutionofman.org/> (accessed 15.07.2024).

7. *Dierker B. R.* How the Left's War on Words Manipulate Your Mind [Electronic resource] / B. R. Dierker // *The Federalist Community Media*. — May 1, 2018. — Access mode : <http://thefederalist.com/> (accessed 15.08.2024).

8. *Hall A.* Jack Kevorkian. Doctor Death / A. Hall // *Inside stories*. — Leicester : Blitz Editions, 1994. — Pp. 3—13. — ISBN 1-85605-206-0.

9. *Holzer Sh.* How liberals abuse language / Sh. Holzer // *The Imaginative Conservative* : online journal. Categories: Culture, Language. — 2018. — March 5th. — Access mode : <https://theimaginativeconservative.org/> (accessed 01.08.2024).

10. OED — *Oxford English Dictionary* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.oed.com/> (accessed 15.08.2024).

11. PA HB 2269 — *Pennsylvania Assembly House Bill 2269* [Electronic resource] // *The General Assembly of Pennsylvania. Regular Session of 2024*. — Access mode : <https://legis.state.pa.us/> (accessed 23.08.2024).

12. *Prentice R.* The Banality of Evil, MBA Edition [Electronic resource] / R. Prentice // *Ethics Unwrapped* : a free educational program blog. McCombs School of Business. — March 22nd, 2021. — Access mode : <https://ethicsunwrapped.utexas.edu/> (accessed 15.08.2024).

13. *Roberts K. D.* A promise to America / K. D. Roberts // *Mandate for Leadership. The Conservative Promise. Project 2025*. — Washington : The Heritage Foundation, 2023. — 887 p. — ISBN 978-089195-174-2.

14. RRIA — *Recovery Research Institute Addiction-ary* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.recoveryanswers.org/> (accessed 15.08.2024).

15. *Satterfield J.* Purdue Pharma pushed opioids as 'hope in a bottle', records show [Electronic resource] / J. Satterfield // *Knox News*. — July 6, 2018. — Access mode : <https://www.knoxnews.com> (accessed 15.08.2024).

16. *Skidelsky R.* The Language of Political Control / R. Skidelsky // *Project Syndicate. The World's Opinion Page*. — Apr. 19, 2024. — Access mode : <https://www.project-syndicate.org/commentary/> (accessed 20.08.2024).

17. *Smith W. J.* Human Exceptionalism. Euthanasia and Assisted Suicide / W. J. Smith // *Ancient Faith Ministries* : podcast. — 2015. — Sept. 11. — Access mode : <https://www.ancientfaith.com/podcasts/> (accessed 20.08.2024).

18. *The role of Purdue Pharma* and the Sackler family in the opioid epidemic. Hearing before the Committee on Oversight and Reform. H. R. — 116th Congress, 2nd session, Dec. 17, 2020. — Serial № 116—130. — Washington : U.S. Gov. Publ. Office, 43-010, 2021. — 60 p.

Литература

1. *Аппиа К. Э.* Этика идентичности / К. Э. Аппиа. — Москва : Новое литературное обозрение, 2024. — 504 с. — ISBN 978-5-4448-2219-7.

3. *Марен Дж. ван.* Война культур : как сексуальная революция изменила западную цивилизацию [16+] / Дж. Ван Марен. — Москва : Эксмо, 2024. — 360 с. — ISBN 978-5-04-169186-8.

3. *Тарланов З. К.* Методы лингвистического анализа / З. К. Тарланов. — Москва : Урайт, 2024. — 236 с. — ISBN 978-5-534-07101-6.

4. Шютц А. Смысловая структура повседневного мира : Очерки по феноменолог. социологии / А. Шютц. — Москва : Ин-т Фонда «Обществ. мнение», 2003. — 334 с. — ISBN 5-93947-012-2.
5. *Arendt H.* Eichmann in Jerusalem. A Report on the Banality of Evil / H. Arendt. — New York : The Viking Press, 1963. — 275 p.
6. *Bandura A.* Selective moral disengagement in the exercise of moral agency / A. Bandura // *Journal of Moral Education*. — 2002. — Vol. 31 (2). — Pp. 101—119.
7. *Fairclough N.* Language and Power / N. Fairclough. — London : Routledge, 2014. — 274 p. — ISBN 9781138790971.
8. *Freeman D.* Margaret Mead and Samoa : The making and unmaking of an anthropological myth / D. Freeman. — London : Harvard University Press, 1983. — 414 p. — ISBN 0-674-54830-2.
9. *Haraway D. J.* Simians, Cyborgs and Women : The Reinvention of Nature / D. J. Haraway. — New York : Routledge, 1991. — 312 p. — ISBN 9780415903875.
10. *Hayakawa S.* Language in action. A guide to accurate thinking, reading and writings / S. Hayakawa. — New York : Harcourt, Brace and Company, 1947. — 243 p.
11. *Inglehart R.* Modernization, Cultural Change and the Persistence of Traditional Values / R. Inglehart, W. Baker // *American Sociological Review*. — 2000. — Vol. 65 (1). — Pp. 19—51.
12. *Jowett G.* Propaganda & Persuasion / G. Jowett., V. O'Donnell. — Los Angeles : SAGE, 2019. — 416 p. — ISBN 978-1-5063-7134-4.
13. *Keefe P. R.* Empire of Pain : The Secret History of the Sackler Dynasty / P. R. Keefe. — New York : Doubleday, 2021. — 779 p. — ISBN 9780385547741.
14. *Kupelian D.* The Marketing of Evil : How Radicals, Elitists, and Pseudo-Experts Sell Us Corruption Disguised as Freedom / D. Kupelian. — Washington, D. C. : WND Books, 2015. — 341 p. — ISBN 1942475217.
15. *Mooney A.* Language, Society and Power / A. Mooney, B. Evans. — London : Routledge, 2015. — 262 p. — ISBN 9780415740005.
16. *Orwell G.* Politics and the English language / G. Orwell // *Horizon*. — April 1946. — Volume 13. — Iss. 76. — Pp. 252—265.
17. *Reisman J. A.* Kinsey : Crimes and Consequences : The Red Queen and the Grand Scheme / J. A. Reisman. — Kentucky : The Institute for Media Education, 2003. — 342 p. — ISBN 9780966662405.
18. *Roccas S.* Values and Behavior : Taking a Cross Cultural Perspective / S. Roccas, L. Sagiv. — New York : Springer International Publishing A&G, 2017. — 255 p. — ISBN 9783319563503.
19. *Schwartz S. H.* Value adaptation to the imposition and collapse of Communist regimes in Eastern Europe / S. H. Schwartz, A. Bardi, G. Bianchi // *Political psychology : cultural and cross-cultural perspectives*. — London : Macmillan, 2000. — Pp. 217—237.
20. *Sztompka P.* Cultural Trauma : The Other Face of Social Change / P. Sztompka // *European Journal of Social Theory*. — 2000. — Vol. 3 (4). — Pp. 449—466.

*Статья поступила в редакцию 24.08.2024,
одобрена после рецензирования 29.10.2024,
подготовлена к публикации 12.11.2024.*

Material resources

A. L. L. — American Life League BBS. Pro-Abortion slogans and how to handle them. *Eternal Word Television Network; Inc. Irondale, Alabama*. Available at: <https://www.ewtn.com/catholicism/library/> (accessed 17.08.2024).

- AD Bill 7 [HL] — *Assisted Dying for Terminally Ill Adults Bill [HL]*. Available at: <https://bills.parliament.uk/publications/55997/documents/4978> (accessed 17.08.2024).
- APAD — *American Psychological Association Dictionary of Psychology*. Available at: <https://dictionary.apa.org/> (accessed 17.08.2024).
- Art design studio V. Tesler and S. Voychenko — photo gallery of works*. Available at: <https://hvali.by/> (accessed 21.08.2024). (In Russ.).
- Cashion, L. (2022). Word Wars — How Academic Activists Manipulate Language to Win Political Battles. *Revolution of man: blog, March 3*. Available at: <http://revolution-ofman.org/> (accessed 15.07.2024).
- Dierker, B. R. (2018). How the Left's War on Words Manipulate Your Mind. *The Federalist Community Media, May 1*. Available at: <http://thefederalist.com/> (accessed 15.08.2024).
- Hall, A. (1994). Jack Kevoorkian. Doctor Death. In: *Inside stories*. Leicester: Blitz Editions. 3—13. ISBN 1-85605-206-0.
- Holzer, Sh. (2018). How liberals abuse language. *The Imaginative Conservative: online journal. Categories: Culture, Language, March 5th*. Available at: <https://theimaginative-conservative.org/> (accessed 01.08.2024).
- OED — *Oxford English Dictionary*. Available at: <https://www.oed.com/> (accessed 15.08.2024).
- PA HB 2269 — Pennsylvania Assembly House Bill 2269. *The General Assembly of Pennsylvania. Regular Session of 2024*. Available at: <https://legis.state.pa.us/> (accessed 23.08.2024).
- Prentice, R. (2021). The Banality of Evil, MBA Edition. *Ethics Unwrapped: a free educational program blog, McCombs School of Business, March 22nd*. Available at: <https://ethicsunwrapped.utexas.edu/> (accessed 15.08.2024).
- Roberts, K. D. (2023). A promise to America. In: *Mandate for Leadership. The Conservative Promise. Project 2025*. Washington: The Heritage Foundation. 887 p. ISBN 978-089195-174-2.
- RRIA — *Recovery Research Institute Addiction-ary*. Available at: <https://www.recoveryanswers.org/> (accessed 15.08.2024).
- Satterfield, J. (2018). Purdue Pharma pushed opioids as 'hope in a bottle', records show. *Knox News, July 6*. Available at: <https://www.knoxnews.com> (accessed 15.08.2024).
- Shchipkov, A. V. (2018). Liber lingua or someone else's speech. *Parliamentary Newspaper, 14*. Available at: <https://news.rambler.ru/> (accessed 21.08.2024). (In Russ.).
- Skidelsky, R. (2024). The Language of Political Control. Project Syndicate. *The World's Opinion Page, Apr. 19*. Available at: <https://www.project-syndicate.org/commentary/> (accessed 20.08.2024).
- Smith, W. J. (2015). Human Exceptionalism. Euthanasia and Assisted Suicide. *Ancient Faith Ministries: podcast, Sept. 11*. Available at: <https://www.ancientfaith.com/podcasts/> (accessed 20.08.2024).
- The role of Purdue Pharma and the Sackler family in the opioid epidemic. Hearing before the Committee on Oversight and Reform. H. R. 116th Congress, 2nd session, Dec. 17, 2020. Serial № 116—130*. (2021). Washington: U.S. Gov. Publ. Office, 43-010. 60 p.

References

- Appiah, K. A. (2024). *The ethics of identity*. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie. 504 p. ISBN 978-5-4448-2219-7. (In Russ.).

- Arendt, H. (1963). *Eichmann in Jerusalem. A Report on the Banality of Evil*. New York: The Viking Press. 275 p.
- Bandura, A. (2002). Selective moral disengagement in the exercise of moral agency. *Journal of Moral Education, 31* (2): 101—119.
- Fairclough, N. (2014). *Language and Power*. London: Routledge. 274 p. ISBN 9781138790971.
- Freeman, D. (1983). *Margaret Mead and Samoa: The making and unmaking of an anthropological myth*. London: Harvard University Press. 414 p. ISBN 0-674-54830-2.
- Haraway, D. J. (1991). *Simians, Cyborgs and Women: The Reinvention of Nature*. New York: Routledge. 312 p. ISBN 9780415903875.
- Hayakawa, S. (1947). *Language in action. A guide to accurate thinking, reading and writings*. New York: Harcourt, Brace and Company. 243 p.
- Inglehart, R., Baker, W. (2000). Modernization, Cultural Change and the Persistence of Traditional Values. *American Sociological Review, 65* (1): 19—51.
- Jowett, G., O'Donnell, V. (2019). *Propaganda & Persuasion*. Los Angeles: SAGE. 416 p. ISBN 978-1-5063-7134-4.
- Keefe, P. R. (2021). *Empire of Pain: The Secret History of the Sackler Dynasty*. New York: Doubleday. 779 p. ISBN 9780385547741.
- Kupelian, D. (2015). *The Marketing of Evil: How Radicals, Elitists, and Pseudo-Experts Sell Us Corruption Disguised as Freedom*. Washington, D. C.: WND Books. 341 p. ISBN 1942475217.
- Maren, J. van. (2024). *The War of Cultures: How the Sexual Revolution changed Western Civilization [16+]*. Moscow: Eksmo. 360 p. ISBN 978-5-04-169186-8. (In Russ.).
- Mooney, A., Evans, B. (2015). *Language, Society and Power*. London: Routledge. 262 p. ISBN 9780415740005.
- Orwell, G. (1946). Politics and the English language. *Horizon, 13* (76): 252—265.
- Reisman, J. A. (2003). *Kinsey: Crimes and Consequences: The Red Queen and the Grand Scheme*. Kentucky: The Institute for Media Education. 342 p. ISBN 9780966662405.
- Roccas, S., Sagiv, L. (2017). *Values and Behavior: Taking a Cross Cultural Perspective*. New York: Springer International Publishing A&G. 255 p. ISBN 9783319563503.
- Schutz, A. (2003). *The semantic structure of the everyday world: Essays on phenomenology. Sociology*. Moscow: Institute of the Foundation “Societies. Opinion”. 334 p. ISBN 5-93947-012-2. (In Russ.).
- Schwartz, S. H., Bardi, A., Bianchi, G. (2000). Value adaptation to the imposition and collapse of Communist regimes in Eastern Europe. In: *Political psychology: cultural and cross-cultural perspectives*. London: Macmillan. 217—237.
- Sztompka, P. (2000). Cultural Trauma: The Other Face of Social Change. *European Journal of Social Theory, 3* (4): 449—466.
- Tarlanov, Z. K. (2024). *Methods of linguistic analysis*. Moscow: Yurait. 236 p. ISBN 978-5-534-07101-6. (In Russ.).

*The article was submitted 24.08.2024;
approved after reviewing 28.10.2024;
accepted for publication 15.11.2024.*

Информация для цитирования:

Рабенко Т. Г. Коммуникативно-прагматические свойства обращения в виртуальном педагогическом дискурсе (на материале школьных чатов) / Т. Г. Рабенко, Э. С. Денисова, А. Д. Чардынцева // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 9. — С. 149—168. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-9-149-168.

Rabenko, T. G., Denisova, E. S., Chardyntseva, A. D. (2024). Communicative-Pragmatic Properties of Addressing in Virtual Pedagogical Discourse: Insights from School Chats. *Nauchnyi dialog*, 13 (9): 149-168. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-9-149-168. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Коммуникативно-прагматические свойства обращения в виртуальном педагогическом дискурсе (на материале школьных чатов)

Рабенко Татьяна Геннадьевна

orcid.org/0000-0003-3434-8542

доктор филологических наук, доцент
профессор кафедры стилистики
и риторики,

корреспондирующий автор

tat.rabenko@yandex.ru

Денисова Эльвира Степановна

orcid.org/0000-0003-4591-6576

кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры

стилистики и риторики

elvdenisova@yandex.ru

Чардынцева Алена Дмитриевна

orcid.org/0009-0000-7798-6742

аспирант кафедры

стилистики и риторики

alyonachardyntseva@gmail.com

Кемеровский государственный
университет

(Кемерово, Россия)

Communicative-Pragmatic Properties of Addressing in Virtual Pedagogical Discourse: Insights from School Chats

Tatyana G. Rabenko

orcid.org/0000-0003-3434-8542

Doctor of Philology, Associate Professor,
Professor of the Department
of Stylistics and Rhetoric,

corresponding author

tat.rabenko@yandex.ru

Elvira S. Denisova

orcid.org/0000-0003-4591-6576

PhD in Philology, Associate Professor,
Department

of Stylistics and Rhetoric

elvdenisova@yandex.ru

Alena D. Chardyntseva

orcid.org/0009-0000-7798-6742

Graduate student, Department

of Stylistics and Rhetoric

alyonachardyntseva@gmail.com

Kemerovo State University
(Kemerovo, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Исследуются коммуникативно-прагматические свойства обращения как синтаксического явления, реализованного в виртуальном педагогическом дискурсе. Актуальность проблематики определяется ее включенностью в научную парадигму дискурсивной лингвистики. Основная идея исследования заключается в установлении коррелятивной зависимости компонентов следующей триады: (1) функционально-целевая установка речевого высказывания — (2) речевые стратегии, направленные на достижение функционально-речевой интенции — (3) материальное воплощение текста с обращением, детерминированное генеральной речемыслительной стратегией педагогического дискурса и электронной формой субстрата. Эмпирическим материалом выступили школьные чаты, размещенные в мессенджерах Сферум, WhatsApp и Telegram. На данном материале прослеживаются инвариантные признаки обращения, онтологически ему присущие: материальное воплощение обращения в виде слова или сочетания слов; типичные для обращения функции. Выявлены также вариативные свойства обращения, детерминированные, с одной стороны, институциональной природой педагогического дискурса (лексические средства реализации обращения, характерные для русской институциональной лингвокультуры), с другой стороны, электронной формой субстрата (использование никнейма в роли обращения, включенность обращения в электронный поликодовый текст, содержащий, помимо вербальных элементов, медиа-файлы, эмодзи).

Ключевые слова:

обращение; дискурсивный анализ; виртуальный дискурс; педагогический дискурс; коммуникативные стратегии.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study explores the communicative-pragmatic properties of addressing as a syntactic phenomenon manifested within virtual pedagogical discourse. The relevance of this topic is underscored by its integration into the scientific paradigm of discourse linguistics. The core idea of the research lies in establishing a correlational dependency among the components of the following triad: (1) the functional and goal-oriented setting of speech utterances, (2) speech strategies aimed at achieving functional communicative intentions, and (3) the material embodiment of text featuring addressing, determined by the overarching cognitive strategy of pedagogical discourse and the electronic substrate form. The empirical material consists of school chats conducted on messaging platforms such as Sferum, WhatsApp, and Telegram. This material reveals invariant characteristics inherent to addressing: its material embodiment as a word or phrase and typical functions associated with addressing. Additionally, the study identifies variable properties of addressing, determined on one hand by the institutional nature of pedagogical discourse (lexical means of addressing characteristic of Russian institutional linguoculture), and on the other hand by the electronic substrate form (the use of nicknames as forms of address, and the integration of addressing within electronic polycode texts that include, alongside verbal elements, media files and emojis).

Key words:

addressing; discourse analysis; virtual discourse; pedagogical discourse; communicative strategies.

УДК 811.161.1'42

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-9-149-168

Научная специальность ВАК

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Коммуникативно-прагматические свойства обращения в виртуальном педагогическом дискурсе (на материале школьных чатов)

© Рабенко Т. Г., Денисова Э. С., Чардынцева А. Д., 2024

1. Введение = Introduction

В данной статье продолжается обсуждение идеи дискурсивной обусловленности речевого высказывания, начатое в предыдущих публикациях авторов [Рабенко и др., 2023; Рабенко и др., 2024]. Настоящее исследование посвящено изучению обращения с учетом его коммуникативно-прагматической детерминации в условиях виртуального педагогического дискурса. Под обращением понимается «грамматически независимый и интонационно обособленный компонент предложения или более сложного синтаксического целого, обозначающий лицо или предмет, которому адресована речь» [Кручинина, 1990, с. 340].

Актуальность решаемой в работе проблематики определяется ее включенностью в научную парадигму современной дискурсивной лингвистики, которая нацелена на описание речевого высказывания как «продукта дискурсивной деятельности» [Алефиренко, 2009, с. 57] и в связи с этим на установление прямой зависимости выбора лингвистических средств воплощения речевой интенции (в нашем случае обращения) от генеральной речемыслительной стратегии реализуемого дискурса.

Полученные результаты определяют научную новизну настоящего исследования. Обращение впервые рассматривается в контексте виртуальной педагогической коммуникации, описываются его коммуникативно-прагматические признаки с учетом их детерминации речемыслительной стратегией педагогического дискурса и электронной формой субстрата как материального носителя информации. Вписанность представляемой работы в контекст дискурсивной лингвистики, один из векторов развития которого связан с идеей возможного представления речевого высказывания как результата дискурсивной деятельности, обладающего свойством варьирования образующих его признаков, позволяет вплотную подойти

к исследованию инвариантно-вариативного механизма, лежащего в основе существования обращения как компонента предложения. С учетом сказанного обращение рассматривается как синтаксическое явление, которое включает инвариантные свойства, те свойства, которые составляют онтологическую природу обращения как категории синтаксиса (лексическое воплощение обращения в виде слова или сочетания слов, набор свойственных ему функций), и вариативные признаки, детерминируемые коммуникативно-прагматическими условиями реализации текста, включающего обращение (выбор лексических средств материализации обращения с учетом генеральной стратегии дискурса, сферы реализации, характера межличностных отношений коммуникантов и пр.).

Цель настоящего исследования сводится к выявлению коммуникативно-прагматического потенциала обращения, реализованного в условиях виртуального педагогического дискурса.

С учетом теоретико-методологического положения о детерминации речевого высказывания дискурсивными условиями его воплощения сформулируем научную гипотезу исследования, которая базируется на следующем предположении: реализуясь в рамках виртуального педагогического дискурса, обращение как синтаксическое явление при сохранении своих онтологических свойств (лексическое воплощение обращения в виде слова или сочетания слов, набор свойственных ему функций) обнаруживает коммуникативно-прагматические признаки, детерминируемые генеральной речемыслительной интенцией педагогического дискурса (доминирование ряда функций обращения, представленного в обозначенном виде дискурса, на фоне функций, традиционно выделяемых для данного синтаксического явления; речевые стратегии; языковые средства материализации обращения) и электронной природой субстрата как материального носителя информации (никнейм в функции обращения, включенность обращения в электронный поликодовый текст).

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Эмпирическую базу исследования составила интернет-переписка в школьных чатах, размещенная в мессенджерах Сферум (с 01.09.2021 по 28.02.2024), WhatsApp и Telegram (с 01.09.2022 по 30.05.2024). Среди участников электронной переписки — учащиеся 6—11-х классов и учителя-предметники ряда образовательных учреждений г. Кемерово. При цитировании интернет-переписки сохраняется авторская орфография и пунктуация. За единицу эмпирического материала принимается инициальный диалогический текст, включающий обращения (всего 300 текстов).

В качестве основного метода научного исследования в работе используется метод дискурсивного анализа, основанный на описании виртуального

педагогического дискурса с учетом собственно лингвистических средств организации речевого высказывания и социального контекста, стоящего за письменной речью. Описание фактологического материала осуществляется с учетом триединства «функционально-целевая установка речевого высказывания — речевые стратегии, направленные на достижение функционально-речевой интенции — материальное воплощение текста с обращением, детерминированное генеральной речемыслительной стратегией педагогического дискурса и электронной формой субстрата». Функционально-целевая направленность педагогического виртуального дискурса определяет набор речевых стратегий, способствующих реализации данной интенции, и арсенал материальных (семиотических) средств репрезентации обращения в данном виде дискурса. С учетом сказанного, модель, на основании которой осуществляется описание обращения, включает следующие параметры анализа: речевые функции, речевые стратегии, семиотические (вербальные, невербальные) средства материализации обращения.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Изучение обращения как категории синтаксиса имеет богатую научную традицию. Однако в теории этого лингвистического явления остаются спорными некоторые вопросы, касающиеся синтаксического статуса обращений [Валгина, 2003; Гольдин, 2009; Кручинина, 1990; Формановская, 1994; Шахматов, 2001; Шведова, 1980], их функций и типов [Розенталь, 1987]. В ряду многочисленных работ, посвященных обращению, особо выделяются исследования обращения как части педагогического дискурса [Антонова, 2007; Багна, 2004; Галанова и др., 2022; Ивашкина, 2005; Карасик, 2002; Катермина, 2017; Малашенкова, 2023; Олешков, 2006; Черник, 2002]. Данная область науки о языке достигла определенных научных результатов. Обозначим их.

1. Установлено, что при обнаружении традиционных для обращения функций «привлечения внимания, установления и поддержания речевого контакта с собеседником, характеристики ролевых позиций партнеров общения, их социальных и личных взаимоотношений» [Багна, 2004, с. 11] выявляется доминирование функции «привлечения внимания учащихся с целью установления контакта и успешности учебной деятельности» [Карасик, 2002, с. 317; Катермина, 2017, с. 232]. Поскольку «педагогическое общение относится к сфере общения хорошо знакомых друг с другом людей, обращение, кроме привлечения внимания, в очень большой степени отражает и отношение к адресату» [Формановская, 1989, с. 104]. Специфической для речи учителя выступает дидактическая функция обращения (к примеру, *прогульщики, тунеядцы, должники*), цель которой — «косвен-

но повлиять на коррекцию плохого поведения обучающегося» [Галанова и др., 2022, с. 405].

2. Намечены типы обращений, выделяемые с учетом ряда параметров:

— характера межличностных отношений участников педагогического дискурса (официальные / нейтрально обиходные обращения) [Черник, 2002, с. 49];

— наличия / отсутствия эмоциональной составляющей (интеллектуальные / эмоциональные обращения) [Там же, с. 50];

— специфики материальной реализации обращения (лингвистические / паралингвистические обращения) [Там же];

— характера типизированности (стандартные / нестандартные обращения) [Там же, с. 51];

— специфики адресата с учетом его единичности / множественности (персонифицированные / коллективные обращения) [Там же, с. 68].

3. Выявлены лексические средства реализации обращения в рамках педагогической коммуникации. Языковые средства, используемые учителем по отношению к ученикам, характеризуются достаточным разнообразием, тем не менее не выходящим за рамки конвенциональных норм: в функции обращения используются «имя и / или фамилия адресата, лексические единицы, обладающие эмоционально-оценочным суффиксом, оценочные прилагательные и существительные, притяжательные местоимения, которые вносят субъективный характер в квалификацию адресата» [Катермина, 2017, с. 234—235].

4. Обозначены речевые стратегии, реализуемые в рамках педагогической коммуникации. Специфика педагогического взаимодействия заключается в диалогости общения, что, по мнению В. В. Катерминой, «определяет выбор стратегий, направленных на достижение гармоничного диалога между участниками педагогического дискурса» [Катермина, 2017, с. 234]. Данные стратегии различны на разных этапах урока. Основная цель учителя в начале урока — установить и поддержать контакт с обучаемыми — реализуется с помощью экспрессивно-апеллятивной стратегии на этапе «приветствия учеников при помощи этикетных слов и оборотов “*здравствуйте*”, “*добрый день*”, “*доброе утро*” и обращений “*ребята*”, “*друзья мои*”, “*девочки и мальчики*”» [Олешков, 2006, с. 157]. Данный тип обращения «демонстрирует стремление к кооперации, предполагает коммуникативную и деятельностную общность учащихся и учителя в сфере близких, дружеских отношений взаимопонимания и взаимовыручки» [Олешков, 2006, с. 157]. Обращение к одному ученику (по имени, фамилии) или группе обучающихся («*Так, значит, ребята, все тему записали, приготовились работать. Класс, внимание!*») может выступать маркером

информационно-аргументирующей, манипулятивно-консолидирующей и контрольно-оценочной стратегий, «основанных на приоритете говорящего, его высоком статусе, власти» [Олешков, 2006, с. 204].

В научной литературе изучению и оценке подвергается только обращение, представленное в речи учителя и использованное им по отношению к ученику. Обращение к учителю со стороны ученика не выступало в качестве объекта научного описания, что, вероятно, объясняется установкой на использование в педагогическом дискурсе лишь одной кодифицированной формы «на любой ступени обучения в русской лингвокультуре — название по имени и отчеству» [Карасик, 2002, с. 305]. Однако, как показывает собранный нами материал, средства выражения обращений ученика по отношению к учителю в виртуальном педагогическом дискурсе не сводятся к обозначенной традиционной форме.

С появлением Интернета как особой коммуникативной сферы существенно расширяются возможности изучения традиционных для лингвистики объектов, в том числе и обращения. Специальных исследований, посвященных обращению в педагогическом виртуальном дискурсе, на данный момент нами не выявлено, потому обратимся к работам, исследующим обращение в различных форматах интернет-коммуникации (чаты, форумы, комментарии к новостным сайтам, электронная почта и др.) [Ачилова и др., 2018; Жукова, 2014; Шмаков, 2014; Яхныч и др., 2013]. В этой области лингвистических исследований описываются основные функции обращения с учетом электронной формы реализации текста [Шмаков, 2014, с. 18—20; Ачилова и др., 2018, с. 17]. Среди данных функций — стремление «найти адресата, определить воспринимающий субъект, привлечь его внимание к речи, то есть установить контакт для успешной коммуникации» [Шмаков, 2014, с. 21]. Намечаются формы обращения, характерные для компьютерно-опосредованной коммуникации: никнеймы, эллипсис обращения (значимое отсутствие обращения) и замена его на коммуникативный аналог — «цитирование инициального текста целиком или частично» [Там же, с. 18].

Наблюдения над использованием обращений в электронной коммуникации позволяют наметить некоторые тенденции, касающиеся регулярных способов установления речевого контакта:

— «отсутствие таких важных факторов, как социальный статус, степень знакомства, коммуникативная дистанция, выводит на первый план при адресации культурный уровень, гендерную принадлежность собеседников, место и время общения» [Ачилова и др., 2018, с. 26];

— «незнание имени адресата заставляет коммуникантов искать иные средства адресации, к которым относятся виртуальные имена (никнеймы)» [Там же];

— «самостоятельно выбранные при регистрации формы обращения (никнеймы, e-мейлы) отражают личные коммуникативные предпочтения конкретного человека (как сам человек представляется при знакомстве, такую форму обращения к себе он и предпочтет)» [Жукова, 2014, с. 201].

Таким образом, при сохранении традиционных речевых норм вежливости (в том числе связанных с использованием обращения) в электронной коммуникации происходит выработка новых норм, которые нуждаются «в дальнейшем теоретическом осмыслении, анализе и выработке рекомендаций по употреблению <...> и кодификации» [Там же, с. 212].

Оценив результаты ранее проведенных исследований, осуществленных в области теории обращения, перейдем к описанию обращения, реализованного в рамках виртуального педагогического дискурса. Логика настоящего исследования заключается в следующем: на первом этапе исследования выявляются признаки обращения, детерминированные коммуникативно-прагматической ситуацией педагогического дискурса, на втором этапе — признаки обращения, обусловленные электронной природой субстрата — материального носителя языкового знака.

3.1. Признаки обращения, детерминированные коммуникативно-прагматической ситуацией педагогического дискурса

К инвариантным признакам обращения относятся его лексическое воплощение в виде слова или сочетания слов и набор характерных для него функций. Обращения представлены единичным субстантивом, эксплицирующим возрастную, гендерную, социальный статус адресата (*дети, ребята, ученики, друзья, юноши, девушки* и др.) или адъективно-субстантивным сочетанием, как правило, с мелиоративной семантикой (*уважаемые лицеисты, милые девушки, дорогие ребята, дети мои*).

Обращение в виртуальном педагогическом дискурсе выполняет традиционные для данного синтаксического явления функции:

(1) номинативно-вокативную и этикетную (учитель: *Егор, с днем рождения! Желаю тебе крепкого здоровья, успехов во всём, счастья!*; учитель: *Друзья, а давайте создадим фонд помощи поступающим*);

(2) оценочно-характеризующую (учитель: *Доброе утро, мои хорошие!*);

(3) социально-регулятивную (учитель: *Уважаемые лицеисты! Завтра состоится очень важное мероприятие, где мы должны быть*).

Как правило, обращение одновременно выполняет несколько функций в рамках одного речевого высказывания: номинативную, вokatивную, этикетную (1); в дополнение к обозначенным — оценочно-характеризующую (2), социально-регулятивную (3).

К вариативным признакам обращения, детерминируемым коммуникативно-прагматическими условиями реализации педагогического дискурса,

относится выбор языковых средств реализации обращения с учетом генеральной дидактической стратегии дискурса, образовательной сферы его реализации и статусно-ролевого характера межличностных отношений коммуникантов.

В виртуальном педагогическом пространстве сохраняется разграничение двух типовых участников коммуникации, характерное для условий устного институционального дискурса: агентов (учителей) как представителей социальных институтов, играющих активную роль в иерархически организованных ситуациях общения, и клиентов (учеников) как субъектов, не связанных с социальными институтами [Карасик, 2002, с. 321]. В данной коммуникативной диаде обращение выступает индексом социального неравенства, маркирующего речь нижестоящего участника коммуникации через использование «вы-общения» и вежливых форм обращений. Сохраняется и основная цель педагогического дискурса — достижение гармоничного диалога между его участниками, которая конкретизируется через посредство ряда коммуникативных стратегий, используемых учителем и актуальных для виртуальной педагогической сферы. В контексте дидактического взаимодействия обращение выступает вспомогательным инструментом при реализации данных стратегий. Обозначим речевые стратегии, выявляемые в рамках виртуального педагогического дискурса, и укажем коммуникативно-прагматические свойства обращения, детерминированные интенциональным смыслом высказывания.

3.2. Экспрессивно-апеллятивная стратегия

Центральной стратегией при инициальном общении участников виртуального педагогического дискурса является «экспрессивно-апеллятивная, основной целью говорящего выступает стремление выразить свои чувства, эмоции, оценки, коммуникативные интенции, предпочтения, настроения в отношении речевых проявлений адресата и коммуникативной ситуации в целом» [Олешков, 2006, с. 154]. Основная информативная нагрузка в реализации данной стратегии ложится на контактивы — «класс коммуникативных единиц, начинающих и поддерживающих речевой контакт» [Олешков, 2006, с. 167], среди них и обращение как составной элемент приветствия.

Иницирует общение в школьном чате, как правило, учитель, устанавливая контакт с обучаемыми через форму «приветствие + обращение». Данная ритуализованная форма включает стандартные этикетные слова и обороты: «доброе утро + обращение», «добрый день + обращение», «добрый вечер + обращение», «здравствуйте + обращение». Обозначенная стратегия воплощается с помощью ряда тактик, таких как фатические вопросы (4), пожелания (5), комплименты (6):

(4) Учитель: *Дети, как ваши дела?*

(5) Учитель: *Дорогие наши мальчики! Поздравляем вас с праздником! Будьте смелыми, сильными, крепкими!*

(6) Учитель: *Друзья! Поздравляю ещё двух наших стобалльников по русскому языку! @Ulyana_Tikhonova и @hellomynameismasha, вы умнички!*

Обращения подобного типа представлены субстантивами (*дети, ребята, девочки и мальчики*) и адъективно-субстантивными сочетаниями, номинирующими возрастную, гендерный параметр коллективного адресата и зачастую содержащими мелиоративную оценку (*мои хорошие, мои волшебные, милые девушки, дети мои, мои чудесные и необыкновенные*). Данная группа обращений встречается во всех дискурсивных стратегиях вне зависимости от типа доминирующего дискурса (информирующего, манипулятивного, аксиологического).

3.3. Информационно-аргументирующая стратегия

«Информационно-аргументирующая стратегия обусловлена намерением адресанта сообщить, передать информацию, транслировать ее реципиентам для создания общего пропозиционального фонда» [Олешков, 2006, с. 148]. В контексте виртуального взаимодействия реализация данной стратегии направлена на усвоение информации, связанной с содержанием образовательного процесса учебного (7, 8, 9) и внеучебного характера (10):

(7) Учитель: *Добрый день, девочки! Небольшое изменение в ваш учебный распорядок: перед первой парой собираетесь в 101 каб., затем за 5—7 минут до начала пары расходитесь по кабинетам — 101-ому и 103-ому.*

(8) Учитель: *Все болеющие и отдыхающие! В связи с тем, что завтра я начинаю объяснять сочинение, а вас не будет, необходимо позже выбрать день и после 3 пары собраться. Мне нужно донести вам эту информацию*

(9) Учитель:

@sfawnn

@ProfessorOfAI

@ghfdjh3

@Iosmi79p

21 ноября МЭ ВСОШ по математике в 5 школе (ул. 2-я Заречная, 13). Сопровождающий — Краева Надежда Владимировна

(10) Учитель: *Мальчики ИТ подгруппы, не забудьте, что завтра вы идёте на мероприятие*

Подобного рода обращения номинируют группового адресата как целевого получателя конкретной информации по гендерному признаку, профилю подготовки, ролевой позиции (*мальчики ИТ подгруппы, девочки, девушки, журналисты и филологи, все болеющие и отдыхающие*). В связи с адресно-

ограниченным характером передаваемой информации в качестве обращения могут использоваться имена учеников, в том числе никнеймы (9).

3.4. Манипулятивно-консолидирующая стратегия

Манипулятивно-консолидирующая стратегия «связана с внешними действиями, предметно-манипулятивной деятельностью участников коммуникативного процесса, а также с ритуальными, этикетными действиями; в дидактическом плане решаются задачи, связанные с организацией совместной деятельности и управлением ею» [Олешков, 2006, с. 150]. Данная стратегия реализуется посредством тактик приказа (11), просьбы (12), требования (13), напоминания (14):

(11) Учитель: *Всё, переезжаем в сферу, полностью, Ростислав срочно добавься ты обещал*

(12) Учитель: *Главные дежурные! Пожалуйста, придите к 8.15. Очень вас прошу, остальные пусть приходят к своему времени.*

(13) Учитель: *Корякин, Михайлов, Сурин! Вернитесь в школу, у вас биология!*

(14) Учитель: *Шадринцева, Стрелкова, Алёшенкина! Долг за питание!!!! Сколько раз напоминать*

Обращения, используемые в рамках речевого высказывания, связанного с манипулятивно-консолидирующей стратегией, детерминированы интенциональной направленностью высказывания. В рамках реализации обозначенной стратегии речевые усилия учителя, солирующего в данной коммуникативной ситуации, связаны с организацией деятельности обучающихся и управлением ею. Языковому воплощению манипулятивно-консолидирующей стратегии способствуют модальные слова со значением долженствования (*нужно, необходимо*), маркеры интенсивности действия (*срочно, очень, сколько раз*), супраграфические средства (повторение восклицательных знаков, шрифтовое выделение речематического компонента высказывания). В подобного рода текстовом материале обращения представлены преимущественно в виде субстантивов (имя и / или фамилия адресата) и адъективно-субстантивных сочетаний, номинирующих социально-ролевой статус адресата (*главные дежурные, уважаемые лицеисты* и др.). Обращение по фамилии, характерное для речевого высказывания, связанного с данной стратегией, служит инструментом манипулятивного воздействия со стороны учителя, отражая его социально-ролевую идентификацию адресата: «Это стандартная реализация официально-деловых отношений, которая не ведет к установлению эмоционального контакта» [Катермина, 2017, с. 234].

3.5. Контрольно-оценочная стратегия

«Основная цель контрольно-оценочной стратегии в речи учителя — оценить знания учащихся, а также дать оценку событиям и ситуациям, воз-

никающим в процессе дидактического взаимодействия в образовательной среде урока» [Олешков, 2006, с. 158]. В виртуальном педагогическом дискурсе данная стратегия может быть реализована посредством таких тактик, как запрос информации (15), похвала (16), порицание (17):

(15) Учитель: *@Dog_bob1*

Андрей

@alkefy

Почему отсутствовали на первом уроке?

(16) Учитель: *Ребята, это статистика по КЗН. Захотела написать о том, что вы показали очень хороший результат в этот раз.*

(17) Учитель: *Уважаемые филологи! Я вас просил написать ДЗ про оду «Фелица» и дал для этого время — день. И что получил в ответ????? ДЗ я пишу всегда вовремя и подробно. И если по каким-то причинам пропадает урок, то ДЗ делать нужно все равно. Спасибо за отсутствие ответов.*

Данная стратегия реализуется в виртуальном педагогическом дискурсе для вербального определения уровня учебных достижений учеников (16—17) или их поведения (15). Наблюдаются коллективно-адресованные обращения (*дети, ребята*) при положительной оценке ситуации и статусные номинации по формуле «уважаемые + обращение по профилю обучающихся» (*уважаемые лицеисты, уважаемые филологи*), а также персонифицированные обращения (никнеймы) при отрицательной оценке ситуации.

В инициальных сообщениях учеников, содержащих обращения к учителю в школьном чате, реализуются выше описанные дискурсивные стратегии — экспрессивно-апеллятивная (18), информационно-аргументирующая (19), манипулятивно-консолидирующая (20), контрольно-оценочная (21):

(18) Ученик: *Полина Станиславовна! Поздравляю Вас с днем учителя! Желаю много много счастья! Улыбок, ну и конечно хороших учеников!!!* (тактика пожелания);

(19) Ученик: *Алена Игоревна, здравствуйте! Я немного опоздаю на 1 урок, так как поеду в больницу* (тактика сообщения информации);

(20) Ученик: *Дарья Ивановна, уберите пожалуйста 2 по литературе, а я басню после каникул расскажу на 5* *клянусь вам* (тактика просьбы);

(21) Ученик: *Марина Романовна, а почему у меня на завтра стоит уп по всем предметам* (тактика запроса информации).

Установлено, что в высказываниях ученика преобладает манипулятивно-консолидирующая стратегия в форме коммуникативной тактики просьбы об изменении (повышении) оценки по предмету. Обращение в личной переписке представлено, как правило, субстантивной лексикой, называю-

щей имя и отчество учителя, в групповой переписке обращение к учителю может отсутствовать.

Таким образом, обращение, реализованное в рамках виртуального педагогического дискурса, при сохранении своих инвариантных признаков, онтологически присущих ему как синтаксическому явлению, обнаруживает вариативные свойства, характерные для институционального дискурса в целом и его конкретной реализации (педагогический дискурс). Арсенал лексических средств, используемый для материализации обращения, включает субстантивы и адъективно-субстантивные сочетания, называющие имя, отчество, фамилию адресата (учителя, ученика), его гендерную, возрастную, социально-ролевую идентификацию (ученика).

3.6. Признаки обращения, обусловленные электронной природой субстрата (материального носителя языкового знака)

В рамках виртуального педагогического дискурса обращение расширяет свой коммуникативно-прагматический потенциал, обнаруживая вариативные признаки, детерминируемые электронной природой субстрата (мессенджера). В своем исследовании речевого высказывания, представленного на электронном носителе, мы исходим из идеи признания коммуникативно-прагматической значимости субстрата в реализации речевого высказывания. Коммуникативно-прагматическая релевантность субстрата в соотношении с функционально-содержательными характеристиками текста заключается в его функции канала связи. Специфика электронного субстрата определяет особенности материального воплощения текста и организующих его единиц, в том числе обращения.

Анализ собранного материала показывает, что в целом выбор обращения в виртуальном педагогическом дискурсе соответствует формам, характерным для любого вида компьютерно-опосредованной коммуникации. Обозначим виды обращений, используемых в компьютерно-опосредованной коммуникации, в том числе и в педагогической сфере.

1. Никнейм (рис. 1, рис. 2) как особая графическая форма обращения. Никнейм реализует в чате адресную функцию, связанную с маркированием адреса адресата сообщения.

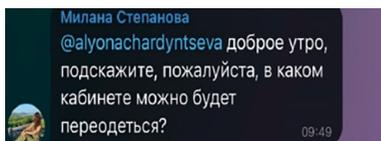

Рис. 1. Пример обращения-никнейма в сообщении ученика

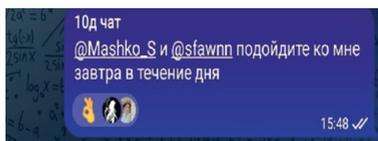

Рис. 2. Пример обращения-никнейма в сообщении учителя

2. Замена на коммуникативный аналог обращения — цитирование инициального текста целиком или частично (рис. 3, рис. 4). Отказ от обращения в контактоустанавливающей функции становится возможным в чате благодаря «древовидному расположению текстов-ответов» [Шмаков, 2014, с. 18].

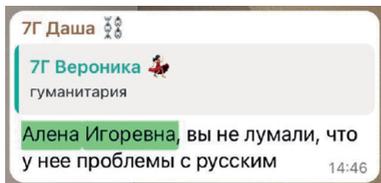

Рис. 3. Пример обращения-цитирования в сообщении ученика

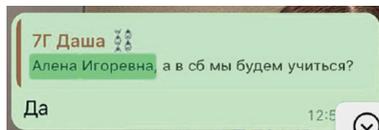

Рис. 4. Пример обращения-цитирования в сообщении учителя

На дискурсивное воплощение обращения оказывают влияние и структурно-функциональные возможности мессенджера, определяющие характер общения, опосредованного им. При передаче сообщения участники педагогического дискурса прибегают к дополнительным средствам оформления обращения, характерным для электронной платформы. Данные средства нацелены на привлечение внимания адресата, выполняя, таким образом, фатическую (контактоустанавливающую) функцию [Горошко и др., 2017, с. 98]. Перечислим выявленные средства.

3. Обращения, оформленные с помощью супраграфемки — шрифтового варьирования (рис. 5, рис. 6). Характерны для речевого высказывания, размещенного на любом носителе (электронном, бумажном и пр.).

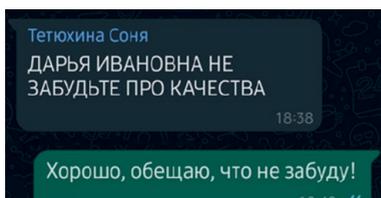

Рис. 5. Обращение с супраграфемным маркированием в сообщении ученика

Рис. 6. Обращение с супраграфемным маркированием в сообщении учителя

4. Обращения, оформленные посредством топографемки — пространственного варьирования текста (рис. 7, рис. 8).

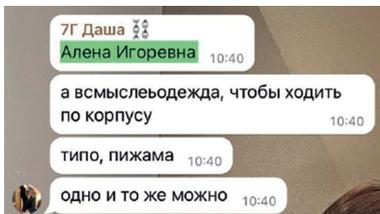

Рис. 7. Обращение с топографемным маркированием в сообщении ученика

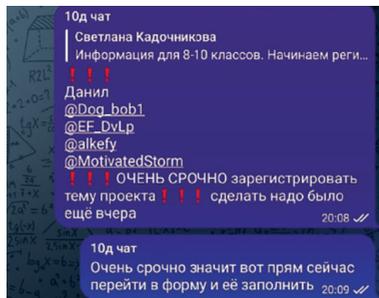

Рис. 8. Обращение с топографемным маркированием в сообщении учителя

5. Обращения, включенные в текст с медиафайлами (рис. 9, рис. 10).

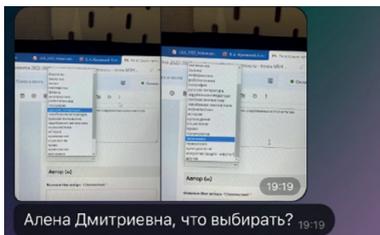

Рис. 9. Обращение с медиафайлом в сообщении ученика

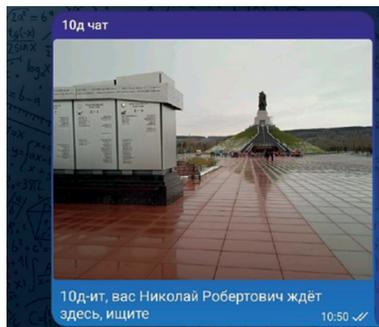

Рис. 10. Обращение с медиафайлом в сообщении учителя

6. Обращение, сопровождаемое стикером и эмодзи (рис. 11, рис. 12).

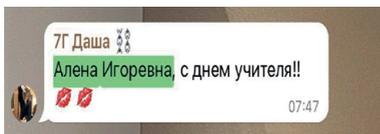

Рис. 11. Обращение со стикером в сообщении ученика

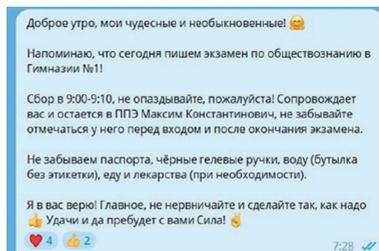

Рис. 12. Обращение с эмодзи в сообщении учителя

Представляется, что при электронной версии текста материализация обращения в виде комбинации вербальных и невербальных средств подчинена ведущим стратегиям педагогического дискурса:

— в случае манипулятивно-консолидирующей стратегии выбор обращения, маркированного с помощью средств супраграфемике и топографемике, предопределен необходимостью выполнения адресатом действий учебного характера;

— в ситуации контрольно-оценочной стратегии выбор обращения-никнейма обусловлен задачей вербального определения уровня учебных достижений конкретного участника образовательного процесса или его поведения;

— в рамках экспрессивно-апеллятивной стратегии выбор обращения, включающего иконические средства (эмодзи, стикеры), направлен на «создание атмосферы доброжелательного и активного речевого общения» [Антонова, 2007, с. 10] между участниками педагогического дискурса.

Данные коммуникативные стратегии при поликодовом воплощении текста, содержащего обращение, активно используются в электронных сообщениях учителя и учеников, определяя тем самым коммуникативно-прагматическое своеобразие институционального дискурса в одном из его воплощений.

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, проведенное исследование позволяет проследить зависимость обращения как синтаксического явления от коммуникативно-прагматических условий реализации электронного текста. Изучение обращения с позиции его функциональной нагрузки и материального воплощения обнаруживает два типа признаков: инвариантные, онтологически присущие обращению, те, которые способствуют идентификации обращения как языкового явления, и вариативные, обусловленные коммуникативно-прагматической спецификой дискурса и своеобразием электронного субстрата как материального носителя письменного знака.

Среди инвариантных признаков обращения его материальное воплощение в виде отдельного слова (сочетания слов), называющего лицо, к которому обращено речевое высказывание; функции обращения.

Вариативные признаки детерминированы особенностями педагогического дискурса как разновидности дискурса институционального. Институциональность педагогического дискурса, для которого значимы социально-ролевой статус участников коммуникации, формализованность общения, определяют наличие обращений, принятых в сфере официально-деловых отношений: 1) обращение на «вы» по отношению к учителю;

2) обращение по имени-отчеству по отношению к учителю и по имени и / или фамилии по отношению к ученику; 3) статусные обращения, номинирующие роли участников общения (*ученики, класс, филологи, математики*). Первые два признака сближают педагогический дискурс с другими разновидностями институционального дискурса. Обращения, актуализирующие социально-ролевой статус участников педагогического дискурса (третий признак), составляют специфику исследуемого типа дискурса.

Среди вариативных признаков обращения выделяются те, которые предопределены спецификой электронного субстрата: а) использование никнеймов, заменяющих реальные имена собеседников при общении (по отношению к ученику и учителю); б) частичная утрата возрастной и социально статусной дифференциации адресатов (отсутствие обозначений лица по имени и отчеству по отношению к учителю).

В целом изучение обращения с позиции его инвариантно-вариативного обустройства способствует более глубокому пониманию природы обращения как синтаксического явления, а при определенном теоретико-методологическом подходе и вариативности языковой системы как ее фундаментального свойства.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.
---	---

Литература

1. *Алефиренко Н. Ф.* Проблема соотношения речевого жанра и дискурса / Н. Ф. Алефиренко // Вестник РУДН. Серия «Русский и иностранные языки и методика их преподавания». — 2009. — № 2. — С. 53—61.
2. *Антонова Н. А.* Педагогический дискурс : речевое поведение учителя на уроке : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Наталья Александровна Антонова. — Саратов, 2007. — 25 с.
3. *Ачилова Е. Л.* Особенности функционирования обращений в виртуальной игровой коммуникации / Е. Л. Ачилова, В. П. Ачилова // Вестник Московского государственного областного университета. — Серия : Русская филология. — 2018. — № 3. — С. 17—28. — DOI: 10.18384/2310-7278-2018-3-17-28.
4. *Багна И.* Типы и функции русского обращения как именованного адресата в разных видах словесности : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Ибрахим Багна. — Москва, 2004. — 24 с.
5. *Валгина Н. С.* Современный русский язык: Синтаксис / Н. С. Валгина. — Москва : Высшая школа, 2003. — 416 с.
6. *Галанова Е. М.* Типы обращений в учебном диалоге / Е. М. Галанова, А. И. Гаврин // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2022. — Т. 15. — Выпуск 2. — С. 402—406.

7. *Гольдин В. Е.* Обращение: теоретические проблемы / В. Е. Гольдин. — Москва : URSS, 2009. — 127 с. — ISBN 978-5-397-00801-3.
8. *Горошко Е. И.* Полиформатный мессенджер как жанр 2.0 (на примере мессенджера мгновенных сообщений telegram) / Е. И. Горошко, Е. А. Землякова // *Жанры речи.* — 2017. — № 1 (15). — С. 92—100. — DOI: 10.18500/2311-0740-2017-1-15-92-100.
9. *Жукова Т. С.* Становление новой нормы употребления обращений в регламентированных сферах общения / Т. С. Жукова // *Вестник РУДН.* — Серия Лингвистика. — 2014. — № 4. — С. 198—215.
10. *Ивашкина О. В.* Этикетные жанры в речи учителя : автореферат диссертации ... кандидата педагогических наук : 13.00.02 / Олеся Валериевна Ивашкина. — Москва, 2005. — 16 с.
11. *Карасик В. И.* Языковой круг : личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. — Волгоград : Перемена, 2002. — 477 с. — ISBN 5-88234-552-2.
12. *Катермина В. В.* Манипулятивный потенциал обращений в педагогическом дискурсе / В. В. Катермина // *Общество. Интеграция. Образование : Материалы Международной научной конференции.* — Резекне : Резекненская технологическая академия, 2017. — Т. 1. — С. 228—237.
13. *Кручинина И. Н.* Обращение / И. Н. Кручинина // *Лингвистический энциклопедический словарь* / под ред. В. Н. Ярцевой. — Москва : Советская энциклопедия, 1990. — С. 340.
14. *Малашенкова Е. Н.* Речевой жанр пожелание в ситуациях асимметричного общения (на материале педагогического дискурса) / Е. Н. Малашенкова // *СибСкрипт.* — 2023. — Т. 25. — № 1. — С. 55—65.
15. *Олешков М. Ю.* Моделирование коммуникативного процесса / М. Ю. Олешков. — Нижний Тагил : Нижнетагильская гос. социально-пед. акад., 2006. — 335 с. — ISBN 5-8299-0082-5.
16. *Рабенко Т. Г.* Речевой жанр «напоминание» в аспекте дискурсивной обусловленности его признаков (на материале виртуального педагогического дискурса) / Т. Г. Рабенко, Э. С. Денисова, А. Д. Чардынцева // *Научный диалог.* — 2023. — Т. 12. — № 5. — С. 114—134. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-114-134.
17. *Рабенко Т. Г.* Жанр «обещание» как отражение интенциональной и лингвистической организации виртуального педагогического дискурса / Т. Г. Рабенко, Э. С. Денисова // *Научный диалог.* — 2024. — Т. 13. — № 4. — С. 71—92. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-4-71-92.
18. *Розенталь Д. Э.* Практическая стилистика русского языка / Д. Э. Розенталь. — Москва : Высшая школа, 1987. — 399 с.
19. *Формановская Н. И.* Обращение / Н. И. Формановская // *Русский язык в школе.* — 1994. — № 3. — С. 84—88.
20. *Формановская Н. И.* Вы сказали: «Здравствуйте!» (Речевой этикет в нашем общении). — Москва : Знание, 1989. — 160 с.
21. *Черник В. Б.* Фатические речевые жанры в педагогическом дискурсе и тексте урока : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Виктория Борисовна Черник. — Екатеринбург, 2002. — 197 с.
22. *Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка / А. А. Шахматов. — Москва : Эдиториал УРСС, 2001. — 620 с. — ISBN 5-8360-0263-0.
23. *Шведова Н. Ю.* Распространение предложения включением обращения / Н. Ю. Шведова // *Русская грамматика : научные труды: в 2-х т.* — Москва : Наука, 1980. — Т. 2. — С. 163—166.

24. Шмаков А. А. Бытие текста с обращением в интернет-коммуникации: на материале русскоязычных блогов и форумов : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10. 02.01 / Артем Алексеевич Шмаков. — Омск, 2014. — 24 с.

25. Яхныч М. А. Обращение как проявление речевой культуры в интернет-коммуникации / М. А. Яхныч, С. В. Ионова // Экология языка и коммуникативная практика. — 2013. — № 1. — С. 246—256.

Статья поступила в редакцию 02.09.2024,
одобрена после рецензирования 30.10.2024,
подготовлена к публикации 05.11.2024.

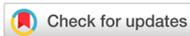
References

- Achilova, E. L., Achilova, V. P. (2018). Features of the functioning of appeals in virtual game communication. *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Russian Philology*, 3: 17—28. DOI: 10.18384/2310-7278-2018-3-17-28. (In Russ.).
- Alefirenko, N. F. (2009). The problem of correlation of speech genre and discourse. *Bulletin of the RUDN. The series "Russian and foreign languages and methods of teaching them"*, 2: 53—61. (In Russ.).
- Antonova, N. A. (2007). Pedagogical discourse: teacher's speech behavior in the classroom. *Author's abstract of PhD Diss. Saratov*. 25 p. (In Russ.).
- Bagna, I. (2004). *Types and functions of Russian address as the naming of the addressee in different types of literature*. Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 24 p. (In Russ.).
- Chernik, V. B. (2002). *Phatic speech genres in pedagogical discourse and lesson text*. PhD Diss. Yekaterinburg. 197 p. (In Russ.).
- Formanovskaya, N. I. (1989). *You said: "Hello!" (Speech etiquette in our communication)*. Moscow: Znanie. 160 p. (In Russ.).
- Formanovskaya, N. I. (1994). Appeal. *Russian language at school*, 3: 84—88. (In Russ.).
- Galanova, E. M., Gavrin, A. I. (2022). Types of appeals in educational dialogue. *Philological sciences. Questions of theory and practice*, 15 (2): 402—406. (In Russ.).
- Goldin, V. E. (2009). *Appeal: theoretical problems*. Moscow: URSS. 127 p. ISBN 978-5-397-00801-3. (In Russ.).
- Goroshko, E. I., Zemlyakova, E. A. (2017). A multiformat messenger as a genre 2.0 (using the example of the instant messenger telegram). *Genres of speech*, 1 (15): 92—100. DOI: 10.18500/2311-0740-2017-1-15-92-100. (In Russ.).
- Ivashkina, O. V. (2005). *Etiquette genres in teacher's speech*. Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 16 p. (In Russ.).
- Karasik, V. I. (2002). *Language circle: personality, concepts, discourse*. Volgograd: Peremenna. 477 p. ISBN 5-88234-552-2. (In Russ.).
- Katermina, V. V. (2017). Manipulative potential of appeals in pedagogical discourse. In: *Society. Integration. Education: Materials of the International Scientific Conference, 1*. Rezekne: Rezekne Technological Academy. 228—237. (In Russ.).
- Kruchinina, I. N. (1990). Appeal. In: *Linguistic encyclopedic Dictionary*. Moscow: Soviet Encyclopedia. P. 340. (In Russ.).
- Malashenkova, E. N. (2023). The speech genre of desire in situations of asymmetric communication (based on the material of pedagogical discourse). *Transcript*, 25 (1): 55—65. (In Russ.).

- Oleshkov, M. Yu. (2006). *Modeling of the communicative process*. Nizhny Tagil: Nizhny Tagil State Socio-pedagogical University. Akad. 335 p. ISBN 5-8299-0082-5. (In Russ.).
- Rabenko, T. G., Denisova, E. S. (2024). Genre of “Promise” as a Reflection of Intentional and Linguistic Organization in Virtual Pedagogical Discourse. *Nauchnyi dialog*, 13 (4): 71—92. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-4-71-92> (In Russ.).
- Rabenko, T. G., Denisova, E. S., Chardyntseva, A. D. (2023). Speech Genre of Reminder and Discursive Conditioning of its Features in Virtual Pedagogical Discourse. *Nauchnyi dialog*, 12 (5): 114—134. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-5-114-134> (In Russ.).
- Rosenthal, D. E. (1987). *Practical stylistics of the Russian language*. Moscow: Higher School. 399 p. (In Russ.).
- Shakhmatov, A. A. (2001). *Syntax of the Russian language*. Moscow: Editorial URSS. 620 p. ISBN 5-8360-0263-0. (In Russ.).
- Shmakov, A. A. (2014). *The existence of a text with an appeal to Internet communications: based on the material of Russian-language blogs and forums*. Author’s abstract of PhD Diss. Omsk. 24 p. (In Russ.).
- Shvedova, N. Y. (1980). Distribution of the proposal by including the address. In: *Russian grammar: scientific works: in 2 volumes, 2*. Moscow: Nauka. 163—166. (In Russ.).
- Valgina, N. S. (2003). *Modern Russian language: Syntax*. Moscow: Higher School. 416 p. (In Russ.).
- Yakhnich, M. A., Ionova, S. V. (2013). Conversion as a manifestation of speech culture in Internet communication. *Ecology of language and communicative practice*, 1: 246—256. (In Russ.).
- Zhukova, T. S. (2014). The formation of a new norm for the use of addresses in regulated spheres of communication. *Bulletin of the RUDN. Linguistics series*, 4: 198—215. (In Russ.).

*The article was submitted 02.09.2024;
approved after reviewing 30.10.2024;
accepted for publication 05.11.2024.*

Информация для цитирования:

У Цюаньмин. Русские фразеологизмы с зоонимическим компонентом : аспекты комплексного описания (на примере оборотов с зоонимом *волк*) / У Цюаньмин, О. А. Горбань // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 9. — С. 169—187. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-9-169-187.

Wu Quanming, Gorban, O. A. (2024). Russian Phraseological Units with Zoonyms: Aspects of Comprehensive Description (A Case Study of Expressions Featuring Zoonym ‘volk’ [Wolf]). *Nauchnyi dialog*, 13 (9): 169-187. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-9-169-187. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Русские фразеологизмы с зоонимическим компонентом: аспекты комплексного описания (на примере оборотов с зоонимом *волк*)

У Цюаньмин

orcid.org/0000-0001-9342-829X

соискатель,

кафедра русской филологии и журналистики

wqm1022@mail.ru

Горбань Оксана Анатольевна

orcid.org/0000-0002-2345-3673

доктор филологических наук, профессор,

кафедра русской филологии и журналистики,

корреспондирующий автор

oa_gorban@volsu.ru

Волгоградский

государственный университет

(Волгоград, Россия)

Russian Phraseological Units with Zoonyms: Aspects of Comprehensive Description (A Case Study of Expressions Featuring Zoonym ‘volk’ [Wolf])

Wu Quanming

orcid.org/0000-0001-9342-829X

degree seeker,

Department of Russian Philology and Journalism

wqm1022@mail.ru

Oksana A. Gorban

orcid.org/0000-0002-2345-3673

Doctor of Philology, Professor, Department of Russian Philology and Journalism,

corresponding author

oa_gorban@volsu.ru

Volgograd State University

(Volgograd, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье дан комплексный анализ фразеологизмов *старый / травленный волк, морской волк, волком выть, хоть волком вой*, которые отражают значимый для русской культуры образ волка. Цель работы — выявить взаимосвязь их системно-языковых, лингвокультурных, функциональных особенностей. Актуальность исследования определяется необходимостью по возможности полного описания и объяснения тенденций реализации языкового фразеологического фонда в речи. Исследование проводится на материале Национального корпуса русского языка. Показано, что фразеологизмы называют человека по его чертам характера и поведению, используются для выражения интенсивности негативных чувств, имеют разную стилистическую окраску и грамматическую структуру. Функционирование идиом обусловлено их составом (редко и в основном в художественных текстах встречается оборот с компонентом *травленный* узкой сферы употребления), образной составляющей (наиболее частотен оборот *морской волк*, утрачивающий ассоциацию с хищником и отражающий стереотипный образ моряка), лексическим значением (характеризуя человека, именные фразеологизмы в художественных текстах часто выполняют предикативную функцию), стилистическими свойствами (экспрессивность и разговорно-просторечный характер единицы *хоть волком вой* определяет ее использование преимущественно в художественных текстах в речи персонажей).

Ключевые слова:

русский язык; фразеология; зооним; структура фразеологизма; семантика фразеологизма.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article presents a comprehensive analysis of the phraseological units ‘staryy volk’ [old wolf], ‘travlenyy volk’ [tricked wolf], ‘morskoy volk’ [sea wolf], ‘volkom vyty’ [to howl like a wolf], and ‘khot’ volkom voy’ [you might as well howl like a wolf], which reflect a significant image of the wolf in Russian culture. The aim of this study is to identify the interconnections among their systemic-linguistic, linguocultural, and functional characteristics. The relevance of the research is underscored by the necessity for a thorough description and explanation of the trends in the realization of the linguistic phraseological inventory in speech. The study is based on data from the Russian National Corpus. It is demonstrated that these phraseological units characterize individuals based on their personality traits and behaviors, express varying degrees of negative emotions, and exhibit diverse stylistic nuances and grammatical structures. The functioning of these idioms is influenced by their composition (the expression featuring the zoonym ‘travlenyy volk’ [tricked wolf] is rarely encountered and primarily appears in literary texts), their figurative components (the expression ‘morskoy volk’ [sea wolf] is the most frequent, losing its association with predation and reflecting a stereotypical image of a sailor), lexical meanings (in literary texts, nominal phraseological units often serve a predicative function when characterizing individuals), and stylistic properties (the expressiveness and colloquial nature of the unit ‘khot’ volkom voy’ [you might as well howl like a wolf] predominantly determine its use in literary texts within character dialogue).

Key words:

the Russian; phraseology; zoonym; structure of phraseological units; semantics of phraseological units.

Русские фразеологизмы с зоонимическим компонентом: аспекты комплексного описания (на примере оборотов с зоонимом *волк*)

© У Цюаньмин, Горбань О. А., 2024

1. Введение = Introduction

Фразеология не перестает быть объектом пристального внимания лингвистики начиная со ставших классическими работ В. В. Виноградова и других отечественных ученых середины XX века. Специфика этих языковых единиц обуславливает аспекты их описания — структурный, семантический и др. Активно развивается лексикография, отражающая систему фразеологизмов, их происхождение, нацеленная на фиксацию новых устойчивых оборотов (см. об этом: [Мокиенко и др., 2022]). Поскольку образная основа фразеологических единиц (ФЕ) соотносительна с определенными предметами, понятиями, то для анализа часто привлекаются фразеологизмы, объединенные соответствующими наименованиями в их составе (например, с названиями частей тела, животных, людей и т. д.). Среди них обороты с наименованиями животных (зоонимами) занимают особое место, так как эти образы имеют яркую культурную окрашенность.

В русле лингвистической традиции, а также в свете новых направлений языковедения фразеологизмы с зоонимическим компонентом описываются на материале различных языков с точки зрения лексической и грамматической структуры — количества компонентов, частеречной принадлежности опорного слова, синтаксической роли зоонима в составе ФЕ [Маклакова, 2012; Сокур и др., 2018]. Разнообразны лексико-семантические исследования таких фразеологизмов: представлены тематические классификации ФЕ по значению зоонимов [Мухина, 2022], признаку животного [Сирота, 2018], общему значению фразеологизмов [Булгакова и др., 2016]; рассматриваются модальные, коннотативные свойства ФЕ [Голубенко, 2021; Юрченко, 2006], семантика интенсивности [Романкевич, 2018]. В силу лингвокультурной специфики как фразеологии, так и образов животных активно проводится изучение, в том числе сопоставительное, фразеологизмов в связи с описанием языковой картины мира, вопросами перевода; помимо

некоторых из названных трудов, это также работы [Альмухаммадага, 2023; Киселева, 2023; Jumaeva, 2020] и другие.

Состояние современной науки открывает новые аспекты не утрачивающего своей актуальности изучения фразеологии в свете развивающихся направлений, а имеющиеся достижения дают основу для комплексного описания лингвистических свойств фразеологизмов с учетом экстралингвистических факторов. Такое описание ФЕ с зоонимом *волк* в системе языка и речевом употреблении представлено в данной статье.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Под фразеологизмом, или фразеологической единицей, понимается «предложение или сочетание слов, характеризующееся слитным значением, функционально эквивалентным словесному значению, неразложимым на значения слов в их обычном употреблении в аналогичных по форме синтаксических конструкциях» [Телия, 1997].

Термин *зооним* в ономастике определяется как имя собственное (кликка) животного. Более широкая трактовка, включающая и имена нарицательные — наименования животных, представлена во многих исследованиях по лексикологии и фразеологии. Ряд ученых в целях разграничения имен собственных и нарицательных предлагает для последних термины *фаунонимическая лексика*, *анимализмы*, *зоолексемы*, *зооформы* и др. [Багана и др., 2011]. Считая справедливым стремление оставить слово с компонентом *-оним* за именами собственными, мы принимаем термин *зооним* как общий для всех наименований животных.

Объектом анализа являются фразеологизмы *старый / травленный волк*, *морской волк*, *выть волком*, *хоть волком вой*. Они исследуются в русле комплексного подхода, предложенного в трудах С. П. Лопушанской [Семантика ..., 2009, с. 5—26]. Такой подход предполагает учет разносторонних системных свойств и отношений языковой единицы (формы и содержания на разных уровнях, парадигматики и синтагматики), а также ее функциональных особенностей, обусловленных внешними связями языка с мышлением, культурой, условиями коммуникации и т. д. В соответствии с этим фразеологизмы рассматриваются с точки зрения их лексического значения, грамматической структуры, употребления в речи (тексте).

Функционированию фразеологизмов в текстах разных типов и жанров посвящен ряд работ [Жапаркулова, 2020; Резниченко, 2022; Смирнов, 2022]. Ученые анализируют состав используемых ФЕ, их роль в раскрытии замысла, характеристике персонажей, создании выразительности, передаче оценки и др. Представлен частотный анализ ФЕ в Национальном корпусе русского языка [У Цюаньмин, 2023]. Имеются результаты комплексного

исследования семантики, структуры, контекстуальных условий использования глагольных фразеологизмов, обозначающих поведение человека, что позволило выявить взаимозависимость их свойств [Швеллдзе, 2015]. Были предложены принципы коммуникативно-прагматического анализа фразеологизмов [Эмирова, 2020], который сегодня приобрел актуальность в свете развивающихся когнитивистики и коммуникативной лингвистики. Это направление научных разысканий считаем возможным продолжить с привлечением дискурсивного подхода, возможностей корпусной лингвистики.

Материалом послужили около 450 случаев употребления (сл. уп.) названных фразеологизмов, извлеченных из Национального корпуса русского языка [НКРЯ]. Цель исследования — охарактеризовать семантику, структуру, особенности функционирования ФЕ во взаимосвязи. Для этого используются описательный метод, анализ словарных дефиниций, приемы синтаксического, контекстуального, дискурсивного анализа, количественных подсчетов. В плане лексической семантики рассматривается понятийное содержание, коннотация, образная составляющая единицы. Грамматический аспект предполагает выявление структуры сочетания (частеречной принадлежности компонентов, синтаксических отношений между ними), его соотносительности с той или иной частью речи и возможной роли в предложении. Функциональные свойства ФЕ характеризуются с учетом ее частотности, сочетаемости, формы речи, типа, жанра, тематики, времени создания текста, речевой ситуации (сфера общения, участники, прямая или непрякая речь, объект характеристики и т. д.).

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Образ волка относится к числу значимых для русской культуры образов, восходящих к мифологии, присутствующих в фольклоре. Он выступает как стереотипный и может служить метафорическим средством характеристики человека — голодного, злого и жестокого, опытного, гордого и независимого, проявляющего в своем поведении черты и повадки этого животного [Русское ..., 2004, с. 64—65]. Рассматриваемые нами ФЕ обозначают человека, его свойства, действия, состояние.

3.1. ФЕ *старый / травленный волк*

Фразеологизм дается в словарях как один с вариативным компонентом: *старый (травленный) волк*. Его значение определяется как «человек, испытавший в жизни многие лишения, невзгоды и приобретший опыт, знания» [ФСРЯ, с. 76]; в РФИЭС уточняется, что такого человека «трудно обмануть или перехитрить» [РФИЭС, с. 114]. Иногда оборот используется с обоими определениями: «*Гришка Челкаш, старый травленный волк...*» (М. Горький. Челкаш, 1894). Фразеологизм имеет нейтральную стилисти-

ческую окраску. Образ построен на сравнении с повадками зверя, которого в течение его долгой жизни не раз преследовал (травил) человек. Об этом свидетельствуют случаи употребления словосочетания в сравнительной конструкции, где оно выражает прямое значение, например: *...Резануилов ... огрызлся, как **старый, травленный волк*** (Ф. Ф. Торнау. Воспоминания кавказского офицера, 1866—1880).

Оборот характеризуется именной структурой: «имя существительное (зооним) + имя прилагательное». Как отмечает А. М. Эмирова, несмотря на свои грамматические признаки, подобные ФЕ не называют предмет, а определяют его свойства, поэтому их основная функция в высказывании — предикативная [Эмирова, 2020, с. 88]. Это подтверждается и нашим материалом: идиома чаще употребляется в роли сказуемого. Ср.: *Этот Бандит — наверняка **травленный волк**...* (А. Вайнер, Г. Вайнер. Я, следовательно..., 1968). Иногда ФЕ выступает в роли обособленного оборота с полупредикативным значением: *...и он, **старый волк туннелей**, так и не успел обзавестись настоящей семьей...* (Д. Глуховский. Метро 2033, 2005). Реже фразеологизм встречается в роли подлежащего или дополнения: ***Старые волки адвокатуры настаивали**...* (А. Рубанов. Сажайте, и вырастет, 2005); *...пустобородые мальчишки **травленного волка** загнали в тенёта* (П. И. Мельников-Печерский. На горах. Книга вторая, 1875—1881). Однако у сочетания *старый волк* подобная реализация синтаксических функций отмечается в художественных текстах, тогда как в нехудожественных оно преимущественно выступает как подлежащее или дополнение.

Сочетание *травленный волк* отмечено в 13 контекстах, в основном из художественных произведений (9 сл. уп.). Самый поздний источник относится к 1974 году. Оборот употребляется, как правило, при общении в бытовой сфере, в речи персонажа или повествовании от первого лица и характеризует преимущественно говорящего либо говорящего вместе с другими лицами, отмечается наличие опыта, умение разбираться в людях, например: *Я **травленный волк** и знаю, что в наше время не только двоюродному брату, но и отцу родному доверяться нельзя* (М. А. Шолохов. Мягкотель, 1927). Эти свойства могут подчеркиваться в контексте определением *опытный*, предикатами *знаю, видел* и под., противопоставлением молодому возрасту, внешним признакам молодых людей, как в приведенном выше примере: *травленный волк — пустобородые мальчишки*. Характеризоваться могут люди разного рода занятий, в нескольких случаях объектами становятся представители маргинальных групп («босьяки», преступники). Невысокая активность фразеологизма и ее снижение в современной речи, возможно, объясняются тем, что слово *травить* «загонять и убивать зверя на охоте» [БТС, с. 1337] соотносительно с ограниченной сферой деятельно-

сти, так как называет род занятий профессионального охотника, загоняющего зверя «с помощью собак, ловчих птиц».

Более употребительным является вариант *старый волк* (93 сл. уп.), он встречается и в текстах последних двух десятилетий.

В художественных текстах (29 сл. уп., 31 %) фразеологизм используется чаще в речи персонажа или авторской речи от 1 лица (18 сл. уп.); почти в равных количествах контекстов говорящий характеризует себя (и тех, кто с ним), собеседника (используя оборот также в роли обращения), третьих лиц.

Объектом характеристики и в прямой, и в авторской речи выступают люди, в первую очередь, по их профессиональным качествам (опытный врач, следователь, солдат, машинист), сфера деятельности может уточняться в контексте (волк / волки *туннелей, адвокатуры, коммерции, футбола*).

Образ волка часто конкретизируется деталями, отсылающими к признакам, характеру, повадкам зверя: *нюх, чутье, зубы, хищный, лютый, охота на зайчонка, побывал в капканах, остался в стае*. Характеристика усиливается оппозицией «старый — молодой» (*старый волк — молодой, младенец, зайчонок, ребятушки*), например: *...и уже появились молодые, столь дерзкие волки, что пытались их, старых волков коммерции, обкладывать подпольными налогами...* (Ф. Искандер. Софичка, 1997), в противопоставлении старых и молодых образ дополняется упоминанием о взаимоотношениях волков в стае — обычном подчинении молодых волков старым (а в контексте — о нарушении этих законов). В высказывании может уточняться, в чем проявляется опытность человека: *поверьте старому волку (нюху старого волка), меня не надуешь, всего видел* и под.

Нехудожественные тексты имеют различную тематику — общественно-политическую, культурную, производственную, спортивную, бытовую и др. В них отмечено 64 сл. уп. (69 %) ФЕ. Объектом номинации являются отдельные лица и группы людей различных социальных слоев и статуса: городской, капитан, сотрудники учреждений, представители политических сил, культуры, искусства и т. д. В контексте может уточняться область их деятельности: *старые волки живописи, старый волк политического консалтинга*. Как правило, они именуются по профессиональным качествам, опыту, даже в текстах личного характера (дневниках) ФЕ появляется там, где речь идет о профессиональной деятельности.

Оборот употребляется в прямой и непрямой речи, субъект может говорить о себе, но чаще о третьих лицах. Характеристика дополняется указаниями на длительность деятельности, рабочего стажа человека, легкость выполнения профессиональных заданий, знание и другие качества, в том числе внешние признаки: *опытный, осмотрительный, знаем, все понимали, его не проведешь, его легко не возьмешь, чутье, седой* и под. Образ

раскрывается также в оппозициях *старый волк* — *молодой волк*, *молодой (штурман* и т. д.), *щенок*, *заяц* и обогащается деталями (например, кльки): ...замочили **старых волков** молодые, более клыкастые и охочие до власти и денег [Яковлев, Омут памяти, 2001, т. 2].

В целом функционирование фразеологизма в художественных и нехудожественных текстах обнаруживает сходство; различия наблюдаются в типе речи (незначительное преобладание ФЕ в прямой речи персонажей художественных произведений), а также в синтаксической роли (тяготение к непредикативной функции в нехудожественных текстах).

3.2. ФЕ *морской волк*

Фразеологизм *морской волк* означает «опытный моряк» [ФСРЯ, с. 76], «старый моряк, опытный и преданный своему делу» [ТСРЯ, т. 1, стб. 349]. Семантически он сближается с ФЕ *старый / травленный волк*, характеризующая человека по признаку опытности; в его основе лежит и сходный образ. Однако выражение применимо только к человеку одной профессии. В ТСРЯ, БТС оборот отмечен как разговорный, в других словарях — как стилистически нейтральный.

Грамматическая структура и синтаксическая роль у данных фразеологизмов также совпадают. Единице *морской волк* в меньшей степени свойственна предикативная функция (33 % художественных контекстов и 25 % нехудожественных), ФЕ употребляется со связкой *быть* и с полусвязочными глаголами *стать*, *считать(ся)* и под., в составе обособленных оборотов с полупредикативным значением.

Идиома *морской волк* представлена в НКРЯ в 249 контекстах из художественных (39 %) и нехудожественных (61 %) текстов.

В художественных текстах она встречается в речи персонажей и автора. Говорящий может иметь в виду себя, собеседника (в прямой речи), третьих лиц (в прямой и не прямой речи). Во всех случаях объектом номинации являются моряки. Обозначаемые фразеологизмом характеристики человека могут подчеркиваться в контексте, например: *За эти годы он стал профессионалом, настоящим «морским волком»* (В. Лебедев. Бег реки. Жизнь и приключения Джейка Ньюхауза — нового американца // «Вокруг света», 1990), — где такими экспликаторами являются слова *профессионалом*, *настоящим*. Это могут быть также элементы *седой*, *видал виды* и под., чаще всего — *старый*.

Контексты, однако, показывают, что признак ‘опытность человека’ в семантике фразеологизма может ослабевать, о чем свидетельствует неоднократное сочетание с определением *опытный*, которое можно расценивать как плеонастическое, например: *Акула посмотрел на него с презрением, как опытный морской волк на ушедшего на пенсию и потерявшего форму моряка* (М. Петросян. Дом, в котором..., 2009). В таких случаях, на

наш взгляд, выражением *морской волк* просто называются люди данной профессии. Ср. также сочетание *бывший морской волк* (Н. Н. Шпанов. Лбды и крылья, 1924; А. Мариенгоф. Бритый человек, 1929): признаки ‘бывший’ и ‘опытный’ вряд ли совместимы, тогда как ‘бывший’ и ‘моряк’ не противоречат друг другу.

Употребление ФЕ в нехудожественных текстах имеет сходные черты. При назывании человека в контексте чаще всего говорится о его возрасте (*старый, убеленный сединами*), дополнительными средствами, порой плеонастически, также подчеркивается его опытность (*матерый, опытный, прожжённный* и др.).

Качества моряка ярко проявляются в оппозиции другим людям, которые тоже часто называются с использованием образов животных.

В художественных текстах морскому волку противопоставляются *сухопутные крысы, сухопутный интеллигент, крот*: на первый план выходит оппозиция «морской — сухопутный», а также по социальному признаку «моряк — интеллигент», по характеру (образно, через переносные значения) «крыса — волк». Например: *Видно, решили быть кротом, а не морским волком, Чайк? — Да, капитан. С малолетства я был на земле. Люблю землю* (К. М. Станюкович. Похождения одного матроса, 1900), — где крот ассоциируется с землей, замкнутым пространством, в отличие от широких морских просторов.

В нехудожественных текстах наблюдается образное противопоставление морских волков другим лицам тоже по признаку «морской — сухопутный» (*сухопутные крысы, сухопутники*), а также по опытности и возрасту (*щенки, новички, четырнадцатилетние кадеты-стажеры*), по характеру (*сухопутные крысы, морские крысы, шакалы*).

Многочисленные примеры из текстов разного типа свидетельствуют о том, что выражение *морской волк* ассоциируется не столько с образом волка, сколько с образом моряка (и моря), во многом романтизированным, сложившимся не без влияния произведений мировой литературы. Он обладает целым рядом стереотипных черт: внешность (*обветренный, краснолицый, со шкиперской бородой, с орлиным профилем, могучая грудь, шрам на лбу*), голос (*хриплый голос старого морского волка, хриплый бас*), одежда (*в зюйдвестке*), поза (*расставив врозь ноги*), манера поведения (*грубоватый, резкий*), предметные атрибуты (*трубка, кортик, ром, бренди*) и др. Эти черты часто называются в совокупности, например: *«Ахой there!» — услышал я ритуальное приветствие морских волков, капитанов, обветренных как скалы* (З. Зиник. На безрыбье, или Принцип неопределенности // «Волга», 2012). Соответствие либо несоответствие этому стереотипу подчеркивается словами *настоящий, завзятый, заправский,*

как *подобаает* или *ничего от морского волка*. Его романтичность вполне осознается: ...*овеянный романтикой и боевыми походами матерый морской волк* (А. А. Бушков. Ближе, бандерлоги! 2016).

За фразеологизмом *морской волк*, по-видимому, стоит прецедентный текст, в первую очередь роман Дж. Лондона с таким же заглавием, хотя не только он. Помимо нескольких случаев упоминания романа и одноименного фильма, ФЕ используется в качестве названия песни, ресторана, спортивного клуба, команды КВН, игровой программы, то есть сформировавшийся в сознании носителей языка стереотип приводит к появлению новых прецедентных текстов (песни), приобретает характер символа. Так, в следующем диалоге говорится не о морях, а о спортсменах, но сохраняется связь с морем (клуб в приморском городе), по ассоциации возникает известный образ: *Вот вам какое название больше нравится? — «Акулы». А вам? — А мне — «Морские волки».* Сразу представляю *одноглазого бородатого пирата в тельняшке и бескозырке* (О. Захарец. Филиппенко: «В названии нового клуба КХЛ должно быть что-то морское» // Известия, 2013.04.28).

Названные особенности ФЕ, возможно, определяют ее активность в текстах.

3.3. ФЕ *волком выть*

Значение фразеологизма — «горько жаловаться, сетовать и т. п. на что-либо, страдая от чего-либо» [ФСРЯ, с. 98], «громко выражать недовольство своим положением, условиями жизни, горько жаловаться на что-либо» [РФЛС, с. 39]. В приведенных дефинициях акцентируется сема ‘говорение’, при этом речь выражает негативное физическое или эмоциональное состояние. Лексикографы уточняют, что так «говорится о человеке, попавшем в безвыходное положение или в такие условия, когда ему ничего не остается, как только плакать и жаловаться» [РФЛС, с. 39], то есть характер положения, интенсивность переживания составляют ядро значения идиомы. Этот компонент выдвигается на первый план авторами словаря «Русское культурное пространство»: *выть волком* — «тосковать, испытывать чувство безысходности [Русское ..., 2004, с. 65]. При этом в словарной дефиниции семы ‘говорение, ‘звучание’ не эксплицируются. Фразеологизм дается словарями как стилистически нейтральный.

Образную основу ФЕ составляет сравнение действий человека с повадками волка, в целом представления народа об этом хищнике: «Голодные волки, особенно зимой, воют, издают громкие протяжные жалобные звуки» [РФЛС, с. 39]; «считалось, что у волка трудная жизнь, поэтому он и воет» [РФИЭС, с. 114]. Как видим, изначально подразумевалась речь человека, ее сходство по звучанию с издаваемыми животным звуками, а также особое состояние (у животного — голод).

Грамматически оборот представляет собой сочетание глагола с зоонимом в творительном падеже сравнения («как волк») и в предложении выступает в роли глагольного сказуемого, характеризуя действие человека.

ФЕ представлена 30 случаями употребления в НКРЯ, с примерно одинаковой частотностью в художественных (16 сл. уп.) и нехудожественных (14 сл. уп.) текстах, причем в последние два десятилетия она более употребительна в публицистике.

В художественных текстах идиома встречается преимущественно в речи персонажей, разговорах на бытовые темы, о личных переживаниях; субъектом действия является говорящий или иное лицо. Тема может касаться социально-экономических отношений, тогда субъектом является социальная группа, причиной негативного состояния — тяжелые условия жизни, труда.

Речь автора (от 1 или 3 лица) передает эмоциональное состояние повествователя или персонажа.

Оборот может обозначать собственно говорение: *...стоял на коленях мужик и ... **выл волком**: — Православные, грешен...* (М. Горький. В людях, 1915—1916). Здесь ФЕ вводит прямую речь персонажа и характеризует ее звучание, а также безысходность состояния героя (страх перед смертью).

Однако чаще в контексте акцент делается не на речи, а на самом переживании, его интенсивности; не раз оборот сочетается с модальным глаголом *хотеть(ся)*, выражающим лишь желание говорить, жаловаться. В позиции субъекта может выступать слово *душа (душа волком воет)*, метафорически передавая эмоциональное состояние человека. Иногда подчеркивается несоответствие произносимых слов истинным эмоциям, например: *Тебе **волком выть** хочется, а ты: ля-ля, ля-ля — мол, жизнь прекрасна и удивительна* (В. Богомолов. Момент истины (В августе сорок четвертого...), 1973). Описываемое чувство является сильным, безысходным (тоска, ностальгия): *Хотелось **волком выть**. Наши звуки! Разъедающий сердце «Сиреневый туман»...* [С. Шаргунов. Ура! 2003]. Эмоции выражаются в данном отрывке и при помощи метафоры *разъедающий сердце*.

Нехудожественные тексты также отражают употребление фразеологизма с акцентом и на говорении, и на эмоциональном состоянии, при этом ФЕ отмечается только в речи автора (в том числе от 1 лица). Например: *... первые три года я плакала навзрыд и **выла волком**...* (Алена Ли. Там лучше, где нас нет // Интернет-альманах «Лебедь», 2003.10.26). Тут оборот выступает в качестве однородного сказуемого с формой *плакала*, обозначая сопровождающее действие. Эмоции могут передаваться косвенно, через метафору, в сочетании ФЕ со словом *душа*, а также с наименованием самого чувства в позиции субъекта: *Невыносимая, пронзительная тоска*

<...> **воет волком с полотна «Оттепель II»** (Ю. Изюмова. Оправданные и возрожденные // РБК Дейли, 2012.05.30). Здесь тоска есть переживание самого автора.

Это тексты социально-экономической, профессиональной, бытовой тематики; субъектом могут быть отдельная личность (конкретная и обобщенная), группы людей — *мы* (рабочие), *капиталист*, *антрепренеры*, *водители*, *жители Ванкувера* и др. Причиной страданий являются экономическая ситуация, условия жизни, личные обстоятельства, физическое состояние.

Таким образом, ФЕ имеет сходные значения в художественных и нехудожественных текстах, называя действие (речь) или состояние человека, связанное с трудным положением.

3.4. ФЕ *хоть волком вой*

Данный фразеологизм используется для выражения «отчаяния, бессилия, невозможности что-либо предпринять, чтобы выйти из затруднительного, тяжелого или безвыходного положения» [ФСРЯ, с. 75]. Словари приводят его с пометами «неодобрительное» [РФИЭС, с. 114], «разговорное» [БТС, с. 146] либо без стилистических помет [ФСРЯ, с. 75].

Грамматически оборот представляет собой глагольно-именное сочетание, как и *волком выть*, но с глаголом в повелительном наклонении и союзом *хоть*, формально совпадая с придаточным предложением. Фразеологизированная конструкция «*хоть* + повелит. накл.» (авторы «Русской грамматики» 1980 года определяют ее как бессоюзную) выражает экспрессивную оценку интенсивности, характерную для разговорной речи и просторечия [Русская ..., т. 2, с. 504].

Фразеологизм соотносится семантически с оборотом *волком выть*, однако не называет действие / состояние человека, а выражает крайне высокую степень негативного чувства, которое описывается в контексте: «до такой степени, что» [БАС, т. 17, стб. 414—415], — и сближается по значению с наречием образа действия, выполняя в предложении роль обстоятельства.

НКРЯ содержит 47 контекстов с данной ФЕ, из них 36 (77 %) — из художественных текстов, в том числе последних двух десятилетий (10 сл. уп.).

В художественных текстах оборот используется в речи персонажей (21 сл. уп., 58 %) и речи автора, передавая состояние говорящего или иного лица. Это в основном описание ситуации в бытовой сфере, где говорится о личных переживаниях человека (часто это тоска) по поводу социального, имущественного положения, семейных отношений, погодных условий, о его физическом состоянии — усталости, голоде. Например: *Тянет что-то за душу и тянет, хоть волком вой* (М. Зосимкина. Ты проснешься, 2015), — здесь указывается на эмоциональное состояние (*за душу*), мучи-

тельность и необъяснимость чувства (*что-то тянет*); *Пролеченный зуб, как потревоженный осьминог, вдруг выпустил огненные щупальца до самого дна бедной челюсти. Хоть волком вой* (Д. Рубина. Русская канарейка. Блудный сын, 2014), — в контексте говорится о физической боли, интенсивность выражается также путем метафоры, включающей уточнители характера ощущения (*огненные*), степени его проникновения (*до самого дна*), эмоциональной оценки (*бедной*).

Некоторые контексты из произведений более ранних периодов характеризуют положение дел в социальной, экономической сферах: ... *нет дорог, в торговле плутни и застои, с финансами хоть волком вой...* (Н. А. Некрасов. Суд, 1866—1867).

Из 11 случаев употребления ФЕ в нехудожественных текстах 8 отмечено в публицистике последних десятилетий, что свидетельствует о проникновении данного стилистически маркированного оборота в публичную речь. Он используется в текстах на бытовые темы для передачи эмоционального состояния человека, которое вызвано тяжелыми условиями жизни, временными обстоятельствами и др., например: *Так женщина лишилась работы... Жизнь началась тяжелая, даже есть было нечего. Хоть волком вой!* (И. Журавель. Вышла замуж за бомжа // Комсомольская правда, 2007.11.13). Здесь, как и в ряде других случаев, ФЕ оформляется в результате парцелляции восклицательным предложением, что усиливает экспрессивно-эмоциональную окраску высказывания.

ФЕ встречается также в текстах социальной тематики, где передает состояние единичного (обобщенного) или коллективного (работники той или иной сферы) субъекта, например: *Надоело, скажем, кинорежиссеру кино снимать (ну, невагому уже, хоть волком вой!), он тогда берет кисть и пишет картину* (А. Мешков. Из дневников журналистов КП: Чем бы талант ни тешился... // Комсомольская правда, 2005.10.06). Здесь описывается предполагаемое состояние человека сферы искусства как проявление творческого кризиса.

4. Заключение = Conclusions

Комплексный анализ фразеологизмов с зоонимом *волк* позволил прийти к следующим выводам.

Фразеологизмы называют человека по его свойствам (опытный, бывалый — *старый* / *травленный волк*, *морской волк*), действиям (*волком выть*), используются для выражения степени его негативных переживаний, тяжести положения (*хоть волком вой*). Передаваемый ими образ основан на сравнении человека с повадками волка — его осторожностью, издаваемыми им в определенных ситуациях звуками.

Фразеологизмы, обозначающие свойства человека, являются стилистически нейтральными. ФЕ *волком выть*, выражающая негативное эмоциональное или физическое состояние, интенсивность, имеет разговорный оттенок, а фразеологизм *хоть волком вой*, передающий высокую степень негативных чувств, совпадающий по форме с экспрессивной синтаксической конструкцией, тяготеет к разговорной речи и просторечию.

Фразеологизмы имеют различную грамматическую структуру, сближаясь с именем существительным, глаголом, наречием, чем обусловлены и их синтаксические роли.

Функционирование рассмотренных фразеологизмов в определенной степени обусловлено их семантикой, структурой, стилистическими свойствами.

Так, из близких между собой оборотов *старый / травленный волк, морской волк* ФЕ *травленный волк*, включающая специфический по значению компонент *травленный*, отмечена преимущественно в художественных текстах и обнаруживает снижение активности употребления. Остальные единицы встречаются чаще в нехудожественных текстах, в том числе последних двух десятилетий. Именная структура этих фразеологизмов определяет их использование в роли подлежащего или дополнения, однако, характеризуя человека, они часто выполняют предикативную функцию, особенно в художественных текстах.

Высокую частотность оборота *морской волк* можно объяснить тем, что в его семантике ослабевает сходство с животным. Здесь складывается самостоятельный стереотипный образ моряка с характерными чертами (хотя некоторые из внешних черт — хриплый голос, грубоватые манеры — могут ассоциироваться со зверем), имеющий тенденцию стать символом, ассоциирующийся с романтическим образом моря. У него преобладает непредикативная функция в предложении. Вероятно, каждый раз, когда речь идет о людях данной профессии, возникает потребность в использовании этого фразеологизма; сочетание иногда употребляется для наименования людей других профессий при сохранении признаков умения, опыта и ассоциации с морем.

Нейтральная стилистическая окраска не накладывает ограничений на употребление ФЕ в художественных и нехудожественных текстах, в прямой или непрямой речи. Яркая коннотация и разговорно-просторечный характер выражения *хоть волком вой* определяют его использование преимущественно в художественных текстах в речи персонажей. Однако отмечается и рост его активности в публицистике последнего времени, что может свидетельствовать о повышении эмоциональности, экспрессивности и снижении стилевой строгости современной публичной письменной речи.

Полученные результаты могут быть дополнены и уточнены на материале других идиом с зоонимами, но они убеждают в значимости комплексного, разноаспектного исследования этих единиц на обширном текстовом материале для возможно более полного описания и объяснения тенденций реализации фразеологического фонда русского языка в речи.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликтов интересов.	The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. БАС — *Словарь* современного русского литературного языка. — Москва ; Ленинград : АН СССР, 1950—1966. — Т. 1—17.
2. БТС — *Большой толковый словарь* русского языка. — Санкт-Петербург : Норинт, 2000. — 1536 с. — ISBN 5-7711-0015-3.
3. *Русское культурное пространство* : лингвокультурологический словарь / И. С. Брилева, Н. П. Вольская, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, В. В. Красных. — Москва : Гнозис, 2004. — Выпуск 1. — 318 с. — ISBN 5-94244-003-4.
4. РФИЭС — *Русская фразеология. Историко-этимологический словарь*. — Москва : Астрель : АСТ : Хранитель, 2007. — 926 с. — ISBN 5-17-029253-8.
5. РФЛС — *Фелицына Ф. П. Русская фразеология. Лингвострановедческий словарь* / Ф. П. Фелицына, В. М. Мокиенко. — Москва : Русский язык, 1990. — 220 с.
6. ТСРЯ — *Толковый словарь* русского языка. — Москва : Сов. энциклопедия : ОГИЗ, 1935—1940. — Т. 1—4.
7. ФСРЯ — *Фразеологический словарь* русского языка. — Москва : Русский язык, 1986. — 543 с.
8. НКРЯ — *Национальный корпус* русского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения 19.05.2024).

Литература

1. *Альмухаммадага Х. А. Ф.* Особенности актуализации компонентов-зоонимов *верблюд* и *лев* во фразеологии арабского и русского языков / Х. А. Ф. Альмухаммадага // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия : Филология и искусствоведение. — 2023. — Выпуск 4 (327). — С. 63—69. — DOI: 10.53598/2410-3489-2023-4-327-63-69.
2. *Багана Ж.* Фаунонимическая лексика в системе языка и её национально-культурная специфика (на материале лексических единиц «лошадь», «конь», «свинья» в русском, английском и немецком языках) / Ж. Багана, Ю. С. Михайлова // Научные ведомости. Серия Гуманитарные науки. — 2011. — № 24 (119). — Выпуск 12. — С. 84—93.
3. *Булгакова О. А.* Зоофразеологизмы и зоолексемы как экспликатеры языковой картины мира русского и китайского языков / О. А. Булгакова, О. А. Красноборова // Вестник Кемеровского государственного университета. — 2016. — № 1 (65). — С. 160—166.
4. *Голубенко О. М.* Фразеологизмы с компонентом-зоонимом как средство выражения модально-оценочных значений / О. М. Голубенко // Модальность. Коммуникация.

Текст. — Калининград : Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, 2021. — С. 308—315. — ISBN 978-5-9971-0622-5.

5. *Жапаркулова Н. Н.* Функционирование фразеологизмов с компонентом-зоонимом в романе Ч. Айтматова «И дольше века длится день» (в аспекте перевода с киргизского языка на русский) / Н. Н. Жапаркулова // Фразеология и паремиология в диахронии и синхронии (от архаизации к неологизации). — Кострома : Костромской государственный университет, 2020. — С. 134—135. — ISBN 978-5-8285-1101-3.

6. *Киселева Л. А.* Натурморфные образы в славянской и тюркской эмотивной фразеологии : параллели и контрасты / Л. А. Киселева // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. — 2023. — Т. 22. — № 1. — С. 97—107. — DOI: 10.15688/jvolsu2.2023.1.8.

7. *Маклакова Е. М.* Структурно-грамматический и семантический аспекты глагольных фразеологических единиц с компонентом-зоонимом в английском, французском и русском языках / Е. М. Маклакова // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики. — 2012. — № 1. — С. 227—231.

8. *Мокшенико В. М.* Аксиология неофразем и фразеотрансформаций в лексикографической интерпретации / В. М. Мокшенико, Т. Г. Никитина // Вопросы лексикографии. — 2022. — № 25. — С. 81—107. — DOI: 10.17223/22274200/25/4.

9. *Мухина А. А.* Тематическая классификация фразеологизмов с компонентом-зоонимом в английском языке / А. А. Мухина // Языки, культуры, этносы. Формирование языковой картины мира : филологический и методический аспекты. — Йошкар-Ола : Марийский государственный университет, 2022. — С. 32—37. — ISBN 978-5-907466-84-5.

10. *Резниченко Ю. Ю.* Фразеологические единицы с компонентом-зоонимом в текстах британской прессы / Ю. Ю. Резниченко // Вопросы иноязычной филологии в свете современных исследований. — Чебоксары : Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева, 2022. — С. 260—264.

11. *Романкевич М. Н.* Интенсификация высказывания посредством фразеологических единиц с компонентом-зоонимом / М. Н. Романкевич // Вестник Минского государственного лингвистического университета. Серия 1 : Филология. — 2018. — № 6 (97). — С. 143—150.

12. *Русская грамматика* : в 2 т. — Москва : Наука, 1982. — Т. 2. — 709 с.

13. *Семантика древнерусского глагола : синхронно-диахронический аспект* / О. А. Горбань, Е. Г. Дмитриева, М. В. Косова, И. А. Сафонова, Е. М. Шептухина. — Волгоград : Волгоградское научное издательство, 2009. — 272 с. — ISBN 978-5-98461-685-0.

14. *Сирота Е. В.* Фразеологизмы с зоонимическим компонентом в русской и румынской языковых картинах мира / Е. В. Сирота // Национальные коды в языке и литературе. Язык и культура. — Нижний Новгород : ДЕКОМ, 2018. — С. 287—295. — ISBN 978-5-89533-397-6.

15. *Смирнов А. А.* Прагматические особенности фразеологических единиц с компонентом-зоонимом в текстах различных жанров / А. А. Смирнов // Сборник научных трудов по итогам выполнения научно-исследовательской работы в Институте иностранных языков МПГУ за 2021—2022 учебный год. — Москва : МПГУ, 2022. — С. 138—142. — ISBN 978-5-4263-1199-2.

16. *Сокур Е. А.* Роль компонента-зоонима в формировании индивидуального значения фразеологизма / Е. А. Сокур, Б. А. Шежева // Вестник Адигейского государственного университета. Серия 2 : Филология и искусствоведение. — 2018. — № 4 (227). — С. 89—94.

17. Телия В. Н. Идиома / В. Н. Телия // Русский язык. Энциклопедия. — Москва : Большая Российская энциклопедия ; Дрофа, 1997. — С. 145. — ISBN 5-86270-248-X (БРЭ), ISBN 5-7107-1455-0 (Дрофа).

18. У Цюаньмин. Частотный анализ зоонимических фразеологизмов / У Цюаньмин // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. — 2023. — Т. 42. — № 1. — С. 177—194. — DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-1-177-194.

19. Швелидзе Н. Б. Концептосфера поведения в глагольной фразеологии современного русского языка : диссертация ... доктора филологических наук : 10.02.01 / Нина Бидзиновна Швелидзе. — Пятигорск, 2015. — 570 с.

20. Эмирова А. М. Русская фразеология в коммуникативно-прагматическом освещении / А. М. Эмирова. — Симферополь : Научный мир, 2020. — 228 с. — ISBN 978-5-6042514-5-4.

21. Юрченко Д. В. Антропоморфные коннотативные свойства зоонимических фразеологизмов / Д. В. Юрченко // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. — 2006. — № S14. — С. 111—113.

22. Jumayeva Z. Linguo-culturological features of zoonimic phraseological units in Uzbek and Russian languages / Z. Jumayeva // ISJ Theoretical & Applied Science. — 2020. — № 04 (84). — Pp. 720—723. — DOI: 10.15863/TAS.2020.04.84.124.

Статья поступила в редакцию 25.07.2024,
одобрена после рецензирования 08.10.2024,
подготовлена к публикации 07.11.2024.

Material resources

BAS — *Dictionary of modern Russian literary language, 1—17*. (1950—1966). Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR. (In Russ.).

BTS — *A large explanatory dictionary of the Russian language*. (2000). St. Petersburg: Norint. 1536 p. ISBN 5-7711-0015-3. (In Russ.).

FSRYA — *Phraseological dictionary of the Russian language*. (1986). Moscow: Russian language. 543 p. (In Russ.).

NKRYA — *The National Corpus of the Russian language*. Available at: <http://www.ruscorpora.ru> (accessed 19.05.2024). (In Russ.).

RFIEP — *Russian phraseology. Historical and etymological dictionary*. (2007). Moscow: Astrel: AST: Keeper. 926 p. ISBN 5-17-029253-8. (In Russ.).

RFLS — Felitsyna, F. P., Mokienko, V. M. (1990). *Russian phraseology. Linguistic and cultural dictionary*. Moscow: Russian language. 220 p. (In Russ.).

Russian cultural space: A linguistic and cultural dictionary, 1. (2004). Moscow: Gnosis. 318 p. ISBN 5-94244-003-4. (In Russ.).

TSRYA — *Explanatory dictionary of the Russian language, 1—4*. (1935—1940). Moscow: Soviet Encyclopedia: OGIZ. (In Russ.).

References

Almukhammadaga, H. A. F. (2023). Features of actualization of components-zoonyms camel and lion in phraseology of Arabic and Russian languages. *Bulletin of the Adygea State University. Series: Philology and Art History*, 4 (327): 63—69. DOI: 10.53598/2410-3489-2023-4-327-63-69. (In Russ.).

- Bagana, J., Mikhailova, Y. S. (2011). Faunonymic vocabulary in the language system and its national and cultural specificity (based on the material of lexical units “horse”, “horse”, “pig” in Russian, English and German). *Scientific Vedomosti. The Humanities series*, 24 (119) / 12: 84—93. (In Russ.).
- Bulgakova, O. A., Krasnoborova, O. A. (2016). Zoophraseologisms and zoolexemes as explicators of the linguistic worldview of the Russian and Chinese languages. *Bulletin of Kemerovo State University*, 1 (65): 160—166. (In Russ.).
- Emirova, A. M. (2020). *Russian phraseology in communicative and pragmatic coverage*. Simferopol: Scientific World. 228 p. ISBN 978-5-6042514-5-4. (In Russ.).
- Golubenko, O. M. (2021). Phraseological units with a zoonym component as a means of expressing modal-evaluative meanings. In: *Modality. Communication. Text*. Kaliningrad: Immanuel Kant Baltic Federal University. 308—315. ISBN 978-5-9971-0622-5. (In Russ.).
- Gorban, O. A., Dmitrieva, E. G., Kosova, M. V., Safonov, I. A., Sheptukhina, E. M. (2009). *Semantics of the Old Russian verb: synchronous-diachronic aspect*. Volgograd: Volgograd Scientific Publishing House. 272 p. ISBN 978-5-98461-685-0. (In Russ.).
- Jumayeva, Z. (2020). Linguo-culturological features of zoonimic phraseological units in Uzbek and Russian languages. *ISJ Theoretical & Applied Science*, 04 (84): 720—723. DOI: 10.15863/TAS.2020.04.84.124.
- Kiseleva, L. A. (2023). Naturmorphic images in Slavic and Turkic emotive phraseology: parallels and contrasts. *Bulletin of the Volgograd State University. Series 2, Linguistics*, 22 (1): 97—107. DOI: 10.15688/jvolsu2.2023.1.8. (In Russ.).
- Maklakova, E. M. (2012). Structural, grammatical and semantic aspects of verbal phraseological units with a zoonym component in English, French and Russian. *Actual problems of German studies, Roman studies and Russian studies*, 1: 227—231. (In Russ.).
- Mokienko, V. M., Nikitina, T. G. (2022). Axiology of neophrasemes and phraseotransformations in lexicographic interpretation. *Questions of lexicography*, 25: 81—107. DOI: 10.17223/22274200/25/4. (In Russ.).
- Mukhina, A. A. (2022). Thematic classification of phraseological units with a zoonym component in the English language. In: *Languages, cultures, ethnic groups. Formation of the linguistic picture of the world: philological and methodological aspects*. Yoshkar-Ola: Mari State University. 32—37. ISBN 978-5-907466-84-5. (In Russ.).
- Reznichenko, Yu. Yu. (2022). Phraseological units with a zoonym component in the texts of the British press. In: *Questions of foreign language philology in the light of modern research*. Cheboksary: I. Ya. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University. 260—264. (In Russ.).
- Romankevich, M. N. (2018). Intensification of utterance through phraseological units with a zoonym component. *Bulletin of the Minsk State Linguistic University. Series 1: Philology*, 6 (97): 143—150. (In Russ.).
- Russian grammar: in 2 vols., 2. (1982). Moscow: Nauka. 709 p. (In Russ.).
- Shvelidze, N. B. (2015). *The conceptual sphere of behavior in the verbal phraseology of the modern Russian language*. Doct. Diss. Pyatigorsk. 570 p. (In Russ.).
- Sirota, E. V. (2018). Phraseological units with a zoonymic component in Russian and Romanian language pictures of the world. In: *National codes in language and literature. Language and culture*. Nizhny Novgorod: DECOM. 287—295. ISBN 978-5-89533-397-6. (In Russ.).
- Smirnov, A. A. (2022). Pragmatic features of phraseological units with a zoonym component in texts of various genres. In: *Collection of scientific papers on the results of re-*

- search work at the Institute of Foreign Languages of Moscow State University for the 2021—2022 academic year.* Moscow: MPSU. 138—142. ISBN 978-5-4263-1199-2. (In Russ.).
- Sokur, E. A., Sheozheva, B. A. (2018). The role of the zoonym component in the formation of the individual meaning of phraseology. *Bulletin of the Adygea State University. Series 2: Philology and Art History*, 4 (227): 89—94. (In Russ.).
- Telia, V. N. (1997). Idioma. In: *Russian language. Encyclopedia*. Moscow: The Great Russian Encyclopedia; Bustard. P. 145. ISBN 5-86270-248-X (BRE), ISBN 5-7107-1455-0 (Bustard). (In Russ.).
- Wu Quanming. (2023). Frequency analysis of zoonymic phraseological units. *Questions of journalism, pedagogy, linguistics*, 42 (1): 77—194. DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-1-177-194. (In Russ.).
- Yurchenko, D. V. (2006). Anthropomorphic connotative properties of zoonymic phraseological units. News of higher educational institutions. *The North Caucasus region. Social sciences*, S14: 111—113. (In Russ.).
- Zhaparkulova, N. N. (2020). The functioning of phraseological units with a zoonym component in the novel by Ch. Aitmatov “And a day lasts longer than a century” (in the aspect of translation from Kyrgyz into Russian). In: *Phraseology and paremiology in diachrony and synchrony (from archaization to neologization)*. Kostroma: Kostroma State University. 134—135. ISBN 978-5-8285-1101-3. (In Russ.).

*The article was submitted 25.07.2024;
approved after reviewing 08.10.2024;
accepted for publication 07.11.2024.*

МЕДИАКОММУНИКАЦИИ И ЖУРНАЛИСТИКА MEDIA COMMUNICATIONS AND JOURNALISM

Анаит Рубеновна Менемшян, канд. филол. наук (Ереван, Армения)

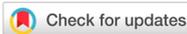
Екатерина Сергеевна Радионцева, канд. филол. наук (Омск)

Ксения Владимировна Игаева, преподаватель (Нижний Новгород)

Нагаш Наринбекович Мартиросян, канд. филол. наук (Ереван, Армения)

Тарон Рудольфович Даниелян, канд. филол. наук (Ереван, Ванадзор, Армения)

Федор Владимирович Николаи, д-р филос. наук (Нижний Новгород)

Информация для цитирования:

Игаева К. В. Медиатизация коммуникативной памяти и кризис критического мышления в цифровую эпоху / К. В. Игаева, Ф. В. Николаи // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 9. — С. 189—205. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-9-189-205.

Igaeva, K. V., Nikolai, F. V. (2024). Mediatization of Communicative Memory and Crisis of Critical Thinking in Digital Age. *Nauchnyi dialog*, 13 (9): 189-205. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-9-189-205. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Медиатизация коммуникативной памяти и кризис критического мышления в цифровую эпоху

Игаева Ксения Владимировна¹
orcid.org/0000-0002-8581-0015
преподаватель кафедры социально-гуманитарных наук,
корреспондирующий автор
igaeva.ksenia@yandex.ru

Николай Федор Владимирович²
orcid.org/0000-0002-8876-9441
доктор философских наук, доцент,
старший научный сотрудник
fvnik@list.ru

¹ Приволжский исследовательский медицинский университет (Нижний Новгород, Россия)

² Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 24-28-00809

Mediatization of Communicative Memory and Crisis of Critical Thinking in Digital Age

Ksenia V. Igaeva¹
orcid.org/0000-0002-8581-0015
senior lecturer,
Department of Social Sciences,
corresponding author
igaeva.ksenia@yandex.ru

Fedor V. Nikolai²
orcid.org/0000-0002-8876-9441
Doctor of Philosophy, Professor,
senior research scientist
fvnik@list.ru

¹ Privolzhsky Research Medical University (Nizhny Novgorod, Russia)

² National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported by Russian Science Foundation, project number 24-28-00809

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья поднимает вопрос о последствиях медиатизации коммуникативной памяти и причинах кризиса критического мышления в цифровую эпоху. Уделяется внимание трансформациям публичной сферы под влиянием новых медиа. Представлен обзор дискуссий о «новой искренности» и «новой чувствительности, а также функциях ностальгии в новых медиа. Продемонстрирована взаимосвязь этих явлений и их общие основания. Доказывается, что образы прошлого в новых медиа все чаще основываются не на биографическом или историческом опыте, но на тиражируемых и «приватизируемых» пользователями симулякрах второго порядка. Особое внимание уделяется проблеме ностальгии, выступающей симптомом подчинения культурной и коммуникативной памяти логике медиатизации, для которой характерны предельная фрагментация образов, их эмоционально-аффективная заостренность, подмена сложной структуры исторической реальности ситуативными впечатлениями. Доказывается, что теоретическая критика медиатизации и ее воздействия на публичную сферу не работает без обозначения практических альтернатив — наиболее рефлексивных проектов в старых и новых медиа: авторского кинематографа; блогов публичных историков в социальных сетях; создаваемых вещательной корпорацией BBC исторических документальных драм; независимых компьютерных игр и т. д.

Ключевые слова:

медиатизация; публичная сфера; критическое мышление; коммуникативная память; новая чувствительность; новая искренность.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article addresses the implications of the mediatization of communicative memory and explores the underlying causes of the crisis of critical thinking in the digital age. It focuses on the transformations within the public sphere influenced by new media. A review of discussions surrounding “new sincerity” and “new sensitivity”, as well as the roles of nostalgia in new media, is presented. The interconnections among these phenomena and their common foundations are demonstrated. The study argues that representations of the past in new media increasingly rely not on biographical or historical experiences but on replicable and “privatized” second-order simulacra created by users. Special attention is given to the issue of nostalgia, which emerges as a symptom of the subjugation of cultural and communicative memory to the logic of mediatization, characterized by extreme fragmentation of images, their emotional-affective sharpness, and the replacement of complex structures of historical reality with situational impressions. The article posits that theoretical critiques of mediatization and its effects on the public sphere are insufficient without identifying practical alternatives — namely, the most reflexive projects in both old and new media: auteur cinema, social media blogs by public historians, historical documentary dramas produced by the BBC, independent video games, and more.

Key words:

mediatization; public sphere; critical thinking; communicative memory; new sensitivity; new sincerity.

УДК 81'42+366.636

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-9-189-205

Научная специальность ВАК

5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика

Медиатизация коммуникативной памяти и кризис критического мышления в цифровую эпоху

© Игаева К. В., Николай Ф. В., 2024

1. Введение = Introduction

Процесс медиатизации коммуникативной памяти в цифровую эпоху фиксируется исследователями в разных терминах: *медиапамяти* [Артамонов, 2023], *цифровой* [Ernst, 2012], *медиатизированной* [Dijk, 2007], *коннективной памяти* [Hoskins, 2011] и т. д. Различия между этими понятиями требуют отдельного разговора. В рамках данной статьи будут рассмотрены два взаимосвязанных процесса, которые становятся следствием растущей зависимости коллективных представлений о прошлом и индивидуальных воспоминаний от тех медиаформатов, в которых эта память фиксируется, сохраняется и транслируется. Речь идет о кризисе критического мышления и трансформации публичной сферы. Свидетельства этих процессов фиксируются в современных междисциплинарных исследованиях с двух сторон: на эмпирическом и теоретическом уровне. Целью статьи является демонстрация их взаимосвязи, которая показывает логику развертывания медиатизации — не просто ее распространение в новых и старых медиа, но и подчинение интерсубъективного восприятия мира в современном «обществе переживаний». Основой медиатизации выступает коммуникативное узнавание отсылки к другим медиа без рефлексии и рационального суждения.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

2.1. Медиатизация образов прошлого в новых медиа

Можно обозначить несколько основных векторов трансформации образов прошлого в цифровом пространстве: перенос акцента с суждений экспертов на эмоции и развлечение пользователей, вирусный характер распространения информации и превращение дискуссий в «батл». Как убедительно показывает американский историк Д. Стейнхауэр, прошлое в цифровом пространстве раскалывается, распадается на осколки именно из-за специфики медиа. Этот распад ведет к тотальному господству метонимического тропа — переносу акцента со сложных концептуальных обобщений

ний и интерпретаций нарратива на деталь и ее аффективное восприятие. «Социальные сети отдают предпочтение частностям, а не ее правдивости контента или его точности. <...> Сеть предполагает использование фрагмента контента как ссылки на другой фрагмент. Интернет наделяет пользователя возможностью не читать всю статью или не смотреть все видео, если оно не удерживает его внимания; сама структура сети побуждает его поискать что-то еще» [Steinhauer, 2021, p. 4, 20].

Яркими примерами такой фрагментарности могут выступать приложения, сайты, блоги и группы в интернет-сетях, эксплуатирующие ностальгию применительно к фотографиям и селфи: «Timehop», «Memento», «Memolane», «HISTORY.com», «This Day in History» в Twitter¹, «@todayinamericanhistory» в Instagram², «OldSchoolCool» на сайте Reddit и др. Хотя алгоритмы этих приложений несколько отличаются, все они регулярно перекрестно ссылаются и копируют друг друга. Например, созданное в 2011 году приложение «Timehop» напоминает пользователям о сделанных несколько лет назад селфи и о друзьях, с которыми они познакомились в Facebook³, Twitter⁴, Instagram⁵. Это приложение появилось на основе другого — «4square&7yearsago», которое изначально представляло собой почтовый сервис и использовало ностальгию по местам, которые люди посетили год назад. В 2015 году Facebook⁶ скопировал это приложение и создал собственную программу «В этот день» [On This Day], которое за год скачали 155 млн пользователей. Позже она превратилась во вкладку «Воспоминания». Прямая взаимосвязь этих (и других) приложений создает специфический тип ремедиации — переноса старого содержания в новые медиаформаты. Их общей установкой оказывается использование эстетизированных в ностальгическом ключе фотографий как парадигматических репрезентаций прошлого — максимально фрагментарных и не интегрируемых в устойчивый нарратив. Ностальгия как «историческая эмоция» здесь легко тиражируется через массовый и серийный характер коммуникативных практик, все сильнее меняющих общее представление о прошлом в совре-

- 1 Деятельность этой соцсети (медиаплатформы) запрещена на территории Российской Федерации.
- 2 Деятельность этой соцсети (медиаплатформы) запрещена на территории Российской Федерации.
- 3 Деятельность этой соцсети (медиаплатформы) запрещена на территории Российской Федерации.
- 4 Деятельность этой соцсети (медиаплатформы) запрещена на территории Российской Федерации.
- 5 Деятельность этой соцсети (медиаплатформы) запрещена на территории Российской Федерации.
- 6 Деятельность этой соцсети (медиаплатформы) запрещена на территории Российской Федерации.

менном обществе. Важное для академической историографии критическое отношение к источникам и самостоятельное рациональное суждение (формирующие основу классической публичной сферы) при этом вытесняются аффективным узнаванием вещей и образов прошлого.

Медиатизированная ностальгия (как и популярная культура в целом) оказывается востребованной благодаря своему внешнему демократизму — отказу от сложных иерархий экспертного знания. Популярная история в цифровом пространстве ориентирована на интересы пользователей из среднего класса, который в отличие от пролетариата XIX века или интеллигенции первой половины XX века производит и потребляет одновременно. Ярким примером такой просьюмеристской активности среднего класса, по мнению Д. Стейнхауэра, выступает «Википедия». Как известно, первую попытку создать открытую онлайн-энциклопедию по образцу «Британики» Д. Уэйлс и Л. Сэнгер предприняли еще в 2000 году. Каждую статью должен был писать эксперт, поэтому работа продвигалась достаточно медленно. Их следующий проект — «Википедия» — предоставил право создания и редактирования текста (и статус эксперта) любому желающему, потому развивался крайне быстро. Однако многочисленные проблемы с содержанием и редактированием текстов показывают, что целью проекта становится выстраивание консенсуса мнений, а не фиксация доказательного знания о прошлом. Высшим авторитетом и арбитром в подобных спорах становятся сами потребители / просьюмеры «Википедии». Критическое мышление при этом исчезает, уступает место конформизму и стремлению к достижению коммуникативного компромисса.

Основной причиной структурных трансформаций истории в цифровом пространстве выступает экономическая прагматика. Алгоритмы лишь обслуживают интересы позднего капитализма. «Реклама дает 87 % доходов Google и 98 % доходов Facebook¹. Даже «Википедия» с самого начала стремилась продавать рекламу» [Steinhauer, 2021, p. 11]. Для рекламодателей (и платформ) важна частота переключения, именно поэтому в итоге происходит фрагментация нарративов, их дробление на минимальные фрагменты и отдельные образы. Ярким примером этого процесса Д. Стейнхауэр считает следующий кейс: в 2014 году 17-летний К. ди Петта и 19-летний К. Кэмерон, познакомившиеся через «YouTube» за 4 года до этого, создали для заработка на рекламе несколько групп и блогов в Facebook² и Twitter³,

- 1 Деятельность этой соцсети (медиаплатформы) запрещена на территории Российской Федерации.
- 2 Деятельность этой соцсети (медиаплатформы) запрещена на территории Российской Федерации.
- 3 Деятельность этой соцсети (медиаплатформы) запрещена на территории Российской Федерации.

в том числе «@HistoryInPics», на которую со временем подписались 4 млн пользователей. Молодых людей интересовали инструменты зарабатывания денег, одним из которых (причем весьма эффективным) стала выступать эстетизация ностальгии в интернет-сетях. Эта ностальгия была осознанно использована Трампом в ходе президентской компании 2016 года под лозунгом «Make America great again», прямо отсылающим к словам Р. Рейгана 1980 года и зарегистрированным в качестве торговой марки. Важно, что ни Трамп, ни молодые программисты не были оригинальны: они использовали прежние идеи в новой форме, совершенно не беспокоясь об авторских правах или ссылках на своих предшественников. Их осознанной целью было максимальное распространение постов, содержание и форма которых были максимально «вирусными», — ориентированными на предельно широкую аудиторию и массовую культуру. «@HistoryInPics» прямо заимствовал эстетику проектов «Memolane» и «@Retronaut», появившихся в Twitter¹ в 2009 году и занимавшихся цифровой обработкой фотографий из старых книг, газет и архивов. Проект «@HistoryInPics» использовал эту идею, что со временем сделали и другие — «@historypix», «@VeryOldPics» и т. д. Большинство этих проектов реализовались на платформе Twitter², которая предполагает сочетание кратких сообщений и фото, поэтому метонимический троп оказался здесь наиболее востребованным.

Концепция Д. Стейнхауэра делает акцент на фрагментации представлений о прошлом в новых медиа, однако слишком преувеличивает различия старых и новых медиа. Кроме того, такая оптика отгесняет на второй план эмоциональную специфику медиатизации, ярко проявляющуюся в дискуссиях о «новой искренности» и «новой чувствительности». В этом контексте представляется продуктивным сначала кратко охарактеризовать эту полемику, а потом вернуться к развертыванию логики медиатизации в кинематографе и на телевидении.

2.2. Медиатизация «новой искренности»

Проблематика «новой искренности» и «новой чувствительности» рассматривается в современных исследованиях с точки зрения классификации контекстных употреблений имен этих концептов. Весьма показательно, что треть словоупотреблений существительного *искренность* на данный момент составляют его сочетания с прилагательным *новый*, что характерно, по данным Т. В. Леонтьевой и А. В. Щетиной, именно для социальных интернет-сетей и новых медиа [Леонтьева и др., 2022, с. 191].

1 Деятельность этой соцсети (медиаплатформы) запрещена на территории Российской Федерации.

2 Деятельность этой соцсети (медиаплатформы) запрещена на территории Российской Федерации.

Анализ лексикографического описания концепта **НОВАЯ ИСКРЕННОСТЬ** показывает, что в нем профилирована идея психологизации личной жизни (в отличие от парресии как искреннего стремления к истине в ее понимании М. Фуко); повышенная эмоциональность, противопоставленная рациональным суждениям; внимание к сложностям и трагическому опыту, а не к социальным достижениям. А. Н. Фортунатов и Н. Г. Воскресенская отмечают, что новая искренность распространяется в новых медиа, поскольку активно использует эпатажность и провокативность коммуникации, (монетизированную) ориентацию на репост, оценочность вместо аргументированности и эротизм. Последний момент представляется нам не очень типичным для новой искренности. Но важно подчеркнуть, что, как и в работе Д. Стейнхауэра, здесь важна механика работы новых медиа: разрывы между эмоциями блокируются в процессе коммуникации, поскольку удержание внимания оказывается важнее, чем понимание смысла или рефлексия. Времени на связывание воедино дискретных частей просто не остается. «Лихорадочная спешка, являющаяся характерным признаком манипулятивного воздействия, заставляет индивида отводить на осмысление увиденной на экране гаджета информации не более 15 секунд. Взамен возникает повышенная, гипертрофированная чувствительность, заменяющая собой мыслительные процессы, переводящая область смыслов в сферу чувственно осваиваемого восприятия» [Фортунатов, 2021, с. 283].

От лексикографического, дискурсивного и контент-анализа «новой искренности» многие исследователи переходят к макросоциальным и философским обобщениям относительно специфики современного общества (метамодерна), в котором «переживания становятся своего рода товаром, который востребован в обществе потребления и производится по его законам» [Иссерс, 2020, с. 224]. Опыт становится товаром, поэтому можно говорить о новом витке коммодификации субъективности. И медиатизация новой искренности играет ключевую роль в этом процессе. Как отмечает Л. В. Мурейко, «идея новой чувствительности, тесно связанная с идеей новой искренности, формировалась в русле предложений альтернативы постмодернизму под общим названием “пост-постмодернизм”» [Мурейко, 2023, с. 39]. В отличие от постмодернизма, она восстанавливает в правах историзм (как большой нарратив о прошлом), важность глубинных переживаний и аффект как предельную вовлеченность в происходящее. Однако такая вовлеченность предполагает акцент на психологии личности и интрасубъективной коммуникации, но не на социальных отношениях, выражающих интересы разных социальных групп.

Новая искренность рассчитана прежде всего на социальные интернет-сети, но отсюда она активно распространяется и на традиционные теле-

видение и радиовещание, внутри которых в результате происходят существенные изменения прежних информационно-аналитических жанров: новости, обзоры и комментарии модифицируются в жанр «разоблачение» [Гладко, 2022, с. 7—8]. Э. Руттен, М. Липовецкий и другие исследователи справедливо отмечают, что речь идет не просто о новых или старых медиа, но в принципе о процессе медиатизации: «Новые медиа никогда не являются полностью новыми сами по себе, но являются эффектом, заложенным в старых медиальных режимах: это всегда уже корректировка» [Руттен, 2018, с. 257]. В отличие от фрагментарности образов прошлого в новых медиа, новая искренность способствует возвращению (больших) нарративов, нестыковки между частями которых преодолеваются именно за счет эмоционально-аффективной интенсивности. Такая интенсивность делает критическое мышление ненужным. Важно отметить также, что новая искренность работает за счет катексиса — прикрепления эмоций к отдельным вещам и образам, которые становятся их аффективными маркерами [Курагин, 2023]. Переход в серии таких вещей и образов происходит механически, без устойчивых семиотических связей. Аффект снимает противоречия между ними.

Таким образом, «новая искренность» выступает симптомом макросоциальных изменений, идущих под влиянием логики медиатизации, которая блокирует критическое мышление и усиливает аффективное восприятие. История как сложная структура прошлого (несводимого к субъективным переживаниям) при этом превращается в коммуникативную память — ситуативную, переживаемую индивидуально и воспринимаемую на эмоционально-аффективном уровне, а не рационально.

2.3. Медиатизация коммуникативной памяти в «кинематографе ностальгии»

Возвращаясь к проблеме общности логики медиатизации в старых и новых медиа, напомним, что еще в 1981 году в своей широко известной работе «Симулякры и симуляции» Ж. Бодрийяр отстаивал тезис о полном стирании границы между реальным и воображаемым, подлинным и мнимым, медиумом и месседжем, а также вводил понятие преемственности симулякров. В современном ему обществе потребления репрезентации отсылали не к реальности, но к широко распространенным и узнаваемым симулякрам (первого порядка) — изображениям без оригинала. Но, кроме этого, Бодрийяр фиксирует новую тенденцию: формирование симулякров второго и третьего порядка — фетишей, которые провозглашают реконструкцию реальности и восстанавливают в правах прежние идеологии (казавшиеся постмодернистам 80-х уже мертвыми). «Симулякры второго порядка — как и копия, подвергаясь искусственному старению, в конце концов,

начинают восприниматься как подлинник <...> Симуляция — это уже не симуляция территории, референциального сущего, субстанции. Она — порождение моделей реального без оригинала и реальности: гиперреального. Территория больше не предшествует карте и не переживает ее. Отныне карта предшествует территории — прецессия симулякров, именно она порождает территорию...» [Бодрийяр, 2015, с. 5—6]. Здесь прецессия — это состояние системы, когда симулякры предворяют реальность; модели и алгоритмы предшествуют фактам; контингентность и ростки будущего заранее интегрируются в добившуюся гегемонии идеологию (либеральную или консервативную — безразлично).

Такая прецессия, или подчинение будущего, осуществляется через ностальгическую идеализацию прошлого. Ключевую роль в этом процессе, по мнению Бодрийяра, играет кинематограф, который (как позднее интернет-сети) дробит прошлое на осколки. Кино претендует на «воскрешение» прошлого и реальность деталей репрезентируемых событий, но стирает их первоначальные смыслы. «Когда реальное больше не является тем, чем оно было, ностальгия присваивает себе все его смысловое содержание» [Бодрийяр, 2015, с. 13]. Вместо прежних смыслов симулякры второго и третьего порядка (Бодрийяр не проводит между ними четких отличий) навязывают идеологию либерального прогресса или консервативного возвращения к прошлому как средство конструирования собственной идентичности. В отличие от исследований памяти в духе Яна и Алейды Ассман, исследований культуры после С. Холла или релятивистского историзма, возобладавшего в последней четверти XX века благодаря работам Х. Уайта, Ф. Анкерсмита [Олейников, 2021], такое понимание прошлого не признает собственную относительность и сконструированность «воображаемых сообществ», но пытается реконструировать прошлое «как это было на самом деле». Результатами такой установки, стирающей когнитивный элемент и в исторической реконструкции [Николаи и др., 2023], становятся возрождение примордиализма и антагонистическая политика памяти, в духе К. Шмитта воскрешающая бинарное политическое противопоставление «друг — враг». С этой точки зрения, современная полемика об идентичности оперирует симулякрами второго и третьего порядка, подменяющими реальные социальные проблемы и осознанное движение в будущее отдельными ретро-образами. Идеология занимает место реальности по двум функциональным причинам: она делает акцент на образах, оказывающих аффективное воздействие на аудиторию (то есть работает, а не просто критикует внешнюю реальность), и восстанавливает иллюзию прогресса, смягчая опасения будущего в условиях роста неопределенности. История как история противоречий, разногласий и конфликтов между

разными смыслами и версиями будущего, стирается такой идеологией. Фрагментарная информация (вещи или ностальгические образы) в кино оказывается важнее смыслов и идей, которые широко обсуждались и вызвали полемику в прошлом. Однако полностью вернуть доверие по отношению к реконструированной реальности и рациональным суждениям ни фильмы, ни новые медиа не могут, — реальность остается подчиненной симуляции. То есть в них вшито противоречие, не позволяющее вернуться к «тому, как это было на самом деле» и потому еще более усиливающее ностальгию. «Одна лишь ностальгия накапливается без конца: война, фашизм, великолепие Прекрасной эпохи или революционная борьба — все равнозначно и без различения смешивается в одной мрачной и похоронной экзальтации, в одной ретрофасцинации. <...> Кино плагиаторствует у самого себя, вновь и вновь самокопируется, переснимает свою классику, ретроактивирует свои мифы, переснимает немое кино таким образом, что оно становится более совершенным, нежели оригинал, и т. д.: все это закономерно, кино заморожено самим собой как утраченным объектом, в точности так, как оно (и мы тоже) заморожено реальным как исчезнувшим референтом» [Бодрийяр, 2015, с. 63]. С этой точки зрения, не только «Оттепель» и современные российские сериалы, но и масса американских фильмов с либеральной повесткой или вроде бы деполитизированных («Последний киносеанс», «Безумцы» и т. д.) используют ностальгию как идеализацию недавнего прошлого, включающую идеологический компонент. Иными словами, кинематограф ностальгии по своей структуре работает так же, как новые медиа, фрагментируя и дробя реальность, превращая ее в мертвый архив разрозненных образов.

Таким образом, фиксируемая Д. Стейнхауэром фрагментация образов прошлого в социальных интернет-сетях, дискуссии вокруг «новой искренности» в новых медиа и анализ «кинематографа ностальгии» в работах Ж. Бодрийяра можно рассматривать не просто как отдельные проявления процесса медиатизации, но как три его составные части: дробление образов, преобладание их эмоционально-аффективного восприятия и стирание элементов реальности — подмены противоречивого исторического прошлого медиатизированной коммуникативной памятью.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Кризис критического мышления

Как уже было отмечено выше, логика медиатизации имеет два взаимосвязанных результата: кризис критического мышления и трансформацию публичной сферы. Напомним, что уже в своей первой совместной работе 1844 года «Святое семейство, или Критика критической критики»

К. Маркс и Ф. Энгельс иронически критикуют сторонников Бруно Бауэра и немецкую спекулятивную философию за увлечение «популярным языком масс» и констатируют «превращение самой “критики” в некую трансцендентную силу» [Маркс и др., 1955, с. 7, 11]. Классики марксизма подчеркивают важность материалистической трактовки базиса общественного развития, а не идеалистической критики его внешних форм. Отголоски этого тезиса сохраняются в современной критической теории, с одной стороны, как систематическое возвращение к тезису об экономических интересах общества потребления [Kellner, 2021], а с другой — как подчеркивание материальности технологий, играющих ключевую роль в современных онлайн и офлайн социальных отношениях [Humbrecht, 1994]. Однако тезис о важности преобразования мира пока остается почти никак не связанным с практическим преобразованием информационно-коммуникативных платформ — разработкой альтернативных программ и медиа, иначе работающих с образами прошлого.

С другой стороны, не менее радикально проблематизирует функции критики в современном обществе М. Фуко, который, как известно, связывает ее истоки с пастырской властью и приравнивает к интернализации власти в рамках неолиберальной биополитики эпохи модерна — росту контроля над собой и другими [Фуко, 1996]. Последователи Фуко признают ограниченность критики и ее использование скорее для выживания неолиберального общества, чем для его демонтажа. С этой точки зрения, новые медиа предполагают «алгоритмическую правительственность», которая отличается от классического неолиберализма в нескольких отношениях. Во-первых, цифровые алгоритмы меняют акторов: после введения электронных биржевых торгов с 2006 года решения о продажах и покупке принимают не люди, а машины. В социальных интернет-сетях именно машины контролируют отбор контента, новостей и таргетирование рекламы в соответствии с интересами пользователей. Во-вторых, гораздо быстрее оказывается скорость принятия решений такими алгоритмами: «Если человеку необходима по меньшей мере одна полная секунда для того, чтобы распознать потенциальную опасность и отреагировать на нее, то алгоритмы или боты способны принимать решения в миллисекундном порядке» [Паризи, 2019, с. 171]. Пользователи не успевают осознать столь быстрые переключения и реагируют на них аффективно (бессознательно). В-третьих, алгоритмы сводят к двоичному коду (1/0) любую реакцию пользователей, редуцируя сложные суждения и эмоции до простейших сенсорных функций. В итоге в новом «автоматизированном режиме аффективной и когнитивной деятельности способности измеряются и подсчитываются в общем поле, определяемом как деньгами, так и информацией» [Паризи,

2019, с. 173]. Подобные изменения делают критическое мышление и критику в целом нерелевантными. Эту ситуацию вслед за А. Рувруа можно назвать «концом критики» [Rouvroy, 2013].

Наконец, третью составляющую кризиса критического мышления и связанной с ним конструктивистской парадигмы научного знания обозначают сторонники акторно-сетевой теории во главе с Б. Латуром. В работе с красноречивым названием «Почему критика выдохлась?» Латур отмечает, что критическая традиция стала сегодня самодовлеющей, ориентированной не на науку, которая преобразует реальность вокруг нас, но исключительно на негацию и деконструкцию. В условиях антропоцена и глобального изменения климата, когда достаточно остро встает вопрос о выживании всего человечества, такой негационизм превращается в «критическое варварство». Поэтому как никогда важно переформулировать цели критики: «Критик — не тот, кто развенчивает, а тот, кто собирает. <...> Критик — не тот, кто бесцельно чередует антифетишизм и позитивизм как пьяный бунтарь на картине Гойи, а тот, для кого все то, что было сконструировано, остается хрупким и потому требует особой заботы и бережного обращения» [Латур, 2023, с. 56]. В науке ключевую роль приобретает не конструктивистская (релятивистская) составляющая, а то, что ее сети в целом работают и дают конвенционально проверяемый результат. С этой точки зрения кризис критического мышления связан скорее с дисбалансом аудитории: ростом активности широкой публики, все менее доверяющей экспертам. Медиатизация становится ключевым инструментом этого перераспределения знания и информации. И в старых, и в новых медиа она предлагает широкой аудитории готовые алгоритмы пользования, оставляя решение нестандартных задач узким профессионалам и немногочисленным экспертам.

3.2. Новые медиа и фрагментация публичной сферы

Вторым следствием процесса медиатизации, сопровождающим кризис критического мышления, становится трансформация публичной сферы современных обществ, которую фиксируют многие современные исследователи во главе с Ю. Хабермасом. В своей недавней работе «Новая структурная трансформация публичной сферы и делиберативная политика» он отстаивает тезис о том, что новые медиа способствуют дроблению, или фрагментации, публичной сферы, — ее распаду на «эхо-камеры» и замкнутые сообщества идентичности, диалог между которыми практически невозможен. В социальных интернет-сетях стирается различие между рациональным суждением, ориентированным на достижение общего блага, и мнением, отстаивающим частные или корпоративные интересы. Радикально разделять частную и публичную сферы в современном обществе, разумеется, вряд ли корректно. Хабермас скорее подчеркивает смещение

границы между ними. В социальных интернет-сетях высказывания ставят своей целью самовыражение, демонстрацию определенной идентичности. Они ориентированы на максимально широкий охват аудитории. Рациональное суждение и коммуникативное действие перестают работать на интернет-платформах, которые не берут на себя ответственность за отбор и экспертизу рациональности высказываний своих пользователей. Селфи селебрити набирают больше лайков, чем политические суждения экспертов или академические статьи. «Они [платформы] не производят, не редактируют и не отбирают, но, устанавливая новые связи в качестве “безответственных” посредников в глобальной сети, иницируя и активизируя дискурсы с непредсказуемым содержанием при случайном умножении и форсировании неожиданных контактов, они глубоко меняют характер публичной коммуникации» [Хабермас, 2023, с. 55].

Более того, алгоритмы, которые управляют новыми медиа, оказываются скрытыми от пользователей. Они стремятся оказывать неотрефлексированное воздействие на свою аудиторию и носят манипулятивный характер, что систематически используют популисты (особенно правые), делающие ставку на эмоции и политику идентичности. Публичная сфера при этом из пространства спора и осознанного диалога превращается в антагонистическое противостояние либо потребление развлекательного контента.

Ю. Хабермас подчеркивает прямую зависимость появления «эхо-камер» в новых медиа от экономических факторов: стремления IT-компаний закрепить за собой максимальную нишу на рынке и нового витка консьюмеризма — потребления не просто товаров или символических брендов, но демонстративных стилей потребления. Современные интернет-платформы не столько продают вещи, рекламные услуги или информационный контент, сколько извлекают прибыль из таргетированных алгоритмов — нацеленных на определенные кластеры потребителей программ, которые делят аудиторию на группы и меняют субъективность пользователей, включающихся в нормативные модели коммуникации.

Известный британский историк П. Берк и теоретик медиа Э. Бриггс в работе «Социальная история медиа» также признают, что интернет-платформы меняют образ идеального потребителя, делая акцент не столько на товарах, сколько на эмоциях, эстетических стилях и принадлежности к определенным сообществам идентичности [Briggs, 2020]. Важно отметить при этом, что пользователей социальных сетей и интернет-платформ нельзя назвать пассивными. Но их активность направляется неотрефлексированными алгоритмами.

Однако такая критика медиатизации в работах Ю. Хабермаса, Д. Келлнера или П. Берка выглядит слишком абстрактной: будучи ориентирован-

ной исключительно на глобальные трансформации новых медиа и общества потребления, она фактически не обращает внимания на различия механизмов работы интернет-платформ, сетей и мессенджеров, которые активно конкурируют друг с другом и всячески подчеркивают свои отличия, важные для феноменологического опыта и прагматики пользователей. Это делает предельно актуальным исследование среднего уровня, способные соединить эмпирический анализ работы медиатизации в духе Д. Стейнхэуэра и теоретические обобщения последователей Ю. Хабермаса.

4. Заключение = Conclusions

Итак, рассмотренные выше эмпирические и теоретические исследования показывают, что критическое мышление, принципиально важное для эпохи модерна с его верой в прогресс и пониманием истории, оказывается минимально востребованным в современном обществе. Оно вытесняется «стриминговым мышлением» [Грифцова и др., 2022], основанным на фрагментарности образов прошлого, их эмоционально-аффективном восприятии и коммуникативном узнавании отсылок к другим медиа (симулякров) без рефлексии и вынесения собственного рационального суждения. Важно отметить также, что теоретическая критика медиатизации не работает без обозначения практических альтернатив — более рефлексивных проектов в старых и новых медиа, сохраняющих потенциал воздействия на определенные слои аудитории: авторского кинематографа; блогов публичных историков в социальных сетях; создаваемых BBC исторических документальных драм; независимых компьютерных игр и т. д. Такие проекты в среднесрочной перспективе выступают единственной альтернативой тотальному подчинению культурной и коммуникативной памяти логике медиатизации, для которой характерны предельная фрагментация образов, их эмоционально-аффективная приватизация и редуктивистское отделение от сложной реальности прошлого.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.
---	---

Литература

1. Артамонов Д. С. Медиапамять в эпоху цифры / Д. С. Артамонов. — Саратов : СГУ, 2023. — 180 с. — ISBN 978-5-292-04804-6.
2. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / Ж. Бодрийяр. — Москва : Постум, 2015. — 240 с. — ISBN 978-5-91478-023-1.

3. *Гладко М. А.* Лингвистическая репрезентация «новой искренности» и чувствительности в медиапространстве / М. А. Гладко // *Terra Linguistica*. — 2022. — № 4. — С. 7—21. — DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.13401>.

4. *Грифцова И. Н.* Критическое мышление против псевдонауки / И. Н. Грифцова, Г. В. Сорина // *Человек*. — 2022. — № 1. — С. 7—30. — DOI: [10.31857/S023620070019072-6](https://doi.org/10.31857/S023620070019072-6).

5. *Игаева К. В.* Политика памяти в Восточной Европе : трансформация нарративов в «старых» и «новых» медиа / К. В. Игаева // *Диалог со временем*. — 2023. — № 85. — С. 369—373. — DOI: [10.21267/aquilo.2023.85.85.023](https://doi.org/10.21267/aquilo.2023.85.85.023).

6. *Иссерс О. С.* Грани “новой искренности” в современной политической коммуникации / О. С. Иссерс // *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия : История, филология*. — 2020. — Т. 19. — № 6. — С. 216—227. — DOI: [10.25205/18187919-2020-19-6-216-227](https://doi.org/10.25205/18187919-2020-19-6-216-227).

7. *Курагин Д.* Катеكتические механизмы культуры / Д. Курагин // *Социологическое обозрение*. — 2023. — № 3. — С. 9—52. — DOI: [10.17323/1728-192x-2023-3-9-52](https://doi.org/10.17323/1728-192x-2023-3-9-52).

8. *Латур Б.* Почему критика выдохлась? От фактов к вопросам, вызывающим озабоченность / Б. Латур // *Логос*. — 2023. — № 5. — С. 29—64. — DOI: [10.22394/0869-5377-2023-5-29-61](https://doi.org/10.22394/0869-5377-2023-5-29-61).

9. *Леонтьева Т. В.* Сочетание новая искренность в лексикографическом аспекте / Т. В. Леонтьева, А. В. Щетинина // *Научный диалог*. — 2022. — Т. 11. — № 6. — С. 183—201. — DOI: [10.24224/2227-1295-2022-11-6-183-201](https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-6-183-201).

10. *Маркс К.* Святое семейство, или Критика критической критики. Против Бруно Бауэра и компании / К. Маркс, Ф. Энгельс // *Собрание сочинений*. — 2-е изд. — Москва : Политиздат, 1955. — Т. 2. — С. 3—230.

11. *Мурейко Л. В.* «Новая искренность» и «новая чувствительность» в эпистемологической стратегии метамодернизма / Л. В. Мурейко // *Научное мнение*. — 2023. — № 11. — С. 37—43.

12. *Николаи Ф. В.* Неопределенность темпоральных границ в исследованиях исторической реконструкции / Ф. В. Николаи, А. Н. Маслов // *Сибирские исторические исследования*. — 2024. — № 1. — С. 125—138. — DOI: [10.17223/2312461X/43/9](https://doi.org/10.17223/2312461X/43/9).

13. *Олейников А. А.* Время истории / А. А. Олейников // *Логос*. — 2021. — № 4. — С. 5—30. — DOI: [10.22394/0869-5377-2021-4-5-27](https://doi.org/10.22394/0869-5377-2021-4-5-27).

14. *Паризи Л.* Инструментальный разум, алгоритмический капитализм и неисчислимое / Л. Паризи // *Новое литературное обозрение*. — 2019. — № 4. — С. 169—181.

15. *Руттен Э.* «Реакционная искренность» / Э. Руттен // *Новое литературное обозрение*. — 2018. — № 3. — С. 255—263.

16. *Фортунагов А. Н.* Цифровые компетенции и технологии новой искренности в эпоху Web 4.0 / А. Н. Фортунагов, Н. Г. Воскресенская // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение, журналистика*. — 2021. — Т. 26. — № 2. — С. 276—285. — DOI: [10.22363/2312-9220-2021-26-2-276-285](https://doi.org/10.22363/2312-9220-2021-26-2-276-285).

17. *Фуко М.* Воля к знанию / М. Фуко // *Воля к истине*. — Москва : Касталь, 1996. — С. 97—268. — ISBN 5-85374-006-7.

18. *Хабермас Ю.* Новая структурная трансформация публичной сферы и делиберативная политика / Ю. Хабермас. — Москва : Новое литературное обозрение, 2023. — 106 с. — ISBN 978-5-4448-2197-8.

19. *Briggs A.* A Social History of the Media / A. Briggs, P. Burke. — Cambridge : Polity Press, 2020. — 346 p. — ISBN 0745644945.

20. *Dijck J van. Mediated Memories in the Digital Age / J. van Dijck.* — Stanford : Stanford University Press, 2007. — 256 p. — ISBN 0804756244.
21. *Ernst W. Digital Memory and the Archive / W. Ernst* — Minneapolis : University of Minnesota Press, 2012. — 256 p. — ISBN 0816677670.
22. *Hoskins A. 7/7 and Connective Memory : Interactional Trajectories of Remembering in Post-Scarcity Culture / A. Hoskins // Memory Studies.* — 2011. — Vol. 4 (3). — Pp. 269—280.
23. *Humbrecht H. U. Materialities of Communication / H. U. Humbrecht.* — Stanford : Stanford University Press, 1994. — 447 p. — ISBN 0804722641.
24. *Kellner D. Technology and Democracy : Toward A Critical Theory of Digital Technologies, Technopolitics, and Technocapitalism / D. Kellner.* — Wiesbaden : Springer VS, 2021. — 303 p. — ISBN 3658317892/
25. *Rouvroy A. The End(s) of Critique : Data Behaviourism vs. Due-process / A. Rouvroy // Privacy, Due Process and the Computational Turn : The Philosophy of Law meets the Philosophy of Technology / Ed. by M. Hildebrandt, K. de Vries.* — New York : Routledge, 2013. — Pp. 143—168. — ISBN 9780203427644.
26. *Steinhauer J. History, Disrupted : How Social Media and the World Wide Web Have Changed the Past / J. Steinhauer.* — New York, London : Palgrave Macmillan, 2021. — 160 p. — ISBN 978-3-030-85116-3.

Статья поступила в редакцию 06.09.2024,
одобрена после рецензирования 29.10.2024,
подготовлена к публикации 11.11.2024.

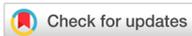
References

- Artamonov, D. S. (2023). *Media memory in the era of numbers*. Saratov: SSU. 180 p. ISBN 978-5-292-04804-6. (In Russ.).
- Baudrillard, J. (2015). *Simulacra and simulations*. Moscow: Postum. 240 p. ISBN 978-5-91478-023-1. (In Russ.).
- Briggs, A., Burke, P. (2020). *A Social History of the Media*. Cambridge: Polity Press. 346 p. ISBN 0745644945.
- Dijck, J van. (2007). *Mediated Memories in the Digital Age*. Stanford: Stanford University Press. 256 p. ISBN 0804756244.
- Ernst, W. (2012). *Digital Memory and the Archive*. Minneapolis: University of Minnesota Press. 256 p. ISBN 0816677670.
- Fortunatov, A. N., Voskresenskaya, N. G. (2021). Digital competencies and technologies of new sincerity in the era of Web 4.0. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Literary studies, journalism*, 26 (2): 276—285. DOI: 10.22363/2312-9220-2021-26-2-276-285. (In Russ.).
- Foucault, M. (1996). The will to knowledge. In: *The will to truth*. Moscow: Kastal. 97—268. ISBN 5-85374-006-7. (In Russ.).
- Gladko, M. A. (2022). Linguistic representation of the “new sincerity” and sensitivity in the media space. *Terra Linguistica*, 4: 7—21. DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.13401>. (In Russ.).
- Griftsova, I. N., Sorina, G. V. (2022). Critical thinking against pseudoscience. *Human*, 1: 7—30. DOI: 10.31857/S023620070019072-6. (In Russ.).
- Habermas, Yu. (2023). *A new structural transformation of the public sphere and a deliberative policy*. Moscow: New Literary Review. 106 p. ISBN 978-5-4448-2197-8. (In Russ.).

- Hoskins, A. (2011). *7/7 and Connective Memory: Interactional Trajectories of Remembering in Post-Scarcity Culture*. *Memory Studies*, 4 (3): 269—280.
- Humbrecht, H. U. (1994). *Materialities of Communication*. Stanford: Stanford University Press. 447 p. ISBN 0804722641.
- Igaeva, K. V. (2023). The politics of memory in Eastern Europe: the transformation of narratives in “old” and “new” media. *Dialogue with time*, 85: 369—373. DOI: 10.21267/aquilo.2023.85.85.023. (In Russ.).
- Issers, O. S. (2020). The facets of the “new sincerity” in modern political communication. *Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, philology*, 19 (6): 216—227. DOI: 10.25205/18187919-2020-19-6-216-227. (In Russ.).
- Kellner, D. (2021). *Technology and Democracy: Toward A Critical Theory of Digital Technologies, Technopolitics, and Technocapitalism*. Wiesbaden: Springer VS. 303 p. ISBN 3658317892/
- Kuragin, D. (2023). Katectic mechanisms of culture. *Sociological Review*, 3: 9—52. DOI: 10.17323/1728-192x-2023-3-9-52. (In Russ.).
- Latour, B. (2023). Why is criticism exhausted? From facts to issues of concern. *Logos*, 5: 29—64. DOI: 10.22394/0869-5377-2023-5-29-61. (In Russ.).
- Leontyeva, T. V., Shchetinina, A. V. (2022). Combination ‘New Sincerity’ in Lexicographic Aspect. *Nauchnyi dialog*, 11 (6): 183—201. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-6-183-201> (In Russ.).
- Marx, K., Engels, F. (1955). The Holy Family, or the Critique of Critical Criticism. Against Bruno Bauer and company. In: *Collected works*, 2. 2nd ed. Moscow: Politizdat. 3—230. (In Russ.).
- Mureiko, L. V. (2023). “New sincerity” and “new sensitivity” in the epistemological strategy of metamodernism. *Scientific opinion*, 11: 37—43. (In Russ.).
- Nikolay, F. V., Maslov, A. N. (2024). The uncertainty of temporal boundaries in the research of historical reconstruction. *Siberian historical studies*, 1: 125—138. DOI: 10.17223/2312461X/43/9. (In Russ.).
- Oleynikov, A. A. (2021). The time of history. *Logos*, 4: 5—30. DOI: 10.22394/0869-5377-2021-4-5-27. (In Russ.).
- Parisi, L. (2019). Instrumental reason, algorithmic capitalism and the incalculable. *New Literary Review*, 4: 169—181. (In Russ.).
- Rouvroy, A. (2013). The End(s) of Critique: Data Behaviourism vs. Due-process. In: *Privacy, Due Process and the Computational Turn: The Philosophy of Law meets the Philosophy of Technology*. New York: Routledge. 143—168. ISBN 9780203427644.
- Rutten, E. (2018). “Reactionary sincerity”. *New literary Review*, 3: 255—263. (In Russ.).
- Steinhauer, J. (2021). *History, Disrupted: How Social Media and the World Wide Web Have Changed the Past*. New York, London: Palgrave Macmillan. 160 p. ISBN 978-3-030-85116-3.

*The article was submitted 06.09.2024;
approved after reviewing 29.10.2024;
accepted for publication 11.11.2024.*

Информация для цитирования:

Менемшян А. Р. Конвертация эпических произведений в медиатекст-мультфильм (на примере мультфильма «Сасунские удальцы») / А. Р. Менемшян, Н. Н. Мартиросян, Т. Р. Даниелян // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 9. — С. 206—220. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-9-206-220.

Menemshyan, A. R., Martirosyan, N. N., Danielyan, T. R. (2024). Conversion of Epic Works into Media Texts: Animated Film “Daredevils of Sassoun”. *Nauchnyi dialog*, 13 (9): 206-220. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-9-206-220. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

**Конвертация
эпических произведений
в медиатекст-мультфильм
(на примере мультфильма
«Сасунские удальцы»)**

Менемшян Анаит Рубеновна¹
orcid.org/0009-0002-9403-4975

кандидат филологических наук, доцент
кафедры новых медиа и коммуникаций,
корреспондирующий автор
a.menemshyan@ysu.am

Мартиросян Нагаш Наринбекович¹
orcid.org/0009-0006-3688-7389

кандидат филологических наук, доцент,
декан факультета журналистики
n.martirosyan@ysu.am

Даниелян Тарон Рудольфович^{1,2}
orcid.org/0000-0002-5006-0293

кандидат филологических наук,
¹ преподаватель кафедры
новых медиа и коммуникаций;
² доцент кафедры
армянского языка и литературы
tarondanielyan@ysu.am

¹ Ереванский
государственный университет
(Ереван, Армения)

² Ванадзорский
государственный университет
(Ванадзор, Армения)

**Conversion of Epic Works
into Media Texts:
Animated Film
“Daredevils of Sassoun”**

Anahit R. Menemshyan¹
orcid.org/0009-0002-9403-4975
PhD in Philology, Associate Professor,
Department of New Media
and Communications,
corresponding author
a.menemshyan@ysu.am

Nagash N. Martirosyan¹
orcid.org/0009-0006-3688-7389
PhD in Philology, Associate Professor,
Dean of the Faculty of Journalism
n.martirosyan@ysu.am

Taron R. Danielyan^{1,2}
orcid.org/0000-0002-5006-0293
PhD in Philology,
¹ Lecturer, Department
of New Media and Communications;
² Associate Professor, Department
of Armenian Language and Literature
tarondanielyan@ysu.am

¹ Yerevan State University
(Yerevan, Armenia)

² Vanadzor State University
(Vanadzor, Armenia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается вопрос конвертации эпического произведения в медиатекст. На примере армянского эпоса выявляются факторы, влияющие на содержательные, формальные и ценностные трансформации первичного текста. Выбор произведения обусловлен тем, что мультфильм «Сасунские удальцы» является одним из двух полнометражных мультфильмов армянского производства и представляет собой одно из самых известных и любимых произведений армянского народа. Армянский эпос нашел свое воплощение также в изобразительном, монументальном и музыкальном искусствах, подвергаясь обработке армянскими писателями. На основе сравнительно-сопоставительного анализа различных вариантов эпоса и его экранизации авторы приходят к выводу, что мультипликационная версия эпоса представляет собой автономное произведение, которое по ряду признаков уступает фольклорным вариантам. С одной стороны, синтез экономических, технологических факторов оказывает негативное влияние на экранное воспроизведение первичного текста, делая медиатекст более статичным и банальным. С другой стороны, идеологический аспект в сочетании с научными подходами усложняют содержание медиатекста. Анимационный вариант эпоса, как поликодовый текст, интегрирует в кадрах исторические и мифологические концепции, объединяя архаические, языческие и христианские мировоззрения.

Ключевые слова:

армянская мультипликация; поликодовый текст; экранизация эпоса; медиа; *Сасунские удальцы*.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article explores the conversion of epic literature into media texts, focusing on the Armenian epic as a case study. It identifies the factors influencing the substantive, formal, and value-based transformations of the original text through the lens of the animated film "The Daredevils of Sassoun." This choice is motivated by the fact that the film is one of only two feature-length animated productions from Armenia and stands as one of the most renowned and cherished works of the Armenian people. The Armenian epic has also found expression in visual, monumental, and musical arts, having been adapted by Armenian writers. Through a comparative analysis of various versions of the epic and its screen adaptation, the authors conclude that the animated version constitutes an autonomous work that, in several respects, falls short of its folkloric counterparts. On one hand, the synthesis of economic and technological factors negatively impacts the screen representation of the original text, rendering the media text more static and banal. On the other hand, ideological aspects combined with academic approaches complicate the content of the media text. The animated adaptation of the epic, as a polycode text, integrates historical and mythological concepts within its frames, uniting archaic, pagan, and Christian worldviews.

Key words:

Armenian animation; polycode text; epic adaptation; media; *The Daredevils of Sassoun*.

УДК 316.77(091)

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-9-206-220

Научная специальность ВАК
5.9.2. Литературы народов мира
5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика

Конвертация эпических произведений в медиатекст-мультфильм (на примере мультфильма «Сасунские удальцы»)

© Менемшян А. Р., Мартиросян Н. Н., Даниелян Т. Р., 2024

1. Введение = Introduction

Конвертация литературных художественных произведений в информационно-коммуникативном пространстве имеет давнюю традицию. Литература посредством конвертации содержания и формы на протяжении многих веков служила первоосновой для других видов искусств и медиапродукции. При этом она сама искала новые формы существования, конвертируя значения и смыслы в различные виды выражения на разных носителях.

На примере литературных сюжетов и персонажей, которые получили свое новое воплощение в изобразительном искусстве, Ф. Пеллегрини и Ф. Полетти отмечают две линии интерпретации текста. С одной стороны, это стремление уважать авторитет источника: в данном случае текст письменного источника подвергается «унификации». С другой стороны, стремление к сокращению текста делает его общедоступным благодаря представлению в виде повествовательных сцен жанрового характера. К тому же изобразительная традиция не всегда соответствовала намерениям автора и шла по периферийному, а порой и имплицитному направлению. Художники стремились уловить и запечатлеть моменты, скрытые в ткани литературного текста, превращая в главные коллизии чувственные и иррациональные стороны повествования [Пеллегрини и др., 2007, с. 7].

Экранизация как вид конвертации литературно-художественного произведения считается одним из видов интерсемиотического (термин Р. Якобсона) перевода, который представляет собой преобразование вербальных знаков через невербальные знаковые системы. «Особенность интерсемиотического перевода заключается в том, что он имеет дело с двумя или более знаковыми системами, например, языковой и музыкальной или танцевальной, или изобразительной» [Лиходкина, 2017, с. 128].

Теоретик и историк искусства У. Дж. Т. Митчелл отмечает, что взаимодействие изображений и текстов становится основополагающим для

любой репрезентации: все медиа являются смешанными медиа, и все репрезентации гетерогенны; не существует «чисто» визуальных или вербальных искусств, «медиа всегда представляют собой смесь сенсорных и семиотических элементов, и все так называемые “визуальные медиа” являются смешанными или гибридными образованиями, сочетающими слух и зрение, текст и образ» [Митчелл, 2017, с. 8].

В научной литературе интерпретация и модификация художественного произведения имеют разные определения. Так, С. Ионова интерпретацию рассматривает «в качестве одной из функциональных разновидностей вторичных речевых произведений, связанной с сознательным изменением автором концепции текста-основы на разных уровнях проникновения в его семантическую структуру» [Ионова, 2008, с. 11]. Исследователь отмечает, что интерпретация часто сопровождается жанровыми преобразованиями первичного текста, представлением его в иной форме (кино, спектакль, мультфильм и т. д.), что «неизбежно влечет за собой изменение семантической структуры текста (оно касается, в частности, тематической иерархии текста, выбора значимых в смысловом отношении компонентов, сокращения числа текстообразующих элементов содержания)» [Там же, с. 9].

По мнению Н. Петровой, интерпретация — это толкование произведения, направленное на раскрытие ее подтекста. При интерпретации форма и последовательность событий оригинала не меняются, а при модификации прецедентного текста произведения «происходит изменение формального и / или содержательного аспектов» [Петрова, 2012, с. 191—193].

В научных работах используется также термин *трансформация*. Так, Н. В. Кузина и Л. Б. Кузина обращают внимание на то, что в эпоху постмодернизма любой текст, в том числе медиатекст-мультфильм, рассматривается как игра с культурой для создания полисемантической и полистилистической структуры, и подчеркивают, что мультипликационные фильмы вводят ребенка в мировую культуру прошлого и формируют у него представления об эстетике современной культуры. Перечисляя основные приемы трансформации, исследователи отмечают, что фильм перестает быть иллюстрацией, так как сценаристы и мультипликаторы создают «автономное произведение, нередко почти до неузнаваемости изменяющее источник» [Кузина и др., 2016, с. 221—222].

С. Уотс, анализируя творческую деятельность У. Диснея, приходит к выводу, что, создавая образы энергичных, добродушных и незатейливых героев (Микки Маус, Дональда Дак и др.), мультипликатор подтверждал способность обычного гражданина выживать и преодолевать все невзгоды: отчасти эта тема была идеологическим ответом на Великую депрессию [Watts, 1995, pp. 84—110]. Западные исследователи отмечают, что

У. Дисней редко точно отражал тему книги или представлял оригинальных персонажей и никогда не стремился продвигать литературу книжного формата. Он предлагал американцам новый вид развлекательной продукции, которая отражала ценности среднего американца. Чтобы достичь своей цели, он использовал европейские нарративы, но вносил изменения в их сюжетную линию, добавляя элементы непритязательных и красочных картин, восприятие которых зависело бы от темпа разворачивающихся действий, музыки и эмоциональных реакций [Bronner, 1998; Whitley, 2013].

Как отмечает Н. Кононенко, большинство западных ученых относят советскую анимацию к той же категории, что и фольклор: считается, что она находится за пределами идеологии [Kononenko, 2011, pp. 272—294]. Б. Бьюмерс, исследуя русскую детскую литературу и анимацию, констатирует, что анимационная сказка служит для привития моральных, а не идеологических ценностей. Фольклор был вне контроля государства, потому что опирался на национальное наследие и обладал вневременным качеством, преподавая уроки, актуальные на протяжении веков [Beumers, 2008, pp. 153—171].

Исследование А. Федорова показывает, что эпоха «холодной войны», породившая идеологическую конфронтацию, охватывала все категории медиатекстов: «Мультфильмы использовались властью как рычаги донесения необходимых конфронтационных идей в привлекательной фольклорной сказочной упаковке, дабы воздействовать не только на взрослую, но и на детскую аудиторию [Федоров, 2015, с. 111].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

История развития армянской мультипликации представляет собой малоизученную тему. Правда, надо отметить, что существуют работы, в которых исследуются определенные этапы развития армянской мультипликации, даются научные обобщения относительно основных закономерностей и тенденций развития этой отрасли киноискусства.

На примере работ армянского мультипликатора Р. Саакянца замечено, что режиссер, экранизируя сказки, черпал оттуда только основу их сюжета. Большая часть мультипликационного нарратива — активное использование ярких, необычных форм, эстетика сюрреализма и взаимодействие самых нестандартных образов — фантазия самого Р. Саакянца. С началом перестройки национальный фольклор в армянской мультипликации уступает место актуальным политическим темам, которые «ранее нельзя было предавать огласке. Мультфильмы автора этого периода отражают общий упадок культуры, морали, отсутствие надежды, но вместе с тем апеллируют к общечеловеческим ценностям, философии, религии» [Базунов и др., 2022, с. 180].

В постсоветской Армении из более чем 60-ти созданных мультфильмов лишь для одного десятка фильмов первоосновой стали произведения художественной литературы. Экранизировались как армянские (сказки и повести О. Туманяна, А. Исаакяна, Г. Агаяна, Заграта), так и зарубежные произведения (сочинения У. Сарояна, Т. Янсона).

Знаковым явлением стали экранизации армянского эпоса «Сасунские удалцы» и сказки Г. Агаяна «Анаит». В литературном пространстве данные произведения представляют большую ценность прежде всего благодаря своим содержательным, тематическим, идейным компонентам, они сыграли большую роль в становлении аксиологической системы армянского народа.

В фонде армянских мультфильмов они выделяются также тем, что только эти два мультипликационных продукта представляют собой полнометражные анимационные фильмы, чем и были обусловлены бурные общественные дискуссии о нравственно-эстетическом уровне экранизированных произведений.

Армянский героический эпос «Сасунские удалцы» повествует о борьбе армянского народа против иноземных захватчиков. Впервые эпос был записан в 1873 году известным фольклористом и этнографом Г. Срвандзтянцем. К 1930-м годам было известно около 160 различных вариантов эпоса, которые сохранились на многочисленных диалектах армянского языка. Записанные в разных армянских этнографических регионах варианты эпического сказания имеют различные сюжетные линии. К обработке армянского эпоса обращались известные армянские писатели: О. Туманян, Е. Чаренц, Н. Зарян и другие. В изобразительном искусстве эпос интерпретировался армянскими художниками А. Коджояном, Е. Кочаром, М. Абегианом и др. [Симян и др., 2023, с. 223], музыкальное воплощение эпос получил в сочинениях Э. Ованнисяна (опера-балет «Давид Сасунский»), Г. Будагяна (композиция «Хандут»), Г. Ахиняна (опера «Цовинар») и т. д.

Как видно, данный эпос был избран для конструирования исторической памяти и ментальности армянского мира с использованием средств и возможностей разных видов искусства. Очевидно, что если в литературном и изобразительном вариантах эпоса конвертация содержания, формы и ценностных ориентиров в большинстве случаев зависела от авторской концепции и была продиктована вызовами социально-политической обстановки, то в других формах искусства (опера, балет) авторская концепция и ее завершенная форма находились в зависимости от множества факторов.

Цель нашей статьи — на примере армянского эпоса охарактеризовать факторы, которые оказали воздействие на конвертацию произведения в мультфильм-медиаатекст. Задача статьи — выявить существенные при-

знаки изменения первичного текста под воздействием разных факторов. Для исследования данной темы нами были использованы методы группировки, сопоставления и сравнения. В качестве исследовательского материала служили разные варианты эпоса, научные работы арменоведческого направления, информационные, публицистические публикации об истории мультфильма.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Создание мультфильма можно рассмотреть, как комплекс различных видов деятельности, синтез которых дает конечный результат в качестве медиапродукта. Каждый из этих видов деятельности условно можно сгруппировать по нескольким факторам.

3.1. Производственный фактор

Основой для сценария мультфильма «Сасунские удальцы» послужила обработка эпоса, осуществленная знаменитым армянским писателем О. Туманяном, а также привлекались тексты различных вариантов эпоса. Несмотря на то, что анимационная экранизация армянского эпоса имеет название «Сасунские удальцы», его основу составляет третья ветвь (часть) произведения — «Давид Сасунский».

Сценарий мультфильма был написан в 1995 году, но работы по созданию фильма начались в 2001 году и завершились в 2009 году — в год по 10 минут. Одной из главных причин этого был низкий уровень финансирования: весь бюджет фильма составил 350 млн драмов. Автор сценария и режиссер мультфильма Арман Манарян долгое время искал спонсоров для данного проекта, но в итоге 340 млн драмов было выделено из государственного бюджета, а 10 млн драмов предоставила компания по производству шоколадной продукции «Гранд Кенди» [Мкртчян, 2007].

Изучение истории создания мультфильма показывает, что в начале 2000-х годов киностудия не имела надлежащей техники. Работы по созданию фильма начались без компьютера: звуковые и цветовые эффекты авторы намеревались добавить на киностудиях Москвы или Санкт-Петербурга. Десятилетний период работы привел к технологическим диспропорциям в качестве фильма, так как съемки велись с использованием старых и новых 3D-систем [Там же].

По признанию автора мультфильма, в процессе производства явно не хватало профессиональных кадров: аниматоров и мультипликаторов. Решено было пригласить российских специалистов из «Союзмультфильма», но из-за дефицита бюджета (расходы на зарплату российским коллегам обошлись бы в три раза дороже) пришлось отказаться от этой идеи [«Давид Сасунский», 2010].

Кроме художника-постановщика В. Закарянца, над фильмом работали также другие художники, каждый из которых привнес свой художественный стиль. В итоге персонажи Цовинар, Мсра Мелик и Давид Сасунский в стилистическом плане стали очень разнородными. В фильме в основном использованы крупные планы: средних и общих планов почти нет, из-за чего в мультфильме пострадала глубина изображения. Некоторые персонажи в фильме лишены динамики. В этом случае на помощь пришли музыкальные композиции А. Манаряна и Х. Саакяна, посредством которых удалось ретушировать имеющиеся недостатки и скорректировать статичность образов. В данном случае звук, как компонент медиатекста, берет на себя смысловую нагрузку и расширяет содержание изобразительного ряда.

3.2. Индивидуальный (авторский) фактор

Наименование первой ветви (части) эпического произведения — «Санасар и Багдасар» (в некоторых вариантах героев зовут Абаелик, или Сенекерим и Санасар), авторы мультфильма изменили на «Цовинар» по имени дочери армянского царя, которая, выпив две пригоршни воды из волшебного родника, забившего из-под скалы, забеременела и родила братьев-близнецов Санасара и Багдасара, которые основали область Сасун. Изменение исходного заглавия предопределяет идейное направление первой ветви эпоса. Мультфильм начинается титрами на фоне древних клинописей, обнаруженных на территории Армянского нагорья, и сопровождается музыкальной композицией «Святая Богородица», что определенным образом проводит параллель между Святой Богородицей и Цовинар (мотив целомудрия и непорочного зачатия).

Сюжетная линия второй части эпоса — «Старший Мгер» — вкратце пересказывает приключения сына Санасара — Мгера и рождение Мсра Мелика и Давида. В третьей части представлены детство, юность Давида, борьба с Мсра Меликом в зрелом возрасте, победа и освобождение армянского народа. Четвертая ветвь эпоса — «Младший Мгер» — в мультфильме вообще не представлена. Авторы намеревались ее экранизировать, но замысел так и остался на бумаге [Асатрян, 2010].

Сравнение опубликованных вариантов эпоса с его анимационной экранизацией показывает, что в мультфильме сюжетная линия эпоса не обладает цельностью и имеет незавершенный характер. Сюжетные линии отдельных ветвей в анимационном варианте являются фрагментарными, а сжатое содержание объемного материала первых двух ветвей эпоса лишь обеспечивает причинно-следственную связь для перехода к третьей части произведения. Можно сказать, что первые две части служат экспозицией, которая перерастает в завязку уже в третьей ветви: по сути, мультфильм предлагает новую интерпретацию эпического произведения.

Сокращение содержания, расплывчатость и перестановки в сюжетно-фабульной структуре мультфильма имеют объективные и субъективные причины. В одном случае сокращение литературного текста и актуализация тех или иных эпизодов указывают на авторский подход к эпосу, в другом случае — сценарий зачастую адаптировался под существующую серию изображений [Там же]. В данной ситуации экономические критерии повлияли на качественные характеристики товара.

Видоизмененная за счет элиминации некоторых сюжетных линий композиция эпоса в свою очередь воздействовала на функциональный состав персонажей в экранизированном варианте. В полнометражном мультфильме «Сасунские удальцы» фактически все экранные фигуры выступают главными героями, в ленте почти нет второстепенных образов. Изображение народных масс в основном осталось за кадром; нападение вражеской армии и объединение армянского народа в момент опасности не представлены, хотя думается, что произведение, стремящееся к эпическому обобщению, не может избежать широкомасштабных сцен.

Создателям мультфильма удалось в некотором смысле переплести богатырские и человеческие черты персонажей, сохранить физические характеристики и нравы героев сказаний, тем не менее действующие лица мультфильма не всегда обладают той силой и мощью, которыми они наделены в эпосе.

В мультфильме используются языковые средства как современного армянского языка, так и сасунского диалекта. Можно сказать, что языковое пространство эпоса подверглось модификации: в мультфильме синтезируются восточноармянские и западноармянские, литературные и диалектные формы общенационального языка.

3.3. Идеологические установки эпохи и научная атрибуция культурных феноменов (исторических фактов, мифологических традиций) как факторы, предопределившие выбор форм и мотивов в мультфильме-медиаатексте

Мультфильм как поликодовый текст имеет несколько пластов. Авторская трактовка создателей мультфильма, его внутренняя форма основаны на концепциях и гипотезах, которые находятся в поле зрения как отечественного, так и зарубежного арменоведения. Мультфильм аккумулирует в себе исторические и мифологические концепции, объединяя архаические, языческие и христианские мировоззрения. Так, если историческое ядро армянского эпоса — борьба армянского народа против иноземного ига, арабского халифата, то в мультфильме авторы предпочли архаический вариант эпоса, сконцентрированный на происхождении этнической группы.

Армянский эпос начинается с конкретизации географической местности, а именно содержит указание на эпоху завоевания арабами Армении и отсылки к реальным историческим личностям: «Вот начало: был нехристь халиф, // Да еще царь армянский Гагик. // Нечестивый халиф в Багдаде царил, // Царь Гагик Берд-Капотинном владел» [Давид Сасунский, 1982, с. 58]. В мультфильме антиподом Армении является Страна Мыср (арабск. مصر [Miṣr]) — Египет. Имя армянского царя не отмечается, а царь Мысра объявляется язычником и идолопоклонником.

Особый пласт текстов составляют поведенческие и ценностные характеристики персонажей эпоса. Так, если в эпосе Цовинар выходит замуж во имя сохранения родного народа, то в мультфильме она убегает, предпочитая умереть, но не стать женой идолопоклонника.

В эпосе маленького Давида хотели вскормить все женщины города Сасуна, недавно родившие детей, но младенец отторгал всех кормилиц. Дядя Оган, по совету народа, отправляет Давида в Мыср, чтобы его вскормила Исмил Хатун — жена Старшего Мелика и мать Младшего Мелика, который родился от Старшего Мгера, отца Давида. Данный эпизод в обработке О. Туманяна имеет другую трактовку. В мультфильме предложена следующая версия объяснения: от кормления грудью восьмилетнего, но очень сильного Давида, отказывались все женщины, так как он вместе с молоком из груди всасывал и кровь. Мотив братства Давида и Мелика О. Туманян опустил, поскольку считал, что «детям будет непонятно, по всей вероятности, невозможно было рассказать детям, что отец Давида, Мгер, вступил в сексуальные отношения с матерью Мелика, Исмил Хатун [Симян и др., 2023, с. 223]. В анимационном произведении злая жена дяди Огана спорит с мужем, упрекает его за то, что тот взял сироту: «Не было бед! На нее сидит дармоед // Убери его, работать устрой, пускай поживет своей головой» [Туманян, 1969, с. 266]. Дядя Оган дает железный посох Давиду и тот в семилетнем возрасте становится овчаром всего Сасуна.

Сравнительный анализ показывает, что в данном эпизоде заключается гуманистический смысл, разворачивающийся в двух разных аспектах: с одной стороны, стремление сасунских женщин вскормить Давида указывает на материнский инстинкт и чувство преданности к сыновьям Отечества; с другой стороны, в эпосе отмечается, что «часто армянин арабу брат, в гости ходят друг к другу и рады помочь» [Давид Сасунский, 1982, с. 249]. В отношениях между братьями по отцу — Давидом и Меликом — и кормлении грудью Давида матерью Мелика, Исмил Хатун, можно увидеть отсылку к дуалистическому мифу, в котором один из братьев создает добро, а другой творит зло. Исследователи также утверждают, что такое родство в эпосе отражает связь предков египтян и древних армян, а именно Айка

и Бела: по преданию, они были троюродными братьями [Ваганян, 2006, с. 165]. В мультфильме женщины находятся в бинарной оппозиции: здесь чужестранка, почтившая память любимого мужа-армянина, характеризуется с положительной стороны. Следует добавить, что данный эпизод показан в контексте бытового недовольства женщин: фактически в мультфильме некоторые смыслы и идеи упрощаются до уровня банальной повседневности.

В эпосе конфликт между добром и злом в разных эпизодах наделяется колоссальной мощью и поражает читателя своей внутренней силой и остротой: Давид разрубает мечом Мелика на две равные части так, что Мелик не чувствует силы удара, более того, если бы ангел не прикоснулся своим крылом к мечу Давида, то черная вода в аду также была бы разрублена пополам, а земля подверглась бы полному разрушению [Акопджанян, 2015]. Мультфильм не передает это напряжение ни на уровне изображения, ни на уровне языка, ни на уровне голоса рассказчика. В мультфильме эпизод представлен изображением Мелика, рассыпающегося в пыль.

Как уже было отмечено, конструирование образа армянского мира опирается также на астральные мифы и их научные интерпретации. Так, рождение Давида показывается на фоне созвездия Овна. Как известно, в древней Армении существовал культ Овна: армяне считали, что, если они будут бесстрашными, как это животное-тотем, никто не сможет их поработить [Сагумян, 1988]. По мнению Г. Мартояна, в эпосе «Сасунские удалцы» описаны смещения точек весеннего равноденствия в разные эпохи (зоны). В ветви Санасара и Багдасара представлена эпоха Быка, в ветви Старшего Мгера — граница перехода от эпохи Быка к эпохе Овна, а в ветви Давида — вся эпоха Овна [Мартоян, 2018]. Создатели мультфильма также обратились к архаическим верованиям армян, которые отразились в эпосе: астрологические трактовки и астральная магия привлекаются для того, чтобы маркировать в анимационном произведении моменты изменения судеб персонажей [Арутюнян, 2010].

4. Заключение = Conclusions

Конвертация литературных произведений в медиатекст-мультфильм обусловлена как экономическими и технологическими, так и идеологическими и социально-культурными факторами, соотносительными с определенным историческим этапом.

В мультфильме-медиатексте, с одной стороны, допускается упрощение, фрагментация и парцелляция вербального (первичного) текста, а с другой стороны, возникает концентрация многочисленных вербальных и невербальных компонентов, приводящих к усложнению содержания медиатекста, в который включаются тексты разных типов.

«Давид Сасунский», пожалуй, самое значительное произведение армянского народа, которое, с одной стороны, представляет собирательный образ армянского народа, а с другой — выполняет функции культурного знака, который объединяет этнос, формирует его самосознание, вселяет оптимизм, дает чувство непобедимости и уверенности в завтрашнем дне представителям этнической группы. Очевидно, что мультфильм, в котором присутствуют некоторая смысловая неопределенность и разночтения с оригинальным текстом, по психологическому, эмоциональному и аксиологическому воздействию уступает фольклорному произведению, которое является одним из самых ярких воплощений устного творчества армянского народа.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Акопджанян А.* Некоторые характеристики эпоса «Давид Сасунский» и его персонажей [Электронный ресурс] / А. Акопджанян // Айагитаран Айастан. — 19.09.2015. — Режим доступа : <https://www.hayagitaran.am/2015/09/id-5093.html> (дата обращения 10.03.2024). (Հակորջանյան Ա., «Սասունցի Դավիթ» էպոսի և նրա կերպարների մի քանի անսնձնատարությունները / Ա. Հակորջանյան // Հայագիտարան Հայաստան [Էլ. ռեսուրս]. — Աղցանց հասցե՝ <https://www.hayagitaran.am/2015/09/id-5093.html> (Հղման օրը՝ 10.03.2024)).

2. *Асатрян Н.* Первый армянский полнометражный мультфильм : одиссея «Сасунских удальдов» [Электронный ресурс] / Н. Асатрян // Авангард. — 03.02.2010. — Режим доступа : https://www.avangard.am/?page=news&cal_date=3_2_2010&news_id=6047 (дата обращения 10.03.2024). (Ասատրյան Ն., Հայկական առաջին լիամետրաժ մուլտֆիլմը «Սասնա ծռերի» նդիսականը / Ն. Ասատրյան // Ավանգարդ [Էլ. ռեսուրս]. — Աղցանց հասցե՝ https://www.avangard.am/?page=news&cal_date=3_2_2010&news_id=6047 (Հղման օրը՝ 10.03.2024)).

3. *Давид Сасунский* : армянский народный эпос / Пер. с арм. В. В. Державина, А. С. Кочеткова, К. А. Липскерова, С. В. Шервинского. — Ленинград : Л. О. Советский писатель, 1982. — 360 с.

4. *Давид Сасунский* : полнометражный мультфильм, созданный за 15 лет [Электронный ресурс] // Панорама. — 25.01.2010. — Режим доступа : <https://www.panorama.am/am/news/2010/01/25/sasunci-davit/1163174> (дата обращения 10.03.2024). («Սասունցի Դավիթ». լիամետրաժ մուլտֆիլմի ստեղծված 15 տարում // [Էլ. ռեսուրս]. — Աղցանց հասցե՝ <https://www.panorama.am/am/news/2010/01/25/sasunci-davit/1163174> (Հղման օրը՝ 10.03.2024)).

5. *Мкртчян А.* Ожидая мультфильма «Давид Сасунский» [Электронный ресурс] / А. Мкртчян. — 06.04.2007. — 168 жам. — Режим доступа : <https://archive.168.am/articles/10099> (дата обращения 10.03.2024). (Մկրտչյան Ա. «Սասունցի Դավիթ» մուլտֆիլմին սպասելիս / Ա. Մկրտչյան // [Էլեկտրոնային ռեսուրս]. — Աղցանց հասցե՝ <https://archive.168.am/articles/10099> (Հղման օրը՝ 10.03.2024)).

6. *Туманян О.* Давид Сасунский (Пер. С. Шервинского) / О. Туманян : Стихотворения и поэмы / [вступ. Статья, составление и примечания К. Н. Григорьяна]. — Ленинград : Л. О. Советский писатель, 1969. — С. 264—291.

Литература

1. *Арутюнян С.* О некоторых ритуально-мифологических особенностях героического эпоса “Сасна црер” / С. Арутюнян // Историко-филологический журнал. — 2010. — № 1. — С. 77—79. (Հարությունյան Ս., «Սասնա ծռեր հերոսավայի ծիսաստապելական մի քանի հատկանիշների մասին» / Ս. Հարությունյան // Գիտմամբանաիրական հանդես. 2010. — № 1. — էջ 77-79).

2. *Базунов Е. П.* Анимация как способ осмысления эпохи Перестройки и 90-х гг. XX в. (на примере творчества армянского мультипликатора Роберта Саакянца) / Е. П. Базунов, В. А. Карпусь // Ветер Перестройки — 2022 : сборник материалов второй Всероссийской научной конференции. Санкт-Петербург, 9—11 ноября 2022 г. — Санкт-Петербург : ООО “Скифия-принт”, 2023. — С. 174—180.

3. *Ваганян Г. А.* Каменная летопись цивилизации / Г. А. Ваганян, В. Г. Ваганян. — Ереван : Нжар, 2006. — 256 с.

4. *Ионова С. В.* Интерпретация как вид вторичной текстовой деятельности / С. В. Ионова // Вестник ВолГУ : Серия 2. — 2008. — № 17. — С. 6—11.

5. *Кузина Н. В.* К вопросу о приемах передачи и трансформации художественной традиции в мультипликационных фильмах для детей / Н. В. Кузина, Л. Б. Кузина // Бюллетень науки и практики. — 2016. — № 9. — С. 219—226.

6. *Лиходкина И. А.* Отражение литературных образов в кинематографе или особенности интерсемиотического перевода / И. А. Лиходкина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2017. — № 3. — Ч. 3. — С. 128—130.

7. *Мартоян Г.* Народный культ Мигра и начало весны в «Сасунских удалцах» / Г. Мартоян. — Ереван : Ван Арян, 2018. — 240 с. (Մարտոյան Գ., Ժողովրդական միհրապաշտությունը և զարնանային տարեմուտը «Սասնա ծռեր»-ում / Գ. Մարտոյան. — Երևան, Վան Արյան, 2008. — 240 էջ).

8. *Митчелл У. Дж. Т.* Иконология. Образ. Текст. Идеология / У. Дж. Т. Митчелл (пер. с англ. В. Дрозда). — Москва ; Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2017. — 240 с.

9. *Пеллегрини Ф.* Литературные сюжеты и персонажи в произведениях изобразительного искусства/энциклопедия искусства / Ф. Пеллегрини, Ф. Полетти ; пер. с итальян. Е. П. Игошина, М. Н. Челинцева. — Москва : Омега. 2007. — 384 с.

10. *Петрова Н. В.* Интерпретация и модификация сказок / Н. В. Петрова // Вестник ИГЛУ. — 2012. — № 2s (18). — С. 187—193.

11. *Сагумян С.* Соображения о надгробном искусстве / С. Сагумян // Вестник общественных наук. — 1988. — № 5. — С. 50—61. (Սաղումյան Ս., Նկատառումներ տապանաքարային արվեստի մասին / Ս. Սաղումյան // Լրաբեր հասարակական գիտությունների. — 1988. — № 5. — էջ 50-61).

12. *Симян Т. С.* «Давид Сасунский» Ованнеса Туманяна : от текста к визуализации / Т. С. Симян, А. А. Макарян // Детские чтения. — 2023. — № 1. — С. 211—235.

13. *Федоров А. В.* Технология герменевтического анализа советских анимационных медиатекстов второй половины 1940-х годов на тему «холодной войны» / А. В. Федоров // Медиаобразование. — 2015. — № 1. — С. 102—112.

14. *Beumers B. Comforting Creatures in Children's Cartoons / B. Beumers // Russian and Soviet Children's Culture. — New York, London : Routledge, 2008. — Pp. 153—171. — ISBN 9780415888875.*

15. *Bronner S. J. Following tradition : Folklore in the discourse of American culture / S. J. Bronner. — Logan, Utah : Utah State University Press, 1998. — 599 p. — ISBN 0-87421-239-1.*

16. *Kononenko N. The Politics of innocence : Soviet and Post-Soviet Animation on Folklore topics / N. Kononenko // The Journal of American Folklore. — 2011. — Vol. 124. — № 494. — Pp. 272—294. — DOI: <https://doi.org/10.5406/jamerfolk.124.494.0272>.*

17. *Watts S. Walt Disney : Art and Politics in the American Century / S. Watts // The Journal of American History. — 1995. — Vol. 82. — № 1. — Pp. 84—110.*

18. *Whitley D. Learning with Disney : Children's Animation and the Politics of Innocence / D. Whitley // Journal of Educational Media, Memory and Society. — 2013. — Vol. 5. — № 2. — Pp. 75—91.*

*Статья поступила в редакцию 29.09.2024,
одобрена после рецензирования 07.11.2024,
подготовлена к публикации 17.11.2024.*

Material resources

Asatryan, N. (2010). The first Armenian full-length cartoon: the odyssey of the “Sassoon braves”. *Avangard. 02.03*. Available at: https://www.avangard.am/?page=news&cal_date=3_2_2010&news_id=6047 (accessed 10.03.2024). (In Armen.).

David Sasunsky: a full-length cartoon created in 15 years. (2010). *Panorama. 25.03*. Available at: <https://www.panorama.am/am/news/2010/01/25/sasunci-davit/1163174> (accessed 10.03.2024). (In Armen.).

David Sasunsky: the Armenian Folk Epic. (1982). Leningrad: L. O. The Soviet writer. 360 p. (In Russ.).

Hakobjanyan, A. (2015). Some characteristics of the epic “David of Sasun” and his characters. *Hayagitaran Hayastan. 19.09*. Available at: <https://www.hayagitaran.am/2015/09/id-5093.html> (accessed 03/10/2024). (In Armen.).

Mkrтчyan, A. (2007). *Waiting for the cartoon “David Sasunsky”*. 06.04. 168 jam. Available at: <https://archive.168.am/articles/10099> (accessed 10.03.2024). (In Armen.).

Tumanyan, O. (1969). David Of Sasun (TRANS. S. Shervinsky). In: *Poems and poem*. Leningrad: L. O. Sovetsky pisatel. 264—291. (In Russ.).

References

Bazunov, E. P., Karpus, V. A. (2023). Animation as a way of understanding the era of Perestroika and the 90s of the XX century. (on the example of the work of the Armenian animator Robert Sahakyants). In: *The Wind of Perestroika — 2022: collection of materials of the second All-Russian Scientific Conference. St. Petersburg, November 9—11, 2022*. St. Petersburg: Scythia-Print LLC. 174—180. (In Russ.).

Beumers, B. (2008). Comforting Creatures in Children's Cartoons. In: *Russian and Soviet Children's Culture*. New York, London: Routledge. 153—171. ISBN 9780415888875.

Bronner, S. J. (1998). *Following tradition: Folklore in the discourse of American culture*. Logan, Utah: Utah State University Press. 599 p. ISBN 0-87421-239-1.

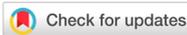

- Fedorov, A. V. (2015). Technology of hermeneutical analysis of Soviet animated media texts of the second half of the 1940s on the topic of the “Cold War”. *Media education, 1*: 102—112. (In Russ.).
- Harutyunyan, S. (2010). On some ritual and mythological features of the heroic epic “Sasna Tsrer”. *Historical and Philological Journal, 1*: 77—79. (In Armen.).
- Ionova, S. V. (2008). Interpretation as a type of secondary textual activity. *Bulletin of the Volga State University: Series 2, 17*: 6—11. (In Russ.).
- Kononenko, N. (2011). The Politics of innocence: Soviet and Post-Soviet Animation on Folklore topics. *The Journal of American Folklore, 124 (494)*: 272—294. DOI: <https://doi.org/10.5406/jamerfolk.124.494.0272>.
- Kuzina, N. V., Kuzina, L. B. (2016). On the question of methods of transmission and transformation of artistic tradition in animated films for children. *Bulletin of Science and practice, 9*: 219—226. (In Russ.).
- Likhodkina, I. A. (2017). Reflection of literary images in cinematography or features of intersemiotic translation. *Philological sciences. Questions of theory and practice, 3 (3)*: 128—130. (In Russ.).
- Martoyan, G. (2018). *The folk cult of Migra and the beginning of spring in the “Sassoon braves”*. Yerevan: Van Ariane. 240 p. (In Armen.).
- Mitchell, W. J. T. (2017). *Iconology. Image. Text. Ideology*. Moscow; Yekaterinburg: Cabinet Scientist. 240 p. (In Russ.).
- Pellegrino, F., Poletti, F. (2007). *Literary plots and characters in works of fine art/Encyclopedia of Art*. Moscow: Omega. 384 p. (In Russ.).
- Petrova, N. V. (2012). Interpretation and modification of fairy tales. *Bulletin of the IGLLOO, 2s (18)*: 187—193. (In Russ.).
- Saghumyan, S. (1988). Considerations on tombstone art. *Bulletin of Social Sciences, 5*: 50—61. (In Armen.).
- Simyan, T. S., Makaryan, A. A. (2023). “David Sasunsky” by Hovhannes Tumanyan: from text to visualization. *Children’s reading, 1*: 211—235. (In Russ.).
- Vaganyan, G. A., Vaganyan, V. G. (2006). *Stone Chronicle of civilization*. Yerevan: Nzhar. 256 p. (In Russ.).
- Watts, S. (1995). Walt Disney: Art and Politics in the American Century. *The Journal of American History, 82 (1)*: 84—110.
- Whitley, D. (2013). Learning with Disney: Children’s Animation and the Politics of Innocence. *Journal of Educational Media, Memory and Society, 5 (2)*: 75—91.

*The article was submitted 29.09.2024;
approved after reviewing 07.11.2024;
accepted for publication 17.11.2024.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(9), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Радионцева Е. С. Инженерия медиатекстов с высоким диалоговым потенциалом / Е. С. Радионцева // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 9. — С. 221—237. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-9-221-237.

Radiontseva, E. S. (2024). Engineering Media Texts with High Dialogic Potential. *Nauchnyi dialog*, 13 (9): 221-237. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-9-221-237. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

**Инженерия медиатекстов
с высоким диалоговым
потенциалом**

Радионцева Екатерина Сергеевна
orcid.org/0000-0002-2248-198X
кандидат филологических наук, доцент,
кафедра истории, философии
и социальных коммуникаций
rakaty@yandex.ru

Омский государственный
технический университет
(Омск, Россия)

**Engineering Media Texts
with High Dialogic Potential**

Ekaterina S. Radiontseva
orcid.org/0000-0002-2248-198X
PhD in Philology, Associate Professor,
Department of History, Philosophy
and Social Communication
rakaty@yandex.ru

Omsk State
Technical University
(Omsk, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена инженерии медиатекстов с высоким индексом общественного внимания, в которых наиболее полно реализуется диалоговый потенциал медиакommunikаций. Эмпирической базой исследования стали медиатексты онлайн-СМИ с наибольшим количеством комментариев, представленные одним из лидеров систем анализа медиа и мониторинга — компанией Brand Analytics. Выборка пополнялась на основе обращения к базе данных еженедельно и составила 60 медиатекстов и 28 742 комментария. Исследование показало, что в наибольшей мере диалоговый потенциал реализуют три медиаигрока с разной по численностью аудиторией: lenta.ru, ria.ru, vc.ru. Первые два из них концептуально близки — по транслируемым темам, жанровым особенностям, структурной инженерии текста. Vc.ru эксплицирует отличные от конкурентов по диалоговому полю темы; транслирует новый подход к подаче материала. Интенции изданий можно обозначить как близкие друг другу, направленные на демонстрацию объективной и беспристрастной позиции в освещении материала. Отмечается, что акцент сделан на демонстрации открытости и искренности, обеспечивающих такие качества медиатекстов, как достоверность и верифицируемость. Показано, что приемы реализации этой интенции находятся как в интра-, так и в экстралингвистической плоскости, в IT-возможностях медиаплатформ, ее технологических аспектах. Установлено, что жанровая природа медиатекстов с высоким индексом внимания соотносится по преимуществу с новостной (или информационной) группой жанров.

Ключевые слова:

медиатекст; медиатексты с высоким индексом внимания; онлайн-СМИ; эффективность СМИ; диалогичность.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article focuses on the engineering of media texts characterized by a high level of public engagement, wherein the dialogic potential of media communications is fully realized. The empirical basis of the study comprises online media texts from leading news outlets, analyzed for their comment volume, sourced from Brand Analytics, a prominent media analysis and monitoring company. The sample was enriched weekly from the database, resulting in a total of 60 media texts and 28,742 comments. The findings reveal that three media players with varying audience sizes — lenta.ru, ria.ru, and vc.ru — exhibit the greatest dialogic potential. The first two outlets are conceptually aligned in terms of themes, genre characteristics, and structural text engineering. In contrast, vc.ru explores distinct themes that set it apart from its competitors, introducing a novel approach to content presentation. The intentions of these publications can be described as identical, aiming to portray an objective and impartial stance in their reporting. Notably, emphasis is placed on demonstrating openness and sincerity, which contribute to the qualities of reliability and verifiability in these media texts. The study illustrates that the techniques employed to achieve this intention operate within both intra- and extralinguistic dimensions, as well as in the IT capabilities and technological aspects of media platforms. It is established that the genre nature of media texts with high engagement indices predominantly aligns with the news (or informational) genre group.

Key words:

media text; high-engagement media texts; online news outlets; media effectiveness; dialogicity.

УДК 070:004.738.5+659.04

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-9-221-237

Научная специальность ВАК

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика

Инженерия медиатекстов с высоким диалоговым потенциалом

© Радионцева Е. С., 2024

1. Введение = Introduction

В научном дискурсе и в практической среде журналистики вопросам создания медиатекстов уделяется пристальное внимание. Развитие сетевых и мультимедийных технологий стало фактором трансформации медиасистемы, что привело к пересмотру стандартов проектирования медиасообщений [Шестеркина, 2013].

Поисковый запрос «Как создать хороший медиатекст» выдает не одну страницу гиперссылок, по которым можно найти как лекционный онлайн-материал в видеоформате, так и презентации, тексты с инфографикой по соответствующей теме. У каждого из них «продающие» названия и заголовки: «Правила успешного медиатекста», «Современный медиатекст», «5 золотых правил медиатекста», «Медиатекст: от создания до продвижения» и т. д. Зачастую все они сводятся к трансляции одной идеи — использовать по возможности максимальное количество структурных и технологических особенностей, предоставляемых медиaplatformой.

Пристальное внимание к инженерии медиасообщений не случайно. Медиатекст является непосредственным фактором популярности СМИ, его успешности и эффективности.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Вопрос эффективности медиаресурса — еще одна тема, интерес к которой со стороны исследователей и практиков не утихает. «Фрейм “эффективность журналистики” в контексте трансформаций общественных практик и повсеместной цифровизации контента» [Олешко и др., 2018], «Отражение социальной политики в СМИ как критерий эффективности работы журналистики» [Зайцева, 2011], «Эффективность (результативность) деятельности масс-медиа как технологический аспект журналистики» [Сарасов, 2009] — заголовки научных статей, образующие случайную

выборку, свидетельствующие об актуальности темы эффективности работы СМИ и журналистики в целом.

Под эффективностью журналистики понимают степень воздействия на массовую аудиторию. На протяжении многих лет исследователи выделяли две трактовки категории эффективности СМИ и разграничивали понятия «результативность» (оно воспринимается как действенность публикаций СМИ) и «эффективность» (о ней шла речь в аспекте «журналистики как социального института»). В последнее время, особенно в практической среде, вопрос о близости и расхождении этих синонимичных понятий отошел на второй план, в отличие от самого явления эффективности журналистики.

Маркерами эффективности СМИ считаются разные поведенческие фреймы: это может быть регулярность обращения к медиаресурсу; время, уделяемое просмотру / прочтению единицы контента за период (день, неделю, месяц). «... Перечень индикаторов интереса (или атрибутов эффективности журналистского текста) включает в себя не только воспроизведение информации при прочих равных условиях, повторение ее, но и подразумевает свершенное действие. Последний содержательный компонент требует от потребителя очередной раз купить ту же газету, включить ту же передачу, реализовать предлагаемую идею медиатекста. Если опустить частности, то мы перечислили основные механизмы реализации формулы: «предлагаемый интерес — стереотипы поведения и мышления аудитории» [Ерофеева, 2008, с. 50—51].

Одним из маркеров эффективности СМИ является форма диалоговых взаимоотношений издания с аудиторией, конвертируемая в комментарийный контент. Проблема диалога в сфере массовых коммуникаций — актуальный вопрос, осмысляемый сегодня с позиций технологических решений [Hiren Madhu et al., 2023; I-Huei Cheng, 2023] и иных, прежде всего лингвистических концепций [Ao Song Harris et al., 2020; Dimitrakopoulou, 2022; Suma, 2023; Pearlman, 2023; Чай Цзиньюй, 2024; Ван Сюэфэн, 2022; Иссерс, 2022].

Активное осмысление природы диалогической коммуникации в медиа началось в начале 2000-х годов, когда в лингвистике было сформировано новое научное направление — медиалингвистика, в центре внимания которой оказался медиатекст и процессы, связанные с изменением языка СМИ, трансформацией жанровой системы. Обзор основных теоретических работ, посвященных исследованию разных аспектов теории диалога и диалогической коммуникации, представлен в публикации Е. Г. Малышевой, В. А. Егошкиной [Малышева и др., 2023].

Объектом внимания настоящего исследования стали медиатексты с высоким диалоговым потенциалом, в которых раскрывается эффектив-

ность журналистского труда. Диалоговый потенциал видится в медиатекстах с высоким индексом внимания со стороны реципиентов.

В научном дискурсе понятие «медиатекст с высоким индексом внимания» не представлено. Соответственно, не разработаны методология и формула, позволяющая его вычислить. Этому способствуют объективные предпосылки: в сфере медиакommunikаций не так много константных показателей эффективности; количество прочтений, время поглощения единицы контента, переход по гиперссылкам и т. д. — все это переменные составляющие, в динамике меняющиеся показатели, что затрудняет разработку соответствующей методологии.

Предметом нашего исследования стали жанровые, тематические, структурные особенности медиатекстов с высоким индексом внимания. Исследование также направлено на то, чтобы выявить типологические сегменты онлайн-СМИ, формирующие наиболее обсуждаемую повестку дня, зафиксировать, какие интенции они транслируют.

Эмпирической базой исследования стали медиатексты, зафиксированные компанией Brand Analytics — онлайн-сервисом медиа-мониторинга, неоднократным лидером среди систем анализа соцмедиа по результатам рейтинга AdIndex Technology. В разделе «Медиатренды» компания представляет материалы, набравшие наибольшее количество комментариев в трех сегментах: «3 часа», «сутки», «неделя». В базу нашего анализа выгружалось по 10 сообщений, набравших наибольшее количество комментариев за неделю, — всего 60 медиатекстов и 28 742 комментария.

Средства массовой информации, особенно онлайн-СМИ, оказывают большое влияние на общественное мнение и настроение, — считает Диман Бхарат [Dhiman, 2023]. Он пишет: в среднем человек тратит более 8 часов в день на восприятие сообщений средств массовой информации, что составляет общую пожизненную дозу, превышающую 20 лет.

Компания «Datareportal, We Are Social and Meltwater» весной 2024 года опубликовала отчет с результатами анализа основных изменений цифровой среды на мировом рынке в целом и в России в частности. Согласно исследованию, в России на момент сбора информации проживало 144,2 млн человек, из которых 130,4 млн активно пользовались Интернетом. Проникновение сети в стране достигло 90,4 %. В начале 2024 года число пользователей социальных сетей в России было 106,0 млн человек, что составляет 73,5 % от общего населения. В 2024 году российские пользователи проводят в интернете 8 часов 21 минуту в день, что на 4,5 % больше, чем в 2023 году. Исследование Datareportal-2024 подтвердило, что основной мотивацией для людей оставаться онлайн является потребность в поиске информации. Эту причину назвали 82,4 % респондентов.

В этой ситуации представляется интересным вопрос о том, какие технологии создания медиатекстов применяют сегодня журналисты, работающие в онлайн-сфере — одной из самых насыщенных по количеству конкурентов, чтобы сформировать интерес к изданию?

Для достижения заявленной цели использовался контент-анализ, позволяющий выявить основные типологические сегменты онлайн-СМИ медиатекстов с высоким индексом общественного внимания, их тематические и жанровые приоритеты. Интент-анализ позволил выявить основные идеи и коммуникативные намерения, транслируемые через эти медиатексты. Описательный метод, включающий непосредственное наблюдение, анализ, сопоставление и интерпретацию результатов, стали опорой нашей методологии. Также использовались методы интроспекции и проспекции.

Движение исследовательской мысли обусловлено особенностями речевой модели дидактической коммуникации, которая в полной мере применима и к медиакommunikациям. Модель была разработана в исследовании М. Ю. Олешкова [Олешков, 2013]. Ее можно представить в виде схемы: адресант (журналист / автор медиатекста) — сообщение (текст / дискурс) — канал (типологическая разновидность текста — вербальный / невербальный) — код (жанровая разновидность текста) — результат коммуникации (прочтение / размышление) — обратная связь.

Все компоненты, представленные в схеме речевой модели медиакommunikации, составляющие ее инженерию, подвергнуты анализу, однако последовательность репрезентации результатов подчинена логике, раскрывающей эстетизацию контента, провоцирующей реципиента на обратную связь.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Популярные медиаресурсы, их тематические приоритеты

Интерес аудитории к медиатексту, отражающийся в количестве комментариев, распределяется между тремя основными медиаигроками (рис. 1): lenta.ru, ria.ru и vc.ru. На долю первого приходится 18 медиатекстов, на долю второго — 15, доля третьего — 13. Оставшиеся 14 текстов приходятся на медиаресурсы stratege.ru, habr.com, topwar.ru, yakutia.info, news.drom.ru, business-gazeta.ru. Отдельно следует упомянуть медиаресурс journal.tinkoff.ru, входящий в четверку лидеров изданий с медиатекстами с высоким индексом внимания (рис. 1).

Ria.ru и lenta.ru — это издания с традиционно высоким импакт-фактором, большой цитируемостью в разных тематических сегментах. Согласно данным Similarweb.com — компании, предоставляющей услуги веб-аналитики, глубокого анализа данных и бизнес-аналитики, общее ко-

Рис. 1. Распределение медиатекстов с высоким индексом внимания между медиаресурсами

личество визитов *ria.ru* составляет 116,6 М, *lenta.ru* — 85,7 М, *vc.ru* — 24,2 М (по данным на 11.07.2024).

Общее количество комментариев за анализируемый период составило 28 742 единицы (рис. 2). Самый высокий показатель — 8 724 единицы — приходится на *ria.ru*, на втором месте — *lenta.ru* с показателем 7 010 единиц, третья позиция — за ресурсом *vc.ru* с результатом 6 613 единиц. Четвертая позиция у *journal.tinkoff.ru* с итогом 1 930 единиц комментариев.

Рис. 2. Распределение комментариев по медиаресурсам

Как видим, корреляции между количеством визитов и оставленными комментариями не существует. Не выявлена корреляция и между количеством прочтений / просмотров (в ресурсах с открытыми данными) и числом комментариев.

Оговоримся, что количество комментариев, выгруженных Brand Analytics на момент анализа, спустя время не коррелирует с изначальным числом: со временем, как правило, число комментариев увеличивается. В исследовании для получения объективного результата мы опирались на данные, представленные компанией Brand Analytics в момент выгрузки информации.

Популярное среди маркетологов утверждение о том, что существует зависимость между временем размещения информации и количеством комментариев, здесь не находит отражения: в топе популярных информационных поводов может оказаться текст, выложенный как за 2—3 дня до анализа, так и свежий, размещенный в день выгрузки данных. Время выгрузки текста не имеет значения: в базе анализа есть медиатексты, выложенные в 5.36, 11.00, 13.19, 21.29 по МСК и т. д.

Тематика медиатекстов lenta.ru и gia.ru с высоким индексом вербального внимания связана с освещением значимого геополитического конфликта.

Vs.ru — концептуально иной ресурс, во многом по тематической специфике контента не коррелирующий с lenta.ru и gia.ru. История его создания начинается в 2010 году и восходит к медиапроекту, который вырос из личного блога «о провалах SMM». Свое настоящее наименование он получил в 2015 году после ребрендинга медиа. Вместе с этим была расширена и тематика ресурса — стали появляться тексты о бизнесе, а не только об IT-сфере. Аудитория медиа стала расти, а публикации — попадать в перечень наиболее комментируемых. Именно это дает нам основание сфокусировать внимание прежде всего на медиатекстах этого ресурса.

На какие тематические приоритеты опирается медиаресурс? Наиболее популярной темой vs.ru являются вопросы транспорта (38 %). Остальные темы следующие: еда / напитки (пиво, детское питание), бизнес (производство одежды), деньги, конфликт, офтоп.

Тема «транспорт» раскрывается через актуальные информационные поводы. В качестве примеров: *«Прогнозная стоимость проезда по скоростной магистрали из Москвы в Санкт-Петербург составила 8900 рублей — «Фонтанка»...*» (vs.ru, 20.04.2024, 453 комментария); *«На линиях Московских центральных диаметров запустили электропоезд «Иволга 4.0»...*» (vs.ru, 02.05.2024, 441 комментарий); *«ГИБДД Санкт-Петербурга выступила против передвижения электросамокатов по тротуарам...*» (vs.ru, 16.05.2024, 385 комментариев).

Не зафиксировано примеров, в которых vs.ru был бы первоисточником информации; но в каждом конкретном случае ресурс на него ссылается. Среди них — Фонтанка, Telegram-канал Сергея Собянина, TVNET и т. д. Спектр ресурсов, которые мониторят журналисты, широк — от традиционных медиа до официальных мессенджеров.

Как видим, vs.ru уступает в оперативности другим представленным ресурсам и сосредоточен на темах, не формирующих доминантное смысловое поле настоящего времени. Однако он входит в тройку лидеров ресурсов с медиатекстами с наивысшим индексом вербального внимания. Возможно, использование специальных жанровых форм или наличие каких-либо приемов в структурных элементах позволяет привлечь особое внимание к медиатекстам?

3.2. Жанровые и структурные особенности

Жанр — это устойчивая форма подачи информации, с помощью которой журналист может реализовать свою авторскую идею [Колесниченко, 2010]. Материалы ria.ru и lenta.ru органично вписываются в традиционную жанровую классификацию, разделяемую большинством исследователей, зачастую представляют собой расширенные новости.

Медиатексты vs.ru с высоким индексом внимания попадают в две группы жанров (новостные — 11 медиатекстов, эмоциональные, или публицистические — 2 медиатекста) и представляют для нас особый интерес, поскольку не вписываются в традиционные жанры, хотя обладают соответствующими жанрообразующими признаками.

Новостные медиатексты vs.ru относительно небольшие по объему — в среднем насчитывают 2 276 знаков с пробелами, или 316 слов. Самый малый текст составляет 1074 знака, или 159 слов, самый объемный — 4 581 знак (633 слова).

Новостные материалы vs.ru с высоким индексом внимания — это подборка актуальных тезисов, тематически связанных с заявленной темой. Тезисы оформлены маркированным списком, состоят из 2—3 предложений. Распространенный вариант — 6 тезисов в одном тексте. Тезис — это сжатый пересказ первоисточника по заявленной теме, в материале представлены гиперссылки на источник.

Подобная форма подачи может коррелировать с расширенной новостью (по А. В. Колесниченко), поскольку помимо сути события содержит детали, а также бэкграундер (дополнительную информацию). В отличие от традиционной расширенной новости, в которой четко прослеживается взаимосвязь в представлении фактов, встраивающая их в логическую цепочку, здесь логика повествования подчинена особым законам: факт должен быть верифицирован (наличие гиперссылки), ярким / необычным, актуальным. Обязательна связь с заданной темой.

Форма подачи — маркированный список — свидетельствует о том, что ресурс ориентируется на аудиторию с клиповым сознанием. Список позволяет оказать помощь в навигации: не вызвал интереса определенный смысловой фрейм — переходы к следующему.

Так, в материале «Правительство России в 2,5 раза повысило пошлину на импорт пива из “недружественных” стран» (vs.ru, 20.04.2024, 517 комментариев) представлено 6 тезисов. Приведем из них три: «*Кабмин повысил ставки таможенных пошлин на пиво из «недружественных» стран с €0,04 до €0,1 за литр, пишет ТАСС со ссылкой на Минпромторг*»; «*О том, что российские власти обсуждают повышение ввозных пошлин на пиво из «недружественных» стран, говорили источники «Ъ» ещё в декабре 2022 года*»; «*Общий объём импорта пива в Россию по итогам 2023 года вырос год к году на 12,6 %, до 370,5 млн л, но остался ниже уровней 2020—2021 годов, приводил «Ъ» данных участников рынка. При этом более 51,7 % пивного импорта пришлось на напитки из Германии (+14 % год к году, до 197,1 млн л), писала газета*». Каждый тезис — законченная смысловая единица, обогащающая идею материала, однако не влияющая на его смысловую или композиционную целостность.

Семиотические особенности новостных текстов vs.ru с высоким индексом внимания с трудом поддаются обобщениям. Среди них есть материалы, построенные исключительно на вербальной основе (составляющие не более 2 500 знаков с пробелами); есть тексты с фотоизображениями; встречаются опросы и инфографика. Аудио и видеоформаты не зафиксированы. Используемые семиотические элементы направлены на то, чтобы погрузить реципиента в предмет осмысления, не отвлекать его внимания (в аудио и видеоформатах существуют дополнительные элементы, такие как шумы, тон, второй план и проч., снижающие в данном случае эффективность журналистского материала).

Помимо новостных материалов, подготовленных журналистами редакции, популярными на vs.ru являются и материалы эмоциональной (или публицистической) группы жанров, подготовленные зарегистрированными читателями. [Vs.ru](https://vs.ru) — это ресурс, позволяющий любому зарегистрированному пользователю представить свой материал, требования в котором изложены на сайте; после модерации он может быть опубликован. В нашу базу анализа попали 2 подобных текста. Один посвящен опыту производства одежды, второй направлен на осмысление конфликтной ситуации между автором и операционным директором одного из цифровых медиа-ресурсов. Если первый текст — это большой массив структурированной информации (13 745 знаков с пробелами, или 2 088 слов) с фотоизображениями и таблицами, то второй значительно меньше по объему (6 455 знаков

с пробелами, или 983 слова) и дополнен принт-скринами переписки между конфликтными сторонами. В каждом случае иллюстративный материал направлен на повышение достоверности, носит убедительный характер.

В обоих материалах заявлена проблема, раскрыты ее особенности, сделан вывод. Казалось бы, это должно свидетельствовать о том, что перед нами статьи — материалы аналитической группы жанров. Наличие четкой авторской позиции с высокой степенью эмоциональности, выраженной эксплицитно, сближает материалы с публицистической группой жанров, сопоставимой со сторителлингом, и говорит о том, что жанр материалов — публицистический очерк, в основе которого лежит проблема, характерная и для статьи. Авторы используют в повествовании личные местоимения, описывают свой опыт, делятся эмоциями, призывая читателей стать соучастниками событий, примерить описываемую роль. Такие приемы оказываются эффективными: читатели не скупятся на обратную связь, вступают в диалог и обсуждения.

3.3. Транслируемые интенты

Намерение автора, или подтекст, раскрывающий внутренний мир говорящего — его идеи, эмоции, оценки, отношение к событиям, процессам, ситуациям и личностям, — словом, коммуникативное намерение может быть таким же фактором эффективности журналистского материала, как и темы, жанры, структурные компоненты медиатекста.

Под «говорящим» мы подразумеваем не конкретного автора, а редакцию — ее стандарты и нормы при производстве материалов. Кстати, формируя список авторов vc.ru, чьи тексты наиболее популярны у читателей, мы столкнулись с одними и теми же именами — это Полина Лааско, Артур Томилко, Таня Боброва и др. Отсутствие ярко выраженного авторского «я», однообразие речевых форм, структурных особенностей становятся косвенными факторами того, что авторы (вероятно, представленные через ник-неймы или псевдонимы) придерживаются жестких редакционных стандартов, отражающих концепцию издания.

При анализе интенций онлайн-СМИ, была использована типология коммуникативных стратегий М. Ю. Олешкова [Олешков, 2006]. Структурно медиакommunikация, реализуемая в нашем случае, представлена 2 основными компонентами:

— «информационная» коммуникация, осуществляемая с целью сообщения новых знаний о современном мире;

— «оценочная» коммуникация, которая достигается путем эмоциональной субъективной оценки актуальных событий, процессов, ситуаций, личностей — предметов отображения в журналистике.

Во всех без исключения текстах новостной (или информационной) группы жанров (в базе анализа они составляют преобладающее большин-

ство) интенция — целеполагающий мотив — находит отражение в безличном изложении фактов: «*Один из крупнейших поставщиков заквасок для молочной продукции Chr. Hansen предупредил об остановке поставок*» (vc.ru, 15.05.2024, 679 комментариев); «*Правительство России в 2,5 раза повысило пошлину на импорт пива*» (vc.ru, 20.04.2024, 517 комментариев); «*На линиях Московских центральных диаметров запустили электропоезд*» (vc.ru, 2.05.2024, 441 комментарий).

Интенция «убедить в достоверности», способствующая формированию доверия со стороны реципиентов, у которых появляется возможность верифицировать представленную информацию, — по-разному реализуется в разных типологических сегментах онлайн-СМИ. В lenta.ru и ria.ru она представлена посредством обращения к первоисточнику через цитаты и невербальные средства коммуникации (фото с места события). Такие же приемы в реализации интенции использует и ria.ru. В материале «МИД Таджикистана вручил ноту послу России» (ria.ru, 29.04.2024, 645 комментариев) структурным элементом медиатекста является фото посла России в Таджикистане Семена Григорьева с обозначением, что фото предоставлено пресс-службой посольства РФ в Таджикистане. В тексте — прямая цитата сотрудника департамента информации внешнеполитического ведомства республики: «*Посол России в Душанбе был сегодня вызван в МИД, где ему была вручена нота в связи в нарушениями прав граждан Таджикистана в Российской Федерации*».

В vc.ru интенция «убедить в достоверности» реализуется через многочисленные гиперссылки. Прием реализуется экстралингвистическими средствами. Количество гиперссылок в текстах разнится, зависит от объема материала — от 2 гиперссылок в текстах до 2 000 знаков с пробелами до 6—8 в материалах, превышающих 3 500 знаков с пробелами.

В текстах эмоционально-публицистического характера обозначенная выше интенция транслируется не только невербальными элементами, но и репортажной структурой текста, представляющей события или процессы в хронологической последовательности, с демонстрацией деталей, свидетельствующих об открытости авторской позиции и достоверности представляемой информации. Вместе с тем субъективность транслируемой информации раскрывает и манипулятивный характер речи, в ней читается желание убедить в правоте своей позиции.

Таким образом, в медиатекстах с высоким индексом вербального внимания преимущество имеет интенция убеждения в достоверности фактической информации. Достоверность материала важна, потому что позволяет ориентироваться человеку в объективном мире и адаптироваться в жизненном пространстве. В нашем случае достоверность ста-

новится фактором эффективности материала, вызывающим внимание реципиентов.

4. Заключение = Conclusions

Итак, эмпирической базой исследования стали медиатексты онлайн-СМИ, представленные одним из лидеров систем анализа медиа и мониторинга — компанией Brand Analytics, с наибольшим количеством комментариев. Выборка пополнялась на основе обращения к базе данных еженедельно и составила 60 медиатекстов и 28 742 комментария. Цель исследования заключалась в том, чтобы выявить жанровые, тематические, структурные особенности, составляющие основу инженерии медиатекстов с высоким индексом общественного внимания. Также исследование направлено на то, чтобы зафиксировать основные типологические сегменты онлайн-СМИ, формирующие наиболее обсуждаемую повестку дня; выявить, какие интенды они транслируют. Учитывая, что россияне с каждым годом все больше времени проводят в Интернете, в том числе за поглощением контента онлайн-СМИ, исследование представляется актуальным. Оно позволяет понять, какие ресурсы используют медиа для реализации диалогового потенциала.

Результаты исследования можно представить в виде нескольких основных положений.

Анализ показал, что медиатексты с высоким индексом внимания со стороны реципиентов сосредоточены сегодня по преимуществу вокруг нескольких основных медиаресурсов: *lenta.ru*, *ria.ru*, *vs.ru*. Несмотря на значительную разницу в численности аудитории, составляющей десятки миллионов читателей, тексты этих изданий набирают практически равное количество комментариев, в которых прослеживается диалогическая основа — маркер эффективности журналистского материала.

Тематические приоритеты медиатекстов с высоким индексом общественного внимания неоднозначны в интерпретации: фокус внимания *lenta.ru* и *ria.ru* видится в активной трансляции фактов, событий, процессов, прямо или косвенно связанных с освещением современной геополитической ситуации; тематические приоритеты *vs.ru* разноплановые и не поддаются однозначной классификации — они сфокусированы вокруг актуальных событий общественной жизни.

Структура медиатекстов с повышенным индексом общественного внимания свидетельствует о том, что реципиент, воспринимающий информацию, размышляющий по предложенному поводу, предпочитает небольшие по объему тексты, размер которых в среднем составляет 2 500 знаков. Семiotическая природа этих текстов аскетична: отсутствуют элементы ау-

дио-, видеоформатов, отвлекающих от погружения в смысл сообщения, требующих переключения внимания. Жанровая природа медиатекстов с высоким индексом внимания привязана по преимуществу к новостной (или информационной) группе жанров.

Интенции медиатекстов с высоким индексом общественного внимания сводятся к информированию, находящему отражение в безличных конструкциях, свидетельствующих об объективности транслируемой информации. Интенция раскрывается не только на уровне лингвистических средств, но и на уровне технологических и структурных решений (гиперссылки). «Открытость» автора, считываемая в верификации инженерии производства контента, — прием, позволяющий реципиенту квалифицировать текст как достоверный.

Инженерия медиатекстов с высоким диалоговым потенциалом основана на изобретении или разработке решения, в котором ключевое значение приобретает уникальное сочетание разных аспектов творческой деятельности: тематики, жанровых и структурных особенностей, реализуемой интенции. Как показало исследование, оригинальная комбинация компонентов способствует формированию интереса реципиентов и обеспечивает высокую востребованность медиасообщений аудиторией.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Литература

1. *Ерофеева И. В.* Российский менталитет в дискурсе рыночной журналистики (к вопросу о потребностях и интересах современной аудитории) / И. В. Ерофеева // Гуманитарный вектор. — 2008. — № 3. — С. 50—59.
2. *Зайцева А. А.* Отражение социальной политики в СМИ как критерий эффективности работы журналистики / А. А. Зайцева // Социум и власть. — 2011. — № 2 (30). — С. 60—64.
3. *Иссерс О. С.* Диалогические стратегии в интервью : контроль над интерпретацией / О. С. Иссерс // Коммуникативные исследования. — 2023. — Т. 10. — № 4. — С. 770—789. — DOI: 10.24147/2413-6182.2023.10(4).770-785.
4. *Колесниченко А. В.* Практическая журналистика : учебное пособие / А. В. Колесникова. — Москва : Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, 2010. — 192 с.
5. *Мальшева Е. Г.* Диалог и диалогическая коммуникация как объекты научной рефлексии : обзор отечественных лингвистических исследований / Е. Г. Мальшева, В. А. Егوشкина // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. — 2023. — № 4 (41). — С. 104—110. — DOI: 10.36809/2309-9380-2023-41-104-110.
6. *Олешко В. Ф.* Фрейм «эффективность журналистики» в контексте трансформаций общественных практик и повсеместной цифровизации контента / В. Ф. Олешко,

Е. В. Олешко // Знак : проблемное поле медиаобразования. — 2018. — № 2 (28). — С. 101—106.

7. *Олешков М. Ю.* Моделирование коммуникативного процесса : монография / М. Ю. Олешков. — Нижний Тагил : Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия, 2006. — 336 с.

8. *Олешков М. Ю.* Психолого-педагогические основы моделирования процесса дидактической коммуникации / М. Ю. Олешков // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. — 2013. — № 15. — С. 160—166.

9. *Сан Сюефэн.* Средства привлечения массового адресата в фатическом медиативном диалоге (на примере ТВ-программы «Вечерний Ургант») / Сан Сюефэн // Коммуникативные исследования. — 2022. — Т. 9. — № 4. — С. 749—766. — DOI: 10.24147/2413-6182.2022.9(4).749-766.

10. *Сарасов Е. А.* Эффективность (результативность) деятельности масс-медиа как технологический аспект журналистики / Е. А. Сарасов // Знак : проблемное поле медиаобразования. — 2009. — № 2 (4). — С. 40—45.

11. *Чай Цзинюй.* Диалогическая традиция русской «Литературной газеты» / Чай Цзинюй // Мир науки, культуры, образования. — 2024. — № 2 (105). — С. 432—434.

12. *Шестеркина Л. П.* Базовые подходы к созданию универсального медиатекста в интернет-СМИ / Л. П. Шестеркина, Л. К. Лободенко // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». — 2013. — Т. 10. — № 2. — С. 42—46.

13. *Ao Song Harris.* A systematic review on the application of dialogue in public relations to information communication technology-based platforms : Comparing English and Chinese contexts / Ao Song Harris, Huang Qiongyao Serena // Public Relations Review. — 2020. — Vol. 46. — Issue 1. — Pp. 101814. — DOI: 10.1016/j.pubrev.2019.101814.

14. *Cheng I-H.* Timeliness, responsiveness and the human voice : The effects of dialogic strategies and the mediating role of perceived communication ethicality on social media relationship building / I-H. Cheng, S. T. Lee // Public Relations Review. — 2023. — Vol. 49. — Issue 4. — Pp. 102355. — DOI: 10.1016/j.pubrev.2023.102355.

15. *Dhiman B.* Enhancing Positivity in Mass Media for Nation Building : A Critical Review / B. Dhiman // SSRN. — 2023. — Pp. 1—17. — DOI: 10.2139/ssrn.4480810.

16. *Dimitrakopoulou D.* The Generative Dialogue Framework and the Pursuit of Better Listening by Journalists : A Design-Centered Approach for More Constructive Conversations with Audiences / D. Dimitrakopoulou, S. C. Lewis // Digital Journalism. — 2023. — Vol. 11. — № 3. — Pp. 547—568. — DOI: 10.1080/21670811.2022.2075415_

17. *Madhu H.* Detecting offensive speech in conversational code-mixed dialogue on social media : A contextual dataset and benchmark experiments / H. Madhu, S. Satapara, S. Modha // Expert Systems with Applications. — 2023. — Vol. 215. — Pp. 119342. — DOI: 10.1016/j.eswa.2022.119342.

18. *Pearlman E.* Dialogue Journalism : Adapting to Today's Civic Landscape / E. Pearlman // National Civic Review. — 2023. — Vol. 112. — № 2. — Pp. 53—64.

19. *Suma R.* Cultural religious dialogue and media communication / R. Suma // International Scientific Journal Monte. — 2023. — Vol. 7. — № 1 — Pp. 30—38. — DOI: 10.33807/monte.20232821.

*Статья поступила в редакцию 30.07.2024,
одобрена после рецензирования 09.10.2024,
подготовлена к публикации 06.11.2024.*

References

- Ao Song Harris, Huang Qiongyao Serena. (2020). A systematic review on the application of dialogue in public relations to information communication technology-based platforms: Comparing English and Chinese contexts. *Public Relations Review*, 46 (1): 101814. DOI: 10.1016/j.pubrev.2019.101814.
- Chai Jinyu. (2024). The Dialogic Tradition of the Russian Literary Newspaper. *The world of science, culture, and education*, 2 (105): 432—434. (In Russ.).
- Cheng, I-H., Lee, S. T. (2023). Timeliness, responsiveness and the human voice: The effects of dialogic strategies and the mediating role of perceived communication ethicality on social media relationship building. *Public Relations Review*, 49 (4): 102355. DOI: 10.1016/j.pubrev.2023.102355.
- Dhiman, B. (2023). Enhancing Positivity in Mass Media for Nation Building: A Critical Review. *SSRN*. 1—17. DOI: 10.2139/ssrn.4480810.
- Dimitrakopoulou, D., Lewis, S. C. (2023). The Generative Dialogue Framework and the Pursuit of Better Listening by Journalists: A Design-Centered Approach for More Constructive Conversations with Audiences. *Digital Journalism*, 11 (3): 547—568. DOI: 10.1080/21670811.2022.2075415.
- Issers, O. S. (2023). Dialogic strategies in interviews: control over interpretation. *Communicative research*, 10 (4): 770—789. DOI: 10.24147/2413-6182.2023.10(4).770-785. (In Russ.).
- Kolesnichenko, A. V. (2010). *Practical journalism: a textbook*. Moscow: Lomonosov Moscow State University. 192 p. (In Russ.).
- Madhu, H., Satapara, S., Modha, S. (2023). Detecting offensive speech in conversational code-mixed dialogue on social media: A contextual dataset and benchmark experiments. *Expert Systems with Applications*, 215: 119342. DOI: 10.1016/j.eswa.2022.119342.
- Malysheva, E. G., Egoshkina, V. A. (2023). Dialogue and dialogic communication as objects of scientific reflection: a review of domestic linguistic research. *Bulletin of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian studies*, 4 (41): 104—110. DOI: 10.36809/2309-9380-2023-41-104-110. (In Russ.).
- Oleshko, V. F., Oleshko, E. V. (2018). The frame of “journalism effectiveness” in the context of transformations of social practices and the widespread digitalization of content. *Sign: problematic field of media education*, 2 (28): 101—106. (In Russ.).
- Oleshkov, M. Yu. (2006). *Modeling of the communicative process: monograph*. Nizhny Tagil: Nizhny Tagil State Socio-Pedagogical Academy. 336 p. (In Russ.).
- Oleshkov, M. Yu. (2013). Psychological and pedagogical foundations of modeling the process of didactic communication. *Actual problems of philology and pedagogical linguistics*, 15: 160—166. (In Russ.).
- Pearlman, E. (2023). Dialogue Journalism: Adapting to Today’s Civic Landscape. *National Civic Review*, 112 (2): 53—64.
- San Xuefeng. (2022). Means of attracting a mass addressee in a phatic dialogue (on the example of the TV program “Evening Urgant”). *Communicative research*, 9 (4): 749—766. DOI: 10.24147/2413-6182.2022.9(4).749-766. (In Russ.).
- Sarasov, E. A. (2009). Efficiency (effectiveness) of mass media activity as a technological aspect of journalism. *Sign: problematic field of media education*, 2 (4): 40—45. (In Russ.).
- Shesterkina, L. P., Lobodenko, L. K. (2013). Basic approaches to creating a universal media text in online media. *Bulletin of SUSU. The series “Linguistics”*, 10 (2): 42—46. (In Russ.).

- Suma, R. (2023). Cultural religious dialogue and media communication. *International Scientific Journal Monte*, 7 (1): 30—38. DOI: 10.33807/monte.20232821.
- Yerofeeva, I. V. (2008). Russian mentality in the discourse of market journalism (on the question of the needs and interests of a modern audience). *Humanitarian vector*, 3: 50—59. (In Russ.).
- Zaitseva, A. A. (2011). Reflection of social policy in the media as a criterion for the effectiveness of journalism. *Society and power*, 2 (30): 60—64. (In Russ.).

*The article was submitted 30.07.2024;
approved after reviewing 09.10.2024;
accepted for publication 06.11.2024.*

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА LITERARY STUDIES. FOLKLORE

Анна Александровна Косарева, канд. филол. наук (Екатеринбург)

Анна Александровна Тимакова, канд. филол. наук (Пенза)

Антон Владимирович Филатов, канд. филол. наук (Москва)

Ольга Витальевна Томберг, д-р филол. наук (Екатеринбург)

Сергей Сергеевич Жданов, д-р филол. наук (Новосибирск)

Информация для цитирования:

Жданов С. С. Травестийная городская Малороссия в травелоге «Славны бубны за горами, или путешествие мое кое-куда 1810 года» И. М. Долгорукого / С. С. Жданов // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 9. — С. 239—268. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-9-239-268.

Zhdanov, A. S. (2024). Travesty of Urban Little Russia in Travelogue “Famous Drums Beyond Mountains, or My Journey Somewhere in 1810” by I. M. Dolgorukov. *Nauchnyi dialog*, 13 (9): 239-268. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-9-239-268. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Травестийная городская Малороссия в травелоге «Славны бубны за горами, или путешествие мое кое-куда 1810 года» И. М. Долгорукого

Жданов Сергей Сергеевич
orcid.org/0000-0002-8898-6497
доктор филологических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник
fstud2008@yandex.ru

Новосибирский государственный
технический университет
(Новосибирск, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено за счет гранта
Российского научного фонда
(проект № 24-28-01431 «Репрезентация
пространства Украины в русской
культуре конца XVIII—XIX веков
(на материале отечественных
травелогов): дискурсы,
нарративы, топосы»,
<https://rscf.ru/project/24-28-01431/>)

Travesty of Urban Little Russia in Travelogue “Famous Drums Beyond Mountains, or My Journey Somewhere in 1810” by I. M. Dolgorukov

Sergey S. Zhdanov
orcid.org/0000-0002-8898-6497
Doctor of Philology, Associate Professor,
leading research scientist
fstud2008@yandex.ru

Novosibirsk State
Technical University
(Novosibirsk, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 24-28-01431
“Representation of Ukrainian space
in Russian culture end of the XVIII—XIX
centuries (based on domestic travelogues):
discourses, narratives, topoi”,
<https://rscf.ru/project/24-28-01431/>

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается репрезентация городов Малороссии в травелоге «Славны бубны за горами, или путешествие мое кое-куда 1810 года» И. М. Долгорукого в рамках семиотико-имагологического анализа. Актуальность исследования обусловлена растущим интересом отечественного литературоведения к проблематике украинскости, которая еще недостаточно изучена в пространственном аспекте. В связи с этим новизна исследования заключается в анализе элементов городской образности Малороссии, ограниченной описаниями Харькова, Полтавы и Киева. Отмечены тенденции к остранению и травестизации в изображении этих городов и лейтмотивы чужести малороссийского пространства и тоски по-своему. Значимое место в повествовании занимает история рода Долгоруких, тесно связанная с топосами Малороссии, прежде всего с Киевом, где скончались бабушка и дядя автора. Описание города маркировано мотивами привлекательности, упорядоченности, масштабности, богатства, древности, славы, сакральности, военности, часть которых, однако, травестирована. Пространства Харькова и Полтавы представлены как амбивалентные провинциальные топосы, которые отмечены чертами и упорядоченности, и энтропийности. Упорядоченность Харькова связана с описанием образовательных локусов, а положительные мотивы Полтавы относятся к пространству исторической памяти.

Ключевые слова:

травелог; имагология; И. М. Долгорукий; репрезентация Украины в русской словесности; образ Малороссии.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study explores the representation of cities in Little Russia as depicted in I. M. Dolgorukov's travelogue "Famous Drums Beyond the Mountains, or My Journey Somewhere in 1810" through a semiotic and imagological lens. The relevance of this research is underscored by the growing interest in Ukrainian identity within contemporary literary studies, particularly concerning its spatial dimensions, which remain underexplored. Consequently, this study offers a novel analysis of the urban imagery of Little Russia, focusing on descriptions of Kharkiv, Poltava, and Kyiv. Notable trends of estrangement and travesty emerge in the portrayal of these cities, alongside recurring motifs of alienation within the Little Russian landscape and a nostalgic yearning for belonging. A significant aspect of the narrative is the history of the Dolgorukov family, intricately linked to the topos of Little Russia, particularly Kyiv, where the author's grandmother and uncle passed away. The city's depiction is marked by themes of allure, orderliness, grandeur, wealth, antiquity, glory, and sacredness, some of which are subject to travesty. The spaces of Kharkiv and Poltava are presented as ambivalent provincial toposes characterized by both ordered and entropic qualities. The orderliness of Kharkiv is associated with descriptions of educational loci, while the positive motifs of Poltava relate to the realm of historical memory.

Key words:

travelogue; imagology; I. M. Dolgorukov; representation of Ukraine in Russian literature; image of Little Russia.

Травестийная городская Малороссия в травелоге «Славны бубны за горами, или путешествие мое кое-куда 1810 года» И. М. Долгорукого

© Жданов С. С., 2024

1. Введение = Introduction

Имагологическая по своей сути проблема репрезентации Украины в русской словесности XIX века не раз исследовалась в современных литературоведческих работах на материале различного рода текстов, например, написанных Н. В. Гоголем [Овчинников, 2016; Черкашина, 2012]. Также крайне значимым и весьма объемным источником украинских образов выступают отечественные травелоги, описывающие путешествия по Малороссии (и Новороссии), примером чему служат статьи [Киселев и др., 2015; Фарафонова, 2017]. Существуют работы по жанровой проблематике отечественных травелогов, где затрагивается тема Украины [Кублицкая, 2022; Соловьев, 2011; Шенле, 2004]. Во множестве исследований беллетристика и различные эго-документы привлекаются совместно для характеристики украинскости как элемента русской культуры [Васильева, 2014; Марчуков, 2011]. Ряд обращающихся к данной проблематике работ сосредоточен преимущественно на характерологии украинцев / малороссов. Это, в частности, исследования Е. Е. Левкиевской [Левкиевская, 2008], С. С. Белякова [Беляков, 2015]. В иных исследованиях украинский текст русской литературы изучается в рамках романтического нарратива [Крюкова, 2017; Курьянов, 2018]. Наконец, фокусом внимания ученых могут становиться отдельные аспекты украинской пространственности, как, например, образ степи в статье А. А. Сторожевой [Сторожева, 2021] или образ Киева в диссертации И. Булкиной [Булкина, 2010].

В то же время, несмотря на растущее внимание к украинской проблематике в отечественном литературоведении, обусловленное в том числе вызовами современности, здесь имеются еще значительные лакуны. Хотя, как показано выше, относительно неплохо уже исследованы репрезентации Украины в романтическом нарративе, а также в ряде сентименталистских травелогов (например, В. В. Измайлова, П. И. Шаликова, А. И. Лев-

шина), другие тексты путевой литературы, в том числе интересующего нас И. М. Долгорукого, еще требуют детального литературоведческого анализа.

2. Материал, методы, обзор = **Material, Methods, Review**

Материалом исследования служит «малороссийский» фрагмент травелога Долгорукого «Славны бубны за горами, или путешествие мое кое-куда 1810 года», подвергнутый семиотико-имагологическому анализу в рамках литературоведческой имагологии как научной отрасли, занимающейся изучением образов Своего и Чужого в литературных текстах. При этом за рамки статьи выведены дорожные впечатления автора от посещения Новороссии и Великороссии. Целью же исследования является аналитическое описание представленной в произведении пространственной структуры Малороссии, в том числе в контексте отечественной словесности начала XIX века.

Разумеется, травелог Долгорукого нельзя назвать абсолютно неизвестным для литературоведения. В частности, данный текст упоминается эпизодически в статьях, посвященных специфике литературы путешествий [Гуминский, 2017; Морозова, 2010; Никольский, 2019] и собственно репрезентациям украинскости [Беляков, 2015а; Беляков, 2020; Васильева, 2016; Киселев и др., 2015; Курьянов, 2018а]. Кроме того, он привлекается в качестве одного из множества источников в вышеупомянутых монографии А. В. Марчукова и диссертации И. Булкиной, но и здесь объем цитации произведения исследователями весьма незначителен. Также заметим, что последнего автора интересует исключительно образ Киева. В работе же Д. В. Шаталова, где обращений к тексту Долгорукого больше, автор сфокусирован на проблеме казацкости, что дает возможность изучить образы Малороссии в травелогe лишь фрагментарно. Отталкиваясь от вышеизложенного, можно сделать вывод о новизне нашего исследования, нацеленного на относительно цельную репрезентацию городского малороссийского пространства в тексте Долгорукого, что, в свою очередь, позволяет выявить специфику данной образности в целом, а также отдельные особенности в изображении конкретных топосов.

3. Результаты и обсуждение = **Results and Discussion**

3.1. Общие особенности репрезентации Малороссии в травелогe

Прежде чем анализировать отдельные пространственные образы, представленные в тексте Долгорукого, следует зафиксировать общую авторскую специфику репрезентации Малороссии. С. О. Курьянов ставит этот травелог в общий ряд с «сентиментальными путешествиями» Левшина («Письма из Малороссии»), Шаликова («Путешествие в Малороссию») и «Другое путешествие в Малороссию»), а также П. И. Сумарокова («Пу-

тешствие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году» и «Досуги Крымского судьи, или Второе путешествие в Тавриду») [Курьянов, 2018а, с. 44]. Со своей стороны, однако, заметим, что травелог Долгорукого, хотя и содержит отдельные элементы сентименталистского дискурса, в большей своей части лишен сверхэмоционального любования природой, присущего левшинскому и шаликовскому текстам. По сдержанности авторской интонации и рациональности он, как представляется, более походит на сумароковское «Путешествие...», но отличается от последнего меньшей комплиментарностью: фронтирное пространство Новороссии у Сумарокова, несмотря на достаточно высокую энтропийность, охарактеризовано в целом положительно [Жданов, 2024]. Репрезентацию же Малороссии (а в еще большей степени Новороссии) у Долгорукого можно назвать травестийной, проникнутой иронией и ориентированной на остранение описаний.

Эта травестийность заключается в самом названии травелога, в котором выведена русская пословица «Славны бубны за горами», отсылающая отнюдь не к карамзинской традиции описания Чужого с ее «ксенофилией» (любованием Чужим), а к изображению заграницы Д. И. Фонвизиним, в путевых письмах которого данная пословица «стала своего рода смысловым рефреном» [Гуминский, 2017, с. 122] и в конце XVIII — первой половине XIX веков могла рассматриваться «устойчивым метафорическим отзывом в русской словесности о другой культуре» [Морозова, 2010, с. 373]. Помимо текстов Фонвизина, В. Н. Зиновьева и Долгорукого, мотив славных за горами бубнов актуализирован в макаронической, проникнутой травестий поэме И. П. Мятлева «Сенсации и замечания г-жи Курдюковой за границей, дан л'Этранже» в форме эпитафии на французском «Де бон тамбур де баск дерьер ле монтанье». Также Долгорукий обращается к данной поговорке, когда описывает острабяющий мотив холодной Малороссии, притом, что «полуденная Россия» в русских травелогах начала XIX века традиционно маркирована южностью, «сопоставлением с Грецией или Италией» [Васильева, 2014, с. 52]. Ср., например, в «крымском» фрагменте травелога Н. С. Всеволожского обозначение «полуденного берега»: «Италия России» [Всеволожский, 1839, с. 81]. В тексте же Долгорукого Малороссия, наоборот, контекстуально получает маркер северности: «В этом климате был мороз... Не знаю, такой ли был год или это обыкновенно и в Малороссии, как у нас около Севера; но узнавши это, я сказал про себя: “Славны бубны за горами. Искали тепла — нашли стужу”» [Долгорукий, 1870, с. 81]. Собственно говоря, данная деталь важна здесь не как реалия, хотя расхождение между «типажной» южностью «полуденного» пространства и реальным климатом отмечаем, например, и в травелоге М. П. Жданова: «Удивительно, что с некоторого времени климат южной

России значительно изменился, сделался гораздо суровее» [Жданов, 1843, с. 103]. Для нас главное — это установка Долгорукого на ostraneniye и travestiyu повествования, позволяющая создать свою репрезентацию описываемого пространства.

Ostraneniye, na nash vzglyad, pronizyivaet tekst Dolgurokogo i obuslovleno akcentirovannym vospriyatiem yugo-zapadnykh liminalnykh toposov Rossiyskoy imperii kak territorii (chastichno) Chuzhogo. Esli v levshinskoy traveloge eta parcialnaya chuzhest' Malorossii v znachitel'noy stepeni sglazhivaetsya i snimaetsya za schet reпрезентации obshchego drevnerusskogo toposa kak obshcherusskogo prostранства proshlogo, korrespondiruyushchego s obshcherusskim imperiskim prostранством nastoyashchego i budushchego, gde velikorusskiy i malorusskiy varianty obyedinyayutsya v edinoye tseloye, esli v bolee pozdней putevoy proze Zhdanova perexod ot russkoy Belgorodchiny k slobozhan'skoy Харьковщине edva oboznachen, to Dolgurokiy akcentiruyet kak chuzhest' Malorossii, tak i prostранство границы / perexoda ot Svoego k Chuzhому, kotorye oboznachenо традиционными мотивами южнoсти, плодородия, мазанок (в качестве специфического варианта Дома), а также особой антропностью (образы Хмельницкого, Мазепы и вообще «Хохлов»): «Наконецъ въехали мы в пределы Украйны, Зачал приходите мне на память Пан Хмельницкий и Мазепа. <...> Везде без исключения мазанки... Появились Хохлы. В 28 верстах от Харькова деревня Липцы ими населена. Увидели мы образчики плодородного климата: на воздухе роятся арбузы без всякого садовнического присмотра» [Долгорукий, 1870, с. 46]. Нельзя сказать, что это описание первого опыта столкновения с малороссийским топосом уникально. Те же помеченные инакостью антропные и природные образы встречаем и у Всеволожского: «Здесь чувствуешь уж совсем иную природу: ты вступил в Малороссию! народ не тот, черты лица другие, почва земли, местоположения, все принимает другой вид <...> уж начинаешь чувствовать влияние умеренного климата» [Всеволожский, 1839, с. 11]. В сумароковских «Досугах крымского судьи...» маркирование лиминальной Малороссии в качестве пространства Чужого также явственно, в результате чего оно воспринимается почти как заграничное: «Но что означает в селе Липцах... сия крутая перемена во всем, что только взору не представляется? Вот белеются униженные мазанки; вот поселене с обритыми головами, разъезжают на волах, и вот открытые шинки винной продажи. <...> Неужель тут положен пределе Империи? <...> — Нет! Империя все продолжается; а отсюда начинается край, называемый Малороссиею» [Сумароков, 1803, с. 45].

Но именно у Долгорукого чужест' Малороссии является лейтмотивом повествования, к которому он не раз возвращается. Например, данный

лейтмотив актуализируется как мотив чужого языка, то есть отсутствия коммуникации, который настолько заострен, что А. В. Марчуков называет «этот случай» «практически единичным» «даже среди образованных путешественников» [Марчуков, 2011, с. 73]: «Здесь уже я почитал себя в чужих краях, по самой простой... причине: я переставал понимать язык народный <...> где перестает нам быть вразумительно наречие народа, там и границы нашей родины, а по-моему, даже и отечества» [Долгорукий, 1870, с. 64]. Причем в контексте высказывания автор фактически уравнивает малороссиянина и «лифляндца» как имеющих «для России», то есть для Долгорукого, статус «иностранца» [Там же]. Разумеется, повествователь оговаривает, что эта чуждость зафиксирована им исходя из языка «черни», которая «определяет живые урочища между Царствами, кои политика связывает», а чиновники являются «космополитами», принадлежащими «всем странам» [Там же], то есть разделяет этническое и государственное (имперское) начала (ср. с сумароковской амбивалентной характеристикой пространства Малороссии как «иной» земли, но части империи). Левшин же в своей репрезентации малороссиян аналогично упоминает, что его «замечания» «будут относиться токмо до простого народа» [Левшин, 1816, с. 62]. Но у последнего автора тем не менее тенденция описания малороссийской антропности основывается на просветительской идее общности человеческой природы: те же «суеверия и предрассудки» малороссиян обозначены «общими всем векам и всем племенам, потому что все люди, особливо непросвещенные, заражены ими» [Там же, с. 73]. Долгорукий же последовательно акцентирует чуждость малороссийского пространства, например киевского: «Я часто воображал себе, что мы в чужих краях <...> Киевляне были для нас как бы чужеземцы» [Долгорукий, 1870, с. 299]. Сюда же отнесем и обозначение малороссиян как «антиподов» [Там же, с. 246] и «ориенталистское» сравнение «Хохла» с «Негром» [Там же, с. 243].

Это акцентирование мотива чужести объясняется по-разному. Так, А. В. Марчуков видит в упоминании «непонятного» языка проявление «специфики жанра» русского травелога рубежа веков, в котором описываемые чужеземные (прежде всего неевропейские) народы воспринимаются как «туземцы»: «Как только мода на жанр сойдет, а образ Малороссии и ее народа закрепится в сознании как “свой”, русские бары будут “без труда” спрашивать дорогу и прочую полезную информацию у малороссийских мужиков, как это делали те же паломники, не испытывавшие языковых барьеров» [Марчуков, 2011, с. 73]. С. С. Беляков радикально рассматривает позицию Долгорукого как «социальный и национальный расизм» [Беляков, 2015а, с. 83]. Т. А. Васильева же полагает, что «формирующийся русский национализм придал особую актуальность системе различений свое-

го и чужого, обостря чувствительность имперских авторов к культурным границам» [Васильева, 2016, с. 10]. Отчасти можно согласиться с мнением А. В. Марчукова, поскольку в более позднем, по сравнению с произведением Долгорукого, травелоге Жданова (но не у Всеволожского) мотив чужести фактически отсутствует, а в путевой прозе Н. И. Греча и вовсе понятие Своего распространяется на западно-украинскую Волынь: «Вам удивительно слышать, что здесь, на границе Галиции, на Волыни, говорят и молятся по-русски? <...> Крестьяне здесь все Русские, православные» [Греч, 1839, с. 190]. Нельзя не согласиться и с Т. А. Васильевой, что интенсификация государственного строительства и межкультурных контактов актуализировали процесс национально-самоидентификации как выстраивания своего, в том числе через отталкивание от Чужого.

Но, как нам представляется, в случае Долгорукого нужно учесть еще один весьма важный аспект — особую привязанность нарратора к Своему, причем локально определенному, к Москве и Владимиру. Покидая этот круг родственных и дружеских связей, Долгорукий мысленно возвращается к своему пространству, более того, подчеркивает разницу между родиной и отечеством (государством): «Можно не иметь отечества, родина есть у всякого» [Долгорукий, 1870, с. 64]. Выезжая из Москвы, автор посвящает ей четверостишие с таким словами: «Тебя ли, родина, забуду, Москва, мой отчий дом, мой рай!» [Там же, с. 1]. Находясь в Одессе, он посылает «к родине своей, Москве» «дружеские объятия» [Там же, с. 135]. Даже встреча под Кременчугом «мужика, соседа нашей подмосковной», меняет настроение нарратора: «Я этому простому мужику обрадовался» [Там же, с. 91]. Возвращение в Москву описано через мотив пробуждения, сцена отмечена крайней позитивной эмоциональностью: «Я проснулся, как ото сна, взвидел Ивановскую колокольню и по чувству непостижимой любви к родине сердце мое затрепетало. “Москва! Москва!” вскричал я» [Там же, с. 350]. Родина и родня тесно связаны в сознании Долгорукого. Пребывание в малороссийском поместье сестры возвращает частично автору чувство Своего: «Я в чужой стороне, за тысячу слишком верст от своей, находил дом свой и свою родину» [Там же, с. 239]. То же относится и к пребыванию в узком кругу друзей в Киеве («как бы на своей родине») [Там же, с. 299]. Письма же от родни, полученные в Киеве, заставляют Долгорукого чувствовать приближение «помаленьку к тому краю, где Бог велел мне родиться и первые лучи солнца увидеть» [Там же, с. 246]. Также автор сопоставляет пространства Владимира (Свое) и Малороссии (Чужое). Последнее может уступать первому («Князь Лобанов уверял меня, что окрестности Полтавы очаровательны; ...но я того не приметил, <...> я нигде не встречал таких видов, какие в наших местах. ...что может быть

величественнее той площади, на которой посажен Владимир?» [Там же, с. 87]; «Хотите ли есть славные вишни? Поезжайте во Владимир: там вы сорвете лучшие» [Там же, с. 102] или в киевском варианте выполнять роль «прообраза» Своего («Владимир... маленький рисунок Киева» [Там же, с. 259]; «он (*Киев*. — С. Ж.) много выше Владимирских холмов; да и Днепр... гораздо шире и важнее Клязьмы. Чтоб много похвалить Владимир, довольно сказать, что он Киев в маленьком виде» [Там же, с. 304]).

Наконец, нельзя не упомянуть про мотивировку вояжа Долгорукого. Если Левшин в предисловии «Писем...» заявляет свое путешествие в Малороссию как погружение в пространство общерусской исторической памяти («Древняя История Российская давно возбуждала во мне желание видеть Малороссию» [Левшин, 1816, с. I]), то Долгорукий акцентирует сугубо частный, развлекательный, мотив поездки, притом в ироническом ключе, травестирующем образ Малороссии / Новороссии как эрзаца привлекательного для него французского пространства Чужого: «Уехал бы в Париж, потому что люблю шум, гам, театр, роскошь и прочее; а где все этого более, как не во Франции? Но у кого нет ни вотчин, ни денег, тот живет, как Бог велит. <...> Я решился и поехал... в Одессу» [Долгорукий, 1870, с. 1]. Это придает репрезентации Малороссии у Долгорукого более свободный, хотя и менее масштабно-«исторический» характер, позволяет вдаваться в житейские частности, критиковать, иронизировать и т. п.

Вторая внутренняя мотивировка малороссийского вояжа открывается не сразу, а лишь фактически ближе к концу — в момент попадания в Киев и конкретнее в Лавру: «Въехавши в город, пустились, не заходя на квартиру, прямо в Лавру: там... почивали кости почтенной прародительницы моей, схимонахини Нектарии <...> Гроб схимонахини Нектарии был главный предмет моего путешествия и давнишняя цель моего желания» [Там же, с. 253—254]. Здесь открывается амбивалентный взгляд Долгорукого на Малороссию как на Свое в Чужом. Помимо образа сестры, автора связывает с данным пространством образ бабки, княгини Н. Б. Долгорукой¹, для которой Киев выступает как место упокоения, но и ссылки, страдания, смерти сына: «Тело ее погребено при самом входе в Киево-Печерскую Лавру, рядом с гробом сына ее, которого потеря растворила все ее раны душевные» [Там же, с. 257]. Соответственно, Малороссия для Долгорукого есть пространство, священное в рамках семейного предания («я воздел

1 О Нектарии в связи с пространством Лавры пишет Греч: «При входе в большую церковь покоится знаменитая добродетелями и несчастиями своими Княгиня Наталья Борисовна Долгорукая, урожденная Шереметева, скончавшаяся схимонахиною в 1771 году» [Греч, 1839, с. 108]. Но его ремарка не идет ни в какое сравнение с тем значением, которое имеет образ княгини в тексте Долгорукого.

руки к небу, воздал хвалу Богу, пал ниц на гроб, толико знаменитый в роде нашем» [Там же, с. 254]) и притом имеющее атрибуты исторической несправедливости (светской и духовной) власти по отношению к роду Долгоруких. Это ощущение несправедливости, в числе прочего, дает автору «право» критиковать власть и травестировать репрезентацию пространства, что, в частности, проявляется в образе де юре анонимизированных гробов предков: «Над сими остатками положены были... плиты с надписями; но как шествовал чрез Киев Государь Павел..., тогдашний Митрополит Киевский рассудил приказать доски повернуть гладью вверх... с тех пор надгробные доски так и остались; надписей не видно, все через них ходят» [Там же, с. 258]. Аналогичную связь с образами предков актуализирует травестированный образ церкви-ломбарда: «Видел я портрет дяди моего, Князя Дмитрия Ивановича... в монашеском одеянии; <...> в собрании церковных одежд кажут... ризы, кои приложила Княгиня Наталья Борисовна Долгорукая, бабка моя, живши в Киеве. Она... не с тем дала их в Лавру, чтоб их показывали. ...для меня всегда казаться будет неприличным, что из ризниц сделались ломбарды» [Там же, с. 267]. Тот же мотив смешения священного и светского (притом в личной для автора огласовке) мы встречаем в описании локуса харьковской церкви, где акцентированы образы двух портретов, императриц Елизаветы и Анны, противопоставленных нарратором друг другу: «Я не мог равнодушно смотреть на такую противоположность: жизнь и смерть, улыбка кротости и бледная тирания с глаз на глаз. Мне простят, ради моего прозванья, маленькую дрожь при взгляде на грозную Анну. Ах! если в местах, посвященных Божеству, могут... терпимы быть такие жертвоприношения людям великим, то пусть уже ставят в них черты Антонинов, Марк Аврелиев, Елисавет, а времена Бирона почти напоминать под сению миролюбивого Христа?» [Там же, с. 47]. Соответственно, малороссийское пространство исторической памяти приобретает для автора личностную окраску за счет резко отрицательно поданных образов Анны Иоановны и Бирона как гонителей Долгоруких. Эта особенность проявляется и в репрезентации локуса харьковской библиотеки при училище с экспрессивно описанным образом грамоты, «пожалованной» «Императрицею Анной»: «Увидя тот почерк, которым... подписана казнь моего деда, я закрыл глаза и бархатную книгу <...> я несколько мгновений был в трепетном ужасе» [Там же, с. 49].

3.2. Репрезентация провинциальных Харькова и Полтавы

Поскольку репрезентация Малороссии в тексте Долгорукого весьма значительна по объему, здесь мы ограничимся анализом пространства основных городских топосов, причем в этом разделе речь пойдет о двух губернских городах — Харькове и Полтаве, в следующем же — о Киеве как

имеющем особое значение в малороссийском пространстве, в том числе, что было продемонстрировано выше, и для самого нарратора.

В характеристике Харькова и Полтавы в тексте Долгорукого есть ряд общих черт, связанных с амбивалентностью репрезентации пространства провинциальной Малороссии. Эта общность проявляется прежде всего в негативных характеристиках, обусловленных энтропийным началом, выраженным мотивами неуюта, неустройства, визуальной непривлекательности, дороговизны, пустынности, безводности, маломасштабности. Это касается как общей характеристики Харькова («Если судить о городах по наружному их виду, то Харьков не утешит: он расположен худо и вид представляет самый пустынный» [Там же, с. 46—47]; «Река в городе обыкновенно не хороша и бедна водою» [Там же, с. 53]) и Полтавы (город «дурен в натуре»; «Река весьма неважная; край бедный и степной» [Там же, с. 65]), так и отдельных локусов, например, богоугодных заведений («Заведениями Приказа здесь хватать нельзя: все есть понемножку, но в большой тесноте. <...> помещение недостаточно. Мазанки, содержащие... страждущих и безумных, в развалинах» [Там же, с. 53] — о Харькове; «Желал бы их (полтавские богоугодные заведения. — С. Ж.) похвалить, но льстить не умею. <...> В... содержании их не нашел... порядка: безумные все в одной комнате... Горницы для недужных не имеют довольной высоты, и тесно поставлены кровати» [Там же, с. 80] — о Полтаве), а также гостиниц и трактиров («все постоялые двory дороги и беспокойны; трактир совсем не хорош» [Там же, с. 46] — о Харькове; «для заезжего в городе нет ничего, даже за деньги. <...> Вот обстоятельства гостиного желудка в Малороссии!» [Там же, с. 87—88] — о Полтаве). Мотивы непривлекательности, узости характерны и для описания провинциальных домов. Даже дома крупных харьковских чиновников «не отвечают их готовности угощать: малы, низки и для большой публики тесны» [Там же, с. 54]. Описание построенных из кизяка и глины домов полтавских обывателей и вовсе травестировано через уподобление внешнего вида строений «лицу в оспе» [Там же, с. 67]. Травестийны и образы местных церквей, в которых, по мнению нарратора, неуместно смешаны светское и священное начала. В предыдущем разделе мы писали о портретах императриц Елисаветы и Анны в харьковской церкви. В полтавском же соборе автор встречает изображение «Князя Василья Михайловича» Долгорукого-Крымского, относя мотив этого смещения к типичным для Малороссии («Везде видевши на пути в Малороссию портреты многих знаменитых особ в гражданстве на церковных стенах, не дивился уже и здесь»), но акцентируя его в образе княжеского герба: «Но что меня в новое и несказанное привело изумление, это герб его, написанный на самом иконостасе, внизу под образом Спасителевым. О! как

это мне показалось неприлично! <...> Атрибутов светских с духовными никогда смешивать, по мнению моему, не должно» [Там же, с. 79].

Впрочем, в репрезентации Полтавы негативных характеристик больше. Помимо вышеупомянутых мест, отрицательно отмечены полтавские локусы образовательного пространства (в Военном воспитательном доме «дети живут тесно, воздух сжат и нездоров»; «Дети спят в шкапах, из коих выдвигают кровати, <...> сколько заводится гаду! <...> в Детской Больнице очень тесно и душно» [Там же, с. 81]), торговли («сделать город красивым, знатным — одна сильна торговля, а здесь какой ей быть?») [Там же, с. 66]; «Гостиный двор деревянный и в самом жалком состоянии; лавки ниже тех, в коих книгами Церковными торгуют в Москве на Спасском мосту; <...> товару мало и все неважный» [Там же, с. 67]), театра («Есть и театр в Полтаве... Строением он не важен, да не хвалят и актеров» [Там же, с. 87]). В еще большей степени негативно заострен образ промышленного пространства — суконной фабрики и находящейся при ней «Немецкой слободы», «колонии иностранцев» [Там же, с. 82]. Этот локус отмечен мотивами нерационального устройства, кажимости, непрочности, неудобства («Кто скажет удостоверительно, сколько наберут ткачи в долг... и сколько без возврата пропадет из сего заемного капитала? <...> пусть цена, к общей похвале заводчиков, воображается на бумаге 82 коп., время откроет глаза и покажет истину: мишура золотом казаться не может» [Там же, с. 83]; «Один из мастеров ткал при мне сукно <...> для корпуса это движение тяжело и даже насильственно» [Там же, с. 84]) и даже тюрьмы, что подчеркнуто в описании домашних сублокусов слободы: «Каждый «карточный дом» «из плетня, набитого навозом», «стоил казне до 2 тысяч, а простоит ли пять лет <...> настоящие тюрьмы <...> Стены... прозрачны, как решето, и от сотрясения станов во время работы чувствительно даже, как они зыблются» [Там же, с. 82—83]. Ироничен и локус неудобных и грязных дорог Полтавы: «нет мостовых; не из чего их сделать: ни камня, ни лесу; от этого в сильные... дожди... кряж земли... скоро мокнет и дает жирную грязь, в которой все вязнет» [Там же, с. 65—66]. Травестируют образ города упоминания о поездках «полтавских щеголих» «в бриллиантовых ожерельях» на волах из-за отсутствия мостовых («иногда дамы, приглашаемый на бал или чей-либо праздник, не могут на лошадах доехать: все тонет среди улицы — и животные и повозка») [Там же, с. 67].

Вышеупомянутые мотивы нерационального устройства, неоправданных трат и кажимости фокусирует на себе амбивалентный образ недавнего генерал-губернатора князя Куракина, своего рода содемиурга Полтавы (наряду с Петром I). С одной стороны, князь изображен как расширитель пространства города, его упорядочиватель и ритуализатор сакрального прошло-

го: «Князь Куракин, быв здешним начальником, учредил или, лучше сказать, установил при сем издавна существующем богослужении всю ту пышность в обрядах наружных, какая прилична столь знаменитому историческому действию, и она с тех пор неприкосновенна» [Там же, с. 74—75]; «Князь Куракин весьма старался сделать из Полтавы в малом виде Петербург» [Там же, с. 67]; «Прирезал к городу кусок большой степи и образовал площадь» [Там же, с. 68]. С другой стороны, многие начинания генерал-губернатора травестийно искажаются в энтропийном пространстве провинциальной Полтавы, образ которой становится «кривым зеркалом» столицы, «большого» Петербурга: «...наделал здесь бульваров и тротуаров из какого-то ломкого щебня, набивал их песком; от этого в сухое время в городе пыль столбом. Все такие затеи несообразны были с местом, бедны, низки и, как Французы говорят, mesquin» [Там же, с. 67]. Те же мотивы мелочности и несурзности маркируют локус задуманной Куракиным главной площади города: «Она... как особое что-то, пришта к городу, и тем делает старинную Полтаву еще хуже; ибо округлость ее весьма великолепна. <...> Все это стало Казне слишком до миллиона руб.» [Там же, с. 68]. По Долгорукому, как помпезен новый большой не соответствующий петровскому прошлому памятник Полтавской битвы, о котором речь пойдет ниже, так и новая выстроенная посреди «продолжительных степей» [Там же, с. 68] «пространная», «бесподобная в своем роде» [Там же, с. 69] площадь, сама по себе отмеченная привлекательностью, не подходит старой провинциальной Полтаве. Притом сублокус гимназии на площади является симулякром, охарактеризован мотивами кажимости и игрушечности: «На место Гимназии, которая... еще и не заложена, дабы сохранить всю прелесть оптики, ...сделан щит, представляющий дом в два этажа с красной крышкой, в том самом размере и по той фасаде, какие даны для настоящего здания. Это... обманывает глаза...: эта игрушка... не безделицы стоит по своей огромности в безлесном месте» [Там же, с. 68]. Несоразмерность притязаний топоса на столичность подчеркивает и ремарка, что «при Екатерине Полтава была Уездный только город» [Там же, с. 66].

Амбивалентно описаны демиприродные локусы Полтавы. Так, сад местного «обывателя», с одной стороны, назван «прекрасным местом» с «наипрекраснейшими деревьями» [Там же, с. 77], с другой — о нем замечено, что «одна натура его убирала: он никакого щегольства не получил от искусства и роскоши» [Там же, с. 78]. Далее нарратор противопоставляет собственное невысокое мнение о полтавских садах общепринятому: «Князь Лобанов уверял меня, что окрестности Полтавы очаровательны; быть может, но я того не приметил»; дача Г. Милорадовича, «которую казали мне за диковинку», не показалась «даже хорошей» [Там же, с. 87].

Разумеется, отдельные локусы Полтавы маркированы безусловно положительными мотивами визуальной привлекательности и чистоты («хорошие фасады» домов, «рынок очень опрятный и со вкусом», колодцы «очень хорошо отделаны и чисты» [Там же, с. 67], «изрядная богодельня», «комната для родильниц хороша», «аптека в прекрасном состоянии» [Там же, с. 80]), но это лишь «островки» упорядоченного среди торжества энтропии.

Здесь кроется существенная разница в тексте Долгорукого между образами Полтавы и Харькова. При общей схожести вариантов малороссийского городского пространства репрезентация последнего города в большей степени положительна в современном автору темпоральном слое описания. В частности, харьковское пространство повседневности отмечено мотивами веселья, гостеприимства, изобилия и роскоши (в локусах элиты, конечно): «В нем живут весело и любят угощение» [Там же, с. 47]; «Все то, что я видал в домах Губернатора и Вице-Губернатора, заставляет думать, что в Харькове без скуки можно проводить время»; роскошь «здесь вошла в кости каждого <...> все заставляет чувствовать прелести улучшенного света» [Там же, с. 54]. Полтава, наоборот, маркирована скучностью, замкнутостью, отсутствием публичной жизни: «Полтава не щеголяет увеселениями. Мысли каждого жителя устремлены на одно хозяйство» [Там же, с. 85]; «Публика уединенна и вообще нисколько не любит шумных увеселений. <...> Нет вкуса к удовольствиям роскошным, все скупое и каждый сжат в доме своем, как в скорлупе» [Там же, с. 87].

Положительно охарактеризовано образовательное пространство Харькова (в отличие от Полтавы), представленное локусами Коллегиума и Университета. Первый корреспондирует с петровским темпоральным слоем, актуализированным с помощью образа основателя, «современника Петра I, Фельдмаршала Голицына» [Там же, с. 48]. Автор отмечает библиотеку училища, в которой наличествуют, наряду с вышеупомянутой грамотой императрицы Анны, «Летописец Дмитрия Ростовского, Отче Наш на ста диалектах, Библия на 6 Восточных языках с Лексиконом на стольких же, и тех же руководство к переводу» [Там же, с. 49]. Университет же ассоциирован с образом начальника харьковского округа, графа Потоцкого, и характеризуется как новое учреждение в противоположность училищу, которое «уже укоренилось» [Там же, с. 50]: «Университет еще очень молод и новость его бытия очевидна повсюду» [Там же, с. 52]. О новизне локуса свидетельствует и то, что количество студентов невелико по сравнению с количеством преподавателей. Пространство университета представляет собой топос просвещения, положительно описанный и характеризующийся мотивами порядка, пользы, визуальной привлекательности: «Дом обогащен книгами и разными инструментами; <...> и удачный выбор их

есть опыт трудов, пекущихся о сем новом заведении. <...> Астрономический класс... есть также доказательство того, сколько заботятся об изучении полезном здешнего юношества. Кабинет Минеральный очень хорош. <...> Типография в наилучшем порядке. Зала Совета убрана приличным образом: в ней расставлены прекрасные произведения Российских художников» [Там же, с. 51—52]. Остраняющей образ университета диковинкой выступает образ «содранной с дикой женщины в Америке целой кожи» [Там же, с. 52]. К образовательному пространству Харькова относится и скупо описанная гимназия на 400 учеников [Там же, с. 52].

Отличие харьковского пространства от полтавского для нарратора заключается и в степени чужести. В Полтаве, а не в Харькове Долгорукий отмечает, что начал считать себя «в чужих краях» [Там же, с. 64]. Большая часть положительных черт, одновременно связанных с началом Своего, относится в тексте к полтавскому пространству исторического прошлого — к петровской эпохе, что в целом корреспондирует с репрезентацией Полтавы во втором сумарковском, левшинском и ждановском травелогах. Но в отличие от последних текстов исторические события описаны у Долгорукого более скупо и менее экспрессивно, хотя и у него имеются фрагменты, посвященные погружению нарратора в онирическое батальное пространство, оживляющее историю, делающее автора очевидцем прошлого. Так, при приближении к Полтаве происходит своего рода наложение времен в едином локусе: «Я воображал, что около сих дней тогда здесь происходило: кровь, жупел и курение дыма!» [Там же, с. 63]. Аналогичным образом описание торжественной панихиды у Полтавы по павшим воинам сопровождается соответствующим мортальным видением нарратора: «Мысль меня перенесла за сто лет назад: мне казалось, что я вижу гробы воинов отверсты; что кости их, сокрушенный временем, еще сохранили запах того пороха, который окурил последние секунды их бытия. Я мечтал энтузиазм сих патриотических мучеников» [Там же, с. 73].

В большей степени Долгорукий передает события битвы через экфразис — описание посвященных им памятников, то есть совмещающая историческое и художественное начала. При этом нарратор противопоставляет друг другу образы двух полтавских памятников. Один из них маркирован мотивами новизны, пышности, дороговизны, официальной власти и аллегоричности: «пышное и богатое убранством новой колонны» [Там же, с. 70]; «стоит до 100 тысяч», не считая «чугуна и бронзы, которые Государь сверх того... пожаловать изволил городу» [Там же, с. 69—70]; возведен по приказу «праправнука» «Великого Царя» и «попечением Малороссийского Генерал-Губернатора Князя Алексея Борисовича Куракина»; содержит в себе изображения «позлащенных цифр» «года знаменитого сражения» и «года

воздвижения колонны», «золотых змей», «пушечных жерл» и «бронзового орла», готовящегося «парить к небесам, возвестить Олимпу славу Полтавских дел» [Там же, с. 69]. Другой отмечен мотивами старости, простоты, миметичности: поставленный «иждивением некоего Господина Марченки» (по Сумарокову, «Полтавским гражданином Руденкою» [Сумароков, 1803, с. 62]. — С. Ж.) «белый каменный простой столб» «пирамидальной фигуры» с медной табличкой, на которой изображены «вся баталию и движение полков; тут вы видите Петра 1-го, Карла XII, и все их храбрые вои» [Долгорукий, 1870, с. 70]; «самый простой гуляка пешеход, хоть мало знающий грамоте, мог себе изъяснить, что это представляет и на что этот столп; ученый, сравнивая искусственный вид с естественным местоположением, мог преследовать всюду за Петром ожесточенного Шведа и участвовать живым образом в славе соотчичей. Тут убитые, раненые, пехота, конница; тут вырезано все: и взор пламенный Петра, и упрямое Карлово чело» [Там же, с. 70—71]. Данное сравнение, сделанное нарратором не в пользу нового («эта старина, почерневшая от времени, для меня гораздо была величественнее новомодных затей нашего века» [Там же, с. 70]), позволяет автору травестировать образ этого нового как прекрасной формы без содержания: «В новом зодческом здании славной сей победы увидит орла, чугуна, бронзу, гранит, и, сказавши: “Ах! Как это все хорошо!” принужден будет спросить: “Что это такое?”» [Там же, с. 71]. Дополнительная травестия достигается посредством упоминания «пустого» пространственного окружения монумента, который «без всякого прекословия прекрасен; <...> но когда видишь... чистую, ненаселенную степь, поражающую без посредства взор твой, то невольно пожалеешь о худом выборе места для таких значащих издержек» [Там же, с. 69].

Впрочем, аналогичная травестия образа полтавского памятника эпохи Александра встречается и в иных «украинских» текстах. Ср., например, со ждановским описанием «каменной, простой пирамиды» возле «церкви Спаса» (у Долгорукого «при церкви Самсония» [Долгорукий, 1870, с. 70]. — С. Ж.): «Старые памятники более занимательны, более любопытны, чем новые. <...> Я с большим удовольствием смотрел на церковь Спаса, на пирамиду, чем на новый памятник, воздвигнутый на... не могу сказать прямо, где, прежде на площади, а ныне в цветнике, в саду или в лесу, как вам угодно» [Жданов, 1843, с. 137—138]. Даже левшинский в целом комплиментарный экфразис александровского «прекрасного» и отделанного «очень хорошо» «obeliska» содержит оговорку, что тому «недостает» величественности [Левшин, 1816, с. 4—5].

Подчеркнем, что темпоральный слой петровского прошлого изображен возвышенно и / или гротеско, как в сцене торжественной панихиды,

связанной со значимым полтавским локусом¹ — курганом-Могилой — и порождающей онирический перенос нарратора в это прошлое, когда «армия живых погребала армию своих мертвецов» [Долгорукий, 1870, с. 71]. Травестии же подвергается настоящее, где на установленном на месте «рабочей славы» кресте видны «всякие подписи, Русские и Французские, нимало не ответствующие побудительной причине: весь крест исчерчен стихами и прозой — и что за стихи! Под некоторыми, забыв весь стыд и благопристойность, иные даже имя свое отважились», что расценивается автором как порча нравов, потеря «уважения ко всему достохвальному» [Там же, с. 75]. Это можно рассматривать как осквернение сакрального пространства Полтавы и отголосок культа Петра — мотива, часто возникающего в «полтавских» фрагментах русских травелогов: «Если под стенами Полтавы Россиянами не читится имя Петрово, или искажается залог признательности народной к его подвигу, то что осталось для нас святого во вселенной?» [Там же, с. 75]. Соответственно, Долгорукий всячески подчеркивает несоответствие образов петровского и современного ему города: «...сколько славен город, столько дурен в натуре» [Там же, с. 65].

3.3. Репрезентация киевского пространства

Киев, как говорилось ранее, есть одна из основных целей путешествия Долгорукого. Еще в Каневе нарратор при виде Днепра (как локуса-медиатора грез) попадает в онирический Киев, предуготовляя реальное посещение города: «Я, глядя на его быстрые струи, мечтал о Киеве, о том препрославленном граде в летописях наших, куда стремились нетерпеливо мой дух и мысли» [Там же, с. 245—246]. Также попадание в киевское пространство сопровождается традиционным для русских травелогов начала XIX века мотивом ретардации, актуализированным преодолением локуса песков: «До Киева отсюда только 33 версты; но устарили нас пески <...> От Василькова до Киева пески утомительны» [Там же, с. 253]. Ср. с фрагментом из левшинского травелога: «Лошади не токмо не могли нас мчать; но, вытянув шеи, едва тащились по глубокому песку» [Левшин, 1816, с. 87]. Кроме того, постепенность вхождения в киевское пространство связана с локусом колокольни Лавры, которая виднеется издалека, еще до непосредственного попадания в город: «Верстах в 10 от города видна уже Лаврская колокольня, и я от радости затрепетал» [Долгорукий, 1870, с. 253]. У Левшина этот момент созерцания Киева издали описан гораздо экспрессивней, чем в целом в сдержанном по тону изложении травелога Долгорукого: «Мы увидели Киев... и изумились величественным

1 Другой значимый полтавский локус в русских травелогах — Воздвиженский монастырь, он охарактеризован Долгоруким положительно: «Гордый вид монастыря... меня пленил совершенно» [Там же, с. 75].

зрелищем высокой и крутой горы, на которой посреди многих златоглавых церквей и едва видимого в отдалении города, возвышался ужаснейшей величины колосс, блистающая вершина коего, казалось, была сокрыта в облаках» [Левшин, 1816, с. 85].

Эмоциональная кульминация всего путешествия Долгорукого приходится на момент попадания в Киевскую Лавру, куда автор сразу же отправляется к могилам бабушки и дяди. Более того, это место служит отправным пунктом погружения в онирическое пространство личной истории рода: «Я не один раз приходил в сию обитель и, не тревожа никого, садился на камне против бывших ее келий, переносился мысленно во дни ее здесь пребывания, и каждое ее слово, переданное мне ее сыном, моим отцом, приводил на память» [Долгорукий, 1870, с. 286]. В целом описание Киева отличает повышенный эмоциональный фон с превалированием положительных характеристик. В частности, встречается мотив визуальной привлекательности города, связанный нередко с панорамными пейзажными описаниями: «Быстрый Днепр... красит картину города. Нет ничего приятнее, как вид из-за реки от самых Броварей; за 18 верст шпиц колокольни Лаврской кинется вам в глаза. Местоположение самой Лавры бесподобно: ничего я лучше не видывал» [Там же, с. 259]; «Весь хребет Киевских гор исполнен живописных красот»; «...храм Андрея Первозванного. Что может быть восхитительнее и величавее во всей природе этого местоположения. Нельзя остановиться на паперти его без восторгов» [Там же, с. 284]; «Как всю картину города украшает Подол! Никакому описанию поверить нельзя; надобно это видеть: один собственный взор уверит в превосходстве местоположения. Думаю, что в целой России нет ему подобного» [Там же, с. 304]. Также автор упоминает «прекрасные здания» Подола [Там же, с. 260], «прекрасный сад» при Дворце [Там же, с. 261], театр, который «снаружи хорош» [Там же, с. 262], «местоположение прекрасное» «Пустынно-Николаевского мужеского монастыря» с иконостасом «очень хорошей работы» [Там же, с. 282], «прекрасное строение» Академии, ее «со вкусом» расписанная зала, хорошая библиотека «из книг отборных и во вкусе лучшей Словесности» и «великолепный» «храм соборный» [Там же, с. 290], «здание прекрасное» Арсенала [Там же, с. 291], прекрасные окрестности Киева [Там же, с. 293]. В топосе Киева созерцатель в целом подмечает сочетание «красот природы» и «зодческих красот» [Там же, с. 284]. Причем нарратор, доводя выражение мотива привлекательности до гротеска, травестирует его, соединяя с мотивом прелести мира в негативной христианской огласовке: «Обольщение взора превосходно! Не здесь ли Иисус искушаем был диаволом, когда он за один себе поклон сулил ему все, что с высоты показал?» [Там же, с. 284]. Complimentарным является

сравнение Киева с Владимиром, который, как указывалось ранее, служит одним из эталонов Своего, воплощением в том числе эстетического идеала. Но в Киеве нарратор вынужден признать превосходство последнего над Владимиром, который есть «Киев в маленьком виде» [Там же, с. 304] (в противовес травестийному образу Полтавы как «маленького Петербурга»). Мотив исключительной киевской красоты акцентирован и в экспрессивно-сентименталистской по духу сцене прощания с городом, когда нарратор охватывает его взглядом: «Взошел я на Андреевскую гору и окинул глазами весь Киев еще раз в жизни. Нет ничего прекрасней сего зрелища; я от него был вне себя и не вмещал своих восторгов. <...> Все способствовало к потрясению моих чувств» [Там же, с. 302—303].

Наряду с мотивом привлекательности в киевском пространстве выражены мотивы упорядоченности, масштабности, изобильности, наполненности людьми и артефактами, закономерно ярче выраженные, чем в провинциальных Харькове и Полтаве: «город велик и хорошо устроен»; «просторный городок, наполненный монастырями, прекрасными зданиями, населенный множеством обитателей; тут рынки, торги, лавки, магазины, и это только часть Киева, называемая Подол»; «Колокольня Печерская огромна и высока» [Там же, с. 260]; «Дворец — строение огромное, залы большие»; сад Дворца «всегда наполнен»; «Дом для Присутственных Мест велик»; «Ремесленников в городе очень много; все нужное есть; на каждом доме увидишь вывески три, четыре, разного мастерства» [Там же, с. 261]; «Дом для Контрактов выстроен превеликий на Подоле»; театр «велик» [Там же, с. 262]; «Нигде... во всей России нет столько предметов, возбуждающих любопытство, как в Киеве» [Там же, с. 263]; храм Великомученицы Варвары «довольно велик» [Там же, с. 274]; «превысокая огромная церковь»; храм Андрея Первозванного [Там же, с. 284]; «зала собрания» в Академии «велика» [Там же, с. 289]. При этом образ города не является застывшим, но находится в процессе упорядочения: киевские «горы» «до сих пор» «обрабатывают и углаживают» [Там же, с. 260]; «отделяют бульвар»; деревья в дворцовом саду «при нас садили»; «На Подоле выгорели ряды и строятся новые» [Там же, с. 261].

Еще одним важным лейтмотивом описания киевского пространства является его древность, выраженная целым рядом артефактов (особенно в локусе Софийского собора): «Между разными в Киеве древностями нигде я такой не видал, как в Софийском соборе: он в старом Киеве» [Там же, с. 275]; «два древних образа Богородицы» [Там же, с. 276]; «Надгробный камень, скрывающий гроб Ярослава <...> довольно взглянуть на него, чтоб... удостовериться в его древности»; «иконостас старинный» [Там же, с. 278]. Мотив древности акцентирован и в сцене описания Крещатика, где

локус представляет собой отправную точку путешествия в онирическое прошлое России: «Мысль все здесь дополняет: она красит каждую пядень земли, везде говорит о древности, о старых Россиянах, о младенчестве нашей Религии, о мужестве нравов, и все, на что ни взглянешь, — драгоценный монумент» [Там же, с. 284]. Отмечены также «архитектура старинная» Лавры, «храм старинный» Пустынно-Николаевского монастыря [Там же, с. 281]. В то же время Долгорукий остраивает мотив старины, вводя оксюморонный образ нового старого Киева в сравнении с Новгородом: «Киев стар, но древность его не так видна, не так осязательна, как Новгородская. Там столетия на всяком церковном здании, на всяком шпиге колокольни явственно изображены и свидетельствуют долговременность того города; здесь все что-то новое, больше моды, меньше старины» [Там же, с. 262].

Мотивы моды и роскоши еще менее однозначны в репрезентации Киева Долгоруким. Если в харьковском топосе роскошь маркировалась положительно, то в киевском — она амбивалентна. С одной стороны, мотив роскоши имеет положительную коннотацию как знак светскости / веселости жизни в Киеве. Так, Военный Губернатор дает во Дворце «роскошные праздники» [Там же, с. 261], «живет в нем очень роскошно» [Там же, с. 299]. Нарратор отмечает и «роскошную позолоту» [Там же, с. 278] иконостаса в Софийском соборе, то есть в сакральном локусе. В сфере торговли роскошь актуализирована как изобилие товаров, сообщающее образу Киева (в противоположность Полтаве) столичный (московский) оттенок: «Ничто так не удивляет, как магазин Губарева, у которого вы найдете все, что может обворожить самого равнодушного к прелестям роскоши скупца; все выписное: стекло, фарфор, золотые вещи, бронзы; о мелочах уже и говорить нечего — сюрпризы, каких лучше нет и в Москве» [Там же, с. 261]. В то же время роскошь и веселость киевской жизни относительны в сравнении со столичными, что подчеркнуто автором в ремарке о киевлянах, имеющих «мало публичных увеселений», как и во «всех Губернских городах» [Там же, с. 301]. При этом киевское пристрастие к роскоши актуализирует мотив дороговизны жизни (и даже мотовства): в период Контрактов «все магазины и лавки опустошаются, все раскупят. Поляки наезжают кучами отовсюду для своих продаж, разменов, аренд и откупов. Из карманов их посыплются кучи золота, и я видел такие дома, которые невероятный дают хозяину доход»; «продажная цена» «на все поднялась страшным образом» [Там же, с. 262]. Эти мотивы проявлены и в описании локуса театра: «...роскошь и мотовство более, нежели вкус к театру, его наполняют» [Там же, с. 262]. Тем более мотив роскоши оценен негативно в сакральном пространстве как проявление порицаемого Долгоруким смешения светского и священного начал. Автор травестирует даже значимый для него

локус Лавры, противопоставляя древнюю скромность Киевских пещер современному богатству церкви и актуализируя ранее упомянутый мотив искушения / прельщения: «Обогатилась казна монастырская, и роскошь украсила пустыню дикую и непроходную. Ныне уже надобен большой запас духовной приверженности к Вере, чтоб не соблазниться велелепной наружностью Печерской Лавры, которая, украсив соборы, иконы и утвари церковные, оставила везде знаки внутреннего пренебрежения к святым и дому Божию. Удалились от нас те дни, когда блаженные старцы, Духом Божиим ежеминутно тут водимые, силились утвердить корень Веры в сердцах благодушных Христиан. <...> богатые и пресыщенные прикрыли золотом кровы церквей и обнищали в усердии к Богу» [Там же, с. 269]. В целом Киев Долгорукого амбивалентен, вбирая в себя священное и профанное начала: «Кто хочет молиться в Киев, тот приезжай сюда к Успеневу дню; а кто ищет в нем забав, пусть жалует сюда... к Контрактам» [Там же, с. 298].

Впрочем, несмотря на критику церкви, Киев для Долгорукого остается сакральным городом в плане как истории рода¹, так и русской истории. Значительное внимание в травелогe уделено изображению различных мест, маркированных православием: локусов Лавры, церковей Св. Варвары и Трех Святителей, Андреевской и Десятинной церковей, Пустынно-Николаевского, Фроловского и Братского монастырей, Киевской духовной академии, Крещатика. Описывая Печерский монастырь, автор замечает, что «тут земля, как будто уступая святости места, дала впадину» [Там же, с. 260]. Киевские пещеры названы «обетованным местом» [Там же, с. 268]. Разумеется, отмечает автор и локус, связанный с приходом православия на Русь, что делает Киев центром веры: «Истину провидел Андрей Первозванный, когда... водрузил на сей горе крест в знамение настоящего Православия. ...где Вера убедительнее свою славу кажет, как не в Киеве?» [Там же, с. 285]. Киевское пространство исторической памяти маркировано, соответственно, мотивом первичности, свойственной пратопосу, где в легендарное время совершаются события, влияющие в дальнейшем на весь хронотоп: «Владимир построил первую здесь Христианскую церковь, которая доньше называется Десятинною» [Там же, с. 282]. Церковь же Трех Святителей связывается с легендарным пространством посрамления язычества: «она... основана на том самом месте, где идол Зевесов кинут в Днепр» [Там же, с. 283]. Заметим, что при всей ярко выраженной христи-

1 Так, по Долгорукому, локус Фроловского женского монастыря «сам по себе не значил бы ничего особенного», но он обладает личной значимостью для автора, поскольку «в нем проводила жизнь свою в монашестве бабка..., Княгиня Наталья Борисовна» [Там же, с. 285]. Даже образ дома Контрактов связывается с историей рода: «Выстроен... на самом том месте, где некогда жилали мои родители, когда они со мною, сущим младенцем, приезжали видеться с Княгиною Натальей Борисовной» [Там же, с. 286].

анской символике Киева в пространстве исторической памяти сохраняется языческий элемент в античной огласовке. Еще один пример такой скрытой оппозиции христианства и язычества в репрезентации топоса также актуализирован в стихийном локусе Днепра. Пространство последнего («дитя Нептуна») противопоставлено локусу церкви на Оскольдовой могиле: «Спустя лет триста, пятьсот и здесь... будут петь молебны, если Днепр, неугомонное дитя Нептуна, не предварит человеческих замыслов и не подмоет каменных оград нового здания» [Там же, с. 282].

Мотив сакральности Киева тесно связан с мотивом славы, закрепленным за пространством «препрославленного града» [Там же, с. 246], где проявляется «слава Веры» [Там же, с. 285]. Как и у Левшина, эта слава проявляется как свершения — и духовные, и светско-батальные. Впрочем, их не всегда можно разделить, что маркирует Киев как топос кровопролития, мученичества и подвига: «Здесь тьмы мучеников всю землю кровью своей оросили. Здесь уединенные праведники из вертепов создали храмы, обогатили их и прославили» [Там же, с. 285]. «Убогое состояние» Десятиной церкви объясняется иноземными вторжениями Татар и Поляков [Там же, с. 283]. Пространство исторической памяти Софийского собора маркировано через сюжет о «враждебных полках», которые «некогда» здесь «лошадей своих ставили» [Там же, с. 276].

С мотивами славы и священности соотнесены и локусы могил. Помимо могильных локусов, связанных с историей рода, к пространству исторического прошлого Киева относятся иные захоронения Лавры, в том числе сакральный сублокус Киевских пещер («собралась братия, ископали для остатков своих могилы при Днепре и тут положили кости свои; все спаслось около них; земля исполнилась благовония; святость убогих тружеников воссияла во всем мире Христианском» [Там же, с. 276]). Мотив святости, покоя, чистоты в описании пещер подавляют мотивы смертности и страха: «Мысль о пещерах страшна, приближаешься с ужасом, но войдешь в них, и спокойным оком, без малейшего смятения, видишь гробы по обе стороны себя; воздух чисть, свеж и прохладен, нет никакого зловония» [Там же, с. 270]. Наряду с основателями священного места Антония и Феодосия, автор особо выделяет Св. Иоанна Многострадального, Марка Гробкопателя, Ефросинию Полоцкую и Нестора. К темпоральному слою условной Древней Руси относятся и мощи Св. Князя Владимира. За пределами Лавры отмечен также гроб Ярослава в Софийском соборе, Оскольдова могила. Далее, киевские сублокусы могил представляют позднейшие темпоральные слои, корреспондированные с образами Князя Литовского (Острожского), фельдмаршалов Графа Румянцева и Князя Прозоровского, а также Княгини Екатерины Петровны Хованской. Причем если репрезен-

тация посвященного последней «светского памятника» дана в сентименталистском ключе («вспомнил ее и принес ей обыкновенную жертву человеческого сожаления — несколько слез» [Там же, с. 272]), то описания иных могильных локусов остранены и, заметим, во многом резко контрастируют с описаниями в левшинском тексте. У Долгорукого «мраморный мавзолей» Острожского маркирован мотивами авизуальности, темноты и ужаса: «Темнота теней, потому что он вдался в стену, представляет его в ужасном виде: он изображен изнемогающим на одре смерти <...> Трудно разглядеть искусство художества, потому что в эту впадину свет дневной мало дает ударения» [Там же, с. 272]. Левшин же делает акцент не на смертности, а на мотивах славы, милосердия, просвещения, а также подчеркивает не чуждость образа («Князь Литовский» у Долгорукого), а наоборот, близость к Своему — православной вере: «Гипсовой монумент, изображающий героя, на одре под балдахином лежащего, первый напоминает, что здесь покоятся остатки Князя Острожского, который, защищая свободу народа Малороссийского, покровительствуя Религию их, помогая бедным, распространяя просвещение и храбро поражая врагов, заслужил имя великого мужа и название друга человечества» [Левшин, 1816, с. 106]. Аналогичным образом, если Левшин в основном в комплиментарных тонах изображает надгробие Румянцева («Великолепный, хотя не прекрасный, памятник... украшается из белого мрамора высеченным изображением его и золотою надписью: “Внемли Росс! Пред тобою гроб Задунайского”. Что может быть величественнее, разительнее сих слов?» [Там же, с. 106]), пусть и с элементом мягкой критики («не прекрасный»), то Долгорукий травестирует экфразис, обращаясь к лейтмотиву неуместного смещения светского и сакрального: «Бюст его из белого мрамора изображает грозный вид постоянного победителя; он держит в руке булаву, под ним золотыми литерами: “Внемли, Росс! Пред тобою гроб Задунайского”. Какая жалкая суета в храме Божьем и против алтаря! ...перед Богом нет Гетманов: все рабы Господни» [Долгорукий, 1870, с. 266]. Еще более травестиен образ мощей Владимира, что актуализирует мотивы забвения славной истории неблагодарными потомками и святотатственного надругательства, которые нам встречались в репрезентации Полтавы: «Чудно ли, что храм Владимира в таком низверженном состоянии, когда сам он без пощады растерзан? Голова его в Лавре, часть его мощей в Соборе, весь он где? Никто не знает, не искал, не любопытствовал» [Там же, с. 283]. Мотивом забвения прошлого отмечено и описание могилы Нестора: «Он (гроб. — С. Ж.) малым чем отличен от прочих. Для чего не вынести его в собор, не поставить пред очами каждого? Нестор ли такого торжества не стоит? Или же мы не уразумели, что он его достоин?» [Там же, с. 270].

Примечательны также могильные локусы, которые Долгорукий *не* упоминает в Лавре — Кочубея и Искры — и которые, напротив, составляют одни из знаковых мест для Левшина. Это пространство выступает частью «петровского мифа» Малороссии, но игнорируется первым автором, равно как и негативные коннотации образа Мазепы как предателя, наличествующие в левшинском тексте («Нет для них (казаков. — С. Ж.) ничего ужаснее, как имя Мазепы» [Левшин, 1816, с. 65—66]; «лютость Мазепы» [Там же, с. 109]; «свирепый Мазепа» [Там же, с. 14]). Для Долгорукого же этот элемент малороссийской персониферы, по сути, нейтрален и просто маркирует местный колорит, подобно упоминаемому в нейтральном контексте образу Хмельницкого: «Въехали мы в пределы Украины. Зачал приходить мне на память Пан Хмельницкий и Мазепа» [Долгорукий, 1870, с. 46]; «В одной из соборных церквей... все приклады от Мазепы» [Там же, с. 270]; «Храм старинный. Строен Мазепой» [Там же, с. 281].

Что касается повседневного пространства, современному автору, то локусы богоугодных заведений Киева упомянуты скорее в негативном контексте как не имеющие «большой славы» [Там же, с. 281]. Из образовательных локусов комплиментарного тона удостоена лишь Академия. При этом достаточное внимание уделено репрезентации военной сферы Киева, которая связана с локусами дворца как места расположения Военного Губернатора, Комендантского дома и дома Провиантской комиссии. Особо примечателен в этом плане локус Киевского Арсенала, противопоставленного пространству «мирного неба» и характеризующегося соединением разных темпоральных слоев и, соответственно, повышенной значимостью для нарратора: «Сколько в одном покое сближается веков, людей и дел! Нельзя равнодушно смотреть на такое здание» [Там же, с. 292]. Значительная часть образов, актуализированных в данном локусе, маркирована противостоянием России с Османской империей как в прошлом («шатер», «завоеванный Румянцевым у Визиря»), «медные орудия, взятые у Турок», «их бунчуки»), так и в настоящем («Бомб и ядер пропасть <...> на волах возят в Молдавию: дня два постоят вокруг Арсенала пирамиды, а потом и в поход» [Там же, с. 292]). Кстати, в пространстве Арсенала воинственный образ Румянцева отмечен мотивом славы без всякой трагедии: «Взглянувши на такой памятник Российских подвигов, неволью вздыхаешь о том, кто умел ими себя и всю родину прославить» [Там же, с. 292]. Здесь же актуализирован и образ Мазепы, маркированный мотивом преходящей земной славы: «Все имеет свое время...; теперь кинь самую богатую из них («гетманщинских булавы». — С. Ж.) куда хочешь, а в руках Мазепы... не очень близко к ней подходили» [Там же, с. 292].

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, репрезентация городского пространства Малороссии в травелоге Долгорукого «Славны бубны за горами...» носит ярко выраженные черты остранения и травестии и маркируется чужестью. Степень этой чужести, проявленной и в обусловленной языком и культурой антропности, и в своеобразии климата, вида домов и т. п., нарастает по мере удаления нарратора от пространства Своего, с которым Чужое постоянно сравнивается. Соответственно, топос Полтавы более чужд для автора, чем харьковский. Личностное отношение автора к описываемому пространству также подкреплено связью малороссийских городов (Харькова и Киева) с трагической историей рода Долгоруких. Помимо лейтмотива чужести, репрезентация Малороссии также маркирована негативно оцениваемым мотивом смещения сакрального и светского начал в описании локусов церковей, что приводит подчас к травестии этих описаний, например, возникновению образа церкви-ломбарда.

Описания Харькова и Полтавы закономерным образом отмечены провинциальной энтропийностью, включая мотивы визуальной непривлекательности, безводности, безлесности, неудобства, грязи, тесноты, «маломасштабности», бедности, дороговизны. С другой стороны, в репрезентации некоторых локусов данных городов присутствуют противоположные черты — привлекательность, упорядоченность. В этом плане образ современного автору Харькова более положителен по сравнению с полтавским. Харьков Долгорукого маркирован мотивами роскоши, веселья, тогда как Полтавы — скуки и уединенности. Позитивный образ первого города относится также во многом к образовательной сфере, представленной локусами Университета, Гимназии и Коллегиума, с которым связано и городское пространство исторической памяти.

Позитивные черты Полтавы в основном соотносены с темпоральным слоем петровский эпохи, а именно с событиями Полтавской битвы. Это батальное пространство маркировано мотивами как славы, так и смертности. Можно отметить элементы петровского мифа в репрезентации города, но он выражен слабее и менее экспрессивно, чем в ряде иных русских травелогов начала XIX века. «Прорывы» нарратора в онирическое пространство исторических событий присутствуют в тексте, однако отличаются лаконичностью описания. Мотив славного прошлого подвергается травестии в современной нарратору реальности, что провоцирует мотивы забвения и даже богохульства в рамках сакрального «петровского» мифа. Травестийны по своей сути и образы провинциальной, утопающей в грязи Полтавы как «маленького Петербурга» и нового, поставленного в правление Александра I памятника Полтавской битве в сравнении со старым. Кроме того,

отметим мотивы кажимости, несоразмерности в образе города, актуализированные в субблоках главной площади (новом монументе, посвященном Полтавской битве, и здании «симулякре» гимназии).

Образ Киева — один из центральных в травелоге. Кульминация его представления в тексте приходится на посещение автором захоронения его бабушки и дяди в Лавре. Как и образы Харькова и Полтавы, репрезентация киевского пространства амбивалентна. Она, с одной стороны, маркирована мотивами привлекательности, упорядоченности, масштабности, богатства, древности, славы, сакральности, военности. С другой стороны, мотив роскоши, позитивный в рамках харьковского топоса, в киевском осложнен негативными коннотациями, что, впрочем, придает ему оттенок столичности. Мотивы привлекательности и военности подвергаются в тексте частичной травестизации, порождая негативные маркеры прелести / обольщения в христианской огласовке при панорамном пейзажном описании города, а также ужаса, страдания, непривлекательности, неуместной помпезности, граничащей с гордыней, в рамках описания Лавры. Мотив древности Киева также остранин за счет акцента на относительной старости визуального облика Киева в сравнении с образом Новгорода. Безусловная и травестийная сакральность киевского топоса проявлена в репрезентациях локусов церквей, монастырей, а также могильных субблоков, тесно связанных с пространством исторической памяти. Последнее в киевском варианте характеризуется наличием нескольких темпоральных слоев, в том числе древнерусского, который актуализирует значение Киева как легендарного, изначального места в рамках русской культуры.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Всеволожский Н. С.* Путешествие через Южную Россию, Крым и Одессу в Константинополь, Малую Азию, Северную Африку, Мальту, Сицилию, Италию, Южную Африку и Париж в 1836 и 1837 годах : в 2 т. / Н. С. Всеволожский. — Москва : Типография Августа Семена, 1839. — Т. 1. — 502 с.

2. *Греч Н. И.* Путевые письма из Англии, Германии и Франции : в 3 ч. / Н. И. Греч. — Санкт-Петербург : Типография Н. Греча, 1839. — Ч. 3. — 198 с.

3. *Долгорукий И. М.* Славны бубны за горами, или путешествие мое кое-куда 1810 года / И. М. Долгорукий. — Москва : Университетская типография (Катков и Ко), 1870. — 355 с.

4. *Жданов М. П.* Путевые записки по России, в двадцати губерниях : С. Петербургской, Новгородской, Тверской, Московской, Владимирской, Пензенской, Саратовской, Тамбовской, Воронежской, Курской, Харьковской, Екатеринославской, Полтавской, Киевской, Черниговской, Могилевской, Витебской, Псковской, Ярославской, Костромской,

Нижегородской и Симбирской / М. П. Жданов. — Санкт-Петербург : Издание В. Полякова, 1843. — 212 с.

5. *Левшин А. И.* Письма из Малороссии / А. И. Левшин. — Харьков : Университетская типография, 1816. — 206 с.

6. *Сумароков П. И.* Досуги крымского судьи, или второе путешествие в Тавриду Павла Сумарокова : в 2 ч. / П. И. Сумароков. — Санкт-Петербург : Императорская типография, 1803. — Ч. 1. — 276 с.

Литература

1. *Беляков С. С.* Выйти из тени Мазепы : история создания книг «Тень Мазепы : украинская нация в эпоху Гоголя» и «Весна народов : русские и украинцы между Булгаковым и Петлорой» / С. С. Беляков // Текст и традиция. — 2020. — Т. 8. — С. 381—393.

2. *Беляков С. С.* Русский взгляд на украинца / С. С. Беляков // Вопросы национализма. — 2015. — № 2 (22). — С. 80—91.

3. *Беляков С. С.* «Цветы» и «корни» украинской нации / С. С. Беляков // Вопросы национализма. — 2015. — № 3 (23). — С. 73—86.

4. *Булкина И.* Киев в русской литературе первой трети XIX века : пространство историческое и литературное : диссертация ... доктора философии по русской литературе / И. Булкина. — Тарту, 2010. — 210 с.

5. *Васильева Т. А.* «Любовь к стране своей родной и к притеснителям презренье...» : национализация древнерусского прошлого и конструирование образа Малороссии в ранней романтической словесности / Т. А. Васильева // Имагология и компаративистика. — 2016. — № 1 (5). — С. 5—29. — DOI: 10.17223/24099554/5/1.

6. *Васильева Т. А.* У истоков украинофильства : образ Украины в российской словесности конца XVIII — первой четверти XIX века : диссертация ... кандидата филологических наук / Т. А. Васильева. — Томск, 2014. — 232 с.

7. *Гуминский В. М.* «Письма русского путешественника» в контексте развития русской литературы путешествий / В. М. Гуминский // Литературоведческий журнал. — 2017. — № 40. — С. 74—145.

8. *Жданов С. С.* Репрезентация пространства Новороссии в «Путешествии по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году» П. И. Сумарокова / С. С. Жданов // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 5. — С. 215—239. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-5-215-239.

9. *Киселев В. С.* «Под отечественным небом странствую с мирною душою» : образ Украины в русских травелогах начала XIX в. (В. В. Измайлов, П. И. Шаликов, А. И. Левшин) / В. С. Киселев, Т. А. Васильева // Имагология и компаративистика. — 2015. — № 2 (4). — С. 20—42. — DOI: 10.17223/24099554/4/2.

10. *Крюкова О. С.* Романтический образ Украины в русской литературе XIX века / О. С. Крюкова. — Москва : Наука, 2017. — 125 с. — ISBN 978-5-02-039986-0.

11. *Кублицкая О. В.* Субъектная структура путешествий «массового сентиментализма» (на материале «Путешествия в Малороссию» П. И. Шаликова) / О. В. Кублицкая // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 7. — С. 284—303. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-284-303.

12. *Курьянов С. О.* О русско-украинских литературных связях и об украинском тексте в русской литературе / С. О. Курьянов // Крымский гуманитарный вестник : сборник научных статей. — Симферополь : ИП Минакир И. Л., 2018. — С. 40—47. — ISBN 978-5-9500652-2-4.

13. *Курьянов С. О.* Об украинском тексте в русской романтической литературе / С. О. Курьянов // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. — 2018. — № 6. — С. 765—770.

14. *Левкиевская Е. Е.* Украина и украинцы : образы, представления, стереотипы / Е. Е. Левкиевская // Русские и украинцы во взаимном общении и восприятии : сборник статей. — Москва : Институт славяноведения РАН, 2008. — С. 154—176. — ISBN 978-5-7575-0226-6.

15. *Марчуков А. В.* Образ Украины в русском сознании. Николай Гоголь и его время / А. В. Марчуков. — Москва : Регнум, 2011. — 294 с. — ISBN 987-5-91 887-012-9.

16. *Морозова Н. Г.* К вопросу об изучении русской дневниковой прозы XVIII века / Н. Г. Морозова // Высшее гуманитарное образование XXI века : проблемы и перспективы : материалы пятой международной научно-практической конференции. — Самара : ПГСГА, 2010. — С. 370—374. — ISBN 978-5-8428-0768-0.

17. *Никольский Е. В.* «Журнал путешествия из Москвы в Нижний 1813 года» князя Ивана Михайловича Долгорукого как один из первых внутренних травелогах в русской классической литературе / Е. В. Никольский // Art Logos. — 2019. — № 2 (7). — С. 8—18.

18. *Овчинников Д. П.* Малороссия и малороссийский текст в творчестве Н. В. Гоголя (введение в тему) / Д. П. Овчинников // Язык и культура. — 2016. — № 26. — С. 194—199.

19. *Соловьев А. Ю.* «Путешествие в полуденную Россию» В. В. Измайлова в контексте русской литературы путешествий конца XVIII — начала XIX веков : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / А. Ю. Соловьев. — Санкт-Петербург, 2011. — 26 с.

20. *Сторожева А. А.* Образ степи в сентиментальных травелогах начала XIX века / А. А. Сторожева // Литература Древней Руси и Нового времени : материалы XI Всероссийской конференции «Древнерусская литература и литература Нового времени». — Москва : МПГУ, 2021. — С. 155—161. — ISBN 978-5-4263-0968-5.

21. *Фарафонова О. А.* Ориентальный травелог Павла Сумарокова («Досуги крымского судьи, или второе путешествие в Тавриду») / О. А. Фарафонова // Научный диалог. — 2017. — № 7. — С. 70—82. — DOI: 10.24224/2227-1295-2017-7-70-82.

22. *Черкашина Е. В.* Языковые средства создания образа Украины в ранних произведениях Н. В. Гоголя : на материале цикла «Вечера на хуторе близ Диканьки» : диссертация ... кандидата филологических наук / Е. В. Черкашина. — Белгород, 2012. — 195 с.

23. *Шаталов Д. В.* «Путевая литература» начала XIX в. и формирование историографического образа украинского казачества / Д. В. Шаталов // Мир историка : историографический сборник. — Омск : Изд-во ОмГУ, 2014. — Выпуск 9. — С. 224—240. — ISBN 978-5-7779-1696-9.

24. *Шенле А.* Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий 1790—1840 / А. Шенле. — Санкт-Петербург : Академический проект, 2004. — 272 с. — ISBN 5-7331-0287-X.

*Статья поступила в редакцию 06.09.2024,
одобрена после рецензирования 02.11.2024,
подготовлена к публикации 18.11.2024.*

Material resources

- Dolgoruky, I. M. (1870). *Glorious diamonds beyond the mountains, or my journey somewhere in 1810*. Moscow: University Printing House (Katkov and Co.). 355 p. (In Russ.).
- Grech, N. I. (1839). *Travel letters from England, Germany and France: at 3 o'clock*, 3. St. Petersburg: N. Grech Printing House. 198 p. (In Russ.).
- Levshin, A. I. (1816). *Letters from Little Russia*. Kharkov: University Printing House. 206 p. (In Russ.).
- Sumarokov, P. I. (1803). *Leisure of the Crimean judge, or Pavel Sumarokov's second trip to Taurida: at 2 o'clock*, 1. St. Petersburg: Imperial Printing House. 276 p. (In Russ.).
- Vsevolozhsky, N. S. (1839). *Journey through Southern Russia, Crimea and Odessa to Constantinople, Asia Minor, North Africa, Malta, Sicily, Italy, South Africa and Paris in 1836 and 1837: in 2 volumes*, 1. Moscow: Printing house of August Semyon. 502 p. (In Russ.).
- Zhdanov, M. P. (1843). *Travel notes on Russia, in twenty provinces: St. Petersburg, Novgorod, Tver, Moscow, Vladimir, Penza, Saratov, Tambov, Voronezh, Kursk, Kharkov, Yekaterinoslav, Poltava, Kiev, Chernihiv, Mogilev, Vitebsk, Pskov, Yaroslavl, Kostroma, Nizhny Novgorod and Simbirsk*. St. Petersburg: V. Polyakov Edition. 212 p. (In Russ.).

References

- Belyakov, S. S. (2015). “Flowers” and “roots” of the Ukrainian nation. *Issues of nationalism*, 3 (23): 73—86. (In Russ.).
- Belyakov, S. S. (2015). Russian view of the Ukrainian. *Issues of nationalism*, 2 (22): 80—91. (In Russ.).
- Belyakov, S. S. (2020). To come out of Mazepa's shadow: the history of the creation of the books “Mazepa's Shadow: the Ukrainian nation in the era of Gogol” and “Spring of Peoples: Russians and Ukrainians between Bulgakov and Petlyura”. *Text and Tradition*, 8: 381—393. (In Russ.).
- Bulkina, I. (2010). *Russian literature of the first third of the XIX century: the historical and literary space*. Doct. Diss. Tartu. 210 p. (In Russ.).
- Cherkashina, E. V. (2012). *Linguistic means of creating the image of Ukraine in the early works of N. V. Gogol: based on the material of the cycle “Evenings on a farm near Dikanka”*. PhD Diss. Belgorod. 195 p. (In Russ.).
- Guminsky, V. M. (2017). Russian Traveler's Letters in the context of the development of Russian travel literature. *Literary Journal*, 40: 74—145. (In Russ.).
- Kiselyov, V. S., Vasilyeva, T. A. (2015). “I travel with a peaceful soul under the domestic sky”: the image of Ukraine in Russian travelogues of the early XIX century (V. V. Izmailov, P. I. Shalikov, A. I. Levshin). *Imagology and comparative studies*, 2 (4): 20—42. DOI: 10.17223/24099554/4/2. (In Russ.).
- Kryukova, O. S. (2017). *The romantic image of Ukraine in Russian literature of the XIX century*. Moscow: Nauka. 125 p. ISBN 978-5-02-039986-0. (In Russ.).
- Kublitskaya, O. V. (2022). Subjective Structure of “Mass Sentimentalism” Travels (P. I. Shalikov “Journey to Malorossia”). *Nauchnyi dialog*, 11 (7): 284—303. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-7-284-303> (In Russ.).
- Kublitskaya, O. V. (2022). Subjective Structure of “Mass Sentimentalism” Travels (P. I. Shalikov “Journey to Malorossia”). *Nauchnyi dialog*, 11 (7): 284—303. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-7-284-303> (In Russ.).
- Kuryanov, S. O. (2018). On the Ukrainian text in Russian romantic literature. *Dynamics of linguistic and cultural processes in modern Russia*, 6: 765—770. (In Russ.).

- Kuryanov, S. O. (2018). Russian-Ukrainian literary relations and about the Ukrainian text in Russian literature. In: *Crimean Humanitarian Bulletin: collection of scientific articles*. Simferopol: IP Minakir I. 40—47. ISBN 978-5-9500652-2-4. (In Russ.).
- Levkivskaya, E. E. (2008). Ukraine and Ukrainians: images, representations, stereotypes. In: *Russians and Ukrainians in mutual communication and perception: a collection of articles*. Moscow: Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. 154—176. ISBN 978-5-7575-0226-6. (In Russ.).
- Marchukov, A. V. (2011). *The image of Ukraine in the Russian consciousness. Nikolai Gogol and his time*. Moscow: Regnum. 294 p. ISBN 987-5-91 887-012-9. (In Russ.).
- Morozova, N. G. (2010). On the question of studying Russian diary prose of the XVIII century. In: *Higher humanitarian education of the XXI century: problems and prospects: materials of the fifth international scientific and practical conference*. Samara: PGSA. 370—374. ISBN 978-5-8428-0768-0. (In Russ.).
- Nikolsky, E. V. (2019). “The journal of travel from Moscow to Nizhny Novgorod in 1813” by Prince Ivan Mikhailovich Dolgoruky as one of the first internal travelogues in Russian classical literature. *Art Logos, 2 (7)*: 8—18. (In Russ.).
- Ovchinnikov, D. P. (2016). Little Russia and the Little Russian text in the works of N. V. Gogol (introduction to the topic). *Language and Culture, 26*: 194—199. (In Russ.).
- Schenle, A. (2004). *Authenticity and fiction in the author's self-consciousness of Russian travel literature 1790—1840*. St. Petersburg: Academic Project. 272 p. ISBN 5-7331-0287-X. (In Russ.).
- Shatalov, D. V. (2014). “Travel literature” of the beginning of the XIX century. and the formation of the historiographical image of the Ukrainian Cossacks. In: *The world of the historian: a historiographical collection, 9*. Omsk: Publishing House of OmsSU. 224—240. ISBN 978-5-7779-1696-9. (In Russ.).
- Solovyov, A. Y. (2011). “Journey to midday Russia” by V. V. Izmailov in the context of Russian travel literature of the late XVIII — early XIX centuries. Author's abstract of PhD Diss. St. Petersburg. 26 p. (In Russ.).
- Storozheva, A. A. (2021). The image of the steppe in sentimental travelogues of the beginning of the XIX century. In: *Literature of Ancient Russia and Modern times: materials of the XI All-Russian conference “Ancient Russian literature and literature of Modern times”*. Moscow: MPSU. 155—161. ISBN 978-5-4263-0968-5. (In Russ.).
- Vasilyeva, T. A. (2014). *At the origins of Ukrainophilism: the image of Ukraine in Russian literature at the end of the XVIII — first quarter of the XIX century*. PhD Diss. Tomsk. 232 p. (In Russ.).
- Vasilyeva, T. A. (2016). “Love for one's native country and contempt for oppressors...”: nationalization of the ancient Russian past and the construction of the image of Little Russia in early romantic literature. *Imagology and comparative studies, 1 (5)*: 5—29. DOI: 10.17223/24099554/5/1. (In Russ.).
- Zhdanov, S. S. (2024). Representation of the space of Novorossiya in the “Journey across the Crimea and Bessarabia in 1799” by P. I. Sumarokov. *Nauchnyi dialog, 13 (5)*: 215—239. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-5-215-239>. (In Russ.).

*The article was submitted 06.09.2024;
approved after reviewing 02.11.2024;
accepted for publication 18.11.2024.*

Информация для цитирования:

Тимакова А. А. От античности к Возрождению : поэтический перевод на страницах «Русского вестника» / А. А. Тимакова // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 9. — С. 269—287. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-9-269-287.

Timakova, A. A. (2024). From Antiquity to Renaissance: Poetic Translation in Pages of “Russian Messenger”. *Nauchnyi dialog*, 13 (9): 269-287. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-9-269-287. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

**От античности
к Возрождению:
поэтический
перевод на страницах
«Русского вестника»**

Тимакова Анна Александровна^{1,2}

orcid.org/ 0000-0003-0269-4969
Scopus Author ID: 58221997600
кандидат филологических наук,
заведующий кафедрой
«Литература и методика
преподавания литературы»
anna.a.timakova@gmail.com

¹ Пензенский
государственный университет
(Пенза, Россия)

² Пензенский государственный
технологический университет
(Пенза, Россия)

Благодарности:

Статья подготовлена в рамках реализации работ по гранту Российского научного фонда № 24-18-00040 «Эволюция русского поэтического перевода в контексте идейных концепций литературных журналов второй половины XIX века»

**From Antiquity
to Renaissance:
Poetic Translation
in Pages
of “Russian Messenger”**

Anna A. Timakova^{1,2}

orcid.org/0000-0003-0269-4969
Scopus Author ID: 58221997600
PhD of Philology,
Head of the Department
of Literature and Literature
Teaching Methodology
anna.a.timakova@gmail.com

¹ Penza State University
(Penza, Russia)

² Penza State
Technological University
(Penza, Russia)

Acknowledgments:

The article was prepared as part of the implementation of the Russian Science Foundation grant № 24-18-00040 “Evolution of Russian poetic translation in the context of ideological concepts of literary journals in the second half of the 19th century”

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена рецепции поэзии античности, Средних веков и Возрождения в журнале «Русский вестник» в контексте редакционной политики издания. Материалом для исследования послужил полный комплект номеров «Русского вестника» за 1856—1906 годы. Анализ поэтических переводов, переложений, обработок выступает частью осмысления идейной концепции одного из ведущих журналов второй половины XIX века. Актуальность статьи обусловлена не только усилившимся в последнее время вниманием гуманитарной науки и широкой общественности к журналу «Русский вестник» как выразителю традиционных взглядов на государственное устройство, но и недостаточной изученностью русского поэтического перевода второй половины XIX века. Установлено, что внимание редакции «Русского вестника» к античной литературе проявляется в публикации как переводов, так и произведений по мотивам античных текстов, причем пропорционально объем этих материалов на страницах журнала примерно одинаков. Основную форму рецепции поэзии Средних веков представляют собой переложения и обработки, реминисценции, произведения по мотивам. Отмечается особый интерес авторов «Русского вестника» к испанскому гомансеро, что можно трактовать как свидетельство этапа романтического испанизма в русской культурной традиции второй половины XIX века. Ключевыми фигурами, через обращение к которым осуществляется осмысление авторами журнала зарубежной литературы Средних веков и Возрождения, являются Данте и Шекспир.

Ключевые слова:

поэтический перевод; *Русский вестник*; редакционно-издательская политика; античные мотивы; романтический испанизм; Данте; Шекспир.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article explores the reception of poetry from antiquity, the Middle Ages, and the Renaissance within the journal “Russian Messenger,” examining the editorial policies that shaped its content. The study is based on a complete set of issues from “Russian Messenger” published between 1856 and 1906. Analyzing poetic translations, adaptations, and interpretations provides insight into the ideological framework of one of the leading journals of the late 19th century. The relevance of this article is underscored by the recent surge in interest from both the humanities and the broader public towards “Russian Messenger” as a proponent of traditional views on governance, alongside the insufficient exploration of Russian poetic translation in the latter half of the 19th century. It has been established that the editorial focus on classical literature is reflected in the publication of both translations and works inspired by ancient texts, with a roughly equal volume of such materials appearing in the journal. The primary form of medieval poetry reception consists of adaptations, reinterpretations, and works based on medieval themes. Notably, there is a particular interest among the authors of “Russian Messenger” in the Spanish romancero, which can be interpreted as evidence of a phase of Romantic Hispanism within the Russian cultural tradition during the late 19th century. Key figures through whom the journal’s authors engage with foreign literature from the Middle Ages and Renaissance include Dante and Shakespeare.

Key words:

poetic translation; *Russian Messenger*; editorial policy; classical motifs; Romantic Hispanism; Dante; Shakespeare.

От античности к Возрождению: поэтический перевод на страницах «Русского вестника»

© Тимакова А. А., 2024

1. Введение = Introduction

Журнал «Русский вестник» (1856—1906) принадлежит к тем общественно-культурным явлениям, которые оказали глубокое воздействие на свою эпоху. Будучи одним из самых значительных периодических изданий в России второй половины XIX века, он во многом определял вектор литературной жизни и влиял на развитие общественной мысли. В журнале публиковались ведущие русские писатели: И. А. Гончаров, Ф. М. Достоевский, Н. С. Лесков, А. Н. Майков, А. Н. Островский, А. Ф. Писемский, Я. П. Полонский, М. Е. Салтыков-Щедрин, А. К. Толстой, Л. Н. Толстой, И. С. Тургенев, Ф. И. Тютчев, А. А. Фет. Яркие материалы по истории, философии, статьи на актуальные общественно-политические темы, острая полемика по злободневным вопросам социокультурной жизни России позволяли журналу сохранять устойчивую популярность на протяжении нескольких десятилетий. В этой связи отдельный интерес представляет анализ рецепции поэзии античности, Средних веков и Возрождения на страницах «Русского вестника» в контексте редакционной политики издания, являвшегося классическим журналом XIX века, совмещавшим просветительскую, идеологическую, кумулятивную и эстетическую функции.

Выделяется несколько периодов истории «Русского вестника»: ранний (или, как называют его некоторые ученые, например И. Г. Адоньева, — либеральный [Адоньева, 2013], вторая половина 1850-х годов); период расцвета (к нему относятся лучшие публикации ведущих авторов — с объявления крестьянской реформы 1861 года до смерти Ф. М. Достоевского и убийства Александра II); период усиления консервативного влияния журнала на политическую жизнь России (известно, что воцарившийся Александр III прислушивался к М. Н. Каткову — вплоть до смерти издателя «Русского вестника», при этом собственно художественная сторона журнала в 1880-е годы стала слабеть); период угасания издания (после смерти

М. Н. Каткова журнал переходил из рук в руки, переезжал из Москвы в Петербург и обратно, в содержательном плане становился с каждым годом всё бесцветнее и невыразительнее). Интенсивность публикации поэтических переводов в каждый из этих периодов отличается, как и круг переводчиков, переводимых авторов и произведений. Более того, в отдельные годы (например, в 1863 и 1894 годах) журнал вовсе не печатает поэтические переводы. Однако нельзя рассматривать каждый из отмеченных периодов изолированно друг от друга, поскольку для «Русского вестника» характерно преемственное развитие определенных тем, сохранение избранного редакцией культурного и общественно-политического вектора развития журнала, взаимопроникновение мотивов, — именно поэтому осмысление поэтического перевода на страницах «Русского вестника» осуществляется не по периодам развития журнала, а по тематическим блокам, отражающим эволюцию мировой культуры.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В последние десятилетия в науке о литературе наблюдается усиление внимания к журналу «Русский вестник» и его издателю М. Н. Каткову. Так, история становления журнала, формирование его литературного направления, особенности редакционной политики исследуются в диссертациях Е. В. Переваловой [Перевалова, 2007], Т. А. Трофимовой [Трофимова, 2007], А. С. Сергеева [Сергеев, 2017]. Определению места издания в контексте политической и общественно-культурной жизни своего времени посвящены работы С. Г. Пятковой [Пяткова, 2013], Е. Б. Васильевой [Васильева, 2007], О. Е. Андреева [Андреев, 2015], Т. В. Назаровой [Назарова, 2013], Е. В. Переваловой [Перевалова, 2021], Н. И. Горской [Горская, 2018] и др. Изучаются особенности представленных на страницах «Русского вестника» травелогов [Козлов, 2015], публицистических очерков [Шарифуллина, 2017], антинигилистических романов [Зубков, 2015], специфика политической журналистики [Чернова, 2022] и женской беллетристики [Перевалова, 2011]. Отдельную группу представляют исследования, связанные с анализом истории публикации в журнале произведений Л. Н. Толстого [Городилова, 2022], И. С. Тургенева [Хвостова, 2018], Ф. М. Достоевского [Подосокорский, 2024] и других писателей второй половины XIX века, а также с особенностями оценки журналом творчества отдельных авторов [Сергеев, 2014]. Достаточно подробно изучены общественно-политические взгляды самого М. Н. Каткова [Гаврилов, 2019], нюансы его взаимоотношений с авторами и сотрудниками «Русского вестника» [Балькова, 2018], а также его роль в истории русской журналистики [Климаков, 2011] и литературы [Николюкин, 2013].

Тем не менее отметим, что публикации о журнале остаются разрозненными, то есть фундаментальной базы (например, в виде библиографического описания журнала, с атрибуцией по архивным данным анонимных и псевдонимных публикаций) для целостного освещения какого-либо из аспектов истории издания «Русского вестника» не существует. Имеется лишь выпущенный в 1989—1990 годах указатель авторов с 1856 по 1862 годы [Русский вестник, 1989; Русский вестник, 1990]. В числе лакун и поэтический перевод на страницах «Русского вестника». В процессе реализации работ по проекту Российского научного фонда № 24-18-00040 «Эволюция русского поэтического перевода в контексте идейных концепций литературных журналов второй половины XIX века» была подготовлена библиография [Русский поэтический перевод, 2024], куда вошли не только переводы, но и переложения, стихотворения на мотив, реминисценции из зарубежной поэзии. Она и стала навигатором для систематизации текстового материала для данного исследования. Таким образом, научная новизна нашей работы определяется выбранным ракурсом исследования, при котором анализ поэтических переводов становится частью осмысления идейной концепции одного из ведущих журналов второй половины XIX века.

В процессе исследования использовались как общенаучные (метод статистического наблюдения, заключающийся в выборке текстов по интересующим нас параметрам из массива текстов журнала за весь период его издания, анализ, синтез, обобщение, индуктивный метод), так и специальные методы научных исследований — культурно-исторический, герменевтический, рецептивный.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Репрезентация поэзии античности в журнале

Анализируя объем представленности поэзии античности на страницах «Русского вестника», следует сказать о фрагментарности интереса его авторов к классическому греко-римскому наследию. Периодически печатались отдельные переводы из Эсхила, Еврипида, Горация, Овидия, Сапфо (Сафо), но в целом анализ публикаций «Русского вестника» подтверждает тенденцию снижения внимания к античности в период становления критического реализма. Античные образы и мотивы во второй половине XIX века широко используются А. А. Фетом и Ф. И. Тютчевым, играют определенную роль в поэтике произведений И. А. Гончарова и И. С. Тургенева [Рылова, 2010, с. 102], но активного приращения смыслов и идей, как это было в «золотой» период творчества Г. Р. Державина, А. А. Дельвига, В. А. Жуковского, К. Н. Батюшкова, А. С. Пушкина [Колоколова, 2024], не дают.

Характер обращения к поэзии античности в «Русском вестнике» позволяет выделить две группы текстов: к первой относятся собственно переводы, ко второй — мотивы на тему. Выбор произведений для переводов традиционный: эподы Горация, трагедии Эсхила «Агамемнон» и Еврипида «Троянки», «Метаморфозы» Овидия, лирика Сапфо. Обращает на себя внимание перевод из Пентадия — автора, нечасто привлекавшего внимание переводчиков XIX века. Сохранилось несколько эпиграмм и две элегии Пентадия, к интерпретации одной из которых обращается переводчик, скрывшийся под криптонимом Н. Э. (по данным И. Ф. Масанова, так подписывал свои публикации в «Русском вестнике» Н. А. Энгельгардт [Масанов, 1957, с. 237]). Поэтический текст открывается комментарием переводчика относительно особенностей стихотворной манеры автора — элегические дистихи Пентадия написаны размером, который называют «эпаналептическим», или «змеиным»: первое полустишие гекзаметра повторяется во втором полустишии пентаметра. Закольцованность формирует впечатление не замкнутости, но размеренности и элегантности, с которой выражаются мысль и настроение: «Слышу, уходит зима, и Зефир волнует округу: / Воды согрели бурный Эвр; слышу, уходит зима. / Поле готово родить. Земля теплотою богата. / Новый прозябнул росток. / Поле готово родить» [Элегия, 1902, с. 125]. Такую особенность стихосложения переводчик называет «родом рефрена» или «эхом», что очень созвучно с тематикой произведения: «В данной элегии, воспевающей весну с ее отголосками и шумом пробуждения природы, — эта форма придает особую прелесть подлиннику» [Там же, с. 124].

Вторая, «мотивная» группа также невелика по объему, но при этом оригинальна по содержанию. Так, стихотворение В. К. Вульфберта «К утренней заре», снабженное подзаголовком «Подражание Овидию», является изящным гимном любви и прелести мироздания, чему посвящено и раннее, и зрелое творчество Овидия. Вульфберт не только удачно стилизует поэтическую манеру древнеримского поэта, но тонко передает интонации искреннего восхищения полнотой бытия, наполняющей мир в часы рассвета и заката: «Всё любит в этот миг, блаженный, благодатный, / Вся эта тишина исполнена любви» [Вульфберт, 1880, с. 571]. Подражанием античной культурной традиции можно назвать и цикл стихотворений М. Д. Языкова «Гекзаметры» [Языков, 1900]. Размеренность слога отражает прямой и ясный взгляд на мир, свойственный древнему греку, детализация описания бури на море или поединка противников передает внимание к происходящему здесь и сейчас при фаталистическом восприятии смерти как части жизни.

Античные мотивы проявляются и в обращении к мифологическим образам, как, например, в стихотворениях поэта, публициста, литературного

критика и переводчика Н. М. Соколова: «Юноша, ты Фаэтон, незаконный, но гордый сын Феба: / На колеснице его хочешь ты солнцем летать, / Новых дорог поискать на просторе высокого неба, / Золотом новых лучей землю по-новому греть?» [Соколов, 1905, с. 288]. Сюжет античного мифа, «старая правда богов», нужен поэту, чтобы воплотить классический сюжет о юношеской самонадеянности.

К образу античной царицы Клеопатры обратился поэт В. Мятлев для того, чтобы передать роковой характер любви, овладевшей его лирическим героем. Инфернальный образ Клеопатры, созданный в стихотворении «Клеопатра (Сон в весеннюю ночь)», соотносится лирическим героем с холодностью его возлюбленной, а смерть героя стихотворения от рук подданных царицы сходна с гибелью лучших чувств лирического героя: «Ты ж служителя правды, любви и красы / Уподобила пошлomu плуту! / <...> / Убивает такая награда / Не как гордой царицы холодный кинжал, / А как капля смертельного яда!» [Мятлев, 1897а, с. 42].

Таким образом, обращение авторов «Русского вестника» к античности фрагментарно, находит проявление в небольшой по объему группе произведений, но при этом и постоянно, что позволяет относить журнал к классическому типу изданий, отражающих мировое культурное наследие и формирующих эстетический уровень своей эпохи.

3.2. Формы освоения авторами «Русского вестника» литературы Средних веков

Литература Средних веков представлена в журнале объемнее художественного наследия античного периода. Примечательны формы освоения произведений V—XV веков: собственно переводов немного, чаще русские литераторы осуществляли переложения и обработки, обеспечивая таким образом себе большую творческую свободу, или же создавали свои, но вторичные тексты, на уровне аллюзий опираясь на тексты первичные — поэтов Средних веков.

Обращает на себя внимание тематический выбор русских переводчиков и поэтов: творения Петрарки (перевод его произведений встречается единожды за весь период издания журнала [Из Петрарки, 1890]) уступили место испанскому готансего, причем в разных типологических разновидностях. Так, к переводу испанского героического эпоса обращается Н. Берг [Смерть Сида, 1859], Б. Алмазов делает переложение народного испанского романа о графе Аларкосе [Алмазов, 1872] и пишет стихотворение «Пленник» о графе Гвариносе [Пленник, 1889], в обоих случаях опираясь на мотивный комплекс исторических хроник из готансего. Сюжет о коварной инфантине, которая из-за своей преступной страсти погубила жену графа Аларкоса, стала причиной гибели и своего отца, и самого графа, был

популярен как в Средние века, так и позднее [Ранкс, 2011]. Идея наказания за преступную страсть, берущая начало из античных трагедий, привлекает читателей «Русского вестника» зримым воплощением идеала восстановления справедливости: убийцу настигает божья кара в виде молнии, а виновник преступления глубоко несчастен всю дальнейшую жизнь. Алмазов сохраняет статичность образов и высокий эмоциональный пафос повествования, оставаясь здесь в рамках оригинала.

В «Пленнике» Б. Алмазова значительное внимание уделено точной передаче идейного звучания испанской легенды о доблестном французском графе Гвариносе, тогда как в деталях (например, при передаче разговора Гвариноса и «арабского короля» Марлотеса) поэт чувствовал себя достаточно свободным. Стоит отметить, что сюжет легенды в стихотворении Б. Алмазова раскрыт не полностью (ср., например, с «древней гишпанской исторической песней» «Граф Гваринос» Н. М. Карамзина).

К испанской легенде обращается и Н. Соколов в стихотворении «Волшебная песня», передавая историю о коварной графине Инезилье и благородном доне Диго [Соколов, 1895]. Тенденция к воспеванию честных, мужественных героев становится к концу XIX столетия и приближению трудного рубежного исторического времени очевидной. Подтверждением тому можно считать и публикацию в журнале переводов из героического ирландского эпоса, «Старшей Эдды» [Возвращение молота, 1876], «Младшей Эдды» [Майков, 1888], а также стихотворений по мотивам этих произведений [Цертелев, 1886].

В целом культура средневековья оказалась для русских поэтов второй половины XIX века источником сюжетов о благородстве души, готовности отдать жизнь за любовь, как молодой миннезенгер в балладе В. Мятлева [Мятлев, 1897b], или за идеал — подобно Дон Кихоту, герою романа Сервантеса и стихотворения Д. В. Аверкиева [Аверкиев, 1876]. И если В. Мятлев остается стилистически близок эпохе, давшей сюжет о немецком поэте-певце, которому не мила жизнь без возлюбленной, то Д. Аверкиев создает оригинальное философское стихотворение, пафос которого актуален в любое время: «Отрадней жить для идеала, / Ему же жить не суждено, / Чем примириться с тем, что мало, / Иль лжеблестяще, иль темно. / Отрадней пасть в борьбе бесплодной / Стремясь к высокому душой, / Чем с бессердечностью холодной / Вкушать бессмысленный покой; / Тьму великанов не робея / в пылу безумства поражать, / Чем пред соломинкой пигмея / в сознании робком трепетать!» [Там же, с. 740]. Поэт рисует образ борца за правду, героя с чистой душой, беззаветно сражавшегося за идеалы справедливости, поддерживая тем самым общемировую культурную традицию воспевания благородного безумца.

Популяризации испанского искусства во многом способствовала книга В. П. Боткина «Письма об Испании» (1857), в которой ярко отразилось отношение автора к поэтической натуре испанцев, богатству их народной поэзии [Егоров, 1976]. По словам Б. Ф. Егорова, «в искусстве испанцев Боткин подчеркивает *свободу*, понимаемую не только как непринужденность, но как отсутствие европейской (цивилизованной) условности» [Там же, с. 280]. Так, из книги В. П. Боткина эпиграф к своему стихотворению «Гитана», рассказывающему о кровавой мести испанки оставившему ее любовнику, взял Я. П. Полонский [Полонский, 1891, с. 33—38; см. также: Алексеев, 1985, с. 200]. Стихотворение это, как и приведенные выше, важно в том числе как свидетельство периода романтического испанизма, коснувшегося и культуры России.

Показательно обращение поэтов и переводчиков «Русского вестника» к творчеству Данте. Русская публика в середине XIX века не была хорошо знакома с его «Божественной комедией», которая предлагалась читателю «в гомеопатических дозах» [Мошонкина, 2013, с. 114]: русские переводы поэмы начинают появляться с 20-х годов XIX века, и это преимущественно несколько песен первой кантики. К публикациям такого рода относится и выход в 1865 году «Первой песни Чистилища» в переводе Д. Е. Мина [Первая песнь..., 1865]. Профессиональным переводчиком Мин не был, потому одобрение друзей по Обществу любителей российской словесности, где и был прочитан этот перевод 2 мая 1865 года, укрепило решение представить свою работу на суд публике, отметив таким образом год юбилея Данте. Эта публикация, совершенно в духе журнала, была знаковой, поскольку именно Д. Е. Мин создал первый в России стихотворный перевод первой кантики (её перевод в 1842 году Е. В. Кологривовой был прозаическим). В 1879 году в переводе Мина в журнале публикуются пятая и шестая песни «Чистилища» «Божественной комедии» [Две песни..., 1879], знаменуя укрепление интереса русского читателя к произведению, — во второй половине XIX века появляются пять полных изданий поэмы, в числе которых и работа Д. Е. Мина. Важно отметить, что журнальная публикация перевода в 1879 году сопровождалась развернутыми, порой до половины страницы издания, комментариями Д. Е. Мина, или «объяснениями», как он сам их называет. До Мина комментарии сводились к лапидарным пояснениям относительно исторических лиц или богословских и иных терминов. Мин же, стремясь открыть русскому читателю философскую глубину и величие поэтической образности поэмы, сопровождает свою работу, подобно итальянским и немецким переводчикам, подробными комментариями, — «революционным нововведением в истории русских переводов Данте» [Ланда, 2019, с. 300].

Во второй половине XIX века русский читатель открывает для себя и историю любви Данте и Беатриче. Так, в № 12 за 1897 год помещен перевод одного из сонетов книги Данте «Новая жизнь» «В душе моей, где зимним сном всё спало...» [Сонет, 1897] с эпитафией оттуда же. Автор перевода — графиня Ина Капнист, дочь русского прозаика, драматурга и поэта, внука В. В. Капниста, Петра Ивановича Капниста. Светлому, радостному чувству любви, запечатленному в сонете Данте, диссонирует состояние угнетенности и пессимизма лирического героя стихотворения «Беатриче» И. П. Клюшников, опубликованного в № 2 за 1883 год [Клюшников, 1883]. Образ дантовской возлюбленной помогает герою справиться с тоской, тревогой, страхом и гнетом прошедших дней. Появление «знакомого виденья», подобно образу из стихотворения Пушкина «К ***» («Я помню чудное мгновенье...»), избавляет героя от «душевной грозы», помогает обрести гармонию. Такой же высокий, непорочный, спасительный образ возлюбленной поэта создал и Леонид Семенов в стихотворении «Данте» [Семенов, 1902]. Восприятие любви как благословения роднит творческие миры названных авторов.

Поэтический мир Данте постепенно осваивается русской лирикой. Например, с inferнальным образом вещей птиц, Сирином и Алконостом — героями стихотворения Н. М. Соллогуба «Вещие птицы (картина Васнецова)» [Соллогуб, 1897], вполне соотносится их описание, данное Данте в «Божественной комедии» («У них большие крылья, и человеческие шеи и лица, / Ещё с когтями, и большие брюхи у них перистые: / Они издают стоны на чужих деревьях». Данте. Инф. XIII, 13—15) и вынесенное в эпитафию. Живописный образ, созданный В. М. Васнецовым, оживает в интерпретации Н. М. Соллогуба, а его мифологический контекст расширяется до общемирового звучания с помощью эпитафии из Данте.

Итак, объем и разнообразие форм освоения авторами «Русского вестника» литературы Средних веков свидетельствуют, во-первых, о том, что Россия, как и другие страны, прошла свой этап увлечения романтизмом испанизмом, и, во-вторых, о близости представлений о чести, доблести, любви в испанской, итальянской и русской культурных традициях, что выразилось в тематических предпочтениях поэтов и переводчиков.

3.3. Рецепция творчества Шекспира на страницах «Русского вестника»

Эпоха Возрождения представлена в журнале преимущественно рецепцией творчества Шекспира. Характер обращения поэтов и переводчиков «Русского вестника» к произведениям крупнейшего автора эпохи обнаруживает процесс освоения его наследия мировой литературой, названный исследователями «шекспиризацией» [Захаров, 2007, с. 177]. Почти полови-

на из напечатанных на страницах журнала художественных произведений, так или иначе связанных с драматургом, представляет собой оригинальные стихотворения русских авторов с включением в образно-смысловое пространство текста шекспировских тем и мотивов. Например, к шекспировской героине отсылает название стихотворения Конст. Иванова «К “Джюльете”» [Иванов, 1899]. В произведении реализован шекспировский мотив любви как «властного призыва», противиться которому невозможно, да и не нужно. Аллюзии на персонажей трагедий Шекспира используются и К. Случевским для воплощения мысли о непреходящей актуальности знаковых литературных героев: «Весь мир ваш полон и кишит / Искусства творческою силой: / Принц Гамлет, как живой, царит, / Не усмиряется могилой! / Когда-то властвовал Зевес / И Феб пылал с своей квадриги, / И Мефистофель, красный бес, / Еще поет, глядит из книги! / Отелло, Пóза, Дон-Кихот, / Онегин в милой мне России / Живут и жили в свой черед, / Живей, чем многие живые... // Когда я в землю был зарыт / И глянул здесь в путях скитаний, / Не сразу мир фантазий сбит / Во мне со старых оснований! / Как светел ты, загробный мир, / Какое в мыслях упрощенье: / Нет Гамлета, — но есть Шекспир, / Здесь правда есть — не сочиненье» [Случевский, 1903, с. 484].

Хотя рецепция Шекспира русской литературой происходила, по сравнению с западноевропейскими литературами, позднее, осознание глубины его наследия ко второй половине XIX века довольно быстро привело к переводу имени драматурга в символ, обозначающий безусловную величину в мире искусства. Подтверждением служит стихотворение Д. Аверкиева «Неумолимо Провиденье...»: «С Зарядья критик как-то сдуру / Меня в Шекспиры произвел, / И этим всю литературу / в негодование привел: / Как запищали, — о, Создатель! / Как загалдели, — о, Творец! / Какой же к черту я писатель: / Я просто грамотный купец...» [Аверкиев, 1872, с. 409]. В 1859 году опубликовано стихотворение А. Жемчужникова, где прямо указаны масштаб и значение личности драматурга Возрождения — герой называет не страну, а того, кто прославил ее культуру: «Я посещать люблю те страны, / Где, при победных звуках лир, / с челом венчанным великаны / Царят Бетговен и Шекспир» [Жемчужников, 1859, с. 500]. Аналогичную метонимическую замену находим и в стихотворении М. Юзефовича «Альбион»: «Как падают на западе народы! / Как был могущ и славен Альбион, / Отечество Шекспира и свободы, — / И что теперь являет миру он!..» [Юзефович, 1878, с. 889]. Здесь этот литературный прием помогает выражению антибританской направленности произведения.

По публикациям «Русского вестника» можно судить и об освоении шекспировского наследия французской литературой: шекспировскую ал-

люзию встречаем в переводе из Барбье («...рядом с Макбетом тень Банко...») [Игрушка султана, 1878, с. 855], а в переводе из Альфреда Мюссе — отсылку к Шекспиру: «В пятнадцать лет моя зарокотала лира, / Я Шиллера глотал, и Гете, и Шекспира, / И лоб чесался мой при чтеньи их стихов» [Дюпон и Дюран, 1881, с. 354]. Модель рецепции творчества Шекспира французской культурной традицией близка к русской — это отражение Шекспира как явления мировой культуры на уровне художественном (аллюзии и реминисценции) и мировоззренческом, философском (образ Шекспира).

Также публикуются на страницах «Русского вестника» переводы сонетов, пьес Шекспира и фрагментов из них, что позволяет, в числе прочего, сделать вывод о внимании редакции к мировым культурным тенденциям и ее стремлении поддерживать художественный уровень журнала.

4. Заключение = Conclusions

Поэтический перевод занимает особое и при этом постоянное место на страницах «Русского вестника». Примечательно, что интенсивность обращения авторов журнала к классическому поэтическому наследию, литературе Средних веков и эпохи Возрождения определяется не столько спецификой редакционной политики издания в какой-либо из периодов его существования, сколько соблюдением редакцией общего курса на сохранение концепции классического журнала, исполняющего функции культурного, идеологического, просветительского рупора эпохи. Обращение к мировому поэтическому наследию является неизменной составляющей редакционно-издательской политики, причем для авторов журнала характерным является стремление к творческому освоению первичных художественных текстов. Авторы зачастую использовали поэтический перевод как инструмент, создавая (в переложениях, обработках) произведения, близкие к источнику идейно, стилистически и, разумеется, сюжетно, но позволяли себе творческую свободу в обрисовке характеров, описании каких-либо ситуаций, иногда насыщая диалоги дополнительными деталями. Такая работа с первичными текстами свидетельствует о «присвоении» текста-источника другой культурой, его включении в свой духовный и эстетический опыт. Поэтический перевод становится одним из инструментов реализации издательского принципа «положительного начала», выдвинутого М. Н. Катковым, то есть стремления публикациями формировать «положительную силу» общества.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Аверкиев Д. В.* Дон-Кихоту / Д. В. Аверкиев // Русский вестник. — 1876. — Т. 126. — № 12. — С. 739—740.
2. *Аверкиев Д. В.* «Неумолимо Провиденье...» / Д. В. Аверкиев // Русский вестник. — 1872. — Т. 103. — № 1. — С. 409—410.
3. *Алмазов Б.* Граф Аларкос / Б. Алмазов // Русский вестник. — 1872. — Т. 101. — № 10. — С. 778—811.
4. *Возвращение молота* (Гамарсгеймт). Песня из Старой Эдды / Перевод с древне-норманского Н. Д. Квашина-Самарина // Русский вестник. — 1876. — Т. 126. — № 11. — С. 306—316.
5. *Вульферт В.* К утренней заре (Подражание Овидию). — Отрывок [Разговор Фауста с Мефистофелем]. — Царь Рустем. Восточное предание / В. Вульферт // Русский вестник. — 1880. — Т. 148. — № 8. — С. 570—580.
6. *Две песни из Чистилища Данте Алигиери* (Песнь пятая. — Песнь шестая) / Пер. Д. Е. Мина // Русский вестник. — 1879. — Т. 140. — № 3. — С. 290—303.
7. *Дюлон и Дюран* : Диалог (из Алфреда Мюссе) / Пер. А. А. Фета // Русский вестник. — 1881. — Т. 156. — № 12. — С. 352—360.
8. *Игрушка султана* (из Барбье) / Пер. К. Н. Ш-н // Русский вестник. — 1878. — Т. 138. — № 12. — С. 852—855.
9. *Из Петрарки* («Как иногда светильник чуть мерцает...») / Пер. П. П. Г-а // Русский вестник. — 1890. — Т. 206. — № 1. — С. 191.
10. *Жемчужников А.* Три признания / А. Жемчужников // Русский вестник. — 1859. — Т. 24. — Ноябрь. Кн. 2. — С. 499—502.
11. *Иванов К. Т.* К «Джюльете» / К. Т. Иванов // Русский вестник. — 1899. — Т. 261. — № 5. — С. 168.
12. *Клюшников И. П.* Беатриче / И. П. Клюшников // Русский вестник. — 1883. — Т. 163. — № 2. — С. 808—809.
13. *Майков А. Н.* Брингильда : Поэма / А. Майков // Русский вестник. — 1888. — Т. 196. — № 6. — С. 3—15.
14. *Мятлев В.* Клеопатра (Сон в весеннюю ночь), Посвящается Р*** / В. Мятлев // Русский вестник. — 1897а. — Т. 250. — № 8. — С. 38—42.
15. *Мятлев В.* Молодой миннезенгер: (Баллада) / В. Мятлев // Русский вестник. — 1897б. — Т. 251. — № 9. — С. 19—20.
16. *Первая песнь Чистилища Данта Алигиери* / Пер. Д. Е. Мина // Русский вестник. — 1865. — Т. 59. — № 9. — С. 134—138.
17. *Пленник.* Испанская легенда. (Из “Romanceso”). Из посмертных стихотворений Б. Н. Алмазова // Русский вестник. — 1889. — Т. 203. — № 7. — С. 174—181.
18. *Полонский Я. П.* Гитана / Я. П. Полонский // Русский вестник. — 1891. — Т. 213. — № 3. — С. 33—38.
19. *Семенов Л.* Данте / Л. Семенов // Русский вестник. — 1902. — Т. 282. — № 12. — С. 564.
20. *Смерть Сида* (Из народных испанских романсов) / Пер. Н. Берга // Русский вестник. — 1859. — Т. 24. — Ноябрь. Книга 2. — С. 502—506.
21. *Соколов Н. М.* «Юноша, ты Фазтон, незаконный, но гордый сын Феба...» / Н. М. Соколов // Русский вестник. — 1905. — Т. 299. — № 9. — С. 288.
22. *Соколов Н. М.* Волшебная песня (испанская легенда) / Н. М. Соколов // Русский вестник. — 1895. — Т. 241. — № 12. — С. 26—35.

23. *Соллогуб Н. М.* Вещие птицы (картина Васнецова) / Н. М. Соллогуб // Русский вестник. — 1897. — Т. 248. — № 3. — С. 23—24.
24. *Сонет* (Перевод с италиянского, — из Данте) («В душе моей, где зимним сном всё спало...») / Перевод Ины Капнист // Русский вестник. — 1897. — Т. 252. — № 12. — С. 256.
25. *Случевский К.* В том мире : Мысли. Воспоминания. Надежды (XLII—LIV) / К. Случевский // Русский вестник. — 1903. — Т. 285. — № 6. — С. 483—491.
26. *Цертелев Д.* Молот / Д. Цертелев // Русский вестник. — 1886. — Т. 181. — № 2. — С. 823—826.
27. *Юзефович М.* Альбион / М. Юзефович // Русский вестник. — 1878. — Т. 134. — № 4. — С. 889—891.
28. *Элегия* на приход весны. Из Пентадия / Пер. С примечаниями Н. Э. // Русский вестник. — 1902. — Т. 282. — № 11. — С. 125—126.
29. *Языков М. Д.* Гекзаметры / М. Д. Языков // Русский вестник. — 1900. — Т. 265. — № 1. — С. 140—144.

Литература

1. *Адоньева И. Г.* Юридическая тематика журнала «Русский вестник» либерального периода (1856—1862) / И. Г. Адоньева // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия История, филология. — 2013. — Т. 12. — № 6. — С. 5—11.
2. *Алексеев М. П.* Русская культура и романский мир / М. П. Алексеев. — Ленинград : Наука, 1985. — 544 с.
3. *Андреев О. Е.* Журнал «Русский вестник» об основных событиях русской истории / О. Е. Андреев // Приволжский научный вестник. — 2015. — № 6—3 (46). — С. 102—105.
4. *Балькова Л. А.* И. С. Тургенев и М. Н. Катков : попытка сотрудничества. По материалам мемориальной библиотеки писателя / Л. А. Балькова // Тургенев и либеральная идея в России : материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 200-летию Ивана Сергеевича Тургенева. — Пермь : Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, 2018. — С. 80—83. — ISBN 978-5-85218-957-8.
5. *Васильева Е. Б.* Консервативная периодика второй половины XIX — начала XX в. В движении декабристов (по материалам журнала «Русский вестник») / Е. Б. Васильева // Омский научный вестник. — 2007. — № 2 (54). — С. 25—28.
6. *Гаврилов И. Б.* Михаил Никифорович Катков как охранитель традиционных русских начал / И. Б. Гаврилов // Русско-Византийский вестник. — 2019. — № 1 (2). — С. 204—221. — DOI: 10.24411/2588-0276-2019-10013.
7. *Городилова Н. И.* Роман «Анна Каренина» в оценке «Русского вестника» / Н. И. Городилова // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. — 2022. — Т. 81. — № 1. — С. 82—89. — DOI: 10.31857/S160578800018921-9.
8. *Горская Н. И.* Тюремная реформа и ее отражение на страницах «Русского вестника» (1879—1885) / Н. И. Горская // Известия Смоленского государственного университета. — 2018. — № 3 (43). — С. 324—342.
9. *Егоров Б. Ф.* В. П. Боткин — автор «Писем об Испании» / Б. Ф. Егоров // Боткин В. П. Письма об Испании / изд. подг. Б. Ф. Егоров, А. Звигильский. — Ленинград : Наука, 1976. — С. 265—286.
10. *Захаров Н. В.* Шекспиризм русской литературы / Н. В. Захаров // Знание. Понимание. Умение. — 2007. — № 3. — С. 175—180.

11. *Зубков К. Ю.* «Антинигилистический роман» как полемический конструкт радикальной критики / К. Ю. Зубков // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. — 2015. — № 4. — С. 122—140.
12. *Климаков Ю. В.* М. Н. Катков как издатель и редактор / Ю. В. Климаков // Библиография. Научный журнал по библиографоведению, книговедению и библиотековедению. — 2011. — № 2 (373). — С. 93—100.
13. *Козлов А. Е.* Травелоги «Русского вестника» 50-х гг. : динамика и прагматика / А. Е. Козлов // Имагология и компаративистика. — 2015. — № 1 (3). — С. 143—159.
14. *Колоколова О. А.* Рецепция античности в русской литературе первой трети XIX века (на материале альманаха «Северные цветы») / О. А. Колоколова // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. — 2024. — Т. 46. — № 1. — С. 66—75.
15. *Ланда К. С.* Дмитрий Мин — переводчик и комментатор «Божественной комедии» Данте / К. С. Ланда // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. — 2019. — Т. 20. — Выпуск 3. — С. 295—313. — DOI: 10.25991/VRHGA.2019.20.3.059.
16. *Масанов И. Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей : в 4 т. / И. Ф. Масанов. — Москва : Издательство Всесоюзной книжной палаты, 1957. — Т. 2. — 388 с.
17. *Мошонкина Е. Н.* Переводческая рецепция «Божественной комедии» в XIX веке в России и во Франции : попытка сопоставительного анализа / Е. Н. Мошонкина // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. — 2013. — № 2. — С. 110—121.
18. *Назарова Т. В.* Формы пропаганды идеи консервативного развития в «Русском вестнике» / Т. В. Назарова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 8. Литературоведение. Журналистика. — 2013. — № 12. — С. 99—110.
19. *Николюкин А. Н.* Катков и его современники / А. Н. Николюкин // Литературоведческий журнал. — 2013. — № 32. — С. 7—27.
20. *Первалова Е. В.* «Босьяки» и «декаденты» в оценке журнала «Русский вестник» / Е. В. Первалова // Известия высших учебных заведений. Проблемы полиграфии и издательского дела. — 2021. — № 3—4. — С. 43—47.
21. *Первалова Е. В.* «Женская» беллетристика «Русского вестника» / Е. В. Первалова // Известия высших учебных заведений. Проблемы полиграфии и издательского дела. — 2011. — № 3. — С. 126—139.
22. *Первалова Е. В.* Журнал М. Н. Каткова «Русский вестник» в первые годы издания (литературная позиция) : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / Е. В. Первалова. — Москва, 2007. — 184 с.
23. *Подосокорский Н. Н.* Михаил Катков — издатель Ф. М. Достоевского / Н. Н. Подосокорский // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. — 2024. — № 1 (25). — С. 239—252. — DOI: 10.22455/2619-0311-2024-1-239-252.
24. *Пяткова С. Г.* Политическая ссылка в Российской империи на страницах журнала «Русский вестник» (1856—1860-е годы) / С. Г. Пяткова // Фундаментальные исследования. — 2013. — № 8—4. — С. 1003—1008.
25. *Ранкс О. К.* «Граф Аларкос» Х. Грау : театр марионеток / О. К. Ранкс // Вестник Вятского государственного университета. — 2011. — № 32. — С. 135—139.
26. «Русский вестник». Указатель авторов (1856—1862): А-К / сост. В. С. Маслов, Г. П. Талашов. — Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1989. — 43 с.
27. «Русский вестник». Указатель авторов (1856—1862) : Л-Я / сост. В. С. Маслов, Г. П. Талашов. — Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1990. — 59 с.

28. *Русский поэтический перевод* на страницах «Русского вестника»: библиография / публ. подготовил Д. Н. Жаткин // *Художественный перевод и сравнительное литературоведение*. [Т.] XIX : сб. науч. тр. — Москва : Флинта, 2024. — С. 385—426. — ISBN 978-5-9765-1837-7.

29. *Рылова О. Н.* Русская античность в отечественной литературе: к проблеме культурного диалога / О. Н. Рылова // *Вестник Томского государственного педагогического университета*. — 2010. — № 5 (95). — С. 100—106.

30. *Сергеев А. С.* Литературная критика в журнале «Русский вестник» 1900-х годов : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / А. С. Сергеев. — Саратов, 2017. — 223 с.

31. *Сергеев А. С.* Творчество Максима Горького в оценке «Русского вестника» / А. С. Сергеев // *Ученые записки Орловского государственного университета. Серия Гуманитарные и социальные науки*. — 2014. — № 4 (60). — С. 174—177.

32. *Трофимова Т. А.* «Положительное начало» в русской литературе XIX века («Русский вестник» М. Н. Каткова) : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / Т. А. Трофимова. — Москва, 2007. — 184 с.

33. *Хвостова О. А.* «...У художника тоже должна быть совесть...»: М. Н. Катков в истории публикации романа И. С. Тургенева «Дым» / О.А. Хвостова // *Философские письма. Русско-европейский диалог*. — 2018. — Т. 1. — № 2. — С. 150—160.

34. *Чернова М. С.* У истоков политической журналистики: М.Н. Катков о «польском вопросе» / М. С. Чернова // *Медиаисследования*. — 2022. — № 9. — С. 175—180.

35. *Шарифуллина С. В.* Публицистические очерки на страницах журнала «Русский вестник» / С. В. Шарифуллина // *Череповецкие научные чтения — 2016 : материалы Всероссийской научно-практической конференции / под общ. ред. Е. В. Целикова*. — Череповец : Череповецкий государственный университет, 2017. — С. 109—111.

*Статья поступила в редакцию 03.09.2024,
одобрена после рецензирования 03.11.2024,
подготовлена к публикации 16.11.2024.*

Material resources

- Almazov, B. (1872). Graf Alarkos. *Russian Bulletin*, 101 (10): 778—811. (In Russ.).
- Averkiev, D. V. (1872). “Providence is inexorable...”. *Russian Bulletin*, 103 (1): 409—410. (In Russ.).
- Averkiev, D. V. (1876). Don Quixote. *Russian Bulletin*, 126 (12): 739—740. (In Russ.).
- Dupont and Durand: A Dialogue (from Alfred Musset). (1881). *Russian Bulletin*, 156 (12): 352—360. (In Russ.).
- Elegy on the arrival of spring. From the Pentadium. (1902). *Russian Bulletin*, 282 (11): 125—126. (In Russ.).
- From Petrarch (“How sometimes the lamp flickers a little ...”). (1890). *Russian Bulletin*, 206 (1): P. 191. (In Russ.).
- Ivanov, K. T. (1899). “Juliet”. *Russian Bulletin*, 261 (5): P. 168. (In Russ.).
- Klyushnikov, I. P. (1883). Beatrice. *Russian Bulletin*, 163 (2): 808—809. (In Russ.).
- Languages, M. D. (1900). Hexameters. *Russian Bulletin*, 265 (1): 140—144. (In Russ.).
- Maikov, A. N. (1888). Bringilda: A Poem. *Russian Bulletin*, 196 (6): 3—15. (In Russ.).
- Myatlev, V. (1897a). Cleopatra (A dream on a spring night), Dedicated to R***. *Russian Bulletin*, 250 (8): 38—42. (In Russ.).

- Myatlev, V. (1897b). Young minnesenger: (Ballad). *Russian Bulletin*, 251 (9): 19—20. (In Russ.).
- Polonsky, Ya. P. (1891). Gitana. *Russian Bulletin*, 213 (3): 33—38. (In Russ.).
- Semenov, L. (1902). Dante. *Russian Bulletin*, 282 (12): P. 564. (In Russ.).
- Sluchevsky, K. (1903). In that world: Thoughts. Memories. Hope (XLII—LIV). *Russian Bulletin*, 285 (6): 483—491. (In Russ.).
- Sokolov, N. M. (1895). The Magic song (Spanish legend). *Russian Bulletin*, 241 (12): 26—35. (In Russ.).
- Sokolov, N. M. (1905). “Young man, you are Phaeton, the illegitimate but proud son of Phoebus...”. *Russian Bulletin*, 299 (9): P. 288. (In Russ.).
- Sollogub, N. M. (1897). Prophetic birds (Vasnetsov’s painting). *Russian Bulletin*, 248 (3): 23—24. (In Russ.).
- Sonnet (Translated from Italian, — from Dante) (“In my soul, where everything slept in a winter sleep ...”). *Russian Bulletin*, 252 (12): P. 256. (In Russ.).
- Sultan’s toy (from Barbier). (1878). *Russian Bulletin*, 138 (12): 852—855. (In Russ.).
- The death of the Cid (From folk Spanish romances). (1859). *Russian Bulletin*, 24 (2): 502—506. (In Russ.).
- The first song of Purgatory by Dante Alighieri. (1865). *Russian Bulletin*, 59 (9): 134—138. (In Russ.).
- The prisoner. A Spanish legend. (From “Romancero”). From the posthumous poems of B. N. Almazov. (1889). *Russian Bulletin*, 203 (7): 174—181. (In Russ.).
- The return of the hammer (Gamarsgame). A song from the Old Edda. (1876). *Russian Bulletin*, 126 (1): 306—316. (In Russ.).
- Tsertelev, D. (1886). Molot. *Russian Bulletin*, 181 (2): 823—826. (In Russ.).
- Two songs from Dante Alighieri’s Purgatory (Canto Five. Song six). (1879). *Russian Bulletin*, 140 (3): 290—303. (In Russ.).
- Wulfert, V. (1880). By dawn (Imitation of Ovid). Excerpt [Faust’s conversation with Mephistopheles]. King Rustem. Oriental legend. *Russian Bulletin*, 148 (8): 570—580. (In Russ.).
- Yuzefovich, M. (1878). Albion. *Russian Bulletin*, 134 (4): 889—891. (In Russ.).
- Zhemchuzhnikov, A. (1859). Three confessions. *Russian Bulletin*, 24 (2): 499—502. (In Russ.).

References

- Adonyeva, I. G. (2013). Legal topics of the journal “Russian Bulletin” of the liberal period (1856—1862). *Bulletin of Novosibirsk State University. A series of History, philology*, 12 (6): 5—11. (In Russ.).
- Alekseev, M. P. (1985). *Russian culture and the Romanesque world*. Leningrad: Nauka. 544 p. (In Russ.).
- Andreev, O. V. (2015). Magazine about the main events of Russian history. *Privolzhsky scientific Bulletin*, 6—3 (46): 102—105. (In Russ.).
- Balykova, L. A. (2018). I. S. Turgenev and M. N. Katkov: an attempt at cooperation. Based on the materials of the writer’s Memorial Library. In: *Turgenev and the liberal idea in Russia: materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference dedicated to the 200th anniversary of Ivan Sergeyevich Turgenev*. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University. 80—83. ISBN 978-5-85218-957-8. (In Russ.).
- Chernova, M. S. (2022). At the origins of political journalism: M. N. Katkov on the “Polish question”. *Media research*, 9: 175—180. (In Russ.).

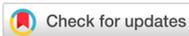

- Egorov, B. F. (1976). V. P. Botkin — the author of “Letters about Spain”. In: *Botkin V. P. Letters about Spain*. Leningrad: Nauka. 265—286. (In Russ.).
- Gavrilov, I. B. (2019). Mikhail Nikiforovich Katkov as a guardian of traditional Russian principles. *Russo-Byzantine Bulletin*, 1 (2): 204—221. DOI: 10.24411/2588-0276-2019-10013. (In Russ.).
- Gorodilova, N. I. (2022). The novel “Anna Karenina” in the assessment of the “Russian Bulletin”. *Proceedings of the Russian Academy of Sciences. A series of literature and language*, 81 (1): 82—89. DOI: 10.31857/S160578800018921-9. (In Russ.).
- Gorskaya, N. I. (2018). Prison reform and its reflection on the pages of the “Russian Bulletin” (1879—1885). *Proceedings of the Smolensk State University*, 3 (43): 324—342. (In Russ.).
- Index of authors (1856—1862): A-K*. (1989). Leningrad: Publishing House of LSU. 43 p. (In Russ.).
- Khvostova, O. A. (2018). “...An artist should also have a conscience...”: M. N. Katkov in the history of the publication of I. S. Turgenev’s novel “Smoke”. *Philosophical Letters. Russian-European Dialogue*, 1 (2): 150—160. (In Russ.).
- Klimakov, Yu. V. (2011). M. N. Katkov as publisher and editor. *Bibliography. Scientific journal of Bibliography, Book studies and Library Science*, 2 (373): 93—100. (In Russ.).
- Kolokolova, O. A. (2024). Reception of antiquity in Russian literature of the first third of the XIX century (based on the material of the almanac “Northern Flowers”). *Scientific notes of Petrozavodsk State University*, 46 (1): 66—75. (In Russ.).
- Kozlov, A. E. (2015). Travelogues of the “Russian Bulletin” of the 50s: dynamics and pragmatics. *Imagology and comparative studies*, 1 (3): 143—159. (In Russ.).
- Landa, K. S. (2019). Dmitry Min — translator and commentator of Dante’s “Divine Comedy”. *Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy*, 20 (3): 295—313. DOI: 10.25991/VRHGA.2019.20.3.059. (In Russ.).
- Masanov, I. F. (1957). *Dictionary of pseudonyms of Russian writers, scientists and public figures: in 4 volumes*, 2. Moscow: Publishing House of the All-Union Book Chamber. 388 p. (In Russ.).
- Moshonkina, E. N. (2013). The translation reception of the “Divine Comedy” in the XIX century in Russia and France: an attempt at comparative analysis. *Bulletin of the Moscow University. Episode 22. The theory of translation*, 2: 110—121. (In Russ.).
- Nazarova, T. V. (2013). Forms of propaganda of the idea of conservative development in the “Russian Bulletin”. *Bulletin of the Volgograd State University. Series 8. Literary studies. Journalism*, 12: 99—110. (In Russ.).
- Nikolyukin, A. N. (2013). Katkov and his contemporaries. *Literary journal*, 32: 7—27. (In Russ.).
- Perevalova, E. V. (2007). *M. N. Katkov’s journal “Russian Bulletin” in the first years of publication (literary position)*. PhD Diss. Moscow. 184 p. (In Russ.).
- Perevalova, E. V. (2011). “Women’s” fiction of the “Russian Bulletin”. News of higher educational institutions. *Problems of printing and publishing*, 3: 126—139. (In Russ.).
- Perevalova, E. V. (2021). “Tramps” and “decadents” in the evaluation of the journal “Russian Bulletin”. News of higher educational institutions. *Problems of printing and publishing*, 3—4: 43—47. (In Russ.).
- Podosokorsky, N. N. (2024). Mikhail Katkov — publisher of F. M. Dostoevsky. Dostoevsky and world culture. *Philological Journal*, 1 (25): 239—252. DOI: 10.22455/2619-0311-2024-1-239-252. (In Russ.).

- Pyatkova, S. G. (2013). Political exile in the Russian Empire on the pages of the journal “Russian Bulletin” (1856—1860-ies). *Fundamental research*, 8—4: 1003—1008. (In Russ.).
- Ranks, O. K. (2011). “Count Alarkos” H. Grau: puppet theater. *Bulletin of Vyatka State University*, 32: 135—139. (In Russ.).
- Russian poetic translation on the pages of the “Russian Bulletin”: bibliography. (2024). In: *Literary translation and comparative literary studies. [Vol.] XIX: collection of scientific tr.* Moscow: Flint. 385—426. ISBN 978-5-9765-1837-7. (In Russ.).
- Rylova, O. N. (2010). Russian antiquity in Russian literature: on the problem of cultural dialogue. *Bulletin of the Tomsk State Pedagogical University*, 5 (95): 100—106. (In Russ.).
- Sergeev, A. S. (2014). Maxim Gorky’s creativity in the assessment of the “Russian Bulletin”. Scientific notes of the Orel State University. *The Humanities and Social Sciences series*, 4 (60): 174—177. (In Russ.).
- Sergeev, A. S. (2017). *Literary criticism in the journal “Russian Bulletin” of the 1900s*. PhD Diss. Saratov. 223 p. (In Russ.).
- Sharifullina, S. V. (2017). Journalistic essays on the pages of the journal “Russian Bulletin”. In: *Cherepovets Scientific readings — 2016: materials of the All-Russian Scientific and practical conference*. Cherepovets: Cherepovets State University. 109—111. (In Russ.).
- Trofimova, T. A. (2007). “A positive beginning” in Russian literature of the XIX century. PhD Diss. Moscow. 184 p. (In Russ.).
- Vasilyeva, E. B. (2007). Conservative periodicals of the second half of the XIX — early XX century. In the Decembrist movement (based on the materials of the Russian Bulletin magazine). *Omsk Scientific Bulletin*, 2 (54): 25—28. (In Russ.).
- Zakharov, N. V. (2007). Shakespeareanism of Russian literature. *Knowledge. Understanding. Ability*, 3: 175—180. (In Russ.).
- Zubkov, K. Yu. (2015). “The anti-nihilistic novel” as a polemical construct of radical criticism. *Bulletin of the Moscow University. Series 9. Philology*, 4: 122—140. (In Russ.).

*The article was submitted 03.09.2024;
approved after reviewing 03.11.2024;
accepted for publication 16.11.2024.*

Информация для цитирования:

Томберг О. В. Арлекинадный гротеск в романе Раймона Кено «Мой друг Пьеро» (1942) / О. В. Томберг, А. А. Косарева // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 9. — С. 288—302. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-9-288-302.

Tomberg, O. V., Kosareva, A. A. (2024). Harlequinade Grotesque in Raymond Queneau's Novel "My Friend Pierrot" (1942). *Nauchnyi dialog*, 13 (9): 288-302. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-9-288-302. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

**Арлекинадный гротеск
в романе Раймона Кено
«Мой друг Пьеро» (1942)**

Томберг Ольга Витальевна
orcid.org/0000-0003-4979-1782
доктор филологических наук,
заведующий кафедрой
германской филологии
o.v.tomberg@urfu.ru

Косарева Анна Александровна
orcid.org/0000-0002-9712-9251
кандидат филологических наук,
доцент кафедры лингвистики
и профессиональных коммуникаций
на иностранных языках,
корреспондирующий автор
kosareva.anna@urfu.ru

Уральский федеральный университет
им. первого Президента России
Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

**Harlequinade Grotesque
in Raymond Queneau's Novel
"My Friend Pierrot" (1942)**

Olga V. Tomberg
orcid.org/0000-0003-4979-1782
Doctor of Philology,
Head of the Department
of Germanic Philology
o.v.tomberg@urfu.ru

Anna A. Kosareva
orcid.org/0000-0002-9712-9251
PhD in Philology,
Associate Professor, Department
of Linguistics and Professional
Communication in Foreign Languages,
corresponding author
kosareva.anna@urfu.ru

Ural Federal University
named after the First President of Russia
B. N. Yeltsin
(Yekaterinburg, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена исследованию самых загадочных аспектов романа Раймона Кено «Мой друг Пьеро» (1942): не названному в тексте романа преступлению, определенному композицию произведения как детективного романа; сущности «золотого века» — объекту ностальгии персонажей; причине, по которой именно Пьеро стал протагонистом; смыслу названия романа. Установлено, что под «преступлением» подразумевается поджог Юни-Парка — событие, представляющее собой метафорическую параллель к Оккупации Франции в 1940—1944 годах, а «Золотой век» — это и Прекрасная Эпоха (*Belle Époque*), предшествовавшая Первой и Второй Мировым войнам, и «Золотой Век» из историко-философской концепции Кено. Причина, по которой Пьеро становится главным героем романа, заключается в его архетипичности и знаковости для французских культуры и искусства Прекрасной Эпохи: излюбленный персонаж модернистов, он стал эмблемой художника Нового Времени и воплощением французской творческой элиты. Название романа отсылает читателя к известной французской народной песне, превратившейся в XX веке в колыбельную: «мой друг Пьеро», у которого лирический герой просит перо и свечу во имя любви Бога, — символ надежды и вдохновения в период Оккупации. Авторы статьи также выявляют особенности арлекинадного гротеска в романе: он представляет собой сочетание печального и радостного, высокого и низкого, созидания и разрушения.

Ключевые слова:

Раймон Кено; арлекиада; Пьеро; французский роман; Прекрасная Эпоха; Золотой век; гротеск; комедия масок.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article explores some of the most enigmatic aspects of Raymond Queneau's novel "My Friend Pierrot" (1942), focusing on the unnamed crime that shapes the narrative structure as a detective story; the essence of the "Golden Age," which serves as an object of nostalgia for the characters; the reason why Pierrot emerges as the protagonist; and the significance of the novel's title. It is established that the "crime" refers to the arson of the Uni-Park — a metaphorical parallel to the Occupation of France from 1940 to 1944—while the "Golden Age" encompasses both the Belle Époque that preceded the First and Second World Wars and Queneau's historical-philosophical concept of a "Golden Age." The reason Pierrot becomes the main character lies in his archetypal and symbolic resonance within French culture and art during the Belle Époque: a favored figure among modernists, he epitomizes the artist of the New Era and embodies the French creative elite. The title of the novel alludes to a well-known French folk song that transformed into a lullaby in the 20th century: "my friend Pierrot," where the lyrical protagonist requests a pen and candle in the name of God's love — symbols of hope and inspiration during the Occupation. The authors also identify characteristics of Harlequin grotesque within the novel, representing a blend of sorrow and joy, high and low, creation and destruction.

Key words:

Raymond Queneau; Harlequin; Pierrot; French novel; Belle Époque; Golden Age; grotesque; mask comedy.

Арлекинадный гротеск в романе Раймона Кено «Мой друг Пьеро» (1942)

© Томберг О. В., Косарева А. А., 2024

1. Введение = Introduction

Роман «Мой друг Пьеро» (1942) принес мировую славу Раймону Кено, одному из ярчайших французских модернистов XX века — романисту, поэту, художнику, математику, эссеисту, борцу за лингвистическую реформу французского языка, редактору «Энциклопедии Пляяды» и другу Жана-Поля Сартра и Альбера Камю [Кау, 2003, с. 283]. Этот роман считается самым загадочным произведением писателя. Сюжет, будто бы задуманный как детективный, обескураживает читателя финалом, ведь заявленные загадки так и остаются неразгаданными: Кено «не указывает точно, какое именно преступление — если таковое вообще имело место — было совершено» [Stump, 1993, с. 112]. Размышляя о том, почему то, что могло вылиться в авантюрно-приключенческий или детективный роман, в итоге обернулось ничем не примечательной прозой жизни, Пьеро, главный герой произведения, так и не находит ответа: «Он также увидел, какой из этого мог бы выйти роман — детективный, с преступлением, преступником и сыщиком... и увидел роман, который получился, — настолько простой, что было невозможно понять, содержит ли он загадку, которую нужно разгадать, или нет» [Queneau, 2004, с. 148] (перевод наш. О. Т., А. К.).

Загадочна и ностальгия персонажей романа, «непрестанно обращающих тоскливый, даже меланхоличный взгляд на далекое прошлое, своего рода утраченный Золотой Век» [Stump, 1993, с. 112]. В данной статье мы попытаемся ответить на несколько вопросов, которые озадачивали литературоведов на протяжении десятилетий: 1) о каком преступлении идёт речь в романе; 2) о каком «золотом веке» грустят персонажи; 3) почему главным героем своего произведения Кено сделал именно Пьеро; 4) почему роман называется «Мой друг Пьеро».

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Актуальность данного исследования обусловлена возрождением интереса литературоведов к творчеству Р. Кено в последние десять лет (были

опубликованы труды таких авторов, как Barbara Servant [Servant, 2024], Marie-Julie Maitre [Maitre, 2023], Sam Solecki [Solecki, 2022], James Patrick Gosling [Gosling, 2019], Dennis Duncan [Duncan, 2019], Sam McAuliffe [McAuliffe, 2019], С. Г. Горбовская [Горбовская, 2018], Н. М. Клейменова, А. Б. Брагина [Клейменова и др., 2018], Michael Sheringham [Sheringham, 2017]), а новизна — выявлением особенностей арлекинадного гротеска в произведении. В качестве методологической базы исследования послужил историко-литературный подход: посредством анализа сюжетной и образно-персонажной канвы романа в контексте исторических событий первой половины XX века раскрываются подтексты и смыслы, скрывающиеся за тем, что, на первый взгляд, кажется невинной буффонадой. Теоретической базой исследования послужили работы, посвященные творчеству Р. Кено [Stump, 1993; Mercier, 1971; Shorley, 1985; Kay et al., 2003; Hale, 1989; Gosling, 2019; Досковская, 2006; Досковская, 2007], истории литературы модернизма [Минасян, 2019; Moody, 2018] и комедии дель арте [Green et al., 1993; Storey, 1985], а также монография Ф. Споттса о том, как выживали французские художники и интеллектуалы в период оккупации Франции нацистами [Spotts, 2008].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Загадка «преступления»

В образе Пьеро в романе Кено угадываются черты Пьеро французской пантомимы первой половины XIX века. На момент начала описываемых событий ему 28 лет; он холост и беден. Ни на одной работе он не задерживается дольше, чем на несколько недель, но к собственным неудачам, равно как и к успехам, относится спокойно. Философ и мечтатель, плывущий по течению и то и дело попадающий в неприятности, он, тем не менее, обладает удивительной способностью не только всегда выходить сухим из воды даже в сложнейших обстоятельствах, но и самым неожиданным образом побеждать. Автором этот персонаж был задуман как «мудрец» [Gosling, 2019, с. 13].

Пространство, в котором существуют персонажи Кено, — полуфантастическое и наполненное юмором. Карнавальные переворачивания в нем происходят постоянно: Прадоне, хозяин Юни-Парка, то наказывает Пьеро, то сам оказывается курьезно наказанным; Парадиз, который мнит себя великим соблазнителем, сам оказывается соблазненным; Артэм Муннезерг, изначально изготовитель восковых фигур, а затем историк-отшельник и хранитель часовни, главный оппонент Прадоне, в итоге отдаёт свой земельный участок дочери Прадоне, Ивонн. Каждая сюжетная линия романа — о том, что жизнь непредсказуема.

В художественном мире романа Кено можно проследить едва заметные отсылки к культурной жизни Франции 1930-х годов. Как отмечает Кристофер Шорли, Юни-Парк в романе — это воспоминание Кено о популярной во Франции 1930-х ярмарке под названием «Луна-парк»: как и «Юни-Парк», она располагалась на станции Порт-Майо. Фальшивый факир Круя-бей, он же Роберт Муйеманш, напоминает Бурмана — шарлатана, который выдавал себя за восточного чародея, но в действительности являлся гражданином Франции по фамилии Фоссе: его «экстрасенсорные» способности принесли ему славу в начале 1930-х [Shorley, 1985, с. 118]. Существовали в реальной Франции и «полдевцы», которыми одержим Муннезерг: они появились благодаря фантазии журналиста Аллена Мелле, работавшего на издание «L'Action Française». В марте 1929 года он отправил письмо группе радикалов и социалистов во французском парламенте с требованием осветить в прессе зверства, которым подверглись от рук своих эксплуататоров 100 000 несчастных полдевцев. Жертвы мистификации клонули на приманку, и Мелле получил около дюжины ответных писем, в которых политики сочувствовали полдевцам и выражали возмущение царившим в Полдевии тоталитаризмом [Stump, 1993, с. 118]. Довольно быстро французский народ об этом происшествии забыл, однако Раймону Кено оно показалось чрезвычайно забавным.

Принимая во внимание вышеупомянутые отсылки, ответ на первый поставленный нами вопрос (о загадочном преступлении, которое так и не было раскрыто), очевидно, следует искать в историко-культурном контексте создания романа. Вернемся к дате публикации произведения — 1942 году: до окончания Второй Мировой войны ещё три года, а двумя годами ранее Франция капитулировала перед Германией. Оккупация продлилась четыре года (1940—1944) и оказала значительное влияние на взгляды и настроения французской интеллигенции. Писатели разделились на два лагеря: одни проявили себя как сторонники и даже пособники нацистов (Шарль Моррас, Робер Бразийак), а другие выступили за необходимость сопротивления захватчикам. В 1941 году под эгидой коммунистической партии был создан «Национальный комитет писателей» (руководители — Жан Полан и Жак Декур), который публиковал неподписанные произведения таких писателей, как Луи Арагон, Поль Элюар, Франсуа Мориак, Жан-Поль Сартр и Раймон Кено. Все эти авторы настаивали на политической ответственности писателей и интеллектуалов, осуждая тех, кого подозревали в сотрудничестве с нацистами. Даже для тех писателей, которые попытались сохранить в сложившейся ситуации нейтралитет, тоталитарный характер оккупации сделал эту позицию невозможной. Немецкие оккупанты на севере и коллаборационистский режим Виши на юге захватили периодические издания и радиовещания

тельные компании, жестко цензурируя и контролируя то, что публиковалось и транслировалось [Moody, 2018, с. 76].

Юни-Парк, в котором работают Пьеро и его друзья, — олицетворение того ярмарочно-карнавального буржуазного мира, в котором есть место и разнузданному веселью, и уголку высокой духовности (на краю парка — часовня историка-отшельника Муннезерга, истово охраняющего память полдевского князя Луиджи). Пожар, виновник которого так и не был найден, уничтожает этот исполненный юмора, иронии и легкости мир, оставляя нетронутой лишь обитель Муннезерга. Таким образом, часовня Муннезерга и жизнь бывших сотрудников Юни-Парка после пожара — метафора культурного состояния Франции после капитуляции. В пользу этого предположения говорят несколько обстоятельств. Первое — во время оккупации Франции нацистами единственным периодическим изданием, которое продолжало выходить в свет, был журнал «Historia». Иначе говоря, в годы испытаний история как научная дисциплина продолжала развиваться в то время, когда голоса других сфер общественной жизни замолкли. Второе — неправдоподобное описание пожара в парке, которое даёт якобы один из свидетелей: «Внезапно самолеты начали вращаться, оторвались от земли и стали летать по кругу. Я был удивлен, но ещё больше изумился, когда они вспыхнули — это было впечатляющее зрелище, скажу я вам: я не мог прийти в себя. Потом они взлетели в воздух и пикировали на разные части Юни-Парка, поджигая всё вокруг» [Queneau, 2004, с. 97]. Учитывая, что самолёты в парке аттракционов были игрушечными, самостоятельно оторваться от земли они не могли: соответственно, версия об оккупации Юни-Парка «авиацией» смехотворна. В описании «свидетеля» пожара чувствуется горькая ирония Кено, который, как и все его современники, прекрасно помнил, что Франция сдалась без боя, не будучи атакованной немецкой авиацией. Именно поэтому рассказ «свидетеля» другие персонажи встречают бурным смехом, и особенно саркастичен Пьеро. Муннезерг, не спавший в ночь пожара, также подтверждает, что никакие самолёты над парком не летали и причиной катастрофы не были. Уместность параллели пожара в Юни-Парке с оккупацией Франции подтверждается и тем, что, несмотря на то что пламя пожара охватило огромную территорию, ни один человек во время него не пострадал.

Попытки Муннезерга и жителей Парижа выяснить причины пожара обречены на поражение: «Кто? Зачем? Как? Предлагались разные версии. Директор? Его враги? Мечь? Выгода? Сговор? Вспомнили и происшествие во “Дворце веселья” накануне. Рассматривались различные гипотезы, но против каждой находились возражения» [Queneau, 2004, с. 97]. Причины, по которым правительство Франции приняло решение сдаться без

боя, так же загадочны, как причины поджога Юни-Парка. Немаловажно и то, что на месте Юни-Парка и главного его комплекса, Дворца Веселья, вторая жена Прадоне и её любовник Вуссуа (он же Муйеманш) воздвигают гигантский зверинец, где посетители могут посмотреть на «учёных» дрессированных зверей. Подобная трансформация территории Юни-Парка также является намёком на Оккупацию: французские писатели, философы и журналисты были вынуждены выполнять приказы нацистов и превратились в своего рода дрессированных животных в клетках, выставленных на потеху оккупантам.

Внимательный читатель также обнаружит в тексте романа Кено ещё одно обстоятельство, подтверждающее нашу гипотезу об использовании Юни-Парка как метафоры поверженной Франции: дрессировщик Вуссуа (он же Жожо Муйеманш, в которого в юности была влюблена Леони Пруйо, вторая жена Прадоне) — это и есть мифический «погибший» князь полдевский, память которого долгие годы чтит Муннезерг [Mercier, 1971, с. 89]. Вуссуа, «князь полдевский», коварен и расчётлив, и именно он в итоге превращает руины Юни-Парка в зоопарк. Вспомним шутку из романа Кено «Суровая зима» (1939) (острота принадлежит одному из героев по имени Леамо): «— В конце концов, — сказал он, — что такое Франция? Это страна франков. А кто такие франки? Немцы. По сути, слово “Франция” является синонимом слова “Германия”. Любопытно, да? Обратите внимание еще и на следующее: какое произведение французского искусства является самым прекрасным? Готическая архитектура, несомненно. А кто такие готы? И снова — немцы» [Queneau, 1966, с. 131] (перевод наш. — *О. Т., А. К.*). Подобно тому, как Вуссуа, представитель мифических, никогда не существовавших полдевских князей, захватил территорию Юни-Парка, «арийцы» (тоже никогда не существовавшие — во всяком случае, в том смысле, в каком понимали «арийскость» немецкие нацисты) захватили Францию, хотя никаких прав на это не имели.

В финальном эпизоде романа Пьеро смеётся над упущенной возможностью стать хранителем часовни: Муннезерг мечтал сделать Пьеро своим наследником, но тот по рассеянности потерял завещание, и часовню заполучила Ивонн, дочь бывшего хозяина Юни-Парка. Если часовня в романе — символ исторической памяти Франции (хранящей как достоверную информацию, так и совершеннейшие небылицы вроде легенд о полдевских князьях), Пьеро — творческая элита, а Прадоне и его дочь — буржуазия, то, по мысли Кено, историю Франции после Второй Мировой суждено писать именно буржуазии, а не богеме, хотя связь между историками и творческой элитой (вспомним об особенной симпатии Муннезерга к Пьеро) значительно теснее, чем взаимоотношения историков с буржуазией.

Смех Пьеро — это и личное отношение Кено к сложившейся исторической ситуации. Как отмечает Д. А. Хэйл, «смех — это извечная защита от страданий, возникающих из-за неспособности понять конфликты, собственное бессилие и невыносимость человеческого существования» [Hale, 1989, с. 64]. Собственно, весь роман Кено — это смех писателя над тем, что было невыносимо и о чём нельзя было открыто говорить в 1940—1942 годах. Такую же тактику метафорического выражения отношения к Оккупации избрал и писатель Борис Виан, современник Кено. В своих романах он неоднократно обращался к гротеску, комическому и трагическому, и карнавальности, чтобы подчеркнуть нелепость и отвратительность тех человеческих проявлений, которые дали о себе знать в период Оккупации. Как отмечает С. В. Минасян, в буффонадно-гротескном мире произведений Виана зашифрованы глубинные смыслы его гражданского самосознания, и «яростное желание рассмешить читателя в первых романах, которое достигает гротескного предела, выглядит попыткой если не смеяться, чтобы не заплакать, то уж точно смеяться, чтобы не думать» [Минасян, 2019]. Пока живущий в странном гротескном мире мудрец-Пьеро смеётся, у Франции есть надежда, и смех побеждает страх будущего и унижения прошлого.

3.2. Загадка «Золотого века»

Второй вопрос, о «Золотом веке», непосредственно связан с образом Пьеро — символом французского театра, той составляющей французской культуры, которая определяла национальное самосознание французов в XIX—XX веках. Во Франции Пьеро получил признание ещё в 1820-х, когда благодаря актёру Жану-Батисту-Гаспару Дебюро превзошел по популярности самого Арлекина [Storey, 1985, с. 14], но общеевропейской славы (в Германии, России, Австрии и Англии) добился на рубеже XIX—XX веков, став любимым архетипом модернистов, писателей и художников [Green et al., 1993]. Образ, родившийся во Франции с легкой руки Мольера (именно этот великий драматург «офранцузил» итальянского Педролино комедии дель арте), стал не только «звездой» европейского искусства, но и одним из самых ярких художественных представителей Belle Époque, «Прекрасной Эпохи» (1871—1914). Вероятно, вспоминая чудесное прошлое, персонажи Кено обращаются мыслями именно к той эпохе, на которую пришлось расцвет науки, искусства и промышленности и которая на фоне событий Второй Мировой казалась раем.

Другая возможная интерпретация «Золотого века» в романе может быть связана с отношением Р. Кено к Истории: «Согласно историко-философским взглядам Р. Кено, представленным в наиболее целостном виде в эссе “Une histoire modèle”, История как непрерывная цепь бед и несчастий рождается вследствие утраты изначальной гармонии и равновесия Золотого века. Золо-

той век находится как в начале, так и в конце Истории. Это специфическое состояние человечества, которое характеризуется полным единением с высшей духовной силой, стоящей за всем сущим; интегрированность человека в мировой порядок. Человек сможет “вернуться” в Золотой век в том случае, если сумеет достичь Мудрости, то есть абсолютного Знания о первооснове бытия» [Досковская, 2006, с. 110]. В романе единственный персонаж, который находится вне Истории, — мудрец-Пьеро: он уже в «Золотом веке» и относится к тем героям Кено, которым не нужно искать Высшего Знания, потому что они уже им владеют: «Все заботы и волнения повседневного “исторического” существования проходят мимо них» [Досковская, 2007, с. 18]. В рамках этой концепции представляется логичным, что Пьеро так и не стал наследником воплощающего Историю Муннезерга: Муннезерг и Пьеро находятся в разных духовных измерениях. В то время как Муннезерг посвящает себя Истории (причём наиболее нелепому её аспекту — легенде о несуществующих полдевцах), Пьеро стремится дистанцироваться от неё и поэтому остаётся в гармонии с собой.

3.3. Почему Пьеро — протагонист

На третий вопрос (о том, почему именно Пьеро — протагонист в романе Кено) мы уже частично ответили, однако немаловажной частью полного ответа является арлекинадный гротеск, о котором следует рассказать подробнее. Арлекинадный гротеск, приём наложения эстетики комедии дель арте на описание трагических и / или пугающих событий, пользовался особой любовью европейских писателей как рубежа XIX—XX веков, так и первой половины XX века, а образ Пьеро, обладавший философской глубиной и противоречивостью, стал основой этого вида гротеска: в злоключениях Пьеро, комических и печальных одновременно, отражались противоречия эпохи: страшное и смешное, легкое и невыносимое, — а также экзистенциальные размышления писателей, находивших в «дельяртовских» сюжетах о Пьеро ответы на бытийные вопросы.

Арлекинадный гротеск, к которому обратился Кено в своём романе, сочетает в себе высокое (романтическую любовь Пьеро) и низкое (похождения Ивонн), печальное (злоключения Пьеро, постоянно теряющего работу) и радостное (эпизоды неожиданной удачи, когда новая работа всё-таки находится), созидание (поиски счастья Пьеро и его друзьями) и разрушение (пожар в Юни-Парке). У главных героев романа есть прототипы в комедии дель арте: Прадоне — жадный старик Панталоне, мечтающий повыгоднее выдать замуж свою дочь; Ивонн Прадоне — ветреная и хитрая Коломбина; Гонтран Парадиз — Арлекин; Пьеро — Пьеро-романтик, а Муннезерг — Отшельник, один из старейших персонажей комедии дель арте. Арлекин и Коломбина, как и положено главным героям арлекинады, совершают

романтический побег, Пьеро не в силах ему воспрепятствовать, а Отшельник противопоставляет себя мирской суете, воплощением которой считает старика Панталоне. Однако финал нарисованного Раймоном Кено фарса представляет собой неожиданный вариант разворачивания событий: Арлекин, Коломбина, Пьеро и Панталоне предоставлены самим себе, а связывающие их нити как будто исчезают. Коломбина-Ивонн приходит к выводу, что Арлекин-Парадиз ей не пара; Пьеро осознаёт тщетность своих попыток добиться любви Ивонн; Панталоне-Прадоне погружён в оплакивание Юни-Парка, который был главным источником его доходов, а Отшельник-Муннезерг уезжает отдыхать в сельскую местность, предоставив право охранять часовню Коломбине. Меланхолию, которая приходит на смену буффонаде, нарушает лишь смех Пьеро, который, оглянувшись на события прошлого, приходит к выводу, что произошедшее не стоит страданий в настоящем. И здесь мы приближаемся к важной для понимания арлекинадного гротеска в романе теме памяти, значимость которой осветил литературовед Джордан Стамп. Исследователь отметил, что отношение Кено к истории в произведении прослеживается в монологах и репликах его персонажей, которые очень много забывают в настоящем и приукрашивают в прошлом. Например, Эжени, бывшая жена Прадоне и мать Ивонн, объясняет дочери: «Когда у тебя будет прошлое, Вовонн, ты поймешь, какая это странная штука. Есть целые куски прошлого, которые обрушиваются, не остаётся ничего. А есть участки, которые зарастают сорняками и делают местность неузнаваемой. Есть и места, которые кажутся такими красивыми, что ты каждый год наносишь на них свежий слой краски — то одного цвета, то другого, и в итоге они перестают быть похожими на себя» [Queneau, 2004, с. 69]. В арлекинадном гротеске заложен тот диалог между прошлым и настоящим, о котором и говорит Эжени: прошлое — прекрасная эпоха Юни-Парка, радости, буффонады и романтики, настоящее — сгоревший Юни-Парк и в буквальном смысле заблудившиеся персонажи (одна из глав посвящена Пьеро и Ивонн, которые безуспешно пытаются вернуться домой). В подтексте — гротеск исторический: прошлое — «Комеди Итальянн» и «Комеди Франсез», Пьеро Мольера и французский ярмарочный театр, пантомимы и водевили, остроумная и романтизированная потомками Франция; настоящее — Франция покорённая, утратившая независимость и вынужденная молчать. Раймон Кено по-философски осмыслил этот конфликт, примирив прошлое и настоящее идеей недолговечности человеческой памяти и её ненадёжности. Романтизированная Франция Прекрасной эпохи, в конце концов, была не более чем идеализированным образом сложного и далеко не всегда радужного прошлого, а невыносимое настоящее было обречено на то, чтобы рассыпаться на неполные и не всегда достоверные воспоминания.

3.4. Смысл названия романа

Четвёртый и последний вопрос, на который мы ответим, — это смысл названия романа, которое, очевидно, отсылает читателя к известной народной французской песне XVIII века «*Au clair de la Lune*» («При свете луны»): *Au clair de la Lune / Mon ami Pierrot / Prête-moi ta plume / Pour écrire un mot / Ma chandelle est morte / Je n'ai plus de feu / Ouvre-moi ta porte / Pour l'amour de Dieu* [Herder, 2013, с. 20] // *При свете луны / Мой друг Пьеро / Одолжи мне перо / Чтобы написать слово / Моя свеча погасла / у меня больше нет огня / Открой мне дверь / Ради любви Бога* (перевод наш. — О. Т., А. К.). Первые строчки песни, использованные Кено для заглавия, в контексте оккупации Франции приобретают особое звучание: в период, когда немецкая цензура подчинила себе художественную литературу, писатель обращается к символу Франции с просьбой дать ему вдохновение. Кено ищет источник сил в юморе, ярмарочном театре и Прекрасной эпохе, породившей дивные произведения искусства в период, когда каждое неверное слово может грозить автору смертью. Неслучайно и то, что для заглавия писатель взял строчку именно из детской колыбельной, каковой к началу XX века и стала песня «*Au clair de la Lune*»: повествование о приключениях Пьеро было призвано успокоить французского читателя в 1942 году, внести в его жизнь радость и умиротворение, которых так не хватало.

4. Заключение = Conclusions

Масочные персонажи романа, забавные и хорошо знакомые французскому читателю по театральной классике XVII—XIX веков, не только воскрешали Прекрасную Эпоху, но и противостояли ужасу Второй Мировой войны — идеологии нацистов и их бесчинствам. Пьеро в этом романе стал главным героем, потому что символизировал французское искусство как моральную поддержку и даже способ выжить: «Величайшей психологической потребностью французской нации после позорного фиаско было вернуть себе чувство собственного достоинства — те самые честь и славу, о которых де Голль говорил в своих радиопередачах из Лондона, — и французское культурное наследие было единственным, что могло это сделать. “Франция не была побеждена на художественном фронте”, — сказал Луи Откёр, глава Академии Изящных Искусств отчаянным летом 1940 года. “Наша архитектура, наша живопись, наша скульптура, наша музыка продолжают вызывать восхищение”. Язык воодушевляющих речей, без сомнения, указывал на еще одну истину: именно искусство — литература, театр, художественные выставки, концерты, сольные выступления и опера — больше, чем что-либо другое, помогло французам сохранить чувство собственного достоинства и пережить ежедневные невзгоды оккупации»

[Spotts, 2008, с. 3]. В период Оккупации во Франции было поставлено беспрецедентно большое количество пьес именно потому, что театр был для французов наимогущественнейшей моральной поддержкой [Spotts, 2008, с. 235].

Арлекинадный гротеск в произведении позволил писателю примирить прошлое (Прекрасную Эпоху и Золотой век) и настоящее (оккупацию Франции), а также с помощью карнавального смеха, являющегося частью этого вида гротеска, справиться со страхом перед будущим. Таким образом, Р. Кено совершил политический жест, опубликовав в 1942 году роман о неиссякаемом оптимизме французской души, силе французского искусства, ненадёжности человеческой памяти и необходимости относиться к истории философски.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Herder R.* 500 Best-Loved Song Lyrics / R. Herder. — Mineola : Courier Corporation, 2013. — 432 p. — ISBN 0486171523.
2. *Queneau R.* Pierrot Mon Ami / R. Queneau. — London : Dalkey Archive Press, 2004. — 159 p. — ISBN 9781564783974.
3. *Queneau R.* Un Rude Hiver / R. Queneau. — France : Gallimard, 1966. — 182 p.

Литература

1. *Горбовская С. Г.* Формирование художественного образа «голубой цветок» в мировой литературе XVII—XX вв. : от Жана де Лабрюйера к Раймону Кено / С. Г. Горбовская // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2018. — № 54. — С. 160—181. — DOI: 10.17223/19986645/54/10.
2. *Досковская М. С.* Двойничество как форма игры в романах Раймона Кено «Голубые цветочки» и «Зази в метро» / М. С. Досковская // Вестник СамГУ. — 2006. — № 10 (2). — С. 105—113.
3. *Досковская М. С.* Поиски золотого века как художественная доминанта романов Раймона Кено : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.03 / М. С. Досковская. — Самара, 2007. — 21 с.
4. *Клейменова Н. М.* Неологизмы в произведении Р. Кено «Зази в метро» / Н. М. Клейменова, А. Б. Брагина // Филологический аспект. — 2018. — № 4 (36). — С. 190—198.
5. *Минасян С. В.* Гротескное кодирование отношения к оккупации Франции в первых романах Бориса Виана / С. В. Минасян // Филология : научные исследования. — 2019. — № 2. — С. 168—178. — DOI: 10.7256/2454-0749.2019.2.29401.
6. *Bollinger J-C.* Raymond Queneau, lecteur de Jules Verne / J-C. Bollinger // Le Bulletin de la Société Jules Verne. — 2018. — № 197. — Pp. 44—49.
7. *Duncan D.* The Oulipo and Modern Thought / D. Duncan. — Oxford : Oxford University Press, 2019. — 192 p. — ISBN 0192567438.

8. *Gosling J. P.* Raymon Queneau's Dubliners : Bewildered by Excess of Love / J. P. Gosling. — Cambridge : Cambridge Scholars Publishing, 2019. — 241 p. — ISBN 1527539903.
9. *Green M.* The Triumph of Pierrot : the Commedia dell'Arte and the Modern Imagination. The United States of America / M. Green, J. Swan. — Pennsylvania : Penn State University Press, 1993. — 309 p. — ISBN 002-545420.
10. *Hale J. A.* The Lyric Encyclopedia of Raymond Queneau / J. A. Hale. — Ann Arbor : University of Michigan Press, 1989. — 189 p. — ISBN 0472101277.
11. *Kay S.* Short History of French Literature / S. Kay, T. Cave, M. A. Bowie. — Oxford : Oxford University Press, 2003. — 344 p. — ISBN 0191516228.
12. *Maitre M-J.* The Yijing as Inspiration in Raymond Queneau's *Morale Élémentaire III* (1975) : An Intermingling of the Particular and the Universal / M-J. Maitre // *Literature and Theology*. — 2023. — № 37 (2). — Pp. 181—191.
13. *McAuliffe S.* Black Dust : Raymond Queneau and The Encyclopedia of the Inexact Sciences / S. McAuliffe // *Paragraph*. — 2019. — № 42 (2). — Pp. 154—169.
14. *Mercier V.* The New Novel From Queneau to Pinget / V. Mercier. — New York : Farrar, Straus and Giroux, 1971. — 432 p. — ISBN 0374221650.
15. *Moody A.* The Art of Hunger : Aesthetic Autonomy and the Afterlives of Modernism / A. Moody. — Oxford : Oxford University Press, 2018. — 256 p. — ISBN 0192564072.
16. *Servant B.* Légèreté pensive et énergie Romanesque : Italo Calvino, Iris Murdoch et Raymond Queneau / B. Servant // *French Studies*. — 2024. — № 3 (78). — Pp. 541—542.
17. *Sheringham M.* Raymond Queneau : The Lure of the Spiritual / M. Sheringham // *Perpetual Motion : Studies in French Poetry from Surrealism to the Postmodern*. — Cambridge : Legenda, 2017. — Vol. 2. — Pp. 186—97. — ISBN 9781781884799.
19. *Shorley C.* Queneau's Fiction : An Introductory Study / C. Shorley. — Cambridge : Cambridge University Press, 1985. — 248 p. — ISBN 0521303974.
20. *Solecki S.* Raymond Queneau : How a Restless Surrealist and Future Pataphysician Resurrected the Etruscans in The Bark Tree (1933) / S. Solecki // *The Etruscans in the Modern Imagination*. — Kingston : McGill-Queen's University Press, 2022. — Pp. 192—98. — ISBN 9780228015765.
21. *Spotts F.* The Shameful Peace : How French Artists and Intellectuals Survived the Nazi Occupation / F. Spotts. — New Haven : Yale University Press, 2008. — 304 p. — ISBN 0300142374.
22. *Storey R. F.* Pierrots on the stage of desire : nineteenth-century French literary artists and the comic pantomime / R. F. Storey. — Princeton : Princeton University Press, 1985. — 351 p. — ISBN 0691066280.
23. *Stump J.* Naming and Forgetting in Queneau's *Pierrot mon ami* / J. Stump // *The International Fiction Review*. — 1993. — № 20 (2). — Pp. 112—119.

Статья поступила в редакцию 08.09.2024,
одобрена после рецензирования 04.11.2024,
подготовлена к публикации 18.11.2024.

Material resources

- Herder, R. (2013). *500 Best-Loved Song Lyrics*. Mineola: Courier Corporation. 432 p. ISBN 0486171523.
- Queneau, R. (2004). *Pierrot Mon Ami*. London: Dalkey Archive Press. 159 p. ISBN 9781564783974.

Queneau, R. (1966). *Un Rude Hiver*. France: Gallimard. 182 p.

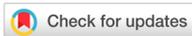
References

- Bollinger, J.-C. (2018). Raymond Queneau, lecteur de Jules Verne. *Le Bulletin de la Société Jules Verne*, 197: 44—49.
- Doskovskaya, M. S. (2006). Duality as a form of play in Raymond Keno's novels "Blue Flowers" and "Zazi in the subway". *Bulletin of the Samara State University*, 10 (2): 105—113. (In Russ.).
- Doskovskaya, M. S. (2007). *The search for the Golden Age as the artistic dominant of the novels of Raymond Keno*. Author's abstract of PhD Diss. Samara. 21 p. (In Russ.).
- Duncan, D. (2019). *The Oulipo and Modern Thought*. Oxford: Oxford University Press. 192 p. ISBN 0192567438.
- Gorbovskaya, S. G. (2018). The formation of the artistic image of the "blue flower" in the world literature of the XVII—XX centuries: from Jean de Labruyer to Raymond Keno. *Bulletin of Tomsk State University. Philology*, 54: 160—181. DOI: 10.17223/19986645/54/10. (In Russ.).
- Gosling, J. P. (2019). *Raymond Queneau's Dubliners: Bewildered by Excess of Love*. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing. 241 p. ISBN 1527539903.
- Green, M., Swan, J. (1993). *The Triumph of Pierrot: the Commedia dell'Arte and the Modern Imagination. The United States of America*. Pennsylvania: Penn State University Press. 309 p. ISBN 002-545420.
- Hale, J. A. (1989). *The Lyric Encyclopedia of Raymond Queneau*. Ann Arbor: University of Michigan Press. 189 p. ISBN 0472101277.
- Kay, S., Cave, T., Bowie M. A. (2003). *Short History of French Literature*. Oxford: Oxford University Press. 344 p. ISBN 0191516228.
- Kleimenova, N. M., Bragina, A. B. (2018). Neologisms in R. Keno's work "Zazi in the subway". *Philological aspect*, 4 (36): 190—198. (In Russ.).
- Maitre, M.-J. (2023). The Yijing as Inspiration in Raymond Queneau's *Morale Élémentaire III* (1975): An Intermingling of the Particular and the Universal. *Literature and Theology*, 37 (2): 181—191.
- McAuliffe, S. (2019). Black Dust: Raymond Queneau and The Encyclopedia of the Inexact Sciences. *Paragraph*, 42 (2): 154—169.
- Mercier, V. (1971). *The New Novel From Queneau to Pinget*. New York: Farrar, Straus and Giroux. 432 p. ISBN 0374221650.
- Minasyan, S. V. (2019). Grottesque coding of the attitude to the occupation of France in the first novels of Boris Vian. *Philology: scientific research*, 2: 168—178. DOI: 10.7256/2454-0749.2019.2.29401. (In Russ.).
- Moody, A. (2018). *The Art of Hunger: Aesthetic Autonomy and the Afterlives of Modernism*. Oxford: Oxford University Press. 256 p. ISBN 0192564072.
- Servant, B. (2024). Légèreté pensive et énergie Romanesque: Italo Calvino, Iris Murdoch et Raymond Queneau. *French Studies*, 3 (78): 541—542. (In Frenc.).
- Sheringham, M. (2017). Raymond Queneau: The Lure of the Spiritual. In: *Perpetual Motion: Studies in French Poetry from Surrealism to the Postmodern*, 2. Cambridge: Legenda. 186—97. ISBN 9781781884799.
- Shorley, C. (1985). *Queneau's Fiction: An Introductory Study*. Cambridge : Cambridge University Press. 248 p. ISBN 0521303974.
- Solecki, S. (2022). Raymond Queneau: How a Restless Surrealist and Future Pataphysician Resurrected the Etruscans in The Bark Tree (1933). In: *The Etruscans in the Mod-*

- ern Imagination*. Kingston: McGill-Queen's University Press. 192—98. ISBN 9780228015765.
- Spotts, F. (2008). *The Shameful Peace: How French Artists and Intellectuals Survived the Nazi Occupation*. New Haven: Yale University Press. 304 p. ISBN 0300142374.
- Storey, R. F. (1985). *Pierrots on the stage of desire: nineteenth-century French literary artists and the comic pantomime*. Princeton: Princeton University Press. 351 p. ISBN 0691066280.
- Stump, J. (1993). Naming and Forgetting in Queneau's Pierrot mon ami. *The International Fiction Review*, 20 (2): 112—119.

*The article was submitted 08.09.2024;
approved after reviewing 04.11.2024;
accepted for publication 18.11.2024.*

Информация для цитирования:

Филатов А. В. Трансформация образа звездного неба в художественных и эго-документальных текстах Н. С. Гумилева периода Первой мировой войны / А. В. Филатов // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 9. — С. 303—318. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-9-303-318.

Filatov, A. V. (2024). Transformation of Celestial Imagery in Artistic and Ego-Documentary Texts of Nikolai Gumilev During World War I. *Nauchnyi dialog*, 13 (9): 303-318. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-9-303-318. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Трансформация образа звездного неба в художественных и эго-документальных текстах Н. С. Гумилева периода Первой мировой войны

Филатов Антон Владимирович ^{1,2}

orcid.org/0000-0001-6683-9376

кандидат филологических наук;

¹ доцент кафедры теории литературы;

² старший научный сотрудник

avphilatov@yandex.ru

¹ Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

² Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук (Москва, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А. М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01239 «От факта к художественному образу — осмысление Первой мировой войны в творчестве прозаиков и поэтов — А. Н. Толстого, Н. С. Гумилева, С. А. Есенина, В. В. Маяковского, И. Э. Бабеля», <https://rscf.ru/project/23-28-01239/>

Transformation of Celestial Imagery in Artistic and Ego-Documentary Texts of Nikolai Gumilev During World War I

Anton V. Filatov ^{1,2}

orcid.org/0000-0001-6683-9376

PhD in Philology;

¹ Associate Professor of the Department of Literary Theory;

² senior research scientist
avphilatov@yandex.ru

¹ Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

² A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported by Russian Science Foundation (A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences), project number 23-28-01239 “From fact to artistic image — rethinking the First World War in the works of prose writers and poets — A. N. Tolstoy, N. S. Gumilev, S. A. Yesenin, V. V. Mayakovsky, I. E. Babel”, <https://rscf.ru/project/23-28-01239/>

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена анализу мотивно-образного комплекса звездного неба в стихотворениях, автобиографической прозе, а также письмах Николая Гумилева, созданных во время Первой мировой войны. Целью исследования является установление генетических связей между текстами различной природы, рассмотрение которых позволит показать, как война повлияла на мировоззрение поэта и эстетико-философские принципы его творчества. Материалом исследования стали стихотворение «Священные плывут и тают ночи...», четвертая часть «Записок кавалериста», а также фронтовые письма поэта, адресованные А. А. Ахматовой и Л. М. Рейснер. Новизна работы заключается в том, что названные произведения не включались Гумилевым в прижизненные издания, а потому редко попадали в поле зрения исследователей и недостаточно изучены в сравнительно-генетическом аспекте. Выдвигается предположение, что данные тексты обладают общей биографической основой, поскольку воспроизводят одну и ту же ситуацию наблюдения за звездным небом во время военного привала. В результате установлено, что исследуемый комплекс обладает в художественной системе Гумилева амбивалентной семантикой, восходящей к акмеистической и символистской трактовкам, что говорит об эволюции взглядов поэта, отходящего в период войны от ранее провозглашенных эстетико-философских принципов.

Ключевые слова:

Николай Гумилев; Первая мировая война; военная лирика; *Записки кавалериста*; звездное небо; созвездие.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article focuses on the analysis of the motif and imagery complex of the night sky in the poetry, autobiographical prose, and letters of Nikolai Gumilev created during World War I. The aim of the study is to establish genetic connections among texts of various natures, examining how the war influenced the poet's worldview and the aesthetic-philosophical principles of his work. The materials under investigation include the poem "Sacred Nights Drift and Fade...", the fourth part of "Notes of a Cavalryman," as well as frontline letters addressed by the poet to Anna Akhmatova and L. M. Reisner. The novelty of this research lies in the fact that these works were not included by Gumilev in his lifetime publications, thus rarely coming to the attention of scholars and remaining insufficiently studied from a comparative-genetic perspective. It is proposed that these texts share a common biographical foundation, as they reproduce a similar situation of observing the night sky during a military lull. The study concludes that the examined complex possesses an ambivalent semantics within Gumilev's artistic system, drawing upon both Acmeist and Symbolist interpretations, indicating an evolution in the poet's views as he distances himself from his previously proclaimed aesthetic-philosophical principles during the war.

Key words:

Nikolai Gumilev; World War I; military lyricism; Notes of a Cavalryman; night sky; constellation.

УДК 821.161.1Гумилев.07

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-9-303-318

Научная специальность ВАК
5.9.1. Русская литература и литературы
народов Российской Федерации

Трансформация образа звездного неба в художественных и эго-документальных текстах Н. С. Гумилева периода Первой мировой войны

© Филатов А. В., 2024

1. Введение = Introduction

В творчестве Н. С. Гумилева периода Первой мировой войны (1914—1918) важное место занимают произведения, посвященные военным событиям и отражающие фронтовые впечатления поэта-акмеиста, отправившегося в армию добровольцем в августе 1914 года. Помимо стихотворений, многие из которых вошли в книги стихов «Колчан» (1916) и «Костер» (1918), в это время он создает автобиографические «Записки кавалериста», пробуя себя в роли корреспондента газеты «Биржевые ведомости», а также посылает письма с фронта друзьям и родным, рассказывая об увиденном и пережитом. И хотя Гумилев, в отличие от многих современников, не написал книги стихов, посвященной исключительно войне, исследователи отмечают эстетическую целостность корпуса его военных стихотворений, обладающих единством как на идейно-тематическом, так и на мотивно-образном уровнях [Зобнин, 1994; Колоколова, 2013; Тарасова, 2015], а также указывают на документальный характер его фронтовой прозы [Степанов, 2014, с. 46; Филатов, 2024], что в то же время не отменяет ее художественных черт [Успенский, 2017].

Решение отправиться на фронт вполне отвечало и личным качествам Гумилева, и эстетико-философским принципам акмеизма. Этот поступок соответствовал не только «мужественно твердому и ясному взгляду на жизнь» [Гумилев, 2006, с. 147], как определил поэт один из принципов нового литературного течения, но и формулировке его соратника С. М. Городецкого, видевшего в акмеизме «борьбу за этот мир, звучащий, красочный, имеющий формы, вес и время, за нашу планету Землю» [Городецкий, 1913, с. 48]. Именно в этом состояла художественная задача поэта как «нового Адама» — дать имя всем явлениям земного мира и тем самым воплотить в слове все сущее (напомним, что от имени библейского прародителя образовано альтернативное название литературного течения — адамизм). Начало войны логически развило эту концепцию: теперь поэт-акмеист дол-

жен был бороться за реальный мир не только словом, но и делом, защищая родную землю от неприятеля.

В связи с этим творчество Гумилева военного периода, включающее его прозу, поэзию, а также эго-документальное наследие, нуждается в комплексном изучении, позволяющем выявить общие черты поэтики и художественной философии поэта в аспекте его отношения к войне как событию в мировой истории и в жизни отдельной личности. В то же время такое рассмотрение должно учитывать более широкий контекст гумилевского творчества, в особенности — его акмеистическую программу и ее художественные принципы.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом исследования является ряд текстов Гумилева, созданных в период Первой мировой войны и содержащих общий мотивно-образный комплекс звездного неба. Это стихотворение «Священные плывут и тают ночи...», четвертая часть «Записок кавалериста», а также фронтовые письма поэта, адресованные А. А. Ахматовой и Л. М. Рейснер. На наш взгляд, данные тексты генетически связаны между собой и обладают общей биографической основой, поэтому их сравнительный анализ позволит увидеть, как война повлияла на мировоззрение поэта и эстетико-философские принципы его творчества. Интересующие нас художественные произведения были впервые опубликованы в газетной периодике военных лет и не переиздавались Гумилевым при жизни. Как и личные письма, они были недоступны широкому читателю и редко попадали в поле зрения исследователей, в связи с чем интертекстуальные связи между ними до сих пор не рассмотрены в обозначенном аспекте. Обращение к произведениям различной жанровой природы также позволяет продемонстрировать, как конкретный элемент поэтической системы Гумилева — образ звездного неба — может преодолевать границы художественного и использоваться автором в эго-документальных текстах, меняя свои функции в соответствии с задачами конкретного жанра.

Важность обращения к такому традиционному и широко распространенному в мировой литературе художественному образу, как звездное небо, в случае с Гумилевым объясняется прежде всего эстетико-философским диалогом символизма и акмеизма. Как отмечает Л. Г. Кихней, «в символистской поэтике невоплотимые сущности принято передавать образами, несущими в себе семантику неба и света. Зори, закаты, восходы, солнце, звезды, туманы — это знаки *иных* миров. Бинарная оппозиция “верха” (неба) и “низа” (земли) лежит в основе многих символистских текстов. При этом запредельное бытие, “небо” — безусловная ценность, земное бытие — относительная.

Последнее — тленно, временно и является только слепком истинного, вечно-го, в конечном счете, более реального бытия» [Кихней, 2001, с. 15]. Полемизуя с символизмом, акмеисты полностью переосмысливают этот образ: они «как бы вступают с символистами в диалог и, в конечном итоге, отказываются последним в сакрализации неба. Так, у раннего Мандельштама “небо” чаще всего сопровождается негативно окрашенными эпитетами и сравнениями со значениями “мертвенности”, “пустоты”...» [Кихней, 2001, с. 15].

И хотя Гумилев не был столь категоричен в художественной трактовке данного образа, звездное небо уже в его акмеистическом манифесте, как замечает Ю. В. Зобнин, осмысляется в русле философии И. Канта, в трудах которого оно всегда выступает «наглядным доказательством ограниченных возможностей познавательной деятельности человека» [Зобнин, 2020, с. 369]. Споря с символизмом, Гумилев заявляет: «Вся красота, все священное значение звезд в том, что они бесконечно далеки от земли и ни с какими успехами авиации не станут ближе» [Гумилев, 2006, с. 149]. Поэт уверен, что любые попытки познать непознаваемое, «дотянуться до звезд» не только напрасны, но и «нецеломудренны». Неудивительно, что своей первой акмеистической книге стихов он дает название «Чужое небо» (1912), одновременно подчеркивая ее экзотическую тематику и демонстрируя свою приверженность земному началу.

Тем не менее мистический ореол звездного неба, вопреки акмеистическим установкам, не потерял для поэта своей эстетической привлекательности. В ряде произведений, написанных в 1914—1916 годах, данный образ становится центром устойчивого комплекса, включающего также мотивы войны и смерти. Таковы, в частности, стихотворения «Смерть» и «Пятистопные ямбы» второй редакции, вошедшие в книгу стихов «Колчан», в которых отчетливо явлено православно-христианское мировидение поэта, ср: «И счастьем душа обожжена / с тех самых пор; веселием полна, / И ясностью, и мудростью, о Боге / *Со звездами* беседует она» [Гумилев, 1999, с. 86].

Несколько иначе этот комплекс функционирует в произведениях, не вошедших в авторские сборники поэта, на которых мы остановимся подробнее. Тот факт, что Гумилев все чаще обращается к звездному небу в его символистском понимании именно в период Первой мировой войны, на наш взгляд, говорит об эволюции его эстетико-философских взглядов.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Провиденциальная семантика звездного неба в стихотворении «Священные плывут и тают ночи...»

В стихотворении «Священные плывут и тают ночи...», опубликованном 1 февраля 1915 года в газете «Биржевые ведомости» и написанном, вероят-

но, в конце 1914 года, также присутствует интересующий нас мотивно-образный комплекс, который в измененном виде встречается и в других текстах Гумилева, созданных в военный период. Лирический герой стихотворения, находящийся на фронте, размышляет о постоянной близости смерти на войне и о том, как эта пограничная ситуация влияет на его мировосприятие:

Священные плывут и тают ночи,
Прносятся эпические дни,
И смерти я заглядываю в очи,
В зеленые, болотные огни.

Она везде — и в зареве пожара,
И в темноте, неожиданна и близка,
То на коне венгерского гусара,
А то с ружьем тирольского стрелка.

Но прелесть ясная живет в сознание,
Что хрупки так оковы бытия,
Как будто женственно всё мирозданье,
И управляю им всецело я. <...> [Гумилев, 1999, с. 56]

Как видим, опасность быть убитым не страшит гумилевского героя, а, напротив, заставляет острее почувствовать свою связь с земной реальностью и «с особой остротой ощущать ценность каждого момента бытия» [Букарева и др., 2020, с. 38]. В свою очередь «хрупкость» мироздания побуждает поэта вспомнить трех современниц, творчество которых укрепляет его уверенность в бессмертии своей души: пианистку И. А. Энери (Горяинову), балерину Т. П. Карсавину и, конечно же, супругу — поэтессу А. А. Ахматову:

<...>
А ночью в небе древнем и высоком
Я вижу записи судеб моих
И ведаю, что обо мне, далеко,
Звенит Ахматовой сиренный стих.

Так не умею думать я о смерти,
И все мне грезятся, как бы во сне,
Те женщины, которые бессмертье
Моей души доказывают мне. [Гумилев, 1999, с. 56—58].

Здесь нас прежде всего интересует предпоследняя строфа, в которой астрологическая метафора «записи судеб» логично прочитывается как указание на узоры созвездий, глядя на которые герой узнает, что ждет его в будущем, то есть фактически «всецело управляет» своей судьбой; в частности, поэту становятся ведомы обращенные к нему стихи Ахматовой. На первый взгляд, эпитет «сиренный», отсылающий к демоническим полуженщинам-полуптицам из античной мифологии, которые заманивали моряков своим сладким пением на опасные скалы и затем жестоко убивали, имеет негативную, мортальную семантику, а потому не сулит герою стихотворения ничего хорошего. Однако, как отмечает А. Ф. Лосев, уже «в классической античности дикие хтонические с<ирены> превращаются в сладкоголосых мудрых с<ирен>, каждая из которых сидит на одной из восьми небесных сфер мирового веретена богини Ананке» [Лосев, 1988, с. 438]. Как видим, в поздней традиции сирены не только утрачивают черты опасных чудовищ, но и становятся спутницами самой богини судьбы, следовательно, могут обладать даром предвидения. Гумилев таким образом говорит о родстве поэтического и пророческого даров, которые сближают его, читающего свое будущее по звездам, с Ахматовой, воспевающей его судьбу в своих стихах. В связи с этим вполне правомерно выдвигаемое исследователями предположение, что стихотворение «Священные плывут и тают ночи...» является ответом Гумилева на посвященную ему лирическую миниатюру «Твой белый дом и тихий сад оставляю...» (1913): «Тебя, тебя в моих стихах прославлю, / Как женщина прославить не могла. / И ты подругу помнишь дорогую / в тобою созданном для глаз ее раю...» [Ахматова, 1998, с. 152, 764; Леонтьева, 2017, с. 128].

Итак, учитывая жизнеутверждающую тональность стихотворения Гумилева, можно полагать, что звезды предсказывают герою, что он не погибнет на войне; соответственно, заявленный в первой строфе мотив смерти преодолевается уверенностью поэта, что опасность обойдет его стороной. Примечательно, что в начале войны сам Гумилев, как и его лирический герой, верил, что ему удастся избежать смерти. Об этом свидетельствует недатированное фронтовое письмо поэта Ахматовой, отправленное, как удалось выяснить Е. Е. Степанову, в конце ноября 1914 года из Польши: «Мы, наверно, скоро опять попадем в бой, и в самый интересный, с кавалерией. Так что вы не тревожьтесь, не получая от меня некоторое время писем, *убить меня не убьют* (ты ведь знаешь, что поэты — пророки), а писать будет некогда» [Степанов, 2019, с. 90] (здесь и далее курсив наш. — А. Ф.). При вполне понятном «успокоительном» тоне письма с фронта, адресованного жене и родным, все же нельзя исключать собственной уверенности Гумилева, по крайней мере, на тот момент, что он вернется с войны жи-

вым (стихотворения «Рабочий» (1916), «Я и Вы» (1917) и «Заблудившийся трамвай» (1919), в которых лирический герой предсказывает собственную гибель, будут написаны позднее). Отметим также, что наделение поэта провидческой функцией, на которой делает акцент автор письма, предполагает способность «читать» свою судьбу по каким-либо знакам свыше и находит прямое соответствие в рассмотренном стихотворении.

3.2. Звездное небо как враждебное начало в «Записках кавалериста»

Обнаруженная параллель между эго-документальным и художественным текстами, отражающими умонастроение автора, позволяет предположить, что жизненной основой рассмотренного стихотворения стали фронтовые впечатления и размышления поэта в период военной кампании ноября — декабря 1914 года. На это указывает и один из эпизодов четвертой части «Записок кавалериста» — автобиографических очерков, в которых Гумилев «всегда бывал предельно точен в частностях и деталях» [Степанов, 2014, с. 46]. Согласно датировке Е. Е. Степанова, интересующий нас эпизод описывает события относительно спокойной недели с 24 по 30 ноября 1914 года, когда полк Гумилева «оставался на прежних позициях в районе Кржижанова» [Степанов, 2014, с. 92] — местечка в Лодзинском воеводстве Польши. В этом отрывке также встречается образ звездного неба, который, однако, уже не редуцирован до лаконичного словосочетания «записи судеб» и представлен в развернутом описании, сохраняющем при этом связь с рассмотренным стихотворением:

«Иногда мы оставались в лесу на всю ночь. Тогда, лежа на спине, я часами смотрел на бесчисленные ясные от мороза звезды и забавлялся, соединяя их в воображении *золотыми нитями*. Сперва это был ряд геометрических чертежей, *похожий на развернутый свиток Каббалы*. Потом я начинал различать, как на затканном золотом ковре, различные эмблемы, *мечи, кресты, чаши* в не понятных для меня, но полных нечеловеческого смысла сочетаниях. Наконец, *явственно вырисовывались небесные звери*. Я видел, как Большая Медведица, опустив морду, принохивается к чьему-то следу, как Скорпион шевелит хвостом, ища, кого ему ужалить. *На мгновение меня охватывал невыразимый страх, что они посмотрят вниз и заметят там нашу землю*. Ведь тогда она сразу обратится в безобразный кусок матово-белого льда и помчится вне всяких орбит, заражая своим ужасом другие миры» [Гумилев, 2005, с. 134—135].

В данном фрагменте образ звездного неба представлен в динамике и получает подробную детализацию через ряд метафор. Вначале фигуры созвездий напоминают рассказчику свиток каббалы — эзотерического учения в иудаизме, благодаря чему ночное небо наделяется у Гумилева семанти-

кой сакрального, тайного знания, доступного только посвященным. Скорее всего, столь необычное сравнение отсылает к распространенному в каббалистических источниках и напоминающему созвездие изображению древа *сфирот* — десяти первоэлементов, соответствующих различным «стадиям эманации» Бога [Шолем, 2004, с. 457—458] и схематически представляемых в виде сфер, соединенных между собой линиями (*цинор*). Такое предположение вполне правомерно, если вспомнить об увлечении молодого Гумилева различными оккультными и магическими практиками, повлиявшем не только на мировоззрение, но и на творчество поэта (см. подробнее: [Богомолов, 1999, с. 113—144]). В воспоминаниях русской художницы О. Л. Делла-Вос-Кардовской, чьей кисти принадлежит сохранившийся портрет Гумилева 1909 года, есть эпизод, свидетельствующий об интересе молодого поэта к каббале. По словам мемуаристки, Гумилев «однажды очень серьезно рассказывал о своей попытке вместе с несколькими сорбонскими студентами увидеть дьявола. Для этого нужно было пройти через ряд испытаний — *читать каббалистические книги*, ничего не есть в продолжение нескольких дней, а затем в назначенный вечер выпить какой-то напиток. После этого должен был появиться дьявол, с которым можно было вступить в беседу. Все товарищи очень быстро бросили эту затею. Лишь один Н. С. проделал все до конца и действительно видел в полутемной комнате какую-то смутную фигуру» [Делла-Вос-Кардовская, 1991, с. 31—32].

Таким образом, Гумилев, по всей видимости, был знаком с каббалистическим учением и имел представления о его ключевых понятиях, а потому сравнение звездного неба с развернутым свитком каббалы в «Записках кавалериста» должно иметь концептуальное обоснование. В связи с этим укажем, что в еврейской мистической традиции существует своя астрологическая концепция, представленная в так называемой доктрине прообразов, согласно которой все живые существа и даже неодушевленные предметы имеют свой прообраз, или *дмут* — «глубочайший источник скрытой жизненной силы души» [Шолем, 2004, с. 160]: «Судьба каждого существа заключается в его прообразе, и каждое изменение в его состоянии имеет свой прообраз. Не только ангелы и демоны черпают свое предвидение человеческой судьбы из этих прообразов; пророк также способен увидеть их и таким образом узнать будущее» [Там же]. Прообразы в свою очередь вплетены в беснующую занавесь *паргод*: «Вся прошлая история и будущая судьба каждой души записаны в этой занавеси. Это не только мистическая ткань, образованная бестелесным эфиром, в которой фиксируется жизненный путь человека, но и обитель всех душ, вернувшихся к своему источнику» [Там же, с. 456]. Автобиографический рассказчик «Записок кавалериста», как и герой стихотворения «Священные плывут и тают ночи...», как

будто пытается увидеть эти прообразы в «полных нечеловеческого смысла сочетаниях» звезд, чтобы узнать свою судьбу, явно понимая, что прикасается в этот момент к чему-то сверхъестественному.

Если упоминание мистического учения и звездных узоров, обладающих сакральным значением, актуализирует в приведенном прозаическом фрагменте провиденциальную семантику, то мотив хрупкости бытия из рассмотренного стихотворения также получает развитие в комплексе анималистических образов — «оживших» созвездий, наводящих ужас на рассказчика и вызывающих у него страх за судьбу земного мироздания, что вполне понятно в контексте разрушений войны, очевидцем которых он был. Гумилеву удастся подробно воспроизвести процесс соединения звезд в фигуры в сознании смотрящего в небо автобиографического рассказчика, явно знакомого с астрономией. Неслучайно на ум ему приходят образы, соответствующие реальным созвездиям и их элементам (ср. «мечи, кресты, чаши» и Меч Ориона, Южный Крест, Чаша), которые затем конкретизируются в более известные — Большую Медведицу и Скорпиона.

Мотив хрупкости бытия также связывает рассмотренные произведения с ранним автобиографическим текстом Гумилева — «Африканским дневником», написанным весной 1913 года во время очередного путешествия поэта к черному континенту. С одной стороны, ночное небо в нем также наделяется сакральными чертами: «Наступила ночь, первая на море, *священная*. Горели давно не виденные звезды, вода бурлила слышнее» [Гумилев, 2005, с. 72]. С другой стороны, по ходу приближения к Африке оно не только очаровывает, но и пугает автора, становясь в его восприятии амбивалентным: «Ночь еще более *чудесна и зловеща*. *Южный Крест* как-то боком висит на небе, которое, словно пораженное дивной болезнью, покрыто *золотистой сью* других бесчисленных звезд. На западе вспыхивают зарницы: это далеко в Африке тропические грозы сжигают леса и уничтожают целые деревни» [Там же, с. 75]. Важно отметить здесь как упоминание знаменитого созвездия, на этот раз названного напрямую, так и сделанный Гумилевым акцент на усеянности неба звездами и его связь (через всполохи зарниц) со смертельной опасностью, что подкрепляет параллель с фрагментом из военной прозы. Образов ужасных чудовищ в данном случае не возникает, однако само небо олицетворяется благодаря сравнению россыпи звезд с болезнью (что, в свою очередь, перекликается с мотивом заражения ужасом из «Записок...»). Текстуальная близость двух автобиографических произведений отражает и сходство реальных впечатлений поэта, о чем он признавался в том же фронтovém письме Ахматовой: «Вообще война мне очень напоминает мои абиссинские путешествия. Аналогия почти полная: недостаток экзотичности покрывается более сильными ощущениями» [Степанов, 2019, с. 89].

В итоге в «Записках кавалериста» образ звездного неба получает амбивалентную трактовку. Оно по-прежнему сохраняет провиденциальную семантику, однако теперь не предсказывает герою Гумилева счастливую судьбу, а служит предзнаменованием мировой катастрофы, метафорически воплощенной в животных фигурах созвездий. Подобная трансформация, на наш взгляд, может отражать тревогу поэта не столько за собственную жизнь, сколько за будущее охваченного войной мира, хрупкость которого в это время была предметом его творческих размышлений.

3.3. Поиск гармонии с небом: письмо Л. М. Рейснер и лирика 1916—1917 годов

Отмеченная в произведениях начала войны смысловая поливалентность образа звездного неба, взгляд на которое способен как укрепить дух героя, придав ему уверенности в будущем, так и внушить ему метафизический ужас, используется Гумилевым и позднее, причем не только в художественном творчестве, но и в личной переписке, что позволяет ему существенно трансформировать исходную семантику. Это происходит в письме к Л. М. Рейснер, отправленном с фронта 15 января 1917 года, в котором поэт явно использует эпизод из «Записок кавалериста», но приспосабливает его к задачам жанра любовного письма: «Из окопов писать может только графоман, настолько все там не напоминает окопа: стульев нет, с потолка течет, на столе сидит несколько огромных крыс, которые сердито ворчат, если к ним подходишь. И я целые дни валялся в снегу, смотрел на звезды и, мысленно проводя между ними линии, рисовал себе Ваше лицо, смотрящее на меня с небес. Это восхитительное занятие, Вы как-нибудь попробуйте» [Гумилев, 2007, с. 200].

Автор письма полностью меняет смысл исходного образа: чтобы произвести нужное впечатление на адресата, он заменяет созвездия животных на лицо возлюбленной, хотя связь между двумя текстами все равно сохраняется. Об этом говорит зимняя обстановка описываемой ситуации, а также мысленное «рисование» поэтом созвездий живых существ, которые смотрят или могут посмотреть с небес на него в ответ. И если героя «Записок...» этот зрительный контакт приводил в ужас, то для автора письма он, напротив, является очень желанным.

Конечно, необходимо учитывать, что данный эго-документальный текст написан спустя два года после событий, изложенных в «Записках кавалериста», а потому перед нами может быть не сознательное использование автором мотивно-образного комплекса из собственной прозы, а типологическое сходство двух фронтовых ситуаций, которое можно объяснить тем, что во время военных походов Гумилев, по-видимому, действительно любил смотреть на звезды и искать знакомые созвездия в ночном небе.

И все же именно биографический параллелизм двух событий, как представляется, мог напомнить поэту художественные произведения, созданные в первый год войны, во время написания письма. Ведь если ключевая для эпизода из «Записок...» тема ужаса, явно неподходящая для любовного письма, в нем полностью снимается, то центральное место занимает намеченная в стихотворении «Священные плывут и тают ночи...» тема прекрасных женщин, о которых поэт думает, находясь на войне — только теперь место Энери, Карсавиной и Ахматовой занимает Лариса Рейснер — та единственная, которой адресовано письмо.

Вместе с тем подобная трансформация семантики интересующего нас образа к концу Первой мировой войны происходит и в лирике Гумилева. Ключевое для акмеизма противопоставление земного и небесного в его стихах постепенно преодолевается через идею, что планета Земля сама является звездой — такой же, как и «мириады иных возможностей бытия, о которых мы ничего не знаем, кроме того, что они существуют» [Гумилев, 2006, с. 149], ср.: «Я знаю, что деревьям, а не нам, / Дано величье совершенной жизни, / на ласковой земле, сестре звездам, / Мы — на чужбине, а они — в отчизне» [Гумилев, 1999, с. 95]; «Земля, к чему шутить со мною: / Одежды нищенские сбрось / И стань, как ты и есть, звездой, / Огнем пронизанной насквозь!» [Там же, с. 120].

Подобный взгляд на земную реальность уравнивает ее с горним миром звездного неба, которое больше не пугает лирического героя, а, напротив, представляется ему желанным домом. Неслучайно в процитированном фрагменте Гумилев не по-акмеистически называет землю «чужбиной». Подобная переоценка ценностей вызвана в том числе разочарованием в затянувшейся войне (см.: [Гумилев, 1999, с. 368]), о чем поэт говорит в стихотворении «Год второй» (1916), завершая его выводом, далеким от пафоса своей лирики первого военного года: «Не все ль равно? Пусть время катится, / Мы поняли тебя, земля! / Ты только хмурая привратница / у входа в Божии Поля» [Гумилев, 1999, с. 99]. Можно сказать, что ценность высшей реальности, ассоциирующейся со звездным небом (неслучайно в поздних стихотворениях «Заблудившийся трамвай» (1919) и «Память» (1920) поэт использует для ее обозначения метафору «сад планет», что синонимично звездному небу), осмысливается Гумилевым к концу войны явно в полемике с акмеистическим принципом «борьбы за землю».

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, мы проследили, как конкретное жизненное впечатление — ночное наблюдение за звездным небом во время остановки полка в походном лагере — становится у Гумилева материалом для творчества

и отражает его мировосприятие в период Первой мировой войны. В стихотворении «Священные плывут и тают ночи...» мотивно-образный комплекс звездного неба редуцируется до метафорической детали «записи судеб», актуализируя провиденциальную тему и подчеркивая бесстрашие лирического героя, будто бы обладающего пророческим даром и потому знающего, что смерть обойдет его стороной. Схожие мысли поэт высказывает напрямую в письме Ахматовой, отправленном с фронта в это время. В «Записках кавалериста» данный комплекс, напротив, разворачивается до системы подробностей и деталей, усложняя исходный набор смыслов. Сравнение неба со свитком каббалы вновь сигнализирует об имплицитном стремлении рассказчика узнать свою судьбу, однако на этот раз увиденные созвездия живых существ ужасают его, напоминая о хрупкости земного бытия — мотиве, который в стихотворении, напротив, придавал герою уверенности в собственных силах.

Осмысление одного и того же события в лирическом и эпическом текстах раскрывает амбивалентность звездного неба в художественной системе Гумилева в военный период, что также было характерно и для его «Африканского дневника», являющегося, по нашему мнению, претекстом рассмотренных произведений в аспекте трактовки этого образно-мотивного комплекса. Проявление метафизического страха перед звездами могло быть отголоском реальных впечатлений поэта, постоянно подвергавшегося смертельной опасности и терявшего товарищей в боях. В то же время в этом можно видеть признаки акмеистического миропонимания, для которого ценность земного бытия стоит гораздо выше ценности бесконечно далеких и чужих звезд, познать истинный смысл которых человек не способен.

Однако в дальнейшем благодаря двойственной семантике исходный образ в текстах Гумилева трансформируется, приобретая положительные коннотации, как это происходит в письме к Ларисе Рейснер, автор которого видит в звездном небе не страшных чудовищ, а лицо возлюбленной, смотрящей на него. Подобное изменение, возникшее отчасти под влиянием разочарования поэта в затянувшейся в войне, можно наблюдать и в лирике 1916—1917 годов, в которой соотношение земного и небесного переживает эволюцию, возвращаясь к иерархии, характерной для символистской картины мира.

Перспективой исследования является анализ мотивно-образного комплекса звездного неба в поздней поэме Гумилева «Звездный ужас» (1920) [Павлова и др., 2022], соединяющей в себе все элементы рассмотренных нами текстов вместе с их функциями (олицетворение неба в образе сверхъестественного существа и оживших созвездий, мотивы взгляда на звезды, первобытного страха, смерти, пророчества, предсказания судь-

бы и т. д.) и представляющей собой итог художественно-философского осмысления поэтом символики звездного неба. Это позволит обобщить сделанные наблюдения на материале послевоенного творчества Гумилева, в котором он по-новому подходит к проблеме синтеза символистской и акмеистической картин мира.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Ахматова А. А.* Собрание сочинений : в 6 т. / А. А. Ахматова. — Москва : Эллис Лак, 1998. — Т. 1. — 988 с. — ISBN 5-88889-030-8.
2. *Городецкий С.* Некоторые течения в современной русской поэзии / С. Городецкий // Аполлон. — 1913. — № 1. — С. 46—50.
3. *Гумилев Н. С.* Полное собрание сочинений : в 10 т. / Н. С. Гумилев. — Москва : Воскресенье, 1999. — Т. 3. — 464 с. — ISBN 5-88528-164-5.
4. *Гумилев Н. С.* Полное собрание сочинений : в 10 т. / Н. С. Гумилев. — Москва : Воскресенье, 2005. — Т. 6. — 544 с. — ISBN 5-88528-463-6.
5. *Гумилев Н. С.* Полное собрание сочинений : в 10 т. / Н. С. Гумилев. — Москва : Воскресенье, 2006. — Т. 7. — 552 с. — ISBN 5-88528-481-4.
6. *Гумилев Н. С.* Полное собрание сочинений : в 10 т. / Н. С. Гумилев. — Москва : Воскресенье, 2007. — Т. 8. — 640 с. — ISBN 978-5-88-528-511-7.

Литература

1. *Богомолов Н. А.* Русская литература начала XX века и оккультизм / Н. А. Богомолов. — Москва : Новое литературное обозрение, 1999. — 560 с. — ISBN 5-86793-068-8.
2. *Букарева Н. Ю.* Феномен войны в эстетике и художественном творчестве Н. С. Гумилева / Н. Ю. Букарева, О. Е. Малая // Верхневолжский филологический вестник. — 2020. — № 3 (22). — С. 36—42. — DOI: 10.20323/2499-9679-2020-3-22-36-41.
3. *Делла-Вос-Кардовская О. Л.* Воспоминания о Н. С. Гумилеве / О. Л. Делла-Вос-Кардовская // Жизнь Николая Гумилева (Воспоминания современников). — Ленинград : Международный фонд истории науки, 1991. — С. 30—35. — ISBN 5-86050-031-9.
4. *Зобнин Ю. В.* Николай Гумилев и поэты русской эмиграции / Ю. В. Зобнин. — Санкт-Петербург : СПбГУП, 2020. — 720 с. — ISBN 978-5-7621-0982-6.
5. *Зобнин Ю. В.* Стихи Гумилева, посвященные мировой войне 1914—1918 годов (военный цикл) / Ю. В. Зобнин // Николай Гумилев. Исследования. Материалы. Библиография. — Санкт-Петербург : Наука, 1994. — С. 123—143. — ISBN 5-02-028055-0.
6. *Кихней Л. Г.* Акмеизм : Миропонимание и поэтика / Л. Г. Кихней. — Москва : МАКС Пресс, 2001. — 184 с. — ISBN 5-317-00292-3.
7. *Колоколова О. А.* Христианские мотивы в «Военных» стихах сборника Н. С. Гумилева «Колчан» / О. А. Колоколова // Проблемы исторической поэтики. — 2013. — № 11. — С. 311—322. — DOI: 10.15393/j9.art.2013.388.
8. *Леонтьева А. Ю.* Интертекстуальный фон стихотворения Н. С. Гумилева «Священные плывут и тают ночи...» / А. Ю. Леонтьева // Интерпретация текста : лингвистический, литературоведческий и методический аспекты : материалы X Международной

научной конференции. — Чита : Забайкальский государственный университет, 2017. — С. 128—133.

9. Лосев А. Ф. Сирены / А. Ф. Лосев // Мифы народов мира. Энциклопедия : в 2 т. — Москва : Советская энциклопедия, 1988. — Т. 2. — С. 438.

10. Павлова Т. Л. К историософским исканиям позднего Гумилева : конфликт старого и нового миропорядка в «Звездном ужасе» / Т. Л. Павлова, Л. Г. Кихней, М. Ю. Купцова // *Litera*. — 2022. — № 7. — С. 47—59. — DOI: 10.25136/2409-8698.2022.7.38425.

11. Степанов Е. Е. Поэт на войне. Николай Гумилев. 1914—1918 / Е. Е. Степанов. — Москва : Прогресс-Плеяда, 2014. — 848 с. — ISBN 978-5-7396-0321-0.

12. Степанов Е. Е. Летопись жизни Николая Гумилева на фоне его полного эпистолярного наследия : в 3 т. / Е. Е. Степанов. — Москва : Азбуковник, 2019. — Т. 2. — 864 с. — ISBN 978-5-91172-179-4.

13. Тарасова И. А. Поэзия фронтовая и поэзия тыловая : Н. Гумилев и Г. Иванов / И. А. Тарасова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. — 2015. — № 1. — С. 56—60.

14. Успенский П. Николай Гумилев как Николай Ростов : об одной житнетворческой модели поэта / П. Успенский // *Slavistična revija*. — 2017. — № 1. — С. 151—167.

15. Филатов А. В. Источниковедческий потенциал военной публицистики Н. С. Гумилева и С. М. Городецкого : между литературой и историческим документом / А. В. Филатов // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. — 2024. — № 2. — С. 122—130. — DOI: 10.20339/PhS.2.1-24.122.

16. Шолем Г. Основные течения в еврейской мистике / Г. Шолем. — Москва : Мосты культуры ; Иерусалим : Гешарим, 2004. — 510 с. — ISBN 5-93273-173-7.

*Статья поступила в редакцию 27.08.2024,
одобрена после рецензирования 07.10.2024,
подготовлена к публикации 01.11.2024.*

Material resources

Akhmatova, A. A. (1988). *Collected works: in 6 volumes, 1*. Moscow: Ellis Luck. 988 p. ISBN 5-88889-030-8. (In Russ.).

Gorodetsky, S. (1913). Some trends in modern Russian poetry. *Apollo, 1*: 46—50. (In Russ.).

Gumilev, N. S. (1999). *Complete works: in 10 volumes, 3*. Moscow: Sunday. 464 p. ISBN 5-88528-164-5. (In Russ.).

Gumilev, N. S. (2005). *Complete works: in 10 volumes, 6*. Moscow: Sunday. 544 p. ISBN 5-88528-463-6. (In Russ.).

Gumilev, N. S. (2006). *Complete works: in 10 volumes, 7*. Moscow: Sunday. 552 p. ISBN 5-88528-481-4. (In Russ.).

Gumilev, N. S. (2007). *Complete works: in 10 volumes, 8*. Moscow: Sunday. 640 p. ISBN 978-5-88-528-511-7. (In Russ.).

References

Bogomolov, N. A. (1999). *Russian literature of the beginning of the XX century and the occult*. Moscow: New Literary Review. 560 p. ISBN 5-86793-068-8. (In Russ.).

Bukareva, N. Y., Malaya, O. E. (2020). The phenomenon of war in aesthetics and artistic creativity of N. S. Gumilyov. *The Upper Volga Philological Bulletin, 3 (22)*: 36—42. DOI: 10.20323/2499-9679-2020-3-22-36-41. (In Russ.).

- Della-Vos-Kardovskaya, O. L. (1991). Memories of N. S. Gumilev. In: *The Life of Nikolai Gumilev (Memoirs of contemporaries)*. Leningrad: International Foundation for the History of Science. 30—35. ISBN 5-86050-031-9. (In Russ.).
- Filatov, A. V. (2024). The source potential of military journalism by N. S. Gumilev and S. M. Gorodetsky: between literature and historical document. *Philological sciences. Scientific reports of the higher school*, 2: 122—130. DOI: 10.20339/PhS.2.1-24.122. (In Russ.).
- Kihney, L. G. (2001). *Acmeism: Worldview and poetics*. Moscow: MAKS Press. 184 p. ISBN 5-317-00292-3. (In Russ.).
- Kolokolova, O. A. (2013). Christian motifs in the “Military” poems of N. S. Gumilev’s collection “Quiver”. *Problems of historical poetics*, 11: 311—322. DOI: 10.15393/j9.art.2013.388. (In Russ.).
- Leontieva, A. Yu. (2017). The intertextual background of N. S. Gumilev’s poem “Sacred nights float and melt...”. In: *Text interpretation: linguistic, literary and methodological aspects: proceedings of the X International Scientific Conference*. Chita: Zabaikalsky State University. 128—133. (In Russ.).
- Losev, A. F. (1988). Sirens. In: *Myths of the peoples of the world. Encyclopedia: in 2 volumes*, 2. Moscow: Soviet Encyclopedia. P. 438. (In Russ.).
- Pavlova, T. L., Kihney, L. G., Kuptsova, M. Yu. (2022). Towards the historiographical searches of the late Gumilev: the conflict of the old and new world order in the “Star Horror”. *Litera*, 7: 47—59. DOI: 10.25136/2409-8698.2022.7.38425. (In Russ.).
- Scholem, G. (2004). *The main trends in Jewish mysticism*. Moscow: Bridges of Culture; Jerusalem: Gesharim. 510 p. ISBN 5-93273-173-7. (In Russ.).
- Stepanov, E. E. (2014). *Is a poet at war. Nikolai Gumilev. 1914—1918*. Moscow: Progress-Pleiade. 848 p. ISBN 978-5-7396-0321-0. (In Russ.).
- Stepanov, E. E. (2019). *Chronicle of the life of Nikolai Gumilev against the background of his complete epistolary legacy: in 3 volumes*, 2. Moscow: Azbukovnik. 864 p. ISBN 978-5-91172-179-4. (In Russ.).
- Tarasova, I. A. (2015). Frontline poetry and rear poetry: N. Gumilev and G. Ivanov. *Proceedings of the Saratov University. A new series. Philology series. Journalism*, 1: 56—60. (In Russ.).
- Uspensky, P. (2017). Nikolai Gumilev as Nikolai Rostov: on one life-creating model of the poet. *Slavistična revija*, 1: 151—167. (In Russ.).
- Zobnin, Yu. V., Gumilev’s poems dedicated to the World War of 1914—1918 (military cycle). In: *Nikolai Gumilev. Researches. Materials. Bibliography*. St. Petersburg: Nauka. 123—143. ISBN 5-02-028055-0. (In Russ.).
- Zobnin, Yu. V. (2020). *Nikolai Gumilev and the poets of Russian emigration*. St. Petersburg: SPbGUP. 720 p. ISBN 978-5-7621-0982-6. (In Russ.).

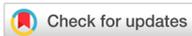
*The article was submitted 27.08.2024;
approved after reviewing 07.10.2024;
accepted for publication 01.11.2024.*

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ HISTORY

.....

Аскер Асланбекович Тумов, канд. истор. наук (Нальчик)
Владимир Васильевич Запарий, д-р истор. наук (Екатеринбург)
Вячеслав Вячеславович Ахмадуллин, канд. полит. наук (Москва)
Екатерина Андреевна Антюхова, д-р полит. наук (Москва)
Екатерина Васильевна Зайцева, канд. социол. наук (Екатеринбург)
Екатерина Олеговна Науменкова, канд. истор. наук (Санкт-Петербург)
Елизавета Сергеевна Лахтионова, канд. истор. наук (Екатеринбург)
Ирина Викторовна Алферова, д-р истор. наук (Брянск)
Константин Владимирович Самохин, канд. истор. наук (Тамбов)
Леонид Владимирович Сидоренко, канд. истор. наук (Санкт-Петербург)
Светлана Валерьевна Дарчиева, канд. истор. наук (Владикавказ)
Сергей Викторович Куликов, канд. истор. наук (Санкт-Петербург)
Эвелина Александровна Воробьева, канд. истор. наук (Новосибирск)

Информация для цитирования:

Антохова Е. А. Отставка министра иностранных дел С. Д. Сазонова в контексте публичной дипломатии периода Первой Мировой Войны / Е. А. Антохова, И. В. Алферова // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 9. — С. 320—340. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-9-320-340.

Antyukhova, E. A., Alferova, I. V. (2024). Resignation of Foreign Minister S. D. Sazonov: Public Diplomacy in Context of World War I. *Nauchnyi dialog*, 13 (9): 320-340. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-9-320-340. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Отставка министра иностранных дел С. Д. Сазонова в контексте публичной дипломатии периода Первой Мировой Войны

Антохова Екатерина Андреевна ¹
orcid.org/0000-0003-0860-4792
ResearcherID: I-4189-2017
доктор политических наук, доцент,
профессор кафедры мировых
политических процессов
e.antyukhova@gmail.com

Алферова Ирина Викторовна ²
orcid.org/0000-0002-8951-2744
доктор исторических наук, профессор,
кафедра отечественной истории,
корреспондирующий автор
alferovairi@yandex.ru

¹Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (Москва, Россия)

²Брянский государственный университет (Брянск, Россия)

Resignation of Foreign Minister S. D. Sazonov: Public Diplomacy in Context of World War I

Ekaterina A. Antyukhova ¹
orcid.org/0000-0003-0860-4792
ResearcherID: I-4189-2017
Doctor of Political Sciences,
Associate Professor, Professor,
Department of World
Political Processes
e.antyukhova@gmail.com

Irina V. Alferova ²
orcid.org/0000-0002-8951-2744
Doctor of History, Professor,
Department of National History,
corresponding author
alferovairi@yandex.ru

¹Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow, Russia)

²Bryansk State University (Bryansk, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Актуальность исследования обусловлена тем, что в нем раскрывается роль средств печати в продвижении разнообразных точек зрения, относящихся к внешней политике Российской империи в период Первой мировой войны. В статье выполнен обзор статей российской и зарубежной прессы времен войны, оценивавших причины и последствия ухода в отставку министра иностранных дел С. Д. Сазонова. Материалы для анализа извлечены из публикаций по этому поводу в одиннадцати отечественных и в шести зарубежных органах печати, подкреплены архивными документами. В статье показаны возможности прессы в создании особого режима публичности, способствовавшего продвижению идей, долгое время оставшихся за пределами общественного обсуждения. Авторы утверждают, что события июля 1916 года явились переломными не только с точки зрения вопросов сотрудничества России с различными странами, но и в определении внутривнутриполитического курса страны. Развернувшаяся вокруг отставки министра дискуссия показала, что не только верховная власть, но и отдельные влиятельные государственные деятели являлись необходимыми гарантами принятых государственных договоренностей, а пренебрежение этим пониманием разрушало прежний и создавало новый режим публичности. Анализ изменений в политическом развитии страны свидетельствует о том, что они были связаны с попытками ликвидации недавно проявившихся тенденций в сфере внешней политики, а избранный курс явился одной из важных причин будущих революционных потрясений.

Ключевые слова:

Первая мировая война; внешняя политика Российской империи; Министерство иностранных дел; С. Д. Сазонов.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study examines the role of print media in promoting diverse perspectives on the foreign policy of the Russian Empire during World War I. It provides a comprehensive review of articles from both Russian and foreign press that analyzed the reasons and consequences surrounding the resignation of Foreign Minister S. D. Sazonov. The analysis is grounded in materials drawn from eleven domestic and six international publications, supplemented by archival documents. The article highlights the media's capacity to create a unique public discourse that facilitated the promotion of ideas that had long remained outside public discussion. The authors argue that the events of July 1916 marked a turning point not only in terms of Russia's cooperation with various countries but also in shaping the country's domestic political trajectory. The debate surrounding Sazonov's resignation revealed that not only the supreme authority but also influential state figures served as essential guarantors of established governmental agreements, and neglecting this understanding undermined the previous public discourse while fostering a new one. Analyzing the shifts in the country's political development indicates that these changes were linked to attempts to address recently emerging trends in foreign policy, with the chosen course contributing significantly to the forthcoming revolutionary upheavals.

Key words:

World War I; foreign policy of the Russian Empire; Ministry of Foreign Affairs; S. D. Sazonov.

Отставка министра иностранных дел С. Д. Сазонова в контексте публичной дипломатии периода Первой Мировой Войны

© Антюхова Е. А., Алферова И. В., 2024

1. Введение = Introduction

В новейшей отечественной историографии имеется ряд публикаций, рассматривающих периодическую печать периода Первой мировой войны в качестве одного из инструментов публичной дипломатии [Антюхова, Блохин, Косарев, 2019; Алферова, Блохин, Акоева, Бондарев, 2023 и др.], нацеленных на реализацию внешнеполитических интересов государств, в том числе на процесс интеграции стран Согласия.

Необходимость дальнейшей разработки этой концепции требует выделить комплекс ключевых событий, интерпретация которых позволит определить степень влияния коммуникационной политики Российского государства, а вместе с этим и участия публичной сферы в решении важных задач в области внутренней и внешней политики.

Очевидно, что гарантом реализации различных договоренностей между странами-участниками военного конфликта выступала не только верховная власть, но и различные влиятельные государственные деятели. Благодаря им как на официальном, так и на приватном уровнях в сфере международных контактов происходила многоаспектная работа, направленная на формирование положительного имиджа Российской империи не только среди союзников, но и в отношениях с нейтральными государствами.

Сергей Дмитриевич Сазонов, являвшийся министром иностранных дел Российской империи с 1910 по 1916 годы, а до этого занимавший должность министра-резидента при папском престоле, уже рассматривался в качестве такого деятеля в одной из упомянутых выше статей. Именно С. Д. Сазонову, признававшемуся «искренним и убежденным сторонником Италии», принадлежала громадная заслуга в том, что уже в условиях развязанного конфликта началось официальное сближение Петрограда и Рима.

В исследовании, однако, речь пойдет не об успехах главы внешнеполитического ведомства, которые очевидны, а о событиях, сопровождавших его отставку. Точнее, будет представлен обзор публикаций российских и

иностранных периодических изданий, на страницах которых происходило обсуждение причин увольнения главы иностранного ведомства.

Сам факт ухода в отставку С. Д. Сазонова предоставил для периодической печати уникальную возможность продемонстрировать существование в российском истеблишменте многовариантного видения решений проблем внешней и внутренней политики. Однако это не означало, что в российской публичной сфере в равной степени конкурировали мнения различных политических направлений по тем или иным вопросам и периодические издания обладали равной степенью «дозволенного». Необходимо отметить, что с началом Первой мировой войны в Российской империи действовала военная цензура, зачастую сопровождавшаяся скрытой политической цензурой, обладавшей преимущественным правом контроля за содержанием распространяемой информации и тем самым являвшейся инструментом действенного влияния на общественное мнение и массовые настроения. К концу 1916 года, наряду с военной и политической цензурой особую актуальность для российской верховной власти приобрела дипломатическая цензура, поскольку в печати появлялось всё больше материалов о послевоенном мироустройстве, о будущих отношениях России с союзниками и противниками [Богомолов, 2021, с. 582].

Анализ контента периодической печати, посвященного отставке С. Д. Сазонова, а также материалов, запрещенных военными цензорами к публикации, предоставляет возможность реконструировать спектр существовавших точек зрения по поводу будущего государственного устройства России, а также составить представление о специфике функционирования российской публичной сферы в преддверии серьезного политического кризиса 1917 года.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Периодическая печать в рассматриваемый период являлась одним из ключевых элементов функционирования публичной сферы, в том числе в аспекте обсуждения внешнеполитических вопросов. Пресса со всей очевидностью способствовала выведению политики из формата исключительно узкопрофессиональной деятельности работников Министерства иностранных дел. С весны 1916 года в нем появился специальный Осведомительный отдел, «который должен был собирать информацию при помощи агентов иностранных государств, также вести пропаганду в нейтральных странах» [Жданова, 2008, с. 131]. Государственное финансирование распространялось на анализ зарубежных периодических изданий и размещение на их страницах материалов, необходимых с точки зрения внешнеполитических интересов Российской империи.

В Архиве внешней политики Российской империи (АВП РИ) хранится фонд Отдела печати и осведомления Министерства иностранных дел [АВП РИ, ф. 140], документы которого содержат обширную информацию об общественных настроениях в стране и за ее пределами, получивших отражение на страницах российской и зарубежной прессы. Анализ контента отдельных документов фонда позволил воссоздать неоднозначную реакцию различных российских и зарубежных общественных и политических кругов на отставку С. Д. Сазонова, выявить аргументацию их оценочных суждений.

Для проведения исследования авторы использовали специальные исторические методы: проблемно-хронологический и историко-генетический. Их применение не только способствовало определению круга необходимых источников для решения выбранной проблемы, но и позволило осуществить в хронологической последовательности анализ изменявшейся исторической реальности. Историко-генетический метод дал возможность выявить отдельные тенденции функционирования в годы Первой мировой войны публичной сферы и выявить их специфику. Понятие «публичная сфера» (public Sphere) используется в статье в понимании, предложенном немецким ученым Юргеном Хабермасом (Jürgen Habermas), который и ввел его в научный оборот. «Публичная сфера» в его интерпретации — это область «социальной жизни, в которой может быть сформировано нечто приближающееся к общественному мнению» [Хабермас, 2016, с. 30]. Таким образом, в статье нашел отражение процесс развития общественного противостояния в рамках публичной сферы, триггером которого явилась отставка С. Д. Сазонова. Это событие позволило дополнительно выявить расстановку сил в набиравшем ход российском внутривнутриполитическом кризисе.

Изучение проблем, связанных с формированием «публичной сферы» в условиях Первой мировой войны, открывает также возможность анализа периодической печати с позиций реализуемого в них механизма проектирования особого позитивного восприятия внутренней политики Российского государства.

Продуманное, а затем и реализованное внешнее позиционирование страны являлось одной из важнейших задач «публичной политики» (public Policy), «публичного пространства» (public space) и «публичной дипломатии» (public diplomacy). Эти понятия из лексикона политической науки помогают в исследовании подойти более осознанно к рассмотрению истории внешнеполитической деятельности Российской империи периода Первой мировой войны, а точнее — тех ее направлений, которые строились на основе «принципиальной диалогичности».

Однако до сих пор не получили широкого развития такого рода подходы, в целом открывающие новые возможности для анализа практи-

ческой реализации государственной политики. Признание властными структурами роли прессы в политике явственно выразилось в России в предвоенный период и ознаменовало собой сдвиги, произошедшие в российском обществе. Ещё более очевидными становятся эти контакты в период Первой мировой войны, когда правительство приобрело в лице периодической печати дополнительное средство воздействия на область внешней политики. Этим вопросам посвящена монография и ряд статей Е. Г. Костриковой.

Так, в одной из ее работ, посвященной организации службы зарубежной информации в крупных российских газетах начала XX века, рассматриваются взаимоотношения отдельных органов печати с правительственными сферами, с Министерством иностранных дел. Она анализирует реакцию российской прессы на действия дипломатического ведомства Российской империи [Кострикова, 1997а].

В статье, посвященной Отделу печати МИД, автор отмечает, что «...к большинству изданий в эти годы не применялись карательные меры в связи с публикациями на внешнеполитические темы. <...> Гораздо чаще представителей печати старались привлечь доверительной информацией и вниманием» [Кострикова, 2010б].

К исследованию Отдела печати и осведомления при Министерстве иностранных дел Российской империи обращена одна из последних работ Е. А. Антюховой, констатировавшей, что вопросы иностранной политики, затрагивавшие интересы других государств, были для прессы наиболее сложными и ответственными. «Они всегда требовали особо осторожного отношения, поэтому информация по ним должна была быть подбираема особенно тщательно, единообразно, с полным знанием государственных интересов в области внешней политики» [Антюхова, 2023, с. 11].

В обстоятельной статье И. А. Ждановой, посвященной взаимодействию органов власти и прессы в марте — октябре 1917 года, отмечается, что эти важные вопросы изучены лишь в части законодательства и в «репрессивном аспекте»: «Почти не привлекла внимание исследователей другая сторона отношений между правительством и прессой в это время — вопросы управления информацией» [Жданова, 2008, с. 126]. Исследовательница также отмечала, что при слабости в России других каналов распространения различного рода сведений рост влияния прессы явился важным фактором улучшения информирования правительства и населения о происходящем в стране. С уверенностью можно добавить — и в мире. Очевидно, что «в соответствии с этим возросла ведомственная специализация и децентрализация в правительственной работе по изучению информации прессы и по её осведомлению» [Там же].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Отставка С. Д. Сазонова в повестке внутривластного курса Российской империи 1916 года

Июльские перипетии 1916 года вызвали громадный всплеск активности на страницах как российской, так и зарубежной печати. Сложилась уникальная ситуация, когда стали публично обсуждаться вопросы, до сих пор не являвшиеся предметом столь пристального общественного внимания. В том числе это было связано с отставкой министра иностранных дел Российской империи Сергея Дмитриевича Сазонова.

Уход с поста главы внешнеполитического ведомства был одним в череде многих последовавших друг за другом в российском правительстве с января 1915 года. Только три министерства за это время — морское, финансов и народного просвещения — сохранили своих руководителей, в некоторых министры менялись по несколько раз. Например, в Министерстве внутренних дел сменилось четыре управляющих за год, и назначение некоторых из новых руководителей можно было рассматривать в качестве определенной уступки общественному мнению. Однако послабления носили временный характер, и им на смену неуклонно приходили руководители «старой закалки», опытные бюрократы, представлявшие «ближний круг» российского императора [Перемены..., 1916].

Одновременно с отставкой С. Д. Сазонова в состав Совета министров был включён руководителем Министерства юстиции А. А. Макаров, а занимавший эту должность А. А. Хвостов переместился в Министерство внутренних дел. Председатель Совета министров Б. В. Штюрмер стал совмещать свои обязанности со службой министра иностранных дел.

Газета «Русское знамя», ведущее печатное издание Союза русского народа, отмечая частые перемены в составе министерств и их важность для определения направлений как во внутренней, так и во внешней политике, уповала на известную инертность основной массы населения, позиция которого сводилась к формуле: «Не наше это дело. Царь-Батюшка лучше знает, кто ему нужен в помощники» [Русское Знамя, 1916, № 154, 14 июля].

Однако с отставкой С. Д. Сазонова всё обстояло гораздо сложнее. Представители самых разных слоев общества усмотрели в случившемся указание на предстоящие важные перемены в политической жизни страны.

Дело в том, что кадровый состав ведомства иностранных дел традиционно отличался постоянством. Стабильность отношений с внешним миром требовала определенности при общении с зарубежными партнерами, ограничивала неоправданные перетасовки состава посольств. Это являлось общим для всех правилом, тем более обязательным в военных условиях, когда различные части Европы были «тесно спаяны одни — дружбой, дру-

гие — ненавистью». С 1900 года до лета 1916 года должность министра иностранных дел в Российской империи занимали, сменяя друг друга, всего три человека: с июня 1900 года — В. Н. Ламсдорф, с апреля 1906 года — А. П. Извольский и с сентября 1910 года — С. Д. Сазонов.

С. Д. Сазонов, будущий министр иностранных дел Российской империи, после окончания лицея поступил на службу во внешнеполитическое ведомство и в первое своё назначение за границу стал секретарём в российском посольстве в Берлине. Затем он оказался на такой же должности в Лондоне и там получил повышение, став советником посольства. Из столицы Англии молодой дипломат был направлен в Рим на самостоятельную работу в качестве министра-резидента при Святейшем престоле. В 1909 году он был отозван в Петербург, где получил назначение товарища министра иностранных дел. За короткий промежуток времени ему удалось настолько себя зарекомендовать, что уже в октябре 1910 года, после отъезда послом в Париж А. П. Извольского, оставившего пост министра, он получил при тогдашнем премьер-министре П. А. Столыпине портфель руководителя российской внешней политики [Утро России, 1916, № 193, 12 июля].

О заслугах дипломата было позднее сказано в предварявшем его отставку Высочайшем рескрипте от 7 июля 1916 года. В документе от имени Николая II отмечалось следующее: «Со свойственным Вам знанием дела и неутомимым усердием Вы всемерно стремились к осуществлению моих указаний, внушённых требованиями справедливости и честью дорогой нашей родины» [Перемены в составе..., 1916]. Высочайший приказ о последних министерских назначениях, в том числе касавшийся отставки С. Д. Сазонова, стал известен в столице в ночь с субботы 9 июля на воскресенье 10 июля 1916 года и был опубликован в воскресных газетах.

По официальной версии в отставке С. Д. Сазонова отсутствовали какие-либо политические основания, он был уволен по состоянию здоровья и по собственному желанию. Тем не менее периодические издания, широко освещавшие это событие, попытались предложить свои трактовки неожиданного смещения.

3.2. Деятельность С. Д. Сазонова на посту министра иностранных дел в оценках российской печати

Поводом для произошедших пертурбаций, согласно редакционной статье петроградской общественно-политической газеты «День», стал визит российской парламентской делегации в Лондон. Вернувшись, ее представители уведомили редакцию газеты, что союзники при встречах особенно много внимания уделяли вопросам внутренней жизни России, «давно наболевшим, давно ждущим решения». Речь шла о возможных переменах, которые могли произойти в политическом устройстве Российской империи

из-за активизации контактов со странами-союзницами. При этом С. Д. Сазонов, который в действительности не был сторонником какого-либо определенного политического направления, общественным мнением причислялся к либеральному кругу в правительстве, а Министерство иностранных дел и Министерство финансов рассматривались как главные каналы, через которые происходило проникновение внешнего либерального влияния.

Именно для ограничения этого влияния главой внешнеполитического ведомства и назначался Б. В. Штюрмер, *«премник Хвостова и Маклакова»* (эта фраза, содержащая намек на связь Штюрмера с уже ушедшими со своих постов реакционно настроенными представителями власти, была удалена предварительной цензурой и не появилась в печати) [РГИА, ф. 778, оп. 2, д. 486, л. 9]. Таким образом, замена Сазонова на Штюрмера означала установление консервативного контроля над министерством, «которое служило наиболее широким окном в Европу!»

Автор публикации завершал свои размышления следующим выводом: «Взаимоотношения с внешним миром дошли, по-видимому, до того, что или должен был в некоторой определенной точке измениться внутренний фронт наш, или Б. В. Штюрмер должен был заменить С. Д. Сазонова. Случилось последнее» [Внешняя и внутренняя политика..., 1916]. Внешняя политика России отныне должна была соответствовать внутренней, которую стали во многом олицетворять три государственных деятеля, отличавшихся консервативными взглядами: Б. В. Штюрмер, А. А. Хвостов-старший и А. А. Макаров.

В составе упоминавшейся лондонской делегации присутствовал и представитель крупнейшей столичной газеты «Новое время» Ефим Александрович Егоров (псевдонимы Е. Е.; Л. С.; Отшельник; Л. Степанов), одновременно являвшийся секретарем религиозно-философских собраний [Евгеньев-Максимов и др., 1930, с. 159].

У посланника от «Нового времени», отвечавшего в газете за внешнеполитический раздел, в ходе визита в Лондон, вероятно, также возникло опасение, что российскому внутривластному устройству грозит некая опасность, исходящая от тесного взаимодействия с союзниками вне военной сферы.

Результатом явилась публикация на страницах газеты «Новое время», в которой исключительно в негативном ключе представлялись результаты деятельности С. Д. Сазонова, акцентировалось внимание на просчетах руководимого им ведомства, доказывалась необходимость изменения выработанного им внешнеполитического курса.

Прежде всего, С. Д. Сазонову ставилось в вину Потсдамское соглашение, подписанное 6 августа 1911 года. По версии газеты министр по-

лучил задание добиться прекращения или по крайней мере ослабления враждебной деятельности Германии, активно выступавшей против России в различных регионах: в Китае, в Турции, на Балканах. Однако вместо «замедления продвижения Германии на Восток, во фланг России», по мнению «Нового времени», С. Д. Сазонов всемерно облегчил и ускорил его. «Главным путём и орудием немецкого внедрения в тело Турции в это время было сооружение Багдадской железной дороги, а концессионеры из Германии получали природные ископаемые и дешёвую рабочую силу из Анатолии» [От потсдамских бесед до наших дней..., 1916]. Для Франции и Англии, по версии газеты, эта перспектива грозила экономическими затруднениями, при этом их серьёзно озадачивали признаки «германо-российской разрядки». Для России же была сформирована потенциальная угроза нанесения удара германо-турецкой армией в районе кавказской границы.

Явно запоздалая оценка давно произошедшего уже ничего не могла исправить и, более того, предоставляла возможность открытой критики правительственных структур Российской империи во главе с Николаем II, высоко оценившим деятельность бывшего министра в своем рескрипте. По версии газеты получалось, что с августа 1911 года по июль 1916 года властные структуры не смогли дать «объективную оценку» деятельности внешнеполитического ведомства, возглавляемого С. Д. Сазоновым.

Солидарность с суворинским изданием проявила газета правого направления «Свет», которая заявила, что историческое путешествие С. Д. Сазонова в Берлин завершилось тем, что он с Кидерлен-Вехтером (статс-секретарем министерства иностранных дел Германии в 1910—1912 годах) «состряпал» известное Потсдамское соглашение, в котором «отказался от вековых русских прав в Малой Азии и согласился, в угоду немцам, устроить на русские деньги железную дорогу из Багдада в Ханькин, очевидно, для того, чтобы немецким товарам легче было проникать в Персию и вытеснять оттуда ввозимые товары русской промышленности» [К уходу С. Д. Сазонова..., 1916].

Газета «Колокол», провозглашавшая в качестве своего девиза «царственную свободу самодержавия», оправдывая отставку С. Д. Сазонова и назначение Б. В. Штюмера, заявляла: «Само собою понятно, что главная роль в установлении международных отношений ныне возложена на нашу доблестную армию. Ныне эти отношения устанавливаются не пером дипломата, а мечом воина» [Колокол, 1916, № 3044, 12 июля].

В таком же духе высказывалась «Земщина» — фактический орган Союза русского народа, издателем которого с осени 1915 года являлся Н. Е. Марков. «Искусство дипломатии заключается в *поддержании мира*.

А раз такая мирная страна, как Россия, при глубоком миролюбии Самого Царя, *вынуждена* и, именно, вынуждена, воевать — дипломатия никуда не годна: экзамена не выдержала, провалилась...» [Падение..., 1916]. В дополнение к уже его сказанному газета заявляла, «что союзные страны в основе доверяют вовсе не тому или иному лицу, а *мощи России*, зная при том, что именно эта мощь зиждется на единовластии и *духе народа*» [Неудачная защита..., 1916].

Еще одна газета правого толка, «Московские ведомости», обвиняла С. Д. Сазонова в том, что он «за выражение общественного мнения принимал взгляды того случайного большинства, которое составлялось в Гос. Думе, не желая понять, что это большинство в вопросах внешней политики, точно так же, как и внутренней, руководится не желаниями и стремлениями *русского* народа, а лишь той кучки, которая группировалась около *Освобождения*» [Актив и пассив С. Д. Сазонова..., 1916] (журнал «Освобождение» издавался с 1902 по 1905 годы за рубежом и носил ярко выраженный радикально-либеральный характер).

Относившаяся к либерально-буржуазному направлению, близкая к кадетам петроградская газета «Современное слово» предприняла попытку защитить С. Д. Сазонова от нападков правой прессы. На страницах газеты отмечалось, что «обвинители совершенно теряют из виду историческую перспективу прошлого и забывают, что не только Россия, но и Англия искала в то время пути для примирения с Германией» [АВП РИ, ф. 140, оп. 477, д. 542, л. 106]. При всей «неизбежности» начавшейся в 1914 году войны «никто не предвидел срока ее наступления ещё восемь или шесть лет тому назад», и даже в период Балканских войн ведущие державы делали всё возможное для устранения ее «грозного призрака». Газета ставила С. Д. Сазонову в заслугу то, что он стремился к этому в числе других и это стремление не заслоняло в глазах его «очередной задачи развития союзных отношений с Францией и неуклонного сближения с Англией» [АВП РИ, ф. 140, оп. 477, д. 542, л. 106].

Газета «Современное слово» отмечала, что С. Д. Сазонов выходил «сравнительно благополучно, с достоинством» из «недоразумений» с нейтральными странами (например, со Швецией и Грецией). Имевшаяся в статье критика его деятельности относилась к вступлению Болгарии в войну на стороне Германии и Австрии. Однако причина этого виделась авторам «современки» в давней «близорукости российской дипломатии», в неправомерности политики на Балканах, которая являлась общим и унаследованным «дипломатическим грехом», от которого не смог освободиться С. Д. Сазонов, следовавший в балканской политике установившейся традиции [АВП РИ, ф. 140, оп. 477, д. 542, л. 106].

3.3. Союзники и противники Российской империи об отставке С. Д. Сазонова

Широкое освещение событий, связанных со сменой руководства внешнеполитическим ведомством в России, осуществлялось и зарубежной прессой. Созданная вскоре после начала Французской революции XVIII века газета «Journal des débats» констатировала, что все издания союзных стран воздали должное С. Д. Сазонову, но при этом не преминули одновременно выразить свое доверие Б. В. Штюрмеру. Французский орган печати в связи с происходившими событиями затронул позицию Российской империи в отношении автономии Польши, увязывая произошедшую отставку с явно приостановленными новыми попытками решения польского вопроса [Journal des débats, 1916, № 210, 28 juillet].

Румынская газета «Moldova», выходившая в Бухаресте, также определила причины нападков русской реакционной печати на С. Д. Сазонова тем, что в своей деятельности министр хотел пойти навстречу интересам польского народа, что сильно обеспокоило консервативные круги России. Новый министр иностранных дел Штюрмер сразу прекратил начатые было Сазоновым работы по рассмотрению польской конституции. Его отставка совпала с изданием министром внутренних дел специального документа по польскому вопросу: «В этом мемориале говорится, что все поляки-беженцы, находящиеся в России, придерживаются “австрийской ориентации” и, следовательно, должны рассматриваться, как изменники» [АВП РИ, ф. 140, оп. 477, д. 542, л. 98].

Немецкое издание «Forwärt» также утверждало, что отставка Сазонова явилась следствием его польского проекта, и, кроме того, отмечало наблюдаемый на тот момент в России возврат к «истинно русским путям», вследствие чего были призваны к власти Макаров и др. [Иностранная печать об отставке Сазонова..., 1916].

В своих воспоминаниях С. Д. Сазонов подтвердил, что он действительно обращался к Николаю II с предложением обнародовать в ближайшее время подготовленный им текст манифеста о даровании Польше конституции. Император, по его словам, одобрил проект, нашел своевременным, разрешив обратиться с ним в Совет министров. [Сазонов, 2002, С. 356]. Встреча С. Д. Сазонова с председателем Совета министров Б. В. Штюрмером, на которой министр иностранных дел сообщил о желании Николая II в ближайшее время обсудить вопрос о польской конституции, состоялась 30 июня 1916 года. После этого он отправился в санаторий в Финляндию. Однако Совет министров «вынес заключение, что обсуждение польского вопроса при обстоятельствах военного времени невозможно, — повествовал Д. С. Сазонов, — и поэтому признал мой проект “несвоевременным”»

[Сазонов, 2002, С. 357]. Вслед за этим 7 июля последовал рескрипт Николая II, а 9 июля — указ об отставках и новых назначениях, в числе которых было и увольнение министра иностранных дел.

Уход российского министра вызвал вполне объяснимое активное обсуждение в британской печати. Газета «The Times», кратко упомянув критические оценки деятельности С. Д. Сазонова «Новым временем», сослалась на кадетскую газету «Речь», отмечавшую, что при некоторых допущенных им ошибках Россия все же обязана теперь уже бывшему министру за его особый вклад в укрепление «международной системы, доказавшей свою силу в течение последних двух лет и являющейся теперь чистейшим залогом окончательной победы» [The Times, 1916, № 41227, 24 July].

Еще одна английская газета «Daily News and Leader» отмечала, что «ошибки союзной дипломатии на Балканах вызвали критику в его адрес (в адрес Д. С. Сазонова. — *Е. А., И. А.*) еще в начале войны, но неуклонное укрепление англо-русской Антанты как гарантии не только победы в войне, но и будущего мира в Европе перевесило его балканские просчеты в глазах его критиков» [Daily News and Leader, 1916, № 21957, 24 July]. По мнению газеты, первые два года политика вступившего в должность министра иностранных дел определялась так называемой «германской ориентацией», регламентированной знаменитым Потсдамским соглашением, однако с 1912 года, когда под эгидой России был заключен Балканский союз, его политика стала неизменно ориентированной на Антанту.

На следующий день газета дополнила свое сообщение характеристиками ушедшего и пришедшего российских министров, заявив, что Сазонов и Столыпин — «родные братья», а вот новый министр юстиции Макаров в 1906 году был помощником министра внутренних дел, возглавлял Департамент полиции и был причастен к подавлению революционного движения, а портфель министра получил после убийства Столыпина [Daily News and Leader, 1916, № 21958, 25 July].

Британская газета «The Daily Telegraph» в своей статье 24 июля 1916 года от собственного корреспондента из Петрограда сообщала об отставке С. Д. Сазонова, отмечая, что она будет воспринята с искренним сожалением, поскольку бывший министр был чрезвычайно профессиональным политиком: «Его карьера — это то, на что его страна, а также Великобритания и Франция могут оглянуться с чувством глубокого удовлетворения, ведь нет государственного деятеля, который бы более ревностно поддерживал Тройственную Антанту, и мы с удовольствием обнаружили, что и по личным качествам, и по политике он — настоящий “англофил”» [The Daily Telegraph, 1916, № 19121, 24 July].

Британская газета также затрагивала вопрос о Потсдамском соглашении, отмечая, что некоторое время назад критики деятельности С. Д. Сазонова уже поднимали вопрос о том, что он не добился заметного успеха в этом деле, однако в случае с Персией именно ему принадлежала заслуга в урегулировании спорных вопросов между Россией и Великобританией. «Не лишним будет сказать, что его авторитет и влияние сыграли важную роль в укреплении дружбы между Петроградом и Лондоном, которая принесла много плодотворных результатов в нынешней войне» [The Daily Telegraph, 1916, № 19121, 24 July].

На следующий день «The Daily Telegraph» воспроизвела на своих страницах публикацию из шведской газеты «Dagens Nyheter», отмечавшей, что вряд ли отставка С. Д. Сазонова была связана с победой мирных тенденций в российских кругах. «Германия, тоскливо ищущая каждый знак мира, непременно выдвинет это объяснение, но на самом деле Россия, как мы полагаем, с начала войны никогда не была так далека от мирных планов, как сейчас» [The Daily Telegraph, 1916, № 19122, 25 July].

Британская «Daily Chronicle» отмечала, что на время, когда С. Д. Сазонов управлял министерством, пришли Агадирский кризис и Балканские войны. Агадирский кризис представлял собой резкое обострение международных отношений накануне Первой мировой войны из-за конфликта между Францией и Германией по вопросу о контроле над султанатом Марокко, шире — на Африканском континенте. Кризис вызвал волну противостояний в Европе. В Германии тогда звучали открытые враждебные высказывания в адрес Франции и Англии, новый французский премьер Пуанкаре открыто заявлял о необходимости возвращения Эльзаса и Лотарингии, в Англии ширилась антигерманская пропаганда.

По мнению английской газеты, подтвержденному опубликованными официальными документами, С. Д. Сазонов занимал наиболее взвешенную позицию и пользовался высоким авторитетом. По воспоминаниям самого российского министра, «русская дипломатия использовала наступившее после потсдамского свидания заметное улучшение своих отношений с Германией, чтобы воздействовать умеряющим образом на берлинские настроения» [Сазонов, 2002].

Лондонская газета «The Morning Post» привела на своих страницах оценку деятельности С. Д. Сазонова, появившейся во Франции, Италии и Германии: «Сазонов был одним из строителей “четверной Антанты” и отдавал все свои способности и всю свою энергию реализации проектов императора» [The Morning Post, 1916, № 44987, 25 July]. Газета отмечала, что Франция выражает благодарность бывшему министру за то, что он оценил значение соглашения с Англией и сближения с Италией. С. Д. Сазонов так-

же приложил все возможные усилия к мирному урегулированию конфликта, вылившегося в мировую войну, и *помог России избежать ответственности за ее развязывание* (курсив наш. — *Е. А., И. А.*). Французская печать одновременно высоко оценивала деятельность и острый ум сменявшего его на посту министра внутренних дел Штюрмера.

С пристальным вниманием к событиям в России отнеслась Румыния. Начало войны застало ее в союзе с Германией, но румынское правительство не выполнило своих союзных обязательств и в войну не вступило, изменив свою политику в пользу Антанты. Вероятно, в том числе сказались усилия Осведомительного отдела при российском Министерстве иностранных дел, через который в начале 1916 года на выдачу субсидий органам печати в Румынии была единовременно выделена очень существенная сумма в 100 тыс. руб. [АВП РИ, ф. 140, оп. 477, д. 804, л. 2 об.]. Российская газета «Утро России» отмечала, что «общее напряжение охватило Румынию, отставка С. Д. Сазонова лишь ещё больше усилила его, доведя пульс политической жизни в Бухаресте до лихорадочной горячности» [Волков Евгений, 1916].

В российском Министерстве иностранных дел сделали для себя заметки из румынской печати, выделив основное содержание публикаций, отличавшихся определенной оригинальностью. С румынской точки зрения, отставка Сазонова представлялась событием положительным, поскольку своими «культурными мерами» министр мог только усилить могущество и влияние России: «Преемники Сазонова, типичные русские реакционеры, ослеплённые желанием усилить верховную власть, будут идти напролом и, конечно, не доведут Россию до добра. Русские демократы распрощаются со своими иллюзиями, и в России опять станет неспокойно. Всякие же волнения в России, ослабляющие могущество нашего северного соседа, не могут не рассматриваться в Румынии как явления желательные и весьма благоприятные для существования сильной и независимой Румынии» [АВП РИ, ф. 140, оп. 477, д. 542, л. 99].

Нельзя не остановиться на оценках проблем, связанных с отставкой С. Д. Сазонова, содержащихся в немецкой и австрийской печати. Примечательно, что в своей основе эти публикации отражали мнения, схожие с оценками российской правой прессы, но с определенным креном в сторону интересов Тройственного союза. Во-первых, Германия высказывала удовлетворение по поводу совмещения Б. В. Штюрмером должности министра иностранных дел. Английская газета «The Morning Post» привела ссылку на материал немецкой газеты «Kölnische Zeitung» по поводу ухода в отставку С. Д. Сазонова: «В настоящее время у немцев нет причин сожалеть об этой перемене» [The Morning Post, 1916, № 44987, 25 July]. Немецкая газета при этом добавляла цитату из опубликованной некоторо

время назад статьи, в которой утверждалось, что Штюмер не отличался воинственностью, что было на руку Германии, то есть оставляло надежды на близкие переговоры о мире.

Во-вторых, та же газета из Кёльна пыталась представить Штюмера в качестве более независимого по отношению «к демагогическим властелинам Лондона», ему приписывалось «здоровое недоверие» к Японии и Франции. Сазонов же, по убеждению газеты, «шел на буксире» английских дипломатов, показал себя «ненавистником Германии» и никогда Сазонов не снимет с себя ответственность за войну! [АВП РИ, ф. 140, оп. 477, д. 542, л. 74]. Солидарен с этой оценкой был венский «Fremdenblatt», отмечавший, что уход Сазонова с политической арены может вызвать в Вене лишь чувство удовлетворения, поскольку в его лице со сцены уходит один из главных виновников войны [АВП РИ, ф. 140, оп. 477, д. 542, л. 74]. Венская «Reichs Post» прогнозировала: «Замена Сазонова Штюмером не обозначает резкой перемены во внешней политике России, но всё-таки Штюмер более свободен в отношении лондонской *Даунинг-стрит*, чем его предшественник» [АВП РИ, ф. 140, оп. 477, д. 542, л. 74].

Рассмотренный эпизод внешнеполитической и внутривнутриполитической истории завершился назначением С. Д. Сазонова послом в Лондон. «The Times» сообщила о том, что 2 августа 1916 года британский посол сэра Джордж Бьюкенен и леди Бьюкенен вернулись в Петроград после недельного пребывания в Финляндии, во время которого бывшему министру иностранных дел Российской империи был вручен «Большой банный крест» (британский рыцарский крест), которым король Георг наградил С. Д. Сазонова, единственного среди россиян удостоенного этой награды [The Times, 1916, № 41236, 3 August]. Новые назначения в Совет министров обеспечили преобладание в его составе представителей одного и того же политического направления: Б. В. Штюмер, граф А. А. Бобринский, А. Ф. Трепов, А. А. Хвостов, А. А. Макаров составили в Государственном совете сплочённую группу, определявшую дальнейшую судьбу России.

4. Заключение = Conclusions

Концепцию общественной (публичной) сферы (нем. *die Öffentlichkeit*) [Хабермас, 2016] чаще всего используют в рамках исследований средств массовой информации, которым отводится важная роль в продвижении многообразия политических и корпоративных мнений и оценок, касающихся общей государственной политики и конкретной ситуации, требовавшей общественного участия.

В условиях Первой мировой войны режим публичности в первую очередь определялся актуальными сведениями о действиях вооружённых сил

воевавших государств, однако это не исключало возникновения ситуаций, которые выходили за рамки обусловленного этим информационного пространства. В статье рассматривается один из таких эпизодов, заставивший если не забыть на время о происходившем на фронте, то по крайней мере отодвинуть эти события на задний информационный план. Речь идет об отставке министра иностранных дел С. Д. Сазонова, оценка которой в печати практически превратилась в дискуссию о дальнейших путях развития страны в военное и будущее мирное время.

По мнению авторов, им удалось на основе многочисленных примеров доказать тезис о том, что одним из важных гарантов воплощения в жизнь обязательств, принятых странами по отношению друг другу, выступала не только верховная власть, но и различные влиятельные государственные деятели. Пренебрежение этим пониманием разрушало прежний и создавало новый режим публичности, превращая периодическую печать в средство демонстрации различных подходов к внешнеполитическим вызовам.

Развернувшаяся вокруг отставки дискуссия позволила оценить отношение различных стран к сотрудничеству с Россией в военной сфере, наглядно продемонстрировала позиции несхожих по своим взглядам политических сил внутри страны. Спрятанные за запретами военной цензуры, они оказались в данном случае на поверхности, предстали практически во всей своей полноте.

Например, проявилось, что позиция правых сил в рассматриваемом вопросе оказалась близка высказываниям противников России (Германии и Австрии), а также тех, для кого было выгодным ослабление российских внешнеполитических позиций (Румыния). Официально провозглашенные оценки, данные Николаем II в отношении деятельности С. Д. Сазонова, как стало известно, приближались к мнениям представителей оппозиционных правительству сил.

Итак, в июле 1916 года в периодической печати оказались представленными конкурирующие голоса разных политических сил в связи с отставкой министра С. Д. Сазонова, и публичная демонстрация различных позиций сторон в сложившейся тогда ситуации уникальна тем, что позволяет современным исследователям оценить общественную сферу в качестве независимой и влиятельной политической силы.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.
---	---

Источники и принятые сокращения

1. АВП РИ — *Архив* внешней политики Российской империи. Ф. 140. Оп. 477. Д. 542 ; Ф. 140. Оп. 477. Д. 804.
2. *Актив* и пассив С. Д. Сазонова // *Московские ведомости*. — 1916. — № 161. — 13 июля.
3. *Внешняя* и внутренняя политика // *День*. — 1916. — № 190. — 13 июля.
4. *Волков* Евгений. Отставка Сазонова и Румыния (от нашего бухарестского корреспондента) // *Утро России*. — 1916. — № 212. — 31 июля.
5. *Иностранная* печать об отставке Сазонова // *Речь*. — 1916. — № 200. — 23 июля.
6. *К уходу* С. Д. Сазонова // *Свет*. — 1916. — № 181. — 12 июля.
7. *Колокол*. — 1916. — № 3044. — 12 июля.
8. *Неудачная* защита // *Земщина*. — 1916. — № 2412. — 14 июля.
9. *От потсдамских* бесед до наших дней // *Новое время*. — 1916. — № 14498. — 17 июля.
10. *Падение* Д. С. (инициалы перепутаны в самой газете) Сазонова // *Земщина*. — 1916. — № 2410. — 12 июля.
11. *Перемены* // *Русское слово*. — 1916. — № 160. — 12 июля.
12. *Перемены* в составе правительства // *Колокол*. — 1916. — № 3044. — 12 июля.
13. РГИА — *Российский* государственный исторический архив. Ф. 778. Оп. 2. Д. 486. Л. 9.
14. *Русское* Знамя. — 1916. — № 154. — 14 июля.
15. *Сазонов* С. Д. Воспоминания / С. Д. Сазонов. — Минск : Харвест, 2002. — 367 с. — ISBN 985-13-1059-X.
16. *Утро* России. — 1916. — № 193. — 12 июля ; № 212. — 31 июля.
17. *G. C. B. for M. Sazonoff* // *The Times*. — 1916. — № 41236. — 3 August.
18. *La retraite* de Sazonof // *Journal des débats*. — 1916. — № 210. — 28 juillet.
19. *M. Sazonoff* leaves foreign office. Tsar's regrets // *Daily News and Leader*. — 1916. — № 21957. — 24 July.
20. *M. Sazonoff* resigns. Emperor's message of appreciation // *The Morning Post*. — 1916. — № 44987. — 25 July.
21. *M. Sazonoff* resigns. From our special correspondent // *The Daily Telegraph*. — 1916. — № 19121. — 24 July.
22. *M. Sazonoff* resigns. Premier as foreign minister. The Tsar's thanks // *The Times*. — 1916. — № 41227. — 24 July.
23. *M. Sazonoff* retirement. From our own correspondent // *The Daily Telegraph*. — 1916. — № 19122. — 25 July.
24. *Sazonoff* retires. Tsar's regret at losing his able foreign minister // *Daily News and Leader*. — 1916. — № 21958. — 25 July.

Литература

1. *Алферова* И. В. Периодическая печать как инструмент публичной дипломатии в процессе интеграции стран Согласия в годы Первой мировой войны / И. В. Алферова, В. Ф. Блохин, Н. Б. Аюева, М. А. Бондарев // *Былые годы*. — 2023. — № 18 (3). — С. 1502—1511. — DOI: 10.13187/bg.2023.3.1502.
2. *Антюхова* Е. А. Отдел печати и осведомления Министерства иностранных дел Российской империи как инструмент публичной дипломатии внешнеполитического

ведомства / Е. А. Антохова // Вестник Брянского государственного университета. — 2023. — № 3 (57). — С. 7—12.

3. Антохова Е. А. «Публичная дипломатия» и конструирование внешнеполитических стереотипов в российской и британской печати во второй половине XIX в. / Е. А. Антохова, В. Ф. Блохин, С. И. Косарев // Былые годы. — 2019. — № 54 (4). — С. 1632—1638.

4. Богомолов И. К. Письмо Н. И. Левитского А. И. Лысаковскому о представителях МИД в Петроградской военно-цензурной комиссии. 1916 г. / И. К. Богомолов // Вестник архивиста. — 2021. — № 2. — С. 581—592. — DOI: 10.28995/2073-0101-2021-2-581-592.

5. Евгеньев-Максимов В. Из прошлого русской журналистики / В. Евгеньев-Максимов, Д. Максимов. — Ленинград : Изд-во писателей в Ленинграде, 1930. — 302 с.

6. Жданова И. А. «Век пропаганды» : управление информацией в условиях войны и революции в России в марте-октябре 1917 года / И. А. Жданова // Отечественная история. — 2008. — № 3. — С. 126—142.

7. Кострикова Е. Г. Русская пресса и дипломатия накануне Первой мировой войны, 1907 — 1914 / Е. Г. Кострикова. — Москва : РАН Институт российской истории, 1997а. — 176 с. — ISBN 5-201-00604-3.

8. Кострикова Е. Г. «Мост через пропасть» : Отдел печати МИД и русская пресса в начале XX века / Е. Г. Кострикова // Российская история. — 2010б. — № 5. — С. 183—193.

9. Кострикова Е. Г. Россия на пороге информационных войн. Политика российского правительства в сфере СМИ в начале XX века / Е. Г. Кострикова. — Санкт-Петербург : Издательство Петроглиф, 2020в. — 352 с. — ISBN 978-5-8055-0382-6.

10. Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы : исследования относительно категории буржуазного общества. — Москва : Весь Мир, 2016. — 342 с. — ISBN 978-5-7777-0627-0.

Статья поступила в редакцию 24.07.2024,
одобрена после рецензирования 25.10.2024,
подготовлена к публикации 05.11.2024.

Material resources

- Asset and liability of S. D. Sazonov. (1916). *Moscow Vedosti*, 161. July 13. (In Russ.).
AVP RI — *Archive of the foreign policy of the Russian Empire*. F. 140. Op. 477. D. 542;
F. 140. Op. 477. D. 804. (In Russ.).
Changes in the composition of the government. (1916). *Kolokol*, 3044. 12 July. (In Russ.).
Changes. (1916). *Russian word*, 160. July 12. (In Russ.).
Evgeny Volkov. Sazonov's resignation and Romania (from our Bucharest correspondent).
(1916). *Morning of Russia*, 212. July 31. (In Russ.).
Foreign and domestic policy. (1916). *Day*, 190. July 13. (In Russ.).
From the Potsdam talks to the present day. (1916). *Novoe vremya*, 14498. July 17. (In Russ.).
G. C. B. for M. Sazonoff. (1916). *The Times*, 41236. 3 August.
La retraite de Sazonof. (1916). *Journal des débats*, 210. 28 juillet. (In Frenc.).
M. Sazonoff leaves foreign office. Tsar's regrets. (1916). *Daily News and Leader*, 21957.
24 July.
M. Sazonoff resigns. Emperor's message of appreciation. (1916). *The Morning Post*, 44987.
25 July.

- M. Sazonoff resigns. From our special correspondent. (1916). *The Daily Telegraph*, 19121. 24 July.
- M. Sazonoff resigns. Premier as foreign minister. The Tsar's thanks. (1916). *The Times*, 41227. 24 July.
- M. Sazonoff retirement. From our own correspondent. (1916). *The Daily Telegraph*, 19122. 25 July.
- Morning of Russia, 193, 212. (1916). *July 12*, 31. (In Russ.).
- RGIA — *Russian State Historical Archive*. F. 778. Op. 2. D. 486. L. 9. (In Russ.).
- Russian Banner, 154. (1916). *July 14*. (In Russ.).
- Sazonoff retires. Tsar's regret at losing his able foreign minister. (1916). *Daily News and Leader*, 21958. 25 July.
- Sazonov, S. D. (2002). *Memoirs*. Minsk: Harvest. 367 p. ISBN 985-13-1059-X. (In Russ.).
- The Bell, 3044. (1916). *12 July*. (In Russ.).
- The fall of D. S. (initials are mixed up in the newspaper itself) Sazonova. (1916). *Zemshchyna*, 2410. *July 12*. (In Russ.).
- The foreign press on Sazonov's resignation. (1916). *Speech*, 200. *July 23*. (In Russ.).
- To the care of S. D. Sazonov. (1916). *Light*, 181. *12 July*. (In Russ.).
- Unsuccessful defense. (1916). *Zemshchyna*, 2412. *July 14*. (In Russ.).

References

- Alferova, I. V., Blokhin, V. F., Akoeva, N. B., Bondarev, M. A. (2023). Periodical press as an instrument of public diplomacy in the process of integration of the countries of Accord during the First World War. *Bygone years*, 18 (3): 1502—1511. DOI: 10.13187/bg.2023.3.1502. (In Russ.).
- Antyukhova, E. A. (2023). Department of Press and Information of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Empire as an instrument of public diplomacy of the Foreign Ministry. *Bulletin of the Bryansk State University*, 3 (57): 7—12. (In Russ.).
- Antyukhova, E. A., Blokhin, V. F., Kosarev, S. I. (2019). “Public diplomacy”: and the construction of foreign policy stereotypes in the Russian and British press in the second half of the XIX century. *Bygone years*, 54 (4): 1632—1638. (In Russ.).
- Bogomolov, I. K. (2021). Letter from N. I. Levitsky to A. I. Lysakovskiy about representatives of the Ministry of Foreign Affairs in the Petrograd Military Censorship Commission. 1916. *Bulletin of the archivist*, 2: 581—592. DOI: 10.28995/2073-0101-2021-2-581-592. (In Russ.).
- Evgeniev-Maximov, V. (1930). *From the past of Russian journalism*. Leningrad: Publishing House of Writers in Leningrad. 302 p. (In Russ.).
- Habermas, Yu. (2016). *Structural change in the public sphere: research on the category of bourgeois society*. Moscow: The Whole World. 342 p. ISBN 978-5-7777-0627-0. (In Russ.).
- Kostrikova, E. G. (1997a). *Russian press and diplomacy on the eve of the First World War, 1907—1914*. Moscow: RAS Institute of Russian History. 176 p. ISBN 5-201-00604-3. (In Russ.).
- Kostrikova, E. G. (2010b). “Bridge over the abyss”: The Press Department of the Ministry of Foreign Affairs and the Russian press at the beginning of the XX century. *Russian history*, 5: 183—193. (In Russ.).
- Kostrikova, E. G. (2020). *Russia on the threshold of information wars. The policy of the Russian government in the field of mass media at the beginning of the XX century*.

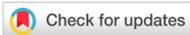
St. Petersburg: Petroglyph Publishing House. 352 p. ISBN 978-5-8055-0382-6.
(In Russ.).

Zhdanova, I. A. “The Age of propaganda”: information management in conditions of war and revolution in Russia in March-October 1917. *Russian history*, 3: 126—142. (In Russ.).

*The article was submitted 24.07.2024;
approved after reviewing 25.10.2024;
accepted for publication 05.11.2024.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(9), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Ахмадуллин В. В. Эволюция системы начального и среднего образования в Саудовском государстве (начало XX — XXI век) / В. В. Ахмадуллин // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 9. — С. 341—354. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-9-341-354.

Akhmadullin, V. V. (2024). Evolution of Primary and Secondary Education System in Kingdom of Saudi Arabia (Early 20th Century — 21st Century). *Nauchnyi dialog*, 13 (9): 341-354. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-9-341-354. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Эволюция системы начального и среднего образования в Саудовском государстве (начало XX — XXI век)

Ахмадуллин Вячеслав Вячеславович

orcid.org/0009-0004-4045-6616

кандидат политических наук,

научный сотрудник

Центра арабских

и исламских исследований

vyacheslav.akhmadullin@yahoo.com

Институт востоковедения
Российской академии наук
(Москва, Россия)

Evolution of Primary and Secondary Education System in Kingdom of Saudi Arabia (Early 20th Century — 21st Century)

Vyacheslav V. Akhmadullin

orcid.org/0009-0004-4045-6616

PhD in Political Science,

research scientist,

Center for Arab

and Islamic Studies

vyacheslav.akhmadullin@yahoo.com

Institute of Oriental Studies
of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается история развития и становления системы школьного образования Саудовского государства. Актуальность исследования обусловлена сменой приоритетов Российской Федерации во внешней политике — активном поиске партнеров на Ближнем Востоке, где Королевство Саудовская Аравия традиционно играет важную роль. Отмечается, что оба государства предпринимают усилия по сближению своих образовательных систем вплоть до подготовки правительственных решений о взаимном признании образовательных документов. Охарактеризована роль руководства саудовского государства в стимулировании образовательной активности различных категорий саудовского общества, в том числе действия, направленные на обеспечение равного доступа женщин, малоимущих слоев населения, людей с ограниченными возможностями. В работе уделено внимание влиянию духовенства на развитие образования и слом стереотипов, прежде всего в отношении образования лиц женского пола, а также сохранения саудовской идентичности в условиях, когда дети обучаются за пределами страны в саудовских школах. На основе анализа взаимодействия образовательных систем Российской Федерации и Королевства Саудовская Аравия автор показывает новейшие достижения саудовских школьников на международном уровне.

Ключевые слова:

Королевство Саудовская Аравия; история образования; Direktorat знаний; Министерство знаний; Министерство образования.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study examines the historical development and establishment of the school education system in the Kingdom of Saudi Arabia. The relevance of this research is underscored by the shifting priorities of the Russian Federation in its foreign policy—actively seeking partners in the Middle East, where the Kingdom of Saudi Arabia has traditionally played a significant role. It is noted that both nations are making efforts to align their educational systems, including the preparation of governmental resolutions for mutual recognition of educational credentials. The role of the Saudi leadership in promoting educational engagement among various segments of Saudi society is characterized, particularly initiatives aimed at ensuring equal access for women, low-income populations, and individuals with disabilities. The paper also addresses the influence of religious authorities on educational development and the dismantling of stereotypes, especially concerning female education, as well as the preservation of Saudi identity when children are educated abroad in Saudi schools. Through an analysis of the interaction between the educational systems of the Russian Federation and the Kingdom of Saudi Arabia, the author highlights the recent achievements of Saudi students on an international scale.

Key words:

Kingdom of Saudi Arabia; history of education; Directorate of Knowledge; Ministry of Knowledge; Ministry of Education.

УДК 94:37(532)“191/202”

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-9-341-354

Научная специальность ВАК
5.6.2. Всеобщая история

Эволюция системы начального и среднего образования в Саудовском государстве (начало XX — XXI век)

© Ахмадуллин В. В., 2024

1. Введение = Introduction

СССР был первым государством, признавшим Хиджаз, Неджд и присоединенные области — будущее Королевство Саудовская Аравия (КСА). Это произошло 16 февраля 1926 года. Законодательной базой для становления и развития системы образования стала Конституция Хиджаза, обнародованная королевским Указом от 29 августа 1926 года в соответствии со статьей 9, на государство возлагалось шесть сфер ответственности: шариат, внутренние дела, международные дела, финансовые дела, образование и военные дела. Общие черты и направления развития образования были указаны в статьях 23—25. В соответствии с ними народное образование включало распространение науки, образования и искусств, открытие библиотек, школ и институтов. Особый акцент делался на учет принципов ислама. Государство гарантировало бесплатное начальное образование по всей территории [Majmueat, 1926, p. 195]. Надо отдать должное авторам Конституции, они учли особенности развития своего государства и поэтому в статье 25 указали, что закон о народном образовании будет издан и затем в течение некоторого периода он будет вступать в силу постепенно [Majmueat, 1926, p. 199].

В 1926 году для управления системой образования в соответствии со статьей 24 был создан Директорат знаний, подчиняющийся Канцелярии Вице-короля. С точки зрения Министерства образования Королевства Саудовская Аравия, создание этого органа стало рождением системы образования в новом государстве [Nash'at alwizarat].

С 1920-х годов небольшое количество частных учреждений предлагали ограниченное светское образование для мальчиков. Только в 1951 году начала создаваться широкая система государственных средних школ. Первые десятилетия становления системы образования в КСА характеризуются в первую очередь его развитием через религиозные школы — куттабы. Обучение в них было сопряжено с особенностями саудовского социума. Во-первых, в куттабах основным было исламское образование, при этом

внимание уделялось изучению литературы и минимальное время отводилось на преподавание светских предметов. Во-вторых, занятия в куттабах теоретически были открыты для девочек, на практике образование в них получали преимущественно мальчики. В-третьих, сыновья элиты, в том числе королевской семьи, получали образование в домашних условиях. При этом подходы в таком обучении были такими же, как в куттабах [Saudi Arabia, 1975, p. 2—3].

Король демонстрировал решительность в вопросе подготовке кадров и заполнения ими ключевых должностей в государстве. Так, например, в состав созданного в 1928 году Законодательного совета Королевства, согласно пункту 3, должны были входить только образованные поданные [Majmueat, 1926, p. 361]. Показательно выглядят и данные по расходам в 1931 году, в нем на образование было выделено 1,6 % бюджета [Ibid., p. 263]. В 1932 году, с созданием Королевства Саудовская Аравия, полномочия Директората знаний расширились. В его ведении теперь оказались уже не четыре, а 323 школы [Nash'at alwizarat].

Итак, образование в Саудовской Аравии служило одной цели: привить молодому поколению традиционные ценности предков, в основе своей исламские. Уникальность Саудовской Аравии заключается в том, что эта система, в своих основных элементах, существовала, несмотря на влияние Запада, до середины XX века.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Для объективного анализа заявленной темы мы привлекли широкий круг источников, представленных на арабском и английском языках. Наиболее интересными из них являются документы, представленные на официальных сайтах Министерства образования КСА, посольства КСА в США, библиотеки имени короля Сауда, валютного агентства КСА, саудовских образовательных учреждений, а также рассекреченные документы Британской дипломатической миссии и материалы библиотеки конгресса США.

В ходе проведения исследования автор обратился к работам российских и зарубежных исследователей, которые изучали проблемы становления системы образования в Хиджазе, Недже и на присоединенных территориях, а также в Королевстве Саудовская Аравия в различные периоды. Она анализировалась в таких работах, как [Ахтамзян, 2020; Глазунов и др., 2019; Кхтани, 2012; Сулейманова, 2021; Сулейманова, 2022; Успенская, 2014; Хачатурян, 2021; Shaker, 1972; Alhajri, 2020; Albalawi, 2007]. Эти исследователи смогли показать, как проходила ликвидация безграмотности, охарактеризовали влияние успешности саудовского образования на индекс

развития человека, место саудовского высшего образования в международных рейтингах, деятельность в КСА зарубежных школ. Наибольший вклад в изучение системы образования Королевства внес отечественный специалист Г. Г. Косач, на протяжении многих лет изучавший различные аспекты жизни саудовского государства, прежде всего через анализ документов: указов короля, решений правительства КСА, официальных документов саудовского министерства высшего образования, — а также за счет личного общения со многими влиятельными лицами Саудовской Аравии [Косач, 2010; Косач, 2017; Косач, 2019].

В рамках исследования автор опирался на проблемно-хронологический метод, что дало возможность проанализировать эволюцию системы образования и показать, в каких условиях проходил ее качественный и количественный рост.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Масштабное строительство системы среднего образования

К 1945 году король Абд ал-‘Азиз ибн Абд ал-‘Рахман Ал Сауд, основатель государства, начал масштабную программу по созданию школ в королевстве. По мнению первой саудовской женщины с докторской степенью Фатины Шакир, «прогресс образования... был очень медленным на всех уровнях образования. В 1948 году было всего 182 начальные школы с 21 409 учениками. К 1952 году действовала 301 школа с общим числом 39 920 учеников. В 1962 году оценка ЮНЕСКО процента неграмотных в Саудовской Аравии в возрасте 15 лет и старше составляла 98 %» [Fatima Shaker, 1972, p. 99]. Эти данные вполне коррелируют с информацией, предоставляемой официальными властями КСА, заявляющими о наличии в 1951 году 226 школ и 29887 учеников.

В 1953 году, во время правления короля Сауда бин Абд ал-‘Азиз Ал Сауда, на базе Директората знаний было создано Министерство знаний. Новую структуру возглавил сам король. Создание Министерства стало качественным скачком в образовании. В его обязанности входило планирование и контроль общего образования для мальчиков [Nash’at alwizarat].

Дисбаланс в подходе к образованию мальчиков и девочек беспокоил короля и часть элиты саудовского общества. Поэтому в 1959 году в системе образования КСА произошло значительное качественное изменение, последствия которого самым благотворным образом сказываются на Королевстве и сегодня. В КСА 23 октября 1959 года был создан Генеральный директорат образования девочек, который был отделен от Министерства образования. В его юрисдикцию вошли 15 школ и одно педучреждение. После пожара в женской школе в Мекке 25 марта 2002 года Генеральный

директорат образования девочек был передан в состав Министерства знаний [Damj alriyasat, 2002].

Несмотря на своё название, Генеральный директорат образования девочек курировал общее образование девочек, детские сады и ясли как для мальчиков, так и для девочек, программы обучения грамоте женщин, а также педагогические колледжи и младшие колледжи для девочек [Saudi Arabia: A Country Study, 1992, p. 97; Alhajri, 2020, p. 23].

Под эгидой наследного принца Фейсала и его жены Иффат в 1960 году началось государственное финансирование образования девочек. Но первоначально открытие школ для девочек встретило сильное сопротивление в некоторых частях королевства, где нерелигиозное образование девочек считалось не только бесполезным, но даже опасным. Такая позиция значительной части населения нашла свое отражение в соотношении мальчиков и девочек в начальной школе: в 1960 году было зачислено 22 % мальчиков и 2 % девочек из числа тех, кто должен был пойти в школу. Однако для умиротворения консерваторов был достигнут компромисс: женское образование было оставлено на усмотрение мужчин-опекунов и передано под надзор религиозных ученых и находящегося под их влиянием Генерального директората образования девочек. В течение нескольких лет общественное восприятие ценности образования для девочек радикально изменилось, и население в целом стало оказывать значительную поддержку признанию важности преодоления гендерных ограничений в образовании [Alriyasat aleamat]. Но первая государственная школа для девочек была открыта только в 1962 году [Tmkyn almar'ati, 2019, p. 13].

В 1981 году в школах обучалось 81 % мальчиков и 43 % девочек из числа тех, кто должен был пойти в школу. В 1989 году число девочек, зачисленных в государственную школьную систему, было близко к числу мальчиков: почти 1,2 млн девочек из 2,6 млн учащихся, или 44 %. Тем не менее процесс всеобщего детского образования тормозился весьма веской причиной: посещение школы не было обязательным ни для мальчиков, ни для девочек [Saudi Arabian Monetary Agency, 1991, p. 119—121].

Население приняло изменения и начало отправлять своих дочерей в школу, немаловажным в этом процессе стали меры правительства поощрению семей, которые принимали решение разрешить своим дочерям ходить в школу. С тех пор девочки имели равный доступ к начальному и среднему образованию.

К концу 1990-х годов школы для девочек были открыты во всех провинциях королевства. Это дало положительный результат: в 1990—1991 годах девушки составили более половины из почти 6 млн учащихся школ и университетов. В это время официальной политикой был определен ориентир

женского образования с учетом официальной — исламской — идеологии государства: «Цель образования девочки — воспитать ее надлежащим исламским образом, чтобы она могла выполнять свой долг в жизни, быть идеальной и успешной домохозяйкой и хорошей матерью, готовой делать то, что соответствует ее природе, например, преподавать, ухаживать за больными и лечить». Политика также признавала «право женщин на получение подходящего образования на равных основаниях с мужчинами в свете исламских законов». На практике образовательные возможности для девочек на довузовском уровне были почти идентичны возможностям для мальчиков. Единственным исключением было то, что на всех уровнях довузовского образования мальчики осваивали физкультуру, а только девочки — домоводство. Ситуация со школьным образованием усугублялась тем фактом, что женщины значительно более преуспевали в учебе по сравнению с мужчинами. В итоге количество женщин-выпускниц превысило число мужчин, хотя девочек, поступивших в школу, было значительно меньше мальчиков. Количество выпускниц средних школ увеличилось более чем в десять раз за короткий период. Например, в 1975 году их было лишь 1674, а в 1988 году стало 18 211 человек [Saudi Arabia: A Country Study, 1992, p. 98].

В 1979 году радиоканалы Саудовской Аравии транслировали образовательные программы при поддержке Министерства высшего образования и Министерства образования. Хотя эти радиoprogramмы не являются официальными программами дистанционного обучения, они были разработаны для оказания помощи в традиционной системе обучения. В 1985 году Саудовская Аравия и другие арабские страны запустили два спутника связи под названием ArabSat [Albalawi, 2007, p. 23—24]. Они и сегодня активно используются в вопросах образования.

В административном отношении большинство учебных заведений в королевстве курировалось двумя организациями. В круг компетенций Министерства образования входили такие вопросы, как образование мальчиков, реализация специальных образовательных программ для инвалидов, образование взрослых, организация деятельности младших колледжей для мужчин. Образованием девочек, как уже отмечалось, руководил Генеральный директорат образования девочек, организация, подконтрольная улемам, работающая в тесном сотрудничестве с Министерством образования.

Практически в самом начале складывания системы образования руководство государства принимало меры, чтобы обеспечить подготовку учащихся к практической жизни и работе. Поэтому делались усилия по одновременному удовлетворению религиозных, социальных и экономических потребностей подданных, что способствовало усилению королевства, росту его авторитета среди подданных и зарубежных государств.

Из-за дефицита саудовских педагогов руководство КСА в 1970-е годы приглашало таких специалистов из заграницы, прежде всего из Египта [Сулейманова, 2022, с. 209]. Система образования пережила огромный рост в 1970-х и 1980-х годах, но, как и ранее, посещение школы не было обязательным для учащихся. Женщины составляли около 44 % от общего числа учащихся государственных школ, исчислявшихся 2,6 миллионами человек в 1989 году [Saudi Arabia: A Country Study, 1992, p. xiv].

В современной Саудовской Аравии структура общего образования во многом схожа с системами некоторых соседей по региону, например Египта. Такое образование включает в себя несколько уровней: детский сад и школу. В ней дети учатся 12 лет: 6 лет в начальной школе, 3 года в средней и 3 года в старшей школе [Altaelim].

После средней школы учащиеся могут выбрать, посещать ли им среднюю школу с программами по коммерции, искусству и наукам или профессионально-техническое училище. В старшей школе учащиеся дважды в год сдают комплексные экзамены, которые контролирует Министерство образования [Al'adilat, p. 8].

3.2. Школьное образование саудовских подданных за пределами Королевства, забота о людях с ограниченными возможностями и ликвидация неграмотности среди взрослых

Особого анализа заслуживает тема обучения саудовских детей, которые живут за пределами Саудовской Аравии. Королевство пошло по пути создания для них целого ряда школ не только для обучения своих подданных, но и для сохранения ими арабской и саудовской идентичности. Например, три таких крупных учебных заведения расположены в США, Великобритании и Германии. В них обучаются дети от детского сада до 12-го класса. Они осваивают общеобразовательные предметы, включая и естественные науки, и обязательно арабский язык. Им преподают ислам, а также искусство. С целью соблюдения и поддержки единых стандартов директора этих зарубежных школ регулярно встречаются для обсуждения учебных программ и возникающих проблем [Education].

Например, примерно в 30 км от Вашингтона в г. Херндоне расположена Академия короля Абдаллаха. Она была открыта в 2016 году вместо Исламской академии Саудовской Аравии (ISA), основанной в 1984 году. В академии изучают ислам и арабский язык. Реализуется американская учебная программа для детей в возрасте от 5 до 18 лет. Как и в КСА, школьники обучаются по системе 12 классов. Академию посещают и дети дошкольного возраста. Девочки и мальчики обучаются совместно с детского сада и в начальной школе (с детского сада по 6 класс включительно), ученики и ученицы средней (7—9 классы) и старшей школы

(10—12 классы) разделены по классам по гендерному признаку [King Abdullah Academy].

Интересен опыт КСА в подготовке к жизни, интеграции в общество людей с ограниченными возможностями. На основе органичного сочетания исламской традиции и общемировых тенденций Министерство образования проводит образовательную политику в отношении этой категории лиц через находящийся в его структуре Департамент специального образования. Он устанавливает стандарты и контролирует образование в школах для слепых, глухонемых, лиц с другими физическими проблемами, а также с умственными недостатками. Эти специальные школы являются частью усилий королевства, направленных на то, чтобы помочь каждому человеку полностью раскрыть свой потенциал. Позиция саудовского государства в отношении граждан с ограниченными возможностями ясно дана в руководящих документах. Например, в «Видение 2030» заявлено, что государство предоставит возможность таким подданным получить образование и работу, которые обеспечат их независимость и интеграцию в качестве эффективных членов общества [Ruyat almamlakati, p. 37]. В «Законо о социальном обеспечении инвалидов», принятом Постановлением Кабинета министров № 224 от 11 декабря 2000 года и Указом короля № 37 от 19 декабря 2000 года, заявлено, что государство обязано предоставлять образовательные и педагогические услуги на всех этапах (дошкольное образование, общее образование, высшее образование и т. д.) людям с ограниченными возможностями, а также содействовать их зачислению в учебные заведения [Nizam rīcauat].

Король Сауд уделял особое внимание образованию взрослых и искоренению неграмотности, которая в начале его правления была распространена в регионах Мекка и Медина. В 1954 году он распорядился создать специализированный орган для выполнения этих задач. В результате в составе Министерства образования был создан Департамент народной культуры, прикреплённый к Департаменту начального образования [Taelīm alkībar]. Ликвидация неграмотности среди взрослых стала еще одной важной частью образовательной программы Саудовской Аравии. Для решения проблемы Королевство создало большое количество центров образования для взрослых. Особое внимание государство обратило на подданных, живущих в отдаленных сельских районах. Правительство проводило интенсивные трехмесячные курсы обучения взрослых в течение лета. В результате принятых мер удалось в короткий срок повысить уровень грамотности среди юношества и взрослых людей. Так, в 1990 году были грамотными 62 % лиц старше 15 лет, из них 73 % составили мужчины и 48 % женщины [Saudi Arabia: A Country Study, 1992, p. xiv].

Сегодня образовательные программы в школах Саудовской Аравии разнообразны. Они включают в себя множество предметов, таких как математика, естественные науки, литература, история и арабский язык. Учитывая исламскую традицию, государственное образование как на уровне университета, так и средней школы никогда не было полностью отделено от своих исламских корней [Al'adilat, p. 13].

Усилия правительства Саудовской Аравии по улучшению системы школьного образования дают положительные результаты, проявившиеся в количественно-качественных изменениях образования. Так, за период с 2020 по 2023 годы количество лет школьного обучения поднялось с 9,94 лет до 11,31 года, что явно свидетельствует о положительной динамике. Согласно данным Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), уровень охвата учащихся в возрасте 17 лет программами полного среднего образования в Саудовской Аравии является одним из самых высоких среди стран-членов ОЭСР и стран-партнеров — 77,1 %, что соответствует 6 месту из 44 в рейтинге за 2022 год. Количество четырехлетних и пятилетних детей, получающих начальное образование в Саудовской Аравии, является одним из самых высоких показателей среди членов ОЭСР и партнеров организации. По двум этим возрастам Королевство заняло в 2022 году соответственно 7-е и 10-е места из 45 государств [Saudi Arabia Overview, 2024].

Важным фактом, характеризующим взаимодействия саудовской и российской сторон в области образования школьников, является тот факт, что в Иране сборная команда Саудовской Аравии на Международной олимпиаде по физике (IPhO 2024) смогла показать лучший результат в истории КСА, завоевав одну серебряную и три бронзовые медали. Важно отметить, что заключительную подготовку к соревнованию команда королевства впервые прошла в России [Сборная Саудовской Аравии, 2024].

4. Заключение = Conclusions

Успехи саудовского государства в развитии школьного образования дают возможность руководству страны рассчитывать решение системы амбициозных задач по повышению уровня жизни подданных, становлению системы образования как одной из самых передовых в регионе, способной готовить большое количество высокообразованных национальных кадров, освоивших самые сложные специальности, отвечающие своевременным запросам научно-технического и экономического развития.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	The author declares no conflicts of interests.
---	--

Источники и принятые сокращения

1. *Сборная* Саудовской Аравии, завоевавшая медали на Международной олимпиаде по физике, прошла подготовку в Вышке [Электронный ресурс] // ВШЭ. — Режим доступа : <https://www.hse.ru/news/edu/949264128.html?ysclid=mluso8k18i486750522> (дата обращения 10.08.2024).
2. *Al'adilat al'iirshadiat linizam masarat altaelim althaanawi, dalil mudir almadrastat* [Electronic resource] // Wizarat altaelim. — Access mode : <https://moe.gov.sa/ar/education/generaleducation/StudyPlans/Documents/دليل%20مدارس%20الرياض30-11-2021.pdf> (accessed 7.05.2024).
3. *Albalawi M.* Critical factors related to the implementation of web-based instruction by higher-education faculty at three universities in the Kingdom of Saudi Arabia / M. Albalawi. — Pensacola : The University of West Florida, 2007. — Pp. 23—24.
4. *Alhajri W.* Women's perspectives on social change in Saudi Arabia. Submitted to the faculty of the University Graduate School in partial fulfillment of the requirements for the degree Doctor of Philosophy in the School of Social Work / W. Alhajri. — Bloomington : Indiana University, 2020. — 200 p.
5. *Alriyasat* alamat litaelim albanat [Electronic resource] // Maktabat almalik sued. — Access mode : <https://kingsaud.org/ar/history/history-king-saud/educator/561/> (accessed 22.07.2024).
6. *Altaelim waltadrib fi almamlakat alarabiat alsueudiat* [Electronic resource] // Alminastat alwatanat almuhada. — Access mode: <https://www.my.gov.sa/wps/portal/snp/aboutksa/EducationInKSA> (accessed 29.06.2024).
7. *Education* [Electronic resource] // The Embassy of the Kingdom of Saudi Arabia, Washington, DC. — Access mode : <https://www.saudiembassy.net/education#:~:text=Formal%20primary%20education%20began%20in,226%20schools%20with%2029%2C887%20students> (accessed 14.07.2024).
8. *King Abdullah Academy* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.kaaherndon.com/> (accessed 18.06.2024).
9. *Majmueat 6/33 "al'hijaz wanajdu: al'iidarat aldaakhiliat waldusturi ; qawanin mutaeadi-datu."* [Electronic resource] // Maktabat Qatar alraqamiyat. — 1926. — Access mode : https://www.qdl.qa/download/pdf/81055_vdc_100000000555.0x00027d_ar.pdf (accessed 1.05.2024).
10. *Nash'at alwizarat* [Electronic resource] // Wizarat altaelim. — Access mode : <https://moe.gov.sa/ar/aboutus/aboutministry/pages/about.aspx> (accessed 23.08.2024).
11. *Nizam rieayat almueawaqin fi almamlakat alarabiat alsaeudiat* [Electronic resource] // Wizarat altaelim. — Access mode : <https://moe.gov.sa/ar/aboutus/aboutministry/RPRLibrary/راهناء%20اعراض%20الرياض%20الرياض%20الرياض%20الرياض%20الرياض.pdf> (accessed 15.08.2024).
12. *Ruyat almamlakati alarabiat alsueudiat 2030* [Electronic resource]. — Access mode : https://www.vision2030.gov.sa/media/5ptbkbxn/saudi_vision2030_ar.pdf (accessed 22.07.2024).
13. *Saudi Arabia Overview of the education system (EAG 2024)* [Electronic resource] // OECD. — Access mode : <https://gpseducation.oecd.org/CountryProfile?primaryCountry=SAU&treshold=10&topic=EO> (accessed 22.08.2024).
14. *Saudi Arabia : A Country Study.* Federal Research Division Library of Congress / Edited by Helen Chapin Metz. Research Completed December 1992. Headquarters, Department of the Army.
15. *Saudi Arabia : Education as a tool for development.* May. 1975 [Electronic resource] // CIA. — Access mode : <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP-86T00608R000600170023-4.pdf> (accessed 11.07.2024).

16. *Saudi Arabian Monetary Agency a review of its accomplishments*, 1372 AH-1411 AH, 1952 G-1991 G, p. 119—121 [Electronic resource] // Open Library. — Access mode : https://openlibrary.org/books/OL1389842M/Saudi_Arabian_Monetary_Agency (accessed 1.10.2024).

17. *Taelim* alkitab wamahw al'umiyat [Electronic resource] // maktabat almalik sued. — Access mode : <https://kingsaud.org/ar/history/history-king-saud/educator/571/> (accessed 12.07.2024).

18. *Tmkyn* almar'ati : albaramij alteluymyt wal'islaihat alati balaghat dhurwtaha fi zli alaiqtisad alsueidii almutanawie [Electronic resource] // Markaz almalik faysal lilbuhuth waldirasat al'islamia. — Access mode : <https://www.kfcris.com/pdf/d7ab7ab3ccf442d-5127bd3f38ba87d1c5dc12905a0f18.pdf> (accessed 3.05.2024).

Литература

1. *Ахтамзян Н. А.* Образование как глобальная проблема человечества. Тезисы докладов научной конференции. Утверждено к печати Ученым советом ИСАА МГУ имени М. В. Ломоносова / Н. А. Ахтамзян. — Москва : ООО Издательство “Ключ-С”, 2020. — С. 229—232.

2. *Глазунов О. Н.* Особенности и приоритеты формирования современной образовательной политики Королевства Саудовская Аравия / О. Н. Глазунов, М. Ю. Терехова // Общество : политика, экономика, право. — 2019. — № 12 (77). — С. 12—16. — DOI: 10.24158/пер.2019.12.1.

3. *Косач Г. Г.* «Видение : 2030» Саудовские реформы / Г. Г. Косач // Россия и мусульманский мир. — 2017. — № 6 (300). — С. 107—123.

4. *Косач Г. Г.* Саудовская Аравия : образование, социальная трансформация, власть / Г. Г. Косач // Вестник РГГУ. Серия : Политология. История. Международные отношения. — 2010. — № 1 (44). — С. 77—85.

5. *Косач Г. Г.* Саудовская Аравия : Трансформация власти и политики / Г. Г. Косач // Мировая экономика и международные отношения. — 2019. — Т. 63. — № 4. — С. 59—67. — DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-4-59-67.

6. *Кхтани М. О. А.* Индекс развития человека как показатель результатов социального развития Королевства Саудовская Аравия / М. О. А. Кхтани // Власть. — 2012. — № 8. — С. 136—140.

7. *Сулейманова А. Р.* Развитие системы образования Королевства Саудовской Аравии как фактор внутренней политики государства / А. Р. Сулейманова // Journal of Economy and Business. — 2022. — № 1—1 (83). — С. 208—213. — DOI: 10.12731/2218-7405-2018-9-72-92.

8. *Сулейманова А. Р.* Система образования во внутренней политике Египта / А. Р. Сулейманова // Spirit time. — 2021. — № 10 (46). — С. 23—25.

9. *Успенская Н. А.* Высшее образование в арабских странах : прошлое и настоящее / Н. А. Успенская // Вестник МГИМО Университета. — 2014. — № 2 (35). — С. 307—312.

10. *Хачатурян А. А.* Безработица и другие социальные угрозы цифровой экономики / А. А. Хачатурян // Проблемы прогнозирования. — 2021. — № 3. — С. 103—115. — DOI: 10.47711/0868-6351-186-103-115.

*Статья поступила в редакцию 21.08.2024,
одобрена после рецензирования 29.10.2024,
подготовлена к публикации 19.11.2024.*

Tmkyn almar'ati: albaramij alteluymyt wal'islaihat alati balaghat dhurwtaha fi zli alaiqtisad alsueudii almutanawie. *Markaz almalik faysal libhuth waldirasat al'islamia*. Available at: <https://www.kfcris.com/pdf/d7ab7ab3ccf442d5127bd3f38ba87d1c5d-c12905a0f18.pdf> (accessed 3.05.2024).

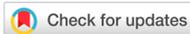
References

- Akhtamzyan, N. A. (2020). *Education as a global problem of mankind. Abstracts of scientific conference reports. Approved for publication by the Academic Council of the ISAA of Lomonosov Moscow State University*. Moscow: LLC Publishing House "Klyuch-S". 229—232. (In Russ.).
- Glazunov, O. N., Terekhova, M. Yu. (2019). Features and priorities of the formation of modern educational policy of the Kingdom of Saudi Arabia. *Society: politics, economics, law, 12 (77)*: 12—16. DOI: 10.24158/pep.2019.12.1. (In Russ.).
- Khachatryan, A. A. (2021). Unemployment and other social threats of the digital economy. *Problems of forecasting, 3*: 103—115. DOI: 10.47711/0868-6351-186-103-115. (In Russ.).
- Khtani, M. O. A. (2012). Human development index as an indicator of the results of social development of the Kingdom of Saudi Arabia. *Power, 8*: 136—140. (In Russ.).
- Kosach, G. G. (2017). "Vision: 2030" Saudi reforms. *Russia and the Muslim world, 6 (300)*: 107—123. (In Russ.).
- Kosach, G. G. (2010). Saudi Arabia: education, social transformation, power. *Bulletin of the Russian State University. Series: Political Science. History. International relations, 1 (44)*: 77—85. (In Russ.).
- Kosach, G. G. (2019). Saudi Arabia: Transformation of power and politics. *World economy and international relations, 63 (4)*: 59—67. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-4-59-67. (In Russ.).
- Suleymanova, A. R. (2022). The development of the education system of the Kingdom of Saudi Arabia as a factor in the internal policy of the state. *Journal of Economy and Business, 1—1 (83)*: 208—213. DOI: 10.12731/2218-7405-2018-9-72-92. (In Russ.).
- Suleymanova, A. R. (2021). The education system in the domestic policy of Egypt. *Spirit time, 10 (46)*: 23—25. (In Russ.).
- Uspenskaya, N. A. (2014). Higher education in Arab countries: past and present. *Bulletin of MGIMO University, 2 (35)*: 307—312. (In Russ.).

*The article was submitted 21.08.2024;
approved after reviewing 29.10.2024;
accepted for publication 19.11.2024.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(9), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Воробьева Э. А. Конструирование и визуализация образа врага в России в период Русско-японской войны 1904—1905 годов / Э. А. Воробьева // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 9. — С. 355—378. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-9-355-378.

Vorobyeva, E. A. (2024). Constructing and Visualizing Enemy Image in Russia During Russo-Japanese War (1904-1905). *Nauchnyi dialog*, 13 (9): 355-378. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-9-355-378. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Конструирование и визуализация образа врага в России в период Русско-японской войны 1904—1905 годов

Воробьева Эвелина Александровна
orcid.org/0000-0002-3040-0350
кандидат исторических наук, доцент
кафедры истории и политологии
tinva@yandex.ru

Новосибирский государственный
технический университет
(Новосибирск, Россия)

Благодарности:

Публикация подготовлена
при финансовой поддержке
Новосибирского государственного
технического университета,
проект № ТП-ИиП-1_24

Constructing and Visualizing Enemy Image in Russia During Russo-Japanese War (1904-1905)

Evelina A. Vorobyeva
orcid.org/0000-0002-3040-0350
PhD in History, Associate Professor,
Department of History
and Political Science
tinva@yandex.ru

Novosibirsk State
Technical University
(Novosibirsk, Russia)

Acknowledgments:

The publication was prepared
with the financial support
of Novosibirsk State Technical University,
project № TP-IiP-1_24

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена характеристике репрезентаций образа врага (Японии и японцев) средствами визуальной пропаганды в Российской империи в годы Русско-японской войны и базируется на широком круге визуальных источников. Выявляются контексты формирования образа врага, их ключевые составляющие. На основе анализа средств массовой информации периода Русско-японской войны, а также визуальных источников (плакаты, открытки, литографии, рисунки, карикатуры) выявляются особенности репрезентации образа врага, ее направленность, целевая аудитория. Проводится сравнение российских и японских образцов визуальной пропаганды, устанавливаются причины их различия. Анализируется эффективность российской визуальной пропаганды, основные последствия ее использования. Автор приходит к выводу, что визуальная пропаганда периода Русско-японской войны в целом повторяла образы и смыслы, сформированные в общественном сознании и государственной идеологии еще до войны (восприятие японцев как «дикарей», «варваров», «азиатов», «макак»; парадигма «желтой опасности»; убежденность, что Япония действует по указке враждебных России держав). Делается вывод о том, визуальная пропаганда, предназначенная для «простого народа» и акцентирующая внимание на полной ничтожности противника, оказалась настолько далека от действительности, что примерно через 9—10 месяцев войны привела к прямо противоположному эффекту (замещение образа врага с японцев на русский самодержавный строй и его представителей).

Ключевые слова:

Русско-японская война; пропаганда; образ врага-японца; плакаты.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article explores the representations of the enemy image (Japan and the Japanese) through visual propaganda in the Russian Empire during the Russo-Japanese War. Drawing on a wide array of visual sources, it identifies the contexts in which the enemy image was constructed and its key components. The analysis includes mass media from the period as well as visual materials such as posters, postcards, lithographs, drawings, and caricatures, revealing distinct features of enemy representation, its intended direction, and target audience. A comparative study of Russian and Japanese visual propaganda is conducted to uncover the reasons for their differences. The effectiveness of Russian visual propaganda is analyzed along with its primary consequences. The author concludes that the visual propaganda of the Russo-Japanese War largely reiterated images and meanings that had been ingrained in public consciousness and state ideology prior to the conflict — portraying the Japanese as “savages,” “barbarians,” “Asians,” and “monkeys,” alongside the “Yellow Peril” paradigm and the belief that Japan acted under the influence of hostile powers against Russia. Ultimately, it is argued that this propaganda, aimed at the “common people” and emphasizing the utter insignificance of the enemy, became so detached from reality that, after approximately 9-10 months of war, it resulted in a counterproductive effect—shifting the enemy image from the Japanese to the Russian autocratic regime and its representatives.

Key words:

Russo-Japanese War; propaganda; enemy image; Japanese; posters.

УДК 94(47).083.4

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-9-355-378

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история
5.6.2. Всеобщая история
5.6.7. История международных
отношений и внешней политики

Конструирование и визуализация образа врага в России в период Русско-японской войны 1904—1905 годов

© Воробьева Э. А., 2024

1. Введение = Introduction

Русско-японская война 1904—1905 годов — это значимое и не до конца оцененное исследователями событие российской истории. Во многом она представляла собой «репетицию» другой грозной войны — Первой мировой. К сожалению, правящая элита Российской империи так и не смогла сделать из Русско-Японской войны должных выводов. Это подтверждает, в частности, и предлагаемое исследование, посвященное проблемам российской пропаганды, во многом неудачно представлявшей образы врага. Актуальность исследования обусловлена необходимостью оценки исторического опыта российского государства в сфере формирования общественного мнения для выявления промахов и неудач, становившихся важной причиной безуспешности России в ее внешней политике. В годы Русско-японской войны впервые была предпринята широкомасштабная попытка формирования общественного мнения в нужном для правящих кругов ключе, а именно восприятия войны как «справедливой», «победоносной», «героической», «правильной», «отвечающей интересам России». Несмотря на то, что визуальный аспект военной пропаганды буквально «лежит на поверхности», он все еще недостаточно изучен исследователями.

Формированию образа Японии и японцев в России до и в годы Русско-японской войны, а также образа России в общественном мнении японцев посвящены значимые работы российских историков Е. С. Сеньявской, В. Э. Молодякова, Л. В. Жуковой, В. И. Дятлова [Сеньявская, 2006; Молодяков, 2002; Молодяков, 2004; Молодяков, 2008; Жукова, 2002; Дятлов, 2014], монография автора предлагаемой статьи [Воробьева, 2020], а также работы японских исследователей: Нахо Игауэ, Мацумура Масаеси, Цугуо Тогава, Наоко Шимацу [Игауэ, 2004; Масаеси, 2002; Тогава, 1993; Шимацу, 2005]. Однако всеми перечисленными историками визуальные источники, отражающие пропаганду военных лет, специально не изучались. Попытка

оценить взаимные русско-японские образы с опорой именно на визуальные материалы была предпринята Ю. Д. Михайловой [Михайлова, 2014]. Среди зарубежных исследований можно отметить коллективную работу «Much Recorded War: The Russo-Japanese War In History And Imagery» [Dobson et al., 2005], в которой рассматривается образ Русско-японской войны в западных и японских изданиях, в том числе анализируются те образы, которые японские издания транслировали отдельно на японскую аудиторию и на аудиторию западную. Символическое значение конфликта анализируется также в коллективной работе «The Impact of the Russo-Japanese War» [The Impact..., 2009]. Но в работах зарубежных коллег мало внимания уделено русской визуальной пропаганде. Таким образом, проблема формирования «образа врага» нуждается в более пристальном внимании и комплексном подходе к изучению. До сих пор не установлены причины выбора тех или иных репрезентаций образа врага в русской пропаганде, не предпринималось попыток оценки эффективности ее воздействия на реципиента, не выявлено, какое влияние оказали визуальные репрезентации образа врага на формирование и изменение общественного сознания в годы Русско-японской войны.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Целью данной статьи является установление особенностей репрезентаций образа врага в русской визуальной пропаганде периода Русско-Японской войны. Задачи состоят в том, чтобы определить контексты визуальной пропаганды русско-японской войны, связанные с государственной политикой Российской Империи и общественными настроениями в российском обществе; выявить типичные пропагандистские приемы и черты образа врага в русской визуальной пропаганде (в том числе в сравнении с образом врага в японской визуальной пропаганде), представленной различными видами источников — плакатами, открытками и литографиями, а также соотнести эти особенности с ключевыми смыслами пропаганды, отраженными в письменных источниках, прежде всего в газетной периодике; оценить эффективность воздействия данных репрезентаций образа врага на российское общество; проследить изменения, происходившие в пропагандистских репрезентациях образа врага в России на протяжении всей войны, выявить, чем они вызваны.

Исследование специфики образов врага, представленных в российской визуальной пропаганде Русско-японской войны, осуществлялось нами в опоре на теорию репрезентаций, имеющую длительную историю развития в лоне западной гуманитарной мысли, начиная с Платоновского мира вещей как воплощения (отражения) мира идей. В современности

все больше внимания уделяется познанию не самого мира как такового, а различных форм представления (отражения) знаний о мире. Отношение человека к миру обусловлено культурно-исторически, зависимо от принятых в культуре ценностей, канонов и образцов, воспроизводимых репрезентациями, которые вовсе не стремятся к адекватности и объективности отражения действительности [Микешина, 2007, с. 14]. Взгляд на визуальную пропаганду с точки зрения теории репрезентаций позволяет выявить основные элементы ее языка, объяснить их происхождение, а также показать разрывы, существовавшие между отношением к событиям общества, жившего этой пропагандой, мыслившего ее образами, разделявшего ее смыслы, и социальной действительностью, развитие которой не отвечало общественным ожиданиям, что усугубляло социально-политическую напряженность. В рамках исследования использовались также историко-генетический и историко-сравнительный методы.

Источниками для исследования послужили разнообразные визуальные материалы: «народные картины» (плакаты в лубочном стиле) и близкие к ним открытки, карикатуры, литографии, рисунки. Первые печатались в ряде типографий (в основном Москвы и Санкт-Петербурга) и в качестве целевой аудитории предусматривали «простой народ». Примечательно, что «народные картины» представляли собой в том числе коммерческий продукт (не просто раздавались, а продавались, хотя и дешево; тем не менее плакаты должны были, по мысли создателей, заинтересовать потребителей, отвечать их чаяниям). Работа над плакатами и открытками велась по заказу, авторов изображений и текстов при публикации обычно не указывали. Карикатуры публиковались исключительно в средствах массовой информации, газетах и журналах и предназначались для более широкой аудитории. Литографии и рисунки могли печатать и распространять как самостоятельные произведения, но чаще они встречаются в СМИ или специализированных изданиях [Иллюстрированная летопись..., 1904—1905]. В настоящее время изображения доступны как в электронном виде [Плакаты русско-японской войны...], так и в составе сборников и коллекций (в том числе японские плакаты и литографии) [ГА РФ, ф. 1126. оп. 1. д. 1041. Бенкендорф, 1904].

Также в качестве источников исследования использовались периодические издания (газеты «Восточное Обозрение», «Сибирская жизнь», «Дальний Восток», сатирические журналы «Будильник», «Стрекоза»). За основу были взяты ведущие региональные издания Сибири и Дальнего Востока, так как этот регион был ближе всего к театру военных действий и испытал на себе максимальную нагрузку, поэтому задача идеологического обеспечения войны здесь была наиболее актуальной.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Контексты визуальной пропаганды: российские культурные стереотипы и формирование образа японцев

Чтобы понять, почему визуальная пропаганда представляла японцев так, а не иначе, необходимо обратиться к тому представлению о японцах, которое было сформировано в российском общественном мнении в довоенный период. Основными каналами пропаганды выступали литература (публицистическая и художественная) и СМИ. Негативный образ Японии и японцев включал в себя три ключевых момента.

Во-первых, японцев рисовали как отсталую, варварскую нацию. Широко использовались штампы: «макаки», «япошки», «желтолицыцы островитяне», «узкоглазые дикари», «желтоглазые дикари-азиаты»... Распространенность в народе подобного отношения к японцам подтверждается чиновничьим докладом 1903 года, составленным в дипломатической части при Приамурском генерал-губернаторе. Отмечалось, что японцы активно занимаются на Дальнем Востоке шпионской деятельностью, их успехам способствует «особенно самоуверенное отношение русского населения к японцам, китайцам и корейцам как к существам низшим, исключаяющее всякую необходимость в какой-либо обычной осторожности в сношениях с ними» [РГИА ДВ, ф. 702, оп. 1, д. 516, л. 36—37].

Во-вторых, японцев связывали с «желтой угрозой», которая мыслилась как неизбежное в будущем противостояние между христианской, европейской цивилизацией в лице России и антихристианской, азиатской цивилизацией в лице Японии. В отношении последней неизменно подчеркивалось, что Япония ненавидит «белую расу», жаждет полного господства в Азии, мечтает о создании «империи желтолицыц», хочет захватить русский Дальний Восток и Сибирь, что это коварный, жестокий, свирепый и кровожадный враг. Понятие «желтой угрозы» могло быть доведено до высоких философских обобщений, как у В. С. Соловьева [Соловьев, 1904; Соловьев, 1993], либо сведено к тому, что японцы — «слуги антихристовы», «чёрту молятся» [Воробьева, 2020, с. 160].

В-третьих, подчеркивалась связь Японии с другими враждебными России державами, в частности, с Великобританией и США. Все три посла активно использовались в прессе (центральной и региональной) и особенно широкую представленность обрели в годы Русско-Японской войны. Мотив Японии как воплощения «желтой опасности» постоянно муссировался в газетах. Например, дальневосточному читателю из номера в номер рассказывали, что Япония — это страна, которая ненавидит белую расу и христиан, что в ней распространены движения антирусской направленности, что прошлые и современные японские мыслители воспринимают Рос-

сию как своего заклятого врага и требуют реванша [К войне с Японией...]. В качестве доказательств шовинизма и активных захватнических планов японцев публиковались также японские стихи, пьесы, выдержки из писем японских солдат и офицеров [Безбожные славяне...].

Редактор «Нового Времени» А. С. Суворин разразился с началом войны целой серией статей, в которых писал о японцах как «ядовитых карлах», как «азиатах и язычниках»: «Дьявол поднялся на Дальнем Востоке... обожгло Россию, обожгло весь русский народ. Заболели наши раны, русская кровь полилась, смерть разинула свою пасть и поглотила первые жертвы, облитые слезами отцов и матерей» [Суворин, 2005, с. 46].

Характерно, что, при всем подчеркивании агрессивности японцев и их захватнических планов, их боевые качества до и в начале войны оценивались как чрезвычайно низкие. Е. С. Сеньявская отмечает в своих работах, что на формирование образа японцев в годы войны повлиял сложившийся еще в конце XIX века культурный стереотип «восприятия Японии и японцев как противника, представлявшего этнически, культурно, религиозно чуждую, “иную” цивилизацию» [Сеньявская, 2006, с. 29]. По словам исследовательницы, «штампы восприятия сводились в основном к нескольким обобщенным представлениям о японцах как “азиатах”, язычниках, а значит, не просто “других”, но еще и отсталых, “дикарях”, варварах... Как к “макакам” относился к японцам и сам император Николай II... Как к “макакам” относилось к ним и следовавшее за императором “высшее общество”, и генералитет, и офицерство, и даже солдатская масса» [Там же].

К этим же выводам приходит и Л. В. Жукова, отмечая, что для описания японцев использовался «специальный язык с подменой понятий (трансформация: свиреп — кровожаден — каннибал) и с устойчивыми словосочетаниями (желтолицые островитяне, желтомордые макаки и т. д.)», а также имело место постоянное муссирование темы угрозы со стороны Японии, причем «“Желтая опасность” представлялась в самых разнообразных видах — здесь и непримиримость двух рас, и панмонголизм, и представление о японцах как беспощадных и алчных наследниках монголо-татар, и социально-адаптированные варианты» [Жукова, 2002, с. 350].

Лев Гудков и В. И. Дятлов связывают формирование ксенофобии в отношении к японцам (а также корейцам и китайцам) с процессами модернизации рубежа XIX—XX веков. Лев Гудков отмечает, что «появление и выработка символических “врагов” становятся формой партикуляристской реакции на процессы массовизации, вызванные модернизационными изменениями в традиционных обществах» [Гудков, 2005, с. 17], а В. И. Дятлов пишет, что «стремительный переход от сословного общества к массовому

диктовал необходимость перехода от партикулярных врагов, страхов и фобий к консолидирующему коллективному, общезначимому врагу» [Дятлов, 2014, с. 27]. В. И. Дятлов также рассматривает «желтую опасность» как российскую версию общемировой ксенофобии и видит причины ее формирования в геополитических изменениях начала XX века и в популярности расовой теории, согласно которой расы принципиально несовместимы и обречены на «войну миров». По мнению В. И. Дятлова, «именно расовые представления легли в основу стремительно набиравшего силу комплекса “Врага с Востока”, не случайно названного “желтой опасностью”», что еще больше усиливалось «экзотизацией» японцев: «Можно предположить, что одним из механизмов дегуманизации «желтых» была экзотизация дальневосточных народов, культур и цивилизаций, сравнительно недавно ставших предметом пристального интереса европейцев» [Дятлов, 2014, с. 24—25, 29]. В свою очередь, «признание нечеловеческой или недочеловеческой природы «желтых» («муравьев» — китайцев и «макак» — японцев), их дегуманизация становились естественной и необходимой предпосылкой для демонизации «чужого», для превращения реального или потенциального противника в смертельного врага» [Дятлов, 2014, с. 37].

Характерно, что эти паттерны российской пропаганды отмечают и японские исследователи, такие как Мацумура Масаеси: «Российская пропаганда регенерировала теорию желтой опасности, сводившуюся к тому, что русско-японская война — это война между белой расой и желтой расой или религиозная война между приверженцами христианства и язычниками. Первое утверждение имело целью международную изоляцию Японии как варварской страны, нарушившей международное право. Вместе с тем Россия призвала содействовать организации нового христианского крестового похода против языческой Японии» [Масаеси, 2002, с. 64]. Интересно, что японский исследователь тем не менее считает, что антияпонская российская пропаганда была «пассивной и вялой по сравнению с японской пропагандой» [Масаеси, 2002, с. 67].

Все вышеперечисленные представления о японцах нашли свое отражение в русской визуальной пропаганде в ходе Русско-японской войны.

3.2. Характерные черты образа японского врага в русской визуальной пропаганде

В целом можно отметить, что лубочные репрезентации японцев максимально соответствовали вышеизложенной парадигме. Для того, чтобы закрепить в народном сознании соответствующий образ японца, использовался целый ряд приемов, прежде всего *гротеск* и *карикатурность* в изображении японцев, *однозначность смысла*, *бескомпромиссность*. Визуальная пропаганда явно уничижала врага. Бескомпромиссность до-

стигалась применением традиционных изобразительных приемов, а также использованием подписей, имитирующих устное народное творчество. Японцев обязательно изображали с подчеркнuto азиатскими чертами лица и желтой кожей (отсылка к тому, что это представители «желтой расы»), очень уродливыми, часто их фигуры были значительно меньше по масштабу, чем фигуры русских, что должно было подчеркнуть их ничтожность. Дополнение визуального ряда сатирическим текстом, которому обычно придавалась фольклорная форма, должно было действовать убеждающим образом — как народная мудрость.

Можно выделить ряд излюбленных пропагандой сюжетов. Во-первых, это — расправы над японцем / японцами. Такая расправа изображалась, например, на плакате «Здорово. Храбрость японца», где русский казак одной рукой насаживал на пику сразу двух японцев, а второй рукой держал за ухо третьего, при этом японец вынужден был бежать за его лошадь. На серии плакатов русский матрос разбивал или отрубал японцу нос, при этом очевидно актуализировался смысл *совать нос куда не следует* (ср. рус. *Любопытной Варваре на базаре нос оторвали*), в связи с чем для носителей русского языка была очевидна отсылка к образу: нос японцу отрубили потому, что он полез «куда не надо» (в Маньчжурию).

В качестве орудия расправы на плакатах часто выступала плеть, что подчеркивало ничтожность японцев как противника (например, на плакате «Кулак да плеть — знают кого побреть»). На плакате «Боевая песенка донцов» изображено, как казак собирается пороть пойманного им японца, а за этой сценой наблюдают из укрытия «Дядя Сэм» (США) и китаец. Эффект картины усиливали стихи под изображением: «Поучись как ходят раки, утекай-ка в Нагасаки», «Стыдно с вашей желтой рожей и на свет казаться Божий», «Лезешь сдуру к Порт-Артуру, там брат, желтую-то шкуру, спускают моряки» (рис. 1).

Вторым излюбленным сюжетом было изображение Порт-Артура, а также связанных с ним побед («Гибель японского броненосца Хатсузе и крейсера Йошино», «Посидим у моря — подождем погоды!», «Вся Флотский», «Страшен враг, но милостив Бог!», «После неудачной попытки японцев загородить вход в Порт-Артурскую гавань», «Японская победа» и др.). Все эти плакаты объединяет общий визуальный ряд. Фигуры русского матроса, солдата или казака изображаются крупно, натуралистично, а фигуры противника (японца, а также стоящего у него за спиной американца, англичанина, китайца) намного меньше и наделены карикатурными, гротескными чертами. В визуальном ряде также часто присутствуют крепость Маньчжурия, крепость Владивосток, а также тонущие корабли японского флота.

Рис. 1. Плакат «Боевая песенка донцов»

Pict. 1. Poster «Battle song of the Don Cossacks»

Общий смысл репрезентаций образа японцев на этих плакатах прочитывался однозначно: японец — коварный враг, представитель «желтой расы», но сам по себе он ничтожен, его подзуживают враги России (США и Англия), но даже с их помощью он ничего сделать не сможет, его ждет неминуемое поражение в войне с Россией. Так, на плакате «Посидим у моря — подождем погоды!» огромный русский казак нацеливал пушку на крошечную фигуру японца, которого как куклу держал «Джон Буль» (Англия). За спиной Джона Буля стоял «Дядя Сэм» (США), а в подписи к плакату «заморским покровителям» японца задавался риторический вопрос: «Покурить, господа, не хотите ли — нашей русской махорочки, что виднеется на пригорочке?!» (рис. 2).

В-третьих, в журналах и газетах иногда приводились описания этнических стереотипов, визуальных клише, якобы «типичных представителей» тех наций, с которыми Россия столкнулась на полях войны. Так, сатирический журнал «Стрекоза» обобщал: «Японец — вихрастый и шустрый живчик, во фраке и цилиндре, в опорках, с кривою саблею. Кореец — меланхолический мужчина в детской соломенной шляпке с розовыми лентами. Китаец — заспанный великан, грозный и неповоротливый; заплетает свою

Рис. 2. Плакат «Посидим у моря — подождем погоды!»
Pict. 2. Poster «Let's sit by the sea and wait for the weather»

косу» [Представители желтой расы...]. А журнал «Будильник» проиллюстрировал эти клише серией картин, из которых мы приведем рисунок, изображающий «цивилизованного» японца и «дикого» хунхуза (рис. 3) как одинаково уродливые косоглазые фигуры, с характерной подписью: «Японец. — Пусть наш союз поразит весь просвещенный мир: будем убивать живых и добывать раненых!» [«Будильник», 1904, № 33].

Рис. 3. «Союз цивилизованного японца и дикого хунхуза»
Pict. 3. Poster «Union of civilized Japanese and wild Honghuz»

Среди «народных картин» и карикатур на тему войны было также представлено нечто, напоминающее комиксы, — серия картин, объединенных общим сюжетом. Например, народная картина «Как Фома с Еремой японцев обставили» в шести картинках изображала засаду двух казаков и их победу над японцами. Народная картина «Иван — Аринин муж — на войне» в восьми картинках рисовала, как солдат ушел на войну, как он ловил в Маньчжурии хунхузов («косоглазое отродье»), «считал ребра японцам» и, наконец, получил за свои подвиги крест. Репрезентация образа японца и здесь была однозначной: коварный, но ничтожный враг, с которым русский солдат может легко справиться.

В этой же стилистике были выдержаны и сатирические открытки. На одной из них карикатурно изображенные японцы уходят, зажав под мышкой корабли, а надпись уточняет: «Взяв суденышки под мышку, с громким криком “караул!” “желторожие” вприпрыжку покидают град Сеул» (лит. Кирстен, Москва, 10 апреля 1904 года). На другой открытке казак, избивая японца, выкрикивает угрозу: «На, казацкою нагайкой ты Корею закуси!». На третьей японца и вовсе нет, а есть японский щенок, который, стоя перед русским казаком «нос задрав, визжит».

Образ японца как ничтожного врага мог быть доведен практически до абсурда, как это было сделано на плакате «Завтрак казака», в подписи под которым казак заявлял: «Посмотрю, как твоя шкура рвется на зубах» (рис. 4).

Рис. 4. Плакат «Завтрак казака»

Pict. 4. Poster «Cossack breakfast»

В целом этот тип плакатов совершенно определенно транслировал образ японцев как «варваров», «узкоглазых азиатов», «дикарей» и одновременно — как «ничтожного противника», с которого русский солдат / матрос / казак скоро спустит «желтую шкуру», а в подписях под рисунками содержались инвективы «макаки», «япошки», «желтая морда» и т. п. Интересно, что при этом тема собственно «желтой опасности» оказывалась ослабленной из-за того, что противник рисовался подчеркнуто ничтожным. Одновременно поднималась тема связи Японии с Англией и США, которые на рисунках либо наблюдали за происходящим (иногда вместе с Китаем), либо напрямую действовали, снабжая Японию оружием или даже управляя ей, как куклой.

Теме «зарубежных покровителей» была также посвящена серия отдельных плакатов. В них Япония представлена как страна, которую ее «иностранные покровители» буквально толкают в пропасть (плакат «Японский император и его лукавые доброжелатели») (рис. 5), либо как страна, которая вынуждена униженно просить у Англии и США средства на ведение войны («Помогите на военные нужды», «В погоню за деньгами», «Атака на Порт-Моне») (рис. 6).

Рис. 5. Плакат «Японский император и его лукавые доброжелатели»
Pict. 5. Poster «The Japanese Emperor and his crafty well-wishers»

Рис. 6. Плакат «Атака на Порт-Монэ»
Pict. 6. Poster «Attack on Purse»

Были также и изображения в СМИ и на плакатах, на которых все-таки явственно присутствовал образ Японии как «желтой опасности». Например, на обложке журнала «Будильник» [«Будильник», 1904, № 38] Япония предстает в виде ведьмы, принесшей ядовитое зелье и войну странам Европы (Англии, Франции, Германии, Италии, Испании) (рис. 7). Также характерен плакат «К войне России с Японией», где Россия изображается в виде женской фигуры с двуглавым орлом на плече, а Япония — в виде огромного красного демона (рис. 8). За фигурой России в небе реет архангел с мечом, указывающим на Японию. Таким образом, война с Японией трактуется как священная, как то самое столкновение цивилизаций, желтой и белой расы, о котором настойчиво писали русские газеты до и во время войны.

Рис. 7. «Предупреждение»

Pict. 7. «Warning»

Рис. 8. Плакат «К войне России с Японией»

Pict. 8. Poster «To the war between Russia and Japan»

В прессе также муссировалась тема коварства японцев, нарушения ими международных обязательств и т. п. Эту тенденцию отражает карикатура из журнала «Будильник», посвященная ситуации с миноносцем «Решительный», который 29 июля 1904 года прибыл в нейтральный порт Чифу с депешей, предназначенной заместнику на Дальнем Востоке Е. И. Алексееву. В соответствии с правилами войны миноносец разоружился и спустил военный флаг. Однако японцы сделали попытку захватить корабль,

на что командующий корабля ответил пощечиной. «Будильник» [«Будильник», 1904, № 32] разразился карикатурой, на которой Япония предстала в виде «бесстыжей гейши», коварно забирающей корабль; это изображение было дополнено надписью под карикатурой: «Сразбойничав, добыла миноносец ценою русской пощёчины и европейского презрения... Хорошо бы теперь добыть крейсер такую же ценою: ведь другая-то щека у меня цела! Стыд не дым, глаза не выест...» (рис. 9).

Рис. 9. «Бесстыжая» гейша
Pict. 9. «Shameless» geisha

Между тем в газете «Дальний Восток» был приведен рассказ русского морского офицера Рошчаковского, описывающего инцидент с миноносцем «Решительный»: «Не имея оружия для сопротивления, я приказал подготовить миноносец “Решительный” к взрыву. Когда японцы начали поднимать свой флаг, я *оскорбил* японского офицера ударом по лицу и, сбросив его в воду, приказал команде выбрасывать неприятеля...» [Дальний Восток, 1904, № 170 (3 августа). Раздел «Хроника войны»]. Боевой офицер видел в японцах вовсе не коварных «макак» и «бесстыжую гейшу», а равного ему по достоинству противника, для которого пощечина есть прямое оскорбление.

Отдельным распространенным типом плакатов в годы Русско-японской войны были довольно реалистичные изображения стычек, боев, кон-

кретных событий. В поле зрения художников попало огромное количество эпизодов войны, а сами рисунки служили заменой фотографий. Названия картин обозначали иллюстрируемое событие, например: «Гибель японского крейсера “Читозо” во время ночной атаки Порт-Артура с 26 на 27 января 1904 года», «Беспримерный бой “Варяга” и “Корейца” под Чемульпо», «Война России с Японией 1904 г. Стычка казачьего летучего разряда с японцами в Корее» (рис. 10), «Под Мукденюм. Бой 30 сентября 1904 года» и т. д. Под изображение обычно размещалась надпись, комментирующая подробности события. Характерно, что на всех такого рода картинах японские солдаты, матросы, японские суда были изображены реалистично, без карикатурности и глумления, правда, всегда был показан тот или иной урон, нанесенный Японии (убитые, горящее или тонущее судно и т. д.).

Рис. 10. «Война России с Японией. Стычка казачьего летучего разряда с японцами в Корее»
Pict. 10. «The war between Russia and Japan. Skirmish between a Cossack flying patrol and the Japanese in Korea»

Интересно, что японские плакаты периода Русско-японской войны были гораздо более сдержанны в своем визуальном ряде, хотя в них, конечно, подчеркивался героизм японской армии и флота, но изображения противника (русских солдат, казаков, матросов) очень редко носили карикатурные черты, а в ряде случаев изображения русских и японцев визуальнo и эмоционально ничем друг от друга не отличаются, как это представлено, например, на плакате «Гибель адмирала Макарова» (рис. 11). Ср. с плакатом «Подвиг моряков японского флота» (рис. 12).

Рис. 11. Японский плакат «Гибель адмирала Макарова»

Pict. 11. Japanese poster «The Death of Admiral Makarov»

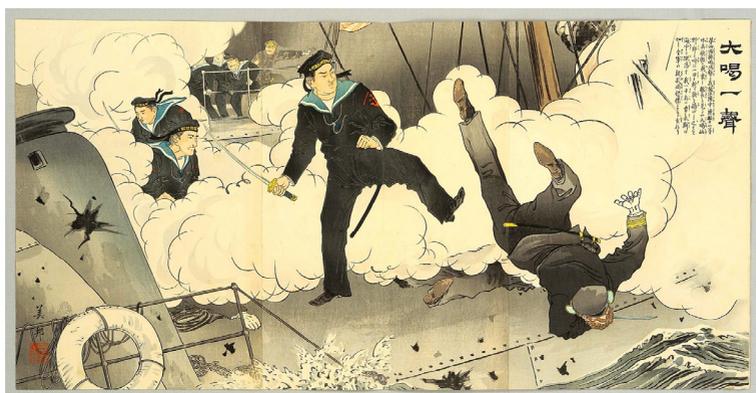

Рис. 12. Японский плакат «Подвиг моряков японского флота»

Pict. 12. Japanese poster «The feat of the sailors of the Japanese fleet»

Подобная разница в репрезентации противника объясняется принципиально иным образом России как врага у японцев: в России видели могучего, очень сильного противника (разрабатывались визуальные образы орла и медведя, некой «угрозы с севера»), но вместе с тем более чем достойного; отношение к русским военнопленным, например, было уважительным и даже дружественным [Цугуо Тогава, 1993; Шимацу Наоко, 2005]. Е. С. Сеньявская отмечает в своем исследовании, что японцы говорили защитникам Порт-Артура: «Нет никого лучше нас в атаке, нет никого выше вас в обороне». Известен случай, когда русский полк получил георгиевское знамя по представлению японского маршала Ойямы [Сеньявская, 2006, с. 33].

Примечательно, что эти и другие японские плакаты оказывались предметом коллекционирования, в частности, коллекция японских плакатов была собрана А. К. Бенкендорфом [ГА РФ, ф. 1126. оп. 1. д. 1041. Бенкендорф, 1904].

3.3. Эффективность репрезентации образа врага в визуальной пропаганде Русско-японской войны

Каким было восприятие русских «лубочных» плакатов и открыток? Насколько эффективны они были в деле пропаганды? Для начала отметим, что не все их приветствовали. Так, редактор «Восточного Обозрения» И. И. Попов называл их «печальной и разнузданной оргией» [Попов, 1904]. В то же время отношение к японцам как к ничтожному противнику, поддерживаемое в том числе через плакаты, было доминирующим в начале войны. Мобилизация в начале войны протекала успешно, в том числе потому, что солдаты были уверены: «Мы япошек враз побьем и домой вернемся» [Баяндин, 2004].

Однако изображение японцев как коварного, но ничтожного противника, сыграло с Россией злую шутку. Моральная и материальная неготовность к войне (зачем готовиться, когда враг ничего не стоит?) привела к непрерывным поражениям на поле боя, что, в свою очередь, вызвало настоящий шок в русском обществе. Уже с осени 1904 года русские газеты говорили о японцах как о прекрасном, достойном, мужественном и умном противнике. К примеру, военный корреспондент В. И. Немирович-Данченко писал: «Достойный противник, и как глупы те, кто мне ставил в минус справедливость, которую я отдаю нашему врагу. Этим господам издали можно называть его макаками, япошками, давать им титулы подлых, коварных и еще не знаю какие. Но тут от командующего армии и до последнего солдата относятся к “макакам” и “япошкам” с истинным уважением. Нет чести в борьбе с какою-то азиатскою дрянью, и великая слава победить врага могучего, искусного, достойного нашей старой, боевой армии, нашего героя и мученика солдата» [Немирович-Данченко, 1904, № 197 (4 сентября)].

В другом очерке В. И. Немирович-Данченко задается вопросом: «Почему он мой враг? Ведь, в сущности, как мне до него, так и ему до меня нет никакого дела. Я даже больше ему удивляюсь — его энергии, способностям, мастерству, патриотизму и у меня к нему никакой ненависти. Мне многие свои гораздо более враждебны, досадны, неприятны, чем эта черная, маленькая фигурка с ошестинившеюся головою и яркими глазками на плоском лице» [Немирович-Данченко, 1904, № 194 (1 сентября)].

Чем дальше, тем больше образ врага в прессе смещался с японцев на русское самодержавие, которое общество не без оснований начинало винить во всех поражениях и промахах войны. Это также выражалось в визу-

альных образах, где предметом осмеяния стали уже не японцы, а собственные военные и политические деятели, как, например, на открытке, посвященной 2-й Тихоокеанской эскадре З. П. Рожественского, направленной на помощь 1-й Тихоокеанской эскадре в Порт-Артур. Перспективы решения боевой задачи, поставленной перед этой эскадрой (как и перед 3-й Тихоокеанской эскадрой под командованием Н. И. Небогатова), активно обсуждались в прессе, в том числе высказывалось мнение, что ничего путного эскадра добиться не сможет. Это нашло свое отражение в открытке «Еду-еду не свищу, а наеду... сдамся», где адмирал З. П. Рожественский был изображен в бумажном кораблике, а известный сказочный посыл («еду-еду не свищу, а наеду — не спущу») формулировался с точностью до наоборот.

В целом в репрезентациях японского врага русской визуальной пропагандой соединялось многое: уничижительные стереотипы, сложившиеся в общественном мнении до войны, самообман властей и общества, следовавших за пропагандистским внушением и поддавшихся попыткам выдать желаемое за действительное, трансляция страхов пред «желтой угрозой», отказ противнику в субъектности и политической самостоятельности. Вместе с тем образ японцев, представленный на «лубочных» плакатах и открытках, настолько сильно разошелся с действительностью, что с осени 1904 года их выпуск почти прекратился, уступив место более реалистичным картинам боев (литографиям и рисункам), что отметила в своей работе Ю. Д. Михайлова [Михайлова, 2014].

Исследователи отмечают, что восприятие японцев за годы войны претерпело значительные изменения в сторону большей человечности, хотя оценки разнятся. Например, Е. С. Сенявская считает, что Русско-японская война породила двойственность в восприятии японцев, когда восхищение противником смешивалось с презрением к нему, а победу Японии над Россией объясняли «приступом бешенства» [Сенявская, 2006, с. 34].

Знакомство автора с материалами СМИ дает основания для выводов о том, что «образ японца как врага» к концу войны зависел не только от общих культурных стереотипов, подвергшихся трансформации в ходе боевого столкновения с японцами, но и от региональной принадлежности оценивающего. Так, в сибирском обществе, например, за годы войны сформировалось сдержанное, уважительное и даже сочувственное отношение к японцам, а на Дальнем Востоке оно оставалось презрительным и враждебным [Воробьева, 2020].

4. Заключение = Conclusions

Можно считать уже доказанным фактом, что в Русско-японскую войну правящие круги стремились формировать общественное мнение в нужном

для них ключе. «Маленькая победоносная война» с Японией должна была, по мысли «власть предержащих», отвлечь население от революционных настроений. Среди средств пропаганды активно использовалась визуальная пропаганда, большая часть которой (плакаты в лубочном стиле, так называемые «народные картины») была адресована «простому народу», среди которого предполагалось популяризировать войну и усилить патриотизм.

Репрезентации образа врага на этих плакатах соответствовали образу, сложившемуся еще до войны. Он включал в себя, во-первых, представления о японцах как «варварах», «дикарях», «азиатах»; во-вторых, страх перед «желтой угрозой»; в-третьих, представление о ничтожности японцев как врагов и их зависимости от других враждебных России держав (Англии и США). Третий пункт в этой мифологеме противоречил второму. В ходе войны упор был сделан на изображение японцев как дикарей и варваров, а также как ничтожных врагов, «макак». Визуальные образы, транслировавшиеся в плакатах, подкреплялись текстами, усиливавшими штампы. Такие же образы использовались на открытках и карикатурах в СМИ.

Карикатурность, гротескность, нарочитая примитивность образов японцев вызывала отторжение у части российского общества еще в начале войны. По мере того, как военные действия раз за разом опровергали идеологические построения, репрезентация японцев как «ничтожных варваров, дикарей и макак» стала вызывать в обществе, в том числе у простого населения, обратную реакцию. Чем дальше, тем больше образ врага смещался с японцев на русское самодержавие. К концу войны эта тенденция стала доминирующей. Произошло и изменение визуальных образов японцев: плакаты в лубочном стиле потеряли свою актуальность, а на первое место вышли литографии и рисунки, изображавшие противника в реалистичном, почти фотографическом стиле.

Примечательно, что реалистичное изображение противника без насмешки и глумления было характерно для японских плакатов, поскольку отношение к русским как врагам в Японии в целом было преимущественно уважительным и до конфликта, и в годы войны.

В целом можно заключить, что визуальная пропаганда периода Русско-японской войны, с одной стороны, транслировала сложившийся в обществе культурный стереотип, с другой — отвечала на заказ сверху, с третьей — поддерживала чаяния потребителя (увидеть врага в смешном, жалком, нелепом, униженном виде). Но поскольку пропаганда практически полностью разошлась с реальностью, она произвела обратный эффект.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Безбожные славяне...* // Сибирская жизнь : [газета]. — 1904. — № 61 (17 марта). — С. 2.
2. *«Бесстыжая» гейша* (рисунок) // Будильник : [сатирический журнал]. — 1904. — № 32. — С. 21—26.
3. ГА РФ — *Государственный архив Российской Федерации*. Ф. 1126. Оп. 1. Д. 1041. Бенкендорф А. К. Русско-японская война 1904—1905 гг. (коллекция). Карикатуры, посвященные Русско-Японской войне.
4. *Дальний Восток* : [газета]. — 1904. — № 170 (3 августа). — С. 1.
5. *Иллюстрированная летопись Русско-Японской войны* : (по официальным данным, сведениям печати и показаниям очевидцев) : с картами и планами, портретами, изображениями боевых эпизодов, рисунками из военно-походного быта. — Санкт-Петербург : Типография А. С. Суворина, 1904—1905. — Выпуск 1—21.
6. *К войне с Японией* // Дальний Восток : [газета]. — 1904. — № 152 (11 июля). — С. 2.
7. *Немирович-Данченко В. И.* Очерки / В. И. Немирович-Данченко // Дальний Восток : [газета]. — 1904. — № 194 (1 сентября). — С. 2.
8. *Немирович-Данченко В. И.* Очерки / В. И. Немирович-Данченко // Дальний Восток : [газета]. — 1904. — № 197 (4 сентября). — С. 2.
9. *Плакаты русско-японской войны*. Музей им. П. В. Алабина [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://www.alabin.ru/kollektsii/knizhno-arkhivnye-sobraniya/kollektsiya-plakatov-i-listovok/plakaty-vremen-russko-yaponskoj-voyny/> (дата обращения 15.07.2024).
10. *Попов И. И.* Редакторская колонка / И. И. Попов // Восточное Обозрение : [газета]. — 1904. — № 64 (16 марта). — С. 1.
11. *Представители желтой расы* // Стрекоза : [сатирический журнал]. — 1904. — № 14. — С. 3.
12. *Предупреждение* (рисунок) // Будильник : [сатирический журнал]. — 1904. — № 38. — С. 17.
13. РГИА ДВ — *Российский государственный исторический архив Дальнего Востока*. Ф. 702. Оп. 1. Д. 516. Л. 36—37.
14. *Соловьев В. С.* Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории, со включением «Краткой повести об антихристе» и с приложениями / В. С. Соловьев. — Санкт-Петербург : Т-во печ. и изд. дела «Труд», 1904. — 279 с.
15. *Соловьев В. С.* Панмонголизм / В. С. Соловьев // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. — Москва : Наука, 1993. — 368 с. — ISBN 5-02-008215-5.
16. *Союз цивилизованного японца и дикого хунхуза* (рисунок) // Будильник : [сатирический журнал]. — 1904. — № 33. — С. 3.
17. *Суворин А. С.* Русско-японская война и русская революция. Маленькие письма 1904—1908 гг. / А. С. Суворин. — Москва : Алгоритм, 2005. — 749 с. — ISBN 5-9265-0164-4.

Литература

1. *Баяндин В. И.* Мобилизация сибиряков в армию в годы Русско-японской войны / В. И. Баяндин // Гуманитарные науки в Сибири. — 2004. — № 2. — С. 7—12.
2. *Воробьева Э. А.* Война и общество. Сибирь и Дальний Восток в годы Русско-японской войны 1904—1905 гг. / Э. А. Воробьева. — Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2020. — 252 с. — ISBN 978-5-7782-4213-5.

3. Гудков Л. Идеологема «врага»: «Враги» как массовый синдром и механизм социальной интеграции / Л. Гудков // *Образ врага*. — Москва: ОГИ, 2005. — С. 7—79.
4. Дятлов В. И. Экзотизация и «Образ врага»: синдром «Желтой опасности» в до-революционной России / В. И. Дятлов // *Идеи и идеалы*. — 2014. — Т. 1. — № 2 (20). — С. 23—41.
5. Игауэ Нахо. К постановке проблемы образа Японии и японцев в русском фольклоре XX в. / Нахо Игауэ // *Фудзимото Вакио. К юбилею ученого: сборник статей*. — Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2004. — С. 75—90.
6. Жукова Л. В. Восприятие Японии в России накануне Русско-японской войны / Л. В. Жукова // *Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия*. Сб. ст. — Москва: РОССПЭН, 2002. — Выпуск 2. — С. 341—356.
7. Масаёси Мацумура. Российская пропаганда во время Русско-японской войны в 1904—1905 гг. / Мацумура Масаёси // *Россия и АТР*. — 2002. — № 4. — С. 63—70.
8. Микешина Л. А. Репрезентация: частный метод или фундаментальная операция познания? / Л. А. Микешина // *Эпистемология и философия науки*. — 2007. — № 1. — Т. 11. — С. 5—17.
9. Михайлова Ю. Д. Война длиною в целый век: лубок, литография, карикатура / Ю. Д. Михайлова // *Япония и Россия. Национальная идентичность сквозь призму образов*. — Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение, 2014. — С. 38—67. — ISBN 978-5-85803-470-4.
10. Молодяков В. Э. Образ Японии в русской культуре серебряного века / В. Э. Молодяков // *Россия и Япония: диалог культур и народов*. — Москва: АИРО—XX, 2004. — С. 30—39.
11. Молодяков В. Э. Япония в русском сознании и русской культуре конца XIX — начала XX века / В. Э. Молодяков // *Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия*. Сб. ст. — Москва: РОССПЭН, 2002. — Выпуск 2. — С. 325—340.
12. Молодяков В. Э. Россия и Япония: Золотой век (1905—1916) / В. Э. Молодяков. — Москва: Просвещение, 2008. — 174 с. — ISBN 978-5-09-018968-2.
13. Сенявская Е. С. Противники России в войнах XX века: Эволюция образа врага в сознании армии и общества / Е. С. Сенявская. — Москва: РОССПЭН, 2006. — 288 с. — ISBN 5-8243-0782-2.
14. Тогава Цугуо. Образ России в Японии накануне и после реставрации Мэйдзи / Цугуо Тогава // *Россия и АТР*. — 1993. — № 1. — С. 55—63.
15. Шимацу Наоко. Возлюби врага своего / Наоко Шимацу // *Родина*. — 2005. — № 10. — С. 69—71.
16. Япония и Россия. Национальная идентичность сквозь призму образов / Сб. ст. под ред. Ю. Д. Михайловой. — Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение, 2014. — 256 с. — ISBN 978-5-85803-470-4.
17. Dobson S. Much. Recorded War: The Russo-Japanese War In History And Imagery / S. Dobson, A. N. Morse, F. Sharf. — Boston, Mass: MFA Publications, 2005. — 92 p. — ISBN 0-87846-692-4.
18. *The Impact of the Russo-Japanese War* / Editor Rotem Kowner. — London: Routledge, 2009. — 348 p. — ISBN 0-415-36824-3.

*Статья поступила в редакцию 31.07.2024,
одобрена после рецензирования 10.10.2024,
подготовлена к публикации 21.10.2024.*

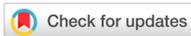
Material resources

- GA of the Russian Federation — *State Archive of the Russian Federation. F. 1126. Op. 1. D. 1041. Benkendorf A. K. The Russian-Japanese War of 1904—1905. (collection). Cartoons dedicated to the Russian-Japanese war.* (In Russ.).
- Godless Slavs ... (1904). *Siberian life: [newspaper]*, 61: (March 17). P. 2. (In Russ.).
- Illustrated chronicle of the Russian-Japanese War: (according to official data, press information and eyewitness testimony): with maps and plans, portraits, images of combat episodes, drawings from military marching life, 1—21.* (1904—1905). St. Petersburg: Printing house of A. S. Suvorin. (In Russ.).
- Nemirovich-Danchenko, V. I. (1904). *Essays. Far East: [newspaper]*, 194: (September 1). P. 2. (In Russ.).
- Nemirovich-Danchenko, V. I. (1904). *Essays. Far East: [newspaper]*, 197: (September 4). P. 2. (In Russ.).
- Popov, I. I. (1904). Editorial column. *Eastern Outlook: [newspaper]*, 64: (March 16). P. 1. (In Russ.).
- Posters of the Russian-Japanese war. P. V. Alabin Museum.* Available at: <https://www.alabin.ru/kolleksii/knizhno-arkhivnye-sobraniya/kolleksiya-plakatov-i-listovok/plakaty-vremen-russko-yaponskoy-voyny/> (accessed 15.07.2024). (In Russ.).
- Representatives of the yellow race. (1904). *Dragonfly: [satirical magazine]*, 14: P. 3. (In Russ.).
- RGIA DV — *Russian State Historical Archive of the Far East. F. 702. Op. 1. D. 516. L. 36—37.* (In Russ.).
- “Shameless” geisha (drawing). (1904). *Alarm clock: [satirical magazine]*, 32: 21—26. (In Russ.).
- Solovyov, V. S. (1993). Panmongolism. In: *Russia between Europe and Asia: The Eurasian temptation.* Moscow: Nauka. 368 p. ISBN 5-02-008215-5. (In Russ.).
- Solovyov, V. S. (1904). *Three conversations about war, progress and the end of world history, with the inclusion of a “Short story about the Antichrist” and with appendices.* St. Petersburg: Publishing house of the Pechersk and publishing house of the case “Trud”. 279 p. (In Russ.).
- Suvorin, A. S. (2005). *Russian-Japanese war and the Russian Revolution. Little letters of 1904—1908.* Moscow: Algorithm. 749 p. ISBN 5-9265-0164-4. (In Russ.).
- The Far East: [newspaper]*, 170. (August 3). (1904). P. 1. (In Russ.).
- The union of a civilized Japanese and a wild hunkhuz (figure). (1904). *Alarm clock: [satirical magazine]. Russian-Japanese War and the Russian Revolution*, 33: P. 3. (In Russ.).
- Towards war with Japan. (1904). *Far East: [newspaper]*, 152: (July 11). S. 2. (In Russ.).
- Warning (figure). (1904). *Alarm clock: [satirical magazine]*, 38: S. 17. (In Russ.).
- References**
- Bayandin, V. I. (2004). Mobilization of Siberians into the army during the Russian-Japanese war. *Humanities in Siberia*, 2: 7—12. (In Russ.).
- Dobson, S., Morse, A. N., Sharf, F. (2005). *Much. Recorded War: The Russo-Japanese War In History And Imagery.* Boston, Mass: MFA Publications. 92 p. ISBN 0-87846-692-4.
- Dyatlov, V. I. (2014). Exotisation and the “Image of the enemy”: the syndrome of the “Yellow danger” in pre-revolutionary Russia. *Ideas and ideals*, 1 / 2 (20): 23—41. (In Russ.).
- Gudkov, L. (2005). The ideology of the “enemy”: “Enemies” as a mass syndrome and a mechanism of social integration. In: *Image of the enemy.* Moscow: OGI. 7—79. (In Russ.).
- Igaue Naho. (2004). On the formulation of the problem of the image of Japan and the Japanese in Russian folklore of the XX century. In: *Fujimoto Wakio. To the anniversary*

- of the scientist: a collection of articles.* Vladivostok: Publishing House of the Far East. Unita. 75—90. (In Russ.).
- Mikhailova, Yu. D. (ed.). (2014). *Japan and Russia. National identity through the prism of images.* St. Petersburg: St. Petersburg Oriental Studies. 256 p. ISBN 978-5-85803-470-4. (In Russ.).
- Kowner, R. (ed.). (2009). *The Impact of the Russo-Japanese War.* London: Routledge. 348 p. ISBN 0-415-36824-3.
- Masayoshi Matsumura. (2002). Russian propaganda during the Russo-Japanese War in 1904—1905. *Russia and the Asia-Pacific Region, 4:* 63—70. (In Russ.).
- Mikeshina, L. A. (2007). Representation: a private method or a fundamental operation of cognition? *Epistemology and philosophy of science, 1 (11):* 5—17. (In Russ.).
- Mikhailova, Yu. D. (2014). A century-long war: splint, lithography, caricature. In: *Japan and Russia. National identity through the prism of images.* St. Petersburg: St. Petersburg Oriental Studies. 38—67. ISBN 978-5-85803-470-4. (In Russ.).
- Molodyakov, V. E. (2008). *Russia and Japan: The Golden Age (1905—1916).* Moscow: Prosveshchenie. 174 p. ISBN 978-5-09-018968-2. (In Russ.).
- Molodyakov, V. E. (2002). *Russia and the world through the eyes of each other: from the history of mutual perception, 2.* Moscow: ROSSPEN. 325—340. (In Russ.).
- Molodyakov, V. E. (2002). Russian consciousness and Russian culture of the late XIX — early XX century. In: *Russia and the world through each other's eyes: from the history of mutual perception. Sat. art, 2.* Moscow: ROSSPEN. 325—340. (In Russ.).
- Molodyakov, V. E. (2004). The image of Japan in Russian culture of the Silver Age. In: *Russia and Japan: dialogue of cultures and peoples.* Moscow: AIRO—XX. 30—39. (In Russ.).
- Senyavskaya, E. S. (2006). *Opponents of Russia in the wars of the twentieth century: The evolution of the image of the enemy in the minds of the army and society.* Moscow: ROSSPEN. 288 p. ISBN 5-8243-0782-2. (In Russ.).
- Shimatsu Naoko. (2005). Love your enemy. *Homeland, 10:* 69—71. (In Russ.).
- Togawa Tsuguo. (1993). The Image of Russia in Japan before and after the Meiji Restoration. *Russia and the Asia-Pacific Region, 1:* 55—63. (In Russ.).
- Vorobyova, E. A. (2020). *War and society. Siberia and the Far East during the Russian-Japanese War of 1904—1905.* Novosibirsk: NSTU Publishing House. 252 p. ISBN 978-5-7782-4213-5. (In Russ.).
- Zhukova, L. V. (2002). Perception of Japan in Russia on the eve of the Russian-Japanese war. In: *Russia and the world through each other's eyes: from the history of mutual perception. Collection of articles, 2.* Moscow: ROSSPEN. 341—356. (In Russ.).

*The article was submitted 31.07.2024;
approved after reviewing 10.10.2024;
accepted for publication 21.10.2024.*

Информация для цитирования:

Дарчиева С. В. Выборы во Всероссийское учредительное собрание в Терской области : март — декабрь 1917 года / С. В. Дарчиева // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 9. — С. 379—398. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-9-379-398.

Darchieva, S. V. (2024). Elections to All-Russian Constituent Assembly in Terek Region: March — December 1917. *Nauchnyi dialog*, 13 (9): 379-398. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-9-379-398. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

**Выборы во Всероссийское
учредительное собрание
в Терской области:
март — декабрь 1917 года**

Дарчиева Светлана Валерьевна
orcid.org/0000-0002-7246-116X
ResearcherID AAR-9380-2020
кандидат исторических наук, доцент,
старший научный сотрудник
отдела истории
svetik-dar70@mail.ru

Северо-Осетинский институт
гуманитарных и социальных
исследований им. В. И. Абаева —
филиал
Федерального государственного
бюджетного учреждения науки
Федерального научного центра
«Владикавказский научный центр
Российской академии наук»
(Владикавказ, Россия)

**Elections to All-Russian
Constituent Assembly
in Terek Region:
March — December 1917**

Svetlana V. Darchieva
orcid.org/0000-0002-7246-116X
ResearcherID AAR-9380-2020
PhD in History, Associate Professor,
senior research scientist,
Department of History
svetik-dar70@mail.ru

V. I. Abaev North Ossetian
Institute for Humanitarian
and Social Studies — the Filial
of the Vladikavkaz Science Centre
of the Russian Academy of Sciences
(Vladikavkaz, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена изучению выборов в Учредительное собрание 1917 года в Терской области. Исследование данного процесса позволит использовать положительный исторический опыт при проведении современных выборов и потому представляет собой актуальную научную проблему. Цель исследования — раскрыть особенности проведения выборов в Учредительное собрание в национальном регионе. Источниками выступили материалы, извлеченные из архивных фондов, и нормативные документы. Показано, что в период между февралем и октябрём 1917 года на территории Терской области развернулась острая политическая борьба и каждая из политических сил предлагала собственные методы обеспечения стабильности в регионе. Подчёркивается, что местная элита, сформировавшая «Союз объединённых горцев Северного Кавказа и Дагестана», видела регион частью демократической федеративной Российской республики и не противоречила политике Временного правительства. Лидеры «Союза» ратовали за проведение всеобщих выборов и справедливое представительство народов региона в Учредительном собрании. Сделан вывод о том, что выборы в Учредительное собрание оказали большое положительное влияние на развитие политической культуры в России в целом и в Терской области в частности.

Ключевые слова:

Февральская революция; Всероссийское Учредительное собрание; Терская область; *Союз объединённых горцев Северного Кавказа и Дагестана*; выборы.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines the elections to the Constituent Assembly of 1917 in the Terek region. The study of this process provides valuable historical insights that can inform contemporary electoral practices, thus representing a significant scholarly issue. The objective of the research is to elucidate the specific characteristics of the electoral process within a national region. The sources include materials extracted from archival collections and regulatory documents. It is demonstrated that between February and October 1917, the Terek region experienced intense political competition, with each political faction proposing its own methods for ensuring regional stability. The local elite, having formed the “Union of United Highlanders of the North Caucasus and Dagestan,” envisioned the region as part of a democratic federal Russian republic and did not oppose the policies of the Provisional Government. Leaders of the “Union” advocated for universal suffrage and equitable representation of the region’s peoples in the Constituent Assembly. The conclusion drawn is that the elections to the Constituent Assembly had a profoundly positive impact on the development of political culture in Russia as a whole, and specifically in the Terek region.

Key words:

February Revolution; All-Russian Constituent Assembly; Terek Region; Union of United Highlanders of the North Caucasus and Dagestan; elections.

УДК 94:324(470.65/.67)“1917”

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-9-379-398

Научная специальность ВАК

5.6.1. Отечественная история

Выборы во Всероссийское учредительное собрание в Терской области: март — декабрь 1917 года

© Дарчиева С. В., 2024

1. Введение = Introduction

После Февральской революции Россия оказалась в непростом состоянии перехода от прежней, изжившей себя формы организации общества и государства к новой модели политического и социального устройства.

Всероссийское Учредительное собрание — не имеющий аналогов в политической истории России выборный орган, главной целью которого являлось принятие конституции, определение дальнейшего пути развития Российского государства и решение вопросов социально-политического характера.

Учитывая слабую разработанность вопроса о подготовке и проведении выборов в Учредительное собрание 1917 года в Терской и Дагестанской областях, автор статьи изучает деятельность Терско-Дагестанской окружной и Терской областной избирательных комиссий по организации процесса голосования и выявляет факторы, оказавшие влияние на итоги выборов в регионе. Актуальность темы исследования определяется необходимостью накопления новых исторических знаний, которые помогут восполнить пробелы в истории Северного Кавказа в новейшее время.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В работе были использованы документы, извлеченные из фондов Центрального государственного архива РСО-Алания [ЦГА РСО-А, ф. Революции, 9; Там же, 10], и Отдела рукописного фонда Северо-Осетинского института социальных и гуманитарных исследований [ОРФ СОИГСИ, ф. 21]. Важную часть источниковой базы исследования составляют нормативные акты Временного правительства и материалы съездов горских народов Северного Кавказа и Дагестана. Данные материалы позволяют полнее воссоздать сложившуюся в 1917 году политическую ситуацию в России и на Северном Кавказе.

Методологической основой исследования стали принципы историзма и объективности. Следование этим принципам позволяет познать вещи,

явления, исторические процессы в их диалектическом развитии, избегая при этом односторонности и предвзятости в их оценке.

Из опубликованных трудов, посвященных истории созыва Учредительного собрания, выделяются работы известных отечественных исследователей В. В. Журавлева, Н. С. Симонова [Журавлев и др., 1992], О. Н. Знаменского [Знаменский, 1976], И. В. Островской [Островская, 2018], Л. Г. Протасова [Протасов, 1997], Е. А. Скрипилева [Скрипилев, 1982], Л. М. Спирина [Спирин, 1987], Н. Н. Черкесовой [Черкесова, 2002] и др. На основе анализа широкого круга источников авторы сумели выявить основные черты, характеризующие как предвыборную кампанию, так и непосредственно процесс голосования в центре и на местах. Исследователи единодушны во мнении, что в указанный период перед страной открывались необычайно широкие перспективы демократического преобразования всей системы государственного управления.

Среди научной литературы, посвящённой изучению политической истории северокавказского региона в указанный период, необходимо отметить работы: Р. Г. Гагкуева [Гагкуев, 2001], А. Г. Кажарова, Т. С. Цолоева [Кажаров и др., 2017], Ю. Ю. Карпова [Карпов, 2017], Т. Н. Литвиновой [Литвинова, 2017], В. Б. Лобанова, А. С. Артемьева [Лобанов и др., 2019], Т. Х. Матиева [Матиев, 2020], Л. Б. Салиховой [Салихова, 2021] и др. Введение в научный оборот новых архивных данных позволило авторам проследить взаимоотношения центра и периферии, а также переосмыслить социально-политические, экономические и культурные процессы в России и на Северном Кавказе.

Бурные политические события начала XX века дали старт коренным переменам как в Российской империи, так и во всём мире. Неслучайно поэтому ключевым вопросам социально-экономического и политического развития России на закате империи и в ранний советский период посвящено немало зарубежных исследований (см., например, работы А. Каппелера [Каппелер, 2000], Э. Х. Карра [Carr, 1950], Э. К. Тадена [Thaden, 1990] и др.). Особый интерес зарубежных специалистов вызывают крушение царизма, революционные события 1917—1918 годов, обстоятельства роспуска Учредительного собрания и вызванные этим событием последствия, причины начала гражданской войны и т. д. Так, в работе итальянского историка Николая Верта «1917. Россия в революции» автор, избегая однобокой подачи материала, показывает политические события 1917 года во всей их противоречивости: революция, со всеми её неизбежными проявлениями жестокости и насилия, всё же давала надежду на создание справедливого социального строя.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. «Многовластие» в Терской области: февраль — октябрь 1917 года

Хотя в поздний период существования Российской империи Северный Кавказ уже в значительной степени был включён в социально-экономическую, политическую и культурную жизнь страны, до полной интеграции дело всё-таки не дошло, а революционные события февраля 1917 года обнажили и массу накопившихся острых проблем во взаимоотношениях данного региона с центром. Наиболее сложными из них были два вопроса: земельный и национальный [Кузьминов, 2017, с. 119—125]. Хотя Февральская революция не вызвала позитивных перемен в социально-экономическом положении трудящихся масс, она внесла существенные изменения в политическую жизнь региона. В Терской области, так же как и по всей России, были организованы выборные областные губернские исполнительные комитеты, заменившие собой прежние областные (губернские) правления. Именно они стали носителями высшей власти на местах, выказывая полную лояльность Временному правительству. Несмотря на острое политическое противостояние, в мае 1917 года всё же был избран Терский областной гражданский исполнительный комитет (ТОГИК) в следующем составе: председатель — П. Т. Коцев (одна из главных фигур «Союза объединённых горцев»), старший помощник комиссара Терской области — Б. А. Шаханов, член Президиума комитета — В. Г. Джабагиев [Кажаров, 2017, с. 49]. Председатель исполкома П. Т. Коцев практически сразу заявил о полном подчинении ТОГИК Временному правительству [Там же, с. 49].

Местная политическая элита стремилась к созданию в составе Российской федеративной республики такого национально-государственного образования, которое бы объединило все народы Северного Кавказа. Созванный в мае 1917 года во Владикавказе первый съезд всех горских народов провозгласил создание «Союза объединённых горцев Северного Кавказа и Дагестана» [СОГ, 2013, с. 28—31]. Тем самым местная интеллигенция, знать и буржуазия объединяли усилия, направленные на укрепление собственных позиций в управлении регионом. «Образовалось Временное Правительство, — отмечал в своей речи председатель съезда Б. А. Шаханов, — из недр Государственной Думы и лучших деятелей, которое призвано историей собрать представителей народа в Учредительное собрание, устроить народную жизнь России на новых демократических началах равенства и свободы. ... Поэтому мы, горцы, должны явиться в Учредительное собрание во всеоружии, как объединённая мощная организация, для того чтобы отстоять такую форму республики, которая даст нам наиболее широкое самоуправление, широкую автономию» [Первый Горский

съезд ..., 1917, с. 7, 9]. В то же время политическая платформа и программа Съезда включали в себя поддержку Временного правительства «как единственного верховного носителя власти», а также подготовку населения к выборам в Учредительное собрание. Выражая полную лояльность Временному правительству, и «Союз объединенных горцев», и ТОГИК объективно содействовали движению по общероссийскому пути создания нового государственно-политического устройства.

Расстановка политических сил в регионе имела довольно сложную конфигурацию. В марте 1917 года в результате реформы казачьего самоуправления и новой организации их административных сил в Терской области возник крупный политический центр, выражавший интересы казачества.

Практически одновременно в области начинает действовать полномочный представитель Временного правительства. После образования Временного правительства наряду с министрами отдельные главные управления, ведомства и правительственные учреждения возглавили комиссары Временного правительства.

Временное правительство направляло своих комиссаров в самые сложные и отдаленные участки страны. Для обеспечения эффективной координации действий Временного правительства с Северо-Кавказским регионом 30 мая 1917 года была введена должность комиссара по делам Кавказа в Петрограде. Так, комиссаром ВКГД и Временного правительства в Дагестанскую область и Закатальский округ был направлен член 4-й Думы М. М. Далгат, а в Терскую область — член 2-й и 4-й Думы М. А. Караулов [Николаев, 1995, с. 47, 55, 59, 60].

Советы рабочих и солдатских депутатов также имели в Терской области немалое политическое значение, ослабленное, впрочем, отсутствием партийного единства: меньшевики имели прочные позиции в Совете рабочих депутатов, а у эсеров фактически не было конкурентов в Совете солдатских депутатов. Тем не менее уже к середине 1917 года в Советах значительно усилилось влияние большевиков [ОРФ СОИГСИ, ф. 21, оп. 1, д. 3, л. 1—4].

Таким образом, в многонациональной и многоконфессиональной Терской области возникло несколько политических центров: «Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана», Войсковое правительство Терского казачьего войска, Терский областной гражданский исполнительный комитет (ТОГИК), Советы рабочих и солдатских депутатов, институт правительственных комиссаров, включающих губернского (областного) правительственного комиссара и уездных (окружных) комиссаров.

Каждая из указанных политических сил стремилась стать главным носителем власти на местах, предлагая собственные решения по управлению

регионом, в силу чего конфронтация между ними была неизбежна. В то же время всех их объединяло выражение полной поддержки Временному правительству и признание его законной властью в России вплоть до созыва Всероссийского Учредительного собрания.

В такой неопределенной, сложной социально-политической обстановке в Терской области велась подготовка к выборам во Всероссийское Учредительное собрание.

3.2. Подготовка к выборам, предвыборная и избирательная кампания, итоги выборов в Терской области

Выборы во Всероссийское Учредительное собрание были назначены Временным правительством на 12 ноября, а срок его созыва — на 28 ноября 1917 года. Постановление об этом поступило в Терскую область в сентябре 1917 года [Терско-Дагестанской..., оп. 1, д. 409, л. 1]. Этим же постановлением Временного правительства, в соответствии с законом о выборах, создавался Терско-Дагестанский избирательный округ, охватывавший Терскую (кроме караногайцев и калмыков) и Дагестанскую области [СУП ВП, 1918, с. 31]. В основу выборов была положена пропорциональная избирательная система, принцип пропорциональности также использовался и для подведения итогов выборов. Населению данного округа предоставлялось право избрать в Учредительное собрание 10 депутатов из расчета 1 депутат на 200 000 человек. Исходя из этой системы многочисленные мелкие горские народности, число которых не превышало 200 000 человек, лишились своего представителя в собрании.

Именно последнее обстоятельство и стремление обеспечить для всех национальностей региона равные возможности голосования побудили Центральный Комитет «Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана» направить ходатайство председателю Временного правительства и во Всероссийскую комиссию по выборам с предложением изменить избирательный закон по Терской области и предоставить каждой горской народности Кавказа независимо от ее численности право посылать в Российское Учредительное собрание по крайней мере по одному депутату [ЦГА РСО-А, ф. Революции, 10, оп. 1, д. 5, л. 14—14 об.].

Глава «Союза объединенных горцев» А.-М. (Тапа) Чермоев направил председателю Временного правительства А. Ф. Керенскому письменное обращение, в котором предложил признать за всеми большими и малыми народами в России одинаковые права на участие в определении политического устройства страны, увеличив количество депутатов от Терской области до 15 человек из расчета 1 депутат на 140 000 человек, как это было сделано для малонаселенного района в Архангельском избирательном округе и в 5-ти Сибирских губерниях [Там же, л. 17].

Принимая во внимание все доводы, председатель Всевыборы Н. Н. Авинов уведомил ЦК «Союза объединенных горцев» о невозможности внести изменения в правила о выборах в Учредительное собрание по Терско-Дагестанскому округу ввиду начавшегося выборного производства [Там же, л. 49].

С момента своего образования и до настоящего времени Россия является многонациональным государством. Данное обстоятельство во многом обусловило особую актуальность и остроту национального вопроса, который достиг предельной остроты в феврале 1917 года и вызвал цепную реакцию распада империи. Февральскую революцию вполне обоснованно характеризуют не только как политическую, но и как национальную, поскольку она вызвала подъем самосознания народов России, выразившийся в создании национальных партий, усилении автономистских, федералистских, а также — неизбежная в периоды политической турбулентности крайность — сепаратистских тенденций. Таким образом, Всероссийское Учредительное собрание с самого начала своей деятельности было связано с национальным вопросом, решение которого во многом определялось выбором дальнейшего пути развития российской государственности [Протасов, 2008, с. 88]. Поэтому, когда стало известно об отказе внести предложенные изменения в избирательный закон по выборам в Учредительное собрание по Терско-Дагестанскому округу, лидеры «Союза объединенных горцев» посчитали это крупной политической ошибкой. По их мнению, своей политикой Временное правительство ничем не отличалось от царских министров, и это «создавало среди горцев уверенность, что политика угнетения инородческого меньшинства не ликвидирована и может повести к отказу горцев от участия в выборах» [ЦГА РСО-А, ф. Революции, 10, оп. 1, д. 5, л. 14 об.].

На созданную 20 сентября 1917 года Терско-Дагестанскую окружную по выборам в Учредительное собрание комиссию было возложено выполнение всех задач, связанных с организацией и проведением выборов, и уже 4 октября 1917 года комиссия приступила к работе во Владикавказе в составе председателя Л. И. Канаева и членов комиссии: М. И. Гужева, Д. И. Еланского, И. Ф. Серебренникова, М. И. Гадиева. Дагестанская областная комиссия начала свою деятельность в составе председателя В. Н. Коперникова и членов комиссии — Д. Е. Поцхверова, М. М. Мавраева, М. А. Дахадаева, З. Темирханова [Терско-Дагестанской ..., оп. 1, д. 409, л. 1, 47].

Терская областная комиссия, обсудив положение подготовительных работ по выборам в области, разработала подробный план предвыборной кампании. «Положение» о выборах и предписание полковника И. А. Михайлова, комиссара Временного правительства в Терской области, стави-

ли перед мировыми судьями задачу создания уездных по делам о выборах в Учредительное собрание комиссий и избирательных участков. Имелись ли на то объективные причины или всё объясняется нерасторопностью ответственных лиц, теперь сказать трудно, но из запланированных 12-ти уездных комиссий в назначенный срок удалось сформировать лишь 5: Владикавказскую, Моздокскую, Нальчикскую, Назрановскую и Кизлярскую. «Положение» о выборах определяло следующий состав должностных лиц уездных комиссий: административный судья (он же председатель), 2 мировых судьи, избираемые мировым съездом, 4 члена комиссии (2 — избираемые уездной земской управой, и 2 — избранные управой уездного города). Кроме того, отдельные группы населения имели право выдвинуть одного своего кандидата в члены уездной и областной комиссии, но их включение в состав комиссий происходило уже после регистрации избирательных списков.

Задачами окружных комиссий являлись также контроль над составлением в установленные сроки избирательных списков и их обнародование. Областная комиссия устанавливала день составления списков и срок их обнародования в Терской области, что предусматривалось ст. 16 «Положения» о выборах в Учредительное собрание. Ст. 30 «Положения» о выборах регламентировала порядок составления избирательных списков: комиссиям рекомендовалось составлять их по форме в алфавитном порядке с указанием фамилии и инициалов, места жительства, рода занятий, порядкового номера каждого избирателя. Списки, составленные без соблюдения требуемой законом формы, возвращались для исправления. Так, были возвращены избирательные списки станиц Александровской и Нестеровской Сунженского отдела. Повторно были выставлены списки в городе Пятигорске [Там же, л. 7—10].

Особого подхода потребовала организация выборов в губернских городах и крупных городах с числом жителей более 50 тысяч человек. Было принято решение создать для них специальные городские комиссии, наделённые полномочиями уездных и включавшие четыре выборных представителя от городской управы. Выборным комиссиям, действовавшим в Пятигорске, Кисловодске, Георгиевске, Грозном и Владикавказе, поручалось выполнение всего большого комплекса мероприятий по подготовке, проведению и подведению итогов выборов.

Финансовое обеспечение всех подготовительных мероприятий было возложено на Терско-Дагестанскую окружную по выборам в Учредительное собрание комиссию, причем недостаток денежных средств не мог служить причиной к приостановлению работы комиссий. Местное управление и самоуправление должны были всемерно содействовать работе комиссий.

Областная комиссия не имела юридического права вносить изменения или трактовать статьи «Положения» о выборах.

Были приняты меры и для обеспечения гласности в работе избирательной комиссии: сведения о ходе выборного процесса, циркуляры с разъяснением сложных моментов, возникающих в ходе практического применения «Положения» о выборах, было решено освещать в местных газетах «Голос», «Вперед», «Терский вестник», а также в объявлениях, вывешенных в присутственных местах [Там же, л. 3.]. Более того, по закону о выборах избиратели имели возможность контролировать деятельность комиссий. Если у избирателя были веские основания сомневаться в правильности или полноте списков, он имел право подать жалобу с требованием исправления ошибок. Несомненным признаком демократизации выборного процесса было привлечение избирателей и к подготовке выборов, и к контролю над ними [Черкесова, 2002, с. 52].

Вместе с тем Терской областной комиссии стало ясно, что завершить предвыборную работу и провести выборы в срок в регионе не удастся в связи с разнородной политической культурой населения (малограмотность, незнание русского языка, индифферентность к выборам), отсутствием достаточного количества грамотных специалистов для избирательного аппарата, протяженностью территории, отсутствием дорог, огромными трудностями организационно-технического характера. Поэтому согласно постановлению от 11 октября Терско-Дагестанской областной комиссии срок выборов был перенесен с 12, 13 и 14 ноября на 26, 27, 28 ноября 1917 года.

Задержка в проведении выборов в Терско-Дагестанской области, перенос сроков выборов, крайне плохая подготовка региона привели к экстремному заседанию Терской областной комиссии 12 октября во Владикавказе. Комиссия в составе председателя Л. И. Канаева, членов М. И. Гужева, Д. И. Еланского, И. Ф. Серебренникова, М. И. Гадиева и прибывшего из Петрограда уполномоченного Всероссийской комиссией Н. Н. Виноградова рассмотрела вопросы, связанные с текущей работой. Выясняя причины плохой подготовки к выборам, они потребовали от председателей ряда городских и уездных комиссий предоставить все данные о ходе формирования избирательных участков и списков. В итоге из-за неподготовленности местных избирательных комиссий вышло постановление Терско-Дагестанской окружной комиссии о переносе выборов в области и назначении новой даты. Согласно п. 16, 27, 31—34, 36—41 ст. «Положения» о выборах и 38, 39 ст. Наказа о применении этого «Положения» не позднее 14 октября Дагестанская областная комиссия должна была составить избирательные списки и вывесить их 24 октября на всеобщее обозрение. Военнослужащим, находящимся вне войскового района, предписано было участвовать в выборах

совместно с гражданским населением. Согласно «Положению» о выборах, для запасных воинских частей, полевых управлений, военных училищ и лазаретов создавались особые воинские участки. 5 декабря 1917 года было назначено первым днем голосования для Дагестанской области [Материалы Терско-Дагестанской ..., оп. 1, д. 409, л. 43—43 об., 44, 47 об.].

Но говорить о том, что весь регион оказался неподготовленным к выборам, было бы неверным. Несмотря на незавершенность подготовительной организационно-технической работы в Грозненском, Веденском и Хасав-Юртовском округах Терской области и городах и уездах Дагестанской области, всё же в целом в казачьих отделах и городах Владикавказа, Пятигорска, Кисловодска, Георгиевска, Грозного подготовка к выборам была своевременно завершена.

Между тем чем ближе была дата выборов, тем все более нестабильной становилась обстановка в стране. Тем не менее Временное правительство сохраняло надежду на то, что Российское общество, расколотое по идейно-политическим направлениям (революционное, демократическое, реакционное), раздираемое острыми конфликтами, сможет объединиться и провести выборы в Учредительное собрание, тем самым открыв путь к выработке единой программы выхода из кризиса.

Партийный характер предвыборной кампании отрицать невозможно, поскольку в ней приняли активное участие и общероссийские, и национальные партии. «Положение» о выборах регламентировало порядок выдвижения кандидатских списков: необходимо было собрать не менее 100 избирательских подписей, лишь после этого один из избирателей округа становился представителем кандидатского списка в окружной избирательной комиссии [Протасов, 1997, с. 122].

11 избирательных списков в Терско-Дагестанском избирательном округе включали следующих кандидатов:

№ 1 — в избирательную комиссию был подан список кандидатов от Терского казачьего войска, подписанный 101 лицом. Возглавил казачий список Атаман ТКВ М. А. Караулов. Все 10 кандидатов, которых выдвинул Войсковой круг, были самые известные казачьи лидеры. Это заместитель М. А. Караулова Л. Е. Медяник, Г. А. Ткачев, В. И. Абрамов и др. [Материалы Терско-Дагестанской ..., оп. 1, д. 407, л. 1]. Программа, с которой шли казаки в Учредительное собрание, поддерживала демократические преобразования Временного правительства.

№ 2 — в Терско-Дагестанскую избирательную комиссию был подан список из 10 кандидатов — участников конференции Трудовой народно-социалистической партии. В основном это представители интеллигенции (врачи, учителя, присяжные поверенные) Пятигорска и Кисловодска, сред-

ний возраст составлял 40 лет, возглавил список член Исполнительного комитета Пятигорского совета рабочих и солдатских депутатов А. Н. Житков. Список был подписан 105 лицами.

№ 3 — в Учредительное собрание от Дагестанского Мусульманского национального комитета был представлен список с 8 кандидатами за подписью 100 лиц. В него вошел ученый-арабист, имам Северного Кавказа Н. М. Гоцинский, депутат 3-й Государственной думы И. И. Гайдаров и др. Возглавил список Г. Н. Бамматов [Там же, л. 2—3]. Представители исламского духовенства выступали за создание теократического государства (имамата) и Духовного управления мусульман на территории Северного Кавказа. Кандидаты, вошедшие в список № 3, объединились по этноконфессиональному принципу.

Процесс подбора кандидатов в депутаты Учредительного собрания шёл и в Советах рабочих и солдатских депутатов Владикавказа, Грозного, Нальчика, Моздока и Пятигорска. Как уже отмечалось, в Советах в то время имели сильные позиции разные политические партии, поэтому было принято решение, что каждая партия выставит своего кандидата [ОРФ СО-ИГСИ, ф. 21, оп. 1, д. 5, л. 23].

№ 4 — в октябре своих кандидатов выдвинула Российская социал-демократическая рабочая партия (меньшевиков), список из 11 кандидатов был подписан 141 лицом. Возглавил список комиссар Владикавказского округа по выборам населения С. А. Такоев. Программа РСДРП(м) включала расширение прав рабочих, создание парламентской республики с эволюционным переходом от капитализма к социализму и др.

№ 5 — Партия народной свободы (кадетов) направила в Терско-Дагестанскую избирательную комиссию список из 14 кандидатов, представляющих всю Терскую область (Владикавказ, Георгиевск, Грозный, Дербент, Кисловодск, Пятигорск), подписанный 170 лицами. В него вошли 14 кандидатов. Список кандидатов открывал Ф. Ф. Чепелюгин, присяжный поверенный, с 1915 года руководитель Владикавказского комитета союза городов.

№ 6 — 25 октября 1917 года лидер ЦК «Союза объединенных горцев» П. Т. Коцев был представлен кандидатом от кабардинского, балкарского и русского населения Нальчикского округа в Учредительное собрание по Терско-Дагестанскому округу [ЦГА РСО-А, ф. Революции, 9, оп. 1, д. 4, л. 20 об.]. П. Т. Коцев стоял на позиции создания автономии северо-кавказских народов в составе России, являлся поборником всеобщих выборов и пропорционального этнического представительства в органах власти.

№ 7 — Блок Российской социал-демократической рабочей партии (большевиков) и осетинской революционно-демократической партии

«Кермен» представил единый список из 13 кандидатов, подписанный 112 лицами. Надо отметить, что в Осетии особенно сильным было влияние большевиков. Так, например, в селении Христиановском (ныне Дигора) при выборах в Учредительное собрание большевики получили на 200 голосов больше, чем другие партии, такой результат наблюдался и в Алагире [ОРФ СОИГСИ, ф. 21, оп. 1, д. 5, л. 7]. Большевики боролись за свободные и демократические выборы и право наций на самоопределение. Их социальной базой была горская беднота, которой большевики обещали вернуть отнятую казаками землю. Возглавил список пламенный борец Октябрьской революции на Тереке, С. Г. (Ной) Буачидзе [Материалы Терско-Дагестанской ..., оп. 1, д. 407, л. 5, 5 об].

№ 8 — в октябре своих кандидатов выдвинули участники конференции — Партия социалистов-революционеров. В список вошли 15 кандидатов представлявших Терскую область, Харьков (Г. А. Дуросаянц) и Петроград (Е. С. Берг). Список был подписан 103 лицами, его возглавил Г. Г. Пашковский. [Там же, л. 5 об, 6]. Стоявшие на социалистических (немарксистских) позициях эсеры призывали к классовой борьбе и социализации земли. Их социальной базой были крестьяне, городская беднота, а также часть казаков и горцев.

№ 9 — за подписью 104 лиц был утвержден список кандидатов национальной партии — Чеченские и Ингушские народы, Грозненского Веденского и Назрановского округов Терской области. Самостоятельную партийно-политическую деятельность представители горских народов начали осуществлять после Февральской революции. В предшествующий период они лишь создавали малозначительные местные организации общероссийских партий. Список из 5 кандидатов возглавил меньшевик А. М. Мутушев, член партии меньшевиков. Среди кандидатов был представлен член Центрального комитета «Союза объединенных горцев» В. Г. Э. Джабагиев [Там же, л. 6]. Представители чеченских и ингушских народов придерживались программы Юго-Восточного союза казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей (ЮВС).

№ 10 — Украинцы Терской области представили свой список из 8 кандидатов в Учредительное собрание по Терско-Дагестанскому избирательному округу, подписанный 127 лицами. Все кандидаты являлись сторонниками программы эсеров. Возглавил список П. А. Полиховский, гласный городской думы г. Пятигорска [Там же, л. 6 об].

№ 11 — в январе 1918 экстренно, особняком формировался список, представлявший кандидатов Дагестанской социалистической группы. Список из 6 кандидатов, подписанный 103 лицами, возглавил видный общественный деятель Дагестана, глава Темир-Хан-Шуринского «Крестьян-

ского центра», активный член РСДРП, большевик Д.-Э. А. Коркмасов [Там же, л. 7]. Среди кандидатов были М.-А. (Махач) Дахадаев — политический деятель Дагестана, большевик, резко критиковавший панисламское и пантюркистское течение на Тереке (возглавил А. Т. Цаликов) и в Дагестане (возглавили Г. Бамматов, И. Гайдаров), А.-А. Тахо-Годи — большевик, советский государственный и общественный деятель, и др.

Таким образом, в процессе выборов в Учредительное собрание в Терской области складываются объединения двух типов: партийные группы и национально-региональные группы. Если принцип образования партийных групп понятен и прост, то национально-региональные группы характеризовались сложным, неоднородным составом и возникали на основе разных принципов. Так, Мусульманский национальный комитет был образован по этноконфессиональному принципу, Казачий список воплощал этносословный принцип образования, а список Кабардинского, балкарского и русского населения Нальчикского округа — пример этнотерриториального принципа объединения.

Октябрьская революция в Петрограде кардинальным образом изменила общественно-политическую ситуацию на Северном Кавказе, и потому выборная кампания в Терской области проходила в очень сложных условиях. На прошедшем 20 октября 1917 года во Владикавказе учредительном съезде был образован Юго-Восточный союз казачьих войск и горцев Кавказа, единственной целью которого было предотвращение большевизации Терской области [Союз объединенных горцев ..., 2013, с. 56]. В декабре 1917 года к Юго-Восточному союзу присоединился и «Союз объединенных горцев», однако предотвратить стремительно надвигающуюся дестабилизацию региона и последовавшую затем гражданскую войну это уже не могло.

Особенно тяжело выборная кампания проходила в Дагестанской области, где многократно переносились сроки выборов. 4 января 1918 года на заседании областной избирательной комиссии в Темир-Хан-Шуре (ныне г. Буйнакс) выяснилось, что высланный 1 декабря 1917 года из Владикавказа вагон с избирательным материалом для г. Дербент и трех округов: Кюринского, Кайтаго-Табасаранского и Самурского — прибыл с опозданием. Комиссия назначила новый срок голосования: с 22 по 28 января 1918 года, а выборы отложили до февраля 1918 года. Все эти переносы происходили то из-за разбушевавшейся стихии (снежных заносов), то из-за плохой работы железных дорог и почты, но главной причиной всё же был кризис российской государственности и вызванная им политическая неопределённость.

Л. Г. Протасов полагает, что, хотя голоса в большей части Терско-Дагестанского округа, вероятнее всего, собрали, до подведения общих ито-

гов дело так и не дошло; на открытие Учредительного собрания ни один из 10 положенных округу депутатов не приехал [Протасов, 1997, с. 163]. Из 86 856 голосов, выявленных Л. Г. Протасовым, Терское казачье войско получило 34,45 %, большевики — 34,41 %, эсеры — 13,29 %, кадеты — 13,04 % [ВУС, 2014, с. 433].

Впрочем, результаты голосования за список Терского Казачьего войска по некоторым населенным пунктам Терской области нам известны: на выборах во Владикавказе, проходивших с 26—28 ноября, всего проголосовало 18 610 человек, из них за список Терского Казачьего войска — 3062 голоса [ОРФ СОИГСИ, ф. 21, оп. 1, д. 5, л. 6]. В станице Грозненской всего проголосовавших — 2135, из них за список Терского Казачьего войска — 1453, в кубанской станице Елизаветинской всего проголосовавших — 2817, из них за список Терского Казачьего войска — 2156 [Протасов, 1997, с. 261].

В «Терском вестнике», официальном печатном органе Терского областного исполнительного комитета, приведены следующие данные голосования во Владикавказе: список Терского Казачьего войска — 3063, Трудовики — 51, Мусульманский национальный комитет — 59, список Кабардинского, балкарского и русского населения Нальчикского округа — 16, меньшевики — 358, большевики — 8218, кадеты — 4408, эсеры — 1768, чечено-нгушские народы — 323, украинцы — 213, Дагестанская социалистическая группа — 28 [Результаты выборов ..., 1917, с. 2]. Таким образом, выборы во Владикавказе всё-таки состоялись, и в них приняло участие 18 505 избирателей.

Закон о выборах позволял кандидату баллотироваться по одному списку, но одновременно в нескольких округах. Кандидат И. И. Гайдаров, к примеру, был избран депутатом Всероссийского Учредительного собрания по Закавказскому округу, но одновременно баллотировался и по списку № 3 — Мусульманский национальный комитет по Терско-Дагестанскому избирательному округу. Кандидат Б. М. М. Султанов также был зарегистрирован по Терско-Дагестанскому избирательному округу (список № 3) и одновременно стал делегатом в собрание по Закавказскому округу [Алфавитный список ..., 1917, оп. 1, л. 3 об., 10].

Что показали выборы? Прежде всего, нужно отметить, что в нарастающем политическом хаосе, почти начавшейся гражданской войне выборы в Учредительное собрание в Кабарде, во Владикавказе, Грозном, Пятигорске, Эссентуках и Кисловодске были всё-таки проведены. В результате слаженной работы всех ответственных структур по организационно-технической подготовке и проведению выборов вопреки трудностям объективного характера в ноябре 1917 года избирательные комиссии в Терской области были открыты. Необходимо отметить бесспорно возросшее влияние боль-

шевиков и керменистов: они получили огромную поддержку населения и смогли потеснить кадетов и эсеров в регионе.

4. Заключение = Conclusions

В период между февралем и октябрём 1917 года местная горская и казачья элита, стремясь сделать Северный Кавказ частью демократической федеративной Российской республики и полностью поддерживая инициативу Временного правительства по созыву Всероссийского Учредительного собрания, отстаивала необходимость всеобщих выборов, равноправного этнического представительства в Учредительном собрании.

Участие народов Северного Кавказа в политической жизни российского государства, а именно в выборах Всероссийского Учредительного собрания оказало несомненное положительное влияние на развитие политической культуры в регионе. Созыв Учредительного собрания, задачами которого были принятие конституции, определение формы будущего государственного устройства страны и решение вопросов социально-политического характера, задавал новый многообещающий вектор развития российского социума.

Хотя подготовка к намеченным на осень выборам развернулась по самому демократическому в то время избирательному закону, в силу объективных причин выборы в Учредительное собрание проводились в чрезвычайной обстановке. Кризис российской государственности и вызванная им политическая неопределённость в регионе не могли не оказать негативного влияния на итоги выборов в Учредительное собрание. Однако несомненным положительным результатом было участие народов Северного Кавказа в политической жизни российского государства.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	The author declares no conflicts of interests.
--	---

Источники и принятые сокращения

1. *Алфавитный* список членов Учредительного собрания [Электронный ресурс] // Президентская библиотека. — Режим доступа : <https://www.prlib.ru/item/465804> (дата обращения 08.08. 2024).

2. ВУС — *Всероссийское* Учредительное собрание : Энциклопедия / автор — составитель Л. Г. Протасов. Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2014. — 553 с. — ISBN 978-5-8243-1921-7.

3. *Материалы* Терско-Дагестанской окружной по делам о выборах в Учредительное Собрание комиссии о подготовке выборов. Д. 407 [Электронный ресурс] // Президентская библиотека (<https://www.prlib.ru/>). — Режим доступа : <https://www.prlib.ru/item/854603> (дата обращения 08.08. 2024).

4. *Материалы* Терско-Дагестанской окружной по делам о выборах в Учредительное собрание комиссии о производстве выборов. Д. 409 [Электронный ресурс] // Пре-

зидентская библиотека (<https://www.prlib.ru/>). — Режим доступа : <https://www.prlib.ru/item/702169> (дата обращения 08.08.2024).

5. ОРФ СОИГСИ — *Отдел* рукописного фонда Северо-Осетинского института социальных и гуманитарных исследований. Ф. 21. Материалы по Терской области 1917 г. Оп. 1. Д. 3. Д. 5.

6. СОГ — *Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана* (1917—1918 гг.) и *Горская Республика* (1918—1920 гг.). Документы и материалы. — Издание второе, исправленное и дополненное. — Махачкала : ИИАЭ ДНЦ РАН, АЛЕФ, 2013. — 290 с. — ISBN 978-5-4447-0001-3.

7. СУП ВП — *Сборник указов и постановлений Временного правительства*. — Петроград : Первая государственная типография, 1918. — Выпуск 2. — 799 с.

8. ЦГА РСО-А. — *Центральный государственный архив республики Северная Осетия — Алания*. Ф.Р. 9. Список кандидатов намеченных Союзом горцев Северного Кавказа и Дагестана в Учредительное собрание по Терско-Дагестанскому избирательному округу. Оп. 1. Д. 4. ; Ф.Р. 10. Телеграммы об избрании депутатов в Учредительное собрание. Оп. 1. Д. 5.

Литература

1. *Гагкуев Р. Г.* Особенности Великой российской революции и Гражданской войны на Северном Кавказе. 1917—1920 гг. / Р. Г. Гагкуев // *Россия в эпоху революций и реформ. Проблемы истории и историографии*. — 2019. — Т. 7. — С. 196—210.

2. *Верт Н.* 1917. Россия в революции / Н. Верт. — Москва : Астрель, 2003. — 159 с. — ISBN 5-271-06181-7.

3. *Журавлев В. В.* Причины и последствия разгона Учредительного собрания / В. В. Журавлев, Н. С. Симонов // *Вопросы истории*. — 1992. — № 1. — С. 3—18.

4. *Знаменский О. Н.* Всероссийское учредительное собрание. История созыва и политического крушения / О. Н. Знаменский. — Санкт-Петербург : Наука, 1976. — 364 с.

5. *Кажаров А. Г.* Общеественно-политическая деятельность горской интеллигенции на Северном Кавказе в условиях русской революции 1917 г. / А. Г. Кажаров, Т. С. Цолов // *Гуманитарные и юридические исследования*. — 2017. — № 4. — С. 47—53.

6. *Каппелер А.* Россия — многонациональная империя / А. Каппелер. — Москва : Прогресс-Традиция : Традиция, 2000. — 342 с. — ISBN 5-89493-009-X.

7. *Карпов Ю. Ю.* Национальная политика советского государства на северокавказской периферии в 20—30-е гг. XX в. : эволюция проблем и решений / Ю. Ю. Карпов. — Санкт-Петербург : Центр «Петербургское востоковедение», 2017. — 400 с. — ISBN 978-5-85803-505-3.

8. *Кузьминов П. А.* К вопросу о причинах Февральской демократической революции на Северном Кавказе / П. А. Кузьминов // *Государственно — правовое строительство в России в 1917 году. Южное направление (к 100-летию февральской революции в России) : материалы региональной научно-практической конференции, Пятигорск, 27 марта 2017 года*. — Пятигорск : Пятигорский государственный университет, 2017. — С. 119—125. — ISBN 978-5-4220-0865-0.

9. *Литвинова Т. Н.* Политическая институционализация и борьба элит на Северном Кавказе в период революций 1917 года и Гражданской войны / Т. Н. Литвинова // *Журнал социологии и социальной антропологии*. — 2017. — Т. 20. — № 4. — С. 154—168. — DOI: 10.31119/jssa.2017.20.4.8.

10. *Лобанов В. Б.* Владикавказский съезд горских народов Северного Кавказа в мае 1917 г. / В. Б. Лобанов, А. С. Артемьев // *Современная научная мысль*. — 2019. — № 2. — С. 73—77.

11. *Лобанов В. Б.* Политическая элита Северного Кавказа в годы Революции и Гражданской войны: планы и реализация политических концепций / В. Б. Лобанов // Электронный журнал «Кавказология». — 2023. — № 1. — С. 70—78. — DOI: 10.31143/2542-212X-2023-1-70-78.

12. *Матиев Т. Х.* Горское национальное движение в революциях и гражданской войне на Северном Кавказе (1917—1921) / Т. Х. Матиев. — Назрань : ООО «КЕП», 2020. — 402 с. — ISBN 978-5-4482-0081-6.

13. *Николаев А. Б.* Комиссары Временного комитета Государственной думы (февраль—март 1917 г.) : персональный состав / А. Б. Николаев // Из глубины времен. — 1995. — № 5. — С. 46—74.

14. *Островская И. В.* Выборы во Всероссийское Учредительное собрание : Севастополь, сентябрь — декабрь 1917 г. / И. В. Островская // Причерноморье. История, политика, культура. — 2018. — № 24. — С. 67—73. — DOI: 10.5281/zenodo.1314266.

15. *Первый Горский съезд (Отчет).* / Составил Б. Далгат. — Владикавказ : [б. и.], 1917. — 112 с.

16. *Протасов Л. Г.* Всероссийское учредительное собрание. История рождения и гибели / Л. Г. Протасов. — Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997. — 368 с. — ISBN 5-86004-117-9.

17. *Протасов Л. Г.* Депутаты Всероссийского Учредительного собрания : этнонациональный аспект / Л. Г. Протасов // Научные ведомости. — 2008. — № 1 (41). — Выпуск 5. — С. 88—94.

18. *Результаты выборов в Учредительное Собрание* // Терский вестник. — 1917. — 9 декабря. — № 179. — С. 2.

19. *Салихова Л. Б.* Современная англоязычная историография о событиях 1917—1921 гг. На Северном Кавказе / Л. Б. Салихова // Известия СОИГСИ. — 2021. — № 40 (79). — С. 5—22. — DOI: 10.46698/VNC.2021.79.40.001.

20. *Скриплев Е. А.* Всероссийское учредительное собрание : Ист.-правовое исследование. / Е. А. Скриплев. — Москва : Наука, 1982. — 216 с.

21. *Спирин Л. М.* Россия, 1917 год : из истории борьбы политических партий / Л. М. Спирин. — Москва : Мысль, 1987. — 333 с.

22. *Филатова Ж. В.* Трансформация системы органов местного управления и самоуправления в Ставропольской губернии и Терской области в марте — апреле 1917 г. : динамика и особенности преобразовательных процессов / Ж. В. Филатова // Научные проблемы гуманитарных исследований. — 2009. — № 15. — С. 78—86.

23. *Черкесова Н. Н.* Всероссийская по делам о выборах в Учредительное собрание комиссия (Всевыборы). 3 марта 1917 г. — 1 марта 1918 г. — Москва : ООО «Полиграф сервис», 2002. — 184 с. — ISBN 5-86388-049- X.

24. *Carr E. H.* The Bolshevik revolution 1917—1923 / E. H. Carr. — London : Macmillan & Co. Ltd., 1950. — Vol. 1. — 430 p.

25. *Thaden E. C.* Russification in Tsarist Russia / E. C. Thaden // With collaboration of Marianna Forster Thaden. Interpreting History : Collective Essays on Russia's Relations with Europe. — New York : Boulder, 1990. — Pp. 211—220.

*Статья поступила в редакцию 09.08.2024,
одобрена после рецензирования 29.10.2024,
подготовлена к публикации 06.11.2024.*

Material resources

- Alphabetical list of members of the Constituent Assembly. *Presidential Library*. Available at: <https://www.prlib.ru/item/465804> (accessed 08.08.2024). (In Russ.).
- CGA RSO-A. — *Central State Archive of the Republic of North Ossetia*. (In Russ.).
- Materials of the Tersk-Dagestan District Commission on elections to the Constituent Assembly of the Commission on the preparation of elections. d. 407. *Presidential Library* (<https://www.prlib.ru/>). Available at: <https://www.prlib.ru/item/854603> (accessed 08.08.2024). (In Russ.).
- Materials of the Tersk-Dagestan District Commission on elections to the Constituent Assembly of the Commission on the conduct of elections. d. 409. *Presidential Library* (<https://www.prlib.ru/>). Available at: <https://www.prlib.ru/item/702169> (accessed 08.08.2024). (In Russ.).
- ORF SOIGSI — *Department of the manuscript fund of the North Ossetian Institute of Social and Humanitarian Studies. F. 21. Materials on the Tersk region in 1917 Op. 1. 3. 5*. (In Russ.).
- SOG — *Union of United Mountaineers of the North Caucasus and Dagestan (1917—1918) and the Mountain Republic (1918—1920). Documents and materials. Second edition, revised and expanded*. (2013). Makhachkala: IIAE DNC RAS, ALEF. 290 p. ISBN 978-5-4447-0001-3. (In Russ.).
- SUPP VP — *Collection of decrees and resolutions of the Provisional Government, 2*. (1918). Petrograd: The First State Printing House. 799 p. (In Russ.).
- VUS — *All-Russian Constituent Assembly: Encyclopedia*. (2014). Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN). 553 p. ISBN 978-5-8243-1921-7. (In Russ.).

References

- Carr, E. H. (1950). *The Bolshevik revolution 1917—1923, 1*. London: Macmillan & Co. Ltd. 430 p.
- Cherkesova, N. N. (2002). *All-Russian Commission on Elections to the Constituent Assembly (All-elections). March 3, 1917 — March 1, 1918*. Moscow: LLC “Polygraph service”. 184 p. ISBN 5-86388-049- X. (In Russ.).
- Filatova, Zh. V. (2009). Transformation of the system of local government and self-government in Stavropol province and Tersk region in March — April 1917: dynamics and features of transformative processes. *Scientific problems of humanitarian research, 15*: 78—86. (In Russ.).
- Gagkuev, R. G. (2019). Features of the Great Russian Revolution and the Civil War in the North Caucasus. 1917—1920. Russia in the era of revolutions and reforms. *Problems of history and historiography, 7*: 196—210. (In Russ.).
- Kappeler, A. (2000). *Russia is a multinational empire*. Moscow: Progress-Tradition: Tradition. 342 p. ISBN 5-89493-009-X. (In Russ.).
- Karpov, Yu. Yu. (2017). *The national policy of the Soviet state on the North Caucasian periphery in the 20—30s of the XX century.: the evolution of problems and solutions*. St. Petersburg: Center for St. Petersburg Oriental Studies. 400 p. ISBN 978-5-85803-505-3. (In Russ.).
- Kazharov, A. G., Tsoloevo, T. S. (2017). Socio-political activity of the mountain intelligentsia in the North Caucasus in the conditions of the Russian revolution of 1917. *Humanitarian and legal studies, 4*: 47—53. (In Russ.).
- Kuzminov, P. A. (2017). On the question of the causes of the February democratic revolution in the North Caucasus. In: *State-legal construction in Russia in 1917. The Southern direction (to the 100th anniversary of the February Revolution in Russia): materials*

- of the regional scientific and practical conference, Pyatigorsk, March 27, 2017. Pyatigorsk: Pyatigorsk State University. 119—125. ISBN 978-5-4220-0865-0. (In Russ.).*
- Litvinova, T. N. (2017). Political institutionalization and the struggle of elites in the North Caucasus during the revolutions of 1917 and the Civil War. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, 20 (4): 154—168. DOI: 10.31119/jssa.2017.20.4.8. (In Russ.).
- Lobanov, V. B. (2023). The political elite of the North Caucasus during the Revolution and the Civil War: plans and implementation of political concepts. *Electronic journal "Kavkazologiya"*, 1: 70—78. DOI: 10.31143/2542-212X-2023-1-70-78. (In Russ.).
- Lobanov, V. B., Artemyev, A. S. (2019). Vladikavkaz Congress of the mountain peoples of the North Caucasus in May 1917. *Modern scientific thought*, 2: 73—77. (In Russ.).
- Matiev, T. H. (2020). *The Mountain National Movement in revolutions and civil war in the North Caucasus (1917—1921)*. Nazran: KEP LLC. 402 p. ISBN 978-5-4482-0081-6. (In Russ.).
- Nikolaev, A. B. (1995). Commissars of the Provisional Committee of the State Duma (February–March 1917): personal staff. *From the depths of time*, 5: 46—74. (In Russ.).
- Ostrovskaya, I. V. (2018). Elections to the All—Russian Constituent Assembly: Sevastopol, September — December 1917. *Black Sea region. History, politics, culture*, 24: 67—73. DOI: 10.5281/zenodo.1314266. (In Russ.).
- Protasov, L. G. (1997). *All-Russian Constituent Assembly. The story of birth and death*. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN). 368 p. ISBN 5-86004-117-9. (In Russ.).
- Protasov, L. G. (2008). Deputies of the All-Russian Constituent Assembly: an ethnonational aspect. *Scientific Vedomosti*, 1 (41) / 5: 88—94. (In Russ.).
- Results of the elections to the Constituent Assembly. (1917). *The Tersk Herald*, 179. December 9th. P. 2. (In Russ.).
- Salikhova, L. B. (2021). Modern English-language historiography about the events of 1917—1921. In the North Caucasus. *Izvestia SOIGSI*, 40 (79): 5—22. DOI: 10.46698/VNC.2021.79.40.001. (In Russ.).
- Skripilev, E. A. (1982). *All-Russian Constituent Assembly: Historical and legal research*. Moscow: Nauka. 216 p. (In Russ.).
- Spirin, L. M. (1987). *Russia, 1917: from the history of the struggle of political parties*. Moscow: Mysl. 333 p. (In Russ.).
- Thaden, E. C. (1990). Russification in Tsarist Russia. In: *With collaboration of Marianna Forster Thaden. Interpreting History: Collective Essays on Russia's Relations with Europe*. New York: Boulder. 211—220.
- The First Mountain Congress (Report)*. (1917). Vladikavkaz: [b. i.]. 112 p. (In Russ.).
- Vert, N. (2003). *1917. Russia in the revolution*. Moscow: Astrel. 159 p. ISBN 5-271-06181-7. (In Russ.).
- Zhuravlev, V. V., Simonov, N. S. (1992). The causes and consequences of the dispersal of the Constituent Assembly. *Questions of history*, 1: 3—18. (In Russ.).
- Znamensky, O. N. (1976). *All-Russian Constituent Assembly. The history of convocation and political collapse*. St. Petersburg: Nauka. 364 p. (In Russ.).

*The article was submitted 09.08.2024;
approved after reviewing 29.10.2024;
accepted for publication 06.11.2024.*

Информация для цитирования:

Запарий В. В. Помощь Урала в восстановлении народного хозяйства Белоруссии в 1944—1950-е годы / В. В. Запарий, Е. В. Зайцева // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 9. — С. 399—417. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-9-399-417.

Zapariy, V. V., Zaytseva, E. V. (2024). Ural Region's Contribution to Reconstruction of Belarus's Economy in 1944–1950s. *Nauchnyi dialog*, 13 (9): 399-417. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-9-399-417. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

**Помощь Урала
в восстановлении народного
хозяйства Белоруссии
в 1944—1950-е годы**

Запарий Владимир Васильевич
orcid.org/0000-0002-3326-4796
доктор исторических наук, профессор,
кафедра истории России
vvzap@mail.ru

Зайцева Екатерина Васильевна
orcid.org/0000-0003-2112-3029
кандидат социологических наук, доцент,
кафедра теории, методологии и
правового обеспечения
государственного и
муниципального управления,
корреспондирующий автор
katia_zai@mail.ru

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено
при финансовой поддержке
Российского научного фонда,
проект № 24-28-00837

**Ural Region's Contribution
to Reconstruction
of Belarus's Economy
in 1944–1950s**

Vladimir V. Zapariy
orcid.org/0000-0002-3326-4796
Doctor of History, Professor,
Department of Russian History
vvzap@mail.ru

Ekaterina V. Zaytseva
orcid.org/0000-0003-2112-3029
PhD of Sociology, Associate Professor,
Department of Theory, Methodology,
and Legal Support of Public
and Municipal Administration,
corresponding author
katia_zai@mail.ru

Ural Federal University
named after the First President of Russia
B. N. Yeltsin
(Yekaterinburg, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 24-28-00837

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Проведено исследование процесса участия одного из мощнейших регионов СССР — Урала в деле помощи в восстановлении и развитии Белорусской ССР в последние годы Великой Отечественной войны и первые послевоенные годы. Источниками выступили материалы российских и белорусских архивов. Показано, что в этот период БССР проделала колоссальную работу по восстановлению народного хозяйства. Отмечается, что были восстановлены промышленность, транспорт сельское хозяйство и другие отрасли экономики. Подчеркивается, что большую роль в этом процессе сыграла помощь республик Советского Союза. Новизна исследования видится в том, что на основе впервые вводимого в исторический оборот материала российских и белорусских архивов показано, что предприятия Урала поставляли металл, станки, оборудование, лес, сырьё и материалы, необходимые для производства промышленной продукции. На предприятиях Урала и в его образовательных учреждениях проходили обучение белорусские специалисты. Авторы приходят к выводу о том, что Урал сыграл большую роль не только в восстановлении народного хозяйства республики, разрушенного войной, но и в развитии его в последующий период путем создания тяжелой промышленности, станкостроения, энергетики и строительства дорог. Показан механизм осуществления решений директивных органов областей Урала и Гродненской области.

Ключевые слова:

Великая Отечественная война; Белоруссия; Урал; послевоенные годы; восстановление экономики; восстановление народного хозяйства; промышленность Урала.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study investigates the role of one of the most powerful regions of the USSR — the Ural — in assisting the restoration and development of the Byelorussian SSR during the final years of World War II and the early postwar period. The research draws on materials from Russian and Belarusian archives. It demonstrates that during this time, the BSSR undertook significant efforts to rehabilitate its economy. The restoration of industry, transportation, agriculture, and other sectors is highlighted. The study emphasizes that substantial support was provided by the republics of the Soviet Union in this endeavor. The novelty of this research lies in the introduction of previously unexamined archival materials from Russian and Belarusian sources, which reveal that Ural enterprises supplied metals, machinery, equipment, timber, raw materials, and other necessities for industrial production. Furthermore, Belarusian specialists received training at Ural enterprises and educational institutions. The authors conclude that the Ural region played a crucial role not only in the reconstruction of the war-torn economy of the republic but also in its subsequent development through the establishment of heavy industry, machine engineering, energy production, and road construction. The mechanisms by which directive bodies from the Ural regions and the Grodno region implemented these decisions are also explored.

Key words:

Great Patriotic War; Belarus; Ural; postwar years; economic recovery; restoration of the economy; Ural industry.

Помощь Урала в восстановлении народного хозяйства Белоруссии в 1944—1950-е годы

© Запарий В. В., Зайцева Е. В., 2024

1. Введение = Introduction

Интерес к экономической истории, который отмечается в последние десятилетия, вполне объясним. Это направление исторической науки находится на стыке региональной истории, истории экономики и некоторых иных дисциплин. Именно экономическая история, способная проследить ключевые тренды в жизни государств и народов, позволяет сравнивать различные модели и прогнозировать дальнейший путь развития современных обществ.

С появлением независимых государств на карте бывшего Советского Союза возникает необходимость написания своей собственной истории этих государств, даже если ее раньше вовсе не было. При этом одни ищут былое величие в хрониках ушедших веков, другие описывают опыт своего недалекого прошлого в составе великой державы, когда, собственно, и были созданы их экономики, которыми они сейчас располагают. Видимо, второй путь более продуктивен для будущего.

Интереснейшую страницу нашей совместной с Республикой Беларусь истории представляет дело восстановления и развития экономики республики с помощью одного из наиболее промышленно развитых регионов СССР — Урала.

Взаимоотношения регионов СССР в виде союзных республик в послевоенное время начали развиваться в плане оказания большой помощи этим республикам, а в дальнейшем переросли в полнокровное и полноправное сотрудничество, обогащающее опытом и реальными ценностями все задействованные в этом процессе стороны.

Период освобождения захваченных территорий и послевоенный период стали временем активного восстановления и развития народного хозяйства СССР. Особое внимание уделялось территориям, пострадавшим во время войны, в том числе Западной Беларуси. В этом регионе были разрушены все промышленные предприятия, коммуникации, коммунальная инфраструктура и многие социальные объекты. Для их восстановления

требовались значительные ресурсы и квалифицированные кадры. Одним из регионов, который мог предоставить такие ресурсы, был Урал.

Научная проблема заключается в отсутствии системного научного знания о вовлеченности кадрового и ресурсного потенциала Урала в восстановление промышленного производства, транспортно-логистической инфраструктуры, коммунального хозяйства и социальной сферы западных областей Белорусской ССР в последние годы войны и послевоенные годы. Необходимо исследование, посвященное помощи крупного региона СССР по всему комплексу проблем, стоящих перед республикой в то непростое время. Нами были сделаны некоторые шаги в этом направлении. Сейчас есть разрозненные исследования, посвященные изучению частных вопросов помощи Белоруссии в восстановлении народного хозяйства [Терентьев, 2024], однако либо они охватывают очень небольшой исторический период 1943—1945 годов, либо рассматриваются узкие вопросы помощи, например, в восстановлении разрушенного сельского хозяйства республики [Кондрашин, 2019; Восстановление ..., 2018; Селеменев и др., 2021; Кондрашин и др., 2019], транспортного хозяйства [Тимофеев, 2020; Тимофеев, 2021], или вопросы помощи военнослужащих народному хозяйству [Цысь, 2015; Цысь, 2017].

Значимость исследования заключается в анализе исторических связей между БССР и отдельными регионами РСФСР, в частности Уралом — Свердловской, Челябинской, Пермской и другими его областями, что позволяет выявить реальные исторические процессы и факты.

Существовавшее до недавнего времени целенаправленное внедрение в массовое сознание социума искаженных исторических фактов (подмена научной истории мифотворчеством) делает изучение экономической истории крайне актуальным не только для Российской Федерации, но и для Беларуси как части союзного государства, успешно выстраивающей отношения с Российской Федерацией. Поэтому необходимо совершенствовать систему знаний об истории экономических взаимоотношений этих стратегических союзников.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Цель данной статьи — проанализировать меры и формы помощи, которую Урал оказывал Белорусской ССР в восстановлении ее народного хозяйства в конце Великой Отечественной войны и после ее окончания, а также продемонстрировать роль промышленности Урала и влияние его кадрового и ресурсного потенциала на этот процесс. Для достижения этой цели решены следующие задачи: изучено состояние народного хозяйства БССР после войны; рассмотрены меры, принятые руководством СССР и

БССР для восстановления экономики; раскрыта роль промышленности Урала в восстановлении ее народного хозяйства.

Проблема изучения истории восстановления БССР в ходе и после войны представлена в научной литературе. Уже в 1946 году вышли первые исследования по этому вопросу [Володарский, 1946]. В 1953 году была защищена диссертация на эту тему, хотя и написанная с историко-партийных позиций [Моргунов, 1956]. В дальнейшем был создан целый корпус исторической литературы как в Белоруссии, так и за ее пределами, всесторонне рассматривающий этот вопрос. Нам довелось подробно исследовать данную историографическую проблему [Запарий и др., 2024].

Трудностью исследования является источниковедческая проблема, которая выявилась при работе над архивными документами. Это сложность вычленения из потока сведений информации об уральском регионе, из которого шла эта помощь, о ее объеме, о количественном и качественном составе поставляемой продукции, материалов или оборудования. Она не фиксировалась отдельно в документах того времени. Это происходило потому, что вся продукция, запланированная к производству Госпланом, поступала в общесоюзный фонд, который потом Госнабком распределялся по регионам с учетом особенностей логистики и ряда других резонансов.

Как показывает наше исследование, продукция из различных регионов огромной страны, в том числе и поступившая с Урала, позволила БССР из преимущественно аграрной и малоразвитой промышленной территории стать за считанные десятилетия индустриально-аграрной республикой, которая сейчас, в отличие от многих других бывших союзных республик, конкурентоспособна и самодостаточна как государство.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Помощь Белоруссии в годы войны

Помощь районам Белоруссии начала оказываться еще в годы войны. И, хотя информация отрывочная и неполная, она все-таки имеется, затрагивает различные спектры поставок и другой помощи. Помощь освобожденным территориям была предложена еще в 1943 году, и касалось это в основном Украины, но с освобождением территории Белорусской ССР задача была экстраполирована и на нее. Так в годы войны проявлялась дружба народов и желание помочь гражданам Советского Союза, попавшим под оккупацию. В частности, были организованы сборы в фонд помощи пострадавшим от немецко-фашистских захватчиков.

В связи с этим представляет интерес справка на имя председателя комитета по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации, при Совнаркомом СССР Г. М. Маленкова. В ней говорится,

что в соответствии с его распоряжением — телеграммой № 9328 от 13 октября 1943 года — областная контора Госбанка телеграфным распоряжением обязала отделения Госбанка в Свердловской области открыть текущий счет комитета для приема денежных средств в фонд восстановления хозяйства в регионах, освобожденных от немецкой оккупации [ЦДООСО, ф. 4, оп. 31, д. 463, л. 71]. Именно на этот счет поступали средства граждан и организаций, направляемые на восстановление освобождённых территорий.

В дальнейшем работа по сбору средств нашла свое отражение в помощи людям, пострадавшим от войны. Так в газете «Советская Белоруссия» в январе 1945 года опубликована большая статья под названием «Всенародную заботу семьям защитников Родины» с подробной информацией как по республике, так и по отдельным районам СССР, в частности по Свердловской области. В ней говорилось, что трудящиеся Советской Белоруссии перечислили в фонды семей военнослужащих 1 млн 75 тыс. руб., а в продовольственные фонды — 192 тыс. руб. Из денежных и продовольственных фондов была передана помощь в 607 тыс. руб. и более 104 тыс. пудов продовольствия зерном и картофелем. Была оказана помощь одеждой и обувью более чем 70 966 семьям военнослужащих [Всенародную заботу ..., 1945, с. 3].

В плане помощи и ее различных форм интересна переписка командования Белорусского округа со Свердловскими областными властями. Так, в письме заместителя командующего Белорусского военного округа генерал-майора Захарова от 12 мая 1944 года приведена информация следующего содержания: «Части округа расквартированы на территории, недавно освобожденной от немецких захватчиков. Немцы при отступлении имеющийся сельхозинвентарь, в том числе зерноуборочный, уничтожили. Поэтому изыскать сеноуборочный инвентарь на месте не представляется возможным и особенно ручных кос. Убедительно прошу оказать помощь Округу в приобретении 2000 штук ручных кос на Артинском или другом заводе вашей области, изготовляющем косы, или через областные торгующие организации, а также 300 комплектов отбойных молотков. Для этой цели командировается представитель Интендантского управления Белорусского военного Округа, интендант 3 ранга т. Андреев» [ЦДООСО, ф. 4, оп. 1, д. 685, л. 71].

Реальная помощь стала интенсивнее предлагаться БССР с ее освобождением в 1944 году. С Урала шел металл, станки, оборудование, лес и другие материалы, направлялись необходимые кадры. Обсуждалось это все на самом высоком уровне, подтверждением чему является телеграмма секретарю Свердловского обкома партии Андрианову от одного из руководителей страны Маленкова: «В соответствии с постановлением Совнаркома Союза от 12 октября 1944 года № 1375 предприятия Свердловской области были обязаны отгрузить продукцию в ноябре наркомзагу в счет его фондов для

освобожденных районов» [ЦДООСО, ф. 4, оп. 31, д. 662, л. 23]. В документе предписано, что «... металл, метизы, трубы и электрооборудование необходимо отгрузить не позднее 1 декабря. О результатах сообщите ЦК ВКП/Б/ 1379 /Секретарь ЦК ВКП(б) Маленков» [ЦДООСО, ф. 4, оп. 31, д. 662, л. 23 об.].

Тема этой телеграммы получила свое развитие в дальнейшей переписке, что понятно из следующего документа — распоряжения на имя секретаря Свердловского областного комитета КПСС Андрианова по выполнению планов поставок Народному комиссариату заготовок (Наркомзагу), где указана широкая номенклатура материалов и агрегатов, предназначенных для восстановления западных регионов. «В соответствии с постановлением Совнакома Союза от 12 октября 1944 года № 1375 предприятия Свердловской области обязаны отгрузить в ноябре Наркомзагу в счет его фондов для освобождённых районов Ново-Тагильский металлургический завод 140 т чугуна, Северский металлургический завод — 35 т листового железа, Нижне-Тагильский металлургический завод — 36 т листового железа, Первоуральский Новотрубный завод — 50 т труб. Ревдинский метизный завод отгрузил 116 т гвоздей, 76 т торговой и 10 т электросварочной проволоки. Завод № 659 — 10 масляных выключателей и 35 трансформаторов, 90 полюсов разъединителей, 51 предохранитель и 60 трубчатых разрядников, завод № 658 — 9 генераторов до 100 кВт и 2 генераторов свыше 100 кВт.

Это постановление предприятиями Свердловской области выполняется не удовлетворительно. Прошу вас вмешаться в это дело и принять необходимые меры по обеспечению отгрузки Наркомзагу указанного металла, метизов, труб и электрооборудования не позднее 1 декабря 1944 г. О результатах доложить. Подпись Маленков» [ЦДООСО, ф. 4, оп. 31, д. 662, л. 34].

В документе указаны причины невыполнения в сроки части поручения. Среди них главная причина непоставки электроприборов заключается в том, что нет исходников для предохранителей, которые ожидаются только в декабре. Указывается, что наряды на ноябрь на поставку от Главэлектросбыта выключателей Главному управлению мукомольной промышленности «Главмука» Народного комиссариата заготовок СССР не получили подтверждения [ЦДООСО, ф. 4, оп. 31, д. 662, л. 35].

Помощь оказывалась и сельскому хозяйству республики, о чем свидетельствует информация, которую можно почерпнуть в местной прессе того времени. В животноводстве по стране планировалось восстановить довоенный уровень поголовья скота к 1949 году [Мотревич, 2023]. Сообщается, что в совхозы республики завезены из восточных областей страны 800 голов крупного рогатого скота, 390 лошадей, 100 свиноматок. Например, в совхоз Стреличево, Хойнинского района прибыло 130 голов племенного крупного рогатого скота из Новосибирской области. Весь скот размещен в теплых по-

мешениях и обеспечен сытными кормами [Информация ..., 1945, с. 4]. Из-за проблем с живым тяглом в БССР направляют с территории Германии и Польши трофейных лошадей, скот [Хисамутдинова, 2020, с. 224].

Из-за недостатка кадров организовывался переезд квалифицированных рабочих и представителей интеллигенции. Об этом свидетельствует телеграмма, направленная в 1944 году Свердловскому обкому партии: «Прошу командировать в распоряжение ЦК партии Белоруссии Кашемирову Венеру Ивановну, работающую в городе Первоуральске директором 15 средней школы» [ЦДООСО, ф. 4. оп. 31, д. 662, л. 38 об].

Уже в 1944—1945 годах было много сделано для восстановления народного хозяйства республики, однако основной упор на восстановительные работы был сделан в годы четвертой пятилетки, в 1946—1950 годах.

Большую роль в этом плане сыграли послевоенные репарации. Однако основная часть репараций, помимо РСФСР, пересылалась на Украину. Их объем невозможно сравнить ни по количеству, ни по качеству с теми, которые шли в Белоруссию. Последние были на порядок меньше, несмотря на то что потери от войны в БССР были огромны. Только учтенный ущерб, нанесенный народному хозяйству республики, исчислялся 75 млрд руб. [Белорусский народ ..., 1949, с. 3].

Была разработана программа восстановления разрушенных городов республики, и в первую очередь Минска. Наркоматом жилищного строительства БССР и Минским трестом была издана памятка «Участнику восстановления столицы республики», в ней имелись практические советы, как разбирать разрушенные здания и изыскивать строительные материалы, необходимые для возрождения города [Местная промышленность ..., 1946, с. 3].

В печати республики серьезно обсуждались проблемы восстановления народного хозяйства: «...в 1945 году полным ходом шло оснащение народного хозяйства БССР станочным парком и энергетическим оборудованием. В республику поступило до 60 % оборудования по отношению к довоенному. В 1946 году процесс продолжается. Сюда в возрастающем количестве поступают станки и механизмы, образцы новейшей техники. <...> благодаря этому будет своя собственная автомобильная, тракторная промышленность, сельхозмашиностроение, станки, локомотивы. Это все стало возможным благодаря помощи других республик СССР» [Новые отрасли..., 1946, с. 3].

Послевоенная Белоруссия имела в основном промышленность местного значения, которая давала работу населению, но по своему уровню технологии часто находились на ремесленном уровне. Об этом свидетельствуют публикации в прессе и документы архивов. В первые годы восстановления сначала даже не стоял вопрос о крупной промышленности,

которая способствовала бы развитию районов республики. В это время в прессе говорилось о том, что «...Наркомместпром приступил к замене устаревшего оборудования на заводе Лиды, Волковыска. Это даст возможность перейти на производство более совершенных молотилок, веялок <...> и болотных плугов» [Там же].

В 1945—1946 годах, как утверждалось в центральной прессе республики, шло оснащение народного хозяйства БССР станочным парком и энергетическим оборудованием. В публикации в газете «Советская Белоруссия» сообщалось: «В республику .... в 1946 году продолжают (поставки. — В. З., Е. З.) во возрастающем количестве станки и механизмы новейшей техники. Благодаря этому в БССР будет своя автомобильная, тракторная промышленность, сельхозмашиностроение, станки, локомобили, и все это помощь других республик СССР» [Там же].

Как уже говорилось, общая сумма материального ущерба, нанесенного Белорусской ССР, оценивается в 75 млрд руб. «Немецкие бандиты, подвергшие города Белоруссии жесточайшей бомбежке в первую же ночь вторжения в СССР, нанесли тяжелые раны Минску, Гомелю, Витебску, Полоцку, Орше и многим другим городам. Они разрушили все электростанции Белоруссии, почти все промышленные предприятия. Были уничтожены все учреждения культуры и здравоохранения, и в том числе Белорусская Академия Наук, Минский педагогический институт и другие учреждения. Огромный урон был нанесен сельскому хозяйству республики — посевные площади уменьшились на 60 %, уничтожено 75 % лошадей, разрушены 316 машинно-тракторных станций. <...> народное хозяйство Белоруссии было глубоко подорвано и отброшено за уровень 1913 г.

Работы по восстановлению районов Белорусской ССР, начатые еще во время войны, дали большие результаты. Восстановлено свыше 50 % энергетических мощностей, ряд крупных промышленных предприятий и более 5 тыс. средних и мелких предприятий. В 1945 г. посевные площади достигли 73,4 % довоенного уровня. Выросло поголовье скота — крупного рогатого скота на 140 тыс. голов, свиней на 30 тыс. голов. Осуществлены значительные работы по восстановлению городов и сел, учреждений культуры и здравоохранения» [Работы по восстановлению..., 1945, с. 2]. Так оценивали ситуацию в БССР сразу после войны.

За годы оккупации Белорусской ССР пострадали более десяти тысяч крупных предприятий, а незавакуированное энергетическое и технологическое оборудование остальных предприятий было вывезено в Германию или подорвано, здания большинства фабрик и заводов — сожжены или разрушены. Промышленность только республиканского подчинения лишилась 600 паровых котлов, более 10 тыс. различных двигателей, около 2-х тыс.

единиц кузнечнопрессового оборудования, 12 тыс. металлорежущих станков, более 30 тыс. текстильных машин и станков. Продолжали уточняться цифры потерь. На день освобождения в Белорусской ССР не было ни одного действующего предприятия. Прямой ущерб, нанесенный промышленности республики фашистскими оккупантами, был определен в 6 миллиардов 225 миллионов рублей [Работы по восстановлению..., 1945, с. 2].

В решении задач восстановления хозяйства белорусскому народу огромную помощь оказали не только директивные органы: ЦК КПСС, Союзное правительство, но и все народы СССР. Огромная их забота о белорусском народе отразилась в постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 1 января 1944 года «О ближайших задачах СНК БССР и ЦК КП(б)Б». Так, на восстановление основных отраслей промышленности первых 30 освобожденных районов республики Союзное правительство выделило 1000 станков, турбин и генераторов на 20 000 кВт и много другого промышленного оборудования [Седьмая сессия..., 1947, с. 22].

Союзное правительство оказало Белорусской ССР большую денежную помощь. В 1944 году дотация из Союзного бюджета составила 490 790 тыс. руб., или 60,3 % к объему общего бюджета республики, а на 1945 год решением XI сессия Верховного Совета СССР была выделена дотация республиканскому бюджету в сумме 1 200 000 тыс. руб.

Союзные и автономные республики, города, районы и отдельные предприятия СССР взяли шефство над освобожденными районами. Из областей РСФСР, союзных и автономных республик поступали эшелоны с оборудованием, машинами, станками, инструментами, предметами домашнего обихода, сельскохозяйственным инвентарем, скотом и т. д. Только за 10 месяцев 1944 года в порядке братской помощи в республику прибыло 487 вагонов с различными грузами от трудящихся Горьковской и Ярославской областей, Урала и Сибири. 137 вагонов с оборудованием, инструментами, строительными материалами, высококачественной сталью, арматурным железом, цветными металлами прислали трудящиеся Удмуртской АССР [Союзные и автономные..., 1944, с. 1].

Высшими органами СССР было принято большое число решений, направленных на оказание реальной экономической помощи БССР и ее регионам. Так в Постановлении СНК СССР № 2448 от 25 сентября 1945 года «Об отпуске колхозам Полоцкой и Витебской областей Белорусской ССР семян озимых культур для осеннего сева 1945 года» за подписью заместителя председателя Совета Народных Комиссаров Союза ССР Н. Вознесенского постановляется:

1. Отпустить из государственных ресурсов колхозам Полоцкой и Витебской областей Белорусской ССР для осеннего сева 1945 г. в ссуду 3000 т

семян озимых зерновых культур с условием возврата их с урожая 1946 года с начислением 10 центнеров на каждые 100 центнеров выданной ссуды.

2. Выдачу предусмотренной настоящим постановлением семенной ссуды производить за счет части семенной ссуды озимых культур, не выбранной колхозами и совхозами Удмуртской АССР, Свердловской и Молотовской областей, то есть из регионов Урала [Восстановление ..., 2018, с. 383.].

В результате самоотверженного труда белорусского народа, солдат и офицеров специальных и строительных частей Советской Армии восстановление железнодорожного транспорта осуществлялось почти сразу вслед за наступающей Советской Армией. На 4-й день после освобождения территории республики поезда прибыли на ее западную границу — г. Брест.

Только в 1944 году на восстановлении дорог и мостов трудящиеся республики отработали 1,5 млн человеко-дней и 320 тыс. подвод-дней. За это время было вновь построено и восстановлено 2 950 мостов, отремонтировано 400 км дорог с твердым покрытием и около 1000 км улучшенных грунтовых дорог. В республике проводилась большая работа по восстановлению водного транспорта, мостов, шоссеиных и грунтовых дорог. В чрезвычайно короткий срок было восстановлено более 10 тыс. километров железнодорожных путей и 1735 мостов. Применяя передовые методы труда, коллектив железнодорожников белорусских магистралей обеспечил бесперебойное движение поездов и своевременную перевозку военных и народнохозяйственных грузов [Моргунов, 1956, с. 11].

Пермская железная дорога взяла шефство над Белорусской железной дорогой. Помощь носила реальный характер — направление рабочих, техники, оборудования, металла, денежные дотации. Только за первые два с половиной года после освобождения от оккупации в БССР из других регионов Советского Союза было завезено свыше 50 000 единиц промышленного оборудования [Терентьев, 2024, с. 62].

В результате героического труда белорусского народа в 1944 году было восстановлено и введено в эксплуатацию 3 406 предприятий. Народнохозяйственным планом на 1945 год были предусмотрены капитальные вложения в республиканское и местное хозяйство в сумме 393,5 млн руб. и выпуск валовой продукции промышленности на 500 млн руб. [Моргунов, 1956, с. 13.].

Огромную помощь в восстановлении промышленности оказали комсомольские организации республики. По примеру комсомольских организаций Москвы и Ленинграда, Урала и Сибири они организовали движение комсомольско-молодежных бригад. Применяя методы работы Барышниковой, Агаркова и Федотова, комсомольско-молодежные бригады строек, фабрик и заводов республики путем рационализаторских мероприятий и изо-

бретений, уплотнения рабочего дня повышали производительность труда и высвобождали рабочих на смежные участки производства [Там же, с. 15.].

Объем помощи Союзного правительства был значительно увеличен после полного изгнания фашистских захватчиков за пределы республики. По решению Советского правительства для восстановления народного хозяйства за три года, истекшие после освобождения, БССР получила более 50 тыс. единиц промышленного оборудования, в том числе энергетического оборудования на 159 220 кВт, что составляло 122 % к мощностям, имевшимся в 1940 году, 11 726 металлорежущих станков, или 156 % к имевшимся на 1 января 1940 года [Седьмая сессия..., 1947, с. 22.].

3.2. Восстановление и развитие БССР в годы четвертой пятилетки

В четвертой пятилетке капитальные вложения в машиностроение страны в абсолютном выражении значительно выросли по сравнению с третьей пятилеткой и военным периодом. Однако их удельный вес в общих ассигнованиях снизился: в третьей пятилетке они составляли 33,4 %, в военный период — 34,4 %, в четвертой пятилетке — только 16,4 % [История народного..., 1990, ч. 2, с. 12—13].

Это объясняется переходом экономики «на мирные рельсы». Большая часть капиталовложений направлялась на восстановление машиностроения Украины и Белоруссии, а, например, машиностроение Урала, в связи с этим получило крайне ограниченные средства. В годы четвертой пятилетки отрицательно сказалась на экономике Урала и реэвакуация на запад страны оборудования и квалифицированных рабочих. Кроме того, после введения 8-часового рабочего дня и восстановления очередных отпусков на предприятиях отрасли ухудшился коэффициент использования оборудования. В результате всех этих изменений удельный вес машиностроения в валовой продукции промышленности, например, Урала, сократился в 1950 году по сравнению с 1945 годом с 63,7 % до 23,5 %, хотя общий объем продукции машиностроения возрос за пятилетку на 8 % [История социалистической..., 1980, т. 6, с. 60].

В газете «Гродненская правда» в 1947 году была размещена статья «Братская помощь белорусским строителям». В ней сообщается, что на крупнейшие новостройки Белорусской ССР Минский тракторный и Минский автомобильный заводы поступают десятки эшелонов, груженых металлоконструкциями оборудованием строительными материалами [Братская помощь..., 1947, с. 1].

Поставки были постоянными, о чем свидетельствует информация из местной прессы: «...металлурги Златоуста и Днепропетровска прислали почти 300 вагонов с металлоконструкциями. Десятки тысяч тонн металла поступили из Магнитогорска, Мариуполя, Горького. Большую помощь

в подготовке кадров оказали автомобильные и тракторные заводы Москвы, Горького и Сталинграда. В 1946 году 5 000 белорусских девушек и юношей выезжали туда для производственного обучения. Большая часть из них уже вернулась на родину, овладев специальностями трактористов и автомобилестроителей» [Информация ..., 1947, с. 3].

В статье, опубликованной в газете «Гродненская правда» в 1949 году, читаем: «... в помощь от братских республик для строительства минских автомобильного и тракторного заводов поступило из Днепропетровска и Златоуста несколько вагонов металлоконструкций. Сотни тысяч тонн металла прибыло из Магнитогорска. С помощью трудящихся братских республик восстановители Минска механизировали строительные работы. Автогрейдеры, транспортеры, камнедробилки, присланные заводами Челябинска и Брянска, работали на строительстве главной магистрали белорусской столицы — Советской улицы» [Помощь братских..., 1949, с. 2].

В дальнейшем адресаты поставок и количество поставляемого оборудования в публикациях повторяется, что говорит о регулярности экономической помощи всех регионов страны, а не только Урала.

Кстати, именно в годы этой пятилетки наряду с восстановлением шло существенное приращение промышленного потенциала республики. В другой статье, посвящённой местной промышленности, сообщается, что на велосборочном заводе в Гродно будет организовано производство детских двухколесных велосипедов и колясок. Составляется проектно-сметная документация, часть оборудования уже завезена [Местная промышленность..., 1946, с. 3].

Именно в контексте местной промышленности упоминается впервые уральский опыт, который следовало бы использовать. В докладе председателя совнаркома БССР и секретаря ЦК КП(б) Белоруссии П. К. Пономаренко на расширенном партийном совещании 29 февраля 1946 года указывается на важность восстановления Гомельского обособленного комбината Наркомлеса БССР, ввод которого был назначен на 1 квартал 1948 года. Однако, говорил он, «...этот срок нас больше не устраивает. На Урале блюминги и авиационные заводы пускали куда в более короткие сроки! Этот завод должен быть восстановлен уже в 1946 году» [Доклад..., 1946, с. 1—2].

В белорусских газетах в то время активно обсуждались вопросы ускоренного пуска предприятий и производства продукции, которая потом широко использовалась в народном хозяйстве республики, а это было невозможно без всесторонней помощи других регионов страны, и в частности Урала.

Показательна в этом плане публикация под заголовком «“Уралсельмаш” из Кургана», сообщающая о том, что на окраине этого города заканчивается строительство завода сельскохозяйственного машиностро-

ения — «Уралсельмаша»: «Уже готовы деревообделочный и кузнечный цехи, железнодорожная ветка. Цехи оснащены новейшим оборудованием. Десятки тысяч кубометров лесоматериалов, прежде чем пойти в переработку, попадают в огромные механизированные сушильные камеры и затем в цех. На заводе сооружается теплоэлектроцентраль, в каждом цехе будет своя подстанция. Развозка деталей и материалов по цехам будет производиться электрокарами. Готовые цехи “Уралсельмаша” уже выпускают продукцию. Первые подготовленные сортировки “Клейтон” отгружены в совхозы Белоруссии. В июле и августе завод начинает производство молотилок, зерносортировок и конных приводов» [Уралсельмаш, 1947, с. 1], которые также пойдут в сельское хозяйство Белоруссии.

Большое внимание уделялось подготовке строительных кадров. Воссоздавалась система фабрично-заводского обучения (ФЗО). В объявлении в местной газете сообщали об условиях, которые в послевоенные годы для паренька из белорусской глубинки были прямо сказать «царские». В условиях всеобщего дефицита и просто голодного времени, они реально обеспечивали набор и выпуск необходимых кадров. В газетной заметке говорится, что Гродненская школа ФЗО № 45 строителей Министерства трудовых резервов СССР объявляет набор для обучения по специальности столяра-белодеревщика, плотника, штукатура, каменщика-печника. Принимаются юноши 1929 и 1930 г. р. Все учащиеся обеспечиваются бесплатно трехразовым питанием по повышенным нормам, им предоставляются общежитие с постельными принадлежностями, белье и два полных комплекта обмундирования. В период обучения учащиеся получают выплаты — 80 % от суммы, заработной ими на производстве. Срок обучения составляет 6 месяцев [Объявление о наборе..., 1947, с. 1].

Директивные органы проводили работу по подготовке кадров для восстановления и развития промышленности республики. Так, советские организации возобновили мобилизацию после окончания войны на Западе и осуществляли организованный набор рабочей силы по договорам с колхозами для промышленности, транспорта и строительства. Десятки тысяч квалифицированных рабочих были подготовлены на предприятиях путем индивидуального, бригадного и курсового обучения.

Директивные органы и советские организации провели большую работу по восстановлению, расширению и организации обучения молодых рабочих в школах и училищах трудовых резервов. К 1 января 1945 года было восстановлено и вновь создано 61 ремесленное училище и школа ФЗО. На 1 января 1947 года действовали 103 подобных учебных заведения с контингентом обучающихся свыше 20 тыс. человек. Если в 1944 году в школах ФЗО было подготовлено 8 500 молодых рабочих, то на 1 июля 1946 года из

ремесленных училищ и школ ФЗО промышленность республики получила 21 200 квалифицированных рабочих.

В результате проведенной работы в промышленности БССР на 1 сентября 1946 года было занято 109 500 рабочих. Основное производство было обеспечено рабочей силой на 63 %, при этом предприятия союзного подчинения и наиболее важные республиканские предприятия были укомплектованы полностью.

Необходимость дальнейшего восстановления и развития промышленности и транспорта, интересы повышения производительности труда в послевоенный период требовали от руководства республики расширения и совершенствования массового профессионального обучения рабочих и на этой основе повышения культурно-технического уровня рабочего класса [Моргунов, 1956, с. 18].

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, за последний период Великой Отечественной войны и несколько послевоенных лет руководство и население БССР проделали колоссальную работу по восстановлению народного хозяйства, полностью разрушенного войной. В результате уже к началу четвертой пятилетки в основном была восстановлена имевшаяся в республике промышленность, а в дальнейшем развернулся процесс создания крупной промышленности, позволивший Беларуси стать промышленной державой.

Конечно, все это было бы невозможно без постоянного внимания союзного руководства к проблеме восстановления и развития республики, о чем говорят многочисленные данные, приведенные в статье. Именно помощь центра, союзных республик и, в частности, Урала, позволили белорусскому народу совершить трудовой подвиг — восстановить экономику республики и осуществить ее кардинальную модернизацию.

С Урала в Западную Беларусь поставлялось оборудование, материалы и технологии, необходимые для строительства и реконструкции предприятий, коммуникаций и объектов социальной инфраструктуры.

Особое внимание уделялось развитию тяжелой промышленности в Западной Беларуси. Предприятия этой отрасли были необходимы для удовлетворения потребностей народного хозяйства в продукции военного назначения, а также для производства товаров народного потребления. Восстановление и развитие тяжелой промышленности было невозможно без квалифицированных кадров и современного оборудования. Эти ресурсы были предоставлены в том числе и Уралом. Кроме того, Урал оказал значительное влияние на развитие коммуникационных, коммунальных и социальных процессов в Западной Беларуси. С помощью специалистов и

оборудования из этого региона были восстановлены и модернизированы транспортные сети, системы связи, электро- и газоснабжения, водоснабжения и водоотведения. Также были построены новые жилые дома, школы, больницы, театры и другие объекты социальной инфраструктуры.

Всё это способствовало повышению уровня жизни населения Беларуси и ее западных регионов, созданию условий для дальнейшего развития Белорусской Советской Социалистической республики.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.
---	---

Источники и принятые сокращения

1. *Белорусский народ* встречает 30-ю годовщину образования советского социалистического государства со значительными успехами // Гродненская правда : [газета]. — 1949. — № 3 (1541). — С. 3.
2. *Братская помощь* белорусским строителям // Гродненская правда : [газета]. — 1947. — № 62,63 (1083/1084). — С. 1.
3. *Всенародную заботу* семьям защитников Родины. Советская Белоруссия : [газета]. — 1945. — 10 января. — № 6 (7811). — С. 3.
4. ГАГО — *Государственный архив* Гродненской области. Ф. 1027. Оп. 1. Д. 204. Л. 55.
5. *Доклад* председателя совнаркома БССР и секретаря ЦК КП(б) Белоруссии тов. Пономаренко П. К. // Советская Белоруссия : [газета]. — 1946. — № 43 (8089). — С. 1—2.
6. *Информация* // Советская Белоруссия : [газета]. — 1945. — № 5 (7810). — С. 3.
7. *Местная промышленность* БССР. Советская Белоруссия : [газета]. — 1946. — № 26 (8082). — С. 3.
8. *Новые отрасли* народного хозяйства // Советская Белоруссия : [газета]. — 1946. — № 26 (8082). — С. 3.
9. *Объявление* о наборе в школу ФЗО // Гродненская правда : [газета]. — 1947. — № 68—69 (1079—1080). — С. 1.
10. *Помощь братских республик* // Гродненская правда : [газета]. — 1949. — № 5 (1544). — С. 2.
11. *Работы по восстановлению* районов Белорусской ССР. Советская Белоруссия : [газета]. — 1945. — № 82. — С. 2.
12. *Седьмая сессия* Верховного Совета Белорусской ССР. Стенографический отчет. — Минск : Госиздат БССР, 1947. — 197 с.
13. *Союзные и автономные* республики, города, районы и отдельные предприятия СССР взяли шефство над освобожденными районами Советская Белоруссия : [газета]. — 1944. — № 219. — С. 1.
14. *Уралсельмаш* из Кургана // Гродненская правда : [газета]. — 1947. — № 156 (1177). — С. 1.
15. ЦДООСО — *Центр* документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 4. Оп. 1. Д. 685. Л. 71 ; Оп.31. Д. 662. Л. 38 об ; Оп. 31. Д. 662. Л. 34 ; Оп. 31. Д. 662. Л. 35 ; Оп. 31. Д. 662. Л. 23 ; Оп. 31. Д. 662. Л. 23 об ; Оп. 31. Д. 463. Л. 71.

Литература

1. *Володарский Л. М.* Возрождение районов СССР, пострадавших от немецкой оккупации Текст / Л. М. Володарский. — Москва : Госпланиздат, 1946. — 104 с.
2. *Восстановление* сельского хозяйства Беларуси. 1943—1945 : Док. и материалы / Отв. сост. В. Д. Селеменев. — Минск : НАРБ, 2018. — 648 с. — ISBN 978-985-6372-84-4.
3. *Запарий В. В.* Помощь союзных республик в восстановлении промышленности БССР в первые послевоенные годы : историография вопроса / В. В. Запарий, А. К. Гецевич, Ю. Г. Ермак, Е. В. Зайцева // История и современное мировоззрение. — 2024. — Т. 6. — № 2. — С. 154—161. — DOI: 10.33693/2658-4654-2024-6-2-154-161.
4. *История народного хозяйства Урала* : в 2-х ч. — Свердловск : Изд-во Урал унта. — 1990. — Ч. 2. — 256 с.
5. *История социалистической экономики.* В 7 томах. — Москва : Наука, 1980. — Т. 6. — 589 с.
6. *Кондрашин В. В.* Помощь союзного центра Белорусской ССР в восстановлении сельского хозяйства в 1943—1945 гг. / В. В. Кондрашин, В. Д. Селеменев // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. — 2019. — № 25 (2). — С. 48—54. — DOI: 10.18287/2542-0445-2019-25-2-48-54.
7. *Моргунов Н. С.* Коммунистическая партия Белоруссии в борьбе за восстановление промышленности республики в 1943—1945 годах : автореферат диссертации ... кандидата исторических наук : 07.00.01 / Н. С. Моргунов. — Минск, 1956. — 22 с.
8. *Мотревич В. П.* Динамика продукции животноводства в Свердловской области в первые послевоенные годы (1946—1950 гг.) / В. П. Мотревич, В. Н. Мамяченков // История и современное мировоззрение. 2023. — Т. 5. — № 2. — С. 39—47. — DOI: 10.33693/2658-4654-2023-5-2-39-47.
9. *Помощь* союзного центра Белорусской ССР в восстановлении сельского хозяйства в 1943—1945 гг. // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. — 2019. — Т. 25. — № 2. — С. 48—54. — DOI: 10.18287/2542-0445-2019-25-2-48-54.
10. *Селеменев В.* Возрождение сельского хозяйства после Великой Отечественной войны / В. Селеменев, С. Кулинок // Наука и инновации. — 2021. — № 6 (220). — С. 17—21.
11. *Терентьев В. В.* Помощь народов СССР в восстановлении народного хозяйства БССР в послевоенный период / В. В. Терентьев // На пути к гражданскому обществу. — 2024. — № 2 (54). — С. 60—64. — DOI: 10.26456/vthistory/2021.2.103-111.
12. *Тимофеев Р. В.* Восстановление железнодорожного транспорта в послеоккупационный период Великой Отечественной войны / Р. В. Тимофеев // Победа — одна на всех : материалы II Междунар. науч.-практ. конф., Витебск, 23—24 апреля 2020 г. — Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2020. — С. 127—130. — ISBN 978-985-517-739-6.
13. *Тимофеев Р. В.* Послевоенное восстановление транспорта Белорусской ССР / Р. В. Тимофеев // Наука и инновации. — 2021. — № 6 (220). — С. 22—25.
14. *Хисамутдинова Р. Р.* Восстановление сельского хозяйства Беларуси : 1943—1945 : документы и материалы / Отв. сост. В. Д. Селеменев ; отв. ред. В. И. Кураш. — Минск : Национальный архив Республики Беларусь, 2018. — 648 с.
15. *Цысь В. В.* Использование труда военнослужащих Красной армии в восстановлении народного хозяйства на завершающих этапах и после окончания Гражданской и Великой Отечественной войн. Монография / В. В. Цысь. — Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. ун-та, 2017. — 345 с. — ISBN 978-5-00047-410-5.

16. Цысь В. В. Помощь войск 1-го Белорусского фронта в восстановлении народного хозяйства Белоруссии на завершающем этапе Великой Отечественной войны (осень 1943 г. — начало 1945 г.) / В. В. Цысь // Вестник Нижневартовского государственного университета. — 2015. — № 4. — С. 4—49.

Статья поступила в редакцию 03.09.2024,
одобрена после рецензирования 05.11.2024,
подготовлена к публикации 19.11.2024.

Material resources

- Announcement of recruitment to the school of the Federal Law. (1947). *Grodno Pravda: [newspaper]*, 68—69 (1079—1080): P. 1. (In Russ.).
- Assistance to fraternal republics. (1949). *Grodno Pravda: [newspaper]*, 5 (1544): P. 2. (In Russ.).
- CDOOSO — *Documentation Center of public organizations of the Sverdlovsk region.* (In Russ.).
- Fraternal assistance to Belarusian builders. (1947). *Grodno Pravda: [newspaper]*, 62,63 (1083/1084): P. 1. (In Russ.).
- GAGO — *State Archive of the Grodno region.* (In Russ.).
- Information. (1945). *Soviet Belarus: [newspaper]*, 5 (7810): P. 3. (In Russ.).
- Local industry of the BSSR. (1946). *Soviet Belarus: [newspaper]*, 26 (8082): P. 3. (In Russ.).
- Nationwide care for the families of defenders of the Motherland. (1945). *Soviet Belarus: [newspaper]*, 6 (7811). *January 10th.* P. 3. (In Russ.).
- New branches of the national economy. (1946). *Soviet Belarus: [newspaper]*, 26 (8082): P. 3. (In Russ.).
- Report of the Chairman of the Council of People's Commissars of the BSSR and the Secretary of the Central Committee of the CP(b) of Belarus Comrade. Ponomarenko P. K. (1946). *Soviet Belarus: [newspaper]*, 43 (8089): 1—2. (In Russ.).
- The Belarusian people celebrate the 30th anniversary of the formation of the Soviet socialist state with significant success. (1949). *Grodno Pravda: [newspaper]*, 3 (1541): P. 3. (In Russ.).
- The seventh session of the Supreme Soviet of the Byelorussian SSR. A verbatim report.* (1947). Minsk: State Publishing House of the BSSR. 197 p. (In Russ.).
- The Union and autonomous republics, cities, districts and individual enterprises of the USSR took patronage over the liberated areas of Soviet Belarus: [newspaper]*, 219. (1944). P. 1. (In Russ.).
- Uralselmash from Kurgan. (1947). *Grodno Pravda: [newspaper]*, 156 (1177): P. 1. (In Russ.).
- Work on the restoration of the regions of the Belarusian SSR. Soviet Belarus: [newspaper]*, 82. (1945). P. 2. (In Russ.).

References

- Assistance of the Union center of the Belarusian SSR in the restoration of agriculture in 1943—1945. (2019). *Bulletin of the Samara University. History, pedagogy, philology*, 25 (2): 48—54. DOI: 10.18287/2542-0445-2019-25-2-48-54. (In Russ.).
- History of the socialist economy. In 7 volumes*, 6. (1980). Moscow: Nauka. 589 p. (In Russ.).
- Khisamutdinova, R. R. (2018). *Restoration of agriculture in Belarus: 1943—1945: documents and materials.* Minsk: National Archive of the Republic of Belarus. 648 p. (In Russ.).

- Kondrashin, V. V., Selemenev, V. D. (2019). Assistance of the Union center of the Belarussian SSR in the restoration of agriculture in 1943—1945. *Bulletin of the Samara University. History, pedagogy, philology*, 25 (2): 48—54. DOI: 10.18287/2542-0445-2019-25-2-48-54. (In Russ.).
- Morgunov, N. S. (1956). *The Communist Party of Belarus in the struggle for the restoration of the republic's industry in 1943—1945*. Author's abstract of PhD Diss. Minsk. 22 p. (In Russ.).
- Motrevich, V. P., Mamyachenkov, V. N. (2023). Dynamics of livestock production in the Sverdlovsk region in the first post-war years (1946—1950). *History and modern worldview*, 5 (2): 39—47. DOI: 10.33693/2658-4654-2023-5-2-39-47. (In Russ.).
- Restoration of agriculture in Belarus. 1943—1945: Doc. and materials*. (2018). Minsk: NARB. 648 p. ISBN 978-985-6372-84-4. (In Russ.).
- Selemenev, V., Kulinok, S. (2021). The revival of agriculture after the Great Patriotic War. *Science and Innovation*, 6 (220): 17—21. (In Russ.).
- Terentyev, V. V. (2024). Assistance of the peoples of the USSR in restoring the national economy of the BSSR in the post-war period. *On the way to civil society*, 2 (54): 60—64. DOI: 10.26456/vthistory/2021.2.103-111. (In Russ.).
- The history of the national economy of the Urals: in 2 hours*, 2. (1990). Sverdlovsk: Publishing House of the Ural University. 256 p. (In Russ.).
- Timofeev, R. V. (2021). Post-war restoration of transport in the Belarussian SSR. *Science and Innovation*, 6 (220): 22—25. (In Russ.).
- Timofeev, R. V. (2020). Restoration of railway transport in the post-occupation period of the Great Patriotic War. In: *Victory is one for all: proceedings of the II International Scientific and Practical Conference, Vitebsk, April 23—24, 2020*. Vitebsk: Masharov State University. 127—130. ISBN 978-985-517-739-6. (In Russ.).
- Tsys, V. V. (2015). Assistance of the troops of the 1st Belorussian Front in restoring the national economy of Belarus at the final stage of the Great Patriotic War (autumn 1943 — early 1945). *Bulletin of Nizhnevartovsk State University*, 4: 4—49. (In Russ.).
- Tsys, V. V. (2017). *The use of the labor of Red Army servicemen in the restoration of the national economy at the final stages and after the end of the Civil and Great Patriotic Wars. Monograph*. Nizhnevartovsk: Nizhnevart Publishing House. Unita. 345 p. ISBN 978-5-00047-410-5. (In Russ.).
- Volodarsky, L. M. (1946). *The revival of the regions of the USSR affected by the German occupation Text*. Moscow: Gosplanizdat. 104 p. (In Russ.).
- Zapariy, V. V., Getsevich, A. K., Ermak, Yu. G., Zaitseva, E. V. (2024). Assistance of the Union republics in the restoration of the industry of the BSSR in the first post-war years: historiography of the issue. *History and modern worldview*, 6 (2): 154—161. DOI: 10.33693/2658-4654-2024-6-2-154-161 4. (In Russ.).

*The article was submitted 03.09.2024;
approved after reviewing 05.11.2024;
accepted for publication 19.11.2024.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(9), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Куликов С. В. «Пути монаршего милосердия»: судебные полномочия монарха и конституционная реформа 1906 года / С. В. Куликов // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 9. — С. 418—439. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-9-418-439.

Kulikov, S. V. (2024). “Paths of Monarchical Mercy”: Judicial Powers of Monarch and Constitutional Reform of 1906. *Nauchnyi dialog*, 13 (9): 418-439. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-9-418-439. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

«Пути монаршего милосердия»: судебные полномочия монарха и конституционная реформа 1906 года

Куликов Сергей Викторович
orcid.org/0009-0000-3829-3150
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
отдела Новой истории России
sergeykulikov70@mail.ru

Санкт-Петербургский
институт истории
Российской академии наук
(Санкт-Петербург, Россия)

“Paths of Monarchical Mercy”: Judicial Powers of Monarch and Constitutional Reform of 1906

Sergey V. Kulikov
orcid.org/0009-0000-3829-3150
PhD in History
Senior Researcher,
Department of Modern History of Russia
sergeykulikov70@mail.ru

St. Petersburg Institute of History
of the Russian Academy of Sciences
(St. Petersburg, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Впервые рассматривается такой важный сюжет из истории создания Основных государственных законов 23 апреля 1906 года, как решение вопроса о судебных полномочиях императора. Отмечается, что в прежних Основных государственных законах (1832) эти полномочия не были очерчены, хотя даже в конституционных монархиях признавалось судебное верховенство монархов, прежде всего принадлежность им права помилования. Анализируются варианты определения судебных полномочий царя в трех проектах новых Основных законов, подготовленных для Николая II в конце 1905 года. Отмечается, что среди них лидировал проект П. А. Харитонова. В проекте Государственной канцелярии и в проекте профессора О. О. Эйхельмана судебные полномочия самодержца обрисовывались аналогично тому, как это было характерно для конституционных монархий начала XX столетия. В марте 1906 года проект Государственной канцелярии рассматривал Совет министров под председательством графа С. Ю. Витте. При его поддержке в проект были внесены консервативные поправки — об отмене несменяемости судей (установленной Судебными уставами 1864 года), о сохранении за царем непосредственного участия в отправлении правосудия и о принадлежности ему права диспенсации. Показано, что на Особом совещании в апреле 1906 года либеральные сановники выступили против этих поправок, а Николай II занял их сторону. В окончательной редакции Основных законов судебные полномочия царя в целом соответствовали европейскому конституционализму начала XX века.

Ключевые слова:

Основные законы; судебные полномочия; царь; Государственная канцелярия; Совет министров; император; Особое совещание.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article presents a novel examination of a pivotal aspect of the creation of the Fundamental State Laws enacted on April 23, 1906, specifically addressing the question of the Emperor's judicial powers. It is noted that previous iterations of the Fundamental State Laws (1832) did not delineate these powers, despite the acknowledgment of the judicial supremacy of monarchs in constitutional monarchies, particularly their right to grant pardons. The article analyzes different definitions of the Tsar's judicial powers as outlined in three drafts of new Fundamental Laws prepared for Nicholas II in late 1905. Among these drafts, the proposal by P. A. Kharitonov emerged as the leading version. In both the draft from the State Chancellery and that of Professor O. O. Eikhelman, the judicial powers of the autocrat were framed similarly to those characteristic of constitutional monarchies at the beginning of the 20th century. In March 1906, the State Chancellery's draft was reviewed by the Council of Ministers, chaired by Count S. Yu. Witte. With his support, conservative amendments were introduced to the draft — abolishing the non-removability of judges established by the Judicial Statutes of 1864, preserving the Tsar's direct involvement in administering justice, and affirming his right to dispense justice. It is demonstrated that during a Special Meeting in April 1906, liberal officials opposed these amendments, while Nicholas II sided with their critics. In the final version of the Fundamental Laws, the judicial powers of the Tsar largely conformed to European constitutionalism of the early 20th century.

Key words:

Fundamental Laws; judicial powers; Tsar; State Chancellery; Council of Ministers; Emperor; Special Meeting.

УДК 94(47)“1906”+327(47)“1906”

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-9-418-439

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

«Пути монаршего милосердия»: судебные полномочия монарха и конституционная реформа 1906 года

© Куликов С. В., 2024

1. Введение = Introduction

В ходе конституционной реформы, закончившейся изданием Основных государственных законов 23 апреля 1906 года, впервые в истории Российской империи решался вопрос о полномочиях самодержца в области суда. Вообще к началу XX века в монархиях, как абсолютных, так и конституционных, суверену принадлежало судебное верховенство, *souveraineté judiciaire*, а потому правосудие вершилось его именем. «Главой судебной власти, — отмечал Н. А. Захаров в 1912 году, — повсюду считается монарх, осуществляющий ее чрез специальные учреждения в установленном законом порядке» [Захаров, 2002, с. 170]. Главой судебной власти монарха признавали, в частности, неписаная конституция Великобритании [Энсон, 1914, с. 2, 442] и писанные конституции Австрии, Баварии, Бельгии, Болгарии, Греции, Испании, Италии, Нидерландов, Пруссии, Румынии, Сербии [Современные конституции ..., 1905, с. 26, 72, 121, 144, 209, 258, 273, 309, 403, 430, 493, 514], Черногории [Современные конституции ..., 1907, с. 628], Швеции, Японии [Современные конституции..., 1905, с. 533, 593]. Судебное верховенство как в монархиях, так и в республиках подразумевало реализацию главой государства только четырех прав: 1) права издания и изменения законов, определяющих судеустройство и судопроизводство, 2) права назначения судей, непосредственно или через специально установленные для того органы, 3) права верховного надзора за деятельностью судов путем рассмотрения их отчетов или назначения ревизий и 4) права помилования (в сфере уголовного правосудия), осуществляемого по непосредственному усмотрению или по ходатайству постановившего приговор суда [Лькошин, 1901, с. 945]. Тем самым, если не считать помилования, в отправлении правосудия монархи и президенты непосредственно не участвовали.

Право помилования составляло общую прерогативу главы любого государства [Таганцев, 1994, с. 358, 362], причем различали индивидуальное помилование и коллективное помилование, амнистию — первое он осуществлял единолично, вторую (в некоторых странах) — с участием парла-

мента [Люблинский, 1907, с. 38—116]. Правом помилования пользовались как монархи (конституции Австрийская [Современные конституции ..., 1905, с. 27—28], Английская [Энсон 1914, с. 256—257], Баварская, Баденская, Бельгийская, Болгарская, Венгерская, Греческая, Датская, Испанская, Итальянская, Нидерландская, Норвежская, Португальская, Прусская, Румынская, Саксонская, Сербская [Современные конституции ..., 1905, с. 72—73, 97, 129, 132, 144, 173, 211, 229, 254, 265, 291, 326, 365-366, 396, 441, 460, 494], Черногорская [Современные конституции ..., 1907, с. 607], Шведская, Японская [Современные конституции ..., 1905, с. 534—535, 589] и др.), так и президенты (конституции Бразилии, США, Франции [Современные конституции ..., 1907, с. 140, 297—298, 535]). В области суда власть монархов и президентов ограничивалась не только перечисленными правами, но и институтом несменяемости судей, хотя она могла отменяться. Со времени Великой французской революции 1789 года несменяемость отменялась четыре раза, последний раз — в 1883 году, когда республиканское правительство в течение трех месяцев массово увольняло судей-монархистов [Смирнов, 2020, с. 159—170]. Вообще в республиках, по причине характерной для них партийной борьбы, положение судей было менее прочным, нежели в монархиях.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Сюжет о том, как в ходе конституционной реформы 1906 года решался вопрос о полномочиях самодержца в области суда, не получил, несмотря на свою важность, особого освещения в отечественной и зарубежной историографии. Исследователи затрагивали его вкратце (Б. Б. Глинский [Глинский, 1913, с. 984], В. М. Гессен [Гессен, 1916, стб. 1323, 1328; стб. 1355], М. Шефтель [Szeftel, 1976, р. 40, 42, 56—57, 65—66], Н. Г. Королева [Королева, 1982, с. 78, 81], Р. Ш. Ганелин [Ганелин, 1984, с. 286, 293], Б. В. Ананьич и Р. Ш. Ганелин [Ананьич, Ганелин, 1999, с. 307—308], М. В. Немытина [Немытина, 1999, с. 318—319], Т. А. Хамченко [Хамченко, 2008, с. 24—25], Ю. В. Щедрина [Щедрина, 2016, с. 920], А. Н. Верещагин [Верещагин, 2022, с. 199—200]) либо на касались вовсе — даже тогда, когда должны были бы его коснуться (Й. Баберовский [Baberowski]). Ситуация в историографии объясняется прежде всего тем, что в поле исследовательского зрения не попадали документы, используемые далее: одни из них опубликованы автором настоящей статьи в 1998 [Куликов, 1998, с. 91—164] и 2004 [Куликов, 2004, с. 29—64] годах, а другие — хранятся в фондах Библиотеки царскосельского Александровского дворца [ГАРФ, ф. 543], баронов Нольде [РГИА ф. 727] и совещаний, образованных при Государственном совете для обсуждения вопроса о государственных преобразованиях [Там же, ф. 1544].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Судебные полномочия царя до конституционной реформы 1906 года

В Основных государственных законах 1832 года не встречается наименование царя главой судебной власти, вероятно — поскольку в России эта власть начала отделяться от общих функций самодержца еще при Петре I, который в 1718 году отказался от участия в судебном разбирательстве. В 1864 году Судебная реформа Александра II окончательно ограничила самодержавие в судопроизводстве, так как отныне царь не участвовал и в судебном управлении, что получило законодательное закрепление. Статья 1 Учреждения судебных установлений 1864 года постановляла: «Власть судебная принадлежит: мировым судьям, съездам мировых судей, окружным судам, судебным палатам и Правительствующему Сенату — в качестве верховного кассационного суда» [Российское законодательство ..., 1991, с. 32]. Статья 927 Устава уголовного судопроизводства 1864 года гласила: «На решения Сената жалобы ни в каком случае не допускаются и никем не могут быть принимаемы» [Там же, с. 208]. Статья 217 Учреждения Сената объявляла, подразумевая его Гражданский и Уголовный кассационные департаменты: «На решение Сената нет апелляции» [Государственный строй ..., 1995, с. 193]. Д. Дейли даже утверждал, что после 20 ноября 1864 года Россия перестала быть абсолютной монархией «в полном смысле этого слова» [Daly, 1998, p. 17]. Хотя — только в 1899 году действие Судебных уставов 1864 года Николай II распространил на всю территорию Российской империи [Ефремова, 1983, с. 91, 92—93, 95—99, 107]. Вообще же, действительно, отделение судебной власти от исполнительной и законодательной Судебная реформа 1864 года провела в максимально возможной степени.

Впрочем, статья 4 Учреждения Сената постановляла, что «единое лицо Императорского Величества председательствует в Сенате» [Государственный строй ..., 1995, с. 152]. В реальности, однако, эта статья имела символическое значение, поскольку цари никогда в Сенате не председательствовали, и их ограничение в области суда с 1864 года стало реальным. По наблюдениям А. Н. Верещагина, «за всё время применения Судебных уставов не было ни единого случая, чтобы решение суда, вынесенное по этим уставам, было отменено или изменено на основании высочайшего повеления» [Верещагин, 2022, с. 189].

В области суда самодержавие ограничивал и институт несменяемости судей, которая, подчеркивал Б. Н. Чичерин, «прилагается как в конституционных государствах, так и в самодержавных» [Чичерин, 2006, с. 343]. Впервые несменяемость судей, избранных дворянством, ввела Екатерина II согласно Учреждению для управления губерний 1775 года.

Александр II окончательно установил их несменяемость, издав Судебные уставы 1864 года, и «никогда впоследствии, — подчеркивает А. Н. Верещагин, — судей не увольняли по высочайшему повелению» [Верещагин, 2022, с. 186]. Казалось бы, коррективом к несменяемости судей стало создание Александром III 20 мая 1885 года Высшего дисциплинарного присутствия при Сенате, которое получило право их увольнения. Однако П. А. Зайончковский признавал, что «практическое значение» закона об этом органе оказалось «невелико», так как за девять лет (1886—1894 годы) присутствие отстранило от должности «за предосудительный образ действий» только двух человек [Зайончковский, 2005, с. 556]. Очевидно, что несменяемости судей присутствие не уничтожило и уничтожить не могло, поскольку изначально и впоследствии не имело такой цели.

После 1864 года в сфере непосредственного участия в судопроизводстве за царем сохранялось только право наложения наказаний на членов Императорской фамилии «за неповиновение» (согласно статье 178 Основных законов 1832 года [Свод законов ..., 1892, с. 40]) и предания суду за должностные преступления членов Государственного совета, министров, лиц, занимавших должности первых трех классов, и губернаторов (статьи 1063 и 1076 Устава уголовного судопроизводства [Российское законодательство ... 1991, с. 224, 226]). Кроме того, и после 1864 года император, по пункту 1 статьи 945 и статьям 1085 и 1097 Устава уголовного судопроизводства, имел право утверждать приговоры уголовных судов тогда, когда дворяне, чиновники, священнослужители или лица, имевшие ордена и знаки отличия, присуждались к наказаниям, соединенным с лишением всех прав или всех особых прав и преимуществ [Там же, с. 210, 227, 229]. Однако это утверждение, связанное с тем, что источником наград являлся царь, носило чисто формальный характер и не являлось пересмотром судебного решения по существу [Лазаревский, 1910, с. 143]. Согласно статье 217 Учреждения Сената, жалобы на определения четырех некассационных департаментов Сената могли приноситься в Канцелярию Его Императорского Величества по принятию прошений [Государственный строй ..., 1995, с. 193]. Оттуда они поступали в Особое присутствие при Государственном совете для предварительного рассмотрения и всеподданнейших жалоб на определения департаментов Сената, а от него — к монарху, и, в случае его согласия, дело переносилось на рассмотрение соответствующего Общего собрания Сената (статьи 146 и 147 Учреждения Государственного совета 1901 года [Учреждение..., 1901, с. 22—23]). Такие жалобы имели целью не пересмотр императором определения департамента, но лишь испрашивание высочайшего соизволения на пересмотр определения следующей судебной инстанцией [Лазаревский, 1910, с. 144]. Следовательно, и это царское полномочие отличал чисто формальный характер.

Наконец, как и в остальных монархиях, за самодержцем сохранялось право помилования. Статья 165 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года постановляла: «Помилование и прощение виновных ни в каком случае не зависит от суда. Оно непосредственно исходит от верховной самодержавной власти и может быть лишь действием монаршего милосердия. Сила и пространство действия сего милосердия, как изъятия из законов общих, определяются в том самом высочайшем указе, коим смягчается участь виновных или же даруется совершенное прощение» [Уложение о наказаниях..., 1886, с. 128]. К. Ф. Хартулари приходил к выводу о «совершенной тождественности» царской прерогативы помилования «с общим учением западно-европейских законодательств» и заключал, что ее регламентация отвечает «всем тем условиям и требованиям, какими эта прерогатива обставлена в западно-европейских государствах, для предупреждения возможных ею злоупотреблений» [Хартулари, 1899, с. 269]. Царю принадлежало право как индивидуального, так и коллективного помилования, то есть амнистии.

Возбуждение ходатайства об индивидуальном помиловании, по статье 945 Устава уголовного судопроизводства, могло исходить от суда, постановившего приговор [Российское законодательство ..., 1991, с. 210], либо от самого обвиненного, или от третьих лиц, обращавшихся в Канцелярию по принятию прошений, согласно пункту 5 статьи 9 ее Учреждения [Арефа, 1912, с. 9—10]. Теоретически все такие ходатайства должны были передаваться царю министром юстиции, который фактически и решал вопросы о помиловании, поскольку докладывал непосредственно монарху раз в неделю ничтожное меньшинство («два-три») соответствующих представлений [Крыжановский, 2009, с. 61]. Таким образом, на самом деле индивидуальное помилование зависело не столько от императора, сколько от министра юстиции.

3.2. Судебные полномочия монарха в проектах Основных законов (октябрь 1905 — март 1906 гг.)

Вопрос о полномочиях самодержца в области судебной власти приобрел особую актуальность после издания Манифеста 17 октября 1905 года, когда стала очевидной необходимость подготовки новых Основных законов. К декабрю для Николая II три их проекта составили товарищ (заместитель) государственного секретаря П. А. Харитонов при участии сенатора Н. П. Гарина, директор Александровского лицея А. П. Саломон и начальник императорской Военно-походной канцелярии граф А. Ф. Гейден при участии Саломона. В проекте Харитонова статья 12 главы 2 «Об императорской власти», подразумевающая институт несменяемости судей, гласила, что император назначает и увольняет должностных лиц, если «для последних не установлено законом иного порядка назначения и увольнения». Статья 15

той же главы, проводя принцип судебного верховенства царя, постановляла: «Судебная власть осуществляется от имени Государя Императора установленными законом судами, решения коих приводятся в исполнение именем Его Императорского Величества». Статья 16 декларировала, что императору «принадлежит право помилования и смягчения наказаний» [Куликов, 1998, с. 102, 103]. Одним из источников проекта Харитонова был проект Основного закона, составленный идеологами Союза освобождения. Его статья 35 из раздела IV «Об императорской власти» указывала, что императору «принадлежит право помилования и смягчения наказаний», но с тем ограничением, какое устанавливала статья 65 раздела VI «О министрах», согласно которой помилование осужденного министра могло состояться «лишь по ходатайству той палаты, постановлением которой он привлечен к суду» [Основной государственный закон..., 1905, с. 17, 24]. Харитонов заимствовал статью 35 дословно, но без оговорки о министрах.

В проекте А. П. Саломона статья 6 главы 1 «О верховной власти» декларировала: «Правосудие совершается в Империи именем Императорского Величества. Императору принадлежит право помилования» [Куликов, 1998, с. 116]. В проекте же А. Ф. Гейдена статья 4 одноименной главы 1 гласила: «Императору принадлежит верховное право миловать и смягчать наказания. Правосудие осуществляется именем императорского величества, законом установленными судами» [Там же, с. 134]. Авторы всех трех проектов восполнили пробел прежних Основных законов и в текст будущей конституции внесли статьи о судебном верховенстве царя и принадлежащем ему праве помилования.

Николай II отдавал явное предпочтение проекту П. А. Харитонова, а потому в январе-феврале 1906 года именно этот проект оказался в центре внимания тех, кто во исполнение царской воли руководил подготовкой новых Основных законов, — председателя Государственного совета графа Д. М. Сольского и непосредственного начальника Харитонова — государственного секретаря барона Ю. А. Икскуля фон Гильденбандта, руководителя Государственной канцелярии, которая обеспечивала делопроизводство Государственного совета и ведала кодификацией. Под председательством Икскуля 14 января прошло Совещание высших чинов Государственной канцелярии, подвергшее переработке проект Харитонова с учетом содержания двух других проектов. В проекте Государственной канцелярии, как начали называть на данной стадии харитоновский проект, поменялась нумерация статей 15 и 16, которые стали 16 и 17, а из статьи 17 устранили слово «право (помилования)», добавив слово «осужденных» [Куликов, 2004, с. 40, 41, 54, 55]. Иными словами, в Государственной канцелярии эти статьи подверглись стилистической, а не смысловой правке.

М. Шефтель полагал, что статья 16 проекта Государственной канцелярии имела как российские, так и зарубежные источники, причем российскими были статья 9 Устава гражданского судопроизводства и статья 12 Устава уголовного судопроизводства 1864 года, а иностранными — статья 86 Прусской конституции и статья 57 Японской конституции [Современные конституции ..., 1905, с. 403, 593]. Если с этим можно согласиться, то возражения вызывает объяснение Шефтелем того, почему в проекте Основных законов его автор якобы воздержался от указания на несменяемость судей. «Возможно, — предполагал Шефтель, — что это воздержание было связано с планами отменить постоянный срок пребывания судей в должности, которые материализовались позже во время дебатов в Совете министров по проекту Основных законов» [Szeftel, p. 42]. Однако, во-первых, указание на несменяемость имелось в статье 12 проекта П. А. Харитонов, а во-вторых — никаких планов отмены несменяемости чины Государственной канцелярии не выдвигали.

В конце февраля 1906 года по повелению Николая II проект Государственной канцелярии Д. М. Сольский передал председателю Совета и Комитета министров графу С. Ю. Витте, под руководством которого он обсуждался в Совете министров 10, 12, 14, 18 и 19 марта 1906 года. По итогам первых трех заседаний к 18 марта управляющий делами (начальник Канцелярии) Комитета министров барон Э. Ю. Нольде подготовил предварительный проект Совета министров, как стал теперь называться проект Государственной канцелярии. В результате поменялась нумерация статей: статьи 12, 16 и 17 стали 15, 20 и 21; но самое главное — они подверглись и существенной смысловой правке в консервативном смысле. Статья 15 отныне постановляла, что император назначает и увольняет «председателя Совета министров, министров и главноуправляющих отдельными частями, а также прочих определяемых Им должностных лиц» [РГИА, ф. 727, оп. 2, д. 56, л. 61, об.]. Устранение оговорки об увольнении царем должностных лиц, если «для последних не установлено законом иного порядка назначения и увольнения», означало, что он может увольнять и судей и тем самым судебская несменяемость упразднялась. В статье 20 (о судебном верховенстве монарха) было опущено упоминание о том, что правосудие вершится именем императора. В нее же внесли второе предложение: «Ему, в указанных законом случаях, принадлежит утверждение судебных приговоров, а также возбуждение и прекращение судебного преследования». Следовательно, фактически спящее право царя на непосредственное участие в судопроизводстве было возведено в ранг основного закона. Наконец, статья 21 (о праве помилования) дополнила указание на то, что императору принадлежит и «общее прощение совершивших преступные

деяния с освобождением их от суда и наказания» [Там же, л. 62], то есть, очевидно, право амнистии.

В окончательном проекте Совета министров статья 15 имела две редакции — большинства и меньшинства. По мнению большинства, царю предоставлялось «увольнение от государственной службы всех без изъятия должностных лиц», иными словами — и судей. По мнению меньшинства, император мог назначать и увольнять должностных лиц, если «для последних не установлено законом иного порядка назначения и увольнения», то есть меньшинство министров выступило за сохранение соответствующей статьи проекта Государственной канцелярии, а значит — и судейской несменяемости. Далее, в окончательном проекте кабинета статьи 20 и 21 стали 19 и 20, а сама статья 20 (о праве помилования) была пополнена еще и указанием на то, что царю принадлежит также «сложение, в путях монаршего милосердия, казенных взысканий» [Куликов, 2004, с. 54, 55]. Тем самым власть императора увеличивалась, поскольку ранее, согласно пункту 19 статьи 31 прежнего Учреждения Государственного совета, именно на его «уважение» поступали дела «о сложении недоимок и казенных взысканий» [Учреждение ..., 1901, с. 7]. Б. Б. Глинский ошибочно утверждал, что Совет министров одобрил статью о помиловании в том виде, в каком она вошла в окончательную редакцию новых Основных законов [Глинский, 1913, с. 984].

Большинство министров полагало, мотивируя, в Мемории 19 марта 1906 года, необходимость отмены несменяемости судей: «Хотя эти последние пользуются по закону правом несменяемости и, следовательно, не должны быть увольняемы иначе, как по суду (уголовному или дисциплинарному), тем не менее они до настоящего времени знали, что монарх неограниченный волен сместить их в случае признанной им в том необходимости, а с другой стороны, волен и отменить самый закон о несменяемости. После же созыва Государственной думы отмена несменяемости судей будет зависеть от согласия на сие ее членов. Таким образом, отныне государь без особой о сем оговорки в Основных законах не имел бы возможности устранить даже тех судей, которые по своим действиям оказались бы опасными для правильного хода государственной жизни» [Совет министров ..., 1990, с. 361—362]. Несомненно, что саму постановку вопроса об отмене судейской несменяемости вызвал инцидент, который А. Н. Верещагиным характеризовался как «исключительный случай», «едва ли не единственный случай открытого нарушения принципа несменяемости». В январе 1906 года по всеподданнейшему докладу министра юстиции М. Г. Акимова председатель Томского окружного суда А. В. Витте, однофамилец премьер-министра, был уволен без прошения после того, как

в условиях военного положения его отрешил от должности командующий войсками Сибирского военного округа генерал Н. Н. Сухотин [Верещагин, 2022, с. 205]. Причиной такого решения генерала стала бурная оппозиционная деятельность А. В. Витте, который возглавлял местный комитет Конституционно-демократической партии.

Меньшинство Совета министров, согласно Мемории, не поддержало идею отмены судебской несменяемости, поскольку она принадлежит «к числу основных начал Судебных уставов императора Александра II и почти во всех государствах считается одною из неотъемлемых прерогатив судьи, обеспечивающею ему возможность разрешить дело по совести и внутреннему убеждению вне всяких сторонних влияний». «За долгий, свыше сорокалетний, период существования этого права, — напоминали представители меньшинства, — русские государи находили нужным его нарушать только в исключительно редких случаях; отменить же его именно теперь, после Манифеста 17 октября, обещавшего всем русским подданным ряд новых прав, едва ли представлялось бы удобным с точки зрения общей политики. К тому же не предвидится и особой опасности от дальнейшего его существования, так как почти во всех случаях увольнение неблагонадежных судей может совершиться на основании закона в порядке дисциплинарного производства» [Совет министров..., 1990, с. 362]. Необходимость увеличения статьи о судебном верховенстве царя Совет министров признавал желательным «во избежание всяких недоразумений», хотя и соглашался, что участие монарха в непосредственном отправлении правосудия сводится к праву «утверждать предположения подлежащих установлений и должностных лиц относительно возбуждения уголовного преследования против высших служащих и предания их суду, а также относительно лишения прав лиц привилегированных состояний» [Там же]. Объясняя дополнение статьи о праве помилования правом императора давать общее прощение и слагать казенные взыскания, кабинет отметил, что это право составляет «исконную прерогативу царей русских» [Там же]. Меморию и проект Совета министров С. Ю. Витте представил императору 19 марта 1906 года.

Вслед за проектом кабинета Николай II получил и проект конституции, составленный профессором Киевского университета О. О. Эйхельманом и обоснованный им в адресованных царю 24 марта 1906 года «Соображениях о новом изложении Основных государственных законов Российской империи». В проекте Эйхельмана статья 85 главы 10 «О верховной исполнительной власти Государя Императора», в частности, гласила: «Судебные места и присутствия в Империи постановляют свои определения по приказу Его Императорского Величества. Право помилования виновных в уголовных и дисциплинарных делах зависит единственно от Государя

Императора» [ГАРФ, ф. 543, оп. 1, д. 10, ч. 1, л. 123]. Характеризуя как «коренную черту» верховенства Государя, в порядке исполнительной функции власти в государстве» то, что «суды и присутствия постановляют свои властные решения именем Государя», а «*помиловать* (выделено О. О. Эйхельманом. — С. К.) в уголовных делах (преступлениях, проступках, нарушениях) *единственно* властно Его Императорское Величество», профессор подытоживал: «Все это, как известно, элементарнейшие и, вместе с тем, фундаментальнейшие истины и самые положительные начала в действующем русском государственном устройстве. *Иначе и быть не могло бы*» [Там же, л. 123, об. — 124]. Все эти соображения соответствовали и европейскому конституционализму начала XX века. Проекты Государственной канцелярии, Совета министров и Эйхельмана рассматривало Особое совещание под председательством Николая II по пересмотру Основных законов, заседавшее 7, 9, 11 и 12 апреля 1906 года.

3.3. Обсуждение вопроса о судебных полномочиях императора в Особом совещании по пересмотру Основных законов и по его итогам (апрель 1906 года)

В заседании Особого совещания 11 апреля царь обратил внимание на то, что по статье 15 «в Совете министров произошло разногласие». «Статью 15, — заявил С. Ю. Витте, выступая в роли ниспровергателя судейской несменяемости, — надо изложить в редакции, предложенной большинством. Необходимо предоставить монарху всех должностных лиц. Против этого выставляется установленная нашим законодательством несменяемость судей. Но нельзя забывать, что до настоящего времени государь император мог нарушить это начало в крайних случаях. А в будущем Дума и Государственный совет никогда на это не согласятся, если не будет особо оговорено, что это их не касается». Сославшись на неоднократные нарушения несменяемости во Франции, премьер приходил к выводу: «Так же и у нас в переживаемое время нельзя закрыть возможности сменять судей. Они могут выносить революционные приговоры, всегда оправдывать. Если признать их несменяемыми, и Дума их поддержит, что же тогда будет?» [Русский конституционализм..., 2001, с. 135—136].

М. Шефтель отмечал, что аргумент Витте «можно было бы понять только в том случае, если бы новый баланс сил привел к парламентаризму, чего не произошло» [Szeftel, 1976, p. 131]. Исследователь предполагал, что граф «отклонился назад, чтобы сохранить как можно больше власти императора, насколько это было возможно при новом режиме», так как, «похоже, в то время это было его главной заботой» [Ibid.]. Шефтель допускал также, что премьер «хотел просто утвердить в сознании императора идею о том, что он, Витте, был его самым верным слугой, чтобы

нейтрализовать противоположное впечатление» [Ibid.]. Почему же, однако, Витте «отклонился назад» именно по вопросу об отмене несменяемости судей? Представляется, что решающую роль сыграл тот казус его томского однофамильца, который должен был детерминировать поведение премьера уже на уровне подсознания.

В ответ на вопросы Николая II («Какой же практический выход? Если пришлось бы принять это постановление, то как это сделать?») М. Г. Акимов, естественно, поддержал С. Ю. Витте. Подчеркнув, что «если революционное движение захватит суды, это будет конец государству», министр юстиции сказал, явно намекая на казус А. В. Витте: «К несчастью, в отдельных случаях эти опасения уже оправдываются. Но пока — это отдельные случаи; с ними можно бороться. Если же революция охватит всех судей, то с этим нельзя будет справиться иначе, как путем их увольнения» [Русский конституционализм ..., 2001, с. 136—137]. С. Ю. Витте, противореча протоколам Особого совещания, вспоминал: «За сменяемость говорили министр юстиции Акимов и я» [Из архива С. Ю. Витте, 2003, с. 467]. Очевидно, Витте хотел выставить инициатором одиозной меры Акимова, а не себя.

Против отмены несменяемости судей решительно выступили И. Л. Горемыкин и граф К. И. Пален [Русский конституционализм ..., 2001, с. 137—138]. И здесь память опять подвела Витте, поскольку он утверждал, что сначала говорил Пален, а затем — Горемыкин. Помимо этого, Витте вменил в вину Палену, будто граф «горячо возражал против сменяемости, упустив, вероятно, из виду, что он сам, будучи министром юстиции, вследствие принципа несменяемости уничтожил назначение судебных следователей, как лиц, затем не сменяемых, и всюду ввел исправляющих должность судебных следователей, дабы они были сменяемы» [Из архива С. Ю. Витте, 2003, с. 467]. В действительности же на заседании Особого совещания 11 апреля Пален откровенно признал: «Самая слабая сторона — это судебные следователи. В принципе они тоже должны быть несменяемы, но, чтобы избежать этого, их назначают исправляющими должность» [Русский конституционализм ..., 2001, с. 137—138]. Назначение несменяемых судебных следователей Александр II приостановил по докладу Палена в 1870 году вследствие того, что ими, как правило, становились молодые люди, не имевшие служебного опыта [Коркунов, 1879, с. 154].

Подводя итоги дискуссии, Э. В. Фриш заключил, что отмена судебной несменяемости «была бы ошибкой», после чего Николай II сказал: «Я ничего не имею против несменяемости». Затем за сохранение несменяемости выступил А. А. Сабуров и даже М. Г. Акимов, который, однако, находил желательным указать, что «в случаях исключительных государь император может принимать чрезвычайные меры в отношении смены су-

дей» [Русский конституционализм ..., 2001, с. 138]. В дальнейшем пожелание Акимова учтено не было и никак не отразилось на окончательной редакции новых Основных законов. Э. В. Фриш не согласился не только со статьей 15, но и со статьей 19 в редакции Совета министров, о судебном верховенстве монарха, заметив: «Вторая часть статьи 19 мне кажется лишней. Вообще я предпочел бы изложение этой статьи по первоначальному проекту», то есть по проекту Государственной канцелярии. А. А. Сабуров опять поддержал Фриша, и Николай II повелел: «Принять редакцию первоначального проекта» [Там же, с. 145]. М. Шефтель справедливо считал, что второе предложение статьи 19 было исключено, чтобы «избежать каких-либо сомнений в том, что принцип независимости судебной власти будет по-прежнему соблюдаться» [Szeftel, p. 66]. Следовательно, либеральные сановники одержали победу над С. Ю. Витте по вопросам о несменяемости судей и о судебном верховенстве.

По поводу статьи 20, о праве помилования, главноуправляющий Канцелярией по принятию прошений барон А. А. Будберг высказался о необходимости более решительного закрепления за царем и права диспенсации. «В 20 статье, — сказал барон, — надо указать на право государя императора допускать изъятия из действия закона вследствие строгости последнего. В государствах с твердыми, современными законоположениями этого не нужно. Но в России сделать этого в полной мере нельзя. Когда жизнь и закон не согласны между собой, то вопрос должен быть разрешен верховной властью. Во всех этих случаях обращаются к верховной власти. Нельзя поставить В[аше] И[мператорское] В[еличество] в такое положение, чтобы вы, государь, должны были отвечать — не могу этого сделать. Поэтому надо сказать, что, в путях монаршего милосердия, допускаются изъятия из закона, когда этим не нарушаются чьи-либо права» [Русский конституционализм ..., 2001, с. 145]. В отличие от протоколов Особого совещания запись Будберга о своем выступлении более чем в три раза объемнее и развернутее, она существенно конкретизирует протокольную запись, хотя отсутствуют отдельные моменты, освещенные в протоколе. Так, согласно записи барона, он заявил, подразумеваемая право диспенсации: «Мне могут возразить, что ни в одном иностранном законодательстве о таком праве не упомянуто. Мне это хорошо известно, но я утверждаю, что и перед этим останавливаться не следует». Выслушав обращение главноуправляющего и возражения некоторых членов Особого совещания, царь, якобы, ответил: «Я согласен с бароном Будбергом. Так и сделать» [Писарев, 1909, с. 213—215]. Однако протоколы Особого совещания рисуют несколько иную картину.

Э. В. Фриш, выступая арбитром и в этой, едва начавшейся, дискуссии, посоветовал: «Лучше бы всего придержаться в данном случае действую-

шего закона» [Русский конституционализм ..., 2001, с. 145], — и процитировал пункт 4 статьи 9 Учреждения Канцелярии по принятию прошений, который постановлял: «На Высочайшее имя могут быть приносимы ... прошения о даровании милостей, в особых случаях, не подходящих под действие общих законов, когда сим не нарушаются ничьи огражденные законом интересы и гражданские права» [Арефа, 1912, с. 9—10]. Николай II снова согласился с Фришем, заявив: «Следует принять эти замечания во внимание при окончательном редактировании статьи 20» [Русский конституционализм ..., 2001, с. 145]. Фриш, как один из лидеров либеральной бюрократии, одержал победу и в этом случае.

П. А. Харитонов, обеспечивавший делопроизводство Особого совещания, по его результатам подготовил проект Указа об издании Основных законов и новую редакцию их проекта и 13 апреля 1906 года послал оба документа в том числе и А. А. Будбергу [РГИА, ф. 1544, оп. 1, д. 25, л. 3]. В этой редакции статьи 15, 19 и 20 стали статьями 18, 22 и 23, причем статьи 18 и 22 были восстановлены в редакции Государственной канцелярии [Там же, л. 30]. В статью 23 («Государю Императору принадлежит помилование осужденных и т. д.») Харитонов вставил фразу: «и вообще дарование милостей в случаях особых, не подходящих под действие общих законов, когда сим не нарушаются ничьи огражденные законом интересы и гражданские права» [Там же, л. 30, об.]. Эта вставка, сообщил он Д. М. Сольскому 16 апреля, «заимствована дословно из Учрежд[ения] Канц[елярии] прошений» [Там же, л. 107, об.]. Таким образом, все три рекомендации Э. В. Фриша были учтены.

М. Шефтель признавал, что, хотя положение о праве диспенсации не содержала «никакая другая конституция», в данном случае произошло «частичное сохранение» этого права «только ради заполнения пробелов в законодательстве (*praeter legem* (помимо закона (лат.). — *C. K.*), но не *contra legem* (против закона (лат.). — *C. K.*)» [Szeftel, 1976, p. 135, 136]. В свою очередь А. Н. Верещагин указывает: фраза о том, что диспенсацией не должны нарушаться «ничьи огражденные законом интересы и гражданские права», «была, разумеется, чрезвычайно важна, поскольку являлась той гранью, которая отделяет правомерную дискрецию от системы произвола» [Верещагин, 2022, с. 200]. С приведенными мнениями нельзя не согласиться.

Судя по всему, еще не получив письма П. А. Харитонova, А. А. Будберг писал ему 13 апреля 1906 года: «На всякий случай позволяю себе представить Вам предложенное мною дополнение к ст[атье] 20: “Ему же принадлежит допущение в отдельных случаях, в путях монаршего милосердия, изъятий из закона, когда сим не нарушаются ничьи законом ограждаемые

права» [РГИА, ф. 1544, оп. 1, д. 25, л. 45]. Однако 14 апреля, после ознакомления с новой редакцией статьи о праве диспенсации, барон сообщал Харитонову: «Против редакции ст[атьи] 23 у меня нет возражений. Кое-что мною отмечено на полях» [Там же, л. 46]. К этому письму были приложены проекты Указа [Там же, л. 47] и Основных законов с правкой Будберга. В проекте Основных законов, отправленном Д. М. Сольскому 16 апреля [Там же, л. 104], Харитонов пометил напротив вставки в статью 23: «Бар[оном] А. А. Будбергом одобрена» [Там же, л. 107, об.].

4. Заключение = Conclusions

Еще во время работы Особого совещания газеты Конституционно-демократической партии «Речь» и «Право» опубликовали проект Совета министров и подвергли его резкой критике. По просьбе дворцового коменданта генерала Д. Ф. Трепова, действовавшего, очевидно, с ведома Николая II, кадетские правоведы составили контрпроект, представленный генералом императору 18 апреля. В статье 19 контрпроекта, о судебном верховенстве, в ее втором предложении, в котором говорилось, что царю, «в указанных законом случаях, принадлежит утверждение судебных приговоров, а также возбуждение и прекращение судебного преследования», была устранена последняя фраза — о «возбуждении и прекращении». Следовательно, авторы контрпроекта оказались менее либеральными, чем Э. В. Фриш, рекомендацию которого о полном устранении второго предложения одобрил Николай II. В статье 20 контрпроекта, о помиловании, оппозиционные правоведы уточнили, что освобождение от судебного преследования «не распространяется на председателя Совета министров, министров и главноуправляющих отдельными частями, если такое преследование вчинено Государственным советом или Государственной думою» [Из архива С. Ю. Витте, 1925, с. 125—126]. Однако эта новация, как лишавшая царя права судебного преследования перечисленных должностных лиц, последствий не имела.

Получив окончательный проект Основных законов от П. А. Харитонova 19 апреля, Николай II между 19 и 22 апреля ознакомился с ним и внес в него правку, в результате которой, в частности, статья 18, о несменяемости судей, стала 17 [РГИА, ф. 1544, оп. 1, д. 25, л. 223]. Других изменений в статье о своих судебных полномочиях император не внес, тем самым однозначно признавая ограничение самодержавия в области суда.

В ходе подготовки Основных законов 1906 года за царем было закреплено судебное верховенство, которое отличало и других конституционных монархов. Кроме того, либеральным сановникам удалось отстоять базовые положения Судебной реформы 1864 года от натиска на них со стороны

С. Ю. Витте и поддержавших его министров. Новые Основные законы пополнила также статья о принадлежности царю права диспенсации. Критики этой статьи не задавались вопросом: насколько широко монарх пользовался столь важным, на первый взгляд, правом, как, например, сложение казенных взысканий? В 1908 году из 65.337 прошений, поступивших в Канцелярию по принятию прошений, прошения о сложении казенных взысканий составляли лишь 1064 — полтора процента (1,6 %). Расходы по этой статье составляли небольшую сумму размером около 150.000 руб., небольшую тем более, что на каждого просителя в среднем приходилось по 141 руб. Вообще же большинство прошений о «даровании милостей в случаях особых» Канцелярия оставляла без последствий, отклоняя их из-за отсутствия оснований для удовлетворения (26%) либо переадресовывая в другие ведомства (48 %), где многие из прошений попадали под сукно, и только 12 % прошений рассматривались непосредственно царем: некоторые из них он также не удовлетворял [Писарев, 1909, с. 179, 180, 181, 207]. Пользование самодержцем правом диспенсации не умаляло полномочий народного представительства, поскольку это право вытекало из Основных законов и ограничивалось определенными случаями, а последствия его применения количественно были крайне незначительны и имели чисто экономический характер.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Арефа Н. И.* Правила о порядке принятия и направления жалоб, на высочайшее имя приносимых (Свод законов, Т. I, Ч. II, издания 1906 г.), с приложением дополнительных узаконений / Н. И. Арефа. — Москва : Правоведение, 1912. — 48 с.
2. ГАРФ — *Государственный* архив Российской Федерации. Ф. 543 (Библиотека царскосельского Александровского дворца). Оп. 1. Д. 10. Ч. 1. Материалы по кодификации Основных законов Российской империи.
3. *Государственный* строй Российской империи накануне крушения. Сборник законодательных актов. — Москва : Издательство МГУ, 1995. — 207 с.
4. *Из архива* С. Ю. Витте // Красный архив. — 1925. — Т. 11—12. — С. 107—143.
5. *Из архива* С. Ю. Витте // Воспоминания. Рассказы в стенографической записи. Рукописные заметки. В 2 т. Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2003. — Т. 2. — 646 с.
6. *Крыжановский С. Е.* Воспоминания : из бумаг С. Е. Крыжановского, последнего государственного секретаря Российской империи / С. Е. Крыжановский. — Санкт-Петербург : Издательство РНБ, 2009. — 228 с.
7. *Основной* государственный закон Российской империи. Проект русской конституции, выработанный группой членов «Союза освобождения». — Paris : Societe nouvelle de librairie et d'edition, 1905. — 76 с.
8. РГИА — *Российский* государственный исторический архив. Ф. 727 (бароны Нольде). Оп. 2. Д. 56. Проекты Основных государственных законов, замечания Ноль-

де Э. Ю. и других лиц на эти проекты, Мемория Совета министров, проекты Манифеста Николая II об издании Основных законов и другие материалы об изменении Основных законов (печатные, машинописные и рукописные копии) ; Ф. 1544 (совещания, образованные при Государственном совете для обсуждения вопроса о государственных преобразованиях). Оп. 1. Д. 25. По пересмотру Основных государственных законов.

9. *Российское законодательство X—XX вв.* В 9 т. Судебная реформа. — Москва : Юридическая литература, 1991. — Т. 8. — 495 с.

10. *Русский конституционализм : от самодержавия к конституционно-парламентской монархии.* Сборник документов / Составители А. В. Гоголевский, Б. Н. Ковалев. — Москва : Гардарика, 2001. — 489 с.

11. *Свод законов Российской империи.* — Санкт-Петербург : Государственная типография, 1892. — Т. 1. — 759 с.

12. *Совет министров Российской империи. 1905—1906 гг.* Документы и материалы / Под редакцией Р. Ш. Ганелина. — Ленинград : Наука, 1990. — 473 с.

13. *Современные конституции.* Сборник действующих конституционных актов. Конституционные монархии. — Санкт-Петербург : Книжный склад издательства «Право», 1905. — Т. 1. — 596 с.

14. *Современные конституции.* Сборник действующих конституционных актов. В 2 т. Федерации и республики. — Санкт-Петербург : Издание Юридического книжного склада «Право», 1907. — Т. 2. — 653 с.

15. *Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года.* Издано профессором Императорского Училища правоведения, почетным членом Университета Св. Владимира Н. С. Таганцевым. — Санкт-Петербург : Типография М. М. Стасюлевича, 1886. — 714 с.

16. *Учреждение Государственного совета.* — Санкт-Петербург : Государственная типография, 1901. — 132 с.

Литература

1. *Ананьич Б. В.* Сергей Юльевич Витте и его время / Б. А. Ананьич, Р. Ш. Ганелин. — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 1999. — 429 с.

2. *Верещагин А. Н.* Кассационный Сенат (1866—1917). Очерки устройства и деятельности верховного суда Российской империи / А. Н. Верещагин. — Москва : Издательская группа «Закон», 2022. — 616 с. — ISBN 978-5-904208-22-6.

3. *Ганелин Р. Ш.* Часть вторая. Царизм и 1905 год / Р. Ш. Ганелин // Кризис самодержавия в России. 1895—1917. — Ленинград : Наука, 1984. — С. 155—324.

4. *Гессен В. М.* Четыре редакции (К истории текста Основных законов) / В. М. Гессен // Право. — 1916. — № 22 (5 июня). — Стб. 1321—1331.

5. *Гессен В. М.* Четыре редакции (К истории текста Основных законов) / В. М. Гессен // Право. — 1916. — № 23 (12 июня). — Стб. 1353—1357.

6. *Глинский Б. Б.* К истории составления Основных законов в 1906 году (Ответ на запрос читателей) / Б. Б. Глинский // Исторический вестник. — 1913. — Т. CXXXI. — № 3. — Стб. 977—987.

7. *Ефремова Н. Н.* Министерство юстиции Российской империи 1802—1917 гг. (Историко-правовое исследование) / Н. Н. Ефремова. — Москва : Наука, 1983. — 149 с.

8. *Зайончковский П. А.* Комментарии / П. А. Зайончковский // Половцов А. А. Дневник государственного секретаря. В 2 т. — Москва : ЗАО Центрполиграф, 2005. — Т. 1. — С. 517—604.

9. *Захаров Н. А.* Система русской государственной власти / Н. А. Захаров. — Москва : Редакция журнала «Москва», 2002. — 400 с. — ISBN 5-89097-044-5.
10. *Коркунов Н. М.* Юридическая хроника (к 15-летию Судебных уставов) / Н. М. Коркунов // Журнал гражданского и уголовного права. — 1879. — № 2. — С. 150—198.
11. *Королева Н. Г.* Первая российская революция и царизм. Совет министров России в 1905—1907 гг. / Н. Г. Королева. — Москва : Наука, 1982. — 184 с.
12. *Куликов С. В.* Новые материалы к истории создания Основных государственных законов 1906 г. / С. В. Куликов // Русское прошлое. — 1998. — Кн. 8. — С. 91—164.
13. *Куликов С. В.* Институт экспертизы при создании Основных законов 1906 г. Непубликованные документы / С. В. Куликов // Нестор № 4 (2000, № 4). Ежеквартальный журнал истории и культуры России и Восточной Европы. Наука и власть. Источники, исследования, рецензии. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2004. — С. 29—64.
14. *Лазаревский Н. И.* Лекции по русскому государственному праву. Конституционное право / Н. И. Лазаревский. — Санкт-Петербург : Типография Акционерного общества «Слово», 1910. — Т. 1. — 479 с.
15. *Лыкошин А. С.* Судостроительство / А. С. Лыкошин // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Статика — Судостроительство. — Санкт-Петербург : Типография Акционерного общества «Брокгауз-Ефрон», 1901. — Т. XXXIа. — С. 944—952.
16. *Люблинский П. И.* Право амнистии. Историко-догматическое и политическое исследование / П. И. Люблинский. — Санкт-Петербург : Сенатская типография, 1907. — 363 с.
17. *Немытина М. В.* Суд в России : вторая половина XIX — начало XX в. : диссертация ... доктора юридических наук : 12.00.01 / М. В. Немытина. — Москва, 1999. — 403 с.
18. *Писарев С. Н.* Учреждение по принятию и направлению прошений и жалоб, приносимых на Высочайшее имя. 1810—1910 гг. Исторический очерк / С. Н. Писарев. — Санкт-Петербург : Товарищество Р. Р. Голике и А. И. Вильборг, 1909. — 221 с.
19. *Смирнов Ю. В.* История судебной люстрации во Франции / Ю. В. Смирнов // Закон. — 2020. — № 6. — С. 159—170.
20. *Таганцев Н. С.* Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. В 2 т. / Н. С. Таганцев. — Москва : Наука, 1994. — Т. 2. — 393 с.
21. *Хамченко Т. А.* Судебная власть по Основным государственным законам Российской империи от 23 апреля 1906 г. / Т. А. Хамченко // История государства и права. — 2008. — № 10. — С. 24—25.
22. *Хартулари К. Ф.* Право суда и помилования как прерогативы российской державности (Сравнительное историко-законодательное исследование). Общая и особенная части. Особенная часть / К. Ф. Хартулари. — Санкт-Петербург : Типография Министерства внутренних дел, 1899. — 498 с.
23. *Чичерин Б. Н.* Общее государственное право / Б. Н. Чичерин. — Москва : Зерцало, 2006. — 505 с. — ISBN 5-8078-0132-6.
24. *Щедрина Ю. В.* Государственная политика в сфере обеспечения независимости судей в России в 1905—1917 гг. / Ю. В. Щедрина // Право и политика. — 2016. — № 7 (199). — С. 919—927.
25. *Энсон В.* Английская корона, ее конституционные законы и обычаи / В. Энсон. — Санкт-Петербург : Н. К. Мартынов, 1914. — 480 с.
26. *Baberowski J.* Autokratie und Justiz. Zum Verhältnis von Rechtsstaatlichkeit und Rückständigkeit im ausgehenden Zarenreich 1864—1914 / J. Baberowski. — Frankfurt am Main : Vittorio Klostermann, 1996. — 845 s.

27. *Daly J. W.* *Autocracy Under Siege. Security Police and Opposition in Russia* / J. W. Daly. — Dekalb : Northern Illinois University Press, 1998. — 260 p.

28. *Szeftel M.* *The Russian Constitution of April 23, 1906. Political institutions of the Duma monarchy* / M. Szeftel. — Bruxelles : Librairie Encyclopédique, 1976. — 517 p.

*Статья поступила в редакцию 18.08.2024,
одобрена после рецензирования 27.10.2024,
подготовлена к публикации 20.11.2024.*

Material resources

Arefa, N. I. (1912). *Rules on the procedure for accepting and sending complaints to the highest name of the victims (Code of Laws, Vol. I, Part II, edition 1906), with the appendix of additional legalizations*. Moscow: Pravovedenie. 48 p. (In Russ.).

Establishment of the State Council. (1901). St. Petersburg: State Printing House. 132 p. (In Russ.).

From the archive of S. Y. Witte. (1925). *Krasny archiv*, 11—12: 107—143. (In Russ.).

From the archive of S. Y. Witte. (2003). In: *Memoirs. The stories are in shorthand. Handwritten notes*. In 2 vols., 2. St. Petersburg: Dmitry Bulanin. 646 p. (In Russ.).

Ganelin, R. S. (ed.). (1990). *Council of Ministers of the Russian Empire. 1905—1906. Documents and materials*. Leningrad: Nauka. 473 p. (In Russ.).

GARF — *The State Archive of the Russian Federation*. (In Russ.).

Kryzhanovsky, S. E. (2009). *Memoirs: from the papers of S. E. Kryzhanovsky, the last Secretary of State of the Russian Empire*. St. Petersburg: RNB Publishing House. 228 p. (In Russ.).

Modern constitutions. Collection of current constitutional acts. Constitutional monarchies, 1. (1905). St. Petersburg: Book warehouse of the publishing house “Pravo”. 596 p. (In Russ.).

Modern constitutions. Collection of current constitutional acts. In 2 volumes of the Federation and the Republic, 2. (1907). St. Petersburg: Edition of the Legal book warehouse “Pravo”. 653 p. (In Russ.).

RGIA — *Russian State Historical Archive*. (In Russ.).

Russian Constitutionalism: from autocracy to constitutional and parliamentary monarchy. Collection of documents. (2001). Moscow: Gardariki. 489 p. (In Russ.).

Russian legislation of the X—XX centuries. At 9 t. Judicial reform, 8. (1991). Moscow: Legal Literature. 495 p. (In Russ.).

The Fundamental state law of the Russian Empire. The draft of the Russian constitution, developed by a group of members of the Union of Liberation. (1905). Paris: Societe nouvelle de librairie et d’édition. 76 p. (In Russ.).

The Code of Criminal and Correctional Punishments of 1885. Published by N. S. Tagantsev, Professor of the Imperial College of Jurisprudence, Honorary member of the University of St. Vladimir. (1886). St. Petersburg: Printing house of M. M. Stasyulevich. 714 p. (In Russ.).

The Code of Laws of the Russian Empire, 1. (1892). St. Petersburg: State Printing House. 759 p. (In Russ.).

The state system of the Russian Empire on the eve of the collapse. Collection of legislative acts. (1995). Moscow: Publishing House of Moscow State University. 207 p. (In Russ.).

References

- Ananyich, B. V., Ganelin, R. S. (1999). *Sergey Yulievich Witte and his time*. St. Petersburg: Dmitry Bulanin. 429 p. (In Russ.).
- Anson, V. (1914). *The English Crown, its constitutional laws and customs*. St. Petersburg: N. K. Martynov. 480 p. (In Russ.).
- Baberowski, J. (1996). *Autokratie und Justiz. Zum Verhältnis von Rechtsstaatlichkeit und Rückständigkeit im ausgehenden Zarenreich 1864—1914*. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann. 845 s. (In Germ.).
- Chicherin, B. N. (2006). *General state law*. Moscow: Zertsalo. 505 p. ISBN 5-8078-0132-6. (In Russ.).
- Daly, J. W. (1998). *Autocracy Under Siege. Security Police and Opposition in Russia*. Dekalb: Northern Illinois University Press. 260 p.
- Efremova, N. N. (1983). *Ministry of Justice of the Russian Empire 1802—1917. (Historical and legal research)*. Moscow: Nauka. 149 p. (In Russ.).
- Ganelin, R. S. (1984). Part two. Tsarism and 1905. In: *The crisis of autocracy in Russia. 1895—1917*. Leningrad: Nauka. 155—324. (In Russ.).
- Gessen, V. M. (1916). Four editions (On the history of the text of the Fundamental Laws). *Law, 22 (June 5)*: 1321—1331. (In Russ.).
- Gessen, V. M. (1916). Four editions (On the history of the text of the Fundamental Laws). *Law, 23 (June 12)*: 1353—1357. (In Russ.).
- Glinsky, B. B. (1913). On the history of drafting Fundamental laws in 1906 (Response to a request from readers). *Historical Bulletin, CXXXI (3)*: 977—987. (In Russ.).
- Khamchenko, T. A. (2008). Judicial power under the Fundamental state laws of the Russian Empire dated April 23, 1906. *The history of state and law, 10*: 24—25. (In Russ.).
- Khartulari, K. F. (1899). *The right of trial and pardon as prerogatives of the Russian state (Comparative historical and legislative research). General and special parts. The special part*. St. Petersburg: Printing House of the Ministry of Internal Affairs. 498 p. (In Russ.).
- Korkunov, N. M. (1879). The Legal chronicle (to the 15th anniversary of Judicial statutes). *Journal of Civil and Criminal Law, 2*: 150—198. (In Russ.).
- Koroleva, N. G. (1982). *The first Russian Revolution and tsarism. The Council of Ministers of Russia in 1905—1907*. Moscow: Nauka. 184 p. (In Russ.).
- Kulikov, S. V. (2004). Institute of expertise in the creation of the Fundamental Laws of 1906 Unpublished documents. In: *Nestor № 4 (2000, № 4). Quarterly journal of the History and Culture of Russia and Eastern Europe. Science and power. Sources, research, reviews*. St. Petersburg: Nestor—Istoriya. 29—64. (In Russ.).
- Kulikov, S. V. (1998). New materials for the history of the creation of the Fundamental state laws of 1906. *Russian past, 8*: 91—164. (In Russ.).
- Lazarevsky, N. I. (1910). *Lectures on Russian state law. Constitutional law, 1*. St. Petersburg: Printing house of the Joint-Stock Company “Slovo”. 479 p. (In Russ.).
- Lublinsky, P. I. (1907). *The right of amnesty. Historical-dogmatic and political research*. St. Petersburg: Senate Printing House. 363 p. (In Russ.).
- Lykoshin, A. S. (1901). Judicial system. In: *The encyclopedic dictionary of F. A. Brockhaus and I. A. Efron. Static Is a Judicial System, XXXIa*. St. Petersburg: Printing house of the Brockhaus-Efron Joint-Stock Company. 944—952. (In Russ.).
- Nemytina, M. B. (1999). *The court in Russia: the second half of the XIX — early XX century*. Doct. Diss. Moscow. 403 p. (In Russ.).

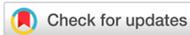

- Pisarev, S. N. (1909). *Institution for the acceptance and direction of petitions and complaints brought to the Highest name. 1810—1910 Historical essay*. St. Petersburg: Partnership of R. R. Golike and A. I. Vilborg. 221 p. (In Russ.).
- Shchedrina, Yu. V. (2016). State policy in the field of ensuring the independence of judges in Russia in 1905—1917. *Law and politics, 7 (199)*: 919—927. (In Russ.).
- Smirnov, Yu. V. (2020). The history of judicial lustration in France. *Law, 6*: 159—170. (In Russ.).
- Szeftel, M. (1976). *The Russian Constitution of April 23, 1906. Political institutions of the Duma monarchy*. Bruxelles: Librairie Encyclopédique. 517 p.
- Tagantsev, N. S. (1994). *Russian criminal law. Lectures. The part is common. In 2 volumes, 2*. Moscow: Nauka. 393 p. (In Russ.).
- Vereshchagin, A. N. (2022). *The Senate of Cassation (1866—1917). Essays on the structure and activities of the Supreme Court of the Russian Empire*. Moscow: Publishing group “Law”. 616 p. ISBN 978-5-904208-22-6. (In Russ.).
- Zaionchkovsky, P. A. (2005). Comments. In: *Polovtsov A. A. Diary of the Secretary of State. In 2 volumes, 1*. Moscow: ZAO Tsentrpoligraf. 517—604. (In Russ.).
- Zakharov, N. A. (2002). *The system of Russian state power*. Moscow: Editorial office of the journal “Moscow”. 400 p. ISBN 5-89097-044-5. (In Russ.).

*The article was submitted 18.08.2024;
approved after reviewing 27.10.2024;
accepted for publication 20.11.2024.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(9), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Лахтионова Е. С. Проект Музея истории науки и техники в Челябинске как способ сохранения индустриального наследия на Урале в 1980-е годы / Е. С. Лахтионова // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 9. — С. 440—459. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-9-440-459.

Lakhtionova, E. S. (2024). Project of Museum of History of Science and Technology in Chelyabinsk as a Means of Preserving Industrial Heritage in Urals during 1980s. *Nauchnyi dialog*, 13 (9): 440-459. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-9-440-459. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Проект Музея истории науки и техники в Челябинске как способ сохранения индустриального наследия на Урале в 1980-е годы

Лахтионова Елизавета Сергеевна
orcid.org/0000-0002-8414-4540
кандидат исторических наук, доцент,
докторант,
кафедра истории России
e.s.lakhtionova@urfu.ru

Уральский федеральный университет
имени первого Президента
России Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

Project of Museum of History of Science and Technology in Chelyabinsk as a Means of Preserving Industrial Heritage in Urals during 1980s

Elizaveta S. Lakhtionova
orcid.org/0000-0002-8414-4540
PhD in History, Associate Professor
PhD student,
Department of Russian History
e.s.lakhtionova@urfu.ru

Ural Federal University
named after the First President
of Russia B. N. Yeltsin
(Yekaterinburg, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена истории возникновения проекта Музея истории науки и техники в Челябинске. Сообщается, что его инициирование и разработка пришлось на 1980-е годы, когда в СССР была востребована тема сохранения памятников истории науки и техники. Научная новизна статьи состоит в отсутствии исследований по обозначенной научной проблеме, а также в привлечении уникальных архивных материалов, впервые вводимых в научный оборот. Автор статьи выявил предпосылки создания проекта, а также причины его реализации именно на территории Челябинска. Установлено авторство проекта, суть его научной концепции, а также ее соответствие концептуальным основам научно-технических музеев того времени. Автор статьи выяснил точное название Музея, исходя из нормативно-правовой и проектной документации. Восстановлены ход принятия и содержание властных решений по созданию самого Музея, а также трудности в их реализации. Автор пришел к выводу, что проект по созданию Музея истории науки и техники в Челябинске находился в духе того времени, когда усилия научного сообщества и широкой общественности были направлены на сохранение памятников индустриального наследия. Содержательная часть проекта также свидетельствует о стремлении музеефицировать оставшиеся объекты промышленного прошлого Урала.

Ключевые слова:

проект; музей; памятники науки и техники; индустриальное наследие; Челябинская область.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article explores the origins of the project for the Museum of the History of Science and Technology in Chelyabinsk. It discusses how its initiation and development coincided with the 1980s, a period in the USSR marked by a growing interest in preserving monuments of scientific and technological history. The novelty of this research lies in the lack of existing studies on this topic, as well as the incorporation of unique archival materials that are being introduced into scholarly discourse for the first time. The author identifies the prerequisites for the creation of the project and the reasons for its implementation specifically in Chelyabinsk. The article establishes the authorship of the project, outlines its scientific concept, and examines its alignment with the conceptual foundations of science and technology museums of that era. The author also clarifies the exact name of the museum based on regulatory and project documentation. The article reconstructs the decision-making process and content of governmental resolutions regarding the establishment of the museum, as well as the challenges faced during its implementation. The author concludes that the project to create the Museum of the History of Science and Technology in Chelyabinsk was reflective of a broader zeitgeist, where the efforts of the scientific community and the general public were focused on preserving monuments of industrial heritage. The substantive elements of the project also indicate a desire to museify remaining artifacts of the industrial past in the Urals.

Key words:

project; museum; monuments of science and technology; industrial heritage; Chelyabinsk region.

УДК 908(470.55):061.1+351.853.1(470.55)“198”

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-9-440-459

Научная специальность ВАК

5.6.1. Отечественная история

Проект Музея истории науки и техники в Челябинске как способ сохранения индустриального наследия на Урале в 1980-е годы

© Лахтионова Е. С., 2024

1. Введение = Introduction

Музей истории науки и техники относится к профильной группе музеев, осуществляющих «документирование процесса развития науки и техники, выявление и хранение памятников науки и техники, пропаганду истории техники и соответствующих фундаментальных и прикладных наук, популяризацию основ научно-технических знаний, а также работу по непрерывному образованию» [Григорян и др., 2001, с. 9].

Подобные музеи в нашей стране представлены как крупными многопрофильными подразделениями (Политехнический музей, Центральный музей вооруженных сил), так и небольшими мемориальными структурами (домами или кабинетами), посвященными выдающимся ученым, инженерам, а также истории отдельного промышленного объекта (корпоративные, заводские музеи).

Идея создать Музей истории науки и техники в нашей стране не является столь уж новой. Первые опыты по ее реализации относятся к концу 1920-х—1930-х годов [Илизаров, 1984]. О необходимости иметь в стране Государственный музей истории науки и техники¹ вновь стали говорить в СССР в 1970-е годы, когда стало зарождаться движение в защиту памятников истории науки и техники, приведшее к формированию теоретико-методологических основ выявления, изучения и сохранения данной категории памятников [Боярский, 1980; Бубнов, 1981]. Большой вклад в эту работу внесли Политехнический музей и Институт истории и естествознания АН СССР [Платонова, 2022а; Платонова, 2022б].

На Всероссийской научно-методической конференции в Звенигороде «Охрана памятников науки и техники», состоявшейся 28 мая — 1 июня 1979 года, широко обсуждалась возможность и необходимость создания как Центрального музея истории науки и техники в Москве, так и подобных му-

---

¹ Не путать с Политехническим музеем, созданным в нашей стране в 1872 году.

зеев в регионах. По мнению делегатов, это должно было способствовать решению проблем, связанных с «выявлением памятников науки и техники, организаций их сохранности, пропаганды, широкого использования в воспитательных и просветительских целях» [ОГАЧО, ф. Р-233, оп. 1, д. 80, л. 4 об.].

В 1980-е годы Политехническим музеем была разработана концепция Государственного музея истории науки и техники [Григорян, 1988; Перспективная научная концепция..., 1988], общеметодологической основой которого явился «образ технического музея как многопрофильного центра, синтезирующего в себе научные, воспитательно-педагогические и культурные функции» [Гвоздецкий, 1992, с. 7]. В данной статье мы не будем останавливаться на сути этой концепции, однако нужно отметить, что подобный центральный музей так и не был создан. Об этом с сожалением писали ряд известных деятелей науки в советский период [Капица, 1986] и настоящее время [Гончаров, 2007].

О необходимости создания Музея истории науки и техники хотя бы на региональном уровне неоднократно писал доктор исторических наук, профессор В. В. Запарий, крупный исследователь истории промышленного развития Урала, сохранения его индустриального наследия, национальный представитель от России в ТИССИИ (The International Committee for the Conservation of the Industrial Heritage / Международный комитет по сохранению индустриального наследия). Он считает, что создание и развитие технических музеев в России и на Урале будет способствовать сохранению отечественного индустриального наследия [Запарий, 2013; Запарий, 2023; Запарий и др., 2016], тем более что опыт проектирования и создания таких музеев имеется [Карпов и др., 2022]. Об одном из таких проектов расскажем подробнее в данном исследовании.

Цель статьи — восстановить историю инициирования и разработки проекта Музея науки и техники в Челябинске как одного из возможных способов сохранения отечественного индустриального наследия.

Индустриальное наследие представляет собой часть историко-культурного наследия, включающего не только материальную составляющую (заводские комплексы, поселения, ландшафты, транспортная инфраструктура и др.), но и элементы нематериального культурного наследия: «своеобразный менталитет уральцев, отражение их идентичности в повседневности и художественном творчестве» [Алексеева и др., 2021, с. 23]. Как правило, это памятники, возникшие на базе металлургического производства, которыми была богата Челябинская область.

В советский период объекты, которые сейчас относят к индустриальному наследию, назывались *памятниками истории, памятниками промышленной архитектуры, памятниками науки и техники*.

Научная новизна проведенного исследования состоит в том, что никто ранее не пытался изучить историю данного проекта ни полностью, ни даже частично. Нет даже упоминаний об этом проекте, хотя он заслуживает внимания как научного сообщества, так и широкой общественности. Теоретическая ценность статьи представлена привлечением ряда уникальных архивных материалов, которые вводятся в научный оборот впервые.

Практическая значимость исследования состоит в том, что разработанный и практически внедренный проект по созданию Музея истории науки и техники в Челябинске может стать основой и хорошим примером для реализации идеи о Музее истории науки и техники в региональном масштабе в настоящее время.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В данном исследовании использовались главным образом архивные источники, находящиеся в Объединенном государственном архиве Челябинской области (Челябинск). Подавляющая часть материалов сосредоточена в личном фонде Кирилла Алексеевича Шишова [ОГАЧО, ф. Р-233], который и был разработчиком проекта Музея истории науки и техники в Челябинске. Информационный потенциал этого фонда в целом был изучен в статье В. Т. Султановой [Султанова, 2020].

Среди архивных материалов нужно выделить несколько категорий источников, самую обширную из которых составляет делопроизводственная документация. Во-первых, это деловая переписка: официальные письма граждан, организаций, учреждений в редакцию газет «Вечерний Челябинск», «Уфалейский рабочий», в адрес партийных и государственных органов с просьбами поддержать идею о создании Музея истории науки и техники в Челябинске и способствовать ее реализации [ОГАЧО, ф. р-233, оп. 1, д. 79]. Во-вторых, это распорядительная документация: решение Челябинского горисполкома № 264-11 от 16 июня 1982 года, благодаря которому был дан старт реализации проекта по созданию Музея истории науки и техники в Челябинске [ОГАЧО, ф. р-233, оп. 1, д. 80, л. 17]. В-третьих, это отчетная документация, например, отчеты о работе в 1980-е гг. секции памятников науки и техники при Челябинском областном отделении Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (далее — ВООПИК), председателем которой являлся в свое время К. А. Шишов [ОГАЧО, ф. р-233, оп. 1, д. 80].

Наиважнейшую группу архивных материалов, использованных в исследовании, составляет проектная документация: проект самого музея, подготовленный К. А. Шишовым, а также проект Исторической зоны г. Челябинска [ОГАЧО, ф. р-233, оп. 1, д. 80, 116; ф. п-4, оп. 1, д. 113, 184].

В этих документах содержится ценнейшая информация о том, что собой должен был представлять музей в целом, отдельные его экспозиции, где он должен был размещаться. В проекте музея описана его научная концепция, которая помогает понять назначение и содержательную часть будущего учреждения. Данный пласт документов вводится в научный оборот впервые.

Кроме того, для проведения исследования были изучены опубликованные источники. Это материалы периодической печати: статьи в газетах «Советская культура», «Вечерний Челябинск», «Уфалейский рабочий», «Комсомолец», в журнале «Техника — молодежи» Информация, содержащаяся в этих источниках, позволяет выявить настроения общественности в отношении сохранения памятников индустриального наследия и создания Музея истории науки и техники в Челябинске.

Комплекс научных методов, которые были задействованы для достижения цели исследования, состоит из общенаучных (анализ, синтез, индукция, аналогия) и специально-исторических. Среди последних нужно выделить следующие. Историко-сравнительный метод позволил выявить сходные характеристики научной концепции Музея истории науки и техники в Челябинске с аналогичными концепциями других проектируемых в то же самое время научно-технических музеев. Применение проблемно-хронологического метода помогло определить, что проект по созданию музея соответствовал общим тенденциям сохранения памятников науки и техники страны в 1980-е годы и не являлся чем-то уникальным в тот период.

Использованная в данном исследовании теоретико-методологическая основа позволила восстановить историю возникновения и частичной реализации проекта по созданию Музея истории науки и техники в Челябинске, а также оценить его потенциал в плане сохранения индустриального наследия Урала.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Предпосылки создания Музея истории науки и техники в Челябинске

Челябинская область — это один из важнейших промышленных регионов нашей страны, в котором, по словам С. И. Загребина¹, в конце 1980-х годов было «сосредоточено немало памятников промышленной архитектуры, характерных для периода бурного развития уральской металлургии XVII—XIX веков» [Загребин, 2000, с. 65]. Другой видный деятель куль-

1 Загребин Сергей Иванович (1941—2011) — российский историк и культуролог, доктор исторических наук, профессор Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета, заслуженный работник культуры Российской Федерации, заместитель председателя Челябинского областного отделения ВООПИК (1969—1994).

туры К. А. Шишов¹ поддерживал это мнение, считая, что в Челябинской области имеется ряд уникальных промышленных объектов, которые необходимо «сохранить, реставрировать и поставить на службу воспитания молодежи» [ОГАЧО, ф. п-4, оп. 1, д. 184, л. 12].

Работа по их выявлению и постановке на учет была организована в области достаточно неплохо: к 1989 году было поставлено под государственную охрану 43 объекта индустриального наследия. Однако постановка на учет — это, конечно, важный этап в охранной деятельности, но не единственный. Памятники индустриального наследия продолжали разрушаться: осуществляемая реконструкция заводов приводила к уничтожению ценных объектов, даже несмотря на заключения специалистов Министерства культуры РСФСР. Подробнее о сохранении памятников индустриального наследия в Челябинской области см.: [Лахтионова, 2024].

Плачевное положение в деле сохранения памятников промышленного наследия Челябинской области отмечали представители не только научного сообщества, но и широкой общественности. Об этом свидетельствует ряд газетных публикаций в центральной и региональной прессе. Большая часть статей принадлежит авторству К. А. Шишова [Шишов, 1975; Шишов, 1976; Шишов, 1979; Шишов, 1980; Шишов, 1982а; Шишов, 1982б; Шишов, 1985], который очень хорошо изучил состояние памятников промышленной архитектуры, объездив в рамках научно-исследовательских экспедиций всю Челябинскую область, на основании чего им был составлен Каталог памятников науки и техники Челябинской области, хранящийся сейчас в Объединенном государственном архиве Челябинской области в рукописном [ОГАЧО, ф. р-233, оп. 1, д. 13] и машинописном [ОГАЧО, ф. р-12, оп. 1, д. 122] вариантах.

Однако именно публикации В. И. Орлова в газетах «Вечерний Челябинск» [Орлов, 1980а] и «Уфалейский рабочий» [Орлов, 1980б] под названием «Про железо» вызвали невероятно широкий общественный резонанс, который ускорило создание проекта Музея истории науки и техники в Челябинске настолько, что даже было выделено место под музей и найдены экспонаты для него. Автор публикации начинал свой труд на Верхнеуфалейском заводе по ремонту металлургического оборудования, собрал ряд воспоминаний старожилов и свидетельств об уникальности оборудования, на тот период времени сохранившегося в цехах. Он выразил общую мысль современников о том, что неплохо было бы все это оставить для потомков: «Возможно, где-то сохранили на память о старых уральских заводах грубо

1 Шишов Кирилл Алексеевич (р. 1940) — кандидат технических наук, доцент Челябинского политехнического института, член Президиума Челябинского областного отделения ВООПИК, член Союза писателей РСФСР.

отлитую клеть, чугунный маховик со свинцовой намоткой, узел клепаных конструкций с невероятным запасом прочности или в конце концов кусок спиртованной кожи от приводного ремня. Нет? Не видели... И напрасно. Эти заводы, отцы ваши и деды, работавшие там железо, заслужили себе самый грандиозный себе памятник» [Орлов, 1980a].

Выбор Челябинска в качестве места для создания музея также очевиден для автора статьи: «Сегодня Челябинск — один из крупнейших центров металлургии страны. В городе есть научные и учебные институты, мощные заводы, талантливые специалисты своего дела, крупные организаторы. Кому, как не Челябинску, взять на себя труд по созданию такого памятника?» [Орлов, 1980a].

После публикации статей В. И. Орлова в редакцию газет «Вечерний Челябинск» и «Уфалейский рабочий» хлынул поток отзывов и обращений с поддержкой идеи о создании Музея истории науки и техники в Челябинске: от руководства, коллектива и ветеранов труда листопрокатного цеха Верхнеуфалейского завода по ремонту металлургического оборудования [ОГАЧО, ф. р-233, оп. 1, д. 79, л. 8—10], сотрудников и посетителей Дома пионеров и школьников Металлургического района г. Челябинска [Там же, л. 11], преподавателей Челябинского политехнического института [Там же, л. 12—14], рабочих Челябинского машиностроительного завода [Там же, л. 17] и др. Отклик дали и такие высокопоставленные и авторитетные лица, как О. М. Чехомов, директор Всесоюзного научно-исследовательского института охраны труда и техники безопасности черной металлургии, кандидат технических наук, лауреат Государственной премии СССР [Там же, л. 16], Н. А. Тулин, заместитель министра черной металлургии СССР [Там же, л. 19], и др.

По итогам всеобщего обсуждения при Челябинском городском отделении ВООПИК была создана инициативная группа по созданию Музея истории науки и техники, которую возглавил К. А. Шишов. Кроме того, в нее вошли А. К. Черкашина, В. А. Голубцов, А. П. Моисеев, В. И. Орлов, В. Г. Павлов [ОГАЧО, ф. р-233, оп. 1, д. 79, л. 33].

Среди предпосылок, благоприятствующих созданию музея на территории Челябинска в то время, можно назвать следующие:

1. На территории Челябинской области имелись памятники индустриального наследия, ярко демонстрирующие историю развития технической мысли в целом и Урала в частности. Коллекции или отдельные образцы изделий уральской промышленности в подавляющем большинстве имели общесоюзное значение.

2. Челябинск и Челябинская область располагали мощными промышленными предприятиями и строительными организациями, способными на доленое участие в финансировании строительства Музея.

3. В Челябинске и Челябинской области имелось достаточно научно-исследовательских, проектных организаций, высших и средних учебных заведений, способных к поиску экспонатов и проведению исследований по их изучению.

4. Удачное географическое расположение Челябинска позволяло разместить музей, не причиняя ущерба жилищным массивам, предоставляло возможность по имеющимся дорогам вывезти с заводов необходимые экспонаты с целью их реставрации и последующего размещения на территории Музея.

Все эти предпосылки, а также зафиксированное в СМИ и материалах деловой переписки желание общественности сохранить научно-техническое наследие в рамках Музея истории науки и техники способствовали разработке проекта по его созданию.

3.2. Концептуальные основания проекта по созданию Музея истории науки и техники в Челябинске

По словам Г. Г. Григоряна¹, возглавлявшего Политехнический музей с 1986 по 2010 годы, при обсуждении концептуальных оснований любого музейного проекта нужно разделять два его уровня: «1) какую идею считает своим долгом музей донести до посетителя или, иными словами, что он должен проповедовать как социально ответственный институт; 2) каким путем (постановочно и технологически) он собирается достигать поставленной цели» [Григорян, 2011, с. 149].

Далее мы рассмотрим проект создания Музея истории науки и техники в Челябинске согласно этим двум уровням.

Во-первых, главная цель создания данного музея, заявленная общественностью, — через демонстрацию истории техники и достижений уральской промышленности «дать высокий ориентир молодежи, наследникам славы уральских рабочих» [ОГАЧО, ф. р-233, оп. 1, д. 79, л. 30]. Иначе говоря, в концепцию музея были заложены культурно-просветительские и воспитательные функции учреждения, что соответствует двум из трех характерных особенностей технических музеев: «проведение образовательной деятельности, направленной на освоение широкой аудиторией технических знаний и основ технологий; проведение пропагандистской работы, направленной на укрепление национального самосознания и внедрение новых технологий» [Григорян и др., 2003, с. 77]. Третья функциональная особенность, заложенная в концептуальное кредо большинства технических музеев, — «вовлеченность музеев в процесс научной деятельности по изучению истории

¹ Григорян Гурген Григорьевич (1936—2024) — доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки и техники РСФСР, вице-президент общества «Знание» России.

техники, прежде всего в контексте национальной истории», — также была предусмотрена в челябинском проекте. Об этом писал К. А. Шишов в «Краткой записке об обосновании необходимости создания в городе Челябинске Политехнического музея имени Курчатова», считая, что такой музей мог бы стать «не только местом учебы молодежи, но и своеобразным архивом прошлого опыта техники» [ОГАЧО, ф. п-4, оп. 1, д. 113, л. 3]. Разумеется, создание музея предполагало сохранение тех образцов техники и оборудования, которые бы стали экспонатами выставочного пространства.

Во-вторых, важно разобраться, каким образом будущий музей должен был способствовать реализации поставленных целей. И здесь нужно обратиться к содержанию проекта [ОГАЧО, ф. р-233, оп. 1, д. 116], разработанному К. А. Шишовым, который считал, что «научной концепцией музея ИСТОРИИ НАУКИ И ТЕХНИКИ¹ не может быть локальная идея развития одной отрасли или даже фундаментальной идеи. Таковой может быть только глубокое ознакомление с понятием БИОСФЕРА и эпохой АНТРОПОГЕНЕЗА, то есть временем существования науки как геологической силы, изменяющей и трансформирующей природные процессы на Земле» [ОГАЧО, ф. р-233, оп. 1, д. 116, л. 4]. Как мы видим, в основе концепции ее создатель ориентировался на труды В. И. Вернадского, крупнейшего в мире авторитета в области истории науки.

В рамках своей концепции К. А. Шишов предлагал разделить все выставочное пространство музея на десять залов²: 1) Центральный зал «Человек в биосфере планеты»; 2) Зал геологии; 3) Зал этнографии; 4) Зал археологии; 5) Зал сельского хозяйства; 6) Зал металлургии; 7) Зал энергетики; 8) Зал машин; 9) Зал транспорта; 10) Зал социологии [ОГАЧО, ф. р-233, оп. 1, д. 116, л. 6—7].

Как мы видим, проект музея в Челябинске не только предусматривал освещение истории науки и техники, но и учитывал особенности той среды, в которой создавались и эксплуатировались научно-технические достижения. Это напоминает суть концепции музея истории науки и техники, которая разрабатывалась в 1970-е годы при Институте истории естествознания и техники АН СССР. В ней также во главу угла была поставлена ориентация на человека, а не на «безликий временной ряд приборов и машин», что позволяло представить историю техники как «историю развертывания сущностных сил человека, его продуктивных способностей, то есть увязать исторический анализ развития техники с исторической психологией и социальной антропологией» [Гвоздецкий, 1992, с. 6].

1 Прописные буквы в данном и других словосочетаниях имеются в архивном источнике и принадлежат авторству Шишова.

2 Под термином *зал* К. А. Шишов подразумевал как отдельное помещение, так и его часть.

Судя по содержательной части проекта, Музей истории науки и техники в Челябинске должен был способствовать сохранению памятников индустриального наследия. Об этом свидетельствует план, предложенный К. А. Шишовым для одной из экспозиций [ОГАЧО, ф. п-4, оп. 1, д. 184, л. 13—14], а также те экспонаты, которые могли быть использованы для наполнения выставочного пространства [Там же, л. 15]: паровые динамомашины XIX — начала XX веков Катав-Ивановского литейно-механического завода; образцы ферм, оборудования литейщиков Каслинского завода; оборудование для золотодобычи с прииска в Миассе и др.

Нормативно-правовые документы свидетельствуют, что прокатное, ковочное и другое оборудование листопрокатного цеха Верхнеуфалейского завода по ремонту металлургического оборудования было уже зарезервировано для музея в Челябинске [ОГАЧО, ф. р-233, оп. 1, д. 79, л. 28]. Интересно, что среди потенциальных экспонатов имелось не только крупное промышленное оборудование (прокатный стан), но и спецодежда и инструмент рабочих — прокатчиков и раздувщиков [Там же, л. 29].

Нужно отметить, что К. А. Шишов перед составлением проекта музея провел большую подготовительную работу, связанную с изучением сохранившихся памятников науки и техники и составлением Каталога таких памятников. По его мнению, эта работа была крайне важна для выявления потенциальных экспонатов будущего музея [Проммузей..., 1982]. Для этого он с группой инженеров в течение пяти лет исследовал каждый уголок Челябинской области, в результате чего было выявлено более 200 объектов, которые могли бы стать экспонатами. Часть этих объектов вошла в Каталог памятников науки и техники Челябинской области¹.

Сам проект К. А. Шишова был одобрен уже в 1981 году участниками Всесоюзного автопробега самодельных автоконструкций, маршрут которого проходил через Челябинск [Шишов, 1982а]. Среди них был и писатель, общественный деятель, главный редактор журнала «Техника — молодежи» Василий Дмитриевич Захарченко, который в одной из своих статей писал, что проектируемый Музей истории науки и техники в Челябинске станет частью туристического маршрута «Каменный пояс»: «Мы с волнением ждем того времени, когда в Челябинске будет создан музей реликвий промышленности этого индустриального центра» [Захарченко, 1981, с. 100]. Кстати, на страницах самого журнала «Техника — молодежи» был опубликован ряд статей, посвященных проблеме сохранения и музеефикации памятников индустриального наследия [Лахтионова, 2022].

---

1 Статья об этом Каталоге сейчас находится на рецензировании в редакции журнала «Уральский исторический вестник».

3.3. Начало реализации проекта и его дальнейшая судьба

Решение о создании Музея истории науки и техники было принято Челябинским горисполкомом № 264-11 от 16 июня 1982 года в рамках подготовки Челябинска к своему 250-летию [ОГАЧО, ф. р-233, оп. 1, д. 80, л. 17]. И здесь возникает правомерный вопрос: как же все-таки должен был называться будущий Музей? В вышеназванном официальном документе он именовался «Музей истории развития промышленности на Урале». Сам же Кирилл Алексеевич Шишов в своих документах называл его «Краевой политехнический музей имени И. В. Курчатова». Судя по сформулированной им же научной концепции, данное название обоснованно и вполне соответствовало духу научно-технических музеев того времени. Выбор имени Игоря Васильевича Курчатова, жизнь и деятельность которого были тесно связаны с территорией Челябинской области, также не вызывает сомнений. Название же, обозначенное в решении горисполкома, более узкое и более понятное широкой общественности, что объясняется ограниченностью в понимании сути концепции будущего музея.

Место для размещения Краевого политехнического музея имени И. В. Курчатова было определено руководством Челябинска в рамках создаваемой к юбилею города историко-мемориальной зоны на берегу р. Миасс [ОГАЧО, ф. р-233, оп. 1, д. 80, л. 17]. Проект этой зоны был разработан группой архитекторов Главного архитектурно-планировочного управления Челябинска уже в 1981 году и предусматривал, что музей должен был разместиться в нескольких зданиях — памятниках истории и культуры на улице Труда (дома 66, 66а, 82). Руководил разработкой этого проекта главный архитектор города, лауреат премии Ленинского комсомола В. Л. Глазырин.

В пояснительной записке к проекту «Историческая зона в г. Челябинске» отмечалось, что в указанных зданиях разместятся отделы металлургии и горного дела, электротехники и транспорта, а также экспонаты из фондов музеев Челябинской области. Кроме этого, под музей было предусмотрено использование пространств под открытым небом, где должны были разместиться «крупногабаритные памятники техники (элементы кузницы, домны, плотины)» [ОГАЧО, ф. р-233, оп. 1, д. 80, л. 18]. Все это очень напоминало историю создания на р. Исеть Исторического сквера, предусматривавшего музеефикацию Екатеринбургского железодельного завода, также приуроченную к 250-летию Свердловска. Однако результаты сравнения, как мы видим сейчас, оказались не в пользу Челябинска.

Как это часто бывает, одной процедуры принятия властного решения о создании музея было недостаточно. При осуществлении проекта возник ряд трудностей, с которыми руководство города и области, видимо, не смогло справиться. Во-первых, выявленные объекты, будущие экспо-

наты, нужно было поставить на учет, или «узаконить», как выражался сам Шишов [Проммузей, 1982]. Тогда была бы хоть какая-то гарантия их сохранения. Как показывает дальнейшая история, к 1989 году в Челябинской области было поставлено под государственную охрану 43 объекта индустриального наследия [Лахтионова, 2024, с. 500]. Во-вторых, нужен был какой-то склад или хранилище, куда будут постепенно свозиться экспонаты музея. Проект такого склада был разработан инженерами «Проект-стальконструкции» на общественных началах, и даже найдено было место для его размещения (один из мирокрайонов Челябинска). Реализовать проект склада готовы были опять же собственными силами энтузиасты с заводов города, занимающиеся изготовлением металлоконструкций, монтажных заготовок и профнастила, но им не были предоставлены необходимые материалы [Проммузей, 1982]. В-третьих, нерешенность двух вышеназванных проблем приводила к третьей: неуклонное разрушение объектов, которые были определены под экспонаты, первые из которых были уже привезены в Челябинск: уникальный узкоколейный паровоз из Белорецка, которых в СССР, по словам К. А. Шишова, осталось на тот момент только два, а также чертежи старинного ковочного молота, привезенные из Верхнего Уфалея [Там же].

Судя по сохранившимся документам, проект Краевого политехнического музея имени И. В. Курчатова так и остался «на бумаге». Давая интервью в 2020 году, когда Челябинску было присвоено звание «города трудовой доблести», журналистам газеты «Вечерний Челябинск», идейный вдохновитель и разработчик музейного проекта К. А. Шишов с горечью констатировал: музей истории науки и техники, «за который мы бились», так и не был создан [Таран, 2020].

4. Заключение = Conclusions

Возрастающее в 1970—1980-е годы в СССР стремление представителей научного сообщества и широкой общественности сохранить памятники науки и техники вылилось в разработку ряда проектов по созданию Музея истории науки и техники как в центре страны, так и в ее регионах. Учитывая, что музеефикация была единственным в то время способом сохранения памятников, данные проекты вполне соответствовали сложившимся тенденциям в памятникоохранительной деятельности государства.

Один из таких проектов был разработан в Челябинске, чему предшествовала длительная подготовительная работа целой группы исследователей-энтузиастов. Идея создания Музея истории науки и техники зрела на протяжении многих лет и была одобрена не только жителями Челябинской области, но и рядом крупных деятелей других регионов.

В начале 1980-х годов К. А. Шишовым, видным деятелем культуры Челябинска, был разработан проект такого музея, научная концепция которого хорошо укладывалась в концептуальные основы научно-технических музеев того времени. Учитывая, что К. А. Шишов был ярким сторонником сохранения оставшихся образцов промышленной архитектуры Уральского региона, созданный им проект предусматривал демонстрацию объектов, которые сейчас можно отнести к памятникам индустриального наследия. Об этом свидетельствуют также план и содержательная часть ряда экспозиций, представленных в проекте.

Решение о создании Музея истории науки и техники в Челябинске было принято горисполкомом в 1982 году. Согласно ему, музей должен был быть вписан в историческую часть города, подготавливаемую к 250-летию юбилею. Проектная документация Исторического сквера в Челябинске также подтверждает, что в рамках музея должны были демонстрироваться объекты индустриального наследия, размещенные под открытым небом: крупногабаритная техника и оборудование с заводов, паровоз и др.

Однако надеждам К. А. Шишова и остальных сторонников создания регионального Музея истории науки и техники не суждено было сбыться: к 1986 году музей так и не был создан в силу нерешенности властями ряда трудностей, а произошедшие в начале 1990-х годов политические события в стране отвлекли внимание руководства на преодоление других проблем.

Можно констатировать, что проект создания регионального Музея истории науки и техники на базе Челябинска был проработанным и достаточно успешным, хоть и не завершился практической реализацией. Для сравнения: в соседней Свердловской области деятельность по разработке концепции Музея истории науки и техники Урала была только начата в виде назначения состава Оргкомитета, который возглавил губернатор области А. С. Мишарин. Однако смена его на посту помешала завершить данное начинание [Запарий, 2014, с. 280].

Одно можно сказать с уверенностью: необходимость в создании на Урале Музея истории науки и техники назрела давно, и мы надеемся, что завершение начинаний наших челябинских коллег будет способствовать сохранению богатейшего индустриального наследия нашей страны.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. Захарченко В. Д. Дорогами Урала / В. Д. Захарченко // Памятники Отечества. Альманах Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. — 1981. — № 1 (3). — С. 95—101.

2. Капица С. П. Памятники науки и техники — тоже культура / С. П. Капица // Известия : [газета]. — 1986. — 26 сентября. — С. 2.
3. ОГАЧО — Объединенный государственный архив Челябинской области. Ф. П-4. Оп. 1. Д. 113, 184 ; Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 122 ; Ф. Р-233. Оп. 1. Д. 13, 79, 80, 116.
4. Орлов В. Про железо / В. Орлов // Вечерний Челябинск : [газета]. — 1980. — 30 октября. — С. 3.
5. Орлов В. Про железо / В. Орлов // Уфалейский рабочий : [газета]. — 1980. — 15 ноября. — С. 3—4.
6. Проммузей : Что? Где? Когда? // Вечерний Челябинск : [газета]. — 1982. — 15 сентября. — С. 2.
7. Таран С. Писатель Кирилл Шишов : «В городе трудовой славы нужно создать музей» [Электронный ресурс] / С. Таран // Вечерний Челябинск : [газета]. — 2020. — 7 июля. — Режим доступа : <https://archive.vecherka.su/articles/news/158951/> (дата обращения 25.07.2024).
8. Шишов К. Музею техники Урала быть в Челябинске / К. Шишов // Вечерний Челябинск : [газета]. — 1982. — 11 января. — С. 4.
9. Шишов К. Наследие уральских заводов / К. Шишов // Вечерний Челябинск : [газета]. — 1975. — 27 сентября. — С. 3.
10. Шишов К. Не памятник — память... / К. Шишов // Комсомолец : [газета]. — 1976. — 3 апреля. — С. 2—3.
11. Шишов К. Письма об отчете доме / К. Шишов // Вечерний Челябинск : [газета]. — 1980. — 5, 9—10 апреля.
12. Шишов К. Сбереечь техническую историю края / К. Шишов // Челябинский рабочий : [газета]. — 1979. — 23 мая. — С. 2.
13. Шишов К. Сокровища отчего дома / К. Шишов // Советская культура : [газета]. — 1982. — 25 июня. — С. 6.
14. Шишов К. Станет ли кузница музеем / К. Шишов // Советская культура : [газета]. — 1985. — 5 февраля. — С. 3.

Литература

1. Алексеева Е. В. Индустриальное наследие : понятия, ценностный потенциал, организационные и правовые основы / Е. В. Алексеева, Т. Ю. Быстрова. — Екатеринбург : ТАТЛИН, 2021. — 164 с. — ISBN 978-5-00075-293-7.
2. Боярский П. В. Классификация памятников истории науки и техники / П. В. Боярский. — Москва : ГИМ, 1980. — 30 с.
3. Бубнов И. Н. Памятники науки и техники: некоторые вопросы практики и теории / И. Н. Бубнов // Вопросы истории естествознания и техники. — 1981. — № 1. — С. 66—76.
4. Гвоздецкий В. Л. История техники и проблемы развития технических музеев / В. Л. Гвоздецкий // Памятники науки и техники. 1990. — Москва : Наука, 1992. — С. 3—16.
5. Гончаров Ю. А. Технический антиквариат в России: проблемы сохранения и использования / Ю. А. Гончаров // Невьянские исторические чтения : проблемы самоидентификации горнозаводского населения Урала. — Новоуральск : ИП Чумакова М. В., 2007. — С. 61—65. — ISBN 978-5-903664-01-6.
6. Григорян Г. Г. Музейная интерпретация истории и философии техники как адекватный ответ научно-технических музеев на вызовы XXI в. / Г. Г. Григорян // Вопросы истории естествознания и техники. — 2011. — Т. 32. — № 3. — С. 145—151.

7. Григорян Г. Г. О перспективной научной концепции Политехнического музея / Г. Г. Григорян // Памятниковедение науки и техники: теория, методика, практика : сборник научных трудов. — Москва : НИИ Культуры, 1988. — С. 178—187.

8. Григорян Г. Г. Науки и техники музеи / Г. Г. Григорян, С. С. Илизаров // Российская музейная энциклопедия : в 2 томах. — Москва : Издательская группа «Прогресс», 2001. — Т. 2. — С. 9—13. — ISBN 5-01-004536-4.

9. Григорян Г. Г. Научно-технические музеи и культурное наследие в области техники / Г. Г. Григорян, Л. М. Кожина // Вопросы истории естествознания и техники. — 2003. — № 4. — С. 75—87.

10. Загребин С. И. Мой отчий дом / С. И. Загребин. — Челябинск : Полиграфическое объединение «Книга», 2000. — 222 с. — ISBN 5-7135-0169-8.

11. Запарий В. В. Концепция создания музея науки и техники на Урале / В. В. Запарий // Университетские музеи — национальное достояние : Материалы Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 23—25 октября 2013 года. — Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, 2013. — С. 35—38. — ISBN 978-5-7422-4118-8.

12. Запарий В. В. Проблемы сохранения индустриального наследия в России и на Урале и государственные структуры / В. В. Запарий // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: Индустриальная модернизация Урала в XVIII—XXI вв. : XII Всероссийская научная конференция, посвященная 90-летию Заслуженного деятеля науки России, доктора исторических наук, профессора Александра Васильевича Бакунина. Материалы в 2-х томах, Екатеринбург, 04—05 декабря 2014 года. — Екатеринбург : ООО «Издательство УМЦ УПИ», 2014. — Т. 1. — С. 276—280. — ISBN 978-5-8295-0301-7.

13. Запарий В. В. К вопросу о создании и развитии музеев науки и техники на Урале и в других промышленных регионах / В. В. Запарий, Е. В. Зайцева // 26-я Международная Крымская конференция «СВЧ-техника и телекоммуникационные технологии» (КрыМиКо'2016) : материалы конференции : в 13 т., Севастополь, 04—10 сентября 2016 года. — Севастополь : Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Севастопольский государственный университет», 2016. — Т. 12. — С. 2879—2887. — ISBN 978-966-335-430-9.

14. Запарий В. В. Еще раз к вопросу о создании музея науки и техники на Урале / В. В. Запарий // Журнал регионалистики, культуры, истории науки : сборник статей к 70-летию доктора исторических наук И. Н. Юркина. — Москва : Янус-К, 2023. — С. 154—160. — ISBN 978-5-8037-0919-0.

15. Илизаров С. С. Об опыте по созданию музея истории науки и техники / С. С. Илизаров // Вопросы истории естествознания и техники. — 1984. — № 3. — С. 137—146.

16. Карпов В. П. Тюменский музей истории науки и техники Зауралья : люди и коллекции / В. П. Карпов, Н. Ю. Гаврилова, О. И. Голованова // История и современное мировоззрение. — 2022. — Т. 4. — № 3. — С. 111—114.

17. Лахтионова Е. С. Вопросы изучения и сохранения памятников индустриального наследия в 1980-е гг. (по материалам журнала «Техника — молодежи») / Е. С. Лахтионова // Многообразие культур в условиях глобализованного мира и проблемы сохранения культурно-исторического наследия (XVII Колосницынские чтения) : материалы международной научной конференции (Екатеринбург, 18—19 ноября 2022 г.). — Екатеринбург : УрГПУ, 2022. — С. 55—60. — ISBN 978-5-7186-2030-6.

18. Лахтионова Е. С. Роль органов государственной власти в сохранении индустриального наследия Челябинской области (1960—1980-е годы) / Е. С. Лахтионова //

Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 3. — С. 488—505. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-3-488-505.

19. *Перспективная научная концепция* Политехнического музея. — Москва : Издательство Политехнического музея, 1988. — 22 с.

20. *Платонова М. В.* Деятельность Политехнического музея по выявлению и изучению памятников науки и техники (по материалам ОПИ и НА Политехнического музея) / М. В. Платонова // Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова. Годичная научная конференция, 2022 : Труды XXVIII Годичной научной конференции Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН, Москва — Санкт-Петербург, 24—27 мая 2022 года. — Москва : Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН, 2022. — С. 205—209. — ISBN 978-5-9631-1021-8.

21. *Платонова М. В.* Политехнический музей и АН СССР : сотрудничество по истории науки и техники / М. В. Платонова // Материалы Международной конференции Российского национального комитета по истории и философии науки и техники РАН, посвященной 90-летию Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН : Материалы Международной конференции, Москва, 28 марта — 01 апреля 2022 года. — Москва : Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН, 2022. — С. 394—397. — ISBN 978-5-6048711-2-6.

22. *Султанова В. Т. К. А. Шишов* и коллекция его личных документов в фонде Объединенного государственного архива Челябинской области / В. Т. Султанова // Природное и культурное наследие Урала : материалы XI Всероссийской науч.-практ. Конференции (Челябинск, 5 июня 2020 г.). — Челябинск : ЧГИК, 2020. — С. 171—177. — ISBN 978-5-94839-743-6.

*Статья поступила в редакцию 28.07.2024,
одобрена после рецензирования 27.10.2024,
подготовлена к публикации 20.11.2024.*

Material resources

Kapitsa, S. P. (1986). Monuments of science and technology — also culture. *Izvestia: [newspaper]. September 26*. P. 2. (In Russ.).

OGACHO — *United State Archive of the Chelyabinsk region*. (In Russ.).

Orlov, V. (1980). About iron. *Ufaleysky rabochy: [newspaper]. November 15*. 3—4. (In Russ.).

Orlov, V. (1980). About iron. *Vecherny Chelyabinsk: [newspaper]. October 30*. P. 3. (In Russ.).

Prommuseum: What? Where? When? (1982). *Evening Chelyabinsk: [newspaper]. September 15*. P. 2. (In Russ.).

Shishov, K. (1980). Letters about his father's house. *Evening Chelyabinsk: [newspaper]. April 5, 9—10*. (In Russ.).

Shishov, K. (1976). Not a monument is a memory ... *Komsomolets: [newspaper]. April 3*. 2—3. (In Russ.).

Shishov, K. (1975). The legacy of the Ural factories. *Vecherny Chelyabinsk: [newspaper]. September 27*. P. 3. (In Russ.).

Shishov, K. (1982). The Museum of Ural Technology should be in Chelyabinsk. *Vecherny Chelyabinsk: [newspaper]. January 11*. P. 4. (In Russ.).

Shishov, K. (1979). To preserve the technical history of the region. *Chelyabinsk worker: [newspaper]. May 23*. P. 2. (In Russ.).

- Shishov, K. (1982). Treasures of the father's house. *Soviet culture: [newspaper]*. June 25. P. 6. (In Russ.).
- Shishov, K. (1985). Will the forge become a museum. *Soviet culture: [newspaper]*. February 5. P. 3. (In Russ.).
- Taran, S. (2020). Writer Kirill Shishov: "It is necessary to create a museum in the city of labor glory". *Evening Chelyabinsk: [newspaper]*. July 7. Available at: <https://archive.vecherka.su/articles/news/158951/> (accessed 25.07.2024). (In Russ.).
- Zakharchenko, V. D. (1981). Roads of the Urals. Monuments of the Fatherland. *The Almanac of the All-Russian Society for the Protection of Historical and Cultural Monuments, 1 (3)*: 95—101. (In Russ.).

References

- A promising scientific concept of the Polytechnic Museum.* (1988). Moscow: Publishing House of the Polytechnic Museum. 22 p. (In Russ.).
- Alekseeva, E. V., Bystrova, T. Y. (2021). Industrial heritage: concepts, value potential, organizational and legal foundations. Yekaterinburg: Tatlin. 164 p. ISBN 978-5-00075-293-7. (In Russ.).
- Boyarsky, P. V. (1980). *Classification of monuments of the history of science and technology*. Moscow: GIM. 30 p. (In Russ.).
- Bubnov, I. N. (1981). Monuments of science and technology: some questions of practice and theory. *Questions of the history of natural science and technology, 1*: 66—76. (In Russ.).
- Goncharov, Yu. A. (2007). Technical antiques in Russia: problems of conservation and use. In: *Nevyansk historical readings: problems of self-identification of the mining population of the Urals*. Novouralsk: IP Chumakova M. V. 61—65. ISBN 978-5-903664-01-6. (In Russ.).
- Grigoryan, G. G. (19888). On the perspective scientific concept of the Polytechnic Museum. In: *Memorabilia of science and technology: theory, methodology, practice: collection of scientific papers*. Moscow: Research Institute of Culture. 178—187. (In Russ.).
- Grigoryan, G. G. (2011). Museum interpretation of the history and philosophy of technology as an adequate response of scientific and technical museums to the challenges of the XXI century. *Questions of the history of natural science and technology, 32 (3)*: 145—151. (In Russ.).
- Grigoryan, G. G., Ilizarov, S. S. (2001). Science and technology of the museum. In: *Russian museum encyclopedia: in 2 volumes, 2*. Moscow: Progress Publishing Group. 9—13. ISBN 5-01-004536-4. (In Russ.).
- Grigoryan, G. G., Kozhina, L. M. (2003). Scientific and technical museums and cultural heritage in the field of technology. *Questions of the history of natural science and technology, 4*: 75—87. (In Russ.).
- Gvozdetzky, V. L. (1992). History of technology and problems of development of technical museums. In: *Monuments of Science and technology. 1990*. Moscow: Nauka. 3—16. (In Russ.).
- Ilizarov, S. S. (1984). On the experience of creating a museum of the history of science and technology. *Questions of the history of natural science and technology, 3*: 137—146. (In Russ.).
- Karpov, V. P., Gavrilova, N. Y., Golovanova, O. I. (2022). Tyumen Museum of the History of Science and Technology of the Trans-Urals: people and collections. *History and modern worldview, 4 (3)*: 111—114. (In Russ.).

- Lakhtionova, E. S. (2022). Issues of studying and preserving monuments of industrial heritage in the 1980s (based on the materials of the journal “Technika-molodezhi”). In: *Diversity of cultures in a globalized world and problems of preserving cultural and historical heritage (XVII Kolosnitsyn readings): materials of the international scientific conference (Yekaterinburg, November 18—19, 2022)*. Yekaterinburg: USPU. 55—60. ISBN 978-5-7186-2030-6. (In Russ.).
- Lakhtionova, E. S. (2024). Role of State Authorities in Preserving Industrial Heritage of Chelyabinsk Region (1960s—1980s). *Nauchnyi dialog*, 13 (3): 488—505. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-3-488-505> (In Russ.).
- Platonova, M. V. (2022). Activities of the Polytechnic Museum to identify and study monuments of science and technology (based on the materials of the Opi and on the basis of the Polytechnic Museum). In: *S. I. Vavilov Institute of the History of Natural Sciences and Technology. Annual Scientific Conference, 2022: Proceedings of the XXVIII Annual Scientific Conference of the S. I. Vavilov Institute of the History of Natural Sciences and Technology of the Russian Academy of Sciences, Moscow-St. Petersburg, May 24—27, 2022*. Moscow: S. I. Vavilov Institute of the History of Natural Sciences and Technology of the Russian Academy of Sciences. 205—209. ISBN 978-5-9631-1021-8. (In Russ.).
- Platonova, M. V. (2022). Polytechnic Museum and the USSR Academy of Sciences: cooperation on the history of science and technology. In: *Proceedings of the International Conference of the Russian National Committee on the History and Philosophy of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences, dedicated to the 90th anniversary of the S. I. Vavilov Institute of the History of Natural Science and Technology of the Russian Academy of Sciences: proceedings of the International Conference, Moscow, March 28 — April 01, 2022*. Moscow: S. I. Vavilov Institute of the History of Natural Sciences and Technology of the Russian Academy of Sciences. 394—397. ISBN 978-5-6048711-2-6. (In Russ.).
- Sultanova, V. T. (2020). K. A. Shishov and the collection of his personal documents in the fund of the United State Archive of the Chelyabinsk region. In: *Natural and cultural heritage of the Urals: materials of the XI All-Russian Scientific Conference. practice. Conferences (Chelyabinsk, June 5, 2020)*. Chelyabinsk: CHGIK. 171—177. ISBN 978-5-94839-743-6. (In Russ.).
- Zagrebin, S. I. (2000). *My father's house*. Chelyabinsk: Printing association “book”. 222 p. ISBN 5-7135-0169-8. (In Russ.).
- Zapariy, V. V. (2013). The concept of creating a Museum of science and technology in the Urals. In: *University museums are a national treasure: materials of the International Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, October 23—25, 2013*. St. Petersburg: St. Petersburg State Polytechnic University. 35—38. ISBN 978-5-7422-4118-8. (In Russ.).
- Zapariy, V. V. (2014). Problems of preserving industrial heritage in Russia and the Urals and state structures. In: *Ural industrial. Bakunin readings: Industrial modernization of the Urals in the XVIII—XX centuries: XII All-Russian Scientific Conference dedicated to the 90th anniversary of the Honored Scientist of Russia, Doctor of Historical Sciences, Professor Alexander Vasilyevich Bakunin. Materials in 2 volumes, 1. Yekaterinburg, December 04—05, 2014*. Yekaterinburg: LLC “Publishing House of UMTS UPI”. 276—280. ISBN 978-5-8295-0301-7. (In Russ.).
- Zapariy, V. V. (2023). Once again on the issue of creating a museum of science and technology in the Urals. In: *Journal of regionalism, culture, history of science: collection*

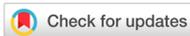
of articles for the 70th anniversary of Doctor of Historical Sciences I. N. Yurkin.
Moscow: Janus-k. 154—160. ISBN 978-5-8037-0919-0. (In Russ.).

Zapariy, V. V., Zaitseva, E. V. (2016). On the issue of the creation and development of museums of science and technology in the Urals and other industrial regions. In: *26th Crimean International Conference "Microwave technology and Telecommunication technologies" (KryMiKo '2016): conference materials: in 13 volumes, 12. Sevastopol, 04—10 September 2016.* Sevastopol: Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Sevastopol State University". 2879—2887. ISBN 978-966-335-430-9. (In Russ.).

*The article was submitted 28.07.2024;
approved after reviewing 27.10.2024;
accepted for publication 20.11.2024.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(9), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Науменкова Е. О. Повышение социальной активности женщин в Великобритании в 1890-е годы как один из аспектов женского движения / Е. О. Науменкова // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 9. — С. 460—479. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-9-460-479.

Naumenkova, E. O. (2024). Rise of Women's Social Activism in Britain During 1890s as a Dimension of Women's Movement. *Nauchnyi dialog*, 13 (9): 460-479. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-9-460-479. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Повышение социальной активности женщин в Великобритании в 1890-е годы как один из аспектов женского движения

Науменкова Екатерина Олеговна
orcid.org/0000-0002-5692-5913
кандидат исторических наук, доцент
кафедры истории и философии
enaumenkova@yandex.ru

Военно-космическая академия
имени А. Ф. Можайского
(Санкт-Петербург, Россия)

Rise of Women's Social Activism in Britain During 1890s as a Dimension of Women's Movement

Ekaterina O. Naumenkova
orcid.org/0000-0002-5692-5913
PhD of History, Associate Professor
Department of History and Philosophy
enaumenkova@yandex.ru

Mozhaisky Military
Aerospace Academy
(St. Petersburg, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье анализируется роль женщин в качестве выборных должностных лиц в органах местного самоуправления, школьных советах и советах по делам бедных в Великобритании в конце XIX века. Источниковой базой послужили отчеты местных округов самоуправления, материалы периодической печати, мемуары современников. Опровергается устоявшаяся в историографии точка зрения, что 1890-е годы — время «застоя» в женском движении. Выявлено, что в указанный период в несколько раз возросло количество женщин, избранных в выборных структуры различного уровня. Доказано, что результатами их деятельности стало значительное повышение качества жизни в округах, серьезная гуманизация закона о бедных 1834 года, реализация в последующем на национальном уровне бесплатного школьного питания и отмена платы за обучение. Делается вывод, что политики рассматривали участие женщин в местном самоуправлении как часть благотворительной деятельности представительниц высшего и среднего класса, а также исходили из убеждения, что забота о бедных, здравоохранение, образование является продолжением обязанностей женщин как жен и матерей. Таким образом, политики рассчитывали укрепить традиционные гендерные роли.

Констатируется, что работа в выборных структурах служила первой ступенью для знакомства с политической деятельностью части будущих суфражисток, а влияние партийной принадлежности на социальную работу женщин было невелико.

Ключевые слова:

Великобритания; суфражистки; школьные советы, попечительские советы, закон о бедных, местное самоуправление, рабочие дома.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines the role of women as elected officials in local government bodies, school boards, and poor law guardians in late 19th-century Britain. The research is grounded in local government reports, contemporary periodicals, and memoirs of the time. It challenges the prevailing historiographical perspective that the 1890s represented a period of stagnation for the women's movement. Evidence reveals a significant increase in the number of women elected to various levels of governance during this decade. The outcomes of their involvement included marked improvements in living conditions within communities, a substantial humanization of the Poor Law of 1834, and subsequent national initiatives for free school meals and the abolition of the tuition fees. The study concludes that policymakers viewed women's participation in local governance as an extension of the charitable work by upper and middle-class women, based on the belief that caring for the poor, health care, and education were continuations of the women's roles as wives and mothers. Thus, policymakers aimed to reinforce traditional gender roles. It is noted that service in elected positions served as a preliminary step for some future suffragists to engage in political activities, with party affiliation having a limited impact on women's social work.

Key words:

Britain; suffragists; school boards; guardianship boards; Poor Law; local government; workhouses.

Повышение социальной активности женщин в Великобритании в 1890-е годы как один из аспектов женского движения

© Наumenкова Е. О., 2024

1. Введение = Introduction

Тема взаимоотношения полов, гендерного равенства весьма популярна в британской историографии, однако основная масса исследований посвящена борьбе женщин за избирательные права на протяжении XIX—XX веков и воинственному суфражизму начала XX века. В историографии утвердилась точка зрения, согласно которой 1890-е годы принято считать временем «застоя», поскольку билль об избирательном праве женщин не был принят, финансирование движения снизилось, уменьшилось и количество проводимых мероприятий по сравнению с предшествующим десятилетием.

Действительно, по сравнению с бурными нулевыми 1890-е годы могут показаться периодом упадка. Однако данная точка зрения представляется не вполне верной. Суфражистское движение развивалось в нескольких направлениях: женщины стали принимать активное участие в избирательных кампаниях и в местном самоуправлении.

В рамках данной статьи мы ставили задачу рассмотреть и проанализировать роль женщин в качестве выборных должностных лиц в муниципалитетах, школьных советах и советах по защите прав бедных Великобритании в 1890-е годы; раскрыть социальный состав женщин, причины, побудившие дам баллотироваться в местные органы власти, а также рассмотреть препятствия, как гендерные, так и институциональные, с которыми им приходилось сталкиваться во время работы.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Источниковой базой исследования послужили отчеты муниципалитетов [Report, 1896; Report, 1908] и королевской комиссии [Roy, 1966], материалы периодической печати (Times, The Echo, Macmillan's magazine, Norwich Mercury, The Westminster review, The Englishwoman's review), мемуары и автобиографии современников [Metcalfе Ethel, 1904; Preston-Thomas, 1909; Pankhurst, 2015]. Безусловный интерес представляли исследования

и публицистические материалы современников [Crotch, 1908; Oakeshott, 1894].

В отечественной историографии отдельные аспекты женского движения второй половины XIX—XX веков рассмотрены в работах Е. Ш. Ефимовой, Н. Ю. Забелиной, Е. О. Науменковой, Т. А. Метловой, Н. М. Степановой, И. А. Школьникова, О. Шныровой [Ефимова, 2009; Забелина, 2007; Науменкова, 2017; Метлова, 2014; Степанова, 2011; Школьников и др., 2004; Шнырова, 2019]. Однако специальные труды, посвященные изучению участия женщин в муниципалитетах и школьных советах, отсутствуют.

В Британской историографии данная проблема освещена более детально. Исследовательница П. Холлис подчеркивала, что женщины в процессе работы использовали «язык раздельных сфер» и свою главную задачу в местном самоуправлении они видели не столько в том, чтобы распространить частную сферу на общественную, сколько в том, чтобы защитить собственно женскую сферу от посягательства мужчин [Hollis, 1989, Hollis, 1987]. Анализируя причины участия женщин в местном самоуправлении, Жд. Льюис [Lewis, 1984] отмечала убежденность англичанок в духовном превосходстве над мужчинами и чувство долга, а Д. Томпсон полагал, что женщины стремились сохранить свой авторитет в обществе [Thompson, 1987].

Э. Тернбулл [Turnbull, 1983], рассматривая работу женщин в Лондонском школьном совете в 1870—1904 годах, приходит к выводу, что большинство женщин придерживались радикальных взглядов, а преобладание одиноких и вдов объясняет приоритетом для замужних дам интересов семьи. Д. Рубинштейн [Rubinstein, 1986] полагал, что, поскольку в 1890-х годах количество женщин в школьных советах было относительно невелико, их участие в политике сложно проанализировать, а предпринимаемые женщинами меры отражали прежде всего политическую принадлежность. Р. Г. Валтон считал, что достижения женщин были сконцентрированы преимущественно в тех областях, где дамы не конкурировали с мужчинами, а применяли навыки ведения домашнего хозяйства [Walton, 1975].

Г. Смит утверждал, что многие женщины хотели не просто равного доступа к политической системе, контролируемой мужчинами; они хотели изменить систему так, чтобы она отражала женские ценности. Закон о местном самоуправлении 1894 года он рассматривал как важный поворотный момент в кампании за избирательное право [Smith, 1998]. Постепенно представления о том, что женщины могут участвовать в муниципальной сфере, но принципиально не подходят для национальной, становились все более несостоятельными [Pugh, 2000].

Таким образом, проблема участия женщин в выборных структурах не нашла должного освещения в трудах российских исследователей. Данная

статья отчасти восполнит этот пробел в историографии и внесет вклад в разработку проблемы женского движения в Великобритании в конце XIX века.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Увеличение числа женщин в муниципалитетах и школьных советах

Во второй половине XIX века женщины Великобритании получили право голоса в школьных советах, советах по делам бедных, советах графств, возможность работать в государственных социальных службах и даже баллотироваться на должность мэра. Билль 1894 года расширил возможности для замужних дам, владеющих собственностью, участвовать в местном самоуправлении. Им было предоставлено право избирать и быть избранными в приходские и районные советы. На замужних было распространено право работать в качестве попечителей для бедных (прежде это было возможно только для вдов и незамужних).

Представляется, что, принимая данные решения, политики исходили из господствовавшего в обществе убеждения, что дела, которыми занимаются местные власти, — забота о бедных, здравоохранение, образование, — представляют собой не более чем естественное продолжение обязанностей женщин как жен и матерей. «Работа попечителем для бедных, — говорилось в «Вестминстерском обозрении», — особенно подходит женщинам; ибо это всего лишь домашнее хозяйство в более широком масштабе. Умножьте количество детей на сотни, и вы получите школу; расширьте комнату для больных, и она превратится в лазарет» [Biggs, 1885, p. 387]. Действительно, управляя домом, леди прошли всю необходимую подготовку: воспитывали детей, заботились об их здоровье, образовании, следили за семейным бюджетом, контролировали работу слуг.

С другой стороны, данная работа рассматривалась как продолжение участия представительниц высшего и среднего класса в благотворительной деятельности, которой они традиционно занимались. Поощряя таким образом работу женщин на муниципальном уровне, политики рассчитывали скорее укрепить, чем подорвать традиционные гендерные роли. Как пишет М. Пью, «по сути, традиционное различие между функциями национального и местного самоуправления придало институциональное выражение отдельным сферам деятельности мужчин и женщин» [Pugh, 2000, p. 72].

Как видно из таблицы (табл. 1), количество женщин, работающих в школьных советах, возросло в несколько раз, а число женщин попечителей выросло более чем в 10 раз. На наш взгляд, это впечатляющий показатель за короткий промежуток времени, особенно с учетом существовавших предрассудков. В то же время значимость опыта местного само-

Таблица 1

Женщины в местных органах власти Великобритании
[Hollis, 1989, p. 486]

	Школьные советы	Попечители для бедных	Сельские советы	Городские советы	Городские и сельские округа, включая Лондон
1870	3				
1875	17	1			
1880	71	8			
1885	78	37			
1890	100	80			2*
1895	128	893	140	2	
1900	270	1147	170	2	
1905	594	1157	112	4	
1910	641	1310	147	4	22
1914-1915	679	1546			
1919-1920	680	2039			

* Были избраны в 1889 году, но были вынуждены уйти в отставку

управления заключалась не только в количестве задействованных лиц, но и в его влиянии на женщин. Последние продемонстрировали способность аргументированно выступать с трибуны, отстаивать свою точку зрения в конкурентной борьбе. Участие в выборах повысило уверенность женщин и оказывало на них политизирующее воздействие. В качестве избирателей женщины были важны, поскольку они составляли 10—25 % электората [Bartley, 1996; Pugh, 2000; Smith, 1998]. В свою очередь, дамы стали оказывать серьезное влияние на решение социальных проблем.

Наибольшее участие женщин в советах наблюдалось в крупных городах Севера и центральной части Англии. П. Холлис объясняла это доминированием в политической структуре либерального среднего класса, а также активностью женщин в избирательных обществах, филантропии и либерализме [Hollis, 1987].

Участовавшие в местном самоуправлении женщины принадлежали за редким исключением к среднему и высшему классу, в сельской местности было даже небольшое количество титулованных особ, в то время как их коллеги-мужчины происходили из более низкого социального класса. По своим взглядам представительницы прекрасного пола были неконформистками, многие поддерживали суфражистское движение и зачастую принадлежали к либеральной партии. Однако важно подчеркнуть, что

в целом партийная принадлежность оказывала мало влияния на работу. Например, в большинстве своем женщины-консерваторы выступали за развитие государственных школ, отказывались поддерживать требования церкви и деноминацию образования. Анализ источников подтверждает, что в основном социальная деятельность женщин основывалась на гуманизме, искреннем стремлении помочь обездоленным и желании сделать более комфортным проживание в своем округе или приходе, что оказывалось сильнее формальной партийной лояльности [Ignota, 1898, p. 379]. Поэтому нельзя согласиться с исследователем Д. Рубинштейном, утверждавшим, что предпринимаемые дамами меры отражали прежде всего их политическую принадлежность [Rubinstein, 1986].

Дамы были прекрасно обеспечены, блестяще образованны, и, конечно у них было достаточно свободного времени для выполнения служебных обязанностей и работы в советах. Важно отметить, что данная деятельность не оплачивалась, более того, требовала расходов. Данный факт наравне с нехваткой свободного времени служит одним из веских объяснений отсутствия представительниц рабочего класса в советах. Лишь в конце 1890-х годов в органы местного самоуправления, школьные и попечительские советы стали проникать женщины-работницы. И хотя они могли уделять работе в советах лишь 2—3 часа в выходной, их вклад также был существенен [Working women in Council, 1900, p. 1].

Сначала в советах участвовали одинокие женщины и вдовы, но к ним все чаще присоединялись замужние, особенно в сельской местности. И это несмотря на большую рабочую нагрузку и существующую неприязнь к замужним женщинам, занимающим ответственные посты, поскольку считалось, что это могло спровоцировать конфликты в семье [Levine, 1987]. Тем не менее дамы все чаще избирались в советы, и можно сделать вывод, что данная деятельность была важна для различных категорий женщин.

Причины, побуждавшие прекрасный пол к активной социальной работе, были разными: часть из них придерживались суфражистских взглядов и считали участие в местном самоуправлении первой ступенью на пути к всеобщего избирательному праву. Другие были убеждены в нравственном превосходстве женщин, для которых самоотдача и служение обществу были трамплином на пути духовного самосовершенствования [Lewis, 1984]. Незамужние и вдовы стремились заполнить пустоту жизни. Для замужних это была социально приемлемая деятельность, позволяющая отвлечься от рутинных домашних обязанностей. Тем более что, вступая в брак, женщины зачастую были вынуждены отказываться от оплачиваемой работы, а праздность как антитеза долгу среди представителей среднего класса резко осуждалась.

3.2. Участие женщин в школьных советах

В 1870 году после принятия закона об образовании начали формироваться местные школьные советы, целью которых было совершенствование начального образования и управление им. Выборы в правление были открыты как для мужчин, так и для женщин. Э. Тернбулл справедливо писала: «Это была первая в истории Британии возможность для женщин официально получить политическую власть, причем в области, где их опыт признавался, а влияние было очевидным» [Turnbull, 1983, p. 120].

К 1900 году около 270 женщин входило в школьные советы, расположенные почти в каждом крупном городе и в десятках деревень. Естественно, что участие женщин в работе разнилось в зависимости от уровня совета: от закупки учебников и мелков до попыток серьезного реформирования системы образования.

Женщины — члены советов продвигали передовые идеи: бесплатное, обязательное, светское образование с ежедневным бесплатным обедом и запретом телесных наказаний в школах. В своем выступлении Хелен Тейлор, член Лондонского школьного совета, использовала интересное обоснование того, что порка розгами была первым шагом к насилию в семье. «Мальчик, которого выпорол учитель, растет с убеждением, что он имеет право бить свою жену...» [Levine, 1987, p. 73—74].

К началу 1890-х годов работа в школьных советах становилась все более специализированной. В то время как мужчины возводили школьные здания, вели бухгалтерские счета, спорили о теологии, женщины многое сделали для улучшения преподавания предметов, защиты интересов детей-инвалидов и детей из обездоленных семей. Дамы настаивали на введении уроков физкультуры в школе, строительстве игровых площадок и бассейнов для улучшения здоровья детей; проводили семинары, организовывали конференции, доводили до комитетов лучшие практики из других городов. Женщины старались изменить и несколько расширить учебные программы, чтобы они лучше отвечали чаяниям учащихся из рабочего класса; регулярно проводили проверки школ, по итогу инициируя смену нерадивых директоров и учителей; убеждали прогульщиков посещать школу [Hollis, 1987; Hollis, 1989; Metcalfe, 1904, p. 79—80]. По мере усложнения системы образования возрастала и нагрузка на членов правления [Turnbull¹⁹⁸³].

Баллотирующиеся в правление женщины обычно имели богатый опыт работы в сфере образования. Они руководили воскресными школами, писали учебники, читали лекции местным обществам о санитарии, физиологии, участвовали в движении за допуск девушек к государственным экзаменам в университетах, собирали средства для женских университетских колледжей. Обладая достаточным количеством денег и свободного време-

ни, дамы, путешествуя по стране и навещая дальних родственников и друзей, неизменно пользовались случаем, чтобы посетить и изучить методы работы в детских садах, школьных советах, промышленных училищах, а по возвращении внедряли их в своих округах [Hollis, 1989]. Впоследствии многие смелые и передовые по тем временам идеи, предлагаемые женщинами, были реализованы на национальном уровне, например, бесплатное школьное питание и отмена платы за обучение.

3.3. Участие женщин в муниципалитетах

Женщины активно участвовали в решении социальных проблем, работая в качестве попечителей бедных и занимая выборные должности в советах различных уровней: приходских, сельских, реже городских. По биллю 1894 года были созданы тысячи новых светских советов. Будучи их членами, женщины занимались вопросами, затрагивающими благосостояние, комфорт и здоровье жителей. Дамы занимались множеством рутинных обязанностей: благоустройством лужаек и парков, регистрацией пешеходных и проезжих дорожек, приобретением дополнительных мест для захоронений, освещением деревень и пр.

Обеспокоенные пожароопасностью коттеджей, дамы убеждали советы инвестировать в пожарные машины, комплектовать пожарные команды и разрабатывать приемы тушения пожаров [Ashby, 1961].

Другой серьезной проблемой была высокая смертность младенцев — 135,5 на 1000 родившихся. Причины были связаны со слабым здоровьем матерей, неграмотным уходом, холодными домами, зараженным молоком, служившим источником дифтерии и брюшного тифа. Регулярные вспышки заболеваний происходили и потому, что дезинфицирующие средства не использовались, а отходы выбрасывались в ближайшую яму, в которую также попадали бытовые сточные воды, а также объяснялись неправильной утилизацией крови на скотобойнях [Report, 1896, p. 1—2, 4, 6; Report, 1908, p. 1—6].

Советы активно взялись за работу: настаивали на необходимости замены неисправных дренажных систем современным оборудованием; требовали от мелких землевладельцев прекратить сливать навозные кучи на дорогу и не сбрасывать мусор в водоем, из которого деревня получала воду. Уполномоченные лица начали регулярно проверять и инспектировать молокозаводы, коровники, скотобойни, колодцы. Так, обнаружив, что деревенский колодец сильно загрязнен и дети страдают кожными заболеваниями и желудочно-кишечным энтеритом, дама — член приходского совета несколько лет боролась с тем, чтобы засыпать его и пробурить новый [Busk, 1899, p. 379—393; Report, 1896, p. 1—2, 4, 6].

Другой проблемой была перенаселенность и непригодность коттеджей для проживания: гнилые протекающие соломенные крыши, сырые зем-

ляные полы, покрытые плесенью стены, разбитые окна, отсутствие водоснабжения и санитарных удобств [Crotch, 1908, p. 40,43; Depwade, 1895, P. 6; District councils. Aylsham, 1895, p. 2; Haggard, 1906, p. 520]. Все это приводило к ухудшению самочувствия жильцов, распространению дифтерии и смерти детей.

Постепенно как члены советов, так и должностные лица начинали осознавать, что проблемы здравоохранения, детской смертности и миграции населения из сельской Англии напрямую связаны с жилищными условиями. Медицинские работники и женщины-члены советов регулярно инспектировали дома и давали заключение — пригоден ли дом для жизни, настаивали на ремонте и строительстве новых коттеджей для рабочих. Однако зачастую проверки приводили к обратному эффекту. Поскольку арендная плата была маленькой, землевладельцу было выгоднее выселить обитателей и снести трущобы, нежели вкладывать огромные суммы на восстановление разваливающегося жилья. Тем самым жилищная проблема в сельской местности лишь усугублялась [Green, 1913, p. 136, 142—143; Crotch, 1908, p. 40, 43; Special petty sessions, 1895, p. 7].

Женщины проводили дезинфекцию домов, в которых находились инфицированные больные, настаивали на строительстве больниц, занимались проблемами канализации и водоснабжения, регулярно посещали лачуги, беседовали с молодыми матерями, давали рекомендации по уходу за ребенком [District councils, 1895, p. 2; Report, 1896, p. 3; Report, 1908, p. 1—2; Ignota, 1898, p. 378].

Часто женщины занимались теми вопросами, которые для мужчин не представляли интереса и считались незначительными. «Вестминстер Ревю» констатировал: «Загрязненный колодец, переполненный коттедж, шлагбаум поперек пешеходной дорожки слишком тривиальны для мужчин, чтобы поднимать из-за них шум, но женщина знает, что жизнь состоит из мелочей» [Ignota, 1898, p. 382].

В целом, советы многое сделали для улучшения качества жизни жителей. Появлялись аккуратные пешеходные дорожки, ремонтировались коттеджи, приобретались новые почтовые ящики на почте. Грязные переулки восстанавливались, пустоши переходили под управление прихода. Фабианское Общество подсчитало, что 1500 из 7000 приходских советов страны приобрели земельные наделы. Около тысячи приходов установили уличное освещение, в 700 появились новые кладбища, в 500 — пожарные службы. Советами приобреталась земля для детских игровых площадок, строились бани, прачечные, библиотеки [A dangerous place, 1895, p. 6; Hollis, 1989]. Таким образом, несколько преувеличенной считается точка зрения Р. Г. Волтона, утверждавшего, что достижения женщин — членов советов

имели место в тех областях, где дамы не конкурировали с мужчинами, а применяли навыки ведения домашнего хозяйства [Walton, 1975, p. 31].

3.4. Участие женщин в управлении делами бедных

Участие женщин в управлении делами бедных увеличилось, когда квалификационный рейтинг опекунов, достигавший 40 фунтов стерлингов арендой платы, был отменен, а Советом местного самоуправления было издано постановление, разрешавшее опекунским советам назначать женские комитеты независимо от того, были они опекунами или нет, для посещения и инспектирования работных домов, где содержались женщины и дети [Women and local government, 1893, p. 6—7].

В этом качестве дамы занимались вопросами, связанными с инфекционными больницами и их обитателями; помогали детям-сиротам; детям, отданным на воспитание в так называемые «бэби-фермы» (в них проживали дети-сироты до 6 лет, и опекуны регулярно проверяли условия их содержания); улучшали условия жизни в работных домах.

Следует заметить, что последние даже в конце XIX века мало чем отличались от описаний Ч. Диккенса. Зачастую это были старые, грязные полуразрушенные и неотапливаемые дома с неоткрывающимися окнами и без санитарных удобств. Обитателями были больные, старики, сироты, незамужние беременные женщины. Каждая категория проживала в больших общих спальнях. Из мебели были только кровати и табуреты без спинок или скамейки. Шкафов не было, и немногочисленные личные вещи пауперам приходилось хранить в карманах, а при их отсутствии за пазухой. Поскольку сестринского ухода не хватало, за немощными ухаживали другие заключенные. Публицист с горечью отмечал, что посетителям нелегко будет избавиться от печальных впечатлений, производимых работным домом, где «тотальная чистота угнетает, а порядок говорит о всеобщем надзоре» [Barnett, 1879, p. 133].

Питание скудное и однообразное: хлеб с маргарином, сыр, каша, капуста, несколько раз в неделю мясо, из напитков чай и пинта пива. Качество пищи часто было низким, поскольку продукты питания в основном закупались у местных поставщиков, при этом основное внимание уделялось цене, а не качеству. Обитатели описывали «скилли» (кашу. — *Е. Н.*), как отвар из муки и воды, с привкусом затхлости и тухлости. В некоторых работных домах «скилли» содержала экскременты крыс [Higginbotham, 2014, p. 110].

По свидетельству современников, до 1894 года выездные комиссии крайне редко посещали работные дома. А во время посещений торжественно проходились по палатам под руководством хозяина, проверяли провизию, осматривали состояние простыней, которые были постелены час назад, и совершенно не общались с обитателями. Закон Фаулера от 1893 года, давший право уполномоченным лицам посещать любую часть

рабочего дома в любое время, оказал огромное влияние на выявление злоупотреблений и жалоб [Preston-Thomas, 1909, p. 231—232].

Женщины-опекуны помогали заключенным вырваться из рабочего дома, подыскивая им работу [Barnett, 1879, p. 134; Philanthropy ..., 1891, p. 76]. Стремясь улучшить положение оставшихся, дамы закупали печи для обогрева палат, матрасы, стулья для купания пожилых, стиральные и швейные машины в помощь персоналу. Табуреты без спинок заменяли удобными креслами. Благодаря опыту ведения домашнего хозяйства женщины лучше, чем мужчины, распределяли бюджет, что помогало разнообразить рацион питания пауперов [Hollis, 1989; Pankhurst, 2015, p. 23—24].

Видное место в системе помощи бедным занимали дети-сироты. Советы, в которые входили женщины-опекуны, всячески старались улучшить их существование: разрешали детям посещать местную школу в обычной, а не приютской одежде, чтобы они не подвергались насмешкам и издевательствам; снабжали сирот книгами, игрушками и играми; организовывали пикники, экскурсии, поездки на море и в сельскую местность; регулярно проводили спортивные мероприятия: футбол, крикет, плавание, гимнастика и легкая атлетика. В отдельных школах развлечения включали танцы, чтение художественной литературы, пение; создавались духовые оркестры для мальчиков, выступавшие на местных праздниках [Higginbotham, 2014; Philanthropy ..., 1891, p. 77].

Женщины-опекуны проявляли внимание к деталям. Инспектор совета писал, как во время посещения просторного, хорошо проветриваемого рабочего дома сопровождавшая его женщина-опекун обратила внимание на отсутствие солнечного света в комнате, поскольку единственные окна были закрыты тенью зданий. «Разве вы не замечаете, — сказала дама, — что на этих бедных крошек никогда не падает лучик солнца?» Инспектор с ней согласился и убедил руководство приюта перевести детей в солнечную комнату [Preston-Thomas, 1909, p. 234]. В другом округе женщина-опекун, осмотрев группу, казалось бы, хорошо одетых детей, заставила их снять ботинки и обнаружила, что у всех rispetабельно выглядевших не хватало носков на ногах [Biggs, 1885, p. 391].

Конечно, одной из важнейших задач, стоявших перед опекунами в конце XIX века, было избавить детей от «порчи рабочего дома», то есть не допустить общения со взрослыми пауперами. Для этого советы искали приемные семьи; покупали землю для строительства коттеджных поселков, включавших в себя жилые дома на 15—20 детей, современные школы со спортивным залом и бассейном, больницей, учебными мастерскими. Это позволяло вывести детей из среды рабочих домов и обеспечивало им как базовое образование, так и «производственное» обучение для их

подготовки к трудоустройству в дальнейшей жизни [Higginbotham, 2014]. Таким образом, условия жизни детей-сирот постепенно улучшались. Лидер суфражистского движения Эммелина Панкхерст была уверена: «Если с детьми обращаться как с нищими — они вырастут нищими, постоянным бременем для общества, но если к ним относиться как к детям, они станут другими» [Pankhurst, 2015, p. 23].

Усилия женщин по реформированию системы содержания и образования сирот были отмечены на национальном уровне. В Отчете Королевской комиссии по законодательству о бедных констатировалось, что положение детей значительно улучшилось, и они обладают необходимыми знаниями и навыками для того, чтобы зарабатывать себе на жизнь [Roy, 1966, p. 152].

Достаточно трудно было помочь немощным пожилым людям. Условия труда в рабочих домах были крайне тяжелыми, и квалифицированные медсестры надолго в них не задерживались. Женщины-опекуны делали все, чтобы не допустить ухода медперсонала: улучшали бытовые удобства, предлагали чаевые, организовывали дополнительные отпуска. В итоге соотношение числа медсестер и пациентов изменилось: с одной медсестры на 24 пациента в 1898 году до одной медсестры на 17 пациентов в 1900 году [Hollis, 1989; Preston-Thomas, 1909].

Дамы стремились не только улучшить бытовые стороны существования стариков, но и разнообразить их жизнь: организовывали музыкальные вечера, проводили обучающие мастер-классы. Герберт Престон Томас, инспектор совета местного самоуправления, описывал необычайный успех Брабазонского общества в разработке занятий для обитателей рабочих домов. «Они (женщины. — *Е. Н.*) действительно сотворили чудеса в обучении пожилых людей, чьи скрюченные, ревматические пальцы часто казались абсолютно неспособными к какой-либо тонкой работе с шерстью, кожей или плетением корзин. Старики, которым раньше нечем было заняться, кроме как ссориться друг с другом, теперь всю наслаждались уроками, получаемыми от светских дам, а доходы от продажи их продукции приносили средства на экскурсии и другие развлечения» [Preston-Thomas, 1909, p. 230]. Таким образом, женщины добились серьезной гуманизации применения Закона о бедных, опираясь на основы, заложенные более ранней филантропической деятельностью.

Начиная работать в органах местного самоуправления, женщины поначалу встречали серьезное сопротивление со стороны мужчин. Однако, как свидетельствуют источники, благодаря конструктивной и спокойной работе дамы довольно быстро зарекомендовали себя и заслужили признание своих трудов, в том числе и в отчетах Королевской комиссии [Biggs, 1885, p. 388; Oakeshott, 1894, p. 18—19; Roy, 1966, p. 154].

Женщины, обладающие административными способностями, смогли прекрасно проявить себя на новом поприще, с пользой для общества выполняя обязанности, входившие в компетенцию местных властей. Некоторым это удавалось тем более хорошо, поскольку до своего избрания они регулярно пользовались привилегией налогоплательщиков участвовать в советах в качестве слушательниц [Busk, 1899, p. 382]. Работа в выборных структурах служила первой ступенью для знакомства с политической деятельностью части будущих суфражисток, включая Эммелин Панкхерст и Шарлотту Деспард, избранных блюстителями закона о бедных [Linklater, 1980, p. 72—76, 89—94; Pankhurst, 2015, p. 27]. Другим результатом социальной активности женщин стало, по словам автора передовицы «Вок энд Лиже», то, что «они начали занимать посты и выполнять обязанности, которые никогда бы не пришли в голову их бабушкам» [Walton, 1975, p. 34].

3.5. Проблемы, с которыми сталкивались женщины при избрании в советы

Хотя к 1900 году около 220 женщин были избраны членами школьных советов и входили почти в каждый крупный городской совет и в десятки сельских [Hollis, 1989; Levine, 1987], в целом женщин в местном самоуправлении в Великобритании в 1890-е годы насчитывалось немного. После принятия Закона о местном самоуправлении произошло внезапное увеличение числа женщин-опекунов с 50 в 1885 году до 1147 в 1900 году. Однако более чем в 300 советах, почти половине от общего числа, женщин не было. На других уровнях местной власти число избранных женщин было также невелико. В 1898 году лишь 200 женщин были членами почти 8000 приходских советов Англии и Уэльса, не более десяти стали советниками городских округов [Ignota, 1898, p. 249, 377; Walton, 1975].

Данные цифры свидетельствуют, с одной стороны, о чинимых женщинам препятствиях и дисквалификации их на выборах, а с другой — о консерватизме и пассивности англичанок. Далеко не все пользовались избирательным правом. В некоторых сельских округах вообще было тяжело побудить женщин принять участие в выборах. «Инглишвумен Ревью» признавала, что после стольких десятилетий воспитания в женщинах сдержанности и пассивности их необходимо поощрять даже к тому, чтобы они стали активными избирателями [The school board election ..., 1984, p. 6; The school board election ..., 1984, p. 13; The public responsibilities of women, 1899, p. 8]. Поэтому не удивительно, что женщины предпочитали занимать должность блюстителя закона о бедных как продолжение привычной им филантропической деятельности, нежели баллотироваться в советы.

Современники отмечали и другие причины, препятствовавшие выдвижению женщинами своих кандидатур в муниципалитеты: одним не

хватало ораторского мастерства, другим пониманием важности предстоящей работы, третьи страшились большого объема обязанностей. Кроме того, участие в выборах требовало значительных расходов. Розамунда Дэвенпорт Хилл, член школьного совета Лондонского сити с 1879—1897 годов, в своих мемуарах писала, что она потратила на предвыборные расходы от 1400—1500 фунтов стерлингов [Metcalfе, 1904, p. 117; Busk, 1899, p. 379]. Все вышеназванные причины объясняют, почему в указанный период женщины не играли равную роль с мужчинами в советах различного уровня.

4. Заключение = Conclusions

Подводя итоги, отметим, что 1890-е годы нельзя назвать временем «застоя» в женском движении, как принято считать в историографии. Определенные успехи дамами были достигнуты на поприще местного самоуправления. В несколько раз увеличилось количество женщин, ставших попечителями бедных и вошедших в школьные советы и муниципалитеты.

Дамы стали значительной силой и оказали заметное влияние на изменение облика городов и поселков, что делало проживание в них более комфортным: они добивались того, что сносились трущобы, строились коттеджи, бани, общественные туалеты, разбивались сады. Работая в советах, женщины улучшали качество образования, изменяли управление работными домами, способствовали снижению младенческой смертности. Также важно подчеркнуть, что партийная принадлежность не оказывала существенного воздействия на принимаемые дамами решения.

Работа в муниципалитетах открыла для женщин еще одну сферу деятельности, ранее исключительно мужскую; помогла приобрести ценный политический опыт, уверенность в своих силах, что способствовало дальнейшей борьбе за эмансипацию. Начиная карьеру в выборных структурах, часть дам в будущем станет принимать активное участие в суфражистском движении, требуя предоставления права голоса на парламентских выборах и рассчитывая влиять на принятие решений на национальном уровне.

В то же время отметим, численность женщин в местном самоуправлении росла не очень быстрыми темпами, что объясняется консерватизмом британок, а также препятствиями, чинимыми им на выборах. Более того, деятельность дам ограничивалась сферами, которые, по мнению общественности, считались допустимыми для привлечения работниц-женщин. Однако даже там они сталкивались со скептицизмом и враждебностью коллег-мужчин. Сменится еще несколько поколений, прежде чем женщины начнут наравне с сильным полом работать в органах власти различного уровня, включая местное самоуправление.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *A dangerous place* // Norwich Mercury : [newspaper]. — 1895. — № 11478 — P. 6.
2. *Barnett H.* Young Women in our Workhouses / H. Barnett // Macmillan's Magazine. — 1879. — Vol. XL. — Pp. 133—139.
3. *Biggs C. A.* Work of women as poor Law Guardians / C. A. Biggs // The Westminster review. — 1885. — Vol. 123. — Pp. 386—395.
4. *Crotch W.* The Cottage Homes of England : the Case Against the Housing System in Rural districts / W. Crotch. — London : The industrial publishing company, 1908. — 117 p.
5. *Depwade* // Norwich Mercury : [newspaper]. — 1895. — № 11478 — P. 6.
6. *District councils.* Aylsham // Norwich Mercury : [newspaper]. — 1895. — № 11454 — P. 2.
7. *Green F.* The tyranny of the countryside, 1867—1922 / F. Green. — London : T. Fisher Unwin, 1913. — 261 p.
8. *Ignota.* The part of women in local administration / Ignota // The Westminster review. — 1898. — Vol. 150. — Pp. 248—260.
9. *Ignota.* The part of women in local administration / Ignota // The Westminster review. — 1898. — Vol. 150. — Pp. 377—389.
10. *Metcalfe Ethel E.* Memoir of Rosamond Davenport-Hill / E. Metcalfe. — London : Longmans Green & Co, 1904. — 143 p.
11. *Oakeshott J.* The Humanising of the Poor Law / J. Oakeshott. — London : Fabian Society, 1894 — 24 p.
12. *Pankhurst E.* My own story / E. Pankhurst. — London : Vintage Books, 2015. — 327 p. — ISBN 9781784870409.
13. *Philanthropy* and the poor-law // Macmillan's magazine. — 1891. — Vol. 65. — Pp. 76—80.
14. *Preston-Thomas H.* The work and play of a government inspector / H. Preston-Thomas. — Edinburgh and London : W. Blackwood, 1909. — 384 p.
15. *Roy L.* Social welfare in transition ; selected English documents, 1834—1909 / L. Roy. — Pittsburgh : Pittsburgh University of Pittsburgh press, 1966 — 334 p.
16. *Special petty sessions* // Norwich Mercury : [newspaper]. — 1895. — № 11536 — P. 7.
17. *The public* responsibilities of women // The Englishwoman's review of social and industrial questions. — 1899. — Vol. 30. — Pp. 1—9.
18. *The school* board election // Times : [newspaper]. — 1894. — № 34426. — P. 6.
19. *The school* board election // Times : [newspaper]. — 1894. — № 34428. — P. 13.
20. *Women* and local government. At home and abroad // The Englishwoman's review of social and industrial questions. — 1893. — Vol. 24. — Pp. 225—229.
21. *Working women in Council* // The Echo : [newspaper]. — 1900. — № 9813 — P. 1.
22. [Report 1896] by Aylsham (England). Rural District Council [Electronic resource]. — Access mode : <https://archive.org/details/b28817266/mode/2up> (accessed 25.03.2024).
23. [Report 1908] by Blofield (England). Rural District Council. Blofield [Electronic resource]. — Access mode : <https://archive.org/details/b28935512/mode/2up> (accessed 25.03.2024).

Литература

1. *Ефимова Е. Ш.* Изменение положения и социокультурного статуса женщин среднего класса Великобритании 1870—1920-х гг. : автореферат диссертации ... кандидата исторических наук : 07.00.03 / Е. Ш. Ефимова. — Томск, 2009. — 27 с.
2. *Забелина Н. Ю.* Символ мужества и стойкости : женщины Великобритании в годы первой мировой войны / Н. Ю. Забелина // *Женщина в российском обществе.* — 2007. — № 4 (45). — С. 53—56.
3. *Метлова Т. А.* «Новая женщина» и гендерный кризис в Великобритании рубежа XIX—XX вв. / Т. А. Метлова // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики.* — 2014. — № 1—2 (39). — С. 126—129.
4. *Науменкова Е. О.* Власть и общество. Избирательные реформы и их восприятие в Великобритании в последней трети XIX в. / Е. О. Науменкова — Санкт-Петербург : Алетейя, 2017. — 238 с. — ISBN 978-5-906910-06-6.
5. *Степанова Н. М.* Участие женщин в политической жизни : сравнительный опыт России и Великобритании / Н. М. Степанова // *Женщина в российском обществе.* — 2011. — № 3 (60). — С. 77—80.
6. *Школьников И. А.* Суфражизм и политические партии в Великобритании в середине XIX — начале XX вв. : опыт взаимодействия / И. А. Школьников, О. В. Шнырова // *Гендерная реконструкция политических систем.* — Санкт-Петербург : Алетейя, 2004. — С. 87.
7. *Шнырова О.* Суфражизм в истории и культуре Великобритании / О. Шнырева. — Санкт-Петербург : Издательство Ивана Лимбаха, 2019. — 424 с. — ISBN 978-5-89059-351-1.
8. *Ashby M. K.* Joseph Ashby of Tysoe, 1859—1919 : a study of English village life / M. Ashby. — Cambridge : Cambridge University Press, 1961. — 303 p.
9. *Bartley P.* The changing role of women 1815—1914 / P. Bartley. — London : Hodder & Stoughton, 1996. — 137 p. — ISBN 0-340-61135-9.
10. *Busk A.* Women's Work on Vestries and Councils / A. Busk // *Good citizenship ; a book of twenty-three essays by various authors on social, personal, and economic problems and obligations.* — London : G. Allen, 1899. — Pp. 379—393.
11. *Higginbotham P.* The workhouse encyclopedia / P. Higginbotham. — Stroud : History, 2012. — 478 p. — ISBN 978-0-7524-7012-2.
12. *Hollis P.* Ladies Elect : Women in English Local Government 1865—1914 / P. Hollis. — Oxford : Clarendon, 1989. — 533 p. — ISBN 0-19-822699-3.
13. *Hollis P.* Women in Council : Separate Spheres, Public Space / J. Rendall // *Equal or different : women's politics 1800—1914.* — Oxford : Basil Blackwell Ltd, 1987. — Pp. 192—213. — ISBN 0-631-14522-2.
14. *Levine Ph.* Victorian feminism, 1850—1900 / Ph. Levine. — London : Hutchinson Education, 1987. — 176 p. — ISBN 0-091-73181-X.
15. *Lewis J.* Women in England, 1870—1950 : sexual divisions and social change / J. Lewis. — Brighton : Wheatsheaf Books, 1984. — 240 p. — ISBN 0-7108-0186-6.
16. *Linklater A.* An unhusbanded life : Charlotte Despard, suffragette, socialist and sinn finer / A. Linklater. — London : Hutchinson, 1979. — 271 p. — ISBN 0-091-3831-02.
17. *Pugh M.* The march of the women : a revisionist analysis of the campaign for women's suffrage, 1866—1914 / M. Pugh. — Oxford : Oxford University Press, 2000. — 303 p. — ISBN 0-19-820775-1.

18. *Rendall J.* The Problem of Authority / J. Rendall // Equal or different : women's politics 1800—1914. — Oxford : Basil Blackwell Ltd, 1987. — Pp. 57—81. — ISBN 0-631-14522-2.

19. *Rubinstein D.* Before The suffragettes: women's emancipation in the 1890s / D. Rubinstein. — New York : St. Martin's Press, 1986. — 272 p. — ISBN 0-312-07160-4.

20. *Smith H. L.* The British women's suffrage campaign, 1866—1928 / H. L. Smith. — New York : Longman, 1998. — 122 p. — ISBN 0-582-2981-13.

21. *Turnbull A.* So Extremely Like Parliament : The Work of the Women Members of the London School Board, 1870—1904 / A. Turnbull // The Sexual Dynamics of History : Men's Power, Women's Resistance. — London : Feminist History Group, 1983. — Pp. 120—133. — ISBN 0-86104-711-7.

22. *Walton R. G.* Women in social work / R. G. Walton. — Boston : Routledge and Kegan Paul, 1975. — 308 p. — ISBN 0-7100-8041-7.

Статья поступила в редакцию 25.04.2024,
одобрена после рецензирования 22.08.2024,
подготовлена к публикации 14.10.2024.

Material resources

A dangerous place. (1895). *Norwich Mercury: [newspaper]*, 11478: P. 6.

Barnett, H. Young Women in our Workhouses / H. Barnett // *Macmillan's Magazine*. — 1879. — Vol. XL. — Pp. 133—139.

Biggs, C. A. (1885). Work of women as poor Law Guardians. *The Westminster review*, 123: 386—395.

Crotch, W. (1908). *The Cottage Homes of England : the Case Against the Housing System in Rural districts*. London: The industrial publishing company. 117 p.

Depwade. (1895). *Norwich Mercury: [newspaper]*, 11478: P. 6.

District councils. Aylsham. (1895). *Norwich Mercury: [newspaper]*, 11454: P. 2.

Green, F. (1913). *The tyranny of the countryside, 1867—1922*. London: T. Fisher Unwin. 261 p.

Ignota. (1898). The part of women in local administration. *The Westminster review*, 150: 248—260.

Ignota. (1898). The part of women in local administration. *The Westminster review*, 150: 377—389.

Metcalf, E. (1994). *Memoir of Rosamond Davenport-Hill*. London: Longmans Green & Co. 143 p.

Oakeshott, J. (1894). *The Humanising of the Poor Law*. London: Fabian Society. 24 p.

Pankhurst, E. (2015). *My own story*. London: Vintage Books. 327 p. ISBN 9781784870409.

Philanthropy and the poor-law. (1891). *Macmillan's magazine*, 65: 76—80.

Preston-Thomas, H. (1909). *The work and play of a government inspector*. Edinburgh and London: W. Blackwood. 384 p.

Roy, L. (1966). *Social welfare in transition; selected English documents, 1834—1909*. Pittsburgh: Pittsburgh University of Pittsburgh press. 334 p.

Special petty sessions. (1895). *Norwich Mercury: [newspaper]*, 11536: P. 7.

The public responsibilities of women. (1899). *The Englishwoman's review of social and industrial questions*, 30: 1—9.

The school board election. (1894). *Times: [newspaper]*, 34426: P. 6.

The school board election. (1894). *Times*: [newspaper], 34428: P. 13.
Women and local government. At home and abroad. (1893). *The Englishwoman's review of social and industrial questions*, 24: 225—229.
Working women in Council. (1900). *The Echo*: [newspaper], 9813: P. 1.
[Report 1896] by Aylsham (England). *Rural District Council*. Available at: <https://archive.org/details/b28817266/mode/2up> (accessed 25.03.2024).
[Report 1908] by Blofield (England). *Rural District Council. Blofield*. Available at: <https://archive.org/details/b28935512/mode/2up> (accessed 25.03.2024).

References

- Ashby, M. K. (1961). *Joseph Ashby of Tysoe, 1859—1919: a study of English village life*. Cambridge: Cambridge University Press. 303 p.
- Bartley, P. (1996). *The changing role of women 1815—1914*. London: Hodder & Stoughton. 137 p. ISBN 0-340-61135-9.
- Busk, A. (1899). Women's Work on Vestries and Councils. In: *Good citizenship; a book of twenty-three essays by various authors on social, personal, and economic problems and obligations*. London: G. Allen. 379—393.
- Efimova, E. S. (2009). *Changing the position and socio-cultural status of middle-class women in Great Britain in the 1870s—1920s*. Author's abstract of PhD Diss. Tomsk. 27 p. (In Russ.).
- Higginbotham, P. (2012). *The workhouse encyclopedia*. Stroud: History. 478 p. ISBN 978-0-7524-7012-2.
- Hollis, P. (1989). *Ladies Elect: Women in English Local Government 1865—1914*. Oxford: Clarendon. 533 p. ISBN 0-19-822699-3.
- Hollis, P. (1987). Women in Council: Separate Spheres, Public Space. In: *Equal or different: women's politics 1800—1914*. Oxford: Basil Blackwell Ltd. 192—213. ISBN 0-631-14522-2.
- Levine, Ph. (1987). *Victorian feminism, 1850—1900*. London: Hutchinson Education. 176 p. ISBN 0-091-73181-X.
- Lewis, J. (1984). *Women in England, 1870—1950: sexual divisions and social change*. Brighton: Wheatsheaf Books. 240 p. ISBN 0-7108-0186-6.
- Linklater, A. (1979). *An unhusbanded life: Charlotte Despard, suffragette, socialist and sinn feiner*. London: Hutchinson. 271 p. ISBN 0-091-3831-02.
- Metlova, T. A. (2014). “The New woman” and the gender crisis in Great Britain at the turn of the XIX—XX centuries. Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. *Questions of theory and practice*, 1—2 (39): 126—129. (In Russ.).
- Naumenkova, E. O. (2017). *Power and society. Electoral reforms and their perception in Great Britain in the last third of the XIX century*. St. Petersburg: Aleteya. 238 p. ISBN 978-5-906910-06-6. (In Russ.).
- Pugh, M. (2000). *The march of the women: a revisionist analysis of the campaign for women's suffrage, 1866—1914*. Oxford: Oxford University Press. 303 p. ISBN 0-19-820775-1.
- Rendall, J. (1987). The Problem of Authority. In: *Equal or different: women's politics 1800—1914*. Oxford: Basil Blackwell Ltd. 57—81. ISBN 0-631-14522-2.
- Rubinstein, D. (1986). *Before The suffragettes: women's emancipation in the 1890s*. New York: St. Martin's Press. 272 p. ISBN 0-312-07160-4.

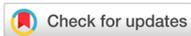

- Shkolnikov, I. A., Shnyrova, O. V. (2004). Suffragism and political parties in Great Britain in the middle of the XIX — early XX centuries: experience of interaction. In: *Gender reconstruction of political systems*. St. Petersburg: Aleteya. P. 87. (In Russ.).
- Shnyrova, O. (2019). *Suffragism in the history and culture of Great Britain*. St. Petersburg: Ivan Limbach Publishing House. 424 p. ISBN 978-5-89059-351-1. (In Russ.).
- Smith, H. L. (1998). *The British women's suffrage campaign, 1866—1928*. New York: Longman. 122 p. ISBN 0-582-2981-13.
- Stepanova, N. M. (2011). Women's participation in political life: comparative experience of Russia and Great Britain. In: *Woman in Russian society, 3 (60)*: 77—80. (In Russ.).
- Turnbull, A. (1983). So Extremely Like Parliament: The Work of the Women Members of the London School Board, 1870—1904. In: *The Sexual Dynamics of History: Men's Power, Women's Resistance*. London: Feminist History Group. 120—133. ISBN 0-86104-711-7.
- Walton, R. G. (1975). *Women in social work*. Boston: Routledge and Kegan Paul. 308 p. ISBN 0-7100-8041-7.
- Zabelina, N. Y. (2007). Symbol of courage and perseverance: women of Great Britain during the First World War. *Woman in Russian society, 4 (45)*: 53—56. (In Russ.).

*The article was submitted 25.06.2024;
approved after reviewing 22.08.2024;
accepted for publication 14.10.2024.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(9), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Самохин К. В. Убийство Александра II в делах об оскорблении Величества (на материалах Тамбовской губернии) / К. В. Самохин // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 9. — С. 480—499. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-9-480-499.

Samokhin, K. V. (2024). Assassination of Alexander II in Cases of Insulting Majesty (Material from Tambov Province). *Nauchnyi dialog*, 13 (9): 480-499. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-9-480-499. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Убийство Александра II в делах об оскорблении Величества (на материалах Тамбовской губернии)

Самохин Константин Владимирович
orcid.org/ 0000-0002-0120-7682
кандидат исторических наук, доцент
кафедра «История и философия»
kon-sam@yandex.ru

Тамбовский государственный
технический университет
(Тамбов, Россия)

Assassination of Alexander II in Cases of Insulting Majesty (Material from Tambov Province)

Konstantin V. Samokhin
orcid.org/0000-0002-0120-7682
PhD in History, Associate Professor
Department of “History and Philosophy”
kon-sam@yandex.ru

Tambov State
Technical University
(Tambov, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена судебно-следственным делам об оскорблении Величества, рассматриваемым в 1881 году Тамбовским губернским жандармским управлением. Осуществлена общая количественная характеристика содержащихся в них эпизодов, в качестве причины (повода) имевших убийство Александра II. Принимались во внимание социальная принадлежность подсудимых и географическая привязка к месту произнесения оскорбления. Проведена классификация выявленных случаев по принципам наличия или отсутствия в деле факта оговора (доноса), а также причинности совершения правонарушения. Все эпизоды поделены на мнимые и не содержащие оговора (доноса), а последние — еще на три группы: 1) констатирующие десакрализацию образа конкретного монарха, 2) фиксирующие начало размывания монархизма через десакрализацию образа Александра II и 3) свидетельствующие о десакрализации монархии. Реализованный количественный и качественный анализ дел свидетельствует о том, что к 1881 году девальвация монархического принципа уже наличествовала в мировоззрении российского социума. Однако с учетом числа соответствующих судебно-следственных эпизодов, а также случаев, которые не были местными органами жандармерии зафиксированы, такого однозначного вывода сделать нельзя. Автор считает, что убийство Александра II следует расценивать не только как индикатор роста антимонархических настроений, но и как спусковой крючок для становления этой тенденции.

Ключевые слова:

цареубийство; оскорбление Величества; десакрализация образа монарха; девальвация монархического принципа.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines the judicial and investigative cases concerning insults to the Majesty, as reviewed by the Tambov Provincial Gendarmerie in 1881. A comprehensive quantitative analysis of the episodes contained within these cases is conducted, focusing on the assassination of Alexander II as a catalyst for such offenses. The study considers the social backgrounds of the defendants and the geographical context of the insults. A classification of the identified instances is provided based on the presence or absence of denunciation (informing) in the cases, as well as the causal relationships leading to the offenses. All episodes are divided into those that are perceived as fictitious and those without denunciation; the latter are further categorized into three groups: 1) those confirming the desacralization of the image of a specific monarch, 2) those indicating the onset of a dilution of monarchism through the desacralization of Alexander II's image, and 3) those evidencing the desacralization of monarchy itself. The quantitative and qualitative analysis of these cases suggests that by 1881, a devaluation of the monarchical principle was already present in the worldview of Russian society. However, given the number of relevant judicial and investigative episodes, as well as instances unrecorded by local gendarmerie authorities, a definitive conclusion cannot be drawn. The author posits that the assassination of Alexander II should be viewed not only as an indicator of rising anti-monarchical sentiments but also as a trigger for the emergence of this trend.

Key words:

assassination of a monarch; insult to Majesty; desacralization of the monarch's image; devaluation of the monarchical principle.

УДК 94(47).081+94(470.326)“1881”

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-9-480-499

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

Убийство Александра II в делах об оскорблении Величества (на материалах Тамбовской губернии)

© Самохин К. В., 2024

1. Введение = Introduction

Принцип монархизма являлся одной из важнейших мировоззренческих установок в ментальности русского народа на протяжении практически всей истории развития российской государственности в досоветский период. Изучение его сути и различных трансформаций является необходимым фундаментом для проведения исследований, касающихся формирования и понимания сущности русской идентичности. Недаром дореволюционные историки, как правило, всегда отдавали необходимую дань уважения этой тематике в своих работах, а некоторые из них делали ее краеугольным камнем при выявлении характерных черт верховной власти в России [Тихомиров, 1998]. Следует отметить, что патриархальная культура, на которой, в первую очередь, и базировалась монархическая идея в сознании всех слоев российского общества, и крестьянства в большей степени, не только не ушла в прошлое, но и продолжает играть важную роль в структуре нравственно-психологических настроений современных россиян [Лобачева, 1999, с. 4—5]. Естественно, что определение временных интервалов становления и девальвации монархических традиций в духовном мире российского этноса будет являться важнейшим аспектом при выявлении особенностей развития славянского варианта цивилизационного развития.

Нельзя не сказать и о методологической ценности обозначенной проблемы. В частности, ее решение послужит основой для определения старта модернизационных процессов в России, тем более что выявление начала перехода Российского государства от традиции к модерну является дискуссионным вопросом в отечественной исторической науке [Побережников, 2015, с. 12]. Дела об оскорблении Величества и являются тем необходимым источником, который поможет составить общую картину монархических представлений российского социума, а также оценить потенциал для ее трансформации и обозначить первичную временную отсечку этих модификаций.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Методологическим базисом работы является теория модернизации, которая для периода с 30—40-х годов XIX века до середины XX века рассматривается в своем классическом понимании как переход от аграрного общества к индустриальному. В духовном плане это выразилось в виде транзита от консервативных установок к инновационному стилю мышления, от коллективизма и патриархальности к индивидуализму, от патернализма к эгалитаризму в рамках семейных отношений, от религиозного сознания к рационализации мировоззрения и т. д. Одной из главных ментальных установок российского социума, характеризующих его как традиционное общество, является монархизм. Последний должен трансформироваться в процессе модернизации в осознание необходимости развития принципа широкого представительства при формировании органов государственной власти, что фактически означает смену консервативной идеологии либерализмом. Монархизм тесно связан с такими ментальными установками, как патернализм и патриархальность, потому вектор его изменений представляет собой важный процесс для перехода российского социума от традиционного общества к современному в духовном плане.

Основные положения нашего исследования будут опираться на архивные материалы фонда 4 «Правитель Тамбовского наместничества. Канцелярия Тамбовского губернатора» Государственного архива Тамбовской области. Для достижения поставленной цели были изучены дела об оскорблении Величества, относящиеся к периоду правления двух российских императоров — Александра II и Александра III. Необходимо отметить, что указанный вид дел относится к такому типу исторических источников, как делопроизводственная документация, а конкретно — судебно-следственная.

Применительно к обозначенному периоду данный тип источников, как правило, состоит из какого-либо инициативного документа (доноса, а чаще всего рапорта соответствующего должностного лица); материалов дознания (протоколы допросов, показания свидетелей и т. д., как правило, не прилагающиеся в виде отдельного документа (хотя в отдельных случаях имеются и такие), а передающиеся через отношение нижестоящего должностного лица, которому и было поручено осуществление необходимых следственных действий); ответа III отделения Его Императорского Величества канцелярии или Департамента полиции МВД Российской империи на отношение начальника Тамбовского ГЖУ и др. В большинстве случаев данные дела не доводились до суда, а решались в административном порядке. Учитывая период, с которым соотносятся проанализированные дела об оскорблении, и специфику характеризуемого исторического источника, необходимо отметить высокую степень его достоверности [Колотильщи-

кова, 2005, с. 143], поскольку у соответствующих должностных лиц, как правило, отсутствовала какая-либо мотивация для искажения информации в материалах дела (как это имело место, к примеру, в советский период), да и необходимость выявления истинных причин произнесения оскорблений в адрес императора и членов его семьи не подталкивала служащих местных подразделений жандармерии к сокрытию или сознательному изменению фактов, вскрывающихся при проведении следствия.

С учетом поставленной проблемы историографию вопроса логично разбить на два раздела, которые по некоторым аспектам будут пересекаться между собой. Первый блок охватывает работы, связанные с отношением российского общества или отдельных его сословий к убийству Александра II. В данном случае необходимо определить следующие позиции исследователей: от констатации потрясения этим событием до оценки царевубийства как фактора, который в явном виде демонстрирует существенное снижение авторитета императорской власти. В частности, первый тезис отмечен в работе В. Б. Безгина [Безгин, 2004]. Тамбовский историк исследует социальные установки российского крестьянина, который представляется при этом «убежденным монархистом». Такое жизненное кредо сельчан находило существенную подпитку, по мнению В. Б. Безгина, в патернализме, когда аграрное население ожидало решения всех своих проблем, и особенно вопроса о земле, именно от государя. С опорой на мирские приговоры тамбовский крестьяновед делает вывод о высоком уровне искренних верноподданических чувств у жителей сельской местности. При этом В. Б. Безгин привлекает материалы департамента полиции МВД начала 1880-х годов, в частности дела об оскорблениях. Он фиксирует факт, что различного рода антиимператорские высказывания звучали в питейных заведениях, а их авторы находились в состоянии алкогольного опьянения, потому делается вывод о том, что эти крамольные речи не пользовались широкой поддержкой у односельчан, поскольку последние и являлись источником информации о подобных случаях [Там же, с. 29—30].

Аналогичные взгляды высказывает А. В. Буганов, который в своей статье провел анализ отношения русского народа к пяти монархам, в том числе и к Александру II [Буганов, 2002]. Последний, по мнению известного российского историка, предстал в народном сознании как Царь-Освободитель, и во многом крестьянская реформа 1861 года формировала его положительный образ в общественном мировоззрении. Именно эта исходная установка подталкивает А. В. Буганова к заключению о том, что большинство крестьян разделяли официальную позицию относительно убийства Александра II: основной причиной его гибели стала месть дворян за то, что император собирался лишить их земли, которую предпола-

галось передать в собственность крестьянства. Историком отмечается наличие судебно-следственных дел, так или иначе объяснявших основные мотивы цареубийства, но их единичность становится залогом вывода, согласно которому сама идея цареубийства была чуждой для основной массы крестьян вплоть до 1917 года [Там же, с. 258—259].

Схожая позиция отмечается в диссертационном исследовании Г. В. Лобачевой, посвященном эволюции монархической идеи в мировосприятии россиян периода поздней империи [Лобачева, 1999]. С опорой на различные источники Г. В. Лобачева фиксирует широкую палитру эмоциональных реакций, вызванных убийством Александра II [Там же, с. 213—219]. При этом, учитывая данные материалов судебных расследований, она констатирует неоднозначность реакции российского общества на гибель императора, когда десятки крестьян выказали одобрение террористическому акту [Там же, с. 219—220], однако на общий вывод саратовского историка эта ремарка никак не влияет: «Убийство императора, расцененное большинством как покушение на государственные основы, породило всплеск монархических настроений, увеличило число сторонников самодержавия, укрепило позиции консервативного крыла общества» [Там же, с. 248].

В некотором роде особняком находится интерпретация цареубийства в труде О. А. Суховой. Пензенский исследователь достаточно подробно анализирует проблему определения начала процесса размывания «харизмы» царского образа. Основной тезис: события 1 марта 1881 года запустили двигатель «десакрализации» императорской власти. Главной в данном случае была установка: «царя можно убить». О. А. Сухова делает достаточно осторожный, но важный вывод для нашего исследования: «Как знать, может реализованная попытка цареубийства и стала тем краеугольным камнем, изъятие которого вывело систему представлений из состояния стабильности и равновесия» [Сухова, 2008, с. 188].

И, наконец, Н. А. Троицкий сформулировал достаточно радикальную позицию в своей рецензии на книгу А. Н. Боханова об Александре III [Троицкий, 2000]. В частности, саратовский исследователь опирается на материалы столичных и региональных архивов, заявляя о 4 тыс. рассмотренных Департаментом полиции дел об «оскорблении Величества» за период с 1 марта по 1 ноября 1881 года. Данная источниковая база позволила Н. А. Троицкому зафиксировать тот факт, что убийство Александра III «засвидетельствовало видимое уже тогда падение авторитета царской власти в глазах народа» [Там же, с. 172].

Как мы видим, представленные выше точки зрения достаточно полярны в отношении оценки цареубийства, произошедшего 1 марта 1881 года, хотя основываются примерно на одинаковом круге исторических источ-

ников, в том числе и на судебно-следственных делах об оскорблении императора и членов его семьи. Это подтверждает дискуссионность данной проблемы, что влечет за собой необходимость ее детальной проработки.

Другим историографическим блоком являются исследования, содержащие анализ дел об оскорблении Величества. Работы, посвященные данному аспекту в дореволюционный и советский периоды, отличались единичностью, что могло быть обусловлено и цензурой [Корнева, 2022, с. 390], и наличием соответствующего подхода, изначально предопределявшего выводы, которые было необходимо сделать по итогам исследования, потому мы в большей степени сосредоточимся на обзоре современных публикаций по соответствующей тематике.

Следует заметить, что в этих работах заостряется внимание на различных аспектах указанной следственно-судебной документации и применяется широкий спектр методологических приемов при обработке и анализе соответствующих архивных материалов. С учетом сказанного считаем необходимым разделить имеющиеся по обозначенной проблематике исторические труды на две группы по хронологическому принципу: 1) совпадающие с периодом правления Александра II и Александра III (вторая половина XIX века), так как их содержательное наполнение непосредственно так или иначе может касаться заявленной в нашей статье тематики; 2) посвященные началу XX века: несмотря на отсутствие непосредственной связи с событиями 1 марта 1881 года они основаны на научных методах, потенциально применимых и в нашем исследовании.

Первая группа включает в себя следующие исследовательские разработки. Е. А. Колотильщикова разделила имеющиеся в ее распоряжении архивные региональные (Тверская губерния) материалы по критерию «обоснованность мотивировки» оскорблений Величества и пришла к выводу, что некоторые из проанализированных случаев свидетельствуют о падении авторитета царской власти, но четкий временной лаг начала данного процесса она не определила [Колотильщикова, 2005, с. 144—146]. И. Н. Кузнецов провел аналогичное исследование на основе дел, содержащихся в Государственном архиве Вологодской области. Он выделил четыре категории случаев (неосознанные и умышленные высказывания, письма в адрес императора, порча изображений и портретов), однако конкретного критерия для своей классификации не обозначил [Кузнецов, 2013, с. 218]. По мнению вологодского исследователя, царевбийство еще не означало зарождения тенденции падения престижа власти императора, этот процесс он относит к началу XX века [Там же, с. 219—225].

Н. М. Корнева и А. А. Солнышкин заострили внимание на таком аспекте судебно-следственных дел об «оскорблении Его Величества дерзкими

словами», как тяжесть юридической ответственности [Корнева, 2022, с. 391—393]. Их работа в большей степени носит историко-правовой характер, потому интересующих нас процессов не затрагивает. Аналогичным является подход, ставший основой для статьи Т. Л. Соколовой, сузившей проблематику до рассмотрения только тех правонарушений, которые были совершены в состоянии алкогольного опьянения. Классификация, предложенная в данной работе, базируется на определении места, в котором прозвучало соответствующее высказывание: трактиры и казенные лавки; храм, суд и другие общественные места; волостное и сельское правления; дома крестьян [Соколова, 2023, с. 38—39]. Непосредственно события, связанные с убийством Александра II, в приведенных примерах не отражены.

Вторая группа ценна для нашего исследования преимущественно своей методологией. Общей характерной чертой этих работ, как правило, является фокусировка внимания на центральных событиях начала XX века (русско-японская война, Первая русская революция, Первая Мировая война), которые и подталкивали российским социум к изменению сложившихся монархических ментальных установок, однако эти трансформации касались преимущественно образа Николая II, в то время как сам принцип монархической основы государственного устройства еще не подвергался сомнению. Обозначим суть проведенной классификации дел об оскорблении Величества в каждой из работ.

Монография Б. И. Колоницкого содержит, на наш взгляд, наиболее обоснованный методологический принцип систематизации, ставший базовым для многих других работ. Он выделил «случайные», «карнавные», мотивированные религиозные, политические оскорбления, а также оскорбления, детерминированные различными конфликтами [Колоницкий, 2023, с. 46]. При этом санкт-петербургским историком учитываются такие факторы, как социальное происхождение обвиняемых, место совершения правонарушения, изменение количества дел в разные годы Первой Мировой войны, наличие в них специального оговора. Следует заметить, что Б. И. Колоницкий акцентирует внимание на невозможности оценки распространенности монархических / антимонархических настроений в структуре российской ментальности предреволюционных лет по делам об оскорблении Величества [Там же, с. 560], скорее последние, по его мнению, говорят о десакультурации образа Николая II, а не в целом о десакультурации монархии [Там же, с. 227].

В аналогичном методологическом поле, но на основе соответствующей региональной специфики работают Н. А. Коновалова и А. С. Слепцов. Для определения политических настроений населения они в большей степени сосредотачиваются на анализе политических оскорблений [Коновалова, 2023, с. 100].

лова, 2014, с. 44—46; Слепцов, 2024, с. 129—130]. В. Б. Безгин реализует свое исследование в двух направлениях: определение факторов, явившихся причинами «крамольных речей», и выявление обстоятельств, при которых они прозвучали [Безгин, 2016, с. 24—25]. А. А. Высоцкий и И. А. Негревский сконцентрировались на случаях, имевших место только в период русской революции 1905—1907 годов, а потому и их систематизация носит сугубо прагматичный характер: традиционные оскорбления, не связанные непосредственно с революционными событиями, и политические оскорбления, отразившие событийную основу Первой русской революции. Логично, что новгородские исследователи в большей степени отдали дань уважения второй категории, поскольку именно она, по их мнению, имеет соответствующий потенциал для раскрытия специфики политического сознания российского социума [Высоцкий, 2023, с. 102—105].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Общая характеристика дел об оскорблении Величества, возбужденных в 1881 году

Всего в фонде 4 Государственного архива Тамбовской области нами было обнаружено 84 дела об оскорблении императора и членов его семьи, возбужденных в периоды правления Александра II и Александра III: первое из них в хронологическом порядке датируется 1856 годом, последнее — 1886 годом. Раскладка эпизодов по годам представлена на диаграмме (рис. 1):

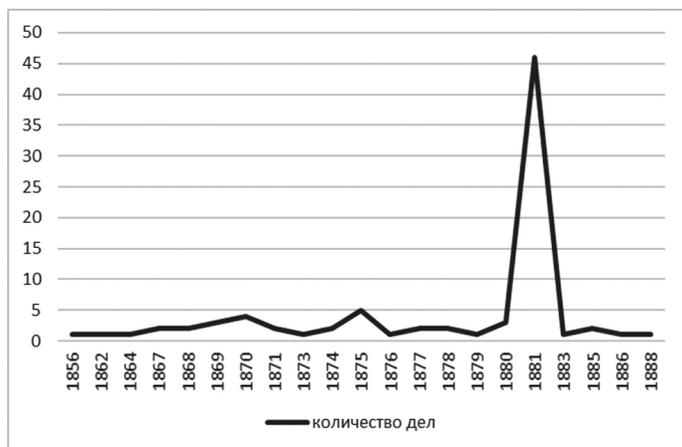

Рис. 1. Распределение дел об оскорблении императора и членов его семьи в Тамбовской губернии по годам

Несложно зафиксировать, что всплеск по возбуждению соответствующих дел приходится на 1881 год: в этом году было заведено чуть более 50 % от общего их числа за период с 1856 по 1886 годы. Следует отметить, что в 33-х из них совершенно определено в качестве предлога для произведения оскорбления можно установить именно убийство Александра II. Это составляет около 72 % от количества официально зафиксированных случаев крамольных высказываний против императора в 1881 году и около 39 % от числа всех отложившихся в фонде 4 соответствующих дел в указанный выше период.

Данная статистика свидетельствует о том, что именно гибель Александра II стала поводом для произведения оскорбления или для оговора обвиняемого в существенной части соответствующих дел, возбужденных в Тамбовской губернии во второй половине XIX века, а в 1881 году — для большинства. Первый вывод, который необходимо сделать: царубийство действительно стало знаковым событием для жителей Тамбовщины, а с учетом информации из сделанного нами историографического обзора можно экстраполировать данный тезис и на общероссийский масштаб. Необходимо заметить, что, на наш взгляд, количество дел, напрямую связанных с царубийством, в корреляции с представленными выше первыми статистическими выкладками, вполне репрезентативно для проведения качественного анализа. Далее, согласно заявленной тематике, мы будем рассматривать только те дела, в которых в явном виде имеется прямая отсылка к убийству Александра II. При этом следует учесть, что, хотя в оставшихся 13-ти делах, возбужденных в 1881 году, нет прямого указания на гибель императора, часть (если не большинство) из зафиксированных в них случаев, скорее всего, были так или иначе ею спровоцированы.

Исходя из информации, представленной в делах, невозможно сделать обоснованные выводы относительно социальной принадлежности обвиняемых. Чуть более половины дел содержат указание на сословие / слой: 5 мещан, 2 купца, 6 крестьян, 7 дворян / помещиков. С учетом того, что 5 эпизодов, в которых фигурируют представители высшего сословия, относятся к категории мнимых (см. ниже), то крестьяне в этом перечне преобладают, что вполне объяснимо аграрной специализацией Тамбовской губернии. В 15-ти делах можно определить профессиональную деятельность подсудимых: 1 столяр, 1 запасной унтер-офицер, 3 отставных солдата, 1 запасной рядовой, 1 отставной канонир, 1 отставной фельдфебель, 1 отставной титулярный советник, 1 титулярный советник, 1 врач, 1 гражданский генерал, 1 губернский секретарь, 1 учитель, 1 буфетчица-гувернантка. В данном ракурсе налицо тот факт, что большинство обвиняемых имеют отношение к военной службе, причем все 8 находились либо в отставке, либо в запасе.

Это говорит о том, что служба в армии могла существенно влиять на умонастроения населения и, в частности, на выработку определенных оценок, которые складывались в результате формирования более критического отношения к окружающей социальной действительности.

Если говорить о географии зафиксированных случаев, то она охватывает 11 из 12-ти уездов Тамбовской губернии: эта статистика не дает возможности сделать вывод о какой-либо региональной специфике, которая обуславливала бы произнесение оскорблений в адрес императора.

3.2. Мнимые случаи в делах об оскорблении Величества, возбужденных в 1881 году

Далее сконцентрируемся непосредственно на сути оскорблений для того, чтобы определить, действительно ли они свидетельствуют о начальной стадии девальвации монархических ценностей в ментальной системе российского социума или же имеют другую подоплеку. Естественно, это будет проще сделать при осуществлении определенной систематизации имеющихся в нашем распоряжении эпизодов.

В первую очередь, из сформированного массива дел следует исключить случаи, которые необходимо квалифицировать как мнимые. Данная квалификация позаимствована из работы М. Н. Корневой и А. А. Солнышкина и, на наш взгляд, является достаточно удачной. Мнимое оскорбление членов императорской фамилии, по мнению двух вышеназванных исследователей, чаще всего основано на оговорах, спровоцированных разнообразными конфликтными ситуациями [Корнева, 2022, с. 400—401]. Строго под описанный вид правонарушения подходит по тамбовским материалам только один эпизод. Землевладелец Шамов был обвинен в произнесении следующих слов в ответ на сообщение о кончине Александра II: «Грабились, грабились, да и до грабились, слава Богу, нужно Богу молиться, видно по делам убили» [ГАТО, ф. 4, оп. 1, д. 3127, л. 3 об. — 4]. Было проведено дознание, в ходе которого выяснилось, что донос был сделан старшиной Черняновской волости Захаровым, имевшим «злобу» к Шамову из-за тяжбы [Там же, д. 3127, л. 4 об.]. В 2-х случаях об имеющейся конфликтной ситуации материалы дела не содержат прямой информации, но по косвенным признакам ее можно предположить [Там же, дд. 3123, 3135]. Еще в 9-ти эпизодах по ходу и итогам дознания факты оскорбления Величества не подтвердились, поскольку в них имелось указание либо на неправильное понимание заявителями истинных намерений или ложное истолкование ими смысла слов подсудимых, либо разговоры велись в состоянии алкогольного опьянения, что не дало оснований для соответствующих должностных лиц к производству дела в необходимом судебном порядке [Там же, дд. 3104, 3115, 3119, 3124, 3130, 3133, 3138, 3139, 3140].

Анализируемые случаи можно охарактеризовать относительно высоким уровнем дилетантизма доносчиков, поскольку мотивировка оскорбления представлена в очень примитивном виде только в приведенном примере, потому степень правдоподобности этих оговоров невелика. Б. И. Колоницкий говорит об определенной ценности таких дел в силу того, что они могут свидетельствовать о распространяющихся в обществе слухах, а также мыслях и умонастроениях самих доносчиков [Колоницкий, 2023, с. 63—64], однако единственный вывод, который можно сделать, следующий: недовольство Александром II присутствовало у отдельных представителей российского социума, но осознанного характера оно не принимало.

3.3. Классификация и характеристика дел об оскорблении Величества 1881 года, в которых отсутствуют случаи оговора подследственных

Оставшийся 21 эпизод с учетом проблемы, поставленной в данной статье, логично разделить на три группы: 1) констатирующие только лишь процесс десакрализации образа конкретного монарха (причем это не всегда мог быть исключительно Александр II) — 6 случаев; 2) дающие возможность зафиксировать начало размывания монархизма через десакрализацию образа убитого императора — 4 эпизода — и 3) свидетельствующие о десакрализации монархии в целом — 11 случаев. При этом факт пьянства, на наш взгляд, не является показательным, несмотря на очень серьезное обоснование Б. И. Колоницкого для выделения группы «карнавальных» оскорблений [Там же, с. 47—48]. Во-первых, из 33-х эпизодов лишь в 8-ми говорится о состоянии алкогольного опьянения [ГАТО, ф. 4, оп. 1, дд. 2969, 3099, 3103, 3104, 3113, 3115, 3116, 3134] (еще в 2-х случаях такой факт точно установлен не был [Там же, дд. 3112, 3137]): при этом только 3 из них следует признать беспричинными [Там же, дд. 3099, 3134], в остальных 5-ти мотивировка такова, что вряд ли могла быть сформулирована внезапно, только на фоне повышенного эмоционального состояния [Там же, дд. 2969, 3103, 3104, 3113, 3116], а 1 случай является мнимым [Там же, д. 3115]. На наш взгляд, мысли, выраженные в этих пьяных речах, были выношены фигурантами дела в течение длительного времени. Во-вторых, сам же Б. И. Колоницкий призывает с осторожностью относиться к таким случаям, поскольку алкогольное опьянение являлось смягчающим обстоятельством при определении наказания, потому подследственные могли намеренно искажать реальное состояние своего организма или преувеличивать степень опьянения [Там же, с. 50—51].

Первая группа включает 4 оскорбления убитого царя [ГАТО, ф. 4, оп. 1, дд. 3114, 3128, 3134, 3137] и, соответственно, 2 — нового императора [Там же, дд. 3099, 3110]. Все эти эпизоды объединяются по принципу, предло-

женному Е. А. Колотильщиковой, — обоснованность мотивировки. Исходя из обозначенного критерия, оскорбления данного плана не содержат явно выраженной причины (эта группа различными исследователями определяется как немотивированные, случайные, неосознанные, неумышленные). В частности, отставной фельдфебель Кириллов, который управлял лесной частью в имении графини Шуваловой, прибыл в лес и начал ругать крестьян за некачественное выполнение порученной им работы. Для усиления эффекта сказал: «Это дурак царь вас набаловал». Когда же крестьяне обратили его внимание на тот факт, что бранить императора не следует, Кириллов обругал покойного царя матерными словами и добавил, что Александра II за то и убили, что он был дураком и потому баловал крестьян. При дознании фельдфебель от своих слов отказался, а крестьяне настаивали на том, что такой факт имел место [Там же, д. 3114, л. 1—2 об.]. Налицо конфликтная ситуация, которая могла предполагать случай намеренного оговора, однако материалы дела оснований для такого вывода не дают.

Досталось и преемнику убитого императора. В Шацком уезде, в трактире, крестьяне пили чай и водку, и, когда речь зашла об убийстве императора, священник Узоров резюмировал: «Мученическую смерть принял наш император Александр Николаевич. Царство ему небесное! Дай Бог благополучно царствовать новому Государю нашему Александру Александровичу!». На последние слова крестьянин Беглов ответил: «Эко новый царь, г...но собачье!», — за что был подвергнут аресту на 7 дней [Там же, д. 3099, л. 1 об. — 2, 5]. Сторож станции Хоботово Московско-Козловской железной дороги, унтер-офицер запаса Гурьев, узнав, кому следует присягать после кончины Александра II, нового императора охарактеризовал так: «Строг скотинка». Вины он своей не отрицал, но заявил, что слова сорвались у него с языка, так как слышал, что действующий царь строг [Там же, д. 3110, л. 6—6 об.].

Первые два примера из этой группы можно охарактеризовать как традиционное оскорбление: в них использованы бранные слова, которые часто употреблялись в повседневной жизни, потому к реальным личностным особенностям двух императоров не относились. Третий имеет достаточно определенную привязку к личности Александра III, однако новый император еще не успел себя проявить в политическом плане настолько, чтобы вызвать у последственного какое-либо осмысленное и основанное на реальных фактах недовольство (дело было возбуждено 12 марта 1881 года). Однако сам факт информированности населения из российской глубинки о личностных качествах только что вступившего на престол царя достаточно интересен.

Вторая группа, которую следует обозначить как причинно-обусловленные случаи, охватывает дела, по которым можно определить начало де-

вальзации монархизма на примере оскорблений убитого императора [Там же, дд. 3100, 3103, 3110, 3118]. В них причина оскорбления видна отчетливо. В частности, крестьянин Диковской пригородной слободы г. Липецка Куликов во время разговора о кончине Александра II заявил: «Так и следовало, что царя убили, он был злодей, я через него лишних 8 месяцев сидел в тюрьме». Во время дознания было установлено, что подсудимый находился в состоянии сильного алкогольного опьянения [Там же, д. 3103, л. 1—1 об.]. Очевидно, что подобные эпизоды основаны на отмеченном В. Б. Безгиным патернализме в системе ментальных установок русского крестьянства. На наш взгляд, по оскорблениям из таких дел уже можно говорить не только о десакрализации образа Александра II, но и о начале размывания монархического принципа в мировосприятии российского социума, поскольку сама личность убитого монарха в этом плане играет второстепенную роль, так как аналогичные ситуации, как можно предположить, возникли бы и при убийстве любого другого императора, но в соответствующий временной период. Однако, как мы видим, вера в «добраго царя-багюшку», который способен решить любые проблемы, по-прежнему присутствовала в системе социальных установок русского народа.

Еще один случай является особенным, поскольку фигурантом дела в нем выступил политический ссыльный. В частности, некто Зборовский во время разговора со своей кухаркой заявил, что Александра II давно следовало умерить [Там же, д. 3110, л. 4—4 об.]. По материалам дела невозможно установить причину недовольства покойным императором, однако само положение Зборовского говорит о том, что мотивы у подсудимого могли быть достаточно серьезными.

Далее перейдем к группе эпизодов, в которых имели место правонарушения, позволяющие, на наш взгляд, судить о размывании монархического принципа в мировосприятии российского общества [Там же, дд. 2969, 3106, 3109, 3112, 3113, 3115, 3124, 3129, 3133, 3136, 3273]. Подавляющая их часть основана на принципе обобщения, при котором в оскорблениях Александр II упоминался в негативном ключе вместе со своим преемником либо с другими правителями, что и позволяет, на наш взгляд, делать выводы о десакрализации монархии в целом, а не только образа убитого императора.

В данной группе также присутствуют оскорбления, причины которых по соответствующим высказываниям определить невозможно [Там же, дд. 3113, 3124]. Например, в поселке Грязи, в трактире, отставной рядовой Иванов, не вполне трезвый, запел песню. В ответ на сообщение о смерти Александра II он заявил: «Мы это и без вас знали, не радуйся, Россия, что царь будет новый, еще будет хуже, я их всех знаю» [Там же, д. 3113, л. 1].

Если в предыдущем случае оскорбление действительно имело место, то в других его наличие может быть подвергнуто сомнению, но мы их считаем достаточно показательными [Там же, дд. 3115, 3133]. В одном из дел в качестве обстоятельства совершения правонарушения указано состояние алкогольного опьянения подследственного. В частности, отставной солдат Суворинов пил в кабаке и во время разговора о смерти Александра II произнес фразу: «Покойный государь царствовал, но все-таки околел». По свидетельству крестьянина Анохина, данная фраза звучала иначе: «Царь околел, так ему и следовало, а новому Государю то же будет». Некто Суторин, присутствовавший при разговоре, этих слов не подтвердил, а Суворинов заявил, что был пьян и ничего не помнит [Там же, д. 3115, л. 3—4].

В трех делах в качестве причины для оскорбления отмечается нерешенность в стране аграрного вопроса [Там же, дд. 3106, 3109, 3112]. В частности, один из крестьян с. Больше-Избердей Липецкого уезда во время разговора с отставным рядовым Разводовым выразил недовольство, что тот, не имея права на душевой надел, получает землю от сельского общества, а податей за нее не платит. Еще один крестьянин Сомин в защиту Разводова сказал: «Одного царя застрелили, следует и другого разстрелять за то, что отставным служивым не дает земли» [Там же, д. 3106, л. 1—1 об.].

Об определенной степени девальвации монархизма в системе ментальных установок российского социума может свидетельствовать и желание отдельных его представителей ввести конституцию [Там же, дд. 2969, 3129]. Наличие такой тенденции подтверждается, к примеру, делом мещанина Арапова, лишённого дворянского достоинства по суду за мошенничество. Он в трактире г. Козлова в состоянии алкогольного опьянения смерть Александра II прокомментировал так: «Собаке собачья смерть, все это делается к тому, чтобы была Конституция и тогда всем будет лучше». Однако при дознании свидетель Перов данного факта не подтвердил, а подследственный квалифицировал донос как ложный, поскольку дерзких слов он об государе не говорил по причине глубокого уважения к императорской фамилии. Факт разговора о конституции Арапов не отрицал, сообщая, что таким образом выражал свое мнение [Там же, д. 2969, л. 1, 3—4 об.].

И, наконец, оставшиеся два случая, относящихся к рассматриваемой группе, необходимо причислить к категории экстраординарных, поскольку личность обвиняемых и причины оскорбительных слов не были типичными и выходили за рамки повседневной жизни в Тамбовской губернии. В одном из них в качестве фигуранта выступил домашний учитель Розов (по материалам дела, кирсановский дворянин, служивший у местного купца), который при дознании был заподозрен в принадлежности к революционной партии. Убийство Александра II вызвало у него следующую реакцию:

«Есть о чем горевать, это радость, слава Тебе Господи победили» [Там же, д. 3136, л. 1]. В другом деле в качестве обвиняемого был признан крестьянин Самылин, подлежащий высылке в Сибирь по обвинению в открытом грабеже с насилием. Арестанты спасской тюрьмы, в которой содержался подследственный, читали информацию о последних минутах жизни умершего императора, на что Самылин заметил: «Есть что читать, так его и следовало убить». Далее свою речь он продолжил матерными словами и добавил: «И теперешнего Государя следует убить, за то что устроил окружные суды и посадил туда лапотников присяжными, которые неправильно нас судят и ссылают в Сибирь» [Там же, д. 3273, л. 5об.]. Последний случай, как видим, имеет четкую привязку к политике Александра III, однако факт его объединения с предшественником говорит, на наш взгляд, о серьезном снижении авторитета императорской власти в глазах арестанта.

4. Заключение = Conclusions

Итак, из 33-х проанализированных случаев по 15-ти следует зафиксировать тенденцию к десакрализации монархии как таковой. Вроде бы факт очевиден. Однако такой вывод нуждается в определенных оговорках. Во-первых, с одной стороны, эти цифры могут быть признаны ничтожными при сопоставлении с общим количеством населения Тамбовской губернии в 1881 году, но, с другой стороны, логично предположить, что достаточно большая доля случаев по разным причинам не отражена в судебно-следственных делах: о них соответствующие должностные лица могли просто не получать никакой информации, а если ее и получали, то дело могли и не возбуждать, и т. д. Однако такие данные обнаружить не представляется возможным.

Во-вторых, с одной стороны, обстоятельства смерти Александра II по исследуемым делам являлись не столько фактором роста антимонархических настроений, сколько индикатором, который позволяет такие зафиксировать. Иными словами, девальвация монархизма началась ранее. Но с другой, царубийство, осуществленное радикальными элементами общества, впервые имело место в отечественной истории. В данном случае необходимо согласиться с рассуждениями исследователей, апеллирующих к установке «царя можно убить», а она, на наш взгляд, во многом способствовала десакрализации не только образа Александра II, но и всего принципа монархического устройства Российского государства. Эта установка вполне могла стать спусковым крючком для начала трансформации отдельных (разрозненных) фактов недовольства как политикой конкретного императора (будь то Александр II или Александр III), так и монархией в целом, в устойчивую тенденцию снижения авторитета императорской власти.

В контексте модернизационного подхода следует заметить, что о начале духовной модернизации российского социума с учетом ее многонаправленности, сформулированной нами выше, при таких оговорках говорить не стоит, поскольку она еще не приобрела вид оформленного тренда, а потому нуждалась в еще более серьезных факторах, которые смогли бы создать необходимые условия для изменения ментальных установок с учетом высокой степени инерционности общественного сознания.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. ГАТО — Государственный архив Тамбовской области. Ф. 4 (Правитель Тамбовского наместничества. Канцелярия Тамбовского губернатора). Оп. 1. Дд. 1472, 1624, 1769, 1928, 1985-1987, 2041, 2042, 2158, 2159, 2161-2163, 2233, 2234, 2382, 2383, 2502-2506, 2614, 2722, 2723, 2776, 2797, 2884, 2967-2969, 3099-3119, 3121-3140, 3163, 3273, 3412, 3657, 3658, 3752.

Литература

1. Безгин В. Б. За что и как крестьяне бранили царя (по материалам следственных дел конца XIX — начала XX века) / В. Б. Безгин // Исторические, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2016. — № 12 (74). — Ч. 2. — С. 24—27.

2. Безгин В. Б. «Царь-Батюшка» и «Народ-Богоносец» (крестьянский монархизм конца XIX — начала XX вв.) / В. Б. Безгин // Труды кафедры истории и философии Тамбовского государственного технического университета : сборник научных трудов. — Санкт-Петербург : Нестор, 2004. — Выпуск 2. — С. 29—34. — ISBN 5-303-00131-8.

3. Буганов А. В. Отношение к русским царям в народном сознании XIX — начала XX века / А. В. Буганов // Куда идет Россия? Формальные институты и реальные практики. Международный симпозиум 18—19 января 2002 г. — Москва : Московская высшая школа социальных и экономических наук, 2002. — С. 253—261. — ISBN 5-93725-013-3.

4. Высоцкий А. А. Дела об оскорблении членов императорской семьи в период Первой русской революции (на примере Новгородской губернии) / А. А. Высоцкий, И. А. Негревский // Ноябрьские чтения-2022 : Сборник статей по итогам XIII Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Санкт-Петербург, 18—20 ноября 2022 г. — Санкт-Петербург : Скифия-принт, 2023. — С. 101—106. — ISBN 978-5-00197-093-4.

5. Колоницкий Б. И. «Трагическая эротика» : Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны / Б. И. Колоницкий. — Москва : Новое литературное обозрение, 2023. — 664 с. — ISBN 978-5-4448-1939-5.

6. Колотильщикова Е. А. Дела об оскорблении Его императорского величества и лиц царствующего дома как источник изучения крестьянского сознания в конце XIX — начале XX в. (на материалах Тверской губернии) / Е. А. Колотильщикова // Историческая память и социальная стратификация. Социокультурный аспект : Материалы XVII Международ. науч. конф., Санкт-Петербург, 16—17 мая 2005 г.: в 2 ч. / Под ред. д-ра ист. наук, проф. С. Н. Полторака. — Санкт-Петербург : Нестор, 2005. — Ч. I. — С. 142—147.

7. Коновалова Н. А. Об изучении проблемы оскорбления крестьянами особы государя императора в начале XX века / Н. А. Коновалова // Вестник Омского университета. — 2014. — № 1. — С. 42—47.

8. Корнева М. Н. «Оскорбление Его Величества дерзкими словами» как государственное преступление (на материалах Санкт-Петербургских архивов) / М. Н. Корнева, А. А. Солнышкин // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 10. — С. 388—409. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-10-388-409.

9. Красильщиков В. А. Модернизация и Россия на пороге XXI века / В. А. Красильщиков // Вопросы философии. — 1993. — № 7. — С. 40—56.

10. Кузнецов И. Н. Образ царя в сознании крестьянства Вологодской губернии во второй половине XIX — нач. XX в. По следственным делам об оскорблении имени и титула императора и членов императорской семьи / И. Н. Кузнецов // Вестник архивиста. — 2013. — № 3. — С. 215—226.

11. Лобачева Г. В. Монархическая идея в массовом сознании россиян (1881—1917 годы) : диссертация ... доктора исторических наук : 07.00.02 / Г. В. Лобачева. — Саратов, 1999. — 436 с.

12. Побережников И. В. Человеческий потенциал российской имперской модернизации / И. В. Побережников // Человек в условиях модернизации XIX—XX вв. : сб. науч. ст. / ФГБУН Институт истории и археологии УрО РАН / Отв. редактор В. В. Алексеев. — Екатеринбург : УрО РАН, 2015. — С. 11—16. — ISBN 978-5-7691-2425-9.

13. Слепцов А. С. Образ монаршей власти: кого и почему оскорбляли в области Войска Донского в начале XX века / А. С. Слепцов // Клио. — 2024. — № 5 (209). — С. 126—132. — DOI: 10.24412/2070-9773-2024-5-126-132.

14. Соколова Т. Л. Оскорбление императора, совершенное в состоянии алкогольного опьянения : особенности преступления и наказания во второй половине XIX века (на материалах Вологодской губернии) / Т. Л. Соколова // Современная науки : актуальные проблемы теории и практики. Серия : Гуманитарные науки. — 2023. — № 12—2. — С. 36—40. — DOI: 10.37882/2223-2982.2023.12-2.32.

15. Сухова О. А. Десять мифов крестьянского сознания : Очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX — начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья / О. А. Сухова. — Москва : РОССПЭН, 2008. — 679 с. — ISBN 978-5-8243-1006-1.

16. Тихомиров Л. А. Монархическая государственность / Л. А. Тихомиров. — Москва : ГУП «Облиздат», ТОО «Алир», 1998. — 672 с. — ISBN 5-89653-012-9.

17. Троицкий Н. А. Н. Боханов. Император Александр III / Н. А. Троицкий // Вопросы истории. — 2000. — № 8. — С. 171—174.

*Статья поступила в редакцию 24.08.2024,
одобрена после рецензирования 08.11.2024,
подготовлена к публикации 20.11.2024.*

Material resources

GATO — *The State Archive of the Tambov region. F. 4 (Ruler of the Tambov viceroyalty. Office of the Tambov Governor).* (In Russ.).

References

Berezhnikov, I. V. (2015). The human potential of the Russian imperial modernization. In: *Man in the conditions of modernization of the XIX—XX centuries: collection of sci-*

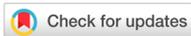

- entific articles*. Yekaterinburg: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. 11—16. ISBN 978-5-7691-2425-9. (In Russ.).
- Bezgin, V. B. (2004). “Tsar-Father” and “God-bearing People” (peasant monarchism of the late XIX — early XX centuries). In: *Proceedings of the Department of History and Philosophy of Tambov State Technical University: collection of scientific papers*, 2. St. Petersburg: Nestor. 29—34. ISBN 5-303-00131-8. (In Russ.).
- Bezgin, V. B. (2016). For what and how the peasants scolded the tsar (based on the materials of investigative cases of the late XIX — early XX century). *Historical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice*, 12 (74) / 2: 24—27. (In Russ.).
- Buganov, A. V. (2002). Attitude to Russian tsars in the popular consciousness of the XIX — early XX century. In: *Where is Russia going? Formal institutions and real practices. International Symposium January 18—19, 2002*. Moscow: Moscow Higher School of Social and Economic Sciences. 253—261. ISBN 5-93725-013-3. (In Russ.).
- Kolonitsky, B. I. (2023). “*Tragic eroticism*”: *Images of the Imperial family during the First World War*. Moscow: New Literary Review. 664 p. ISBN 978-5-4448-1939-5. (In Russ.).
- Kolotilshchikova, E. A. (2005). Cases of insulting His Imperial Majesty and persons of the reigning house as a source of studying peasant consciousness in the late XIX — early XX centuries. (based on the materials of the Tver province). In: *Historical memory and social stratification. Sociocultural aspect: Materials of the XVII International Scientific Conference, St. Petersburg, May 16—17, 2005: at 2 p.m., 1*. St. Petersburg: Nestor. 142—147. (In Russ.).
- Konovalova, N. A. (2014). On the study of the problem of peasants insulting the person of the Emperor at the beginning of the XX century. *Bulletin of Omsk University*, 1: 42—47. (In Russ.).
- Korneva, N. M., Solnyshkin, A. A. (2022). “Insulting His Majesty with Insolent Words” as State Crime (St. Petersburg Archives). *Nauchnyi dialog*, 11 (10): 388—409. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-10-388-409> (In Russ.).
- Krasilshchikov, V. A. (1993). Modernization and Russia on the threshold of the XXI century. *Questions of philosophy*, 7: 40—56. (In Russ.).
- Kuznetsov, I. N. (2013). The image of the tsar in the consciousness of the peasantry of the Vologda province in the second half of the XIX — beginning. XX century. On investigative cases of insulting the name and title of the Emperor and members of the imperial family. *Bulletin of the archivist*, 3: 215—226. (In Russ.).
- Lobacheva, G. V. (1999). *The monarchical idea in the mass consciousness of Russians (1881—1917)*. Doct. Diss. Saratov. 436 p. (In Russ.).
- Sleptsov, A. S. (2024). The image of monarchical power: who and why were insulted in the Donskoy Army area at the beginning of the XX century. *Klio*, 5 (209): 126—132. DOI: 10.24412/2070-9773-2024-5-126-132. (In Russ.).
- Sokolova, T. L. (2023). Insult to the emperor committed while intoxicated: features of crime and punishment in the second half of the XIX century (based on materials of the Vologda province). *Modern science: actual problems of theory and practice. Series: Humanities*, 12—2: 36—40. DOI: 10.37882/2223-2982.2023.12-2.32. (In Russ.).
- Sukhova, O. A. (2008). *Ten myths of peasant consciousness: Essays on the history of social psychology and mentality of the Russian peasantry (late XIX — early XX century)*

- based on the materials of the Middle Volga region.* Moscow: ROSSPEN. 679 p. ISBN 978-5-8243-1006-1. (In Russ.).
- Tikhomirov, L. A. (1998). *Monarchical statehood.* Moscow: SUE Oblizdat, Alir LLP. 672 p. ISBN 5-89653-012-9. (In Russ.).
- Troitskiy, N. A. (2000). A. N. Bokhanov. Emperor Alexander III. *Questions of history*, 8: 171—174. (In Russ.).
- Vysotsky, A. A., Negrevsky, I. A. (2023). Cases of insulting members of the imperial family during the First Russian Revolution (on the example of the Novgorod province). In: *November readings-2022: A collection of articles on the results of the XIII All-Russian Conference of students, postgraduates and young scientists. St. Petersburg, November 18—20, 2022.* St. Petersburg: Scythia-print. 101—106. ISBN 978-5-00197-093-4. (In Russ.).

*The article was submitted 24.08.2024;
approved after reviewing 08.11.2024;
accepted for publication 20.11.2024.*

Информация для цитирования:

Сидоренко Л. В. Георг III против Американской революции : лидер контрреволюции или защитник британской конституции? / Л. В. Сидоренко // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 9. — С. 500—519. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-9-500-519.

Sidorenko, L. V. (2024). George III and American Revolution: Counter-Revolutionary Leader or Defender of British Constitution? *Nauchnyi dialog*, 13 (9): 500-519. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-9-500-519. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

**Георг III против
Американской революции:
лидер контрреволюции
или защитник британской
конституции?**

Сидоренко Леонид Владимирович
orcid.org/0000-0001-8199-4219
кандидат исторических наук,
кафедра истории Нового
и новейшего времени
slv83@yandex.ru l.sidorenko@spbu.ru

Санкт-Петербургский
государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)

**George III and American
Revolution:
Counter-Revolutionary
Leader or Defender
of British Constitution?**

Leonid V. Sidorenko
orcid.org/0000-0001-8199-4219
PhD of History,
Department of History of Modern
and Contemporary Times
slv83@yandex.ru l.sidorenko@spbu.ru

St. Petersburg State University
(St. Petersburg, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Целью статьи является всесторонний анализ роли британского монарха Георга III в событиях Американской революции. Новизна исследования заключается в том, что действия английского короля еще не получили обстоятельного освещения с позиций оценки контрреволюционного ответа метрополии на вызов колонистов и объективных факторов, влиявших на принятие им важнейших решений в ходе войны за независимость США. Автор рассматривает особенности политического взросления короля, концепцию виконта Болингброка о короле-патриоте, эволюцию восприятия института монархии и образа Георга III в колониальном обществе. Проанализированы мотивы выбора сувереном конкретных шагов в ходе американского кризиса исходя из логики внутренней политики и особенностей системы имперского управления. Статья отходит от традиционного образа британского монарха как тирана, закрепленного Декларацией независимости, которая анализируется с точки зрения наличия в ней обвинений короля в тирании. В статье сделан вывод, что в вопросах имперских взаимоотношений Георг III ориентировался на интересы парламента и лишь после начала войны в силу своего характера и чувства долга стал одним из самых убежденных и упрямых сторонников подавления колониального мятежа силой.

Ключевые слова:

Американская революция; Георг III; контрреволюция; Декларация независимости; имперская политика; образ монарха.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article aims to provide a comprehensive analysis of the role of British monarch George III in the events surrounding the American Revolution. The novelty of this research lies in its exploration of the English king's actions, which have yet to be thoroughly examined in terms of assessing the counter-revolutionary response of the metropolis to the challenges posed by the colonists, as well as the objective factors influencing his critical decisions during the American War of Independence. The author investigates the nuances of the king's political maturation, the concept of the patriot king as articulated by Viscount Bolingbroke, and the evolution of perceptions regarding the monarchy and George III within colonial society. The motivations behind the sovereign's specific choices during the American crisis are analyzed through the lens of domestic politics and the characteristics of imperial governance. This article departs from the traditional portrayal of the British monarch as a tyrant, as established by the Declaration of Independence, which is examined in light of its allegations against the king's tyranny. The conclusion drawn is that, in matters of imperial relations, George III was primarily guided by parliamentary interests and only after the outbreak of war, due to his character and sense of duty, did he become one of the most steadfast and obstinate proponents of suppressing the colonial rebellion through force.

Key words:

American Revolution; George III; counter-revolution; Declaration of Independence; imperial policy; image of the monarch.

УДК 94(73)“1776”+ 94(73).017

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-9-500-519

Научная специальность ВАК

5.6.2. Всеобщая история

Георг III против Американской революции: лидер контрреволюции или защитник британской конституции?

© Сидоренко Л. В., 2024

1. Введение = Introduction

После обретения независимости североамериканскими колониями Англии их бывший суверен Георг III традиционно изображался в Соединенных Штатах как правитель, намеревавшийся сокрушить политические устремления своих заокеанских подданных, причем главным обоснованием этого тезиса выступала Декларация Независимости [Thomas, 1985, p. 16]. Если ее первая часть с большим красноречием излагала право народа на революцию, доктрину политического равенства и прав человека, что стало основополагающими принципами в США, то ее вторая и более длинная часть состояла из двадцати восьми обвинений против британского монарха [Fisher, 1907, p. 257]. Они оказались основой Декларации, в которой колонисты резко осудили своего короля, виновного, по их мнению, в плачевном положении дел в колониях, лишении их традиционных британских свобод. Георг III был заклеен как монарх-злодей: американцы огласили преступления, в которых он был виновен, посвятив им почти две трети Декларации [Duff, 1949, p. 383], ставшей на многие десятилетия главным обвинительным мифом в американской истории.

Георгу III также не повезло и в контексте оценки состояния его здоровья, в результате чего в народном сознании он запомнился как безумный монарх. Некоторые современники и историки предполагали наличие очевидной связи между сумасшествием Георга III и американской независимостью, утверждая, что безумие короля привело его к плохому руководству британской политикой во время колониального кризиса, способствовав потере имперских владений в Америке. Для исследователей Георг III представлялся невротиком, всю жизнь борющимся за то, чтобы избежать полного сумасшествия [Detweiler, 1972, p. 37]. Поэтому обвинения в Декларации независимости выглядели уместными.

Но годы спустя после событий Американской революции один из отцов-основателей США Джон Адамс, комментируя направленность Декларации

независимости против Георга III, отмечал, что в этом документе содержались «выражения, которые я бы не вставил, если бы составлял его, особенно те, которые называли короля тираном». Адамс также признался, что лично он «никогда не считал Георга тираном» или виновным в «жестоких» деяниях, совершенных от имени короля [O'Shaughnessy, 2004, p. 1]. Так кем же на самом деле был британский монарх, оставивший в эпоху Американской революции столь противоречивые мнения по ту сторону Атлантики? Какую роль он сыграл в событиях колониального кризиса и почему они были интерпретированы в столь негативном для его восприятия стиле?

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Цели статьи достигаются привлечением традиционных методов исторических исследований, важнейшим из которых является принцип историзма, применимый ко всей работе, а также необходимый для понимания действий Георга III историко-биографический метод. Также использовались историко-типологический (для понимания моделей политической мотивации действий колонистов и властей в метрополии) и сравнительно-исторический (для анализа различного восприятия действий Георга III в американском обществе и среди британских политиков и обывателей) методы. Помимо этого, в статье применялись нарративный подход для создания логичной структуры повествования и ряд методик для работы с текстовыми источниками, нужными для объективного понимания описываемых в них явлений и событий. Методологической особенностью данного исследования также можно считать критический подход к вигской историографии и Декларации независимости, рассматриваемых автором как основа исторической и политической мифологии.

Для решения задач статьи особое внимание было уделено исследованию ряда зарубежных историков Американской революции (Ф. Байер, Дж. Гаттридж, Й. Грубер, Ч. Карлтон, С. Лукас) и личности Георга III (Д. Армитейдж, Дж. Баллион, Р. Детвейлер, Н. Йорк, В. Кривстон, Дж. Кросби, У. Лиддл, Э. Маркс, Л. Мелвилл, Э. О'Шэгнесси, П. Томас, С. Фишер). Ценность упомянутых выше изданий неравнозначна: в то время как часть из них представляли интерес в концептуальном плане (здесь особо следует отметить книгу и статью Э. О'Шэгнесси о логике действий монархической власти в период войны за независимость, статьи Дж. Баллиона о роли Георга III в системе имперского управления, статьи Д. Армитейджа, У. Лиддла о концепции короля-патриота и политике суверена, статью Байера о конституционных дискуссиях по найму монархом немецких наемников и статью Ч. Карлтона о значении британской монархии в разных революциях), остальные имели ценность благодаря значимому

фактологическому наполнению по важным аспектам Американской революции (статья И. Грубер о британских ястребах в войне с колониями, статья Дж. Гаттриджа о вигской оппозиции войне и статья С. Лукаса об истоках Декларации независимости) и по Георгу III (статья Р. Детвейлера о психотипе короля, статья В. Кревистона об опасности Квебекского акта для монарха, статья Н. Йорка о критиках суверена в метрополии, статья П. Томаса об основных вехах участия Георга III в американском кризисе и статья С. Фишера об обвинениях в Декларации независимости). Также автором была использована литература по проблемам истории Великобритании в период Войны за независимость (статья Дж. Ганна о партийном развитии Великобритании по итогам войны с колониями, классическая монография Й. Кристи об эпохе Георга III, книга Л. Кроненбергера о власти и обществе в XVIII веке и устаревшая, но для своего времени знаковая монография Дж. Уинстенли о проблемах взаимоотношений министров и оппозиции при Георге III), и привлечен ряд источников (переписка самого Георга III с его первым министром лордом Нортон, автобиография одного из его министров — наблюдательного и информированного герцога Графтона, дебаты парламента).

Отечественная историография была проработана, но широко в статье не учитывалась. Это связано с тем, что, хотя историей отделения колоний Англии в Северной Америке занимались многие видные американисты, подавляющая часть исследований данной темы пришлась на советский период, когда в исторической науке доминировал марксистский подход, в рамках которого анализировались прежде всего социально-экономические условия образования США, а также значение просвещенческих идеалов в идейно-политическом измерении Американской революции. Личностный аспект во многом игнорировался либо определялся американоцентричной парадигмой, из-за чего появилось несколько биографий Дж. Вашингтона (например, книги И. С. Юзефовича [Юзефович, 1941] и Н. Н. Яковлева [Яковлев, 1973]), но при этом даже в самых фундаментальных работах по войне за независимость США (монографиях А. А. Фурсенко [Фурсенко, 1960; Фурсенко, 1978] и коллективной «Истории США» [История США, 1983]) король Англии Георг III почти не упоминается или скрывается за понятием обезличенной метрополии. Пожалуй, наибольшее внимание к британскому суверену заметно в монографии В. Н. Плешкова [Плешков, 1984] о внешней политике молодой американской республики, но здесь он был показан сквозь призму борьбы британских элит во время заключения мира, после завершения войны. И даже в наше время в книгах патриарха отечественной американистики В. В. Согрина (например [Согрин, 2001]) Георг III остается в тени американских интересов и цивилиза-

ционного анализа истории США. По этой причине отечественная историография послужила хорошим основанием для понимания последовательности событий и логики Американской революции, но слабо пригодна для реализации целей данной статьи.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Политическое взросление Георга III

Хотя Георг III в ходе Американского кризиса принимал решения в рамках обстоятельств, сложившихся к середине 1760-х годов, его воспитание оказало серьезное воздействие на специфику его действий в течение всего правления. Георг Уильям Фредерик родился 24 мая 1738 года ст. ст. (4 июня н. ст.) в семье принца Уэльского Фредерика и его супруги Августы, бывших в оппозиции правившему Георгу II. Эта традиционная для Ганноверской династии борьба поколений оказала ощутимое влияние на политические взгляды юного Георга, ставшего критически воспринимать британские реалии. А смерть отца, когда Георгу не исполнилось и 13 лет, вместе с его от природы меланхоличной натурой сделали мальчика зависимым от матери и воспитателей.

Среди последних ключевой фигурой стал шотландец по происхождению лорд Бьют, который при всех своих положительных личных качествах был неспособен к пониманию текущей ситуации в королевстве, что вело к передаче им наследнику поверхностных знаний об актуальной политике. Даже отец мальчика критически оценивал способности Бьюта [Kronenberger, 1961, p. 191]. Поэтому, занимаясь образованием Георга, сам Бьют, не имея опыта политика, смог передать принцу лишь общие теории управления и даже предрассудки, которые трансформировались у того в убеждение о том, что правление добродетели должно заменить правление порока и коррупции [Christie, 1982, p. 58]. В дальнейшем это способствовало привычному для будущего монарха черно-белому видению окружающего мира, в котором ему требовалось занять одну, обязательно правильную сторону. В течение всего своего правления Георг III считал любые уступки слабостью, достойной презрения. Чем больше была опасность, тем более решительным он становился для ее преодоления, но эта решимость мало отличалась от банального упрямства [Winstanley, 1912, p. 320]. В будущем именно упрямство часто мотивировало Георга III поступать так, как он делал, не считаясь с политическими и иными обстоятельствами.

При этом Бьют не был оригинален в своих взглядах на идеал управления государством: огромную роль в формировании переданных им наследнику установок сыграло творчество Генри Сент-Джона, виконта Болингброка, а именно — концепция короля-патриота. В ней виконт предложил продуман-

ную альтернативу алгоритмам правления победившего вигизма, описав политику, при реализации которой фракции и конфликты должны исчезнуть перед величием короля-патриота [Gunn, 1974, p. 301—302]. Изначально труд виконта предназначался принцу Уэльскому Фредерику, который и должен был превратиться в неподкупного патриота, который вернет конституцию к ее оригинальной чистоте [Armitage, 1997, p. 401—402]. Лишь потом, после смерти отца, Георг воспринял эти идеи как свои собственные.

Важно отметить, что за предлагаемой виконтом идеей короля-отца стояла патриархальная теория управления, в рамках которой проводится аналогия между государством и семьей, а король выступает отцом. Эта теория имела прямые отсылки к знаменитой «Патриархии» Филмера XVII века [Carver, 1977, p. 334], что отсылало идеи Болингброка к старым патерналистским взглядам на то, что лучше подданным с точки зрения монарха. Впрочем, согласно взглядам виконта, подлинным королем-патриотом мог считаться лишь наследственный конституционный монарх, ограниченный в своей прерогативе для защиты свобод подданных. Король-патриот был нужен стране для их благополучия, что и определяло его патриотизм [Болингброк, 1978, с. 200—216]. Интересно, что книги Болингброка были достаточно популярны у колонистов, чье общество в целом знало о его идеях. Но следует помнить, что для американцев королем-патриотом выступал прежде всего Георг II [Liddle, 1979, p. 956—957].

3.2. Георг III и американские колонисты в начале конфликта

Несмотря на благоприятные обстоятельства начала правления Георга III, уже в 1760-х годах он столкнулся с рядом вызовов своей политике. Если внутри страны основная угроза исходила от вигской оппозиции, то извне вызов был брошен американским вопросом. Но во взаимоотношениях между колониями и метрополией позиция Георга III как раз и основывалась на идеях Болингброка о зависимости колониальных подданных от метрополии как детей от родителей, что подразумевало подчинение американцев центру. В свою очередь колонисты еще с Георга II в массе своей видели монархию естественным институтом в обществе, относясь к ней с уважением и приверженностью. Для них монарх являлся главным символом власти как таковой, ключевым лицом в империи и фокусом патриотизма [Liddle, 1970, p. 2, 15]. Поэтому колонисты приветствовали и Георга III, имея все основания полагать, что он будет хорошим королем.

По этой причине принятие Акта о гербовом сборе в 1765 году (вызвавшего первый серьезный кризис во взаимоотношениях колоний и метрополии) в целом не подорвало доверия американцев к своему суверену, что объяснялось доминировавшей идеей антиконституционного заговора, в котором король сам стал его жертвой. В американской прессе 1767—1773 го-

дов стало типичным изображать хорошего суверена в окружении плохих министров, неправильно информировавших своего монарха [Liddle, 1979, p. 958—960]. Однако принятие британским парламентом в 1766 году Декларативного акта, который провозглашал право метрополии облагать колонии налогами, введение в 1767 году косвенного налогообложения по Актам Тауншенда, а также пренебрежение американскими петициями, роспуск их собраний, квартирование британских войск все более и более противоречили представлениям колонистов о роли короля, которая виделась в защите сувереном конституционных прав подданных от узурпации парламентом в соответствии с доктриной о сбалансированном правлении. В Америке ожидали, что Георг III не допустит произвола парламента, но после принятия Актов Тауншенда там пришли к выводу, что монарх лишь нарушает равновесие, поддерживая деспотизм министров [Duff, 1949, p. 383, 385].

Однако Георг III оказался во многом непричастным к спровоцировавшей Американскую революцию политике. Когда он взошел на престол, в 1760-х годах он был в первую очередь занят решением проблемы формирования стабильного кабинета, выбор министров которого ограничивался теми, кто мог получить поддержку в парламенте. В силу этого король руководствовался внутренними, а не имперскими соображениями в политике, за колониальную часть которой отвечали министры. Георг III даже сдерживал предложенные ими некоторые меры. Так, одно из его первых заявлений по Америке содержало рекомендацию о необходимости получения колониями компенсации за их расходы в войнах с французами и индейцами [O'Shaughnessy, 2013, p. 21]. А в конце 1760-х годов Георг III отказался реализовывать предложенную одним из его министров идею об ограничении самоуправления в Массачусетсе с одновременным усилением роли метрополии в деятельности местного избирательного органа — той меры, которая потом была реализована в 1774 году [Thomas, 1985, p. 26].

Поэтому на раннем этапе кризиса колонисты в целом не отказывались от демонстрации лояльности Георгу III. Неудивительно, что в апреле 1770 года в Нью-Йорке была торжественно открыта изваянная скульптором Джозефом Уилтоном статуя короля. Решение о ее установке было принято Генеральной ассамблеей колонии еще в 1766 году при праздновании отмены гербового сбора. Сперва планировалось увековечить Уильяма Питта-старшего, но в итоге сочли, что устанавливать статую лишь министру без почтения к его монарху неверно, что привело в скором времени к установке двух памятников [Marks, 1981, p. 61].

Однако переход событий в Америке в фазу силового противостояния стал решительным вызовом традиционному видению колонистами образа монарха. Триггером финального обострения американского кризиса, пере-

росшего в войну колоний с метрополией, стало «Бостонское чаепитие» в декабре 1773 года. Реакция Георга III на него диктовалась скорее не яростью, а сожалением, что видно в его письме к лорду Дартмуту, государственному секретарю по делам Америки: «Мне очень обидно, что подстрекательство плохих людей снова побудило жителей Бостона пойти на такие неоправданные шаги». Монарх явно не понял важности случившегося и широты движения сопротивления, надеясь на быстрое восстановление доверия к метрополии [Thomas, 1985, p. 28].

Но уничтожение чая Ост-Индской компании являлось угрозой принципу колониального подчинения Америки британскому парламенту. А налог на чай виделся единственным реальным подтверждением этой связи: отвергнув его, колонисты бросили конституционный вызов. Для короля стало очевидным, что кризис был вызван чрезмерной снисходительностью к колониям, например, он оценивал отмену гербового сбора как потакание им. Полагая, что уступки могут быть истолкованы как слабость и только подтолкнут американцев к новым требованиям, монарх выступил за более жесткие меры в соответствии с понравившейся ему мыслью генерала Гейджа: «...они являются львами, пока мы остаемся ягнятами, но, если мы предпримем решительные шаги, они, несомненно, подчинятся» [Correspondence with Lord North, 1867a, p. 164].

В борьбе с колонистами Георг III усмотрел защиту порядка и конституции. Он поверил, что противостояние в Америке шло за власть парламента, которую должны были признать колонии для сохранения порядка. А по мере того, как революционное движение становилось все более республиканским, король все активнее стремился подавить восстание и защитить достоинство монархии, которая для Георга III выступала как неотъемлемая часть системы баланса управления [O'Shaughnessy, 2013, p. 22]. Поэтому Георг III решительно поддержал принятые парламентом «нестерпимые акты» 1774 года, направленные на наказание Массачусетса за «Бостонское чаепитие».

Отныне монарх стал активно проводить политику принуждения. Этому также способствовало решение им в начале 1770-х годов проблемы формирования стабильного правительства, состоявшего теперь из министров, которые прочно стояли у власти и поддерживали взгляды монарха, что только укрепило Георга III в его убеждении, что имперский кризис был вызван слишком большим снисхождением к колониям [O'Shaughnessy, 2004, p. 9]. Для короля стало делом принципа вернуть контроль над американцами: «...колонии должны прийти либо к подчинению, либо к триумфу. Я не желаю применять жестокие меры, но мы не должны уступать; благодаря хладнокровию и беспрестанному выполнению мер, которые были приняты, я верю, что они покорятся...» [Correspondence with Lord North,

1867а, р. 202]. Поэтому Георг III рассматривал чайный сбор как важнейший символ суверенитета парламента.

«Нестерпимые акты» были очень болезненно восприняты в американском обществе, но особую неприязнь заслужил Квебекский акт, в принятии которого роль монарха была более очевидной, из-за чего впервые всеобщая критика обрушилась непосредственно на короля. Для американских патриотов этот закон стал доказательством стремления Георга III расширить личную власть за счет подданных. Еще в ходе обсуждения законопроекта его противники видели в нем стремление к тирании из-за передачи королю обширных законодательных полномочий [Creviston, 2011, р. 464, 467]. Будущее же Квебека виделось как будущее всей Америки, поэтому подписанные монархом «нестерпимые акты» привели к кризису лояльности колонистов к своему суверену.

Со своей стороны Георг III был приятно удивлен отсутствием в палатах парламента оппозиции «нестерпимым актам», что лишь убеждало его в правоте проводимой политики. Он также оказался доволен результатами всеобщих выборов 1774 года, которые увеличили правительственное большинство в палате общин, закрепив проводимую кабинетом линию по отношению к американцам. Уже в сентябре 1774 года король пришел к выводу, что жребий брошен, а колонии должны либо подчиниться, либо одержать победу. [O'Shaughnessy, 2013, р. 23]. Поэтому когда Георг III получил известие о первом сражении 19 апреля 1775 года, он воспринял его почти с чувством облегчения, полагая, что время споров и колебаний прошло. Король, как и большинство людей в метрополии, полагал, что в этом конфликте победа неизбежна. Огромную роль сыграл и характер суверена: его решимость не сдаваться и неспособность видеть точку зрения оппонентов [Thomas, 1985, р. 30]. Георг III твердо решил идти жестким курсом, приняв участие в составлении прокламации, объявлявшей американцев мятежниками. Он писал лорду Норту: «С момента, когда она впервые была предложена, я отнесся к ней как самой необходимой, во-первых, потому что она приведет людей к бдительности, а также потому, что покажет решение энергично проводить каждую меру, которая заставит этих заблуждающихся людей подчиниться» [Correspondence with Lord North, 1867а, р. 263—264].

3.3. Георг III: от начала войны до Декларации независимости

Королевская прокламация об объявлении колоний в состоянии мятежа от 23 августа 1775 года и активные меры монарха по найму немецких солдат резко снизили его популярность в колониальном обществе. Последний шаг, хотя и соответствовал политике страны в XVIII веке, был воспринят американцами как окончательный акт агрессии против них и как неопровержимый признак того, что Георг III больше не считает их своими под-

данными. Дискуссии колонистов о немецких наемниках отражала и более общий сдвиг в сознании американцев: если раньше они были склонны винить в несправедливой политике министров и парламент, с 1775 года они начали видеть причину своих проблем уже в короле. И то, что эта мера требовала одобрения парламента, не имело значения: наем иностранцев как ответ на действия колонистов показывал монарха как тирана, решившего выиграть конфликт любой ценой [Baer, 2015, p. 115, 137].

Однако Георгу III, свято верившему в свою миссию защиты конституции, казалась крамольной сама возможность противодействия его мерам: «Если в следующую сессию оппозиция будет сильной, это очень удивит меня, так как я веду битву за законодательство, и поэтому имею право ожидать отовсюду всеобщей поддержки. Но если возникнут трудности, они не испугают меня, так как я знаю справедливость моих намерений, и поэтому готов противостоять любой атаке, какой бы опасной она ни была, с твердостью, основанной на честности и преданности конституции» [Correspondence with Lord North, 1867a, p. 267—268]. В тронной речи на открытии парламента 26 октября 1775 года король выразил намерение быстро покончить с мятежом в Америке в самой решительной форме [The Parliamentary History, 1803, p. 695—696].

Вполне закономерно, что в течение 1774—1776 годов ранее позитивный образ Георга III как спасителя конституции заметно потускнел в глазах колонистов, которые забыли и идеал короля-патриота. Георг III быстро стал объектом личных нападок в Америке после того, как стало очевидно проведение им политики принуждения [O'Shaughnessy, 2004, p. 16]. Опубликованный в январе 1776 года памфлет «Здравый смысл» Томаса Пейна бросил вызов институту монархии, который был высмеян им на основе исторических прецедентов. Хотя Пейн не упомянул имени Георга III, он все же отметил меткими колкостями в адрес конкретно британского монарха [O'Shaughnessy, 2013, p. 27]. Этот памфлет рассеял многие страхи американцев, напрямую открыв путь к Декларации независимости с обвинениями против Георга III.

Да и сама форма провозглашения американцами независимости являлась следствием не только конфликта с метрополией, но и трений с ее монархом, что отразилось на способе оформления суверенитета. Континентальному конгрессу было неуместно использовать прокламацию, петицию, мемориал или протест для обоснования этого решения, так как эти формы по определению поставили бы Америку в подчиненное положение. Поэтому они обратились к другому традиционному английскому способу публичного выступления — декларации, которая неоднократно использовалась при смене правителей как публичная апология, санкция на сме-

щение старого короля. Хотя американцы не свергли Георга III буквально, в Декларации независимости они стремились оправдать свое отделение от империи, обвинив его как тирана и возложив на него всю вину за конфликт. В этом Декларация подражала традициям англичан возлагать всю вину за неправильное управление на короля [Lucas, 1998, p. 148, 152—153].

Поэтому в Декларации говорилось не о парламенте, а о короле, который вместо того, чтобы быть милостивым монархом, стал тираном. Для этой перемены была еще одна причина. К 1776 году патриоты добились, что Америка стала де-факто независимой, и это потребовало соответствующего оформления. Но от кого им было провозглашать независимость? Парламент уже не имел над ними власти, зато единственной составляющей метрополии, которой колонисты присягнули на верность, был король. Поэтому Георг III не смог избежать участи стать главным антигероем Декларации независимости [Fisher, 1907, p. 261] и главной политической жертвой Американской революции. Если сперва американцы считали, что защищаются от агрессии парламента, позже, когда стала очевидной лояльность Георга III курсу его министров по защите верховенства британского парламента, борьбу представили как следствие попытки монарха возродить персональное правление и диктовать свою волю палате общин. Это оказалось созвучным и вигской концепции в британской историографии [Derry, 1976, p. 5]. Но, в отличие от Карла I в 1640 году и Якова II в 1688 году, роль британского монарха в начале Американской революции выделить сложно, и, строго говоря, Георг III едва ли был виновен по большинству обвинений из Декларации независимости. Да и колонисты в первые месяцы войны рассматривали конфликт с метрополией как разногласия с парламентом и обезличенной исполнительной властью, лишь после принятия Декларации независимости приписав королю все грехи [Carlton, 1980, p. 199—200].

Неудивительно, что, когда 9 июля 1776 года известие о ее принятии дошло до Нью-Йорка, в атмосфере отделения колоний от метрополии и под воздействием памфлета Пейна взгляды горожан Нью-Йорка обратились к свинцовой статуе ненавидимого монарха, которая была низвергнута, а из нее было отлито 42 088 пуль [Marks, 1981, p. 65—66]. Этот шаг означал не только выплеск энергии патриотов, но и акт публичного поношения тела государя. Осквернения символов суверена происходили и в других местах, где изображения монарха и королевский герб также были торжественно сожжены [Waldstreicher, 1985, p. 47].

Впрочем, отрицательное отношение к своему монарху можно было видеть и в метрополии. Хотя эта неприязнь не затронула широкие слои населения, ряд непримиримых противников короны использовали порою более жесткую чем американцы риторику. В этом отношении показательно

периодическое издание «Кризис», почти в каждом выпуске очень пренебрежительно отзывавшееся о деспотичных британских монархах вообще и Георге III в частности. Осуждая короля, его авторы не стеснялись в выражениях, сравнивая его с Нероном и Карлом I, утверждая, что его правление отмечено тиранией и дьявольскими замыслами, возмездием за что будет смерть. В этом риторика «Кризиса» была острее аналогичных произведений за океаном. Однако «Кризис» быстро исчез со сцены даже без вмешательства властей, и это означало, что недовольство в метрополии не способно привести к революции [York, 2009, p. 448, 460].

3.4. Георг III и затягивание войны

Впрочем, оппозиционные партийные группы вигов, не сомневаясь в том, кто являлся движущей силой войны, активизировали свои выступления против короля лично. Вершиной такого давления на монарха стал инициированный группой вигов Рокингема проект «экономической реформы», реальной целью которой было уменьшение влияния королевских министров в нижней палате. Когда парламентская оппозиция с декабря 1779 года получила в союзники Йоркширскую ассоциацию Кристофера Уайвилла, лидера общенационального движения за реформу парламента, давление на институт монархии можно было считать общенациональным трендом. Как и за океаном, теперь стало труднее поддерживать фикцию о том, что «король не может сделать ничего плохого», а война была вызвана плохими советами министров: ведь именно король активно ее вел. Оппозиция также опасалась, что его победа в Америке может привести к созданию более сильной монархии в метрополии [O'Shaughnessy, 2013, p. 37].

Помимо вигов в парламенте торговые слои Великобритании также были в наибольшей степени обеспокоены мерами правительства и поддерживали оппозицию. Однако влиятельная прослойка сельских джентльменов, важного индикатора общественных настроений, не вдохновлялись риторикой оппозиции [Autobiography, 1898, p. 277—278]. По-прежнему многие англичане не доверяли вигам, а о событиях в Америке большинство подданных судило так же, как и их суверен. Ведущие мыслители того времени, такие как Джон Уэсли и Самюэль Джонсон, выражали королю свою поддержку [Crosby, 1941, p. 298—299].

В свою очередь именно Георг III более последовательно, чем его министры и подданные, придерживался выбранной позиции. Он считал своим прямым долгом довести войну с американцами до победного конца и близко к сердцу принимал известия с поля боя. Показателен эпизод, когда после частного успеха генерала Бургойна при Филадельфии летом 1777 года Георг III, вбежав в покои королевы, восторженно воскликнул: «Я побил их! Побил всех американцев!» [Melville, 1907, p. 148]. При этом монарх демон-

стрировал граничащий с упрямством оптимизм относительно перспектив войны. Даже после получения известия о капитуляции Бургойна при Саратоге Георг III воспринял это поражение как серьезное, но оставляющее возможность исправления ситуации [Correspondence with Lord North, 1867b, p. 92].

Поэтому, хотя современники явно преувеличили роль Георга III в начале конфликта между метрополией и колониями, он, безусловно, оказал решающее влияние на затягивание этой войны, которая из-за его личных убеждений о необходимости принудить североамериканские колонии остаться в составе империи стала его персональным крестовым походом [O'Shaughnessy, 2004, p. 20—21]. Ни один политик в Великобритании не был убежден больше, чем его суверен, в необходимости предотвращения распада I Британской империи. Георг III считал, что потеря американских колоний стала бы для метрополии большим политическим и экономическим бедствием [Bullion, 1994, p. 305]. По мнению короля, потеря имперской торговли и последующий за этим упадок промышленности низвели бы Великобританию до статуса нищего острова. Он надеялся, что не доживет до дня, когда его страна настолько утратит чувство собственного достоинства, что согласится на независимость Америки. Поэтому за четыре месяца до капитуляции англичан в Йорктауне (19 октября 1781 года) Георг III по-прежнему был верен своим убеждениям, считая, что от победы в войне зависит статус Великобритании как великой державы. Отсюда Георг III лично участвовал в разработке военной стратегии, читая книги о войне и посещая полки армии в окрестностях Лондона [O'Shaughnessy, 2013, p. 29].

Что важно, при проведении этой политики Георг III не брал на себя роль деспота, которым его считали в среде вигской оппозиции. Он отождествлял себя с властью парламента над колониями и совершенно искренне заявлял, что с Америкой он «ведет борьбу за законность» [Guttridge, 1934, p. 4—5]. И в этом убеждении монарх был последовательнее своего первого министра Норта, который, хотя и не стремился ослабить власть парламента в колониях, был слишком практичным, чтобы предпочесть карательную войну возможности мирного соглашения. В отличие от своего суверена Норт хотел добиться компромиссов с американцами, если они не приведут к конституционным изменениям. Так, он не исключал возможности приостановки налогообложения колонистов, если те согласятся внести свой вклад в имперскую оборону [Gruber, 1965, p. 226]. А по мере того как неспособность кабинета Норта решить конфликт силой становилась очевидной, именно Георг III взял на себя роль главного ястреба, способствуя продлению войны. При этом, сохраняя Норта на посту, король отказывался от диалога со сторонниками предоставления независимости колониям из оппозиции [O'Shaughnessy, 2004, p. 40].

4. Заключение = Conclusions

Однако в защиту упрямой позиции Георга III в конфликте с американцами можно привести факт трансформации его мышления после поражения при Саратоге в 1777 году, за которым последовало вступление в войну на стороне колонистов Франции. Британский монарх стал осознавать, что, «возможно, придет время, когда будет разумно оставить всю Северную Америку, кроме Канады, Новой Шотландии и Флориды, бесспорно британские территории и плацдарм для давления на колонистов». Но чтобы «получить возможность с удвоенной энергией отомстить за вероломное и дерзкое поведение Франции», необходимо было как можно скорее прекратить войну с Америкой. Георг III все еще хотел «обеспечить зависимость Америки», но имея в виду стратегическую и военную, но не политическую ее составляющие [Bullion, 1999, p. 78]. Однако когда французы бок о бок воевали с американцами, разделить колонистов и бойцов традиционного соперника было не так просто, из-за чего война в Америке превращалась в некое подобие «отечественной».

Поэтому даже после поражения британской армии при Йорктауне Георг III не ослабил решимости выиграть войну любой ценой, расценив случившееся как временную неудачу. Он по-прежнему был уверен в поддержке парламента и не желал принять неизбежность военного поражения, надеясь спасти империю. Монарх заявил, что не заслужил бы доверия и верности свободного народа, если бы согласился принести в жертву те права и интересы, от сохранения которых зависят будущая сила и безопасность Великобритании [O'Shaughnessy, 2013, p. 41]. Георг III не хотел соглашаться на конституционный компромисс, считая, что «Америка должна быть колонией Англии или к ней нужно относиться как к врагу». Король полагал, что все еще сражается за парламент, и поэтому он был искренне раздосадован, когда после семи лет войны в 1782 году парламент согласился с независимостью бывших колоний [Thomas, 1985, p. 31].

Но тяжелую реальность Георгу III все же пришлось признать. В 1783 году новые взгляды короля нашли отражение в небольшой памятной записке о британских альтернативах после потери американских колоний. В ней монарх выражал надежду, что можно получить больше выгод от сотрудничества с американцами как друзьями, а не колониями. Сохранявший контроль над Вест- и Ост-Индиями, а также ньюфаундлендскими рыбными промыслами, по его мнению, являлся важной коммерческой поддержкой империи [Bullion, 1994, p. 305—308]. Таким образом, к 1783 году Георг III все же принял потерю бывших колоний, после того как все способы их возвращения провалились.

Подводя итоги, необходимо признать, что в Американской революции Георг III стал контрреволюционером поневоле, исходя из своих убежде-

ний до конца защищая идеи парламентского суверенитета над колониями. Имея в начале своего правления доверие американского общества, видевшего в нем главный имперский символ власти, по мере разрастания кризиса все большая вовлеченность Георга III в принятие антиамериканских мер подрывала его положительный образ за океаном. Это закончилось полным разрывом колоний с метрополией, который был оформлен через персонафицированные обвинения монарха в Декларации независимости. В ответ Георг III стал последовательным сторонником подавления американского мятежа и изменил свою позицию лишь после очевидного военного поражения и трансформации парламентской политики в американском вопросе, что свидетельствует о его приверженности конституции, а не тирании, в которой его так громко обвинили американцы в своей Декларации, оформившей ложный политический миф как американской, так и британской истории.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Боллингброк*, Генри С. Джон. Письма об изучении и пользе истории / пер. [с англ.] С. М. Берковской [и др.] ; примеч. Ф. Н. Арского, Т. А. Павловой ; статья и общ. ред. М. А. Барга. — Москва : Наука, 1978. — 359 с.
2. *Autobiography and Political Correspondence of Augustus Henry Third Duke of Grafton*, K. G. / Ed. by William R. Anson. — London : John Murray, 1898. — 417 p.
3. *Correspondence with Lord North from 1768 to 1783* / Ed. by W. Bodham Donne. — In Two Volumes. — London : John Murray, 1867. — Vol. I. — 307 p.
4. *The Parliamentary History of England from the Earliest Period to the Year 1803. From Which Last-Mentioned Epoch it is Continued Downwards in the Work Entitled “The Parliamentary Debates”*. — London : T. C. Hansard, 1813. — Vol. XVIII. AD 1774—1777. — 1456 cols.

Литература

1. *История США. 1607—1877* / Отв. ред. Н. Н. Болховитинов. — Москва : Наука, 1983. — Т. 1. — 687 с.
2. *Плешков В. Н.* Внешняя политика США в конце XVIII века : Очерки англо-американских отношений / В. Н. Плешков ; Под ред. А. А. Фурсенко. — Ленинград : Наука, 1984. — 301 с.
3. *Согрин В. В.* Политическая история США : XVII—XX вв. / В. В. Согрин. — Москва : Весь мир, 2001. — 389 с. — ISBN 5-7777-0117-5.
4. *Фурсенко А. А.* Американская буржуазная революция XVIII века / А. А. Фурсенко. — Москва ; Ленинград : Изд-во Акад. наук СССР, 1960. — 152 с.
5. *Фурсенко А. А.* Американская революция и образование США / А. А. Фурсенко ; Под ред. В. И. Рутенбурга. — Ленинград : Наука, 1978. — 416 с.
6. *Юзефович И. С.* Джордж Вашингтон и борьба за независимость Америки / И. С. Юзефович. — Москва : Учпедгиз, 1941. — 140 с.

7. Яковлев Н. Н. Вашингтон / Н. Н. Яковлев. — Москва : Молодая гвардия, 1973. — 398 с.
8. *Armitage D.* A Patriot for Whom? The Afterlives of Bolingbroke's Patriot King / D. Armitage // *Journal of British Studies*. — 1997. — Vol. 36. — № 4. — Pp. 397—418. — DOI: 10.1086/386143.
9. *Baer F.* The Decision to Hire German Troops in the War of American Independence : Reactions in Britain and North America, 1774—1776 / F. Baer // *Early American Studies*. — 2015. — Vol. 13. — № 1. — Pp. 111—150. — DOI: 10.1353/eam.2015.0003.
10. *Bullion J. L.* George III on Empire, 1783 / J. L. Bullion // *The William and Mary Quarterly*. Third Series. — 1994. — Vol. 51. — № 2. — Pp. 305—310. — DOI: 10.2307/2946866.
11. *Bullion J. L.* The “Ancien Regime” and the Modernizing State : George III and the American Revolution / J. L. Bullion // *Anglican and Episcopal History*. — 1999. — Vol. 68. — № 1. — Pp. 67—84.
12. *Carlton C.* Three British Revolutions and the Personality of Kingship / C. Carlton // *Three British Revolutions : 1641, 1688, 1776* / Ed. by J. G. A. Pocock. — Princeton : Princeton University Press, 1980. — Pp. 165—207. — ISBN 978-1-4008-5647-3.
13. *Carver L.* The Restoration Poets and Their Father King / L. Carver // *Huntington Library Quarterly*. — 1977. — Vol. 40. — № 4. — Pp. 332—351. — DOI: 10.2307/3817356.
14. *Christie I. R.* Wars and Revolutions: Britain, 1760—1815 / I. R. Christie. — Cambridge (Mass.) : Harvard University Press, 1982. — 359 p. — ISBN 0-674-94760-6.
15. *Creviston V. P.* “No King unless it be a Constitutional King”: Rethinking the Place of the Quebec Act in the Coming of the American Revolution / V. P. Creviston // *The Historian*. — 2011. — Vol. 73. — № 3. — Pp. 463—79. — DOI: 10.1111/j.1540-6563.2011.00297.x.
16. *Crosby G. R.* George III : Historians and a Royal Reputation / G. R. Crosby // *Essays in Modern English History*. In Honour of William Gortez Abbott. — Cambridge (Mass.) : Harvard University Press, 1941. — Pp. 295—313.
17. *Derry J.* English Politics and the American Revolution / J. Derry. — London : J. M. Dent & Sons, 1976. — 215 p. — ISBN 0-460-11089-6.
18. *Detweiler R.* Retreat from Environmentalism : A Review of the Psychohistory of George III / R. Detweiler // *The History Teacher*. — 1972. — Vol. 6. — № 1. — Pp. 37—46. — DOI: 10.2307/492622.
19. *Duff S. F.* The Case Against the King : The Virginia Gazettes Indict George III / S. F. Duff // *The William and Mary Quarterly*. — 1949. — Vol. 6. — № 3. — Pp. 383—397. — DOI: 10.2307/1919983.
20. *Fisher S. G.* The Twenty-Eight Charges against the King in the Declaration of Independence / S. G. Fisher // *The Pennsylvania Magazine of History and Biography*. — 1907. — Vol. 31. — № 3. — Pp. 257—303.
21. *Gruber I. D.* Lord Howe and Lord George Germain, British Politics and the Winning of American Independence / I. D. Gruber // *The William and Mary Quarterly*. Third Series. — 1965. — Vol. 22. — № 2. — Pp. 225—243. — DOI: 10.2307/1920697.
22. *Gunn J. A. W.* Influence, Parties and the Constitution : Changing Attitudes, 1783—1832 / J. A. W. Gunn // *The Historical Journal*. — 1974. — Vol. 17. — № 2. — Pp. 301—328. — DOI: 10.1017/S0018246X00007767.
23. *Guttridge G. H.* The Whig Opposition in England during the American Revolution / G. H. Guttridge // *The Journal of Modern History*. — 1934. — Vol. 6. — № 1. — Pp. 1—13. — DOI: 10.1086/236093.
24. *Kronenberger L.* Kings and Desperate Men : Life in Eighteenth Century England / L. Kronenberger. — New York : Vintage Books, 1961. — 298 p.

25. *Liddle W. D.* A Patriot King, or None : American Public Attitudes towards George III and the British Monarchy, 1754—1776. A Dissertation submitted to the Faculty of Claremont Graduate School in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy in the Graduate Faculty of History / W. D. Liddle. — Claremont : Organization of American Historians, 1970. — 506 p.

26. *Liddle W. D.* “A Patriot King, or None” : Lord Bolingbroke and the American Renunciation of George III / W. D. Liddle // *The Journal of American History*. — 1979. — Vol. 65. — № 4. — Pp. 951—970. — DOI: 10.2307/1894555.

27. *Lucas S. E.* The Rhetorical Ancestry of the Declaration of Independence / S. E. Lucas // *Rhetoric and Public Affairs*. — 1998. — Vol. 1. — № 2. — Pp. 143—184. — DOI: 10.1353/rap.2010.0009.

28. *Marks A. S.* The Statue of King George III in New York and the Iconology of Regicide / A. S. Marks // *American Art Journal*. — 1981. — Vol. 13. — № 3. — Pp. 61—82. — DOI: 10.2307/1594285.

29. *Melville L.* Farmer George. In Two Volumes / L. Melville. — London : Isaac Pitman and Sons, 1907. — Vol. II. — 317 p.

30. *O’Shaughnessy A. J.* “If Others Will Not Be Active, I Must Drive” : George III and the American Revolution / A. J. O’Shaughnessy // *Early American Studies*. — 2004. — Vol. 2. — № 1. — Pp. 1—46. — DOI: 10.1353/eam.2007.0037.

31. *O’Shaughnessy A. J.* The Men Who Lost America : British Leadership, the American Revolution, and the Fate of the Empire / A. J. O’Shaughnessy. — New Haven — London : Yale University Press, 2013. — 497 p. — ISBN 978-1-78074-247-2.

32. *Thomas P. D. G.* George III and the American Revolution / P. D. J. Thomas // *History*. — 1985. — Vol. 70. — № 228. — Pp. 16—31.

33. *Waldstreicher D.* Rites of Rebellion, Rites of Assent : Celebrations, Print Culture, and the Origins of American Nationalism / D. Waldstreicher // *The Journal of American History*. — 1995. — Vol. 82. — № 1. — Pp. 37—61. — DOI: 10.2307/2081914.

34. *Winstanley D. A.* Lord Chatham and the Whig Opposition / D. A. Winstanley. — Cambridge: Cambridge University Press, 1912. — 460 p.

35. *York N.* George III, Tyrant : “The Crisis” as Critic of Empire, 1775—1776 / N. York // *History*. — 2009. — Vol. 94. — № 4 (316). — Pp. 434—460.

Статья поступила в редакцию 02.06.2024,
одобрена после рецензирования 15.07.2024,
подготовлена к публикации 21.11.2024.

Material resources

Anson, W. R. (ed.). (1898). *Autobiography and Political Correspondence of Augustus Henry Third Duke of Grafton*, K. G. London: John Murray. 417 p.

Bodham Donne, W. (ed.). (1867). *Correspondence with Lord North from 1768 to 1783. In Two Volumes, I*. London: John Murray. 307 p.

Bolingbroke, Henry S. John. Letters about the study and benefits of history. (1978). Moscow: Nauka. 359 p. (In Russ.).

The Parliamentary History of England from the Earliest Period to the Year 1803. From Which Last-Mentioned Epoch it is Continued Downwards in the Work Entitled “The Parliamentary Debates”, XVIII. AD 1774—1777. (1813) London: T. C. Hansard. 1456 cols.

References

- Armitage, D. (1997). A Patriot for Whom? The Afterlives of Bolingbroke's Patriot King. *Journal of British Studies*, 36 (4): 397—418. DOI: 10.1086/386143.
- Baer, F. (2015). The Decision to Hire German Troops in the War of American Independence: Reactions in Britain and North America, 1774—1776. *Early American Studies*, 13 (1): 111—150. DOI: 10.1353/eam.2015.0003.
- Bolkhovitinov, N. N. (ed.). *The history of the USA. 1607—1877, I*. Moscow: Nauka. 687 p. (In Russ.).
- Bullion, J. L. (1994). George III on Empire, 1783. The William and Mary Quarterly. *Third Series*, 51 (2): 305—310. DOI: 10.2307/2946866.
- Bullion, J. L. (1999). The “Ancien Regime” and the Modernizing State: George III and the American Revolution. *Anglican and Episcopal History*, 68 (1): 67—84.
- Carlton, C. (1980). Three British Revolutions and the Personality of Kingship. In: *Three British Revolutions: 1641, 1688, 1776*. Princeton: Princeton University Press. 165—207. ISBN 978-1-4008-5647-3.
- Carver, L. (1977). The Restoration Poets and Their Father King. *Huntington Library Quarterly*, 40 (4): 332—351. DOI: 10.2307/3817356.
- Christie, I. R. (1982). *Wars and Revolutions: Britain, 1760—1815*. Cambridge (Mass.): Harvard University Press. 359 p. ISBN 0-674-94760-6.
- Creviston, V. P. (2011). “No King unless it be a Constitutional King”: Rethinking the Place of the Quebec Act in the Coming of the American Revolution. *The Historian*, 73 (3): 463—79. DOI: 10.1111/j.1540-6563.2011.00297.x.
- Crosby, G. R. (1941). George III: Historians and a Royal Reputation. In: *Essays in Modern English History. In Honour of William Gortez Abbott*. Cambridge (Mass.): Harvard University Press. 295—313.
- Derry, J. (1976). *English Politics and the American Revolution*. London: J. M. Dent & Sons. 215 p. ISBN 0-460-11089-6.
- Detweiler, R. (1972). Retreat from Environmentalism: A Review of the Psychohistory of George III. *The History Teacher*, 6 (1): 37—46. DOI: 10.2307/492622.
- Duff, S. F. (1949). The Case Against the King: The Virginia Gazettes Indict George III. *The William and Mary Quarterly*, 6 (3): 383—397. DOI: 10.2307/1919983.
- Fisher, S. G. (1907). The Twenty-Eight Charges against the King in the Declaration of Independence. *The Pennsylvania Magazine of History and Biography*, 31 (3): 257—303.
- Fursenko, A. A. (1960). *The American bourgeois revolution of the XVIII century*. Moscow; Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. 152 p. (In Russ.).
- Fursenko, A. A. (1978). *The American Revolution and the education of the USA*. Leningrad: Nauka. 416 p. (In Russ.).
- Gruber, I. D. (1965). Lord Howe and Lord George Germain, British Politics and the Winning of American Independence. *The William and Mary Quarterly. Third Series*, 22 (2): 225—243. DOI: 10.2307/1920697.
- Gunn, J. A. W. (1974). Influence, Parties and the Constitution: Changing Attitudes, 1783—1832. *The Historical Journal*, 17 (2): 301—328. DOI: 10.1017/S0018246X00007767.
- Guttridge, G. H. (1934). The Whig Opposition in England during the American Revolution. *The Journal of Modern History*, 6 (1): 1—13. DOI: 10.1086/236093.
- Kronenberger, L. (1961). *Kings and Desperate Men: Life in Eighteenth Century England*. New York: Vintage Books. 298 p.

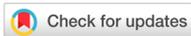

- Liddle, W. D. (1970). *A Patriot King, or None: American Public Attitudes towards George III and the British Monarchy, 1754—1776. A Dissertation submitted to the Faculty of Claremont Graduate School in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy in the Graduate Faculty of History*. Claremont: Organization of American Historians. 506 p.
- Liddle, W. D. (1979). “A Patriot King, or None”: Lord Bolingbroke and the American Renunciation of George III. *The Journal of American History*, 65 (4): 951—970. DOI: 10.2307/1894555.
- Lucas, S. E. (1998). The Rhetorical Ancestry of the Declaration of Independence. *Rhetoric and Public Affairs*, 1 (2): 143—184. DOI: 10.1353/rap.2010.0009.
- Marks, A. S. (1981). The Statue of King George III in New York and the Iconology of Regicide. *American Art Journal*, 13 (3): 61—82. DOI: 10.2307/1594285.
- Melville, L. (1907). *Farmer George. In Two Volumes*, 2. London: Isaac Pitman and Sons. 317 p.
- O’Shaughnessy, A. J. (2004). “If Others Will Not Be Active, I Must Drive”: George III and the American Revolution. *Early American Studies*, 2 (1): 1—46. DOI: 10.1353/eam.2007.0037.
- O’Shaughnessy, A. J. (2013). *The Men Who Lost America: British Leadership, the American Revolution, and the Fate of the Empire*. New Haven — London: Yale University Press. 497 p. ISBN 978-1-78074-247-2.
- Pleshkov, V. N. (1984). *U.S. foreign policy at the end of the XVIII century: Essays on Anglo-American relations*. Leningrad: Nauka. 301 p. (In Russ.).
- Sogrin, V. V. (2001). *Political history of the USA: XVII—XX centuries*. Moscow: The Whole World. 389 p. ISBN 5-7777-0117-5. (In Russ.).
- Thomas, P. D. G. (1985). George III and the American Revolution. *History*, 70 (228): 16—31.
- Waldstreicher, D. (1995). Rites of Rebellion, Rites of Assent: Celebrations, Print Culture, and the Origins of American Nationalism. *The Journal of American History*, 82 (1): 37—61. DOI: 10.2307/2081914.
- Winstanley, D. A. (1912). *Lord Chatham and the Whig Opposition*. Cambridge: Cambridge University Press. 460 p.
- Yakovlev, N. N. (1973). *Washington*. Moscow: Molodaya Gvardiya. 398 p. (In Russ.).
- York, N. (2009). George III, Tyrant: “The Crisis” as Critic of Empire, 1775—1776. *History*, 94 / 4 (316): 434—460.
- Yuzefovich, I. S. (1941). *George Washington and the struggle for American independence*. Moscow: Uchpedgiz. 140 p. (In Russ.).

*The article was submitted 02.06.2024;
approved after reviewing 15.07.2024;
accepted for publication 21.11.2024.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(9), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Тумов А. А. Субнациональное президентство в 1990-е годы в России : трансформация статуса главы Кабардино-Балкарии / А. А. Тумов // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 9. — С. 520—540. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-9-520-540.

Tumov, A. A. (2024). Subnational Presidency in 1990s Russia: Transformation of Head of Kabardino-Balkaria. *Nauchnyi dialog*, 13 (9): 520-540. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-9-520-540. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Субнациональное президентство в 1990-е годы в России: трансформация статуса главы Кабардино-Балкарии

Тумов Аскер Асланбекович
orcid.org/0000-0001-8684-8886
Scopus Author ID: 57217182430
кандидат исторических наук,
Центр социально-политических исследований
tumovasker@gmail.com

Кабардино-Балкарский научный центр
Российской академии наук
(Нальчик, Россия)

Subnational Presidency in 1990s Russia: Transformation of Head of Kabardino-Balkaria

Asker A. Tumov
orcid.org/0000-0001-8684-8886
Scopus Author ID: 57217182430
PhD of History,
Center for Social and Political Studies
tumovasker@gmail.com

Kabardian-Balkarian Scientific Center
of the Russian Academy of Sciences
(Nalchik, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Политические процессы в России в 1990-е годы усилили роль губернаторов и президентов республик по принятию решений на федеральном и субнациональном уровнях. В статье на примере Кабардино-Балкарии исследуются факторы учреждения и эволюции президентской должности. Анализ источников демонстрирует динамику в иерархии таких факторов, как взаимоотношения с федеральным центром, консенсус местных элит и степень электоральной легитимности. Учреждение должности президента стало рациональным выбором правящей группы, представители которой нуждались в фигуре арбитра для разрешения межэлитных споров и легитимации существующего режима. В Кабардино-Балкарии была воспроизведена позднесоветская система управления с достаточным потенциалом к дальнейшей персонализации политического менеджмента. В формальной системе разделения властей президент имел множество механизмов воздействия на законодательное собрание и передавал ответственность за реализацию политического курса правительству республики.

Ключевые слова:

политические институты; институт президента; губернаторство; Российская Федерация; Северный Кавказ; Кабардино-Балкария.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The political processes in Russia during the 1990s significantly enhanced the role of governors and republican presidents in decision-making at both federal and subnational levels. This article explores the factors underlying the establishment and evolution of the presidential office through the case study of Kabardino-Balkaria. An analysis of sources reveals a dynamic hierarchy of factors, including relationships with the federal center, consensus among local elites, and the degree of electoral legitimacy. The creation of the presidency emerged as a rational choice for the ruling group, whose members sought an arbiter figure to resolve inter-elite disputes and legitimize the existing regime. In Kabardino-Balkaria, a late Soviet governance system was reproduced, possessing sufficient potential for further personalization of political management. Within the formal system of separation of powers, the president wielded numerous mechanisms to influence the legislative assembly and delegated responsibility for implementing the political agenda to the republic's government.

Key words:

political institutions; presidential institution; governorship; Russian Federation; North Caucasus; Kabardino-Balkaria.

УДК 94(470.64)“1991/1999”

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-9-520-540

Научная специальность ВАК

5.6.1. Отечественная история

Субнациональное президентство в 1990-е годы в России: трансформация статуса главы Кабардино-Балкарии

© Тумов А. А., 2024

1. Введение = Introduction

В исследовательской литературе и публицистике признается центральная роль губернаторов и глав республик в российской региональной политике. Анализ субнациональных политических трансформаций традиционно фокусируется на роли губернаторов, их отношениях с федеральным центром [Gelman et al., 2011], местными политическими элитами [Golosov, 2011] и бизнес-группами [Rochlitz, 2014]. Анализу формальных полномочий губернаторов уделяется значительно меньше внимания. Широкий интерес академического сообщества вызвала реформа процедуры избрания и назначения губернаторов начала 2010-х годов [Blakkisrud, 2011; Sharafutdinova, 2010]. При этом наше понимание распределения полномочий среди органов власти субъектов федерации остается ограниченным [Шириков, 2010; Нечаев; 2000]. Очевидна и потребность в изучении эволюции губернаторских полномочий на протяжении постсоветского периода [Golosov et al., 2016]. Исследователи отмечают, что рецентрализация 2000-х годов стала возможной во многом благодаря подготовленной почве в лице крепких региональных политических режимов, установившихся в 1990-е годы [Sharafutdinova, 2006; Golosov, 2011]. В этом контексте данное исследование попадает в сектор литературы о роли нелиберальных институтов в динамике режимных трансформаций и их важности для вовлеченных акторов.

Целью данного исследования является обобщение опыта трансформации института руководителя одного из субъектов Российской Федерации — Кабардино-Балкарской Республики. Хронологические рамки исследования ограничиваются 1989 годом, когда была инициирована реформа советской системы управления, и 2000 годом, ознаменовавшим собой начало рецентрализации и коренных политических изменений на национальном уровне.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В исследовании использованы различные виды и типы исторических источников.

Первая группа включает обширный корпус конституционно-правовых актов Российской Федерации и Кабардино-Балкарской Республики. Анализ этих источников лежит в основе реконструкции процессов институционального развития политической системы в республике в постсоветский период. В исследовании использовано большое количество законодательных актов, которые определяют формальные характеристики политического процесса в регионе.

Значительный объем избирательной статистики представлен в официальных публикациях ЦИК РФ, а также на сайтах ЦИК РФ и Избиркома КБР. Они содержат информацию об основных показателях голосования на выборах, уровне явки в республике с распределением по районам и населенным пунктам.

В следующую группу включены источники личного происхождения (воспоминания активных участников политических событий), а также компиляции статей и выступлений политических деятелей. К ним относятся мемуары представителей руководства КБАССР и КБР [Докшочков, 1998; Емузов, 2015; Калмыков, 2003; Коков, 1998; Тхагапсов, 2009], содержащие ценные сведения о ходе выборов, о взглядах политической элиты на ситуацию в республике и политическом процессе вообще.

Событийная сторона политического процесса восстанавливалась в основном по материалам периодической печати. В их число входят как республиканские газеты («Кабардино-Балкарская правда», «Республика» и т. д.), так и федеральные печатные издания («Российская газета», «Коммерсантъ» и др.). Кроме того, значительный массив данных по современной Кабардино-Балкарии представлен на различных интернет-ресурсах.

Количество использованных в работе неопубликованных источников невелико. Это связано с тем, что исследовались события и процессы текущей современности. В работе использованы документы Центрального государственного архива КБР. Так, Ф. Р-717 ЦГА КБР содержит ценные для исследования данные Президиума ВС КБАССР о деятельности Центризбиркома, документы по вопросам государственного устройства Кабардино-Балкарии.

Значительное число источников автор обнаружил во время написания текста диссертации на соискание степени кандидата наук [Тумов, 2020], посвященной анализу тенденций политического развития Кабардино-Балкарии в постсоветский период. В данном исследовании продолжается начатая ранее работа, однако фокус в интерпретации источников сдвинут в сторону трансформации института высшего должностного лица в республике.

Работа построена на комплексных методах исторического исследования в сочетании с институциональным подходом. Институты — формаль-

ные и неформальные правила распределения доступа к ренте, которые ограничивают действия акторов и делают их более предсказуемыми; институциональный каркас государства призван сохранить неравный доступ к власти и ренте при наименьшем использовании насильственного потенциала [В тени насилия ... , 2012]. Роль руководителя республики и характер его взаимоотношений с региональными и федеральными элитами проанализированы сквозь эту призму.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Институт руководителя республики до 1989 года

Формальный дизайн региональной системы управления в СССР не предполагал наличия института высшего должностного лица региона. Теоретически исполнение этих функций было разделено между несколькими чиновниками и политиками — в зависимости от региона, это могли быть руководители облисполкомов, президиумов верховных советов и советов министров. Фактически с учетом доминирующей роли КПСС наибольшим аппаратным весом обладал первый секретарь региональной ячейки партии — обкома. В брежневскую эпоху первые секретари обкомов обладали широкими лоббистскими возможностями в центральных министерствах и аппарате ЦК [Hough, 1969; Rigby, 1990, p. 244—245]. Секретари стали связующими звеньями в обширной патронажной сети, обеспечивающей взаимодействие руководства СССР с местными элитами.

Политическая система советской Кабардино-Балкарии не получила должного внимания со стороны академического сообщества, по всей видимости, в силу закрытости режима и большего интереса исследователей к последующему периоду. Формальный дизайн политической системы Кабардино-Балкарской АССР регулировался конституцией 1978 года, согласно которой высшим органом государственной власти устанавливался Верховный Совет (ВС). Реальным центром принятия решений в республике был обком партии. Первый секретарь обкома эпохи «застоя» Т. К. Мальбахов является архитектором патронажной системы, окутавшей регион и связывающей его с руководством страны [Derlugian et al., 2013, p. 541—542]. Т. Мальбахов находился у власти 30 лет, что отличает его от коллег в соседних регионах, где смена руководства обкомов происходила намного чаще [Жирнов, 2007]. В эпоху застоя КБАССР превратилась в образцовый экономически развивающийся регион с незаметной для внешнего наблюдателя политической динамикой. Высокая степень зависимости республики от бюджетных субсидий из центра и наличие сложившихся связей с руководством СССР обусловили заинтересованность местных элит в сохранении статус-кво и неприятие реформ.

Перестройка в Кабардино-Балкарии началась с отставки Т. К. Мальбахова. Как бывший первый секретарь Ставропольского крайкома, М. С. Горбачев не мог не знать лично своего коллегу в соседней республике. О причинах, толкнувших генерального секретаря на подобный шаг, можно только догадываться, однако назначение выходца из Хакасии Е. А. Елисеева вполне укладывалось в логику «омоложения кадров» и избавления от бюрократов «брежневского призыва». И хотя смена первого секретаря стала символическим обозначением наступающих перемен в политической сфере, она не привела к масштабным перестановкам в местной элите. «Парашютист» (в 1980-е годы так называли «варягов» в советской системе управления) Е. А. Елисеев был десантирован прямиком в плотную патронажную сеть республиканской номенклатуры без лояльной группы и без мандата на применение пряника либо кнута в отношении элит. Публично статус первого секретаря не подвергался сомнению, он пользовался всеми привилегиями и возможностями использования административного ресурса (например, на выборах народных депутатов СССР 1989 года [Сообщения окружных ..., 1989]). При этом руководитель обкома так и не стал инициатором политических трансформаций, на которые был запрос из Москвы, не сумел вовремя среагировать на активизацию националистических движений в Кабардино-Балкарии [Время ответственных ..., 1989] и в феврале 1990 года покинул должность [Докшоков, 1998, с. 128].

Уход Е. А. Елисеева не привел к масштабным перестановкам в руководстве региона. Первым секретарем обкома стал бывший второй секретарь В. М. Коков, который построил карьеру в сельскохозяйственных структурах и стал партийным управленцем, с 1975 года избирался депутатом законодательного собрания. Новый руководитель представлял номенклатурную элиту, занявшую ключевые позиции в республике при Т. К. Мальбахове.

3.2. На пути к президентству (1991—1992 годы)

События рубежа 1980—90-х годов стоит интерпретировать в контексте инициированных М. С. Горбачевым изменений в структуре власти: партия и ее обкомы уже не занимали такого важного места, особенно в свете усиления Советов, введения поста Президента СССР, массового выхода рядовых членов из партии и грядущей отмены 6-й статьи Конституции. В этих условиях В. М. Коков предпочел заменить свою позицию на председательство в Верховном Совете КБАССР в связи с невозможностью занимать обе должности [Информационное сообщение ..., 1990]. Во-первых, подобный шаг свидетельствовал о разбалансировке хрупкой системы распределения властных позиций, построенной на принципе этнического квотирования: кабардинец Коков занял место спикера парламента, считавшееся «балкар-

ским» [Lanzilotti, 2018, p. 953]. Во-вторых, представительное собрание стало реальным «центром тяжести» в структуре принятия решений. Из «спящего института» Верховный Совет превратился в «место для дискуссий», арену политических сражений, на которой председатель собрания не всегда обладал непререкаемым авторитетом [Третья сессия ..., 1991].

Политический процесс в Кабардино-Балкарии в 1991 году шел в условиях раскола элит: условно центристская номенклатура вела борьбу против двух группировок националистической оппозиции — кабардинской и балкарской. Катализатором первого политического кризиса стала невнятная позиция руководства республики относительно августовского путча ГКЧП 1991 года [Выступление Кокова ..., 1991]. На фоне протестов в столице республики, начавшихся вскоре после поражения путча, В. М. Коков в попытке утихомирить площадь предложил учредить пост президента республики, сформировать новое правительство, внести поправки в Конституцию и переизбрать Верховный Совет; по мнению политика, эти меры позволили бы обеспечить мирную смену власти [Шорова, 2010, с. 120—121]. Давление оппозиции вынудило В. М. Кокова покинуть законодательное собрание; тем не менее вскоре он занял кресло заместителя председателя правительства, а органы власти РСФСР предпочли поддержать линию правящей группы — оппозиционные СМИ прямо признавали свое поражение в этом эпизоде политической борьбы [Обращение ..., 1991].

На фоне завершения протестов ключевым пунктом политической повестки в республике стало обсуждение введения должности президента Кабардино-Балкарии. В сентябре 1991 года Верховный Совет учредил посты президента и вице-президента республики [Закон КБССР, 1991]. Президент объявлялся высшим должностным лицом и главой исполнительной власти с широкими полномочиями: он представлял ВС кандидатуры на посты премьер-министра, председателей Верховного и Арбитражного судов, прокурора, совместно с ВС формировал состав Кабинета министров; срок полномочий президента определялся пятью годами.

В исследовательской литературе ведутся споры о природе института президента республики. Ключевым фактором его появления считается попытка региональных элит защититься от оппозиции посредством введения в политическую систему фигуры арбитра, функции которой ранее исполнял первый секретарь обкома [Боров и др., 1999, с. 131—133]. Новые реалии и соответствующая им политическая артикуляция обусловили «импорт» президентства — но не института, как утверждает Т. Н. Литвинова [Литвинова, 2010, с. 242], а терминологической оснастки для формализации привычной системы принятия решений. Это было осуществимо, особенно учитывая, что федеральный центр отстранился от регулирования региональных про-

цессов. В попытке подорвать фундамент поддержки Б. Ельцина М. Горбачев выдвинул план по повышению статуса автономий до уровня союзных республик. В ответ Б. Ельцин предложил регионам «брать суверенитета столько, сколько смогут проглотить», и расширил их полномочия по распределению экспортных лицензий среди предприятий [Stoner-Weiss, 1999, p. 89]. Ослабление центральной власти заставило региональные элиты импровизировать и искать новые способы подтверждения своей легитимности.

Первые президентские выборы стали важным конфликтогенным фактором общественно-политической динамики, поскольку спровоцировали активность националистической оппозиции и на этой почве отказ ряда муниципалитетов от проведения выборов [ЦГА КБР, с. 1—7]. Однако в условиях распада страны — подписания Беловежских соглашений и отставки М. С. Горбачева — введение поста президента снижало неопределенность в отношениях с российской властью. Выборы прошли в два тура в условиях «безальтернативного» голосования и административного ресурса во втором туре [Боров, 2016] и привели к власти кандидата от правящей коалиции В. М. Кокова.

Дальнейшая политическая борьба способствовала укреплению позиций правящей группы. Ее противостояние с оппозицией вылилось во второй политический кризис сентября 1992 года, когда арест одного из лидеров кабардинского движения привел к масштабным протестам в столице республики. Из этого эпизода правительство КБР вышло победителем, в том числе при поддержке федерального центра, который опасался реализации «чеченского сценария» в еще одной кавказской республике [Тумов, 2020, с. 102].

Региональные элиты извлекли урок из событий осени 1992 года, о чем проговорился сам президент республики: «Никаких репрессий ... не проводилось. ... Может быть, этот всплеск мобилизовал органы власти на неординарные меры по сохранению стабильности и порядка республики ... Мы не зря в десятки раз по сравнению с уровнем 1992 года увеличили численность милиции, содержащейся за счет местного бюджета» [Шкель, 2001, с. 1]. Действительно, после 1992 года в составе МВД были созданы УБОП, вневедомственная охрана, полк ППС, отряд ОМОН, увеличено количество нальчикских ОВД, а общая численность штата МВД с 1992 по 2002 годы выросла с 3423 до 6144 человек [Шипилов, 2007, с. 219—220]. Становление МВД КБР связывают с именем Х. А. Шогенова, соратника В. М. Кокова и, по утверждениям современников, одного из самых влиятельных людей в республике [Кабардино-Балкария передала ..., 2006].

Национальный политический контекст в 1992 году способствовал усилению позиций губернаторов, которые умело пользовались своим по-

ложением в конфликте между исполнительной и законодательной ветвями власти. В марте 1992 года субъекты федерации подписали Федеративный договор, распределивший полномочия между Москвой и регионами. Руководство Кабардино-Балкарии проактивно подошло к рассмотрению текста договора и согласилось на его подписание только после учета ряда замечаний [Главное достижение ..., 1992]. Для республиканских властей подписание соглашения имело две выигрышные стороны — во-первых, документ символизировал подтверждение суверенитета республики (а следовательно, и ее власти) и его признание органами власти России; во-вторых, договор конституировал легитимность государственной власти правящей элиты в глазах населения, утверждая ее (элиту) в иерархии властной «вертикали» и укрепляя позиции по отношению к национальным движениям.

3.3. Консолидация политического режима (1993—1997 годы)

Завершение перехода от позднесоветской к современной политической системе ознаменовалось разрешением политического кризиса в Москве осенью 1993 года. Разгон Верховного Совета стал одним из первых шагов к режимной консолидации. На протяжении следующих двух лет Б. Ельцин отстранил от работы нескольких региональных политиков, поддерживавших парламент, и усилил собственные полномочия по назначению и отставке губернаторов [Кимерлинг]. При этом руководители субъектов получили прямой доступ к законотворческой деятельности благодаря учреждению Совета Федерации, в который они попадали по факту занимаемой должности.

Политический кризис в Москве только усилил позиции президента КБР. На протяжении всего конфликта В. Коков не высказывал предпочтений ни одной группировке, но штурм Белого дома позволил определиться и продолжить функционирование в рамках нового порядка. Результаты единого дня голосования 12 декабря 1993 года в КБР с этой точки зрения показательны. Во-первых, результаты референдума о принятии российской конституции в республике были выше, чем в среднем по стране: 63,26 % против 54,37 % [Боров, 2016, с. 159]. Во-вторых, большинство голосов на выборах в Думу по КБР получила центристская Партия российского единения и согласия (31,53 % по КБР против 6,73 % по РФ) [Результаты 12.12.1993], что означало управляемое выведение республики из «красного пояса» регионов, отдающих предпочтение коммунистам. В-третьих, результаты голосования в Государственную Думу и Совет Федерации позволили резервировать места в российском парламенте трем руководителям республики, в том числе президенту Кокову [Выборы 12.12.1993]. В-четвертых, депутатами только что учрежденного и избранного Парламента КБР, заменившего распущенный Верховный Совет, стали в основном представители органов власти, силовых структур и директората круп-

ных предприятий [Депутаты ..., 1995]. Таким образом, события 1993 года позволили правящей коалиции убить двух зайцев: продемонстрировать лояльность федеральному центру и консолидировать в своих руках контроль над ключевыми политическими институтами.

Новый политический контекст позволил В. М. Кокову требовать в преддверии электорального цикла 1995—1996 годов более широких полномочий. В феврале 1994 года был заключен договор между Россией и Татарстаном, подчеркнувший особый статус республики, не признавшей результаты референдума по Конституции 1993 года. В июле 1994 года исключительность российско-татарстанского договора была нарушена — подписан Договор о разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти РФ и органами государственной власти Кабардино-Балкарии. По договору КБР признавалась государством в составе РФ; в ее ведении находился широкий круг вопросов от регулирования законодательства до социальной защиты населения [Договор РФ и КБР, 1994]. В договоре значилось, что отношения между двумя сторонами должны регулироваться Конституциями РФ и КБР, Федеративным договором, федеральными законами и иными нормативно-правовыми актами РФ и КБР — эти положения укладываются в логику становления договорной модели федерализма, подразумевающей делегирование компетенций субъектами центру. Договорные отношения, которые стали основой взаимодействия РФ и ее субъектов, не только укрепляли позиции региональных элит; уступки федеральной власти можно рассматривать как компромиссную стратегию с целью достижения институционального равновесия между центром и республиканскими органами власти.

Успехи В. М. Кокова на внутренней и национальной арене — стабильность политической обстановки в республике, электоральные результаты, медиация конфликтов на Северном Кавказе [Карданова, 2017] — позволили ему закрепиться в руководстве Совета Федерации, где он занимал кресло заместителя председателя с января 1996 года по декабрь 2001.

Консолидация политического режима и институционализация неформального статуса президента завершились в 1997 году. Президентские выборы 1997 года были безальтернативными: единственным кандидатом был В. М. Коков. По мнению А. Х. Борова, дело заключалось не в формальном препятствовании выдвижению других кандидатур — скорее, в местном политическом классе сформировалось мнение о необходимости объединения и снижения градуса напряженности политической борьбы после «ревуших» 90-х годов [Боров, 2016, с. 166] Иллюстрацией к этому служит обсуждение процедуры голосования еще до выборов: в парламенте прозвучало предложение, учитывая высокое доверие к В. М. Кокову как в Мо-

квке, так и среди населения республики, найти «конституционный выход», чтобы оставить президента у власти без проведения выборов [Мезоева, 1996]. Инициативу поддержала часть депутатов; и, хотя в ходе обсуждения идея была отринута, сама попытка региональных властей найти способ обхода формальных процедур говорит о желанности сохранения статуса-кво.

В том же 1997 году в Кабардино-Балкарии утвердили новую конституцию республики [Конституция КБР, 1997]. Политические условия ее принятия отразились на специфической форме реализации принципа разделения властей. В первую очередь это выражается в особом статусе Президента КБР, который ставит его над принципом разделения властей. Согласно положениям Главы IV, президент как гарант Конституции и глава исполнительной власти обладает полномочиями назначения председателя парламента, утверждения структуры правительства, принятия решения об его отставке, назначения и отрешения от должности глав местных администраций. Президент был наделен правом распускать парламент, назначать референдум, вносить законопроекты в парламент, подписывать или отклонять законы, принятые парламентом, и обладал неприкосновенностью. В свою очередь, парламент мог лишь инициировать процедуру отрешения президента от должности.

Оценка места президента в системе государственного управления КБР в литературе разнится. Отмечается, что президент выступает не только как символ государственности и высшее должностное лицо республики, но и как реальный интегратор всех ветвей власти [Конституционная реформа ..., 2011, с. 85]. А. А. Вартумян относит порядок формирования и роспуска правительства в КБР к «ультрапрезидентскому варианту» в рамках поликратического типа, когда правительство формируется и распускается президентом, подотчетно лишь ему [Вартумян, 2005]. А. Х. Боров характеризует Кабардино-Балкарию президентско-парламентским типом разделения властей при автономном парламенте, контролирующем нормотворческий процесс, но не имеющем возможностей для свержения кабинета. С точки же зрения реальной политической практики в Кабардино-Балкарии установился президентский тип разделения властей при подчиненном парламенте, не обладающем возможностями контроля над кабинетом, но подчиненном исполнительной власти не полностью [Боров и др., 2018, с. 697]. Такая схема государственного управления во многом была преемственной по отношению к позднесоветской структуре органов власти КБАССР и была привычна большинству представителей правящей коалиции. Соотношение политической составляющей власти президента и технической функции правительства напоминает неформальное разделение полномочий обкома партии и Совета Министров КБАССР. Президент

КБР в данном случае «наследовал» положение первого секретаря обкома, и даже имел больше формальных механизмов воздействия на законодательное собрание. Правительство несло ответственность за реализацию политического курса и решений, принятых главой республики, принимая на себя любую возможную критику и выводя из-под нее президента.

3.4. Накануне рецентрализации

Период ослабления центральной государственной власти и фрагментации страны сменился на рубеже 1990—2000-х годов политикой рецентрализации, направленной на восстановление контроля федеральных органов власти над важнейшими рычагами управления страной. Распространенный нарратив о том, что рецентрализация началась в президентство В. В. Путина, не учитывает того факта, что в 1999 году был принят федеральный закон о порядке разграничения полномочий между органами власти РФ и ее субъектов; в соответствии с ним никакие федеральные и республиканские правовые акты и договоры не могут передавать, исключать или иным образом перераспределять установленные Конституцией РФ предметы ведения [О принципах и порядке разграничения ..., 1999]. Тогда же вступил в силу федеральный закон о принципах организации органов власти субъектов федерации, который установил универсальные правила формирования властных институтов в регионах. Так, закон лишил глав регионов права избираться более двух сроков подряд [Об общих принципах организации ..., 1999]. Последующие поправки в этот закон позволяли центру еще больше перераспределить баланс федеративных отношений в свою пользу.

Курс федеральных властей на рецентрализацию отразился на субъектах в первую очередь в масштабной работе по приведению всех региональных конституций и уставов в соответствие с национальным законодательством. Так, уже через несколько месяцев после принятия Конституции КБР началась работа по пересмотру и изменению ее текста. Надзорная проверка Генеральной прокуратуры России выявила несоответствие текста республиканской конституции и федерального законодательства по ряду вопросов, в их числе о назначении и освобождении от должности глав местной администрации Президентом Кабардино-Балкарской Республики, как противоречащего федеральному закону о местном самоуправлении, запрещающему назначение должностных лиц местного самоуправления органами государственной власти и государственными должностными лицами. Другая претензия заключалась в праве президента КБР вводить чрезвычайное положение на территории республики, хотя по конституции РФ такими полномочиями обладает лишь президент РФ [Конституционная реформа ..., 2011, с. 193, с. 208].

Республиканские власти отреагировали на претензии и судебные практики проверки конституционности отдельных положений регионального

законодательства формированием правовой базы для внесения изменений в конституционный текст [О порядке принятия и вступления ..., 1999]. Одновременно была сформирована рабочая группа для корректировки положений конституции ввиду трансформации федерального законодательства и требований надзорных органов. Впоследствии подобный примирительный подход будет главенствовать при принятии поправок в текст республиканской конституции на протяжении 2001—2010 годов.

Политическая ситуация в республике в конце 1990-х годов не испытывала масштабных потрясений, о чем свидетельствует ход электоральных мероприятий. Результаты парламентских выборов 1997 года свидетельствуют о дальнейшей консолидации правящей коалиции: 50 из 72 депутатов предыдущим местом работы указали органы власти, правоохранительные структуры, крупные государственные и муниципальные предприятия [Депутаты ..., 1998]. Ход проведения выборов 1999 года в Государственную Думу тоже свидетельствует об управляемости избирательного процесса. В ходе предвыборной пресс-конференции президент отметил: «если мы определились» с двумя-тремя партиями, то надо сделать все, чтобы они имели возможность вести нормальную предвыборную агитацию и «нормально провести выборы» [Баскаев, 1999]. Фаворитом избирательной гонки в Кабардино-Балкарии стала центристская партия «Отечество — вся Россия», в состав которой перешли практически все руководители республики. По итогам выборов она набрала в КБР 34,71 %, хотя по РФ получила лишь 13,33 % [Сводная таблица]. Учитывая связь ОВР с тогдашним премьер-министром В. В. Путиным, голосование за партию превратилось в демонстрацию лояльности наиболее очевидному претенденту на президентскую должность.

Деполитизация системы управления затронула и деятельность правительства. На протяжении 1990-х годов роль публичной политики как способа регулирования внутриэлитных отношений ослабевала. Ее место заняла кадровая политика президента с постоянной реорганизацией структуры исполнительной власти, ростом количества чиновничьих должностей и умножением их функций [Боров и др., 1999, с. 150]. Выстроенная конституцией система взаимоотношений между основными органами государственной власти практически исключала парламентский контроль над деятельностью кабинета министров.

4. Заключение = Conclusions

В условиях развала советской политической системы образовался «вакуум», который заполнили неформальные институты. Для правящей коалиции это проявилось в объединении вокруг компромиссной фигуры, которой в тот момент был В. М. Коков. Его неформальное лидерство с те-

чением времени обернулось в «рутинизацию харизмы», и институт президентства был способом формализации сложившейся иерархии. На президента возлагались роли арбитра внутри правящей коалиции, медиатора во взаимоотношениях с Москвой и легитимного руководителя органов государственной власти в глазах населения. На протяжении середины-конца 1990-х годов эволюция политической системы Кабардино-Балкарии двигалась по этой траектории.

Сравнение статуса президента республики в конце 1990-х годов с положением первого секретаря обкома позволяет выявить два ключевых отличия. Во-первых, в условиях сверхцентрализованной советской системы управления источником легитимности положения первого секретаря было в большей степени «благословение» общесоюзного центра, в меньшей степени — консенсус местных элит; население было отчуждено от процесса назначения первого лица в республике. Децентрализация 1990-х годов поставила руководителя республики в большую зависимость от региональных элит и снизила роль федерального центра. Одновременно легитимность президента была подкреплена электоральными процедурами, а значит — поддержкой населения, хотя порядок проведения выборов (например, «безальтернативных» 1997 год) позволяет ставить вопрос о степени их демократичности.

Второе ключевое отличие заключается в формализации статуса президента основным законом республики. Конституция 1997 года закрепила основные достижения периода децентрализации, в их числе — доминирующую роль президента в системе разделения властей. С этой точки зрения руководитель республики имел гораздо больше полномочий в сравнении с возможностями первого секретаря.

Таким образом, политическая система Кабардино-Балкарии не просто воспроизвела моды позднесоветской системы управления, а сделала еще один шаг в сторону персонализации политического менеджмента. Это стало возможным в условиях ослабления федерального центра, не имеющего на протяжении 1990-х годов рычагов давления на регионы. Последующие изменения, связанные с рецентрализацией и построением «вертикали власти», подтверждают этот тезис.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. Баскаев А. Республика уже в этом году достигнет бюджетной самодостаточности / А. Баскаев // Кабардино-Балкарская правда. — 1999. — № 218. — С. 2.
2. *Время ответственных* дел. Интервью с Е. А. Елисеевым // Кабардино-Балкарская правда [газета]. — 1989. — № 198. — С. 2.

3. Выборы 12.12.1993 — *Выборы* депутатов Федерального Собрания Российской Федерации 12 декабря 1993 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.cikrf.ru/banners/vib_arhiv/gosduma/1993/1993_itogi_FS.php (дата обращения 01.08.2024).
4. *Выступление* В. М. Кокова // Кабардино-Балкарская правда : [газета]. — 1991. — № 166. — С. 1—2.
5. *Главное достижение* — право народа на самоопределение и собственность // Кабардино-Балкарская правда : [газета]. — 1992. — № 66. — С. 1—2.
6. *Депутаты* Парламента Кабардино-Балкарской республики. Второй созыв. — Нальчик : Эль-Фа, 1998. — 177 с.
7. *Депутаты* Парламента Кабардино-Балкарской Республики. Первый созыв. — Нальчик : Эль-Фа, 1995. — 171 с.
8. *Договор РФ и КБР* «О разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти РФ и органами государственной власти КБР» // Кабардино-Балкарская правда : [газета]. — 1994. — 8 июля. — С. 1.
9. *Докшиков М. И.* Главная привилегия — ответственность за других / М. И. Докшиков. — Нальчик : Эль-Фа, 1998. — 197 с.
10. *Емузов А. Г.* Через годы и расстояния / А. Г. Емузов. — Нальчик : Тетраграф, 2015. — 644 с.
11. *Жирнов Е.* «Оказался политически гнилым» / Е. Жирнов // Коммерсантъ Власть : [газета]. — 2007. — № 3. — С. 62.
12. *Закон КБССР* «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного закона) КБССР в связи с учреждением поста Президента КБССР» // Кабардино-Балкарская правда : [газета]. — 1991. — № 192. — С. 1—2.
13. *Информационное сообщение* о пленуме Кабардино-Балкарского обкома КПСС // Кабардино-Балкарская правда : [газета]. — 1990. — № 169. — С. 1.
14. *Кабардино-Балкария передала* внутренние дела // Коммерсантъ : [газета]. — 2006. — № 47. — С. 4.
15. *Калмыков Ю. Х.* Повороты Судьбы: Воспоминания. Статьи. Интервью / Ю. Х. Калмыков. — Москва : Статус, 2003. — 368 с.
16. *Кимерлинг М.* Как менялись законодательные основы выборов глав субъектов России [Электронный ресурс] / М. Кимерлинг // ТАСС. — Режим доступа : <https://tass.ru/info/12514329> (дата обращения 01.08.2024).
17. *Коков В. М.* Дорогами реформ. Экономика и власть в условиях рыночных преобразований. (Статьи, интервью, выступления) / В. М. Коков. — Москва : Славянский диалог, 1998. — 383 с.
18. *Конституция КБР.* Принята Парламентом КБР в первом чтении 1 июля 1997 г. // Кабардино-Балкарская правда : [газета]. — 1997. — № 130. — С. 1.
19. *Мезоева И.* Заседание будет продолжено, хотя ряд вопросов получил разрешение / И. Мезоева // Кабардино-Балкарская правда : [газета]. — 1996. — № 187. — С. 1.
20. *О порядке принятия и вступления в силу поправок к Конституции Кабардино-Балкарской Республики* [Электронный ресурс] // Закон Кабардино-Балкарской Республики от 10 июля 1999 года N 26-РЗ. — Режим доступа : <https://docs.cntd.ru/document/802054157> (дата обращения 01.08.2024).
21. *О принципах и порядке разграничения* предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации : Федеральный закон Российской Федера-

ции от 24.06.1999 N 119-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1999. — № 26. — ст. 3176.

22. *Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов власти субъектов Российской Федерации* [Электронный ресурс] // Федеральный закон Российской Федерации от 06.10.1999 N 184-ФЗ. — Режим доступа : <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102062162> (дата обращения 01.08.2024).

23. *Обращение «Демократического движения Кабардино-Балкарии»* // Республика : [газета]. — 1991. — № 7. — С. 2.

24. Результаты 12.12.1993 — *Результаты выборов депутатов Государственной Думы по общефедеральному округу 12 декабря 1993 года* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.cikrf.ru/banners/vib_arhiv/gosduma/1993/1993_itogi_FS_obshefed_okrug.php (дата обращения 01.08.2024).

25. *Сводная таблица* Центральной избирательной комиссии Российской Федерации о результатах выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации третьего созыва [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://cikrf.ru/banners/vib_arhiv/gosduma/1999/files/1999-Svodnaya_CIK.xls (дата обращения : 01.08.2024).

26. *Сообщения окружных избирательных комиссий* о результатах выборов народных депутатов СССР по территориальным и национально-территориальным округам КБАССР, состоявшихся 26 марта 1989 года // Кабардино-Балкарская правда : [газета]. — 1989. — № 62. — С. 1.

27. *Третья сессия ВС КБАССР. Стенографический отчет* // Кабардино-Балкарская правда : [газета]. — 1991. — № 30. — С. 3.

28. *Тхагапсоев Х. Г. В круге времени* / Х. Г. Тхагапсоев. — Нальчик : Полиграфкомбинат им. Революции 1905, 2009. — 379 с.

29. ЦГА КБР — *Центральный государственный архив КБР*. Ф. Р-717. Оп. 4. Д. 14. — С. 1—7.

30. *Шкель Т. О чем мечтает президент Коков* / Т. Шкель // Кабардино-Балкарская правда : [газета]. — 2001. — 25 октября. — С. 1.

Литература

1. *Боров А. Х. Кабардино-Балкария на выборах 1990-х : поиск стабильности в нестабильной политической среде* / А. Х. Боров // Известия КБНЦ РАН. — 2016. — № 5. — С. 155—170.

2. *Боров А. Х. Региональный опыт политических трансформация в новейшей истории России : Кабардино-Балкарская Республика* / А. Х. Боров, К. Ф. Дзамихов, Х. Б. Мамсиров // Новейшая история России. — 2018. — Т. 8. — № 3. — С. 691—707. — DOI: 10.21638/11701/spbu24.2018.310.

3. *Боров А. Х. Современная государственность Кабардино-Балкарии : истоки, пути становления, проблемы* / А. Х. Боров, Х. М. Думанов, В. Х. Кажаров. — Нальчик : Эль-Фа, 1999. — 183 с.

4. *Вартумян А. А. Региональный политический процесс в современной России : динамика, тенденции, особенности* : диссертация ... доктора политических наук : 23.00.02 / А. А. Вартумян. — Москва, 2005. — 417 с.

5. *В тени насилия : уроки для обществ с ограниченным доступом к политической и экономической деятельности* / Д. Норт, Д. Уоллис, С. Уэбб, Б. Вайнгаст. Доклад. — Москва : Издательский дом Высшей школы экономики, 2012. — 48 с. — ISBN 978-5-7598-0968-5.

6. Карданова К. А. Миротворческая деятельность органов государственной власти Кабардино-Балкарской Республики по урегулированию осетино-ингушского конфликта / К. А. Карданова // Вестник Адыгейского государственного университета. — 2017. — Выпуск 3. — С. 58—64.
7. Конституционная реформа в Кабардино-Балкарской Республике / З. Л. Шагапсов, Ж. А. Тенгизова, А. В. Урумов, А. В. Хамуков. — Нальчик : Нальчикский филиал Краснодарского университета МВД России, 2011. — 407 с.
8. Литвинова Т. Н. Политические институты на Северном Кавказе в контексте развития российской государственности / Т. Н. Литвинова. — Саарбрюккен : LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. — 292 с. — ISBN 9783844359350.
9. Нечаев В. Региональные политические системы в постсоветской России / В. Нечаев // Pro et Contra. — 2000. — Т. 5. — № 1. — С. 80—95.
10. Тумов А. А. Тенденции и проблемы политического развития республик Северного Кавказа в постсоветский период : опыт Кабардино-Балкарии : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / А. А. Тумов. — Нальчик, 2020. — 345 с.
11. Шипилов В. И. История милиции Кабардино-Балкарии : этапы создания, становления и развития / В. И. Шипилов, С. В. Кузьмина. — Нальчик : Издательство М. и В. Котляровых, 2007. — 376 с. — ISBN 5-88195-672-9.
12. Шириков А. С. Анатомия бездействия : политические институты и конфликты в бюджетном процессе регионов России / А. С. Шириков. — Санкт-Петербург : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2010. — 276 с. — ISBN 978-5-94380-092-4.
13. Шорова М. Б. Национальный вопрос в общественно-политической жизни Кабардино-Балкарии (середина 1980-х — 1990-е гг.) : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / М. Б. Шорова. — Нальчик, 2010. — 206 с.
14. Blakkisrud H. Medvedev's New Governors / H. Blakkisrud // Europe-Asia Studies. — 2011. — Vol. 63. — № 3. — Pp. 367—395.
15. Derlugian G. Making and Breaking the Political Machine in Kabardino-Balkaria / G. Derlugian, S. Zhemukhov // Demokratizatsiya. The Journal of Post-Soviet Democratization. — 2013. — Vol. 4 — № 21. — Pp. 531—558.
16. Gelman V. Local Regimes, Sub-national Governance and the “Power Vertical” in Contemporary Russia / V. Gelman, S. Ryzhenkov // Europe-Asia Studies. — 2011. — Vol. 63. — № 3. — Pp. 449—465.
17. Golosov G. Gubernatorial Power in Russia / G. Golosov, M. Konstantinova // Problems of Post-Communism. — 2016. — Vol. 63. — № 4. — Pp. 241—252.
18. Golosov G. The Regional Roots of Electoral Authoritarianism in Russia / G. Golosov // Europe-Asia Studies. — 2011. — Vol. 63. — № 4. — Pp. 623—639.
19. Hough J. The Soviet Prefects : The Local Party Organs in Industrial Decision-Making / J. Hough. — Cambridge, MA : Harvard University Press, 1969. — 416 p. — ISBN 019626586X.
20. Lanzillotti I. Towards an Explanation of Intercommunal Peace in Kabardino-Balkaria : Post-War Nationalities Policy and Late Soviet Society in the North Caucasus / I. Lanzillotti // Europe-Asia Studies. — 2018. — Vol. 6. — № 70. — Pp. 942—965. — DOI: 10.1080/09668136.2018.1487680.
21. Rigby T. Political Elites in the USSR : Central and Local Cadres from Lenin to Gorbachev / T. Rigby. — Cheltenham : Edward Elgar Publishing, 1990. — 301 p.
22. Rochlitz M. Corporate Raiding and the Role of the State in Russia / M. Rochlitz // Post-Soviet Affairs. — 2014. — Vol. 30. — № 2. — Pp. 89—114.

23. *Sharafutdinova G.* Subnational Governance in Russia : How Putin Changed the Contract with His Agents and the Problems It Created for Medvedev / G. Sharafutdinova // *Publius*. — 2010. — Vol. 40. — № 4. — Pp. 672—696.

24. *Sharafutdinova G.* When Do Elites Compete? The Determinants of Political Competition in Russian Regions / G. Sharafutdinova // *Comparative Politics*. — 2006. — Vol. 38. — № 6. — Pp. 273—293.

25. *Stoner-Weiss K.* Central Weakness and Provincial Autonomy : Observations on the Devolution Process in Russia / K. Stoner-Weiss // *Post-Soviet Affairs*. — 1999. — Vol. 15. — № 1. — Pp. 87—106. — DOI: 10.1080/1060586X.1999.10641465.

*Статья поступила в редакцию 09.08.2024,
одобрена после рецензирования 08.10.2024,
подготовлена к публикации 05.11.2024.*

Material resources

Appeal of the “Democratic Movement of Kabardino-Balkaria”. (1991). *Republic: [newspaper]*, 7: P. 2. (In Russ.).

Baskaev, A. (1999). The Republic will achieve budgetary self-sufficiency this year. *Kabardino-Balkarian Truth*, 218: P. 2. (In Russ.).

Central State Archive of the CBD — *Central State Archive of the CBD. F. R-717. Op. 4. D. 14.* 1—7. (In Russ.).

Deputies of the Parliament of the Kabardino-Balkar Republic. The second convocation. (1998). Nalchik: El-Fa. 177 p. (In Russ.).

Deputies of the Parliament of the Kabardino-Balkar Republic. The first convocation. (1995). Nalchik: El-Fa. 171 p. (In Russ.).

Dokshokov, M. I. (1998). *The main privilege is responsibility for others.* Nalchik: El-Fa. 197 p. (In Russ.).

Elections 12.12.1993 — *Elections of deputies of the Federal Assembly of the Russian Federation on December 12, 1993.* Available at: http://www.cikrf.ru/banners/vib_arhiv/gosduma/1993/1993_itogi_FS.php (accessed 01.08.2024). (In Russ.).

Emuzov, A. G. (2015). *Through years and distances.* Nalchik: Tetragraf LLC. 644 p. (In Russ.).

Information message about the plenum of the Kabardino-Balkarian regional Committee of the CPSU. (1990). *Kabardino-Balkarian Pravda: [newspaper]*, 169: P. 1. (In Russ.).

Kabardino-Balkaria transferred internal affairs. (2006). *Kommersant: [newspaper]*, 47: P. 4. (In Russ.).

Kalmykov, Yu. Kh. (2003). *Turns of Fate: Memories. Articles. Interview.* Moscow: Status. 368 p. (In Russ.).

Kimerling, M. How the legislative bases of elections of heads of subjects of Russia have changed. *TASS.* Available at: <https://tass.ru/info/12514329> (accessed 01.08.2024). (In Russ.).

Kokov, V. M. (1998). *Roads of reforms. Economics and power in the context of market transformations. (Articles, interviews, speeches).* Moscow: Slavic Dialogue. 383 p. (In Russ.).

Mezoeva, I. (1996). The meeting will continue, although a number of issues have been resolved. *Kabardino-Balkarian Pravda: [newspaper]*, 187: P. 1. (In Russ.).

On the general principles of the organization of legislative (representative) and executive authorities of the subjects of the Russian Federation. (1999). *Federal Law of the Rus-*

- sian Federation № 184-FZ dated 06.10.* Available at: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102062162> (accessed 01.08.2024). (In Russ.).
- On the principles and procedure for the delimitation of subjects of competence and powers between the state authorities of the Russian Federation and the state authorities of the subjects of the Russian Federation: Federal Law of the Russian Federation dated 06/24/1999 N 119-FZ. (1999). *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 26: Article 3176. (In Russ.).
- On the procedure for the adoption and entry into force of amendments to the Constitution of the Kabardino-Balkarian “Republic”. (1999). *Law of the Kabardino-Balkarian Republic of July 10. № 26-FZ.* Available at: <https://docs.cntd.ru/document/802054157> (accessed 01.08.2024). (In Russ.).
- Reports of district election commissions on the results of the elections of People’s Deputies of the USSR in the territorial and national-territorial districts of the KBASSR, held on March 26, 1989. (1989). *Kabardino-Balkarian Pravda: [newspaper]*, 62: P. 1. (In Russ.).
- Results 12.12.1993 — *Results of the elections of deputies of the State Duma in the federal district on December 12, 1993.* Available at: http://www.cikrf.ru/banners/vib_arhiv/gosduma/1993/1993_itogi_FS_obshefed_okrug.php (accessed 01.08.2024). (In Russ.).
- Shkel, T. (2001). What President Kokov dreams. *Kabardino-Balkarian truth: [newspaper]*. October 25. P. 1. (In Russ.).
- Summary table of the Central Election Commission of the Russian Federation on the results of the elections of deputies of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation of the third convocation.* Available at: http://cikrf.ru/banners/vib_arhiv/gosduma/1999/files/1999-Svodnaya_CIK.xls (accessed 01.08.2024). (In Russ.).
- Thagapsoev, H. G. (2009). *In the circle of time.* Nalchik: Polygraph Combine named after Revolutions of 1905. 379 p. (In Russ.).
- The Agreement of the Russian Federation and the CBD “On the delimitation of subjects of competence and mutual delegation of powers between the state authorities of the Russian Federation and the state authorities of the CBD”. (1994). *Kabardino-Balkarian Pravda: [newspaper]*. July 8. P. 1. (In Russ.).
- The Constitution of the CBD. Adopted by the Parliament of the CBD in the first reading on July 1, 1997. (1997). *Kabardino-Balkarian truth: [newspaper]*, 130: P. 1. (In Russ.).
- The Law of the KBSR “On amendments and additions to the Constitution (Basic Law) of the KBSR in connection with the establishment of the post of President of the KBSR”. (1991). *Kabardino-Balkarian Pravda: [newspaper]*, 192: 1—2. (In Russ.).
- The main achievement is the right of the people to self-determination and property. (1992). *Kabardino-Balkarian Pravda: [newspaper]*, 66: 1—2. (In Russ.).
- The third session of the Supreme Council of the KBASSR. Verbatim report. (1991). *Kabardino-Balkarian Pravda: [newspaper]*, 30: P. 3. (In Russ.).
- Time of responsible affairs. Interview with E. A. Eliseev. (1989). *Kabardino-Balkarian Pravda [newspaper]*, 198: P. 2. (In Russ.).
- V. M. Kokov’s speech. (1991). *Kabardino-Balkarian truth: [newspaper]*, 166: 1—2. (In Russ.).
- Zhirnov, E. (2007). “Turned out to be politically rotten”. *Kommersant Vlast: [newspaper]*, 3. S. 62. (In Russ.).

References

- Blakkisrud, H. (2011). Medvedev's New Governors. *Europe-Asia Studies*, 63 (3): 367—395.
- Borov, A. H. (2016). Kabardino-Balkaria in the elections of the 1990s: the search for stability in an unstable political environment. *Izvestiya KBNTS RAS*, 5: 155—170. (In Russ.).
- Borov, A. H., Dumanov, H. M., Kazharov, V. H. (1999). *Modern statehood of Kabardino-Balkaria: origins, forms of formation, problems*. Nalchik: El-Fa. 183 p. (In Russ.).
- Borov, A. H., Dzamikhov, K. F., Mamsirov, H. B. (2018). Regional experience of political transformation in the modern history of Russia: Kabardino-Balkarian Republic. *Modern history of Russia*, 8 (3): 691—707. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2018.310. (In Russ.).
- Constitutional reform in the Kabardino-Balkarian Republic*. (2011). Nalchik: Nalchik branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 407 p. (In Russ.).
- Derlugian, G., Zhemukhov, S. (2013). Making and Breaking the Political Machine in Kabardino-Balkaria. *Demokratizatsiya. The Journal of Post-Soviet Democratization*, 4 (21): 531—558.
- Gelman, V., Ryzhenkov, S. (2011). Local Regimes, Sub-national Governance and the “Power Vertical” in Contemporary Russia. *Europe-Asia Studies*, 63 (3): 449—465.
- Golosov, G., Konstantinova, M. (2016). Gubernatorial Power in Russia. *Problems of Post-Communism*, 63 (4): 241—252.
- Golosov, G. (2011). The Regional Roots of Electoral Authoritarianism in Russia. *Europe-Asia Studies*, 63 (4): 623—639.
- Hough, J. (1969). *The Soviet Prefects: The Local Party Organs in Industrial Decision-Making*. Cambridge, MA: Harvard University Press. 416 p. ISBN 019626586X.
- In the shadow of violence: Lessons for societies with limited access to political and economic activity*. (2012). Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics. 48 p. ISBN 978-5-7598-0968-5. (In Russ.).
- Kardanova, K. A. (2017). Peacekeeping activities of state authorities of the Kabardino-Balkarian Republic to resolve the Ossetian-Ingush conflict. *Bulletin of the Adygea State University*, 3: 58—64. (In Russ.).
- Lanzillotti, I. (2018). Towards an Explanation of Intercommunal Peace in Kabardino-Balkaria: Post-War Nationalities Policy and Late Soviet Society in the North Caucasus. *Europe-Asia Studies*, 6 (70): 942—965. DOI: 10.1080/09668136.2018.1487680.
- Litvinova, T. N. (2011). *Political institutions in the North Caucasus in the context of the development of Russian statehood*. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing. 292 p. ISBN 9783844359350. (In Russ.).
- Nechaev, V. (2000). Regional political systems in post-Soviet Russia. *Pro et Contra*, 5 (1): 80—95. (In Russ.).
- Rigby, T. (1990). *Political Elites in the USSR: Central and Local Cadres from Lenin to Gorbachev*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing. 301 p.
- Rochlitz, M. (2014). Corporate Raiding and the Role of the State in Russia. *Post-Soviet Affairs*, 30 (2): 89—114.
- Sharafutdinova, G. (2010). Subnational Governance in Russia: How Putin Changed the Contract with His Agents and the Problems It Created for Medvedev. *Publius*, 40 (4): 672—696.
- Sharafutdinova, G. (2006). When Do Elites Compete? The Determinants of Political Competition in Russian Regions. *Comparative Politics*, 38 (6): 273—293.

- Shipilov, V. I., Kuzmina, S. V. (2007). *The history of the Kabardino-Balkaria militia: stages of creation, formation and development*. Nalchik: Publishing House of M. and V. Kotlyarov. 376 p. ISBN 5-88195-672-9. (In Russ.).
- Shirikov, A. S. (2010). *The anatomy of inaction: political institutions and conflicts in the budgetary process of the regions of Russia*. St. Petersburg: Publishing House of the European University in St. Petersburg. 276 p. ISBN 978-5-94380-092-4. (In Russ.).
- Shorova, M. B. (2010). *The national question in the socio-political life of Kabardino-Balkaria (mid-1980s — 1990s)*. PhD Diss. Nalchik. 206 p. (In Russ.).
- Stoner-Weiss, K. (1999). Central Weakness and Provincial Autonomy: Observations on the Devolution Process in Russia. *Post-Soviet Affairs*, 15 (1): 87—106. DOI: 10.180/1060586X.1999.10641465.
- Tumov, A. A. (2020). *Trends and problems of the political development of the republics of the North Caucasus in the post-Soviet period: the experience of Kabardino-Balkaria*. PhD Diss. Nalchik. 345 p. (In Russ.).
- Vartumyan, A. A. (2005). *Regional political process in modern Russia: dynamics, trends, features*. Doct. Diss. Moscow. 417 p. (In Russ.).

*The article was submitted 09.08.2024;
approved after reviewing 08.10.2024;
accepted for publication 05.11.2024.*

АВТОРАМ

Журнал «Научный диалог». ISSN 2225-756X, e-ISSN 2227-1295
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-86214 от 27.10.2023 г., Роскомнадзор
Издается с 2012 года. Языки публикации — русский, английский.
Включен в Перечень ВАК с 1 декабря 2015 года.
Индексируется в Scopus
Индексируется в Google Академия
Индексируется в РИНЦ (Российский индекс научного цитирования)
Включен в базу ERIH PLUS с 11 июня 2015 года (идент. номер 485900).
Размещается на платформах НЭБ (eLibrary), DOAJ, на сайте журнала.
Подписной индекс 29255 в Объединенном каталоге «Пресса России».
Обязательные экземпляры журнала отправляются в Российскую государственную библиотеку, Минцифры России.
Электронный адрес: nauka-dialog@mail.ru, editor@nauka-dialog.ru
Сайт: <http://www.nauka-dialog.ru/>

Перечень ВАК РФ

Область наук: Социальные и гуманитарные науки

Группы научных специальностей	Научные специальности
5.9. Филология	5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)
	5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки)
	5.9.3. Теория литературы (филологические науки)
	5.9.4. Фольклористика (филологические науки)
	5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)
	5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки)
	5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
	5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)
	5.6. Исторические науки
5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)	
5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки)	

Журнал «Научный диалог» — рецензируемое периодическое издание открытого доступа (open access), публикующее материалы гуманитарного профиля по двум научным областям — «ФИЛОЛОГИЯ» и «ИСТОРИЯ».

Тематика: Россия и мир в диалоге

- ✓ Русский мир: язык, литература, фольклор, история
- ✓ История зарубежья глазами русских исследователей
- ✓ Русский мир в окружении других культур: сопоставительные исследования
- ✓ Медиакоммуникации и журналистика: мир без границ
- ✓ Теория и методология исследований языка и литературы как пространство диалога разных научных традиций

Миссия журнала — организация диалога между национальными исследовательскими традициями в гуманитарных отраслях науки — исторической и филологической.

Задачи:

1) аккумуляция знаний о русской культуре через исследования языка, литературы и отечественной истории как основных маркеров идентичности в окружении других идентичностей;

2) обмен интерпретациями инокультурного текста: русская литература и история в интерпретации зарубежных коллег — и зарубежный литературный и исторический дискурс в трактовках русских исследователей;

3) представление наблюдений исследователей из разных стран за развитием медиа как фактором глобализации;

4) приглашение исследователей разных стран к презентации и обсуждению теорий, подходов, методик, приемов анализа языка, текста, дискурса, поскольку ввиду длительного периода замкнутого развития национальных научных традиций и школ накопились разночтения в выборе проблематики исследований, трактовках ключевых терминов, методических предпочтениях.

ИНСТРУКЦИИ ДЛЯ АВТОРОВ

Принимаются к рассмотрению (1) обзорные статьи, содержащие теоретические и статистические обобщения; (2) оригинальные статьи, в которых представлены результаты исследования эмпирического материала.

Все статьи, поступившие в редакцию, проходят внутреннее рецензирование (анализируются актуальность темы, новизна и оригинальность решений, доказательная база, строгость и однозначность выводов, оснащённость научным аппаратом, качество иллюстративного материала) и публикуются на основании заключения рецензента из числа членов редакционного совета журнала и решения главного редактора. Выполняется двойное слепое рецензирование (автор не знает рецензента; рецензент не знает автора). Если статья будет оценена как не соответствующая требованиям журнала, автор статьи оповещается о необходимости переработки статьи или об отказе в публикации.

Рецензирование статей проводится в срок не более **70** дней.

Средние сроки публикации 2—5 месяцев со дня поступления статьи.

Требования к оформлению

Файл объемом до 5000 слов (22 страницы).

Шрифт 14 Times New Roman, интервал 1,5.

Поля: левое — 3 см, остальные — 2 см. Абзацный отступ — 1,25 см.

Количество авторов не более трех.

Один автор может представить к рассмотрению две статьи в течение года.

Сведения об авторе и финансировании, благодарностях (кегель — 12 pt) по образцу:

Фамилия Имя Отчество

orcid.org/0000-0000-0000-0000

ученая степень, ученое звание

кафедра

mmm@mail.ru

Организация

(Город, Страна)

Благодарности:

Исследование выполнено

при финансовой поддержке Фонда,

проект № 00-000-00

Аннотация (шрифт 12 pt, 150 слов) должна включать короткие ясные предложения и точно отражать содержание статьи: проблему, цель, материал, подробнее всего — результаты.

Ключевые слова – шрифт 12 pt (4–6 слов или словосочетаний, разделенных точкой с запятой).

Англоязычные метаданные не готовятся автором.

Структурирование статьи: IMRaD

1. Введение = Introduction

Текст не менее 1 страницы. Описать научную проблему, степень ее исследованности, актуальность и новизну в сравнении со своими предшествующими и чужими исследованиями.

2. Материал, методы, обзор = Material, methods, review

Текст, 1—3 страницы. Описать используемые методы, процедуру анализа материала, представить методы, подходы, приемы других исследователей, обращавшихся к выбранной проблематике [Воркачев, 2004, с. 37; Зализняк и др., 2005, с. 156—157], [ОР РНБ, ф. 1148, д. 56, л. 5], [НКРЯ].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Текст 7—12 страниц.

3.1. Тематическое название раздела

Текст. Иноязычный материал снабжается переводами (рядом в скобках). Указывается: (здесь и далее перевод наш. — *И. Ф.*). Система оформления материала: слово *жизнь*, понятие «жизнь», концепт ЖИЗНЬ, лексико-семантическое поле «Жизнь».

3.2. Тематическое название раздела

Текст

3.3. Тематическое название раздела

Текст

4. Заключение = Conclusions

Текст 1—2 страницы.

Источники и принятые сокращения

(Словари, архивы, документы, газеты и другие СМИ).

ОПИСАНИЕ ЛИЧНОГО АРХИВА АВТОРОВ СТАТЬИ:

1. АА — *Архив* авторов.

ОПИСАНИЕ СЛОВАРЯ:

1. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. — Санкт-Петербург : Типография М. О. Вольфа, 1880—1882. Т. 1—4.

ОПИСАНИЕ ГАЗЕТНОЙ ПУБЛИКАЦИИ БЕЗ АВТОРА:

2. *В Британии* ответили на антироссийское заявление // *Правда* : [газета]. — 2004. — № 4. — С. 1.

ОПИСАНИЕ АРХИВА:

3. ГАСО — *Государственный архив* Свердловской области. Ф.Р1813 (Областное статистическое управление). Ф. Р1813. Оп. 1. Д. 227. Л. 84. Д. 518. Л. 20.

ОПИСАНИЕ ГАЗЕТНОЙ ПУБЛИКАЦИИ С АВТОРОМ:

4. *Ищенко Е.* На Колыму! / Е. Ищенко // *Колымская правда* : [газета]. — 1994. — № 4 (18). — С. 2.

ОПИСАНИЕ КОРПУСА – ЭЛЕКТРОННОГО РЕСУРСА:

5. НКРЯ — *Национальный корпус* русского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.ruscorgora.ru> (дата обращения: 16.01.2022).

ОПИСАНИЕ ДОКУМЕНТА:

6. *Об образовании* в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федеральный закон Российской Федерации от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 02.03.2016). — Режим доступа : <http://www.assessor.ru/zakon/273-fz-zakon-ob-obrazovanii-2013>.

ОПИСАНИЕ АРХИВА:

7. ОР РНБ — *Отдел* рукописей Российской национальной библиотеки.

Ф. 1148. Д. 56. Гревс И. М. Очерки развития средневековой культуры.

Ф. 1148. Д. 56. Гревс И. М. Очерки развития средневековой культуры.

ОПИСАНИЕ СЛОВАРЯ:

8. СРНГ — *Словарь* русских народных говоров. — Москва ; Ленинград : Наука, 1965—. — Вып. 1—.

ОПИСАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОГО ЭЛЕКТРОННОГО РЕСУРСА:

9. BNC — *British National Corpus* [Electronic resource]. — Access mode : <http://www.natcorp.ox.ac.uk/> (accessed 16.01.2022).

Литература

(Научные исследования:

не менее 15 позиций в алфавитном порядке;

если статья имеет номер DOI, то нужно приводить идентификатор;

автор может сослаться не более чем на две своих работы;

следует опираться на научную литературу, а не на учебники;

должны присутствовать публикации последних десятилетий;

рекомендуется цитировать и зарубежные публикации, их можно найти в базах:
<https://www.sciencedirect.com/>
<https://erih.dimensions.ai/discover/publication>
<https://doaj.org/>
<https://mjl.clarivate.com/home>
сначала располагается русскоязычная литература, затем англоязычная).

ОПИСАНИЕ КНИГИ:

1. *Воркачев С. Г.* Счастье как лингвокультурный концепт / С. Г. Воркачев. — Москва : Гнозис, 2004. — 192 с. — ISBN 5-94244-002-6.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ В ЖУРНАЛЕ С УКАЗАНИЕМ DOI:

2. *Гадомский А. К.* Лексикографическое описание терминологии теолингвистики (на примере русского и польского языков) / А. К. Гадомский // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. — 2018. — № 17 (1). — С. 17—28. — DOI: 10.15688/jvolsu2.2018.1.2.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ В СБОРНИКЕ:

3. *Зализняк А. А.* Счастье и наслаждение в русской языковой картине мира / А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев // Ключевые идеи русской языковой картины мира. — Москва : Языки славянской культуры, 2005. — С. 153—174. — ISBN 5-94457-104-7.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ В ЖУРНАЛЕ:

4. *Иоанесян Е. Р.* Удовольствие : способы номинации в языке / Е. Р. Иоанесян // Вопросы психолингвистики. — 2017. — № 3 (33). — С. 156—169.

ОПИСАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ:

5. *Орлов Э. Д.* Литературный быт 1880-х годов : творчество Чехова и авторов «малой прессы» : диссертация ... кандидата филологических наук / Э. Д. Орлов. — Москва, 2014. — 234 с.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ ЧЕТЫРЕХ И БОЛЕЕ АВТОРОВ В ЖУРНАЛЕ:

6. *Содержание* понятия «эффективность образования» в контексте инклюзивных тенденций современной школы / И. С. Самохин, М. Г. Сергеева, Н. Л. Соколова, Е. А. Марченко // Научный диалог. — 2018. — № 1. — С. 278—288.

ОПИСАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ СТАТЬИ В ЖУРНАЛЕ:

7. *Lakoff G.* Hedges : A study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts / G. Lakoff // Journal of Philosophical Logic. — 1973. — Vol. 2. — No. 4. — Pp. 458—508.

ОПИСАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ КНИГИ:

8. *Makuchowska M.* Od wrogów do braci. Posoborowe zmiany w dyskursie Kościoła katolickiego / M. Makuchowska. — Opole : UO, 2011. — 496 p. — ISBN 978-83-7395-431-1.

Material resources и References

НЕ ЗАПОЛНЯТЬ.

АВТОРЫ НЕ ДЕЛАЮТ СПИСОК ПО ЗАРУБЕЖНЫМ СТАНДАРТАМ.

СПИСОК ГОТОВИТСЯ СИЛАМИ РЕДАКЦИИ В СЛУЧАЕ ПРИНЯТИЯ СТАТЬИ.

Внутритекстовые ссылки приводятся в квадратных скобках, где указывается фамилия автора, год издания статьи или книги и, если приводится цитата, то страница или диапазон страниц, например [Поланин, 2004, с. 47] или [Поланин, 2004, с. 47–48]. Если указывается источник (словарь, архив и др.), то в ссылке указывается сокращенное наи-

менование источника, номер тома (если есть) и страница (если есть), например: [СРНГ, т. 8, с. 75] или [ФСРС, с. 7] (при этом сокращения должны быть указаны в списке источников). Если даются ссылки на несколько работ, то фамилии авторов приводятся в алфавитном порядке через точку с запятой: [Егоров, 1983, с. 213–218; Капитонова, 1991, с. 83]; в случае, если это работы одного автора, они перечисляются в хронологическом порядке: [Истрин, 1984; Истрин, 1997]. При наличии авторов-однофамильцев после фамилии приводятся инициалы. Если встречаются ссылки на две или несколько работ одного автора, опубликованные в одном и том же году, они приводятся с буквенным маркером около цифры, обозначающей год: [Иванов, 2001a; Иванов, 2001б]. Если авторов двое или трое, то упоминается только фамилия первого автора, а вместо фамилий остальных пишется «и др.» – в случае русскоязычного источника, «et al.» – в случае с источником на английском языке. Если авторов больше трех, а также если приводится ссылка на сборник, то дается первое слово названия либо два первых слова, если они логически связаны (с многоточием), далее год и страницы (если необходимо), например: [Микрофлора ..., 1994], [Методика расчета ..., 2007, с. 17].

Цитаты обязательно снабжаются указанием на номер страницы.

Автор направляет статью через «Личный кабинет» на сайте журнала. Условия публикации размещаются на сайте журнала <http://www.nauka-dialog.ru/>. Справку можно получить по тел. (343)3458984, 89120458984.

Каждая статья, опубликованная в журнале «Научный диалог» с 2017 года, имеет идентификатор DOI. Пожалуйста, если в своих последующих статьях, направляемых в любые другие журналы, Вы будете цитировать свою статью или делать ссылку на любые другие опубликованные в нашем журнале статьи, то **УКАЗЫВАЙТЕ** номера DOI этих статей (образец оформления выходных данных статьи с номером DOI см. в начале каждой статьи).

CONTENTS

LINGUISTICS

<i>Bizhoeff, B. Ch., Khezheva, M. R.</i> Types of Plurality and Their Representation in Kabardian-Circassian Language	9
<i>Bitkeeva, A. N., Goryacheva, M. A., Kirilenko, S. V.</i> Functional Distribution of Chechen Language in Chechen Republic: Findings from Field Research (2022–2023).	29
<i>Golomidova, M. V.</i> Northern “Mosaic”: Territorial Identity in Toponyms of Northern Cities in Ural Federal District	56
<i>Komogortseva, S. V., Ignatovich, T. Yu.</i> Linguistic Profile of an 18th Century Transbaikal Military Official: A Reconstruction from Regional Documentation	72
<i>Kuznetsova, N. V., Pochtareva, O. V.</i> Connector Structure “A + Generalization Marker”: Semantics and Textual Role	90
<i>Melgunova, A. V.</i> Functions of Compounding in German Translation of Vladimir Nabokov’s “King, Queen, Knave”: A Comparative Analysis with Russian and English Versions	110
<i>Palashevskaya, I. V.</i> Language and Cultural Values: Ultraliberal Transformations	129
<i>Rabenko, T. G., Denisova, E. S., Chardyntseva, A. D.</i> Communicative-Pragmatic Properties of Addressing in Virtual Pedagogical Discourse: Insights from School Chats	149
<i>Wu Quanming, Gorban, O. A.</i> Russian Phraseological Units with Zoonyms: Aspects of Comprehensive Description (A Case Study of Expressions Featuring Zoonym ‘volk’ [Wolf])	169

MEDIA COMMUNICATIONS AND JOURNALISM

<i>Igaeva, K. V., Nikolai, F. V.</i> Mediatization of Communicative Memory and Crisis of Critical Thinking in Digital Age	189
<i>Menemshyan, A. R., Martirosyan, N. N., Danielyan, T. R.</i> Conversion of Epic Works into Media Texts: Animated Film “Daredevils of Sassoun”	206
<i>Radiontseva, E. S.</i> Engineering Media Texts with High Dialogic Potential	221

LITERARY STUDIES. FOLKLORE

<i>Zhdanov, A. S.</i> Travesty of Urban Little Russia in Travelogue “Famous Drums Beyond Mountains, or My Journey Somewhere in 1810” by I. M. Dolgorukov	239
<i>Timakova, A. A.</i> From Antiquity to Renaissance: Poetic Translation in Pages of “Russian Messenger”	269
<i>Tomberg, O. V., Kosareva, A. A.</i> Harlequinade Grotesque in Raymond Queneau’s Novel “My Friend Pierrot” (1942)	288

Filatov, A. V. Transformation of Celestial Imagery in Artistic and Ego-Documentary
Texts of Nikolai Gumilev During World War I..... 303

HISTORY

Antyukhova, E. A., Alferova, I. V. Resignation of Foreign Minister S. D. Sazonov:
Public Diplomacy in Context of World War I..... 320

Akhmadullin, V. V. Evolution of Primary and Secondary Education System in
Kingdom of Saudi Arabia (Early 20th Century — 21st Century). 341

Vorobyeva, E. A. Constructing and Visualizing Enemy Image in Russia During
Russo-Japanese War (1904-1905)..... 355

Darchieva, S. V. Elections to All-Russian Constituent Assembly in Terek Region:
March — December 1917..... 379

Zaparyi, V. V., Zaytseva, E. V. Ural Region’s Contribution to Reconstruction
of Belarus’s Economy in 1944–1950s 399

Kulikov, S. V. “Paths of Monarchical Mercy”: Judicial Powers of Monarch and
Constitutional Reform of 1906 418

Lakhionova, E. S. Project of Museum of History of Science and Technology in
Chelyabinsk as a Means of Preserving Industrial Heritage in Urals during 1980s 440

Naumenkova, E. O. Rise of Women’s Social Activism in Britain During 1890s as a
Dimension of Women’s Movement 460

Samokhin, K. V. Assassination of Alexander II in Cases of Insulting Majesty
(Material from Tambov Province). 480

Sidorenko, L. V. George III and American Revolution: Counter-Revolutionary
Leader or Defender of British Constitution? 500

Tumov, A. A. Subnational Presidency in 1990s Russia: Transformation of Head
of Kabardino-Balkaria 520

TO AUTHORS 542

